
3 1761 08106724 1

1895
10.

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

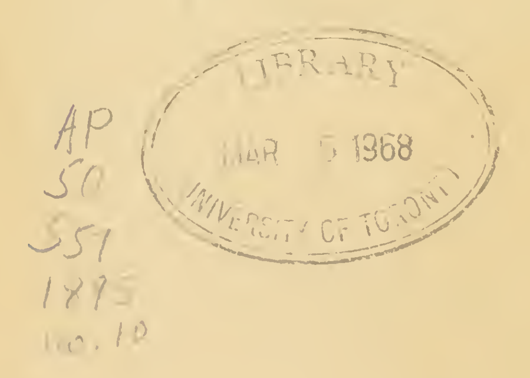
ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Октябрь № 10.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Невскій просп., 8.
1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 сентября 1895 года

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Миссъ Май.

I.

Какъ-то незадолго до Пасхи лакей Тихонъ встрѣтилъ молодого барина, вернувшагося изъ города съ особенно мрачнымъ видомъ. Тихонъ былъ привезенъ Андреемъ изъ Москвы и до сихъ поръ не могъ освоиться ни съ малороссами, ни съ ихъ волами, ни съ ихъ говоромъ, ни съ бѣлымъ, снѣжнымъ затишьемъ хутора Вишняковъ зимой. Изъ Вишняковъ, впрочемъ, и самъ баринъ, какъ ни любилъ мамашу, Домну Ниловну Шарвенко, все чаще сталъ уѣзжать въ ближній городъ. Тихонъ опасался было, что молодой баринъ возьметъ въ свои руки хозяйство и поселится въ Вишнякахъ, о чемъ поговаривали, но баринъ вышелъ не изъ такихъ.

Андрей давно привыкъ къ черствой и унылой физіономіи своего слуги, но на этотъ разъ необычно похоронный видъ, мрачный и торжественный, поразилъ его. Тихонъ былъ рыжеватъ, худощавъ, безъ усовъ и бороды, съ длиннымъ и тонкимъ носомъ, не лишенъ пріятности, хотя казался слишкомъ сосредоточеннымъ, будто рѣшающимъ всегда ариѳметическую задачу.

Позднѣе вечеромъ, ложась спать, Андрей спросилъ Тихона, который, хотя и молчалъ, какъ убитый, однако не уходилъ изъ спальни:

— Что съ тобой случилось? Ты какой-то мертвый.

— Я мертвый?

— Ну да, ты. Что съ тобой опять?

— Я, Андрей Николаичъ, давно просилъ меня отпустить, какъ эти мѣста мнѣ недостаточно нравятся...

— Что-же ты въ Москву поѣдешь?

— Я не къ тому сказалъ, что въ Москву ѣду, я такъ сказалъ, что у меня давно было предчувствіе эти мѣста покинуть. А къ этому

предчувствію я отнесся безъ вниманія—и за то теперь принужденъ и помышленіе о Москвѣ бросить.

— Да говори толкомъ! Что съ тобой?

— Я женюсь, Андрей Николаичъ, вотъ что со мной... Я тоже жениться надумалъ.

Андрей расхохотался.

— Ну ужъ это ты, Тихонъ, изъ подражанія. Я женюсь—такъ и ты тоже. На комъ ты?

— На Василисѣ, на прачкѣ...

Тихонъ произнесъ это гробовымъ голосомъ, точно объявлялъ, что Василиса умерла въ страшныхъ мученіяхъ.

— Это пѣвунья, кажется? Бѣлокурая такая, круглолицая, еще рябая немножко? И волосы гладкіе?

— Да, она. Поетъ-то она звонко.

И вдругъ, оживясь, Тихонъ произнесъ съ внезапной злобой:

— И какой это обычай у нихъ пакостный! Только что я ей открылся, порѣшили тамъ, когда обрученіе, когда что—сейчасъ она напялила себѣ на голову огромаднѣйшіе розаны бумажные, вокругъ головы на аршинъ, ей Богу. Такъ и ходитъ рогатая. Говорилъ—эй, Василиса, сними! Слышать не хочетъ. У нихъ невѣсты и по году такъ ходятъ.

— Она тебѣ нравится, что-ли? Какъ-ты вздумалъ? спросилъ Андрей.

— Она? Она мнѣ нравится. Мы ужъ давно валандаемся. Почему-жъ не жениться? Славная жена будетъ.

Андрею вспомнилось, что онъ этими-же словами подумалъ о Катѣ, когда въ первый разъ ему пришла ясная мысль, что они могутъ обвѣнчаться. Теперь уже все было рѣшено. Осенью Андрею обѣщали—хорошее для начала—мѣсто въ городѣ. Жить въ Вишнякахъ и заниматься сельскимъ хозяйствомъ—Андрей чувствовалъ себя пока неспособнымъ. Онъ только что кончилъ университетъ въ Москвѣ, гдѣ всѣ четыре зимы прожилъ тихо и скромно. Товарищи считали его не то романтикомъ, идеалистомъ, не то просто рохлей, и во всякомъ случаѣ человѣкомъ не общительнымъ. Онъ никого не чуждался, но ни съ кѣмъ особенно и не сблизился. Онъ радъ былъ окончить курсъ и уѣхать въ провинцію, на хуторъ, гдѣ родился и выросъ, заниматься хозяйствомъ или служить, если хозяйство не пойдетъ. Да и лучше служить: Вишняками занята мать, здоровая, дѣятельная, еще молодая. Домна Ниловна одна выростила сына, рано овдовѣвъ. На все у нея были опредѣленные взгляды, обо всемъ свои здравыя и точныя понятія. Въ Вишнякахъ она даже управляющаго не держала, входя сама и въ мелочи хозяйства. Андрей былъ у нея одинъ и потому она, въ любви къ нему, еще проявляла иногда слабость—но и относительно сына у нея

имѣлись свои планы. И все шло прекрасно. Андрею едва минуло двѣнадцать лѣтъ, когда Домна Ниловна стала засматриваться на пухленькую Катюшу, дочку своей троюродной сестры, думая, какая славная жена выйдетъ съ годами изъ этой аккуратной дѣвочки для Андрюши. Каждое лѣто Катенька гостила въ Вишнякахъ. Незамѣтно для себя Андрей привыкъ смотрѣть на нее, какъ на будущую жену. Когда онъ кончилъ университетъ — все рѣшилось точно само собою, къ общему удовольствію. Прошлое лѣто они были уже обручены и провели вмѣстѣ женихомъ и невѣстой. Катя, крѣпкая, черноглазая, свѣжая и добрая, понимала толкъ въ хозяйствѣ, какъ тридцатилѣтняя, хотя ей минуло восемнадцать —и вся вообще нравилась Андрею. На правахъ жениха онъ всюду, гдѣ было возможно, цѣловалъ ее и находилъ, что у нея удивительно мягкія и пріятныя для поцѣлуя губы. Но свадьбу неожиданно отложили по случаю болѣзни Катиной матери. Катя должна была уѣхать въ Крымъ, откуда писала Андрею милыя, дѣтски-серьезныя, даже наставительныя письма, какъ пишетъ очень молоденькая и благоразумная дѣвушка своему жениху. Потомъ мать Кати умерла. Изъ имѣнья дяди, ея попечителя, Катя должна была окончательно пріѣхать въ Вишняки только весною, а въ концѣ лѣта назначили свадьбу.

Жизнь Андрея входила въ колею мирной, сладостной и удобной тишины. И онъ отдавался теченію и говорилъ себѣ, что радуется этимъ годамъ спокойствія, которые ему предстоятъ, и что онъ всегда этого въ сущности и желалъ.

Лакей Тихонъ, со своимъ мрачнымъ и молчаливымъ протестомъ, врагъ деревенскаго довольнаго спокойствія, какъ-то смущалъ Андрея. И потому теперь, когда выяснилось, что Тихонъ женится, пріобрѣтаетъ осѣдлость, поступаетъ такъ-же, какъ его баринъ, — Андрей почувствовалъ немалое удовольствіе.

И на другой день утромъ, придя пить чай въ низенькую теплую столовую, онъ поцѣловалъ мать въ щеку и весело сказалъ:

— Знаешь, мамаша, а вѣдь мой Тихонъ женится!

Домна Ниловна удивленно приподняла брови и не улыбнулась. Ея загорѣлое, еще не старое лицо было всегда озабочено. Одѣвалась она въ просторныя кофты изъ темнаго ситца и говорила твердо, какъ хохлушка.

— Ой, да что ты! произнесла она. Тихонъ? Да кто за него, за такого, пойдетъ?

— Напрасно вы, мама. Онъ вовсе не дуренъ. Чѣмъ онъ дуренъ? А идетъ за него Василиса прачка.

— Василиса? Это щербатенькая-то? Вотъ-то дура! Я смотрю вчера—она въ цвѣтахъ! Хотѣла спросить, за кого идетъ, да позабыла какъ-то. За Тихона! Нечего сказать! Этакая дивчина славная! Пѣвунья! Подумаешь—голосъ какой!

— Мамаша, вы Тихона понапрасну обижаете. Онъ прекрасный, честный, только серьезный немного, такъ вѣдь это-же не плохо.

— Не плохо? Какой тебѣ тамъ къ бѣсу серьезный! Не серьезный онъ, а точно все у него что-то на умѣ: думаетъ, думаетъ — и ужъ всегда такое выдумаетъ, что и не приснится никому. Я Тихона твоего, Андрюша, а особенно фантазій этихъ его—боюсь. Вотъ ей Богу же боюсь. И зло у меня на него, и страхъ. А кажется никогда трусихой не была.

Андрюша улыбнулся.

Привезли почту. Пришло письмо отъ Кати къ Домнѣ Ниловнѣ: Катя извѣщала, что можетъ пріѣхать не раньше апрѣля; что съ ней пріѣдутъ тетя Варвара Дмитріевна, и Степанида Дмитріевна, и кузины; что Ваничка съ Егоромъ Кузьмичемъ, можетъ быть, пріѣдутъ раньше; кланялась Андрюшѣ и просила извиненія, что не пишетъ ему сегодня,— ей некогда.

Андрей нисколько не обидѣлся, онъ зналъ, что Катя человѣкъ занятой и не любитъ тратить времени на пустяки, на письма. Напишетъ въ другой разъ. Къ тому-же они такъ скоро увидятся — до апрѣля всего нѣсколько недѣль, онѣ пролетятъ незамѣтно...

И онѣ, точно, пролетѣли незамѣтно.

II.

Фруктовый садъ въ Вишнякахъ одной стороной выходилъ на широкій дворъ усадьбы, а другой—примыкалъ къ лѣсу и проѣзжей дорогѣ. Теперь, въ концѣ апрѣля, садъ стоялъ незапертый—тамъ только что облетали цвѣты грушъ, яблонь и черешенъ, сгоняемые съ вѣтокъ жирными, быстро ростущими, точно лакированными листьями. Андрей цѣлый день проходилъ въ лѣсу и, вернувшись ближней дорогой, черезъ фруктовый садъ, медленно растворилъ калитку во дворъ—и остановился. Ему не хотѣлось домой и теперь. Сумерки были особенно нѣжныя, ласковыя и свѣжія. Просторный дворъ, поросшій травой, первой, короткой и яркой, казался пустыннымъ. Направо и налѣво сѣрѣли службы—амбары, ледникъ...

Домъ раскинулся во всю ширину двора, прямо противъ фруктоваго сада. Длинный и низкій, съ пристроечками, крылечками и балкончиками, онъ походилъ теперь въ потемнѣвшемъ воздухѣ на черную фигуру громаднаго животнаго, прилегшаго отдохнуть. Ночь надвигалась быстро и близко. Только вверху небо еще голубѣло, блѣднѣя, свѣтлое, вольное и, казалось, именно оттуда спускалась прохлада на землю. Андрей вспомнилъ, что въ дѣтствѣ няня, на его вопросы, почему къ вечеру дѣлается холоднѣе, отвѣчала, что это отъ крыльевъ серафимовъ вѣетъ

прохлада, у нихъ крылья большія, длинныя и свѣжія, а послѣ заката серафимы всегда пролетаютъ съ одного края неба на другой.

Андрей невольно посмотрѣлъ въ небо, и ему почудилось, что вотъ именно теперь должны пролетать длиннокрылые серафимы.

Какъ разъ у забора, во дворѣ, стояла узенькая деревянная скамеечка для сторожа. Андрей опустился на нее, снялъ шляпу и задумался. Онъ самъ не зналъ, что съ нимъ сегодня. Весна дурно дѣйствуетъ на него. Ему не нравилась эта безпричинная грусть и тоска—теперь, когда все такъ хорошо: Катя пріѣхала, они встрѣтились—будто вчера разстались, она попрежнему любитъ его, онъ тоже, онъ повсюду, гдѣ только можно, цѣловалъ ее—у нея такія полныя, мягкія губки... И какая она милая! Мѣсто въ губернскомъ городѣ обѣщано навѣрно. Славно они заживутъ—вѣдь они всегда были точно родные, и лучше Кати ему и не выдумать жены...

И Андрей сердился на себя и не постигалъ, почему ему иногда грустно, больно до слезъ, почему онъ съ утра сегодня ушелъ изъ дому и все бродилъ по лѣсу почти безъ мыслей, только смотрѣлъ, какъ теплый воздухъ дрожитъ и струится на солнцѣ между полуголыми вѣтвями деревьевъ, да изъ подъ прошлогоднихъ листьевъ поднимаются бѣлые, робкіе цвѣты...

Совсѣмъ стемнѣло. Кое-гдѣ въ окнахъ, въ пристройкахъ зажгли огни. Въ лѣвомъ флигелѣ особенно ярко освѣтили; тамъ двигались какія-то фигуры, Андрей не могъ разглядѣть черезъ дворъ—чьи, и слышался говоръ. Потомъ говоръ замолкъ, только рѣдкій и правильный звукъ тяжелаго катка нарушалъ тишину.

Андрей вспомнилъ, что въ лѣвомъ флигелѣ была прачешная и потому нисколько не удивился, когда, подъ мѣрный стукъ, два женскихъ голоса начали пѣсню. Василиса, невѣста Тихона, также какъ и другая прачка, Поля, считались первыми пѣвуньями на хуторѣ. У Василисы, миловидной и низкорослой, съ голубоватыми выпуклыми глазами, голосъ былъ высокій, звонкій и легкій, съ красивыми переливами. Пелагея, дѣвушка рослая, даже слишкомъ рослая, смуглая, съ лицомъ почти некрасивымъ, грубымъ, но особенно гордымъ и выразительнымъ—пѣла низкимъ контральто. Ничего не могло быть пріятнѣе этого густого и мягкаго голоса, полнаго, слишкомъ широкаго, какъ весенняя рѣка. Обѣ, Василиса и Поля, часто пѣли вмѣстѣ, какъ теперь.

Темная фигура мелькнула на дворѣ и гдѣ-то исчезла въ тѣни, за выступающимъ угломъ прачешной.

— Вѣрно опять Тихонъ слушаетъ, какъ невѣста поетъ,—подумалось Андрею.—А пожалуй у Поли голосъ пріятнѣе.

Онъ невольно вслушался въ слова пѣсни. Каждая нота и каждое слово были слышны.

Ни Поля, ни Василиса не любили своихъ деревенскихъ, чисто-малорусскихъ пѣсенъ, гдѣ сама пѣвица не разбираетъ словъ и гдѣ непремѣнно мотивъ оканчивается однообразной высокой нотой. Ихъ пѣсни были не то городскія, не то неизвѣстно откуда занесенныя, особенно выразительныя и съ понятными словами, хотя порою неумѣло сложенныя:

Теперь онѣ пѣли:

Никто меня не пожалѣетъ
И никому меня не жаль.
Никто унынья моего не знаетъ
И не съ кѣмъ раздѣлить печаль.

Напѣвъ былъ почти надгробный, острый и медленный, проникающій насквозь, какой-то безпощадный.

Никто унынья моего не знаетъ...

Андрей почувствовалъ, что глаза его наполнились нежеланными слезами. Онъ не зналъ, о чемъ плачетъ, — и оттого ему было еще тяжелѣе.

Прошло нѣсколько мгновеній. Онъ всталъ, провелъ рукой по лицу и гладко остриженнымъ волосамъ—и пошелъ черезъ дворъ.

III.

Дойдя до крыльца, Андрей вдругъ остановился, задумался—и свернулъ въ сторону, чтобы обогнувъ усадьбу, попасть въ паркъ, который тянулся по ту сторону дома и спускался къ самому пруду.

Справа полукругомъ шелъ рядъ остроконечныхъ тополей. Большая бѣлая луна поднялась надъ ними и освѣтила ихъ мертвыми лучами.

Безмолвные тополи, черные при лунѣ, всегда напоминали Андрею какую-то страшную картинку, видѣнную имъ въ дѣтствѣ: такъ-же бѣлѣла большая луна и таинственно и остро поднимались тополи.

Андрей шелъ безъ цѣли, почти безъ мысли. Въ одномъ мѣстѣ его охватилъ на минуту теплый ароматъ только что распускающейся черемухи. Потомъ струя сырого воздуха, пахнущаго глубокой водой и травами, донеслась отъ пруда. Андрей шелъ дальше. Въ травѣ кузнечики стонали пронзительно, хотя шепотомъ. Какая-то птица закричала, перелетая черезъ прудъ. Соловей началъ неумѣлыя трели, но самъ удивился и замолкъ.

Вдругъ раздались веселые и молодые голоса. Цѣлая компанія приближалась. Андрей, безотчетно желая избѣгнуть встрѣчи, шагнулъ въ мокрую траву и спрятался за стволъ.

— Это наши, Оля, Катя... Да, да. И Ваня съ ними... И Лидочка...

Барышни громко смѣялись. Это была все своя семья, родственники и родственницы. Всѣ носили трауръ по случаю недавней смерти Катиной матери. Въ черныхъ платьяхъ онѣ были такъ похожи одна на другую, что Андрей не сразу отличилъ свою невѣсту среди веселой толпы. Но за то онъ замѣтилъ съ удивленіемъ незнакомую ему женскую фигуру, очень высокую, одѣтую въ бѣлое.

Она прошла близко отъ Андрея, онъ даже видѣлъ, какъ не живой свѣтъ мѣсяца скользнулъ по волнующейся ткани ея платья, когда тѣнь отъ тополей перестала мѣшать, но лица разглядѣть было нельзя.

Андрей проводилъ глазами черную толпу, невольно слѣдя за бѣлымъ пятномъ, которое одно, казалось, приняло въ себя все мѣсячное сіянье. Потомъ онъ вышелъ на дорожку, подумалъ и, медленно переступая, направился къ дому.

IV.

Яркій свѣтъ лампы въ столовой ослѣпилъ Андрея. Вся семья была въ сборѣ, пили вечерній чай. Катя вскочила съ мѣста и вскрикнула:

— Андрюша! Наконецъ-то! Куда это ты пропалъ? Мы такъ безпокоились!

— Стыдись, батюшка,—прибавила Домна Ниловна,—цѣлый день тебя нѣтъ, хоть-бы сказалъ, куда идешь, до города, или до попа, или куда... Мы что и думать не знали...

Андрей немного смутился.

— Нѣтъ, я такъ... У меня голова болѣла... Я хотѣлъ на воздухъ...

— Да вѣдь ты не обѣдалъ! Катюша, вели ему подать телятины! А тутъ тетенька Анна Ильинишна пріѣхала!

Андрей разсѣянно слушалъ заботливыя слова матери и невѣсты и возгласы многочисленныхъ кузинъ. Онъ съ первой минуты искалъ и соображлъ, кто могла быть дама въ бѣломъ, которую онъ видѣлъ въ паркѣ. Но кругомъ стола всѣ кузины, наперечетъ, сидѣли въ своемъ траурѣ. Гдѣ-же та, которая сейчасъ вошла въ домъ?

Услыхавъ о пріѣздѣ тетушки Анны Ильинишны, онъ слегка оживился.

— Когда пріѣхала? Сегодня? А гдѣ-жъ она?

— Ты-бы еще позднѣе пришелъ. У себя. Она человѣкъ нездоровый, рано ложится. Завтра увидишь.

Неужели это была тетушка Анна Ильинишна въ бѣломъ? Не можетъ быть. Тетушка низенькая и очень полная, къ тому-же и не пойдетъ вечеромъ гулять по сырости.

Андрею хотѣлось спросить Катю, кто былъ съ ними въ саду, но потомъ показалось, что никакъ невозможно спросить, по крайней мѣрѣ

онъ не спроситъ. Пусть лучше это такъ остается. Пусть само выяснится. Не надо этого трогать.

Андрей машинально ѣлъ — все, что передъ нимъ поставили, и разсѣянно и печально молчалъ. Кузины тоже замолкли. Катя, очень миловидная, темноволосая дѣвушка, хорошо сложенная, полная и широкая, хотя не крупная, съ добрымъ ртомъ и короткими, пухлыми пальчиками — смотрѣла на Андрея, не отрываясь. Въ карихъ глазахъ ея было и обожаніе, и самодовольство — и все это спокойное, умѣренное и вѣрное.

Свѣтъ лампы слегка золотилъ блѣдные волосы Андрея, остриженные коротко, щеточкой. Андрей имѣлъ тонкое, очень длинное тѣло, удивительной красоты руки съ розовыми продолговатыми ногтями. Голова по росту казалась слишкомъ маленькой, черты лица были мелкія, пріятныя, женственно-безсильныя, носъ правильный и нѣжный. Надъ верхней губой вились очень свѣтлые, пепельные усики. Несмотря на слегка болѣзненную блѣдность и оттого безцвѣтность утомленнаго лица, его можно-бы назвать красивымъ — и многія изъ кузинъ завидовали Катѣ. Сама Катя искренно и спокойно считала себя счастливой.

Когда встали изъ-за стола, Андрей поспѣшно поцѣловалъ руку матери и постарался никѣмъ незамѣченный скрыться въ свою комнату.

Комната его выходила на огибавшій усадьбу балконъ и была угловой. Постель оказалась не приготовленной. Андрей разсердился и хотѣлъ позвать Тихона, но въ эту минуту на порогѣ балконной двери онъ увидалъ Катю.

Она робко вытянула шею и заглянула въ комнату.

— Андрюша, ты здѣсь? Ты не выйдешь больше?

— Я ужасно усталъ, мнѣ хотѣлось лечь. А ты меня искала? Тебѣ что-нибудь нужно?

— Нѣтъ... Я думала... Ты со мной не простился...

— Войди, простимся.

Катя робко вошла въ комнату, приблизилась къ Андрею и положила ему руки на плечи. Ей это было не легко, она головой доставала ему только до груди.

— Скажи мнѣ, Андрюша, начала она вдругъ шепотомъ, — ты оттого разсердился, что я вчера въ фантахъ дала Ваничкѣ руку поцѣловать?

— Я разсердился? На кого? Какіе фанты?

— На меня разсердился... Я сейчасъ догадалась, когда ты съ утра убѣжалъ и къ обѣду не вернулся. Во вчерашнихъ фантахъ... Но Андрюша, милый мой, дорогой...

Андрей разсмѣялся.

— Катя, увѣряю тебя, я и не думалъ сердиться. Мнѣ просто сдѣлалось грустно...

Онъ остановился. Его голубые, выпуклые глаза были слегка близо-

руки, но слухъ онъ имѣлъ необычайный, тонкій до болѣзненности. И въ этотъ моментъ ему показалось, что кто-то прошелъ мимо запертой двери. Шаги были совершенно незнакомые, легкіе и тихіе до неслышности, даже не шаги, и не шорохъ, а такъ, движеніе воздуха, точно что-то скользнуло мимо, провѣяло—и замолкло.

— Мнѣ сдѣлалось грустно...—снова началъ Андрей – и вдругъ перебилъ себя:

— Кто это прошелъ?

— Прошелъ?—Катя смотрѣла на него испуганными, непонимающими глазами.—Не знаю, кто прошелъ. Я ничего не слышала. Андрюша, не скрывай... Отчего тебѣ могло быть грустно, какъ не отъ этого... отъ фантовъ?—И она покраснѣла.—Андрюша, клянусь тебѣ всѣмъ святымъ...

Андрей хотѣлъ разсказать ей, какъ ему весь день было непонятно тоскливо и больно, взялъ ее за руку—но остановился. Зачѣмъ ее тревожить? Если онъ самъ не знаетъ, почему ему грустно, какъ она можетъ угадать? Да и не хотѣлось какъ-то разсказывать, точно его тоска была ему особенно дорога.

Катя пристальнѣе взглянула въ его нѣмые глаза—и вдругъ неожиданно заплакала.

Андрей притянулъ ее къ себѣ.

— Что съ тобой? О чемъ ты? Катя?

— Отчего ты... такой? Ты меня... ты разлюбилъ?

— Богъ съ тобой, Катя? Какъ я могу тебя разлюбить, сама подумай! Съ чего ты взяла?

Онъ обнялъ ее и поцѣловалъ. Катя поцѣловалась охотно, крѣпко и сочно. Губы у нея попрежнему были пріятныя, мягкія, но Андрею почему-то подумалось, что этотъ поцѣлуй—и первый ихъ поцѣлуй годъ тому назадъ—ничего не имѣютъ общаго. Тогда это казалось важнымъ дѣломъ—теперь обычнымъ и естественнымъ обстоятельствомъ. Онъ такъ хорошо зналъ ея розовыя губы и ощущеніе поцѣлуя, что едва замѣчалъ его. Но Катя почти утѣшилась.

— Такъ ты меня любишь, Андрюша?

— Конечно, люблю. Я разсержусь дѣйствительно, если ты будешь сомнѣваться.

Катя ушла, получивъ еще нѣсколько поцѣлуевъ. Андрей отпустилъ ее разсѣянно.

Его, помимо воли, занимало, кто прошелъ мимо двери. Онъ поймалъ себя на томъ, что соединялъ неслышные шаги съ мыслью о дѣвушкѣ съ бѣломъ платьѣ.

— Фу ты, какая глупость! Что я въ привидѣнья вѣрю?

Онъ началъ раздѣваться. Вошелъ Тихонъ дѣлать постель, мрачный и погребальный, какъ всегда.

— Тихонъ, ты видалъ тетю Анну Ильинишну?

— Видалъ.

— Она давно пріѣхала? Въ которомъ часу?

— Въ пятомъ.

Андрей умолкъ, не зная, что спросить еще.

— А что, она похудѣла?

— Похудѣть не похудѣли. А какъ будто полнѣе.

Андрей опять замолкъ на минуту.

— А я, Тихонъ, видѣлъ тебя, какъ ты у прачешной сидѣлъ. Василису слушалъ, а?

Тихонъ вдругъ озлобился, бросилъ одѣяло, которое держалъ въ рукахъ и повернулся къ барину.

— У прачешной? Я сидѣлъ? Ну и сидѣлъ. Василиса пѣла? Ну и пѣла. Что-же изъ-за этого мнѣ теперь въ каторгу итти?

Андрей, привыкшій къ ярости своего слуги, не удивился и проговорилъ только:

— Да никто тебя и не обвиняетъ. Это очень понятно.

Тихонъ успокоился, какъ вскипѣвшее молоко, когда кострюлю снимаютъ съ огня, и вновь вернулся къ одѣялу.

— А кто, не знаешь-ли, тутъ по коридору сейчасъ ходилъ?—не выдержалъ Андрей.

— По коридору? Не знаю. Мало-ли тутъ ходятъ. Я не долженъ знать, кто мимо пройдетъ.

Андрей легъ спать съ тревожнымъ чувствомъ, долго не могъ уснуть—и все прислушивался, не прошумитъ-ли опять полунеслышный шелестъ и шепотъ шаговъ.

V.

Цѣлую ночь былъ дождь. Андрей слышалъ веселый гулъ крупныхъ капель въ саду. Передъ утромъ начался ливень. Андрей въ просонкахъ вспомнилъ, что сегодня первое мая и что кузины и тетеньки давно затѣвали въ этотъ день какую-то особенную прогулку.

— Хорошая прогулка будетъ, если ненастье!—смутно мелькнуло у него въ головѣ—и сейчасъ-же явилась радость, потому что ему давно не хотѣлось ѣхать.

Но дождь пересталъ—и Андрей опять заснулъ.

Онъ проснулся поздно, сердитый, усталый и тревожный. Было уже десять часовъ, когда онъ одѣлся и готовъ былъ идти въ столовую. Безпокойное чувство, съ которымъ онъ заснулъ вчера, не уменьшилось, хотя онъ не позволялъ себѣ опредѣленно думать о причинахъ.

Андрей откинулъ занавѣсъ, раскрылъ дверь на балконъ—и остановился на порогѣ.

Утро было ослѣпительно-яркое, влажное и душистое. Зелень сверкала, сильная, распустившаяся отъ дождя, точно разросшаяся за ночь. Блѣдныя кудри березы были пронизаны солнцемъ и бросали колеблющійся золотистый отсвѣтъ на полъ балкона. А у перилъ, на балконѣ, прямо передъ дверью, стояла незнакомая высокая дѣвушка въ бѣломъ платьѣ и смотрѣла на Андрея. Она молчала—и Андрей молчалъ, потому что ему пришло въ голову, что это опять только кажется или что вообще тутъ есть какое-то ужасное недоразумѣніе. Онъ сразу, съ одного взгляда, все въ ней замѣтилъ и понялъ, можетъ быть потому, что она почти вся была одного цвѣта, свѣтлаго, и казалась цѣльной и простой, какъ будто вырѣзанной изъ одного куска. Андрей замѣтилъ, что бѣлое платье изъ легкой, почти прозрачной шелковой матеріи, все, и вверху и внизу, было въ безчисленныхъ складкахъ или сборкахъ, точно смятое. И складки не падали прямо, а слегка отставали и отъ непримѣтнаго вѣтра въ саду шевелились то подымаясь, то опускаясь, какъ мыльная пѣна. Шея, очень длинная и тонкая, выходила изъ этой пѣны незамѣтно, она была такого-же цвѣта, какъ платье, и тоже казалась прозрачной, какъ тонкій китайскій фарфоръ, когда его смотрятъ на солнце—только тутъ были едва уловимые, розовые отсвѣты жизни. Блѣдно-золотые волосы, не густые, безъ малѣйшаго рыжаго или сѣраго оттѣнка, были зачесаны гладко. Но болѣе короткіе отставали и слабо и легко завивались около ушей и висковъ. Лицо, прозрачное, какъ шея, безъ тѣни румянца, было спокойно. Сѣрые глаза, широко разставленные, были опушены завитыми рѣсницами, чуть темнѣе волосъ. Брови еще темнѣе, поднимались ровно и просто. Розоватыя губы были сжаты плотно.

Андрей, послѣ первой-же минуты испуга и удивленія, зналъ, что никакого тутъ чуда нѣтъ, что дѣвушка эта—не призракъ и не навожденіе, а просто себѣ живая дѣвушка—и все-таки, она казалась ему чудомъ, потому что не была похожа на живую и на обыкновенную. Чтобы дотронуться до нея—надо было сдѣлать полтора шага, а казалось, что для этого нужно перейти небесныя и облачныя пропасти, и даже лучше совсѣмъ до нея не дотрогиваться,—такое странное впечатлѣніе производила прозрачность ея лица.

Дѣвушка подняла руку и провела ею по волосамъ. Широкій и короткій рукавъ, собранный у локтя, опять какъ пѣна, взволновался и на мгновенье легко упалъ къ плечу. Пальцы были длинные, розовые на концахъ.

Андрей подошелъ ближе, не отрывая глазъ.

— Извините,—началъ онъ,—и вдругъ покраснѣлъ.—Я не былъ представленъ...

— Вамъ нужно пить чай, ждутъ въ саду—подъ липами,—проговорила дѣвушка, разомкнувъ губы.

Андрей замѣтилъ едва уловимую мягкость въ произношеніи. Такъ говорятъ дѣти, едва переставшія картавить. Голосъ у нея былъ не громкій, но и не глухой. Среди звуковъ природы онъ, вѣроятно, не нарушалъ-бы гармоніи, потому что въ немъ не было рѣзкости, свойственной человѣческому голосу.

Она тронулась съ мѣста и пошла по балкону. Андрей, къ удивленію своему, ничего не сказалъ, ни о чемъ не посмѣлъ спросить и молча пошелъ за дѣвушкой, стараясь держаться отъ нея въ трехъ шагахъ, глядя на ея колеблющееся платье и на шею, на ту черту, гдѣ постепенно розоватая бѣлизна переходила въ золотую и гдѣ начинали закручиваться первые, слабые волоски.

VI.

Чай пили дѣйствительно въ саду, на площадкѣ, окруженной липами. На площадкѣ было не очень хорошо и слишкомъ солнечно, потому что липы только что начинали распускаться. Онѣ не то чернѣли, не то сѣрѣли—и безпомощно протягивали къ солнцу вѣтви, гдѣ чуть раскрылись зеленоватые лепестки, которые еще не хотѣли просыпаться. Березы, поодаль, качались и шумѣли почти по лѣтнему, тополи тоже расцвѣли послѣ ночного дождя—липы оживали послѣднія, если не считать сумрачныхъ и недовѣрчивыхъ дубовъ, которые спали еще крѣпко и чернѣли твердыми вѣтвями, не отзываясь на голосъ весны.

Андрей, подойдя ближе, увидалъ за столомъ, въ креслѣ, тетеньку Анну Ильинишну. Полная и круглая, еще не старая, съ болѣзненнымъ, но веселымъ лицомъ, она поднялась на встрѣчу племяннику и заключила его въ свои объятія. Это былъ ея любимый племянникъ. Анна Ильинишна считалась богачкой и большой причудницей. Она давно вдовѣла, подолгу, лѣтъ по пяти живала заграницей, съ родными особенно не сближалась—Андрею-же доводилась теткой съ отцовской стороны. Ни Домну Ниловну, ни Катю она не долюбливала, послѣднюю почему-то всегда называла «красна дѣвица, дочь купецкая».

— Ну что, Андрей? — начала она, глядя ему въ глаза и держа его руки своими пухлыми ручками. — Весело-ли тебѣ живется? Какъ душенька твоя довольна?

— Спасибо, тетя. Мнѣ хорошо.

Анна Ильинишна покачала головой, не сводя съ него глазъ. Потомъ отпустила его руки.

— Ну, ладно. Садись чай пить. А что, познакомились?

И она обернулась, ища взоромъ дѣвушку въ бѣломъ платьѣ. Она стояла у кресла Анны Ильинишны.

Андрей что-то пробормоталъ.

— Моя компаньонка, дочь моя пріемная,—продолжала Анна Ильинишна.—Удивляюсь, согласилась со старухой жить—и не скучаетъ. Позапрошлымъ лѣтомъ я ее къ вамъ не привозила, она къ отцу домой ѣздила. А теперь отецъ умеръ, такъ ужъ она вполнѣ стала моя. А какія способности-то, Домаша, а?—прибавила она, обращаясь къ Домнѣ Ниловнѣ. Кто бы сказалъ, что она только съ 14 лѣтъ по-русски стала учиться?

Домна Ниловна, которая очевидно не раздѣляла восхищеній родственницы, изъ приличія вздохнула и покачала головой.

— Это мой племянникъ Андрей,—продолжала Анна Ильинишна.—Андрюша, рекомендую тебѣ миссъ Май Эверъ, прошу любить и жаловать.

Миссъ Эверъ подвинулась и подала руку Андрею. Онъ пожалъ ея руку съ розовыми пальцами, но когда выпустилъ ее — ему стало казаться, что этого пожатія никогда не было и не могло быть.

Потомъ онъ вспомнилъ, что еще ни съ кѣмъ не поздоровался. Онъ разсѣянно поцѣловалъ мать, пожелалъ добраго утра кузинамъ и кузенамъ. Подошелъ къ Катѣ и, не глядя, наклонился, чтобы поцѣловать ее въ голову. Но Катя отвела голову. Андрей опомнился и удивленно посмотрѣлъ на свою невѣсту.

— Что съ тобой?

— Ничего.

Онъ увидѣлъ недовольное лицо и сухо сжатыя губы съ непріятнымъ выраженіемъ. Катя дулась! Никогда раньше съ ней не случалось ничего подобнаго. Андрея это заняло въ первую минуту, но въ слѣдующую онъ забылъ—и, обжигаясь горячимъ чаемъ, глядѣлъ на тетю Анну Ильинишну въ ея креслѣ и на англичанку рядомъ съ ней, прямую и всю необычайную и только удивлялся, почему другіе не удивляются и не недоумѣваютъ, какъ онъ.

— А что-же по Деснѣ поѣдемъ?—спросилъ коротконосый гимназистъ, кузенъ Ваничка.

— Поѣдемъ,—неожиданно рѣшила Анна Ильинишна.—И я поѣду.

Домна Ниловна вмѣшалась.

— А не вредно-ли вамъ будетъ, сестрица? Вы о своемъ здоровьѣ не думаете.

— Нѣтъ, я что-то сегодня себя очень бодро чувствую. Андрей, распоряжайся! Пускай ужъ мы непремѣнно поѣдемъ. И ты, Домаша, ступай.

Но Домна Ниловна рѣшительно отказалась—ей было некогда и подумать о гуляньѣ. Андрею вдругъ необыкновенно захотѣлось ѣхать и вообще стало весело. Спѣша распорядиться насчетъ провизіи—онъ догналъ въ коридорѣ Катю—и вдругъ вспомнилъ, что она на него дуется.

Ему было весело, и стало жаль, что ей не весело. Онъ ласково обнялъ Катю одной рукой и заглянулъ ей въ глаза.

— Катюня, ты на меня за что-нибудь сердишься?

Катя молчала, выраженіе ея лица было непріязненно и некрасиво.

— Катя, а? Скажи мнѣ, за что ты сердишься? Изъ-за чего намъ ссориться? Подумай, развѣ это не глупо—ссориться, да еще безъ причины? Я, право. ни въ чемъ передъ тобою не виноватъ.

Катя, не подымая глазъ, вдругъ заговорила раздраженно:

— Нѣтъ, нѣтъ, оставь меня! Ты меня совсѣмъ не понимаешь.

— Катичка, въ чемъ же я тебя не понимаю?

— Зачѣмъ ты такъ держишь себя, какъ будто тебѣ до меня все равно? Да еще при этой... при теткѣ. Я тебѣ два раза сказала: Андрюша, садись сюда! Андрюша, садись сюда! А ты какъ будто не слышишь и сѣлъ передъ теткой и передъ ея фрёй противной. Гувернантка, компаньонка простая, а топорщится, словно баронесса. И для тетки твоей я не посмѣшище далась: что это за манеры: купецкая дочь! Чего она этимъ желаетъ достигнуть?

Андрей въ изумленіи слѣдилъ за потокомъ Катиныхъ словъ. Ему спорить съ ней не хотѣлось. И онъ вмѣсто возраженій обнялъ и поцѣловалъ Катю.

— Прости, Катюнчикъ, я дѣйствительно не слыхалъ тогда твоихъ словъ. Не сердись на меня, будь веселенькой. Вѣдь я же тебя люблю— и слава Богу, всѣ это знаютъ, и тетѣ не придетъ въ голову усумниться, если я немного разсѣянъ.

Катя сама обняла его и поцѣловала. Потомъ Андрей опять ее поцѣловалъ, но уже думая, слѣдуетъ ли взять двѣ, или три корзины.

Отправляясь за корзинами въ людскую, онъ думалъ про себя:

— Премилая эта Катя — и я ее очень люблю. Вотъ какъ руку свою собственную люблю, ни на чью бы не промѣнялъ. Жаль только, что такъ привыкаешь къ человѣку. Цѣловалъ ее и не помню даже, цѣловалъ-ли—никакого впечатлѣнія, вотъ опять какъ свою собственную руку. Еще въ прошломъ году было не такъ...

Потомъ его мысли улетѣли далеко отъ Кати и сдѣлались такъ разсѣянны, что онъ самъ не могъ слѣдить за ними.

VII.

Въ кухнѣ, куда вошелъ Андрей, стоялъ чадъ и дымъ, что-то жарилось и брызгало на плитѣ, а стряпуха, въ грязномъ розовомъ платьѣ, пронзительно ругалась.

Замѣтивъ панича. она примолкла. Андрей разглядѣлъ у стола Тихона чернѣе ночи и Василису-прачку съ гигантскимъ ореоломъ бумаж-

ныхъ розановъ. Василиса была блѣдна, плоское лицо ея казалось некрасивымъ, заплаканные глаза смотрѣли злобно.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ невольно Андрей.

Василиса кинулась въ ноги смущенному Андрею, который поспѣшилъ ее поднять.

— Панычу, миленькій, да скажите-жъ вы этому аспиду, чтобъ онъ души моей по ниточкѣ не выматывалъ! Это-жъ никакихъ силъ терпѣнія не хватаетъ! Съ другими говорливъ, угодливъ—а со мной теперь молчитъ, какъ прóклятый! Сказился онъ, что-ли? Чѣмъ я ему не угодила? Я-ль его не ласкала, я-ль не любила? Не первый мѣсяцъ мы съ нимъ согласились, слава Богу, не чужаки теперь, обрученье-то еще когда было...

— Постой, Василиса,—сказалъ Андрей.—Скажи мнѣ, Тихонъ тебя обижаетъ?

— Да не обижаетъ онъ...

— Свадьбы, что-ли, не хочетъ?

— Нѣтъ, на свадьбу онъ всегда согласенъ. И, говоритъ, люблю тебя прекрасно.

— Такъ чего-же ты хочешь?

— Дозвольте, баринъ, вмѣшался вдругъ Тихонъ, дозвольте ужъ намъ это дѣло межъ собою оставить. Дура баба, дура непремѣнно, ежели она баба. Она, значитъ, недовольна, коли если я съ кѣмъ другимъ разговоръ заведу, а все чтобы съ ней. А что я съ ней теперь буду говорить, коли если она мнѣ вдоль и поперекъ извѣстна и каждое ея слово, какое она сказать можетъ—я самъ себѣ могу сказать? Послѣ того извольте разсудить, какой мнѣ въ ней для разговору интересъ можетъ быть? Я ея ухватки всѣ какъ есть знаю. Мнѣ и нѣтъ интереса, а я, значитъ, къ другимъ подхожу. Она-же это пойми и довольна будь, что я моихъ чувствъ къ ней ни насколечко не измѣнилъ и въ положенное время на свадьбу согласенъ.

Андрей въ замѣшательствѣ смотрѣлъ то на Василису, то на Тихона.

— Ну что-жъ, Василиса,—произнесъ онъ наконецъ,—видишь это все вздоръ. Тихонъ тебя любитъ и не думаетъ отъ тебя отказываться. Онъ тобой доволенъ.

— Я доволенъ,—подтвердилъ Тихонъ.—Она славная будетъ жена. А съ женой какіе тебѣ тамъ тары-бары? Жена не для того.

— Однако, Тихонъ,—замѣтилъ Андрей съ нѣкоторой робостью,—я не понимаю, какъ ты женишься и не находишь въ Василисѣ, по твоимъ словамъ, никакого интереса. Я, признаться, не понимаю, какая-же радость...

Тихонъ взглянулъ мрачно и, взявъ шапку, пошелъ къ двери, не отвѣчая. Но на порогѣ остановился и произнесъ съ нѣкоторой презрительностью въ голосѣ:

— Этого ужъ намъ объяснять не приходится. А только вотъ каждый день вы за столъ садитесь кушать, обѣдаете значитъ. И какой только въ этомъ интересъ—не вижу! А послѣ обѣда книжки читаете, въ театръ въ городъ ѣдете. Тутъ ужъ, конечно, интересъ есть. Такъ не обѣдайте-ка вы никогда, а все книжки читайте. Или, ежели этого не угодно—занимайтесь кушаньемъ и къ нему одному интересъ имѣйте. Анъ на это никто не согласенъ. Хотятъ и того и этого. И правильно хотятъ! Правильно хотятъ! Такъ ужъ мнѣ никто и не мѣшай! Никто меня и не учи!

Онъ произнесъ послѣднія слова угрожающимъ тономъ—и вышелъ изъ кухни. Ошеломленная Василиса даже не всхлипывала. Андрей пожалъ плечами и намѣренно громко произнесъ:

— Вотъ нелѣпый! Притчами какими-то говоритъ!

VIII.

Нѣсколько лодокъ, одна за другой, плыли по рѣкѣ. Въ первую нагрузили провизію, самоваръ... Анна Ильинишна возымѣла желаніе сама заняться чаемъ, а въ помощницы, въ виду ея слабаго здоровья, великодушно предложила себя Катя, которая, послѣ примиренія съ Андреемъ, была особенно ласково настроена и чувствовала желаніе сдѣлать пріятное Аннѣ Ильинишнѣ, завоевать ея расположеніе. Къ тому-же и мастерица Катя была великая относительно всего, что касалось провизіи и вообще устройства закусываній.

И Катя сѣла въ первую лодку.

Андрею пришлось сѣсть въ послѣднюю, такъ какъ онъ всѣхъ усаживалъ и устраивалъ. Случилось, что миссъ Эверъ тоже попала въ послѣднюю. Съ ними-же сѣлъ и кузенъ Ваничка, коротконосый гимназистъ.

Изъ города сегодня наѣхало много настоящихъ кавалеровъ—и Ваничка былъ въ рѣшительномъ загонѣ. Онъ не унывалъ. Онъ зналъ, что завтра-же всѣ скучающія барышни вернутся къ нему. Пока онъ развлекался, бороздя воду палкой и поглядывая на миссъ Эверъ.

Она сидѣла у руля, спокойная и молчаливая, въ своемъ бѣломъ платьѣ. На голову она надѣла широкую соломенную шляпу, мягкія поля которой слегка опускались съ боковъ. Лицо ея, въ тѣни, бѣлѣло узкое и нѣжное. Въ рукахъ у ней была какая-то, повидимому, иностранная книжка.

Андрей сидѣлъ на веслахъ. Было не жарко, онъ гребъ легко, почти не замѣчая. Отъ воды вѣяло еще не лѣтней прохладой. Андрей молчалъ. Онъ не могъ забыть ссору Тихона съ невѣстой и сердился на Тихона, и не понималъ его совершенно. Дѣйствительно, Тихонъ ненор-

маленъ. Главное—нельзя уяснить, чего онъ хочетъ. То онъ любитъ Василису, то интереса къ ней не имѣетъ. Не диво, что дѣвка горюетъ. Андрей слишкомъ распустилъ Тихона. Слѣдуетъ взять его въ руки. И смѣшно, и грустно!

Андрею хотѣлось разсказать кому-нибудь исторію Тихона, но Ваничкѣ нечего было разсказывать, а къ блѣдной англичанкѣ онъ и подступиться не смѣлъ. Вообще не робкій и менѣе всего застѣнчивый, Андрей теперь молчалъ почти до невѣжества. Онъ все время странно чувствовалъ ея присутствіе. И такъ какъ онъ ѣхалъ назадъ, точно убѣгая отъ нея, то ему казалось, что она, сидя на кормѣ, преслѣдуетъ его,—всюду и всегда за нимъ, какъ скоро-бы онъ ни скользилъ по водѣ.

Вербы, ивы, кусты лозняка — все это у воды уже распустилось пышно, молодо и сочно. Иногда, въ узкомъ мѣстѣ, они въѣзжали въ свѣжую тѣнь. Кое-гдѣ плоскіе, еще не широкіе листья кувшинокъ уже легли на остеклѣвшую воду. Весла Андрея разбивали стекло и листья, не отрываясь отъ крѣпкихъ стеблей, только проворно ныряли въ глубь, и темную, и тихую. Когда деревья у береговъ бросали зеленый отблескъ подъ шляпу миссъ Май—лицо ея дѣлалось еще блѣднѣе, но оно было живое, какъ двухдневная береза, когда ея сіяющая листва пронизана солнечными лучами. Андрею вспомнилось, что когда онъ увидѣлъ дѣвушку въ первый разъ, на балконѣ, сегодня утромъ — на ней также лежали отсвѣты отъ молодыхъ листьевъ. И ему подумалось. что она точно имѣетъ какое-то отношеніе къ нимъ, точно у себя дома вблизи этой живой зелени.

Ваничка пытался разговориться съ англичанкой, но она столько же обратила вниманія на его рѣчь, какъ если-бы около нея жужжалъ комаръ. Ваничка умолкъ. Тогда черезъ нѣсколько времени она сказала. обращаясь къ Андрею:

— Я очень рада быть здѣсь, въ этой деревнѣ. Я чувствую себя очень хорошо весною здѣсь.

Едва замѣтная мягкость произношенія не шла къ ея серьезному лицу. Но въ этой негармоничности было какое-то отдохновеніе, отрада.

Андрей встрепенулся. Слѣдовало отвѣчать. И онъ спросилъ.

— А вы первую весну проводите въ Россіи?

— О, нѣтъ. Я проводила весну и въ деревнѣ Анны Ильиничны. Прошлую весну. Но у васъ лучше. Такая тѣнь! Такая вода! Мнѣ нравится, я люблю, когда есть вода и тѣнь. Тѣнь на водѣ. И вообще я люблю тѣнь и деревья.

— Вѣрно тамъ, гдѣ вы жили прежде, въ Англіи, были большіе лѣса?

— О, нѣтъ. Прежде, чѣмъ я выросла, я дѣйствительно жила въ помѣстьи, гдѣ были большія деревья. Такихъ большихъ деревьевъ здѣсь

нѣтъ. Паркъ тянулся на нѣсколько миль отъ замка. Тамъ было очень хорошо и тамъ я и привыкла къ деревьямъ. Но потомъ мы уѣхали и жили на ... вы знаете? на островѣ Уайтѣ. Тамъ мнѣ не нравилось, я не была довольна.

— Что-же, тамъ нѣтъ деревьевъ?

— Мы жили на берегу океана. Я не люблю океана. Слишкомъ большой, не прозрачный. Голое такое мѣсто,—безъ растеній. И климатъ дурной. Все низкія тучи, мокрыя, сѣрое море мечется, а кругомъ скалы, тоже сѣрыя или черныя. Нѣтъ, тамъ жизни мало. Вѣдь волны—это отъ вѣтра. А деревья, напримѣръ, сами живутъ.

Андрей уже привыкъ къ ея акценту. Она говорила простыя вещи, разсказывала охотно, но Андрей не чувствовалъ ни малѣйшаго сближенія между ними—попрежнему она для него была таинственной и необычайной, какъ будто всѣ эти слова она говорила для него, для Андрея, а главную свою тайну хранила свято для себя одной.

— А вы давно въ Россіи?

— Пять лѣтъ.

— И раньше не знали по-русски?

— О, нѣтъ. Я никогда не слышала русскаго языка. Съ Анной Ильиничной я говорила по-французски. Но и по-англійски она знаетъ.

— Когда-же вы успѣли такъ хорошо выучиться?

— Я не вполнѣ хорошо говорю. У меня акцентъ и я знаю не очень много словъ. Нѣкоторыя выраженія, совершенно русскія, мнѣ незнакомы. Но я продолжаю учиться и надѣюсь хорошо овладѣть языкомъ. Я люблю говорить по-русски. Вы не замѣтили, чтобы я сдѣлала ошибку?

Андрею показалось теперь, что она говоритъ съ нимъ только для практики. И у него явилось безумное желаніе умѣть говорить съ ней на ея родномъ языкѣ. Быть можетъ тогда легче было-бы приблизиться къ ней.

На пригоркѣ, который почему-то считался особенно живописнымъ, устроили чай. Кузины и пріѣзжіе кавалеры любезничали, смѣялись сверхъ мѣры и вообще дѣлали все, что подобаетъ дѣлать «молодежи». Миссъ Май была сдержаннѣе другихъ, но вступала въ разговоръ охотно и безъ всякаго принужденія. Нѣсколько разъ она обращалась къ Андрею, даже къ Ваничкѣ. И Андрей опять думалъ, что это она для практики, а что если-бы не практика, то она никому не удостоила-бы сказать ни единаго слова.

Было уже сыро и поздно, когда, послѣ закусываній, игръ, прогулокъ собрались ѣхать домой. Анна Ильинишна чувствовала себя дурно и каялась, что поѣхала. Всѣ устали и примолкли. Андрей теперь сидѣлъ на узенькой рулевой скамеечкѣ рядомъ съ Катей, завернутой въ пледъ.

Гребъ Ваничка и офицеръ изъ города. Катя прижалась плотно и молчала. Было очень тихо. Другія лодки отстали далеко. Небо и вода блѣднѣли и холодѣли. Яркая звѣзда зажглась на краю неба, еще совсѣмъ свѣтлаго. Въ лѣсу надъ рѣкой смѣлѣе защелкалъ соловей—и непріятно и рѣзко потревожилъ засыпающій день.

— О чемъ ты думаешь? спросила вдругъ Катя негромко, поднявъ глаза на Андрея.

Андрей не сразу отвѣтилъ. Онъ самъ не зналъ, о чемъ онъ думалъ. Но ему не понравился вопросъ Кати. Онъ разбилъ его настроеніе. А настроеніе было смутное, блѣдное, какъ вечеръ, но дорогое ему.

— Такъ, ни о чемъ не думалъ, проговорилъ онъ.—А ты о чемъ?

— Мнѣ пришло въ голову, что свадьбу рѣшили двадцать четвертаго іюля, а двадцать четвертое іюля суббота. Въ субботу не вѣнчаютъ. И какъ это мы раньше не подумали? Что-же теперь?

— Теперь? Ну назначимъ двадцать пятаго. Не все-ли равно?

— Да конечно такъ... Ахъ Андрюша, Андрюша, какъ время летитъ! Не успѣемъ оглянуться, какъ эти три мѣсяца пройдутъ. А сколько дѣла! Успѣю-ли я?

— Это насчетъ приданаго?

— Да...

— Успѣешь...

Разговоръ погасъ—и они доѣхали молчаливо, прижавшись плечомъ къ плечу, и каждый, въ своихъ собственныхъ мысляхъ, далекій другому.

IX.

Тетя Анна Ильинишна ничего не говорила Андрею, но такъ часто смотрѣла на него съ нескрываемымъ сокрушеніемъ, такъ явно показывала Катѣ снисходительное сожалѣніе, — что Андрей нехотя понялъ, какъ она относится къ предстоящему браку. Сначала это его удивило, потомъ и огорчило, ибо тетю Анну Ильинишну онъ и любилъ, и считалъ женщиной неглупой... Онъ рѣшилъ поговорить съ ней—и одинъ разъ, передъ обѣдомъ, нарочно пошелъ въ ея комнату.

Онъ засталъ тетку въ креслѣ. Миссъ Май не было.

Андрей немедля приступилъ къ разговору.

— Тетя, отчего вамъ не нравится, что я женюсь?

— Мнѣ, мой другъ, это не ненравится. Мнѣ твоя невѣста не нравится.

— Катя? Чѣмъ Катя можетъ не нравиться?

— Прекрасная, мой другъ, дѣвушка, прекрасная. Только она не для тебя.

— Да почему-же?

— Да во-первыхъ потому, что ты ее не любишь.

— Я? Катю? Милая тетя, увѣряю васъ, что я даже представить себѣ не могу, даже вообразить не могу, что я ее не люблю.

— Это ничего не значитъ. Часто случается, что вообразить не могутъ, что любятъ, а любятъ.

— Нѣтъ, тетя, я васъ не понимаю.

— Милый мой Андрюша, я хочу ту правду сказать, которую тебѣ безъ меня никто не скажетъ. Ты думаешь, что ты не буйный, тихій, скромный, недалекій, что такъ всю жизнь въ норѣ—въ конурѣ проживешь съ толстыми дѣтьми, да съ хозяйкой-женой. А ты только запоздалый, Андрюша, вотъ какъ поздніе цыплята бываютъ. У тебя еще не прогорѣло. Подожди на пуховикъ ложиться, еще ноги молодыя, еще погуляй. А Катя тебя сразу на пуховикъ кладетъ. Ты около любви настоящей и не былъ, что мы въ наше время любовью называли, а говоришь—Катю любишь. Ты ее любишь, я не спорю... Да страшно очень, Андрюша. Вѣдь ты на ней точно восемь лѣтъ женатъ. У тебя къ ней живого интереса нѣтъ, да и откуда? Ты ее какъ себя знаешь, да еще и знать-то въ ней меньше, что есть. Августъ дольше всѣхъ мѣсяцевъ тянется. Такой длинный, спокойный, вѣчный какой-то мѣсяцъ. Да вѣдь онъ хорошъ, Андрюша, только послѣ другихъ мѣсяцевъ. А у васъ съ Катей августъ незапамятный. Не вѣрно я говорю?

Андрей былъ смущенъ и сердитъ. Слова тетки не убѣдили его. Но ему почему-то вспомнился Тихонъ. Онъ тоже потерялъ интересъ къ Василисѣ, хотя и любилъ ее.

— Оставьте, тетя,—произнесъ Андрей. — Августъ такъ августъ. Какіе тамъ августы! Пусть будетъ, какъ будетъ. Я Катю люблю очень и не хочу мѣнять планъ жизни изъ-за чего-то весьма гадательнаго. Вы говорите, я не знаю настоящей любви. И слава Богу! Жизнь для жизни, а не для игръ, да сантиментовъ. Я рѣшилъ прожить ее твердо, трезво и спокойно—и вы меня не смущайте, тетя,—это вамъ не удастся.

Въ первый разъ Андрей говорилъ такъ съ Анной Ильинишной. Но она не разсердилась. А когда онъ вышелъ, она покачала головой и улыбнулась.

X.

Андрей пошелъ въ паркъ. Въ липовой аллеѣ онъ услыхалъ за собою торопливые шаги. Онъ обернулся. За нимъ шла миссъ Май.

Послѣднюю недѣлю Андрею почти не случалось ни разговаривать, ни видѣться съ англичанкой. Она проходила мимо, легкая, свѣтлая и непонятная. Андрей чувствовалъ несказанную обиду, тревогу, шелъ къ Катѣ и говорилъ съ нею о приданомъ. Дни дѣлались душнѣе, разъ

была гроза. Андрею казалось, что миссъ Май ему непріятна, и хорошо-бы, еслибъ она уѣхала.

Теперь, когда онъ увидалъ ее, идущую къ нему—ему пришло въ голову убѣжать. Но было невозможно. Онъ остановился и ждалъ.

— Андрей Николаевичъ,—сказала она,—я пройдусь съ вами. Я видѣла, какъ вы пошли сюда отъ Анны Ильиничны, и я рѣшила присоединиться къ вамъ, если вы не имѣете ничего противъ этого.

— Я очень радъ, пройдемся. Вы желаете къ пруду?

Онъ смотрѣлъ въ сторону, мимо нея, но всетаки видѣлъ ее хорошо. Она всегда одѣвалась въ свѣтлое. Теперь на ней было платье изъ тонкой матеріи, сшитое гладко, безъ сборокъ и складокъ,—неопредѣленное, блѣдно-красное, но не розовое, съ зеленоватымъ оттѣнкомъ, точно недозрѣлая земляника. Шляпа висѣла у нея на рукѣ, легкіе волосы слегка растрепались и закручивались у висковъ. Полувечернее солнце уже проникло въ аллею сбоку, почти снизу, и стволы липъ казались жаркими и золотыми. Миссъ Май не щурила глазъ, какъ будто лучи не мѣшали ей смотрѣть.

— Пойдемте прямо,—проговорила она.—Я имѣю вамъ что-то сказать.

Они пошли. Андрею опять стало непріятно и тоскливо и онъ даже подумалъ про себя, но словами:

— Чего ей нужно? Вѣдь кажется видитъ, что я разстроенъ. Нѣтъ, пристаетъ...

Какъ-бы въ отвѣтъ на его мысли, англичанка сказала:

— Вы разстроились, какъ я думаю, отъ разговора съ Анной Ильиничной. Это, конечно, большая нескромность, что я касаюсь вашихъ дѣлъ, но я лучше васъ знаю характеръ Анны Ильиничны, знаю ея сужденіе о васъ, ея мнѣніе вообще о вашихъ планахъ... и я могу стараться разъяснить ей ея ошибки, если онѣ заставляютъ васъ страдать.

Андрей мало понялъ.

— Какія ошибки? Что заставляетъ меня страдать? А вы развѣ знаете, о чемъ говорила со мной тетя?

— Она, я предполагаю, говорила о вашемъ супружествѣ, о... mademoiselle Катѣ и не одобряла вашихъ жизненныхъ плановъ. Она думаетъ, что у васъ есть предназначеніе для другого. Такъ вотъ если слова любимой тетки васъ огорчаютъ и вы хотѣли-бы лучше ея одобренія, то я и могу сказать, зная характеръ Анны Ильиничны, что она не долго будетъ держаться этого своего мнѣнія. Она всегда скоро сознаетъ ошибки.

Андрей былъ удивленъ. Что-то неожиданно и непріятно кольнуло его въ сердце.

— Ошибки? А почему-же вы-то увѣрены, что она ошибается? И въ чемъ ошибается?

— Но вы тоже думаете, что она ошибается, иначе-бы вы не огорчались,—возразила миссъ Май.—Я считаю, что mademoiselle Катя къ вамъ очень подходитъ и что вы вмѣстѣ будете счастливы. И что вообще избранная вами дорога вамъ подходитъ.

Въ душѣ Андрея опять что-то повернулось. Онъ взглянулъ на дѣвушку мрачно, почти злобно.

— Значитъ, вы лично, не считаете меня, какъ тетя, способнымъ на нѣчто болѣе широкое, дѣятельное, на любовь болѣе горячую, чѣмъ моя привычка къ Катѣ?

— Привычка? Нѣтъ, отчего? Это тоже называютъ любовью. О вашихъ-же планахъ и вообще никакого болѣе мнѣнія о васъ я теперь выразить не могу. Скажу только, что вѣдь вы сами ничего другого и не хотите...

— Почему вы думаете, что не хочу? — вдругъ почти закричалъ Андрей, останавливаясь. Лицо его было блѣдно и зло.—Не хочу, не хочу! Можетъ быть я самъ не знаю, чего я хочу? Можетъ быть у меня тоска дикая, непереносная, я, можетъ быть, задохнусь въ болотѣ! Способенъ-ли тамъ, или нѣтъ на что другое, и на что именно—я не знаю. а что хочу и живыхъ чувствъ, и живой жизни, и всего, всего другого—это я знаю! Вонъ и листья живутъ, ростутъ, мѣняются—посмотрите, какая липа стала кудрявая — а я, вы думаете, безропотно лежу на пуховикѣ?

Миссъ Май смотрѣла на него молча, безъ удивленія. Сѣрые глаза ея съ большими зрачками были такъ близко, что Андрей, вглядѣвшись въ эти зрачки, увидѣлъ въ нихъ свое собственное возбужденное лицо— и ему стало страшно. Чувство, никогда раньше не испытанное, похожее на необъятную тоску и желаніе броситься внизъ, въ пропасть безъ дна,—сжало грудь до физической боли. Онъ хотѣлъ еще что-то сказать—но не смогъ, повернулся и быстро пошелъ, почти побѣжалъ прочь.

XI.

Почему тетя Анна Ильинишна считала Андрея «запоздалымъ», Катю—способной вредно повліять на его жизнь, а его самого предназначеннымъ для особенно широкой дѣятельности, и какой именно—всего этого она,—вѣроятно, не могла-бы объяснить. Видѣть въ Андреѣ замѣчательныя свойства ей, конечно, помогало желаніе, въ отношеніяхъ-же съ Катей она, человѣкъ старый, не боящійся романтизма, любящій Андрея — просто чувствовала что-то неладное, не нравящееся ей и потому не хотѣла этого брака. Неладное кругомъ чувствовалъ и самъ Андрей. Приливы тоски, которая заставляла его бродить по лѣсу цѣлыми днями—теперь сдѣлались острѣе и глубже и какъ-то безнадеж-

нѣе: у него и мысль никогда не являлась поговорить, посовѣтоваться съ Катей. Онъ, напротивъ, боялся, чтобы она не узнала его настроеній. Она все равно не поняла-бы, или поняла неожиданнымъ образомъ, то-есть, что Андрей ее разлюбилъ, ревнуетъ, недоволенъ днемъ свадьбы, нездоровъ...

Послѣ неожиданнаго разговора съ миссъ Май—Андрей быстрымъ шагомъ, не оглядываясь, пошелъ черезъ фруктовый садъ въ поле. Онъ забылъ, что сейчасъ обѣдъ, что его будутъ искать... Безпомощный и жалкій, какъ заблудившійся ребенокъ, онъ куда-то бѣжалъ, чтобы быть одному, сообразить что-то, обдумать. но непривычный умъ не слушался, въ головѣ путалось, и опять онъ не могъ ни понять, ни утолить свою тоску.

Было совсѣмъ темно, когда онъ вернулся къ усадьбѣ. Какъ въ тотъ вечеръ, ранней весною, когда онъ въ первый разъ увидѣлъ въ паркѣ бѣлое платье миссъ Май, онъ не вошелъ въ домъ, не остановился на дворѣ. Въ прачешной горѣлъ огонь. Но пѣсенъ не было слышно. Темная, почти черная ночь не позволяла различать ни фигуръ, ни предметовъ на разстояніи, но вдругъ Андрей услыхалъ около себя задержанные голоса. Мужской голосъ принадлежалъ Тихону.

— Куда ты, ласточка?—говорилъ онъ кому-то.—Подожди, постой. Развѣ я тебя трогаю? Нельзя ужъ и поговорить?. Ты меня, дѣвка, коли хочешь знать, вотъ какъ приворожила. Я безъ тебя теперь ни ступить. Повернешься ты—мила мнѣ, слово скажешь—еще милѣе. Вся ты мнѣ кругомъ мила. Пѣсню запоешь—я сейчасъ на землю ничкомъ—и плачу. Такъ, самъ о себѣ плачу. И сладко вотъ мнѣ, а сладко, и самъ я не знаю, что мнѣ сладко. Главное—вся ты для меня удивительная, вотъ что главное.

Прошло нѣсколько секундъ молчанія, вѣроятно собесѣдница Тихона думала надъ его словами.

Наконецъ она сказала;

— Да, говоришь: мила—мила... Ловокъ ты, поглядѣть на тебя... Небось на Васенкѣ женишься... Я тебѣ что? Я тебѣ не невѣста, ты около своей невѣсты ходи. Я тебѣ вѣрить никакъ не могу, я тебѣ за эти твои подходы такого покажу, что ты у меня ажно до амбара полетишь. Что тамъ! Гони тогда Васенку! Пускай я цвѣты надѣну—и буду замѣсто нея! А то слова-то мнѣ эти давно прислушались. Я человѣкъ горячій.

Въ голосѣ Тихона, когда онъ отвѣтилъ, были и досада, и горестное удивленіе.

— Эхъ ты, дѣвка! Ни словъ, ни чувствованій человѣческихъ понять не можешь. И чего взбѣленилась? Развѣ я тебя трогаю? За что ты меня гнать-то отъ себя будешь? Пѣсню твою нельзя послушать?

Обидно милой быть? Съ Васенкой у насъ обѣщанье, давнишнее, я ее, Васену, вдоль и поперекъ знаю, она славная жена будетъ... Можетъ и ты славная жена будешь—да жалѣю я тебя смертно въ жены взять. Ты теперь, Поля, такая мнѣ удивительная, и сладкая, какъ-бы мнѣ отъ Бога ниспосланіе—а тогда что? Какъ Васена и будешь. Жена—что? Жена всегда жена. Для духа нѣтъ простора, умиленія нѣтъ. Не гони ты меня, Поляша, зачѣмъ меня гнать? Всякая тварь теперь радуется, цвѣты распускаются, послѣдняя букашка—и та съ кѣмъ хочетъ, съ тѣмъ и летитъ—чего-жъ ты меня къ Васенѣ гонишь? Человѣкъ не хуже. Да и тебѣ я не противенъ.

— Это онъ съ Пелагеей прачкой, подумалъ Андрей, вспоминая рослую фигуру Поли, смуглое, свѣжее лицо и голосъ.—А Василиса?

Андрей пошелъ на голоса, но предъ нимъ только метнулись двѣ темныя фигуры съ легкимъ шорохомъ—и скрылись. Андрей всетаки двигался впередъ, самъ не зная хорошенько, что ему нужно. Ни за что въ мірѣ онъ не пошелъ-бы теперь домой, къ матери, въ освѣщенную столовую, къ слезамъ и разспросамъ Кати. Ему хотѣлось итти такъ прямо, до пруда, потомъ еще прямо, въ прудъ, въ воду,—не въ воду, только прямо, не оглядываясь, не думая, не видя.

Калитка въ паркъ была отворена. Но Андрей вдругъ остановился. потому что увидалъ свѣтлое пятно передъ собой въ двухъ шагахъ Онъ остановился только на мгновенье, онъ сразу, безспорно, неотвратимо понялъ, что это миссъ Май. Онъ подошелъ ближе, совсѣмъ близко, обнялъ ее и прижалъ къ себѣ. Подъ его руками было тонкое, почти несуществующее тѣло, почти призракъ. Андрей не самъ подошелъ, не самъ обнялъ—онъ-бы не посмѣлъ: но ему точно приказалъ кто-то сдѣлать это, сильнѣе его,—и онъ повиновался безъ мысли, съ ужасомъ.

Она не сопротивлялась. Нѣсколько мгновеній они стояли неподвижно, потомъ пошли такъ, обнявшись, куда-то внизъ, должно быть къ пруду. Кругомъ стоялъ шумъ, шорохъ, шелестъ и шепотъ лѣтней ночи, темной, съ черносинимъ небомъ и большими, лучистыми звѣздами. Вотъ и прудъ, застывшій, неподвижный, какъ бездонная яма. Между камышами черно и глухо, только кое-гдѣ неожиданно блеститъ отраженная звѣзда. Это тотъ самый прудъ, до котораго Андрей хотѣлъ сейчасъ итти одинъ. до пруда, въ прудъ... Но Андрей забылъ это, какъ вообще забылъ, что онъ думалъ и какъ жилъ раньше. Они шли долго, потомъ сѣли на скамейку. Они еще не сказали ни слова, но Андрей чувствовалъ въ горлѣ теплыя слезы—и не боялся ихъ. Прошло какое-то время, они опять медленно огибали темный прудъ—и уже говорили. Можетъ быть Андрей началъ первый говорить, а можетъ быть и Май.

— Какая ты необыкновенная, я тебя не понимаю. Ты любишь меня? Да это не то слово. Я и прежде любилъ. А для тебя у меня

нѣтъ слова. Май, ты какъ жизнь. Все. И начало и конецъ. Ты видишь, что я такъ чувствую? Скажи мнѣ, зачѣмъ ты, откуда ты такая?

— Я тебя люблю,—сказала Май.—Я никогда, никому не говорила «ты», кромѣ Бога. Я, быть можетъ, не умѣю говорить «ты». Но нельзя тебѣ иначе. Я люблю, потому что такъ нужно. И ты меня тоже, потому что такъ нужно—любить. Ты меня уже давно любишь, я давно вижу. Я и думала, что это любовь, я ее сейчасъ узнала. Остальное не это, не любовь.

— Но вѣдь я тебя не знаю, и ты меня не знаешь, за что-же ты любишь?

— Ни за что. Мнѣ все равно. Это само приходитъ—безъ всякихъ мыслей. Мысли даже могутъ быть противъ. По мыслямъ,—особенно какъ другіе думаютъ, тебѣ слѣдуетъ любить Катю, а не меня.

Андрей разсмѣялся. Онъ не чувствовалъ никакихъ угрызеній совѣсти, ни малѣйшей вины передъ невѣстой—такъ она была далеко отъ него, такъ ихъ отношенія были несравнимы съ теперешнимъ. Онъ ничего не отнялъ у Кати. Онъ самъ только что открылъ въ себѣ душу—и всю ее сейчасъ-же отдалъ дѣвушкѣ въ бѣломъ платьѣ, которую едва зналъ и отъ которой едва слышалъ нѣсколько словъ. Она сказала, что «это»—само приходитъ—и вѣроятно въ ея словахъ была истина.

— Катя, Катя...—повторилъ Андрей.—Чтожъ, она ко мнѣ подходитъ. Сегодня въ аллеѣ, помнишь? Ты мнѣ говорила правду...

— Да, но я нарочно. Правду, но не всю... Половину. Мысли—вѣдь тоже не ложь, а я говорила о нихъ, о мысляхъ. Я ужъ знала тогда, что есть и другое, вотъ что пришло. Это неизбѣжно.

За тополями небо покраснѣло, какъ зарево пожара—и большая, тусклая луна поднялась. Все выяснилось, почти непримѣтно свѣтлѣя. Андрей увидалъ блѣдныя черты Май. Лицо ея было строго и серьезно. Луна поднималась, дѣлалась меньше и серебристѣе. Отъ тихихъ деревьевъ и травы ползли сырые ароматы.

— Мнѣ не стыдно деревьевъ,—сказалъ Андрей.—Трава, и небо, и зелень похожи на тебя. Я давно замѣтилъ, что листья даютъ тебѣ тѣнь,—точно ласкаются къ тебѣ, точно ты имъ своя.

— Все это—одно. А ты не зналъ? Не надо удаляться, надо приближаться ко всему, тогда будетъ хорошо.

— Май, какая ты странная! Но вѣдь люди—люди, они живутъ, они служатъ, у нихъ дѣла, деньги, свадьбы, законы... Ты точно не хочешь знать ничего простого.

— Простого? О, нѣтъ, ты говоришь не о простомъ, ты о житейскомъ, о мелкомъ говоришь... Оно есть, но ему не слѣдуетъ быть, несчастіе, что оно есть. А простое—это не то. Все просто—и я, и травы, и любовь, и небо, и смерть...

Приливъ отчаянія охватилъ Андрея. Что-же дальше? Она здѣсь теперь съ нимъ, а потомъ? Какъ соединить сонъ и дѣйствительность?

— Я хочу быть всегда съ тобой. Я женюсь на тебѣ.

Май засмѣялась и покачала головой. Лицо ея было все свѣтлое отъ мѣсяца и прозрачное, какъ листья бѣлыхъ цвѣтовъ.

— О нѣтъ,—сказала она, продолжая улыбаться.—Я не жена.

— Отчего? Отчего? Но что-же дѣлать?

— У тебя есть любовь въ душѣ. О чемъ ты заботишься?

— Я хочу всегда съ тобой, всегда, какъ теперь. Я не могу не жениться на тебѣ.

— Послушай,—сказала Май.—Пойми, что я думаю. Я думаю, что люди гораздо дольше живутъ, чѣмъ имъ слѣдуетъ, чѣмъ они дѣйствительно могутъ. Это какъ если-бы зрѣлые апельсины не падали съ вѣтокъ, а сохли и портились на деревѣ. Истинная жизнь человѣка проходитъ быстро, какъ весна и лѣто, такъ-же быстро. А потомъ люди остаются доживать,—это ошибка, имъ прѣсно и скучно, потому что жизни нѣтъ. Большое счастье, если можно пройти жизнь, прожить весну и лѣто—и кончить, не ползти дальше. И жизнь ничѣмъ нельзя продлить, какъ май нельзя продлить. Ты хочешь всегда со мной—какъ теперь. Теперь есть счастье, потому что есть жизнь, а потомъ все равно ничего не будетъ, потому что придетъ смерть. Живи со мной—а доживай... съ кѣмъ хочешь... Я-бы не хотѣла доживать совсѣмъ.

— Я тебя не понимаю,—робко сказалъ Андрей.—Но какъ и зачѣмъ отъ тебя уйти?—И онъ обнялъ ее и поцѣловалъ легкіе волосы.—Куда уйти? А ты? Оставишь меня? Выйдешь замужъ?

Май опять улыбнулась.

— О, я не выйду. Я думаю, я не доживу до старыхъ лѣтъ. Отецъ умеръ отъ сердца, у меня тоже болѣзнь сердца, это я знаю. Я не выйду замужъ.

Андрей сжалъ ея руки.

— Болѣзнь? А я? Боже мой, а я?

— Но это не сейчасъ, это потомъ. А болѣзнь — это хорошо, потому что скоро. Надо вѣдь умирать отъ чего-нибудь.

Она первая сказала, что пора идти домой. Было очень поздно, но въ усадьбѣ еще горѣли огни. Андрея ждали. У двери они разстались—такъ-же неожиданно, какъ сошлись, безъ поцѣлуя, безъ обѣщаній встрѣтиться. Андрей пришелъ къ себѣ, заперъ дверь на ключъ и не отвѣтилъ, когда къ нему стучали. Онъ не спалъ всю ночь и о чемъ-то думалъ, что-то хотѣлъ понять и рѣшить. Но рѣшать было нечего, а понять, соединить любовь и жизнь не могли люди и до Андрея, не смогутъ, вѣроятно, и послѣ него.

XII.

Въ маленькой комнатѣ съ лежанкой, съ сундуками и корзинками, съ вареньемъ на полкахъ — сидѣли Домна Ниловна, тетушка Анна Ильинишна и Катя.

Комната эта помѣщалась въ самомъ дальнемъ углу дома и называлась почему-то «теплушкой». Во всѣхъ случаяхъ жизни, требовавшихъ обсужденій сообща, Домна Ниловна устраивала семейный совѣтъ именно въ теплушкѣ. Даже когда она одна должна была что-нибудь рѣшить, относительно хозяйства, напримѣръ, — она удалялась въ эту тѣсную комнатку, считала банки съ пикулями и вареньемъ, перебирала пучки рѣзко пахнущихъ, сухихъ травъ, висящихъ на стѣнахъ – и сейчасъ же чувствовала, что укрѣпляется въ мысляхъ.

Теперь и Анна Ильинишна была привлечена сюда. Она чувствовала себя преотвратительно въ теплушкѣ. Сундуки тѣснили ее, низенькіе стульчики казались неудобными, отъ спертаго воздуха ей становилось душно.

— Что-же, сестрица? Чего же охать? Ты ужъ мнѣ скажи, наконецъ, что у васъ случилось и причемъ тутъ я?

Домна Ниловна махнула рукой. Катя отошла къ окну и, вынувъ платокъ, заплакала, громко дыша. У нея и раньше были красные глаза.

Анна Ильинишна нетерпѣливо задвигалась на стулѣ.

— Да вѣдь можно же объяснить, наконецъ, въ чемъ дѣло?

— Думать надо — вы все, сестрица, знаете — начала Домна Ниловна. Что тамъ, вина не ваша, но горько мнѣ, горько видѣть, какъ гибнетъ единое дитя, да какъ дѣвичье сердце болитъ, золотое сердце, это всякій видитъ...

— Прошу тебя, Домаша, изъясниться. Весьма серьезно прошу.

— А какого тутъ шута изъясняться? — вдругъ вскипѣла Домна Ниловна.—Твоя же эта гувернантка передъ Андрюшей вертѣлась, знала, что женихъ—безстыдные ея глаза—и такъ ребенка повредила, что на поди! все забылъ. Ровно пришитые другъ къ другу. Цѣлый мѣсяцъ только вдвоемъ. Катю вѣдь ужъ любилъ, любилъ, и что-жъ! Точно колдовство. Обѣщанье, любовь, честный бракъ — все какъ нищему въ торбу кинулъ! Я ему сегодня слово — а онъ меня такъ и пришибилъ: я, говоритъ, ее больше жизни люблю. Только, говоритъ, при Катѣ молчите. Да что же это за срамъ! Это одно только — боленъ мальчикъ, нездоровъ!

Анна Ильинишна помолчала.

— Не знаю, Домаша, какъ ты можешь такъ разговаривать со мною. Извиняю тебя, потому что ты разстроена. Май для меня какъ дочь, я

ее чуть не съ десяти лѣтъ воспитала, а ты ее мнѣ позоришь. Думаю я, что нельзя взрослому человѣку запретить любить, кого онъ хочетъ. Мое же личное мнѣніе таково, коли хочешь знать, что Андрей куда больше характеромъ къ этой англичанкѣ подходитъ, чѣмъ къ своей невѣстѣ—ты меня, Катичка, извини, я тебя цѣню и уважаю, я только про сходство ваше съ Андреемъ говорю. Ѣхала сюда, ничего рѣшеннаго у васъ не зная, я ужъ думала о своей: вотъ бы ихъ съ Андремъ парочка! И смѣло говорю: пусть сладится, рада буду.

Домна Ниловна всплеснула руками, Катя у окна заплакала громче и вдругъ оторвавъ искаженное лицо отъ платка, крикнула зло:

— Больная-то, больная! Какъ смерть блѣдная, какъ прутъ тонкая! Любитъ мужъ жену здоровую! Молчите ужъ вы! Не Андрюшина вина, а ваша! Вы сводили!

Она была груба и непріятна; вѣроятно, она сильно страдала. Даже Домна Ниловна прикрикнула на нее. Катя затихла и замерла у окна.

Анна Ильинишна тоже молчала. Катины слова имѣли долю правды: миссъ Май точно была больная и Анна Ильинишна это знала. Андрея она любила больше и теперь, сквозь романтическое желаніе соединить своихъ дѣтей, здравый смыслъ пожилой женщины шепнулъ ей: разумно-ли это? Полезно-ли для Андрея?

— Я тебѣ свое окончательное мнѣніе сообщу,—произнесла она, съ трудомъ поднимаясь съ низенькаго стула. А теперь, извини, мать моя— я пойду. Задохлась тутъ отъ этихъ травъ.

Катя и Домна Ниловна остались—она ушла въ свою комнату. Но и тамъ было душно. И Анна Ильинишна рѣшилась пройти въ паркъ, въ бесѣдку, гдѣ стояло ея кресло.

Лѣто было въ разгарѣ. Все распустилось, разошлось, каждый листъ раскрылся съ полнымъ безстыдствомъ, не оставляя мѣста никакой тайнѣ. Солнце жгло и жарило. Пахло пылью и горячей смолой. Казалось — нигдѣ не было отрады.

Въ бесѣдкѣ было особенно жарко — и Анна Ильинишна хотѣла встать, но вдругъ въ дверяхъ показалась Май. Она подошла ближе и сѣла на низенькую скамеечку, у самаго кресла.

Анна Ильинишна посмотрѣла на свою воспитанницу. Казалось — жара на нее иначе дѣйствовала, чѣмъ на другихъ. Лицо ея было еще блѣднѣе, прозрачнѣе, меньше, спокойные всегда глаза—грустны, точно весь этотъ лѣтній зной, эта грубая сила природы, смѣнившая нѣжность, былъ враждебенъ ей, печалилъ ее такъ же безконечно, какъ прежде радовала нѣжность.

— Мнѣ хотѣлось бы уѣхать отсюда, сказала Май.—Здѣсь такъ жарко, и мнѣ немного дурно.

— Тебѣ дурно отъ жары?

— Мнѣ хочется уѣхать,—повторила Май кротко.—Я думаю, мнѣ будетъ гораздо лучше, если я уѣду.

— Послушай, дѣвочка.—начала Анна Ильинишна серьезно.—Отчего ты со мною всегда такая скрытница? Ты лучше мнѣ скажи — я все равно знаю—ты любишь Андрюшу?

Май не покраснѣла, не взволновалась — она сказала очень просто, почти холодно:

— Да, я люблю.

— И оттого хочешь уѣхать? Бѣжать? Оттого, что онъ женихъ другой? Но, дѣвочка, послушай меня... Я тебя понимаю...

— О, нѣтъ,—сказала Май. Вы ошибаетесь. Я совсѣмъ не бѣгу. Для меня мало значенія имѣло, что Андрей Николаевичъ женихъ...

— Какъ мало? Но вѣдь онъ не могъ тебѣ предложеніе сдѣлать...

— Отчего? Онъ просилъ, чтобы я вышла за него замужъ. Но я отказала.

— Отказала! Боже милостивый! Любятъ другъ друга—и отказала! И все ради Катерины!

— О, нѣтъ, нѣтъ, вѣдь я уже упомянула, что для меня не имѣло значенія это обстоятельство... невѣста его. Между нами была любовь и правда, но теперь уже все кончилось.

— Поссорились вы, что-ли?

Лицо Май на секунду затуманилось, точно ей было нетерпѣливо и скучно.

— Нѣтъ, мы не ссорились,—проговорила она.—Такъ кончилось. Замужъ—это другое. Замужъ я ни за кого не выйду. И вы со мной не говорите объ этомъ,—прибавила она твердо.—Я вамъ не умѣю объяснить. Я только знаю, что любовь — одно, а бракъ — другое. Я къ браку никакой склонности не имѣю.

— По твоему безъ брака любить, что-ли?—почти озлобленно крикнула Анна Ильинишна.

Май улыбнулась.

— Да нѣтъ,—сказала она.—Я говорю—почему если рѣчь идетъ о любви—сейчасъ что-то нужно устраивать, свадьбу... Какъ это выразить?.. точно маленькими гвоздиками любовь приколачиваютъ... Зачѣмъ это? Я о свадьбахъ и знать не хочу. Любовь живая. Она пришла—и ушла. А свадьбы—какое мнѣ дѣло? Пусть тамъ кто хочетъ. Я на это не пойду.

Анна Ильинишна смотрѣла растерянно. Изъ всѣхъ рѣчей своей сумасбродной воспитанницы она поняла только одно, что замужъ за Андрея она не выйдетъ и что, дѣйствительно, имъ лучше уѣхать. Она вспомнила о болѣзненности Май—и почувствовала себя слегка утѣшенной.

Май встала, помогла встать Аннѣ Ильинишнѣ и поцѣловала у нея руку.

— Я могу приготовить чемоданы? Мы завтра утромъ уѣдемъ?

— Завтра? Ну, завтра... Да куда только... Постой... Вѣдь надо рѣшить—куда. Не въ деревню же... Ты куда хочешь?

— Все равно, куда вамъ угодно.

— Ну что-жъ... Ну въ Швейцарію поѣдемъ, повыше куда-нибудь, хочешь?

— Да, хочу... Тамъ еще весна, — прибавила она какъ бы про себя — и опять поцѣловала руку у взволнованной и растерянной Анны Ильинишны.

XIII.

Стемнѣло рано, потому что надвинулись тучи, низкія, плотныя, черныя, обѣщая грозу. Ожиданіе было тихо и томительно. И во всемъ домѣ уже давно было тихо и томительно, точно гдѣ-то лежалъ больной или нависло несчастіе. Катя ходила съ красными глазами и молчала, Домна Ниловна вздыхала, Андрей сидѣлъ безвыходно, когда не гулялъ съ Май. Первое время онъ былъ только счастливъ, безуменъ и веселъ, не думая ни о чемъ, кромѣ своей странной любви—но теперь опять онъ мучился; не понимая, что будетъ дальше и по привычкѣ желая кончить все это опредѣленно, подвести подъ какую-нибудь изъ условностей. И мысль о Катѣ мѣшала ему. И Май была не его—а чѣмъ ближе онъ къ ней подходилъ, тѣмъ она казалась ему страннѣе и недоступнѣе.

На столѣ горѣла свѣча. Пламя не колебалось, хотя дверь на балконѣ была отворена—и казалась черной пастью. Андрей лежалъ на турецкомъ диванѣ, заложивъ руки подъ голову.

Вошелъ Тихонъ. Андрей не взглянулъ на него сначала. Но потомъ, когда Тихонъ сталъ убирать книги на письменномъ столѣ, сохраняя важное молчаніе, Андрей мало-по-малу сталъ слѣдить за движеніями его спины въ сѣромъ пиджакѣ, за его затылкомъ, поросшемъ свѣтлыми волосами, свѣтлѣе загорѣлой шеи—и вдругъ что-то вспомнилъ.

— Тихонъ!—окликнулъ онъ его.

Тихонъ обернулся.

— Чего изволите?

Лицо его по обыкновенію было мрачно.

— Ты Тихонъ... вотъ что я тебѣ хотѣлъ сказать... Вѣдь я тебя съ Полей замѣтилъ.

— Съ Полей? Съ какой такой Полей?

— Да не отпирайся, пожалуйста. Съ Пелагеей прачкой.

— А чего-жь мнѣ отпираться?—сказалъ Тихонъ, и вдругъ неожиданно и непривычно улыбнулся, какъ ни старался хмурить брови.— Замѣтили, такъ замѣтили. Мнѣ Полю Богъ послалъ. Каждая во мнѣ

жилка дрожитъ, какъ я ее вижу. Она теперь за десять верстъ, къ матери пошла жить, въ Каменку, значитъ. Я туда черезъ воскресенье къ обѣднѣ стану ходить. Вся она мнѣ кругомъ мила, какъ зимнее солнышко.

— А Василиса?

— Эхъ, баринъ! Сами вы очень хорошо должны понять. Что Василиса? Василиса на своемъ мѣстѣ. Развѣ онѣ другъ дружкѣ мѣшаютъ? Съ Василисой мы вѣнчаться будемъ. Это особая статья. Жена—женой, она Божьему ниспосланію не должна мѣшать. Которая баба этого не понимаетъ—такъ той втолковать должно.

Андрей поднялся и сѣлъ. Ему почудился шорохъ на балконѣ. Тихонъ еще что-то поворчалъ, повозился и вышелъ. Андрей заперъ дверь въ коридоръ на крючокъ, потомъ опять сѣлъ и пристально всматривался въ черное пятно. Глаза устали — и онъ на секунду отвелъ ихъ, а когда поднялъ вновь—на порогѣ стояла Май.

Андрей вскочилъ, бросился къ ней и обнялъ ее. Всегда, цѣлуя ее, онъ ощущалъ какой-то холодъ въ ней, даже не холодъ, а свѣжесть, точно вѣтеръ отъ вечерней, весенней воды—и никогда не думалъ и не понималъ, что цѣлуетъ ее, такъ это ему казалось невѣроятнымъ и особеннымъ. И острое, какъ игла, чувство тоскливой радости кололо и язвило его каждый разъ.

Теперь онъ схватилъ ее почти грубо, безъ обычнаго страха и осторожности, посадилъ къ себѣ на колѣни, цѣловалъ руки и шею. Въ саду зашумѣла сухая гроза.

— Май, шепталъ Андрей.—Не мучай меня больше. За что? Я такъ утомленъ. Рѣши, согласись, чтобъ мы были мужъ и жена, вѣдь я тебя люблю... Отчего ты не хочешь?..

Она вдругъ освободилась отъ него и встала.

— Мнѣ жарко... сказала она. Я не могу. Я пришла проститься съ тобою, Андрей. Я уѣду завтра.

— Уѣдешь? Уѣдешь?

— Да. Вотъ что: я не говорю, что ты меня не любилъ. Но наша любовь прошла. Все хорошее въ любви прошло. Теперь надо разстаться. Вѣдь ты былъ счастливъ отъ этой любви? Были настоящія минуты большого счастья? Скажи? Когда липы расцвѣтали, помнишь? Когда ты меня поцѣловать боялся? Были?

— Да, были...—прошепталъ Андрей.

— Ну вотъ, а теперь прошло. Липы на могутъ опять распуститься, и тѣхъ, лучшихъ минутъ, не будетъ. Ты смѣшиваешь то, что не смѣшивается. Ты любовь, то, что отъ Бога, сводишь на свадьбу, на соединеніе, на привычку, на связи, которыя отъ людей. Можетъ быть и свадьба — хорошо, но только я на это не пойду. Мнѣ жарко, мнѣ

душно, мнѣ тяжело. Я одну любовь люблю. Прости меня. Не надо роптать, если что-нибудь прошло. Такъ должно. Вѣдь оно было...

Андрей стоялъ передъ ней безъ словъ.

— Прощай-же,—сказала она, и поцѣловала, чуть дотронувшись до него блѣдными губами.—Не надо никогда забывать другъ друга. Ты знаешь, это бываетъ только одинъ разъ. Прощай.

Она вышла на балконъ. Молнія безъ грома трясущимся, сѣрымъ блескомъ вдругъ освѣтила деревья сада и небо. Андрей въ послѣдній разъ увидалъ бѣлое платье Май—и утомленной, безсильной душѣ его показалось, что это призракъ, какъ и вся его любовь.

Прошло нѣсколько дней. Семья сидѣла за вечернимъ чаемъ на террасѣ. Домна Ниловна разговаривала съ Катей, угощала Андрея земляникой со сливками, была доброй и ласковой и почти болтливой, чтобы не думать о недоговоренномъ. Андрей молча принималъ заботливость Кати и матери, былъ неловокъ и тихъ. Послѣ жаркаго дня наступалъ ясный вечеръ. Скошенная трава пахла пронзительно и сладко.

На террасу вошелъ Тихонъ и остановился у двери.

— Что тебѣ? проговорила Домна Ниловна.

— А я къ барину.

— Да что нужно?

Андрей медленно поднялъ глаза.

— Скажи, что тебѣ, Тихонъ?—проговорилъ онъ кротко.

— А я насчетъ свадьбы. Мнѣ, Андрей Николаевичъ, никакъ невозможно. Назначено тамъ на двадцать пятое іюля. Намъ съ Васеной это не подходитъ. Что-жъ? Справить свадьбу, да и дѣло къ сторонѣ. Дозвольте сейчасъ послѣ Петровокъ. Это и спокойнѣе, да и вообще облегчительнѣе. Какъ угодно, а иначе я не могу.

— Что-же ты сердишься? сказалъ Андрей попрежнему кротко.— Я очень радъ. Вѣнчайся себѣ послѣ Петровокъ. У насъ съ тобой свадьба въ одинъ день была назначена. А я давно ужъ думалъ, что и намъ нечего тянуть. Мама, Катя,—продолжалъ онъ, обернувшись въ ихъ сторону,—какъ вы полагаете, можно намъ перемѣнить день? Къ чему цѣлый мѣсяцъ? Катюша, ты согласна?

Катя вспыхнула отъ неожиданности, взглянула на него глазами, полными удовольствія и благодарности.

— Я не знаю...—проговорила она.—Какъ мамаша...

Домна Ниловна сіяла. Всѣмъ стало легче и свободнѣе.

— Господь съ вами, дѣтки, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Порадуйте меня, старуху.

Катя подошла къ Андрею и прислонилась головой къ его плечу.

— Значитъ, рѣшено?—сказалъ Андрей громко, приподнимая розовое Катино личико.—Черезъ недѣлю?

— Да.,. Черезъ недѣлю... Только вотъ что: Андрюша, мамаша, мы не подумали! А приданое, а платье подвѣнечное? Не успѣютъ сшить! Андрюша, какъ по твоему?

И она взглянула съ безпокойствомъ.

— Успѣютъ, успѣютъ,— проговорилъ Андрей.— Не тревожься, Катюша, все успѣютъ.

Онъ наклонилъ голову и поцѣловалъ ее. Она съ радостью отвѣтила ему—и Андрей опять невольно подумалъ, какія у нея мягкія, пріятныя губы и какая она вся милая.

З. Гиппіусъ.

ТУРГЕНЕВЪ и ТОЛСТОЙ.

ОЧЕРКЪ IX.

Лиза, героиня «Дворянскаго гнѣзда».

I.

Разбирая женскіе типы Тургенева, мы оставляли до сихъ поръ въ сторонѣ вопросъ о томъ, при помощи какихъ художественныхъ пріемовъ они воспроизведены. Нѣсколько замѣчаній въ этомъ смыслѣ, сдѣланныхъ въ главѣ о Зинаидѣ («Первая любовь»), въ счетъ не идутъ.

Обойти этотъ вопросъ въ трудѣ, посвященномъ изученію Тургеневскаго творчества, было-бы непростительнымъ упущеніемъ. Для восполненія такого пробѣла я считаю достаточнымъ разсмотрѣть съ нѣкоторыми подробностями художественное изображеніе одного изъ важнѣйшихъ женскихъ типовъ, созданныхъ Тургеневымъ, — именно такого, который по праву можетъ считаться типичнымъ образчикомъ художественной манеры Тургенева. Къ числу таковыхъ несомнѣнно принадлежитъ образъ *Лизы*. Въ предыдущемъ очеркѣ мы разсмотрѣли этотъ образъ по существу, т.-е. со стороны идей, для апперцепціи которыхъ онъ можетъ служить: теперь мы постараемся изслѣдовать его со стороны тѣхъ художественныхъ пріемовъ, силою которыхъ онъ былъ созданъ. И, быть можетъ, нашъ анализъ послужитъ къ устраненію иллюзіи, въ которую нерѣдко впадаютъ многіе, читая и перечитывая Тургенева: имъ кажется, будто созданіе извѣстнаго образа (напр. Лизы) не стоило автору большого труда, будто образъ создался скорѣе силою «вдохновенія», чѣмъ — упорной работы мысли. Трудящійся авторъ, погруженный въ анализъ, задумывающійся надъ тѣмъ, какъ-бы лучше изобразить, какъ оттѣнить, какими красками написать, какой взять тонъ и т. д., совсѣмъ не виденъ читателю. Оттуда, между прочимъ, мнѣніе, которое иногда приходится слышать, будто Тургеневъ, сравнительно съ Толстымъ, художникъ «поверхностный», не идущій въ глубь вещей, создающій образы прелестные, но не основан-

ные на глубокомъ изученіи людей и жизни. Такое сужденіе можетъ быть опровергнуто только анализомъ Тургеневскихъ образовъ по существу. т.-е. со стороны ихъ содержанія. Это мы и дѣлали до сихъ поръ. Иллюзія-же легкости творчества, иллюзія отсутствія труда, направленнаго на самое изображеніе типовъ, разрушится, если мы изъ роли читателя перейдемъ въ роль изслѣдователя и постараемся вникнуть въ тѣ художественные пріемы, которые примѣнены авторомъ въ томъ или другомъ случаѣ. Мы убѣдимся тогда, что все здѣсь строго обдумано, тщательно взвѣшено и тонко соображено, что на это дѣло потрачено много упорнаго труда—художественной мысли.

Лиза появляется впервые въ концѣ *главы III-й*: Паншинъ, сойдя съ лошади, вбѣгаетъ въ комнату и «въ то же время на порогѣ другой двери показалась стройная, высокая, черноволосая дѣвушка лѣтъ 19-ти, — старшая дочь Марьи Дмитріевны, Лиза». Затѣмъ только въ *главѣ IV-й* мы нѣсколько знакомимся съ Лизой на основаніи ея разговора съ Паншинымъ и съ Леммомъ по поводу кантаты, сочиненной послѣднимъ. Изъ немногихъ словъ, сказанныхъ здѣсь Лизою, мы выносимъ извѣстное впечатлѣніе, заставляющее насъ подозрѣвать, что это — дѣвушка не совсѣмъ обыкновенная, что въ ея натурѣ есть нѣчто особенное, нѣкоторая, пока еще невѣдомая, глубина, соединенная съ простотою и ясностью души. Такое впечатлѣніе не осуществилось-бы, если-бы эта сцена была помѣщена раньше, если-бы ей не предшествовали главы IV-я, заключающая въ себѣ характеристику Паншина, и въ особенности— V-я, цѣликомъ посвященная Лемму. Эти двѣ главы, въ которыхъ Лиза отсутствуетъ, имѣютъ огромное значеніе именно для постепеннаго и незамѣтнаго созданія въ мысли читателя образа Лизы. Обѣ характеристики — Паншина и Лемма — въ этихъ двухъ коротенькихъ главкахъ, можно сказать, закончены, и въ распоряженіи читателя такимъ образомъ оказываются двѣ извѣстныя величины. Глава VI-я (объясненіе Лизы съ Паншинымъ и Леммомъ по поводу кантаты) указываетъ намъ на отношеніе къ этимъ двумъ уже извѣстнымъ величинамъ третьей — неизвѣстной, Лизы. Получается родъ художественнаго силлогизма или уравненія, подсказывающаго читателю, незамѣтно для него самого, опредѣленіе Лизы. Это «подсказываніе» начинается уже въ концѣ главы V-й. Изъ предыдущихъ двухъ страницъ ея мы узнаемъ, что такое Леммъ; мы выносимъ убѣжденіе, что это — умственная и нравственная величина весьма значительная. «Поклонникъ Баха и Генделя» (читаемъ мы), знатокъ своего дѣла, одаренный живымъ воображеніемъ и той смѣлостью мысли, которая доступна одному германскому племени, Леммъ со временемъ—кто знаетъ?—сталъ-бы въ ряду великихъ композиторовъ своей родины, если-бы жизнь иначе его повела; но не подъ счастливой звѣздой онъ родился!..» Такъ вотъ въ концѣ этой главы намъ даютъ понять, что этотъ замѣчательный человѣкъ высоко цѣнитъ Лизу. Намъ этого не го-

ворятъ прямо, а заставляютъ насъ самихъ сдѣлать, и притомъ безсознательно, такое заключеніе, которое и является немаловажнымъ «штрихомъ» въ дѣлѣ постепеннаго возникновенія въ нашемъ воображеніи образа Лизы. Сказано лишь, что Леммъ «давно ничего не сочинялъ; но, видно, Лиза, лучшая его ученица, *умѣла его расшевелить:* онъ написалъ для нея кантату...» Свѣдѣнія объ этой кантатѣ (надпись и посвященіе: «только праведные правы» и т. д. и приписка «für Sie allein») дорисовываютъ до конца тотъ «штрихъ», о которомъ мы говоримъ. Читая все это, читатель не думаетъ о Лизѣ, онъ думаетъ только о Леммѣ, о которомъ и идетъ рѣчь, и потому не догадывается, что эти черточки не только служатъ для характеристики Лемма, но очень важны для дальнѣйшаго выясненія натуры Лизы. Это нисколько не мѣшаетъ этимъ черточкамъ дѣлать свое дѣло, и образъ Лизы начинаетъ нечувствительно складываться въ головѣ читателя. Безъ всякаго сомнѣнія, такая группировка чертъ, такое освѣщеніе Лизы свѣтомъ, отраженнымъ отъ Лемма, вышли не сами собою: здѣсь виденъ тонкій расчетъ художника. Не случайно также, а преднамѣренно такъ рѣзко противупоставлены Леммъ и Паншинъ, и Леммъ впервые выведенъ на сцену въ главѣ IV-й, тотчасъ послѣ Паншинскаго романса: «...всѣмъ присутствовавшимъ очень понравилось произведеніе молодого диллетанта: но за дверью гостинной въ передней стоялъ только-что пришедшій уже старый человѣкъ, которому, судя по выраженію его потупленнаго лица и движеніямъ плечей, романсъ Паншина, хотя и премиленькій, не доставилъ удовольствія...» Въ виду художественнаго удобства появленія Лемма какъ разъ въ этотъ моментъ, нѣсколько нарушенъ принятый (очевидно, съ расчетомъ на извѣстный художественный эффектъ) въ первыхъ главахъ порядокъ появленія новыхъ лицъ въ самомъ концѣ главы *).

Въ главѣ VII-й даны еще двѣ-три незамѣтныя черточки, которыя однако-же западаютъ мимоходомъ въ голову читателя и, присоединяясь къ прежнимъ, подвигаютъ впередъ характеристику Лизы. Это именно замѣчаніе Лаврецкаго, что у Лизы—еще 8 лѣтъ тому назадъ, когда онъ въ послѣдній разъ ее видѣлъ,—было «такое лицо, котораго не забываешь», и далѣе—объясненіе съ Паншинымъ въ концѣ главы. Отмѣтимъ также, что въ этой главѣ впервые примѣненъ пріемъ, который мы встрѣтимъ не разъ въ дальнѣйшемъ, а именно—глава заканчивается «нѣмой картиной»: внизу, на порогѣ гостинной, Паншинъ объясняется въ любви Лизѣ, которая «ничего не отвѣчала ему...», а наверху, въ комнатѣ Маѳы Тимоѳеевны, сидѣлъ Лаврецкій; «старушка, стоя передъ нимъ, изрѣдка и молча гладила его по волосамъ... Онъ ничего не сказалъ своей ста-

*) Въ концѣ первой главы является Гедеоновскій, въ концѣ II-й — Паншинъ, въ концѣ III-й—Лиза, *въ IV-й — страницей выше конца — Леммъ,* въ самомъ концѣ VI-й—Лаврецкій. (V-я повѣствуетъ о Леммѣ и является первымъ изъ трехъ отступленій повѣствовательнаго объяснительнаго характера: второе о Лаврецкомъ, третье о Лизѣ. Объ этихъ отступленіяхъ будетъ рѣчь ниже).

ринной доброй пріятельницѣ, и она его не разспрашивала... Да и къ чему было говорить, о чемъ разспрашивать? Она и такъ все понимала, она и такъ сочувствовала всему, чѣмъ переполнялось его сердце».

Съ VIII-й главы и до XVI-й включительно идетъ большое (можетъ быть, слишкомъ большое) отступленіе, гдѣ излагается прошлое Лаврецкаго и вообще исторія «дворянскаго гнѣзда» Лаврецкихъ.

Нить прерваннаго разсказа возстановляется съ главы XVII-й. Лаврецкій встрѣчаетъ Лизу, идущую въ церковь, и изъ короткаго разговора съ нею узнаетъ, что Лиза религіозна. Онъ проситъ ее помолиться и за него. «Лиза остановилась и обернулась къ нему.— Извольте, сказала она, прямо глядя ему въ лицо:—я помолюсь и за васъ...» Это опять одинъ изъ тѣхъ незамѣтныхъ, при бѣгломъ чтеніи легко ускользающихъ отъ вниманія читателя, штриховъ, которые, однакоже, присоединяясь ко множеству другихъ, имъ подобныхъ, созидаютъ въ воображеніи читателя образъ Лизы и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно плетутъ психологическую нить взаимныхъ отношеній Лизы и Лаврецкаго. Читатель могъ и не остановиться на этихъ двухъ строчкахъ, но онѣ заронили ему въ голову увѣренность или готовность думать, что Лиза глубоко религіозна, что для нея молитва —дѣло серьезное. И въ этихъ словахъ Лизы («извольте, я помолюсь и за васъ»), въ тонѣ, съ которымъ онѣ были сказаны (авторъ даетъ намъ почувствовать этотъ тонъ), Лаврецкій долженъ былъ почуять проявленіе души глубокой и своеобразной. Но подобно читателю, и Лаврецкій еще далекъ отъ полнаго и надлежащаго пониманія Лизы,—онъ только подготовляется къ таковому, невольно и постепенно подчиняясь обаянію этой чистой и высокой души.

Послѣ этой коротенькой сценки Лиза появляется впервые только въ главѣ XXIII *), — тѣмъ не менѣе на протяженіи этихъ главъ XVII — XXIII ея образъ значительно выясняется, и мозаичная работа его созиданія далеко подвигается впередъ. Такой результатъ достигнутъ указаніями на то, какъ думаютъ о Лизѣ, какъ понимаютъ ее, какъ относятся къ ней другія лица, уже извѣстныя читателю, а именно Марѳа Тимоѳеевна, Лаврецкій и въ особенности Леммъ. Первая вноситъ свою лепту въ это трудное, кропотливое дѣло созиданія образа Лизы — высказывая Лаврецкому (въ гл. XVII) свое рѣзко-отрицательное отношеніе къ личности и сватовству Паншина. На вопросъ Лаврецкаго: «ну, а Лиза къ нему неравнодушна?»—она отвѣчаетъ, невольно попадая въ тонъ настроенія Лаврецкаго: «кажется, онъ ей нравится,—а, впрочемъ, Господь ее вѣдаетъ! Чужая душа, ты знаешь, темный лѣсъ, а дѣвичья и подавно», на что Лаврецкій замѣчаетъ: «да, дѣвичью душу не разгадаешь». Это даетъ направленіе мыслямъ Лаврецкаго о Лизѣ въ слѣдующей XVIII главѣ (на пути въ деревню): «вотъ—думалъ онъ—новое существо только что вступаетъ въ жизнь. Славная дѣвушка, что-то изъ

*) Ея присутствіе въ главѣ XXI въ счетъ не идетъ.

нея выйдетъ. Она и собой хороша. Блѣдное. свѣжее лицо, глаза и губы такіе серьезные и взглядъ честный и невинный. Жаль. она, кажется, восторжена немножко. Ростъ славный, и такъ легко ходитъ, и голосъ тихій. Очень я люблю, когда она вдругъ остановится, слушаетъ со вниманіемъ, безъ улыбки, потомъ задумается и откинетъ назадъ свои волосы...» Кстати замѣтить, даже наружность Лизы описана Тургеневымъ не такъ, какъ въ большинствѣ случаевъ описывается у него наружность другихъ героинь: портретъ Лизы не данъ сразу, а отдѣльныя его черты, будто случайно, разбросаны въ разныхъ мѣстахъ романа. Здѣсь, въ гл. XVIII, впервые послѣ очень краткаго указанія на внѣшность героини, сдѣланнаго въ концѣ главы III, даны — въ размышленіяхъ Лаврецкаго—дополнительныя черты.

Отношеніе Лаврецкаго къ Лизѣ приблизительно такое же, какъ и отношеніе къ ней читателя: для Лаврецкаго она пока еще загадка, величина неизвѣстная; но въ этой неизвѣстной величинѣ онъ уже прозрѣваетъ нѣчто значительное и своеобразное, — натуру, полную чарующей прелести и глубокаго интереса. И для него, какъ и для читателя, въ цѣляхъ выясненія этой натуры, ея глубины, ея обаянія, дружно работаютъ другія лица, одни прямо, другія косвенно. Но важнѣе всего въ этомъ отношеніи роль Лемма. Въ «построеніе Лизы» онъ вноситъ элементъ творческій, поэтическій, музыкальный. Намеки въ этомъ смыслѣ попадались и раньше (кантата, музыка въ гл. XXI), но только съ главы XXII-й Леммъ окончательно выступаетъ въ этой роли. Я имѣю въ виду коротенькую, но прелестную сцену въ дорогѣ (Лаврецкій и Леммъ ѣдутъ въ деревню), которую и попрошу читателя возстановить въ памяти. При этомъ необходимо припомнить послѣднія строки предыдущей XXI-й главы: «Даже сидя въ коляскѣ, старикъ продолжалъ дичиться и ежиться; но тихій, теплый воздухъ, легкій вѣтерокъ, легкія тѣни, запахъ травы, березовыхъ почекъ, мирное сіяніе безлуннаго звѣзднаго неба, дружный топотъ и фырканье лошадей, всѣ обаянія дороги, весны, ночи — спустились въ душу бѣднаго нѣмца, и онъ самъ первый заговорилъ съ Лаврецкимъ». Послѣ этого и идетъ XXII глава, начинающаяся словами «Онъ сталъ говорить о музыкѣ, о Лизѣ, потомъ опять о музыкѣ, Онъ какъ будто медленнѣе произносилъ слова, когда говорилъ о Лизѣ». Глава заключаетъ въ себѣ всего 2 страницы, которыя можно резюмировать такъ: Леммъ. этотъ необыкновенный человѣкъ, несчастный и трогательный старикъ, размечтался о «музыкѣ и о Лизѣ» и, въ приливѣ неопредѣленныхъ вдохновеній. поэтизируетъ: «Вы, звѣзды! О вы, чистыя звѣзды!» Изъ этихъ вдохновеній пока ничего не выходитъ, но для читателя и для Лаврецкаго эти варіаціи старика о звѣздахъ, о невинныхъ сердцемъ, о любви даютъ въ результатѣ своеобразную психологическую ассоціацію, въ составъ которой входитъ и образъ Лизы. Отъ стараго музыканта и «поэта въ душѣ» падаетъ на эту все еще загадочную фигуру своеобразное освѣщеніе, которое въ главѣ XXIII еще усиливается —

тирадою Лемма по поводу предполагаемой любви Лизы къ Паншину: «Нѣтъ, горячится старикъ, она его не любитъ, т. е. она очень чиста сердцемъ и не знаетъ сама, что это значитъ—любить... Она можетъ любить одно прекрасное, а онъ не прекрасенъ, т. е. душа его не прекрасна». — «Дражайшій маэстро! воскликнулъ вдругъ Лаврецкій: — мнѣ сдается, что вы сами влюблены въ мою кузину.—Леммъ вдругъ остановился.—Пожалуйста, началъ онъ невѣрнымъ голосомъ,—не шутите такъ надо мною. Я не безумецъ: я въ темную могилу гляжу, не въ розовую будущность».

Для читателя и для Лаврецкаго эта ассоціація служитъ важною подготовкою для встрѣчи Лизы въ слѣдующихъ главахъ, начиная съ XXIV-й. Неизвѣстная величина начинаетъ понемногу выясняться, — душа загадочной дѣвушки постепенно раскрывается передъ нами. Въ главѣ XXIV-й мы находимъ сравнительно-длинный разговоръ Лаврецкаго съ Лизой нѣсколько-интимнаго характера — объ отношеніяхъ Лаврецкаго къ женѣ. Этому разговору, гдѣ ярко выступаетъ глубокая религіозная и нравственная убѣжденность Лизы, предшествуютъ слѣдующія строки: «Они разговорились; она успѣла уже привыкнуть къ нему.—да она и вообще никого не дичилась *). Онъ слушалъ ее, глядѣлъ ей въ лицо и мысленно твердилъ слова Лемма, соглашался съ нимъ. Случается иногда, что два уже знакомыхъ, но не близкихъ другъ другу человѣка внезапно и быстро сближаются въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній, — и сознаніе этого сближенія тотчасъ выражается въ ихъ взглядахъ, въ ихъ дружелюбныхъ и тихихъ усмѣшкахъ, въ самыхъ ихъ движеніяхъ. Именно это случилось съ Лаврецкимъ и Лизой. «Вотъ онъ какой», подумала она, ласково глядя на него; «вотъ ты какая», подумалъ и онъ». — Разъ это сближеніе и взаимное довѣріе было почувствовано ими, Лиза не колеблясь сама первая заговорила на щекотливую тему о супружескихъ отношеніяхъ Лаврецкаго. Изъ всего разговора ясно видно, что Лизою руководило вовсе не любопытство, столь свойственное женщинамъ, не соблазнъ пикантной темы для бесѣды, — а чистый порывъ глубоко-убѣжденнаго человѣка—указать другому, возбуждающему симпатію и состраданіе, правильный путь, вызвать въ немъ извѣстныя чувства—жалости, желаніе простить—по отношенію къ женѣ, хотя бы и виновной. Отмѣтимъ также одну характерную черту Лизы, проявляющуюся какъ тутъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ: это—своеобразная и непреклонная, несговорчивая логика христіански-убѣжденнаго ума, ненарушимо стоящаго на устояхъ этики всепрощенія, примиренія, покорности и безропотности въ несчастіи. Этотъ разговоръ не былъ тихой, задушевной бесѣдой, это былъ споръ, при чемъ Лаврецкій даже сердился и топалъ ногою. И конечно, изъ этого спора онъ, какъ и мы, читатели, долженъ былъ вы-

*) Опять, какъ бы невзначай, но съ несомнѣннымъ намѣреніемъ вставленное замѣчаніе, не лишенное значенія для пониманія Лизы: Лиза молчалива и сосредоточена, не экспансивна, но она не—«дичокъ».

нести убѣжденіе въ томъ, что въ характерѣ Лизы, этой кроткой, женственно-нѣжной натуры, скрывается особое душевное начало, стойкое и неуклонное, какъ логика, неумолимое, какъ религіозный кодексъ, безповоротное, какъ категорическій императивъ нравственнаго.

Минуя главу XXV, заключающую въ себѣ несравненный эпизодъ о несравненномъ Михалевичѣ, переходимъ къ слѣдующей главѣ XXVI-й, гдѣ образъ Лизы, наконецъ, дорисовывается и выступаетъ въ полномъ обаяніи всѣхъ чаръ своей глубокой несравненности, своей умной наивности.

Марья Дмитріевна съ дочерьми—въ гостяхъ у Лаврецкаго, въ деревнѣ. Лаврецкій и Лиза на плотинѣ—чудный сюжетъ для художника-живописца. «Лаврецкій глядѣлъ на ея чистый, нѣсколько-строгій профиль, на заткнутые за уши волосы, на нѣжныя щеки, которыя загорѣли у ней, какъ у ребенка,—и думалъ: о, какъ мило стоишь ты надъ моимъ прудомъ!»—Въ разговорѣ съ Лаврецкимъ опять обнаруживается—мимоходомъ, словно невзначай—то религіозное начало въ Лизѣ, о которомъ мы только-что говорили. Здѣсь находятся знаменитыя слова Лизы, что «христіаниномъ нужно быть не для того, чтобы познавать небесное... тамъ... земное, а для того, что каждый человѣкъ долженъ умереть!». Тутъ-же мы узнаемъ, что Лиза часто думаетъ о смерти. Наконецъ, замѣчаніе въ концѣ главы объ умѣ Лизы и ея наивный отвѣтъ: «Право? А я такъ думала, что у меня, какъ у моей горничной Насти, своихъ словъ нѣтъ».—окончательно возсоздаютъ въ нашемъ воображеніи подлинный образъ Лизы. Съ этого момента мы и Лаврецкій ее знаемъ.

II.

Отношенія Лизы и Лаврецкаго, какъ они до сихъ поръ сложились, были отношеніями взаимнаго довѣрія и дружбы, нѣсколько осложненной все возроставшимъ интересомъ другъ къ другу. Лаврецкій видѣлъ въ Лизѣ натуру не совсѣмъ обыкновенную, и Лиза отличала Лаврецкаго отъ другихъ мужчинъ. Завязывались тѣ душевныя связи, изъ которыхъ современемъ могло развиться болѣе живое и страстное чувство. Это развитіе было значительно ускорено неожиданнымъ извѣстіемъ о смерти жены Лаврецкаго (гл. XXVII). Оттуда—рѣзкая перемѣна въ настроеніи нашего героя. Извѣстіе поразило его, взволновало, выбило изъ колеи и, главное,—обрадовало. Онъ почуялъ свободу и возможность новой любви и счастья. Но какъ отразилось это извѣстіе на Лизѣ? Это мы узнаемъ изъ главы XXIX-й, гдѣ въ длинномъ разговорѣ Лаврецкаго съ Лизой на тему о предполагаемой покойницѣ, о «прощеніи», о счастьи, о Паншинѣ—ярко обрисовывается натура Лизы вообще и ея душевное состояніе въ данную минуту. Прелюдіею къ этому—очень важному въ структурѣ всего романа—мѣсту служатъ слѣдующія строки въ концѣ предыдущей XXVIII-й главы: «Лиза пришла въ гостиную и сѣла въ уголъ;

Лаврецкій посмотрѣлъ на нее, она на него посмотрѣла,—и обоимъ стало почти жутко. *Онъ прочелъ недоумѣніе и какой-то тайный упрекъ на ея лицѣ...*» Вотъ именно въ разговорѣ главы XXIX-й Лизою явно руководитъ желаніе выяснить свои *недоумѣнія* и высказать Лаврецкому тотъ *упрекъ*, который онъ наканунѣ прочелъ на ея лицѣ. Оттуда, такъ сказать, активная роль Лизы въ этой бесѣдѣ. *Она* ведетъ разговоръ, *она* задаетъ вопросы и требуетъ отвѣтовъ, она допрашиваетъ и почти обвиняетъ Лаврецкаго. Уже раньше она догадывалась, что неожиданное извѣстіе *обрадовало* Лаврецкаго, что въ глубинѣ души онъ ликуетъ по случаю смерти жены,—и вотъ эта-то догадка и повергаетъ ее въ недоумѣніе. Она не можетъ согласовать несомнѣнной для нея грѣховности и жестокости такого чувства съ сложившимся уже у нея представленіемъ о Лаврецкомъ, какъ о человѣкѣ нравственно-чистомъ, сердечномъ, добромъ. «Скажите, допрашиваетъ она:—вы не огорчены? Нисколько?»—«Я самъ не знаю, что̀ я чувствую», уклончиво отвѣчаетъ подсудимый.—«Но вѣдь вы ее любили прежде? — Любилъ. — Очень? — Очень. — И не огорчены ея смертью?—Она не теперь для меня умерла»,—опять уклончивый отвѣтъ, послѣ котораго слѣдуетъ вердиктъ: «Это грѣшно, что̀ вы говорите... Не сердитесь на меня. Вы меня назвали своимъ другомъ: другъ все можетъ говорить. Мнѣ, право, даже страшно... Вчера у васъ такое нехорошее было лицо... Помните, недавно, какъ вы жаловались на нее? А ея уже тогда, можетъ быть, на свѣтѣ не было. Это страшно. Точно это вамъ въ наказаніе послано». Недоумѣніе Лизы отчасти разъяснено, упрекъ высказанъ, но она все еще не удовлетворена. Лаврецкій оказывается ниже ея идеала. Онъ грѣшникъ. Теперь ему слѣдуетъ не радоваться, не ликовать, а каяться и молить Бога о прощеніи. Лиза это и высказываетъ ему: за вердиктомъ слѣдуетъ эпитимія.

До сихъ поръ, задавая вопросы, требуя отвѣта, выражая свои упреки, Лиза сохраняетъ самообладаніе и спокойствіе духа. Она смѣло высказываетъ свои мысли и, основываясь на правахъ дружбы, исходя изъ живого сочувствія къ положенію Лаврецкаго, не боится даже затрогивать очень щекотливые пункты (напр. о будущности дочери, которую Лаврецкій не признаетъ своею). Это спокойствіе Лизы, очевидно, обусловлено тѣмъ, что она еще не влюблена въ Лаврецкаго и даже не знаетъ о томъ чувствѣ, которое она уже внушила ему. Какъ только она узнаетъ это, или по крайней мѣрѣ начнетъ подозрѣвать,—покой ея души, ясность ея мысли будутъ нарушены. Вотъ это-то и случилось тутъ-же, въ теченіе разговора, который мы анализируемъ, когда Лаврецкій сказалъ, что онъ былъ-бы, вѣроятно, болѣе огорченъ смертью жены, еслибы получилъ это извѣстіе двумя недѣлями раньше. «Двумя недѣлями? возразила Лиза.—Да что-жъ такое случилось въ эти двѣ недѣли?—Лаврецкій ничего не отвѣчалъ, а Лиза вдругъ покраснѣла еще пуще прежняго.—Да, да, вы угадали,—подхватилъ внезапно Лаврецкій:—въ теченіе этихъ двухъ недѣль я узналъ, что значитъ чистая женская душа, и мое про-

шедшее еще больше отъ меня отодвинулось». Затѣмъ слѣдуютъ признаніе относительно ея чувствъ къ Паншину и горячія рѣчи Лаврецкаго, убѣждающаго Лизу не выходить замужъ безъ любви, въ особенности—за Паншина, который недостоинъ ея. Вотъ тутъ-то Лиза и догадывается, что она, помимо воли, зажгла въ Лаврецкомъ чувство болѣе страстное, чѣмъ дружба. Это открытіе дѣйствуетъ на нее потрясающимъ образомъ—тѣмъ болѣе, что и въ себѣ она сознаетъ возможность возникновенія такого-же чувства къ Лаврецкому. Въ перспективѣ ей открывается неизбѣжность роковой коллизіи между влеченіемъ сердца и ея религіозными убѣжденіями. И вотъ почему на слова Лаврецкаго «не правда-ли, вы обѣщаете мнѣ не спѣшить (замужествомъ)»,—«она ни слова не вымолвила—не оттого, что она рѣшилась «спѣшить», но оттого, что сердце у ней слишкомъ сильно билось, и чувство, похожее на страхъ, захватило дыханіе». Этимъ и заканчивается глава XXIX-я, представляющая собою, какъ видно изъ вышесказаннаго, поворотный пунктъ въ развитіи романа и въ особенности въ душевной исторіи Лизы. «Дворянское гнѣздо», можно сказать, дѣлится на двѣ части: первая, изображающая Лизу въ состояніи душевной ясности и уравновѣшенности, заканчивается главой XXIX-й, и отъ нея начинается вторая часть, рисующая полную глубокаго трагизма коллизію въ душѣ Лизы, когда ея внутренній міръ былъ нарушенъ *любовью*, и тѣмъ громче, тѣмъ настойчивѣе заговорили ея религіозныя и нравственныя стремленія.

Постепенное развитіе этой коллизіи очерчено намеками, — въ главѣ XXX-й бѣглымъ, какъ-бы подавленнымъ разговоромъ (у фортепьяно), въ главѣ XXXI-й—сценою въ церкви, гдѣ между прочимъ видно, что Лаврецкій отчасти подчинился религіозному вліянію Лизы: «Онъ взглянулъ на Лизу... Ты меня сюда привела, подумалъ онъ:—коснись-же меня, коснись моей души». Она все такъ-же тихо молилась; лицо ея показалось ему радостнымъ, и онъ умилился вновь, онъ попросилъ другой душѣ—покоя, своей—прощенія...» Намеки главы XXXII-й заключены въ слѣдующемъ разговорѣ: «Вы прочли эту книгу?—спрашиваетъ Лаврецкій.—Нѣтъ, мнѣ теперь не до книгъ,—отвѣчала она и хотѣла уйти.—Постойте на минуту; я съ вами давно не былъ наединѣ. Вы словно боитесь меня.—Да.—Отчего-же, помилуйте?—Не знаю...—Скажите, вы еще не рѣшились?—Что вы хотите сказать? промолвила она, не поднимая глазъ.—Вы понимаете меня.—Лиза вдругъ вспыхнула.—Не спрашивайте меня ни о чемъ, произнесла она съ живостью:—я ничего не знаю, *я сама себя не знаю*... И она тотчасъ-же удалилась».—Въ сценѣ у Калитиныхъ, послѣ молебствія (конецъ той-же главы), «Лаврецкій подсѣлъ было къ Лизѣ, но она держалась строго, почти сурово и ни разу не взглянула на него. Она какъ будто съ намѣреніемъ его не замѣчала; *какая-то холодная, важная восторженность нашла на нее*... Онъ чувствовалъ: что́-то было въ Лизѣ, куда онъ проникнуть не могъ».

Таковы симптомы глухой борьбы, происходившей въ душѣ Лизы. Она

уже знала, что *онъ* ее любитъ, и считала это несчастьемъ и грѣхомъ; она уже начинала сознавать и въ себѣ зарожденіе любви къ *нему*, и это чувство казалось ей чѣмъ-то въ родѣ паденія, преступленія, святотатственнаго нарушенія завѣтовъ религіи и нравственности. Но въ тоже время она не могла не знать, что это чувство по-своему чисто и свято, что въ немъ нѣтъ ничего грязнаго, ничего грѣховнаго. Манящая прелесть зарождающагося чувства, чарующая поэзія первой любви уже овладѣвали душою Лизы,—и не знала она, какъ сладить съ этимъ обаяніемъ, какъ вырвать это чувство, —да и въ самомъ ли дѣлѣ такъ уже необходимо вырывать его? А что—если оно ниспослано свыше? Но для чего: для искушенія, для испытанія, или для счастья, для радостей земныхъ? Какъ рѣшить этотъ вопросъ, гдѣ найти отвѣтъ? Для Лизы ясно: нужно обратиться къ Богу, нужно молиться Ему: Онъ укажетъ. —Она любила и молилась.

Любовь, осложненная молитвою,—это совсѣмъ особая любовь, къ которой способны только такія натуры, какъ Лиза, — любовь, въ которой замѣшано третье лицо—Божество. Это лицо—не равнодушный зритель, не холодный созерцатель. Оно принимаетъ живое участіе въ душевной коллизіи героини и можетъ позволить и воспретить, поощрить и покарать. Оно позволило въ главѣ XXXII-ой Лаврецкому разбить Паншина въ словесномъ турнирѣ «по всѣмъ пунктамъ» и дало Лизѣ почувствовать, что «оба они (Лиза и Лаврецкій) и любятъ, и не любятъ одно и то-же» (гл. XXXIV). По окончаніи турнира, они, «словно сговорившись, оба встали и помѣстились возлѣ Марѳы Тимоѳеевны. Имъ сдѣлалось вдругъ такъ хорошо обоимъ, что они даже побоялись остаться вдвоемъ,—и въ то-же время они почувствовали оба, что испытанное ими въ послѣдніе дни смущеніе исчезло и не возвратится болѣе...» Глава (XXXIII) оканчивается «картиною»: «Все затихло въ комнатѣ, слышалось только слабое потрескиваніе восковыхъ свѣчей... да широкой волной вливалась въ окна, вмѣстѣ съ росистой прохладой, могучая, до дерзости звонкая пѣснь соловья».—Затѣмъ идетъ удивительное, въ поэтическомъ отношеніи, изображеніе — въ главѣ XXXIV-ой—апоѳеоза любви Лаврецкаго и Лизы. «Они сидѣли возлѣ Марѳы Тимоѳеевны и, казалось, слѣдили за ея игрой (въ карты)... а между тѣмъ у каждаго изъ нихъ сердце росло въ груди, и ничего для нихъ не пропадало: для нихъ пѣлъ соловей, и звѣзды горѣли, и деревья тихо шептали, убаюканныя и сномъ, и нѣгой лѣта, и тепломъ. Лаврецкій отдавался весь увлекавшей его волнѣ — и радовался; *но слово не выразитъ того, что происходило въ чистой душѣ дѣвушки: оно было тайной для нея самой; пусть же останется оно и для всѣхъ тайной.* Никто не знаетъ, никто не видѣлъ и не увидитъ никогда, какъ, призванное къ жизни и процвѣтанію, наливается и зрѣетъ зерно въ лонѣ земли».

Для надлежащей оцѣнки художественнаго образа Лизы, необходимо вникнуть въ настоящій смыслъ этихъ строкъ.

III.

Эти поэтическія строки отнюдь не должны быть разсматриваемы, какъ одна изъ столь обычныхъ въ изящной литературѣ стилистическихъ прикрасъ въ описаніяхъ любви, — какъ родъ общаго мѣста, которое легко могло бы быть перенесено изъ одного романа въ другой и вездѣ было бы кстати.

Сущность разбираемой мысли Тургенева сводится къ указанію на таинственность, на мистичность зарожденія любви въ душѣ Лизы. Дѣло идетъ спеціально о Лизѣ, какъ художественномъ типѣ, т. е., во-первыхъ, объ индивидуальной Лизѣ, героинѣ «Дворянскаго Гнѣзда», и во-вторыхъ обо всѣхъ тѣхъ женскихъ натурахъ, которыя ей сродни, которыхъ обобщеніемъ или представителемъ служитъ образъ, созданный Тургеневымъ. Не всякая любовь, женская или мужская, таинственна, не всегда ея зарожденіе мистично. Душевное состояніе, его выражающее, зачастую можетъ быть съ большею или меньшею точностью опредѣлено и выражено словами или художественными образами. Вотъ напр. соотвѣтственное душевное состояніе Лаврецкаго вполнѣ опредѣлимо. Но не таково зарожденіе любви у Лизы: у нея оно дѣйствительно загадочно,—первые всходы ея чувства такъ своеобразны и такъ глубоко скрыты въ тончайшихъ извилинахъ ея чистой и высокой души, что этотъ процессъ, въ ней происходящій, остается тайной для нея самой, и слово человѣческое, даже слово великаго художника, не найдетъ для него другого опредѣленія, кромѣ отрицательнаго, «агностическаго». — Такова мысль Тургенева.

Посмотримъ, справедлива ли она.

Вообще говоря, любовь, т. е. состояніе влюбленности, не принадлежитъ къ числу наиболѣе загадочныхъ или таинственныхъ явленій психіи. Она представляется мистичною развѣ только въ томъ смыслѣ, въ какомъ мистично все на свѣтѣ: и матерія, и сила, и законы природы, и міръ психическій, и весь космосъ. Но оставляя въ сторонѣ эту общую всему сущему мистичность, мы скажемъ, что въ сферѣ психической есть рядъ явленій, во многихъ отношеніяхъ несравненно болѣе таинственныхъ, чѣмъ любовь. Это именно — явленія отвлеченной мысли, загадочность которой обусловлена, между прочимъ, тѣмъ, что она—высшее, послѣднее въ эволюціонной цѣпи проявленіе психіи, уже очень далеко отошедшее отъ тѣхъ простѣйшихъ душевныхъ явленій, изъ которыхъ оно развилось. Вотъ именно эта удаленность, вмѣстѣ съ трудностью, иногда невозможностью уловить посредствующія звенья, и придаетъ явленію отпечатокъ относительной «мистичности». Самый процессъ зарожденія мысли, возникновенія понятій, созданія идей, по своей сложности, быстротѣ и кажущейся самопроизвольности, наконецъ, по своей сокровенности и недоступности для изслѣдованія — этотъ процессъ дѣйствительно исполненъ глубокой тайны, и къ нему-то скорѣе.

чѣмъ къ любви, можно примѣнить тургеневскую метафору: «никто не знаетъ, никто не видѣлъ и не увидитъ никогда, какъ, призванное къ жизни и процвѣтанію, наливается и зрѣетъ зерно въ лонѣ земли». Наконецъ, значительная доля мыслительныхъ процессовъ скрывается въ сферѣ безсознательной: она «остается тайною» для самого субъекта, и поэтому—«слово не выразитъ того, что̀ происходитъ» въ немъ.

Иное дѣло — любовь. Правда, и она уже далеко отошла отъ своего первоисточника (полового влеченія), но все-таки этотъ послѣдній—живъ и такъ или иначе сказывается. Самая возможность возникновенія любви только между мужчиной и женщиной (оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя изъятія патологическаго характера, продукты извращенія) указываетъ намъ на генезисъ этого чувства. Оно есть перерожденное, облагороженное, идеализированное половое влеченіе. По способу своего выраженія, по симптомамъ своимъ, оно весьма доступно наблюденію и болѣе или менѣе точному діагнозу. Самому субъекту оно открывается съ не меньшей ясностью, чѣмъ другія чувства.

Исходя изъ этихъ соображеній, можно было бы утверждать, что разсматриваемая мысль Тургенева едва-ли подлежитъ оправданію, что она представляетъ собою родъ утрировки. Если вообще любовь не такъ ужъ мистична, то почему любовь Лизы должна быть исключеніемъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ то, что происходило въ душѣ Лизы, такъ таки и оставалось тайною для нея самой? Развѣ такъ ужъ трудно было ей догадаться, что она влюблена? Или, быть можетъ, это чувство зарождающейся любви осложнилось у нея какими-нибудь другими душевными состояніями, и весь процессъ пріобрѣлъ характеръ особливой сложности и запутанности, такъ что въ самомъ дѣлѣ она не въ состояніи была въ немъ разобраться и дать себѣ отчетъ?

А вотъ посмотримъ.

Послѣ той внутренней борьбы, которую пережила Лиза, послѣ всѣхъ недоумѣній и тревогъ душевныхъ, вызванныхъ въ ней переходнымъ состояніемъ отъ дружбы къ любви, послѣ всѣхъ обуревавшихъ ее противорѣчій,—вдругъ разсѣялся туманъ, и яркій лучъ любви освѣтилъ ея невинную душу,—пришло и для нея, еще не вѣдавшей этихъ радостей, то «чудное мгновеніе», когда человѣкъ чуетъ чарующую близость счастья, когда «ничто для него не пропадаетъ». Было мрачно и противорѣчиво въ душѣ,—теперь въ ней ясно и свѣтло, и нѣтъ противорѣчій, нѣтъ недоумѣній, осуществился могучій подъемъ духа въ какую-то высшую сферу гармоніи, внутренней поэзіи:

И сердце бьется въ упоеньи,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь...

Для душъ несложныхъ, не возвышающихся надъ уровнемъ посредственности, для натуръ заурядныхъ, этотъ переходъ отъ прозы существова-

нія къ поэзіи любви совершается легко, скользя по поверхности души, не превращаясь въ вопросъ, не становясь загадкою. Натуры болѣе глубокія, болѣе вдумчивыя сознательнѣе относятся къ этому душевному процессу, въ нихъ происходящему, и—перенесенный въ сферу болѣе таинственную, чѣмъ онъ, въ сферу мысли—онъ принимаетъ характеръ сложнаго, болѣе или менѣе загадочнаго явленія, въ которомъ онѣ стараются разобраться. Сравнительно несложный вопросъ любви превращается въ многотрудный вопросъ самосознанія. Вспомнимъ Елену, героиню «Наканунѣ», и ея дневникъ. Вообще, чѣмъ глубже натура, тѣмъ и любовь становится глубже, и ея чары кажутся загадочнѣе. Таинственность любви находится въ прямомъ отношеніи къ сложности и значительности душевныхъ задатковъ человѣка. *Въ мистической душѣ Лизы любовь сама становится мистичной.* Переходъ къ той связанности или одержимости духа, которая называется любовью, былъ у Лизы процессомъ чрезвычайно сложнымъ. Не отъ прозы существованія перешла она къ поэзіи любви. Она и до любви знала иныя «чудныя мгновенья»: мистическіе восторги религіи, чарующую близость къ божеству, сладость молитвы. Не прозою и прозябаніемъ была ея жизнь,—она была исполнена поэзіей религіознаго подъема духа и работою своеобразной мысли (хотя и безъ «своихъ словъ»). Отъ этой—мистической и высокой—поэзіи Лиза и перешла къ поэзіи любви, или, лучше сказать, у нея вторая только присоединилась къ первой. Душа Лизы стала ареною двухъ поэтическихъ процессовъ, которые сперва другъ другу противорѣчили и находились въ отношеніяхъ конфликта, а потомъ слились въ гармоническомъ созвучіи. Долго звучали—властно и нераздѣльно—неземные аккорды религіозныхъ струнъ души,—какъ музыка Лемма, они «касались всего, что есть на землѣ дорогого, тайнаго, свѣтлаго», они «дышали безсмертной грустью и уходили умирать въ небеса». Потомъ, въ свой чередъ, рядомъ съ этой райской пѣснью, зазвучали иные—дополнительные—звуки, сперва робкіе, нерѣшительные, казалось—поющіе диссонансомъ. Но они росли и крѣпли, и вотъ уже громко поютъ они про любовь, про чистую радость, общеніе съ живою, хотя-бы и грѣшною душой человѣческой, и вдругъ переходятъ въ «страстную мелодію, которая вся сіяетъ, вся томится вдохновеніемъ, счастьемъ, красотою».

Тургеневъ правъ: «слово не выразитъ того, что происходило въ чистой душѣ дѣвушки». Только вдохновенная музыка Лемма могла дать образъ для этой тайны.

И эту музыкальную тайну души Лизы мы чувствуемъ вмѣстѣ съ Лаврецкимъ въ чудной сценѣ объясненія въ любви, когда тихимъ рыданіемъ она отвѣтила на страстное признаніе Лаврецкаго, и ея голова упала къ нему на плечо.—Въ заключительной лаконической фразѣ, которою оканчивается глава,—«и Лиза не спала: она молилась»—слышатся послѣдніе аккорды той-же душевной симфоніи.

IV.

Слѣдующая глава XXXV-ая посвящена воспитанію Лизы и является третьимъ и послѣднимъ отступленіемъ отъ нити разсказа. Это отступленіе какъ разъ на своемъ мѣстѣ. Не трудно видѣть, что, помѣстивъ его здѣсь. послѣ чудной сцены объясненія въ любви и передъ изображеніемъ того перелома въ судьбѣ Лаврецкаго и Лизы, который былъ слѣдствіемъ внезапнаго возвращенія жены Лаврецкаго, Тургеневъ достигъ двойного художественнаго эффекта. Все предшествующее достаточно познакомило насъ съ Лизою. Мы ее уже хорошо знаемъ,—и тѣ свѣдѣнія о ея дѣтствѣ, ея воспитаніи, которыя сообщаются въ главѣ XXXV-ой, помѣщенныя гдѣ-нибудь выше, въ одной изъ предшествующихъ главъ, не много-бы прибавляли къ обаянію образа Лизы, и безъ того достаточно сильному. Черты изъ ея дѣтства потонули-бы въ этомъ обаяніи, уже осуществленномъ иными художественными средствами, и проскользнули-бы безъ замѣтнаго слѣда. Можно думать даже, что, при неудачномъ помѣщеніи этихъ чертъ, онѣ произвели-бы эффектъ антихудожественный,—впечатлѣніе ненужныхъ усилій расписать то, что уже и безъ того достаточно хорошо написано. Но, на *своемъ* мѣстѣ, непосредственно вслѣдъ за фразой-картиной «и Лиза не спала: она молилась», черты изъ дѣтской жизни Лизы, образъ Лизы-ребенка, трогательныя подробности о пробужденіи въ душѣ дѣвочки религіозныхъ стремленій подъ вліяніемъ Агафьи,—все это превосходно гармонируетъ съ *настроеніемъ читателя*, созданнымъ предшествующей главою. Читатель, остающійся еще во власти сильныхъ художественныхъ эффектовъ предыдущей главы, читатель, въ душѣ котораго еще звучатъ дивные аккорды музыки Лемма, съ умиленіемъ и любовью останавливается надъ образомъ молящейся Лизы,—и что-то дѣтски-трогательное, что-то младенчески-чистое, невинное, святое наполняетъ его душу. И вотъ тутъ-то, въ этотъ мигъ умиленнаго созерцанія, художникъ своимъ эпически-ровнымъ и тихимъ голосомъ начинаетъ разсказывать ему о дѣтскихъ годахъ Лизы,—какой это былъ ребенокъ, какъ ея «глаза свѣтились тихимъ вниманіемъ и добротой», какъ «она задумывалась не часто, но почти всегда не даромъ, какъ она слушала разсказы Агафьи о Пречистой Дѣвѣ, о святыхъ угодникахъ, какъ, наконецъ, «образъ Вездѣсущаго. Всезнающаго Бога съ какой-то сладкой силой втѣснялся въ ея душу, а Христосъ становился ей чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ, чуть не роднымъ». И читатель съ неослабѣвающимъ интересомъ слѣдитъ за повѣствованіемъ автора, отнюдь не досадуя на перерывъ въ развитіи фабулы. Ему, читателю, уже хорошо знающему Лизу взрослую, чей чудный образъ «съ какой-то сладкой силой уже втесался ему въ душу», теперь-то и интересно, теперь-то и важно познакомиться съ Лизой-ребенкомъ. Узнать, какъ развивалась эта высокая душа, какъ складывалась эта глубокая натура,—является теперь для чи-

тателя свего рода художественной потребностью. И этой потребности художникъ удовлетворилъ вполнѣ. Повѣствуя, какъ росла и воспитывалась Лиза, онъ нечувствительно приводитъ насъ къ началу, къ Лизѣ-взрослой, и дорисовываетъ ея образъ нѣсколькими штрихами, которые, въ воображеніи читателя, вступаютъ въ тѣсную ассоціацію съ данными раньше. Таковы напр. указанія, что у Лизы «не было своихъ словъ, но были свои мысли, и шла она своей дорогой», что «она была очень мила, сама того не зная». Заключительныя строки главы сильнымъ и отчетливымъ аккордомъ завершаютъ эту, своего рода, «композицію»: «вся проникнутая чувствомъ долга, боязнью оскорбить кого-бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ, она любила всѣхъ и никого въ особенности; она любила одного Бога восторженно, робко, нѣжно. Лаврецкій первый нарушилъ ея тихую внутреннюю жизнь. Такова была Лиза».

Другой художественный эффектъ, достигаемый «отступленіемъ» главы XXXV-й, это необходимость *отодвинуть на нѣкоторое разстояніе* описаніе пріѣзда жены Лаврецкаго и всего, что оттуда вытекало, отъ главы (XXXIV), изображающей любовь Лаврецкаго и Лизы и иллюзію близкаго счастья. Художникъ долженъ считаться съ читателемъ, съ *его* впечатлѣніями, со смѣною *его* настроеній, вызываемыхъ чтеніемъ произведенія. И чтобы не произвести диссонанса, не нарушить стройности и гармоніи въ развитіи художественнаго процесса въ умѣ читателя, художнику приходится иногда отвлекать вниманіе читателя въ сторону и переводить послѣдняго изъ одного настроенія въ другое не прямо, а черезъ посредство третьяго. Готовясь изобразить новое и рѣзко-противуположное прежнему душевное состояніе героевъ, т. е. намѣреваясь перевести читателя изъ одного настроенія въ другое, отъ одного порядка мыслей къ другому, художникъ, въ избѣжаніе слишкомъ рѣзкаго, какъ-бы рѣжущаго ухо перехода, на время занимаетъ читателя вставочнымъ разсказомъ. Такое значеніе, кромѣ вышеуказаннаго, имѣетъ глава XXXV-я, служа какъ-бы отдыхомъ послѣ сильныхъ ощущеній главы XXXIV-й, отдыхомъ необходимымъ для художественнаго воспріятія грустныхъ и мрачныхъ мотивовъ послѣдующихъ главъ.—Такимъ образомъ, «отступленіе» о Лизѣ по существу отличается отъ «отступленія» о Лаврецкомъ и его предкахъ (гл. VIII—XVI): послѣднее введено не въ интересахъ художественности, а съ цѣлью сдѣлать фигуру Лаврецкаго вполнѣ понятною и ясною во всѣхъ деталяхъ,—разъяснить ея значеніе, какъ культурнаго типа, олицетворяющаго собою одинъ изъ моментовъ въ развитіи русскаго общества.

Слѣдующія за разсмотрѣннымъ отступленіемъ о прошломъ Лизы, главы XXXVI-я и XXXVII-я, разсказываютъ о пріѣздѣ жены Лаврецкаго и воспроизводятъ вызванную этимъ пріѣздомъ перемѣну въ душевномъ состояніи Лаврецкаго. Лизу мы встрѣчаемъ въ главѣ XXXVIII-й, гдѣ она отказываетъ Паншину, вслѣдствіе чего на нее сыплются упреки матери; здѣсь же помѣщенъ и любопытный разговоръ съ Мароой Тимофеевной, узнавшей о ночномъ свиданіи Лизы съ Лаврецкимъ. Въ раз-

говорѣ обрисовывается честная и прямая натура Лизы, а въ заключительныхъ строкахъ главы указанъ характеръ ея любви: «Стыдно, и горько, и больно было ей: но ни сомнѣнія, ни страха въ ней не было,—и Лаврецкій сталъ ей еще дороже. Она колебалась, пока сама себя не понимала; но послѣ того свиданія, послѣ того поцѣлуя—она уже колебаться не могла; она знала, что любитъ—и полюбила честно, не шутя, привязалась крѣпко, на всю жизнь — и не боялась угрозъ; она чувствовала, что насилію не расторгнуть этой связи».

Эти слова, какъ и вся сцена съ Марѳой Тимоѳеевной, очень важны. Они являются отвѣтомъ на естественный вопросъ читателя: какъ-же рѣшила Лиза—послѣ той молитвы, за которою читатель послѣдній разъ видѣлъ ее? Какъ относится она сама къ своей любви?—Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь мы находимъ новое подтвержденіе независимости, самостоятельности характера Лизы. Кроткая, любящая, деликатная, она, однакоже, всегда остается непреклонною въ своихъ рѣшеніяхъ.

Душевное состояніе Лизы, изображенное въ этой главѣ, имѣетъ существенное значеніе для пониманія дальнѣйшаго, являясь исходнымъ пунктомъ, первымъ звеномъ, въ ряду послѣдующихъ душевныхъ моментовъ, завершившихся рѣшеніемъ уйти въ монастырь.

Послѣ внутренней борьбы, вызванной въ Лизѣ возникновеніемъ любви къ Лаврецкому, наступилъ, какъ мы видѣли, моментъ душевной тишины, моментъ тихой радости и счастія, когда противорѣчія положенія казались устраненными, и вопросъ жизни былъ рѣшенъ. Но это уравновѣшенное состояніе духа должно было вскорѣ смѣниться новыми душевными тревогами и страданіями. Прежде всего радость любви была омрачена неизбѣжнымъ объясненіемъ съ Паншинымъ. Для Лизы съ ея «сердцемъ добрымъ и кроткимъ», ея «боязнью оскорбить кого-бы то ни было»—это объясненіе было дѣломъ нелегкимъ. Она должна была «собраться съ духомъ»—прежде чѣмъ объявить Паншину свое рѣшеніе. Ужъ одно это должно было нарушить миръ ея души. За этой каплей горечи послѣдовало объясненіе съ матерью, безсмысленные упреки которой («за что ты меня убила? Кого тебѣ еще нужно? Чѣмъ онъ тебѣ не мужъ?» и т. д.) произвели на Лизу впечатлѣніе очень тягостное. «Но не успѣла она еще отдохнуть отъ объясненія съ Паншинымъ и съ матерью, какъ на нее опять обрушилась гроза, и съ такой стороны, откуда она меньше всего ее ожидала». Это шелъ на нее войною самый близкій ей человѣкъ—Марѳа Тимоѳеевна. Грубый допросъ расходившейся старушки подѣйствовалъ на Лизу удручающимъ образомъ. Съ свойственной ей прямотою она признается, что любитъ Лаврецкаго,—и это признаніе повергаетъ Марѳу Тимоѳеевну въ настоящій ужасъ: старушка еще не знала о предполагаемой смерти жены Лаврецкаго. Узнавъ объ этомъ отъ Лизы, Марѳа Тимоѳеевна немного успокоилась, но изъ ея словъ видно, что она всетаки не одобряетъ чувства Лизы. «Да онъ, я вижу, на всѣ руки. Одну жену уморилъ, да и за другую. Каковъ?...»—Какъ ни была

привязана Лиза къ теткѣ, какъ ни интимны были ихъ отношенія, но этотъ разговоръ не могъ не произвести на чуткую душу дѣвушки самаго удручающаго впечатлѣнія. «Не веселостью сказывалась ей любовь. Въ ея сердцѣ едва только родилось то новое, нежданное чувство, и уже какъ тяжело поплатилась она за него, какъ грубо коснулись чужія руки ея завѣтной тайны». Глава заканчивается вышеприведеннымъ указаніемъ на крѣпость и серьезность любви Лизы къ Лаврецкому и на непоколебимость ея рѣшенія связать свою жизнь съ жизнью любимаго человѣка.

То угнетенное состояніе духа и то горькое чувство незаслуженной обиды, которыя испытывала Лиза, очень скоро смѣнились гораздо болѣе сильнымъ душевнымъ потрясеніемъ: они перешли въ тотъ нѣмой ужасъ, который былъ слѣдствіемъ нежданнаго возвращенія жены Лаврецкаго. Глава XXXIX-я, разсказывающая о визитѣ Варвары Павловны Калитинымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ рисуетъ это новое душевное состояніе Лизы. Она «похолодѣла отъ ужаса», когда прочла записку Лаврецкаго, сообщавшую ей неожиданную вѣсть. На религіозную, на мистическую душу Лизы это извѣстіе должно было подѣйствовать ошеломляющимъ образомъ. Сразу, однимъ ударомъ, недавнее, еще вчерашнее, счастье сегодня превращалось въ несчастье; радость любви, наполнявшая сердце Лизы, вдругъ стала горестью обманутыхъ надеждъ; самыя надежды уже казались преступными; невинное признаніе и чистый поцѣлуй—чуть ни паденіемъ. Все разомъ измѣнилось, передвинулось, перетасовалось, явилось въ противуположномъ свѣтѣ. «Внезапный переломъ въ ея судьбѣ потрясъ ее до основанія; въ два какихъ-нибудь часа ея лицо похудѣло; но она и слезинки не проронила. По дѣломъ!—говорила она сама себѣ, съ трудомъ и волненіемъ подавляя въ душѣ какіе-то горькіе, злые, ее самое пугавшіе порывы». Эти послѣднія строки, а также и указаніе на чувство отвращенія, возбужденное въ Лизѣ Варварой Павловной при первой ихъ встрѣчѣ,—даютъ намъ понять, что въ дальнѣйшемъ развитіи душевной драмы Лизы, на ряду съ горечью, причиненною ходомъ вещей и отношеніемъ къ Лизѣ другихъ лицъ, важная роль будетъ принадлежать еще и другой горечи, именно той, которую ощущала Лиза—находя или предполагая въ себѣ дурныя чувства, озлобленіе, злые порывы. Для нея это было нѣчто въ родѣ душевной самоотравы, и противоядіе она могла найти только въ религіозномъ самоотреченіи. Эта сторона имѣетъ такимъ образомъ существенное значеніе для дальнѣйшей исторіи Лизы. Вытекающія отсюда или съ этимъ связанныя мысли и чувства, уже заранѣе какъ-бы предрекающія судьбу Лизы, намѣчены уже въ этой главѣ XXXIX-ой—въ описаніи первой встрѣчи Лизы съ Варварой Павловной.

Глава заканчивается трогательной сценой-картиной: Марѳа Тимофеевна, болѣя душою за Лизу и въ порывѣ раскаянія во вчерашней вспышкѣ, цѣлуетъ руки Лизы... «и Марфа Тимофеевна не могла нацѣловаться этихъ бѣдныхъ, блѣдныхъ, безсильныхъ рукъ—и безмолвныя

слезы лились изъ ея глазъ и глазъ Лизы; а котъ Матросъ мурлыкалъ въ широкихъ креслахъ возлѣ клубка съ чулкомъ, продолговатое пламя лампадки чуть-чуть трогалось и шевелилось передъ иконой,—и въ сосѣдней комнатѣ за дверью стояла Настасья Карповна и тоже украдкой утирала себѣ глаза свернутымъ въ клубочекъ носовымъ платкомъ».

V.

Съ извѣстной точки зрѣнія, можно сожалѣть, что Тургеневъ не поддался весьма понятному искушенію—вывести, такъ сказать, наружу эту тяжелую драму, развертывающуюся въ душѣ Лизы. Ему-бы ничего не стоило—на нѣсколькихъ страницахъ подвергнуть этотъ душевный процессъ тонкому психологическому анализу, перебрать одно за другимъ всѣ терзанія Лизы, раскрыть всю глубину ея потрясенной души и затѣмъ логически вывести оттуда ея рѣшеніе постричься. Тургеневъ не сдѣлалъ этого, т. е. не далъ намъ такого рода «объяснительной подписи» къ рисунку. Онъ намъ далъ только одинъ рисунокъ. Но съ другой точки зрѣнія, находя, что на этомъ рисункѣ душевная драма Лизы изображена удивительно мѣтко и тонко, можно, пожалуй, утверждать, что психологическій анализъ былъ-бы излишней роскошью. Въ главѣ XL-ой, гдѣ на первомъ планѣ фигурируетъ Варвара Павловна, привлекая къ себѣ все вниманіе читателя, Лиза только молчаливо присутствуетъ, но читатель отлично понимаетъ все, что происходитъ въ эту минуту въ ея душѣ. Онъ понимаетъ это не только потому, что подготовленъ къ этому всѣмъ предшествующимъ, но также—благодаря самой Варварѣ Павловнѣ. Изящная пустота и всѣ блестящія качества бездушной львицы, ярко освѣщенныя въ этой главѣ, могли ослѣпить глаза Марьѣ Дмитріевнѣ, Гедеоновскому да Паншину, но не читателю, который все время смотритъ на парижскую диву глазами автора и съ точки зрѣнія Лизы. Если для Паншина, захваченнаго кокетствомъ Варвары Павловны, «Лиза, та самая Лиза, которую онъ все-таки любилъ, которой онъ наканунѣ предлагалъ руку, исчезла какъ-бы въ туманѣ», то для читателя, напротивъ, она въ этой главѣ выступаетъ изъ тумана и обрисовывается тѣмъ ярче, тѣмъ симпатичнѣе и трогательнѣе, чѣмъ развязнѣе держитъ себя Варвара Павловна, чѣмъ «изящнѣе» она ломается, чѣмъ пуще кокетничаетъ и интригуетъ. Читатель ясно видитъ, что происходитъ въ душѣ Лизы при зрѣлищѣ этой игры, этого издѣвательства надъ другими. Тургеневъ, заставивъ самого читателя сдѣлать—про себя—психологическій анализъ душевнаго состоянія Лизы въ данный моментъ, имѣлъ полное право ограничиться коротенькой фразой, которою оканчивается глава и вмѣстѣ подводится итогъ анализу, сдѣланному читателемъ: «Марфа Тимофеевна всю ночь просидѣла у изголовья Лизы».

Такимъ образомъ читатель, и безъ указки автора, достаточно подготовленъ къ пониманію настоящаго смысла послѣдняго объясненія Лизы

съ Лаврецкимъ въ главѣ XLII-ой. При нѣкоторой вдумчивости не трудно представить себѣ душевное состояніе и ходъ сокровенныхъ мыслей Лизы, когда она настаиваетъ, чтобы Лаврецкій примирился съ женою, когда она говоритъ, что «счастье зависитъ не отъ насъ, а отъ Бога». Все, что накипѣло и перегорѣло въ душѣ Лизы и, наконецъ, кристаллизировалось въ одно властное и высокое стремленіе,—чувствуется въ ея послѣднихъ словахъ, сказанныхъ въ отвѣтъ на мольбу Лаврецкаго дать ей руку на прощанье. «Лиза подняла голову. Ея усталый, почти погасшій взоръ остановился на́ немъ...—Нѣтъ, промолвила она и отвела назадъ уже протянутую руку:—нѣтъ, Лаврецкій, не дамъ я вамъ моей руки. Къ чему? Отойдите, прошу васъ, прибавила она съ усиліемъ; но нѣтъ... нѣтъ...»

О рѣшеніи Лизы уйти въ монастырь Лаврецкій и, пожалуй, читатель въ этой сценѣ еще не догадываются, но что Лиза остановилась на какой-то мысли, что она пришла къ какому-то безповоротному опредѣленію своей судьбы,—объ этомъ читатель заключаетъ на основаніи того тона, въ которомъ ведется ею весь разговоръ. Лиза сразу-же подымаетъ вопросъ о *долгѣ*. «Намъ обоимъ остается исполнить нашъ долгъ», говоритъ она. Долгъ Лаврецкаго, по ея глубокому убѣжденію, состоитъ въ томъ, чтобы примириться съ женой. И она это высказываетъ ему—не какъ просьбу или совѣтъ, а какъ требованіе, и въ ея словахъ мы опять слышимъ знакомую намъ ноту непреклонной, неумолимой религіозной убѣжденности: «Вы, Ѳедоръ Иванычъ, должны примириться съ вашей женой», категорически заявляетъ она. На вопросъ Лаврецкаго: въ чемъ-же *ея* долгъ состоитъ? она глухо отвѣчаетъ: «про это я знаю».

Намеки на новый оборотъ ея мыслей, на то, что нѣчто важное и смѣлое созрѣло въ ея умѣ, что она выходитъ на какой-то новый путь, даны также въ сценѣ послѣдняго ея свиданія съ Лаврецкимъ въ главѣ XLIV-ой. «Ѳедоръ Иванычъ, говоритъ она, вотъ вы теперь идете возлѣ меня... А ужъ вы такъ далеко, далеко отъ меня. И не вы одни, а...»—«Договаривайте, прошу васъ! воскликнулъ Лаврецкій: что вы хотите сказать?»—«Вы услышите, можетъ быть...»

Въ XLV-й (и послѣдней) главѣ Лиза, въ чудной и трогательной сценѣ съ Марѳой Тимоѳеевной, объявляетъ теткѣ свое рѣшеніе—посвятить себя Богу и, невзирая на отчаяніе бѣдной старушки, на ея слезы и мольбы, остается непреклонной. Читатель помнитъ, конечно, какъ приняла это извѣстіе Марѳа Тимофеевна, какъ она всполошилась, какъ умоляла Лизу не идти въ монастырь. Въ этомъ переполохѣ доброй и умной старушки сквозитъ натура—не только Марѳы Тимофеевны, но и Лизы: ея строгая послѣдовательность, ея сильная воля, ея глубокая религіозная душа. Старушка отлично знаетъ эту черту,—оттого-то такъ и испугалась, такъ переполошилась она. «Лиза утѣшала ее, отирала ея слезы, сама плакала, но осталась непреклонной».

Она осталась непреклонной,—потому что иное, высшее призваніе влекло ее прочь отъ жизни, а жизнь, послѣ пережитыхъ душевныхъ испытаній, обез-

цвѣтилась въ ея глазахъ, обезцѣнилась и утратила всю заманчивость, всю прелесть своихъ искушеній. Лиза почувствовала и поняла, что, кромѣ пустоты, горечи и обиды, жизнь ничего ей не дастъ. «Счастье ко мнѣ не шло,—говоритъ она,—даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило». И вотъ теперь, послѣ всего, что она испытала, послѣ того, какъ она убѣдилась въ нравственной невозможности счастья съ любимымъ человѣкомъ,—ея духовныя очи широко раскрылись и увидѣли міръ, жизнь и человѣка въ томъ самомъ свѣтѣ, въ какомъ являлись они древнимъ христіанскимъ подвижникамъ. Всѣ нити, привязывавшія ее къ жизни, вдругъ оборвались,—но тѣмъ громче заговорили религіозныя стремленія ея души, и нѣкій тайный, но властный голосъ призывалъ ее къ подвигу отреченія, къ тихому счастью религіозныхъ созерцаній, къ жизни, превращенной въ одну сплошную молитву, къ блаженству умиротвореннаго состоянія духа и покоя совѣсти.

Трудно намъ, людямъ жизни, людямъ, органически привязаннымъ къ ея текущимъ впечатлѣніямъ, вполнѣ понять душевное состояніе Лизы. Насъ жизнь манитъ, мы отдаемся ея теченію, мы не можемъ сбросить съ себя иго ея обаянія, и для насъ одной капли воображаемаго счастья достаточно, чтобы скрасить существованіе, полное самой реальной горечи и невзгодъ. Для насъ имѣетъ огромную цѣнность самый фактъ—нахожденія здѣсь, среди людей, въ обычной обстановкѣ, среди текущихъ заботъ и стремленій, въ уютѣ и теплотѣ привычной прозы. Хотя эту прозу мы подчасъ и клянемъ, но мы ее любимъ,—мы срослись съ нею всѣми фибрами души,—она-же нисколько не мѣшаетъ намъ искать и получать или воображать, что получаемъ, свою долю поэзіи жизни. Сидя въ болотѣ, можно смотрѣть на солнце и любоваться голубой далью небесъ.

И оттого-то душа Лизы — какъ-бы хорошо ни изобразилъ ее художникъ—все-таки остается для насъ загадочной и даже чуждой. Умомъ, пожалуй, мы постигнемъ ея глубину, но воплощенный въ ней идеалъ представляется намъ слишкомъ далекимъ, слишкомъ высокимъ; намъ кажется, что отъ него вѣетъ холодомъ отчужденности ото всего, что мы любимъ, чѣмъ дорожимъ, чѣмъ живемъ, отъ насъ самихъ и всего нашего существованія,—и мы не чувствуемъ себя въ силахъ согрѣть его тепломъ сердечнаго къ нему отношенія. Этимъ тепломъ мы согрѣемъ другой идеалъ— женщины, которая, удаляясь отъ жизни, могла-бы сказать о себѣ:

Я на землѣ свершила все земное,
Я на землѣ любила и жила!

И, по-своему, мы правы: Лиза въ самомъ дѣлѣ слишкомъ мало жила и слишкомъ мало земного свершила на замлѣ. Едва успѣвъ пожить среди насъ, не пройдя и сотой доли тѣхъ испытаній, искушеній, тревогъ и обидъ, чрезъ которыя всѣ мы проходимъ, она, послѣ первой-же коллизіи, бросила насъ и ушла замаливать «свои грѣхи», которыхъ не было, и наши, которыхъ слишкомъ много, чтобы она могла ихъ замолить. Такъ

ужъ мы созданы: пусть намъ покажутъ идеальное, святое гдѣ-нибудь въ дали, въ небесахъ, на недосягаемой высотѣ,—мы будемъ имъ любоваться или восхищаться, мы преклонимся передъ нимъ, но—останемся холодны. Но пусть оно снизойдетъ къ намъ, въ нашу грѣшную и мелкую жизнь,—и мы его полюбимъ горячо и искренне—такъ, какъ будто-бы оно въ самомъ дѣлѣ—наше, кровное, земное. На этомъ, между прочимъ, основана чарующая прелесть Евангелія: Христосъ среди людей, въ средѣ грѣшниковъ и грѣшницъ, Богъ-человѣкъ, обѣдающій у мытаря, прощающій блудницу, благословляющій дѣтей,—вотъ гдѣ тайна обаянія священной книги христіанства.

VI.

Обращаясь къ Лизѣ, мы скажемъ, что источникъ нашей (относительной, конечно) холодности къ ней и ея отчужденности отъ насъ коренится не столько въ ней самой, какъ натурѣ, сколько въ томъ художественномъ способѣ воспроизведенія, которымъ былъ созданъ ея поэтическій образъ. Показавъ это, мы подведемъ итоги всему вышесказанному и вмѣстѣ съ тѣмъ раскроемъ оборотную сторону художественнаго дарованія Тургенева. Выше мы уже упомянули, что въ творчествѣ Тургенева почти нѣтъ, или очень мало такъ называемаго «психологическаго анализа». Художникъ рисуетъ, а анализировать предоставляетъ читателю,—но рисуетъ такъ, что анализъ, частью сознательно производимый читателемъ, частью-же самъ собой возникающій въ его головѣ, оказывается именно такимъ, какого хотѣлъ авторъ. При этомъ, разумѣется, необходимо, чтобы читатель былъ на высотѣ своего читательскаго призванія. Иной неподготовленный или предвзято-настроенный читатель, пожалуй, произведетъ такой «анализъ», что художникъ можетъ прійти только въ ужасъ. Въ задачу художественной критики, между прочимъ, и входитъ обязанность помочь читателю въ этомъ дѣлѣ. Для этого прежде всего необходимо раскрыть и освѣтить тотъ порядокъ идей, который апперцептируется образами, созданными художникомъ. По отношенію къ образу Лизы мы это и сдѣлали, въ мѣру нашихъ силъ и разумѣнія, въ предыдущемъ (VIII-мъ) очеркѣ. Само собою разумѣется, такая помощь со стороны критика нужна читателю только въ тѣхъ случаяхъ, когда даны образы сложные, болѣе или менѣе отвлеченные, въ которыхъ воплощены черты, выходящія за предѣлы непосредственнаго наблюденія,—душевные процессы, мало знакомые большинству читающей публики. Къ числу такихъ и принадлежитъ образъ Лизы. Само собой разумѣется, раскрытіе и объясненіе порядка идей, апперцептируемаго образомъ, должно быть обосновано на психологическомъ анализѣ тѣхъ душевныхъ явленій и процессовъ, которые въ этомъ образѣ представлены. Вотъ именно, если этого анализа самъ художникъ не даетъ намъ, то задача и читателя, и критика становится вдвойнѣ сложнѣе и труднѣе. Отсутствіе психологическаго

изслѣдованія у Тургенева и составляетъ ту «оборотную сторону» въ его творчествѣ, которую теперь я имѣю въ виду.

По отношенію къ Лизѣ художникъ,—такъ можно думать,—долженъ былъ-бы не поскупиться на психологическій анализъ; не довѣряя цѣликомъ этого дѣла читателю и не полагаясь на критиковъ, онъ долженъ былъ-бы въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, мѣстахъ углубиться въ разборъ сокровенныхъ пружинъ души Лизы, раскрыть игру ея тайныхъ—и таинственныхъ—душевныхъ движеній. Къ рисунку авторъ долженъ былъ-бы присоединить кое-гдѣ тѣ «пояснительныя замѣчанія», дать тѣ объясненія смысла проводимыхъ имъ чертъ, накладываемыхъ имъ красокъ,—которыя обыкновенно и отливаются въ форму «психологическаго анализа». Этого-то Тургеневъ и не далъ намъ. Въ Лизѣ онъ скупъ на анализъ, на поясненія больше, чѣмъ гдѣ-либо. Въ смыслѣ мастерства, смѣлости, увѣренности, ловкости и силы въ преодолѣніи трудностей,— образъ Лизы отъ этого только выигрываетъ: это одно изъ самыхъ совершенныхъ созданій искусства. Но въ смыслѣ доступности образа пониманію читателя, въ смыслѣ его близости уму и сердцу послѣдняго, онъ несомнѣнно «теряетъ». Эту «потерю» нужно понимать, конечно, условно: возможна и такая точка зрѣнія, съ которой она представится даже выигрышемъ. Пояснимъ это на одномъ примѣрѣ.

Въ послѣдней главѣ знаменитое объясненіе съ Марѳой Тимоѳеевной ведется слѣдующимъ образомъ:

Старушка, войдя къ Лизѣ и заставъ ее на колѣняхъ передъ распятіемъ, замѣчаетъ: «А ты, я вижу, опять прибирала свою келейку». Это нечаянно-оброненное выраженіе (келейка) какъ разъ попадаетъ въ тонъ сокровенныхъ мыслей Лизы, оно даже представляется ей какъ-бы невольнымъ предсказаніемъ. «Лиза задумчиво посмотрѣла на свою тетку. — Какое вы это произнесли слово! прошептала она». Здѣсь авторъ уполномочиваетъ читателя къ большой самодѣятельности, требуя, чтобы, на основаніи предшествующихъ намековъ и этихъ строкъ, онъ живо представилъ себѣ Лизу, погруженную въ рѣшеніе вопроса всей жизни,— вопроса о постриженіи. Сколько разнообразныхъ чувствъ, сколько мыслей, и горькихъ и радостныхъ, должно было столпиться въ ея душѣ! Любовь и разлука, мысленное прощаніе съ родными, мысли о предстоящемъ суровомъ подвигѣ, горячая вѣра, молитва и слезы — весь этотъ душевный процессъ, сложный и темный, долженъ быть возсозданъ воображеніемъ читателя—почти такъ, какъ будто-бы въ его распоряженіи было не словесное, а живописное или скульптурное произведеніе искусства, картина или статуя, изображающая Лизу въ тотъ моментъ, когда она уже окончательно остановилась на рѣшеніи постричься.

Читая дальше и слыша, какъ Марѳа Тимоѳеевна все уговариваетъ Лизу «утѣшиться», успокоиться, потерпѣть, «не поддаваться», читатель убѣждается, что старушка всѣ терзанія Лизы приписываетъ ея любви къ Лаврецкому и что, стало быть, важнѣйшая часть душевнаго состоянія

дѣвушки въ данный моментъ — для нея тайна. Но то, что еще тайна для Мароы Тимооеевны, не должно быть тайной для читателя. Послѣднему должно быть ясно, что Мароа Тимооеевна твердитъ одно, а у Лизы на умѣ совсѣмъ другое. Лиза уже поставила крестъ надъ своею любовью и уже—окончательно и безповоротно—рѣшила уйти въ монастырь. Читателю слѣдуетъ это знать, чтобы ясно представить себѣ душевное содержаніе Лизы въ ту минуту, когда она, утѣшая тетку, говоритъ: «все прошло», и вдругъ почувствовавъ, что это и есть самый удобный моментъ открыть свою тайну, «произноситъ съ внезапнымъ одушевленіемъ: — да, прошло, тетушка, если вы только захотите мнѣ помочь... Я хочу идти въ монастырь». Всѣ предшествующія реплики Лизы («это пройдетъ, дайте срокъ», «я вамъ говорю, все это пройдетъ, все это уже прошло» и т. д.) показываютъ, что она хотѣла только успокоить тетку и прекратить разговоръ. Но затѣмъ вдругъ душа ея переполнилась, завѣтная мысль какъ-бы просилась наружу,—настала минута, когда Лиза почувствовала, что не въ силахъ скрываться болѣе, что лучше всего теперь-же посвятить тетку въ свои планы. «Внезапное одушевленіе» овладѣло ею, она открываетъ испуганной теткѣ свое рѣшеніе. Ужасъ и отчаяніе Мароы Тимооеевны еще пуще укрѣпляютъ Лизу въ ея позиціи, и она выступаетъ во всеоружіи беззавѣтности, прямоты и силы своей души. Читатель долженъ представить себѣ это съ полной ясностью, чтобы его анализъ былъ въ полномъ соотвѣтствіи съ живописью художника: «Лиза подняла голову, щеки ея пылали... — Я рѣшилась (объявляетъ она), я молилась, я просила совѣта у Бога, все кончено, кончена моя жизнь съ вами...» ...«Не удерживайте меня, не отговаривайте, помогите мнѣ, не то я одна уйду...» Слѣдующій затѣмъ глубоко-трогательный и не чуждый комизма вопль Мароы Тимооеевны («...И кто-жъ это видывалъ, чтобы изъ-за эдакой изъ-за козьей бороды, прости Господи, изъ-за мужчины, въ монастырь итти?.. Не надѣвай ты чернаго шлыка на свою голову, батюшка ты мой, матушка ты моя...») довершаетъ эту чудную живопись, требующую отъ читателя вниманія, пониманія и—творчества.

Къ темъ страницамъ этой словесной живописи читатель мысленно долженъ прибавить еще столько-же страницъ собственнаго психологическаго анализа. Не лучше-ли было-бы, если-бы эти добавочныя страницы далъ самъ авторъ? И да, и нѣтъ. Давъ ихъ отъ себя, авторъ облегчилъ-бы работу читателя. Съ точки зрѣнія легкости художественнаго воспріятія — это было-бы лучше. Но облегчивъ трудъ читателя, художникъ въ то же время отнялъ-бы у него значительную часть самостоятельнаго творчества и его награды—художественнаго наслажденія. Правда, дополнительныя страницы тонкаго анализа, сдѣланнаго самимъ художникомъ, сами по себѣ доставили-бы немалое наслажденіе читателю, но это наслажденіе было-бы уже иного рода, оно—даровое, а потому и умственное его достоинство далеко ниже тѣхъ радостей творчества, какія испытываетъ читатель, самостоятельно возсоздавая внутреннюю жизнь души

человѣческой, полной глубокаго психологическаго интереса, но заколдованной художникомъ въ чудномъ образѣ, нарисованномъ со всею доступною тонкостью и силой выраженія.

Я хотѣлъ показать, какъ много приходится читателю поработать собственной головой надъ одной только послѣдней сценой (гл. XLV). Сколько-же труда долженъ онъ положить на возсозданіе — по живописи Тургенева—внутренняго міра Лизы на протяженіи всего романа! Предложенный въ этомъ очеркѣ разборъ тѣхъ художественныхъ пріемовъ, помощью которыхъ нарисована Лиза, даетъ, мнѣ кажется, приблизительное понятіе о размѣрахъ и цѣнности этого читательскаго—творческаго—труда.

VII.

Трудъ этотъ частью безсознателенъ, въ значительной-же долѣ сводится къ вполнѣ сознательной работѣ мысли и воображенія. Множество мелкихъ штриховъ, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ, какъ мы видѣли, западаютъ въ память читателя и сами создаютъ образъ Лизы. То же самое въ извѣстной мѣрѣ дѣлаетъ и излюбленный Тургеневымъ пріемъ,—освѣщенія главнаго лица другими лицами. Мы видѣли, какъ важны для возсозданія образа Лизы—Леммъ съ одной стороны, Паншинъ и Варвара Павловна — съ другой. Не трудно показать значеніе въ этомъ смыслѣ Мароы Тимоѳеевны и самого Лаврецкаго.

Но тотъ-же пріемъ требуетъ отъ читателя и сознательной работы мысли: читатель задумывается надъ отношеніями къ Лизѣ тѣхъ лицъ, которыя ее освѣщаютъ, и, вникая въ эти отношенія, уясняетъ себѣ натуру Лизы. Для полной успѣшности дѣла необходимо, чтобы читатель правильно оцѣнилъ значеніе въ романѣ данныхъ лицъ въ отношеніяхъ художественномъ и психологическомъ.

Разсмотримъ-же съ этой точки зрѣнія роль трехъ важнѣйшихъ персонажей: Мароы Тимоѳеевны, Лемма и Лаврецкаго.

Не трудно видѣть, что Мароа Тимоѳеевна и Леммъ для самой *фабулы* романа существеннаго значенія не имѣютъ. Но за то имъ принадлежитъ огромное художественное и психологическое значеніе въ романѣ. Ихъ невозможно было-бы исключить, не нарушивъ художественности произведенія. Но въ особенности они важны —для Лизы, которая безъ нихъ не была-бы дорисована и до половины.

Эти два лица чрезвычайно важны для болѣе рельефнаго оттѣненія религіозной стороны въ натурѣ Лизы.

Мароа Тимоѳеевна съ первыхъ-же страницъ романа подкупаетъ читателя своимъ умомъ, прямотою, независимостью характера, самою рѣзкостью своихъ сужденій о людяхъ. Она несомнѣнно должна была имѣть большое вліяніе, на Лизу, и это вліяніе, конечно, было весьма благотворно. Но вотъ тутъ-то и вырисовывается вся сила самобытной религіозности Лизы. Умная старушка хорошо знаетъ, какъ набожна Лиза, и ей хотѣлось-бы, чтобы ея

любимица была въ этомъ отношеніи не такъ исключительна. Ее даже пугаетъ слишкомъ большое, необычное въ дворянскихъ гнѣздахъ, религіозное рвеніе Лизы. Сперва она приписывала это вліянію Агафьи, но вскорѣ должна была убѣдиться, что основы этой страстной религіозности глубоко лежатъ въ самой натурѣ ея питомицы. И это открытіе было для Марѳы Тимоѳеевны источникомъ заботъ и опасеній, которыхъ она не высказывала и даже могла не формулировать въ своемъ собственномъ сознаніи, но которыя тѣмъ не менѣе въ тайнѣ ее безпокоили. Она предчувствовала здѣсь возможность разныхъ, пока невѣдомыхъ, опасностей для Лизы. Мало-ли къ чему можетъ привести, при стеченіи извѣстныхъ обстоятельствъ, религіозная экзальтація? Марѳа Тимоѳеевна горячо любила Лизу и стремилась устроить ей счастливую жизнь, обезпечить для нея будущность, полную радостей. Въ религіозныхъ-же стремленіяхъ, которыя такъ глубоко захватили душу Лизы, проницательная старушка чуяла нѣчто идущее наперекоръ счастливой будущности, нѣчто могучее и самодовлѣющее, надъ чѣмъ не властно все ея вліяніе, нѣчто почти зловѣщее,—во всякомъ случаѣ чуждое и непонятное. Оно было ей непонятно потому, что сама Марѳа Тимоѳеевна была натурою иного рода,—религіозною въ обыкновенномъ смыслѣ,—въ смыслѣ той умѣренной, пассивной, если можно такъ выразиться, трезвой религіозности, какая свойственна большинству людей. Она вѣрила, ходила въ церковь, исполняла обряды, потому что такъ дѣлали отцы и дѣды, но ничего мистическаго не было въ ея натурѣ, и поэтическая сторона религіи была ей чужда. И сопоставляя съ этой стороны Марѳу Тимоѳеевну съ Лизою, читатель ясно видитъ принципіальное, психологическое различіе между натурами заурядно-религіозными и тѣми, которыя отъ рожденія предопредѣлены къ активному религіозному подвигу, для которыхъ религія съ ея тайнами, ея поэзіей и ея этическими отношеніями, составляетъ жизненное призваніе.

Это призваніе Лизы, такъ рельефно выступающее въ мысли читателя при сопоставленіи и анализѣ этихъ двухъ натуръ, еще рѣзче оттѣняется фигурою Лемма.

Трогательный образъ несчастнаго нѣмца—это одна изъ счастливѣйшихъ «находокъ» Тургенева. Это именно то, что французы называютъ «une trouvaille» (какъ говорится въ одномъ изъ писемъ Тургенева по другому поводу),—образъ, который и самъ по себѣ, независимо отъ его роли по отношенію къ Лизѣ, имѣетъ большую художественную цѣнность. Представляя собою ярко-выраженную, живую индивидуальность, Леммъ въ то-же время воплощаетъ въ себѣ положительныя типическія черты германскаго генія.

Сразу завоевывая всѣ симпатіи читателя, вызывая въ немъ очень сложное чувство, смѣшанное изъ уваженія, удивленія и жалости, Леммъ, силою своего творческаго генія, даетъ читателю музыкальное истолкованіе души Лизы. Своимъ вдумчивымъ и серьезнымъ умомъ, всей душой

своею, полной глубокихъ музыкальныхъ идей и смѣлыхъ образовъ гармоніи, онъ понялъ и прочувствовалъ идеальную сторону въ натурѣ Лизы, составляющую основаніе ея религіозности. Чутко и отзывчиво уловилъ онъ сокровенныя движенія ея души,—онъ узналъ и открылъ читателю, что это душа «прекрасна» и можетъ любить только «прекрасное».

Тотъ психологическій анализъ, который долженъ сдѣлать читатель, чтобы понять Лизу, не будетъ возможенъ, если предварительно читатель не пойметъ и не полюбитъ Лемма.

Если Мароа Тимоѳеевна и Леммъ уясняютъ вдумчивому читателю образъ Лизы однимъ своимъ присутствіемъ въ романѣ, то главный герой, Лаврецкій, дѣлаетъ то-же самое художественное дѣло иначе: на всемъ протяженіи романа онъ не перестаетъ быть вѣрнымъ спутникомъ и незамѣнимымъ *сотрудникомъ* читателя. Послѣднему безъ сотрудничества Лаврецкаго невозможно было бы возсоздать въ своемъ умѣ образъ Лизы. Производя психологическій анализъ героини «Дворянскаго Гнѣзда», читатель постоянно прибѣгаетъ къ помощи Лаврецкаго и всегда находитъ въ немъ вѣрнаго руководителя, который «не подведетъ». Выше я неоднократно указывалъ, что зачастую Лаврецкій по отношенію къ Лизѣ оказывается въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ находится и читатель. Одновременно съ послѣднимъ знакомится онъ съ Лизою, и оба на первыхъ порахъ одинаково мало знаютъ ее. Онъ постепенно узнаетъ ее, всматривается въ нее, начинаетъ ее понимать и цѣнить—вмѣстѣ съ читателемъ и пользуясь тѣми же средствами, какъ и послѣдній. Леммъ напр. помогаетъ Лаврецкому заинтересоваться Лизою и понять ее такъ же точно, какъ помогаетъ онъ въ этомъ самому читателю. Въ этомъ смыслѣ, т. е. по постановкѣ въ романѣ, по значенію для читателя—въ отношеніи къ главной женской фигурѣ—образъ Лаврецкаго рѣзко отличается отъ другихъ тургеневскихъ героевъ. Рудинъ вовсе не помогаетъ читателю проанализировать и понять Наталью, Инсаровъ — Елену, Соломинъ—Маріанну и т. д. Если эти герои и содѣйствуютъ правильному освѣщенію соотвѣтственныхъ женскихъ образовъ, то мы въ этомъ отношеніи сопоставимъ ихъ роль съ только-что выясненной ролью Лемма и Мароы Тимоѳеевны, но не съ тою, какую играетъ Лаврецкій. Читатель не спрашиваетъ у Рудина, что за натура Наталья: онъ это знаетъ и безъ Рудина, да и лучше его. По отношенію къ Еленѣ — онъ скорѣе обратится за разъясненіями къ Шубину и Берсеневу, чѣмъ къ Инсарову. Во всякомъ случаѣ, обращается, или нѣтъ, читатель за указаніями относительно главной героини къ главному герою романа,—онъ, повсюду, кромѣ «Дворянскаго гнѣзда», могъ бы обойтись и безъ этихъ указаній.

Для успѣшнаго исполненія такой роли, возложенной авторомъ на Лаврецкаго, необходимо прежде всего, чтобы самъ Лаврецкій былъ вполнѣ понятенъ читателю и какъ типъ, и какъ натура. Все въ немъ должно быть ясно,—читатель долженъ знать своего руководителя или сотрудника во всѣхъ изгибахъ его души. И этому требованію художникъ удовлетво-

рилъ вполнѣ. Если сравнить съ этой точки зрѣнія Лаврецкаго съ другими героями тургеневскихъ романовъ, то окажется, что въ ихъ ряду это — самое ясное, самое удобопонятное, никакихъ сомнѣній не возбуждающее лицо. Пониманіе Лаврецкаго дается читателю легко и незамѣтно, и едва-ли возможны противорѣчивыя сужденія о немъ. Этого нельзя сказать напр. о Рудинѣ, о Базаровѣ, о Соломинѣ. Этихъ лицъ нужно умѣть понять, что не всегда удается, откуда и возможность различныхъ, часто діаметрально-противуположныхъ сужденій о нихъ. Надъ истолкованіемъ Лаврецкаго Тургеневъ, можно сказать, потрудился, — видна какъ бы заботливость о томъ, чтобы фигура вышла понятною во всѣхъ деталяхъ, и также чтобы она вызывала въ читателѣ симпатію, довѣріе, родъ дружескаго расположенія. Этой заботливостью автора и вызвано длинное отступленіе (главы VIII—XVI), разсказывающее съ большими подробностями о предкахъ героя, о его воспитаніи, женитьбѣ и т. д. На всемъ протяженіи романа личность Лаврецкаго не перестаетъ привлекать къ себѣ сочувственное вниманіе читателя, не задавая ему никакихъ загадокъ. Душа Лаврецкаго открыта читателю, и въ сценахъ съ Леммомъ, Михалевичемъ, женой, Марьей Дмитріевной и другими читатель ясно видитъ все, что въ ней происходитъ. Зная Лаврецкаго такъ хорошо, читатель и въ сценахъ съ Лизою глубоко проникается всѣмъ, что чувствуетъ, что переживаетъ въ эти минуты Лаврецкій, — и въ силу этого становится въ положеніе чрезвычайно удобное для возсозданія и пониманія образа Лизы. Лиза наилучше видна сквозь призму душевныхъ состояній Лаврецкаго, ею же вызванныхъ. Напомню здѣсь еще разъ главу XXXIV-ю (объясненіе въ любви и музыка Лемма) и попрошу читателя сравнить эту сцену съ аналогичными ей сценами въ другихъ романахъ Тургенева, каковы напр. объясненіе Натальи съ Рудинымъ, Елены съ Инсаровымъ, Санина съ Джемой, Нежданова съ Маріанной и др. Во всѣхъ этихъ сценахъ, принадлежащихъ къ числу безсмертныхъ страницъ во всемірной художественной литературѣ, вся суть дѣла—въ очарованіи читателя поэзіей любви. Не тотъ или другой женскій образъ, самъ по себѣ, очаровываетъ здѣсь читателя, а именно — поэтическая прелесть любви, поэтическая минута цѣломудренныхъ признаній. Не то—въ главѣ XXXIV-ой «Дворянскаго Гнѣзда»: тамъ всѣ чары сосредоточены въ томъ, что чувствуетъ Лаврецкій и о чемъ поютъ неземные звуки музыки Лемма, а эти чувства и звуки указуютъ намъ — словно гдѣ-то въ небесахъ — на идеальный образъ Лизы. Не поэзія любви, а поэзія души Лизы очаровываетъ читателя. Какъ чудное, неземное видѣніе нисходитъ образъ Лизы въ нашу потрясенную душу и живетъ въ ней — какъ неуловимая, неосуществимая, но безсмертная мечта вѣчно-женственнаго.

До послѣднихъ строкъ романа Лаврецкій не перестаетъ служить читателю вдохновителемъ этой мечты. Въ эпилогѣ, проникаясь настроеніемъ Лаврецкаго, онъ вмѣстѣ съ нимъ вспоминаетъ Лизу. Зрѣлище новой молодой жизни, шумно празднующей праздникъ весны своей, навѣваетъ

Лаврецкому и вмѣстѣ съ нимъ и читателю тихія и грустныя думы на тему: «здравствуй, одинокая старость! Догорай безполезная жизнь!» И среди этихъ думъ витаетъ въ туманѣ образъ чистой дѣвушки, ушедшей отъ жизни, обрекшей себя на суровый подвигъ подвижничества,—и все та-же поэзія идеальной женской души, все та-же мечта согрѣваетъ умиленную душу читателя. Послѣднія строки, кратко и глухо разсказывающія о посѣщеніи Лаврецкимъ того монастыря, гдѣ постриглась Лиза, являются послѣдними, замирающими звуками дивной симфоніи, озаглавленной «Дворянское гнѣздо», которая, какъ и Леммовская, «касается всего, что есть на землѣ дорогого, тайнаго, святого и, дыша безсмертной грустью, уходитъ умирать въ небеса».

VIII.

Художественные пріемы, силою которыхъ созданъ образъ Лизы, и самый этотъ образъ, какъ воплощеніе вѣчно-женственнаго идеала, еще яснѣе очертятся въ нашемъ сознаніи, если мы для сравненія обратимся къ новому произведенію знаменитаго польскаго писателя Болеслава Пруса «Emancypantki» и познакомимся съ главной героиней этого романа, панной Магдаленой.

Сопоставленіемъ панны Магдалены съ Лизой мы подведемъ итотъ всему вышесказанному.

Панна Магдалена Бжеска это—«геній чувства», какъ опредѣляетъ ее въ концѣ романа одно изъ дѣйствующихъ лицъ. При этомъ подъ терминомъ «чувство» нужно понимать любовь къ ближнему, всегдашнюю готовность прійти къ нему на помощь, — душу, всегда открытую для сочувствія, для состраданія. Къ паннѣ Магдаленѣ можно отнести слова Тургенева о Лизѣ: «вся проникнутая чувствомъ долга, боязнью оскорбить кого-бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ, она любила всѣхъ и никого въ особенности...» Но только этимъ не исчерпываются тѣ качества ея натуры, въ силу которыхъ она является «геніемъ чувства». На первый планъ нужно выдвинуть необыкновенную отзывчивость и чуткость въ сочувствіи и состраданіи и большую энергію въ преслѣдованіи альтруистическихъ цѣлей. Съ этой стороны она представляется натурою гораздо болѣе экспансивною и активною, чѣмъ Лиза. На всемъ протяженіи романа она суетится и хлопочетъ въ интересахъ другихъ лицъ, постоянно забывая о себѣ и въ глубинѣ своей наивности даже и не подозрѣвая, какая чудная она душа, какое она прелестное и дивное созданіе.

Въ первой части романа, посвященной изображенію внутренней жизни женскаго училища (въ Варшавѣ), принадлежащаго г-жѣ Ляттеръ, панна Магдалена фигурируетъ въ числѣ второстепенныхъ учительницъ и теряется въ пестрой толпѣ женскихъ фигуръ, привлекающихъ къ себѣ почти все вниманіе читателя, который, дойдя до послѣдней страницы

этой первой части, еще не догадывается, что эта молоденькая, наивная, бѣдная дѣвушка и будетъ главной героиней романа, что въ слѣдующихъ трехъ частяхъ на ней будетъ сосредоточенъ весь интересъ его. Правда, первое появленіе панны Магдалены на сцену невольно привлекаетъ любопытство читателя: онъ видитъ передъ собою прелестное, трогательно-наивное существо, которое сразу завоевываетъ его симпатію; правда также, что и въ послѣдующихъ сценахъ (этой первой части) читатель постоянно встрѣчаетъ панну Магдалену и всегда видитъ ее въ очень сочувственномъ освѣщеніи. Но при всемъ томъ онъ вовсе не склоненъ придавать большого значенія этому взрослому ребенку, и все его вниманіе поглощено общей картиной пансіонской жизни и личностями начальницы школы, г-жи Ляттеръ и ея дѣтей, холодной красавицы Елены и сына Казиміра, красавца и хлыща. Эта первая часть оканчивается описаніемъ трагической смерти г-жи Ляттеръ, покончившей съ собою въ силу безвыходныхъ финансовыхъ обстоятельствъ и разочарованія въ дѣтяхъ, которыхъ она безумно любила, въ особенности сына.

Вторая часть переноситъ насъ въ глухой провинціальный городокъ, гдѣ живутъ родители панны Магдалены. Потрясенная смертью г-жи Ляттеръ, дѣвушка заболѣла нервной горячкой. Она лежитъ больная въ домѣ своихъ родителей и ее лѣчитъ отецъ—докторъ. Не буду передавать довольно сложнаго содержанія этой части, гдѣ появляются новыя и очень любопытныя лица, и живо рисуется картина провинціальной жизни. Укажу только, что, во-первыхъ, главный интересъ сосредоточивается здѣсь на личности панны Магдалены, которая, выздоровѣвъ, хлопочетъ объ открытіи начальной школы, но постоянно отклоняется въ сторону отъ этого плана, увлекаемая желаніемъ помочь одному, устроить другого, утѣшить третьяго, и что, во-вторыхъ, тутъ-же уже слегка намѣчена основная идея всего романа: чистая, отзывчивая, полная добрыхъ чувствъ душа на каждомъ шагу встрѣчаетъ горькую обиду, клевету, неблагодарность; за добро ей платятъ зломъ, и горечь житейскаго опыта понемногу начинаетъ накопляться въ ней. Ощущеніе этой горечи, а еще болѣе недоумѣнія и мученія совѣсти по поводу своихъ собственныхъ, правда, только воображаемыхъ, а не дѣйствительныхъ, ошибокъ или грѣховъ приводятъ къ пробужденію религіознаго чувства. Панна Магдалена въ костелѣ передъ иконой Божьей Матери—одна изъ превосходнѣйшихъ страницъ романа.

Въ третьей и четвертой частяхъ мы видимъ панну Магдалену сперва въ роли гувернантки въ богатой, но мало образованной буржуазной семьѣ, потомъ—гостящей у ея друзей Сольскихъ, представителей передовой польской знати, затѣмъ жилицей меблированныхъ комнатъ, съ утра до вечера бѣгающей по дешевымъ урокамъ. Она вступаетъ въ разнообразныя, иногда весьма сложныя отношенія къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ, которыя цѣлой толпой проходятъ передъ читателемъ—превосходно нарисованныя, типичныя, живыя. Но теперь уже панна

Магдалена не затеривается въ этой пестрой толпѣ. Она рѣзко выдѣляется на этомъ живомъ фонѣ характеровъ и натуръ, и всѣ высокія качества ея души обнаруживаются съ необыкновенной отчетливостью. Читатель все болѣе и болѣе привязывается къ ней и, подчиняясь ея обаянію, забываетъ, что передъ нимъ не живой человѣкъ, а художественный образъ. Съ этой стороны, т. е. по живости изображенія, доводящей читателя до иллюзіи, образъ панны Магдалены можно сопоставить съ Наташей въ «Войнѣ и Мирѣ». Нерѣдко встрѣчаются такія страницы, послѣ которыхъ читатель, умиленный и потрясенный, откладываетъ книгу и, думая о паннѣ Магдаленѣ, какъ о живомъ человѣкѣ, почти готовъ заговорить съ нею. Сила и правда изображенія изумительныя. Есть мѣста чисто-шекспировскія, въ которыхъ глубокій трагизмъ положенія иногда сочетается съ элементомъ комическимъ, и читателю приходится въ одно и то-же время и плакать, и смѣяться... Вообще новый романъ Пруса по праву долженъ быть причисленъ къ числу тѣхъ художественныхъ произведеній, которыя способны, какъ говорится, «пронять» читателя. Но это не тотъ тяжелый кошмаръ, какой остается послѣ чтенія, напр., Достоевскаго,—это то освѣжающее, бодрящее, облагораживающее потрясеніе, которое даютъ Шекспиръ, Пушкинъ, Мицкевичъ, Тургеневъ, Толстой.

Опутанный волшебствомъ художника, читатель съ захватывающимъ интересомъ слѣдитъ за всѣми перипетіями романа, за всѣми отношеніями героини къ другимъ лицамъ, за малѣйшими движеніями ея души и видитъ, какъ въ этой душѣ все больше и больше накопляется горечи, какъ ростетъ въ ней чувство обиды и разочарованія, какъ, наконецъ, избытокъ этихъ гнетущихъ ощущеній побуждаетъ панну Магдалену перейти отъ альтрюизма къ религіозности, отъ служенія людямъ—къ самопожертвованію Богу. Она уходитъ въ монастырь,—на этомъ и оканчивается романъ, оставляя читателя въ неизвѣстности, навсегда-ли похоронитъ себя панна Магдалена въ монастырѣ, или-же это только временное бѣгство отъ жизни, и современемъ, оправившись отъ угнетеннаго состоянія духа, она, примиренная, вновь вернется къ жизни,—къ дѣятельному добру и къ счастью, которое, казалось-бы, для нея вполнѣ возможно.

Сопоставляя панну Магдалену съ Лизою, мы усматриваемъ слѣдующее различіе между этими двумя родственными по духу натурами. Лиза—душа прежде всего религіозная, а потомъ ужъ альтрюистическая; панна Магдалена—натура прежде всего альтрюистическая, а потомъ ужъ религіозная. Здѣсь я попрошу читателя припомнить то, что я говорилъ въ предшествующемъ (VIII-омъ) очеркѣ о внутреннемъ соотношеніи религіозныхъ устоевъ въ душѣ Лизы съ ея нравственнымъ императивомъ: они образуютъ психологическое основаніе послѣдняго и съ тѣмъ вмѣстѣ служатъ ему уравновѣшивающимъ началомъ. Въ паннѣ Магдаленѣ мы видимъ иное соотношеніе, иную постановку психическихъ силъ. У нея чисто-нравственное самоутвержденіе личности находитъ себѣ психологи-

ческое обоснованіе и необходимое уравновѣшеніе сперва не въ религіозныхъ, а въ альтрюистическихъ стремленіяхъ. Иначе говоря, она жаждетъ удовлетворить нравственнымъ потребностямъ и запросамъ своей души посвященіемъ себя не Богу, а ближнимъ. И только потерпѣвъ на этомъ поприщѣ фіаско, не найдя искомаго удовлетворенія, разочарованная, оскорбленная въ лучшихъ своихъ чувствахъ,—она переходитъ отъ «прикладной» религіи альтрюизма къ «чистой» религіи отшельничества. Правда, и Лиза обращается къ этой послѣдней не сразу, также—перенспытавъ извѣстныя намъ потрясенія и разочарованія. Но психологическая катастрофа Лизы была иная: Лиза увлеклась было мечтою о личномъ счастьи и—разочаровалась въ его возможности, въ его согласуемости съ ея чисто-нравственными требованіями. Панна Магдалена не о личномъ счастьи мечтала и не въ немъ разочаровалась. Вопросъ любви къ мужчинѣ серьезнымъ образомъ и не подымался въ ея душѣ.— Крушеніе мечты о счастьи привело Лизу въ такое душевное состояніе, при которомъ мистическая любовь къ Божеству, съ дѣтства въ ней жившая, возгорѣлась яркимъ и всесожигающимъ пламенемъ. Въ этомъ пламени и сгорѣли всѣ ея земныя привязанности, всѣ приманки, всѣ искушенія жизни, молодости, счастья. Это было возможно потому, что Лиза отъ рожденія—натура *мистическая*: помыслы о Богѣ, мысли о смерти, о загробномъ существованіи не переставали занимать ея умъ въ тѣ годы, когда всѣ мы меньше всего объ этомъ думаемъ, — въ особенности о смерти. Панна Магдалена къ этимъ вопросамъ и думамъ приходитъ постепенно,—по мѣрѣ накопленія въ ней горечи разочарованія. Она мало-по-малу какъ-бы учится быть религіозно-мистичной, въ чемъ ей много помогаютъ бесѣды учителя Дембицкаго, большого философа—метафизика. Въ противуположность Лизѣ, панна Магдалена—натура не мистическая по существу, но только силою вещей приведенная къ мистицизму.

Обѣ героини, русская и польская, представляя двѣ разновидности одного и того-же душевнаго уклада, дополняютъ другъ друга. На психологическій вопросъ: что такое высшая мистическая религіозность?—мы получимъ наиболѣе исчерпывающій отвѣтъ, если возьмемъ оба художественные образа вмѣстѣ. Отвѣтивъ на этотъ многосложный вопросъ однимъ только образомъ Лизы, мы оставимъ безъ разсмотрѣнія цѣлую его половину, именно—психологическія отношенія религіи къ жизни, роль альтрюистическаго чувства, мистическія стремленія въ ихъ развитіи подъ ударами жизни. Отвѣтивъ однимъ только образомъ панны Магдалены, мы упустимъ изъ вида другую половину вопроса — психологію мистической религіозности, не вынужденной, не «апостеріорной», а заранѣе данной, «апріорной», составляющей основной укладъ души, призваніе человѣка.

Оба «отвѣта», Лиза и панна Магдалена, являются характерными выразителями особенностей творческаго генія обоихъ художниковъ, Тургенева и Пруса.

Въ противуположность Тургеневу и подобно Толстому, Прусъ это—художникъ, въ творчествѣ котораго анализъ занимаетъ очень важное мѣсто — на ряду съ даромъ изобразительности. Онъ рисуетъ и тутъ-же производитъ глубокое психологическое изслѣдованіе того, что̀ нарисовалъ. Такой укладъ творческой мысли дѣлаетъ его, какъ и Толстого, въ высокой степени приспособленнымъ къ воспроизведенію характеровъ, натуръ, вообще всякихъ душевныхъ явленій—въ процессѣ ихъ развитія, измѣненія, разложенія. Въ паннѣ Магдаленѣ онъ мастерски изобразилъ, изслѣдовавъ и объяснивъ душевный процессъ, приведшій героиню въ монастырь—вопреки настоящему ея призванію, которому, если-бы осуществилось, панна Магдалена могла-бы подвести итогъ словами:

Я на землѣ свершила все земное,
Я на землѣ любила и жила!

Въ творчествѣ Тургенева, наоборотъ, аналитическая сторона доведена до минимума. Но тѣмъ сильнѣе выражены въ немъ изобразительныя силы искусства. Въ связи съ этимъ геній Тургенева былъ приспособленъ къ воспроизведенію характеровъ и натуръ не столько въ ихъ развитіи, въ ихъ исторіи, сколько въ ихъ statu quo,—къ живописи остановленныхъ, законченныхъ типовъ. Его герои и героини стоятъ передъ читателемъ, такъ сказать, неподвижно, точно они произведенія живописи. Персонажи Толстого и Пруса живутъ на глазахъ читателя.

Въ Лизѣ Тургеневъ далъ намъ вполнѣ законченный типъ идеальной женской души, для которой религія составляетъ настоящее *призваніе*, какъ искусство для художника, какъ наука для ученаго. Чтобы окончательно осуществить это призваніе, для нея достаточно первыхъ-же противорѣчій, первыхъ уколовъ жизни, а отвратить отъ него безсильны даже волшебныя чары любви, даже всемогущее обаяніе счастья.

Д. Овсянико-Куликовскій.

За границей.

Воспоминанія и разсказы.

ГЛАВА I.

Петербургъ 1880 г. Выставка картинъ В. В. Верещагина.

Въ началѣ января 1880 г. открылась выставка картинъ брата моего Василія въ С.-Петербургѣ, на Фонтанкѣ, въ домѣ Безобразова. Вечеромъ картины показывались при электрическомъ освѣщеніи. Выставка состояла изъ двухъ частей: изъ индійской, куда относились картины и этюды изъ путешествія по Индіи, и изъ русской, содержавшей картины послѣдней русско-турецкой войны 1877—1878 годовъ

О братѣ и о картинахъ его столько было предъ этимъ писано во всѣхъ газетахъ, что безъ преувеличенія можно сказать, весь Петербургъ разомъ бросился смотрѣть выставку. Какъ днемъ, такъ и вечеромъ, давка стояла превеликая. Электрическій свѣтъ устроилъ тогда самъ изобрѣтатель Яблочковъ и устроилъ его отлично. При этомъ надо сказать, что электричество для картинъ было тогда новинкой, за которую художника сильно порицали въ газетахъ.

Я заранѣе списался съ братомъ и просилъ у него позволенія пріѣхать съ Кавказа въ Петербургъ помогать въ устройствѣ выставки. Помѣщеніе для картинъ мы нашли превосходное: семь залъ, изъ которыхъ самый большой былъ, по недостатку дневнаго свѣта, освѣщаемъ и днемъ электричествомъ. Плату за входъ назначили пять копѣекъ.

Передъ открытіемъ, выставку посѣтилъ Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Осматривалъ до малѣйшихъ подробностей и, повидимому, остался очень доволенъ. Братъ тутъ-же представилъ меня его высочеству.

Спустя порядочно времени, въ самый разгаръ, когда публика валила къ намъ ежедневно тысячами, мы узнаемъ, что Императоръ Александръ II непремѣнно желаетъ видѣть картины, и не на выставкѣ, а у себя въ Зимнемъ дворцѣ.

А надо сказать, что всѣ картины были въ рамахъ, и нѣкоторыя изъ нихъ колоссальныхъ размѣровъ. Поэтому можно себѣ представить, сколько намъ предстояло затрудненій. Главная-же задача заключалась въ томъ: какъ быть съ публикой. Но все устроилось отлично. Объявили въ газетахъ о перерывѣ, а затѣмъ, въ назначенный день, утромъ, къ намъ явилась, не помню, рота или двѣ, великановъ преображенцевъ. Они подхватили картины, какъ есть, въ рамахъ, и понесли ихъ лёжма прямо во дворецъ. Я сопровождалъ ихъ тогда. Потомъ пріѣхалъ туда самъ художникъ, и въ день-два картины были прекрасно разставлены въ Бѣломъ Николаевскомъ залѣ. Брату крайне не нравилось одно только, что залъ бѣлый, и, что снѣгъ, который изображался на нѣкоторыхъ его военныхъ картинахъ, выходилъ желтѣе стѣнъ зала.

При осмотрѣ картинъ государемъ, братъ не присутствовалъ. Я-же хотя и былъ въ залѣ, но, передъ самымъ приходомъ государя, ко мнѣ вышелъ завѣдующій дворцомъ, генералъ Дель-Саль, и объявилъ, что Его Величество желаетъ осматривать картины совершенно одинъ. Впослѣдствіи братъ передавалъ мнѣ, что Государь почти передъ каждой картиной останавливался, качалъ головой и съ грустью восклицалъ: «все это вѣрно, все это такъ было».

Черезъ нѣсколько дней выставка снова была открыта, и публика съ удвоеннымъ интересомъ бросилась туда.

По обыкновенію, публика толпилась больше всего у «Панихиды». Вотъ, стою я вечеромъ у этой картины. Несмотря на то, что здѣсь собралось болѣе сотни человѣкъ, тишина царитъ полнѣйшая. Всѣ стоятъ точно пригвожденные и не сводятъ глазъ съ картины. Со стороны можно было подумать, что присутствуешь при дѣйствительной панихидѣ. Я ухожу въ глубь комнаты, сажусь на подоконникъ и смотрю на публику. Мнѣ очень нравилось присматриваться и прислушиваться, что публика говоритъ и какъ относится къ выставкѣ. Вонъ одна барыня, съ бѣлымъ шерстянымъ платкомъ на плечахъ, видно, какъ смотрѣла въ бинокль, такъ и не хочетъ его опустить совсѣмъ, а держитъ у щеки и такъ пристально вглядывается въ картину, точно хочетъ найти знакомое лицо. Тоскливо качаетъ она головой, достаетъ изъ кармана платокъ и украдкой вытираетъ выступившія слезы.

Здѣсь, на выставкѣ, я нерѣдко встрѣчалъ Михаила Дмитріевича Скобелева. Онъ часто забѣгалъ полюбоваться на картину «Скобелевъ подъ Шейновымъ». Какъ извѣстно, «бѣлый генералъ» изображенъ здѣсь скачущимъ на бѣломъ конѣ вдоль фронта солдатъ, при чемъ срываетъ съ

головы своей фуражку и кричитъ имъ въ привѣтъ: «именемъ отечества, именемъ Государя, спасибо, братцы!» Скобелевъ каждый разъ приходилъ въ великій азартъ отъ картины, и, ежели при этомъ публики въ залѣ было не особенно много, то бросался душить автора въ своихъ объятіяхъ. Я точно сейчасъ слышу, какъ онъ, обнимая брата, сначала мычитъ, а потомъ восклицаетъ: «Василій Васильевичъ! какъ я васъ люблю!» а иногда, въ избыткѣ чувствъ, переходилъ на «ты» и кричалъ: «тебя люблю». Случалось, что, обнимая брата, генералъ, нѣтъ-нѣтъ да и меня обниметъ. Въ одно изъ такихъ свиданій, Михаилъ Дмитріевичъ обращается ко мнѣ и говоритъ:

— Вы знаете, что я, вѣроятно, скоро буду назначенъ командующимъ войсками Закаспійскаго края. Будемъ съ текинцами воевать. Надѣюсь, вы со мной?

Я, конечно, съ восторгомъ поблагодарилъ генерала, и съ тѣхъ поръ моей завѣтной мечтой было, какъ-бы поскорѣй попасть къ Скобелеву въ этотъ походъ. А это было не легко. Желающихъ попасть къ Скобелеву, въ его личное распоряженіе, была масса. Къ нему безпрестанно являлась молодежь-офицеры съ рекомендательными письмами отъ всѣхъ сильныхъ міра сего. Конкурренція была громадная. Но, благодаря брату, я таки попалъ штабъ-офицеромъ по порученіямъ.

По окончаніи выставки, братъ рѣшилъ распродать свои картины, для чего онъ и устроилъ аукціонъ на самой выставкѣ. Распродажу эту любезно принялъ на себя извѣстный знатокъ и любитель живописи, литераторъ Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ. Въ газетахъ былъ заранѣе объявленъ день торговъ. Аукціонъ удался вполнѣ. Съѣхалось множество любителей, и можно сказать, богатѣйшихъ людей Россіи. Кто самъ не могъ почему-либо пріѣхать, тотъ или послалъ замѣстителя, или заранѣе просилъ Григоровича за такую-то картину идти до такой-то суммы. Цѣны были назначены братомъ, сравнительно для Петербурга, очень высокія. Помню, многихъ поражало то обстоятельство, что этюды, величиною всего какихъ-нибудь 6 вершковъ длины и 4 вышины, вдругъ оцѣнены были въ 1000—1500 рублей.

Аукціонъ.

Погода прекрасная. Сквозь спущенныя шторы солнце мягко освѣщаетъ всю серію индійскихъ картинъ, выставленныхъ въ просторномъ залѣ. Посреди зала, за столомъ, расположились аукціонисты. Возлѣ нихъ я вижу откинувшуюся въ креслѣ, заложивъ ногу на ногу, представительную фигуру Григоровича, съ карандашомъ въ одной рукѣ, и съ каталогомъ въ другой. Слегка украшенное вьющимися сѣдоватыми бакенбардами лицо его озабоченно, торжественно. Рядомъ съ нимъ сидитъ извѣстный художественный критикъ, Владиміръ Васильевичъ Стасовъ,

другъ и пріятель брата моего. Громадный ростъ, длинные сѣдые волосы и такая-же борода рѣзко выдѣляютъ его изъ всей публики. Стасовъ наклонилъ свою сѣдую голову къ Григоровичу и, прикрывшись рукой, шепчетъ ему что-то на ухо. Тотъ, въ отвѣтъ, многозначительно киваетъ головой. Далѣе, полукругомъ сидятъ человѣкъ 60—70, жаждущихъ пріобрѣсти картины. Все любители, да все, по выраженію Стасова, самые тузовые. Вонъ, въ сторонкѣ, скромно сложивъ руки на груди, стоитъ въ черномъ сюртукѣ Третьяковъ, Павелъ Михайловичъ. Лицо его, какъ и Григоровича, тоже озабоченное, но не торжественное. Уже нѣсколько прекрасныхъ вещей успѣли, что называется, вырвать у него изъ горла. На лицѣ его скорѣе можно прочесть глубокую скорбь. Вонъ сидитъ Базилевскій, Федоръ Ивановичъ; рядомъ съ нимъ полковникъ, флигель-адъютантъ, маленькаго роста, очень подвижной. Полковникъ суетится и все что-то показываетъ Базилевскому карандашомъ въ каталогѣ. Далѣе видны: князь Львовъ, Лопухинъ, Демидовъ, Д. П. Боткинъ, князь Воронцовъ, князь Меньшиковъ, Нарышкинъ, графъ Строгоновъ, Зиновьевъ, Ханенко, Терещенко,—да всѣхъ и не перечтешь.

Аукціонъ въ полномъ разгарѣ.

— 4,550 рублей, второй разъ!—громко раздается голосъ аукціониста въ безмолствующемъ залѣ.

Третьяковъ съ озабоченнымъ видомъ подходитъ къ продаваемой картинѣ, долго и пристально разсматриваетъ ее со всѣхъ сторонъ, и затѣмъ уходитъ на свое мѣсто. Казалось, послѣ такого тщательнаго осмотра, онъ сразу накинетъ сотню, а нѣтъ и двѣ рублей.

— Рубь—слышенъ чей-то робкій, убитый голосъ, со стороны Третьякова. Смотрю на Павла Михайловича, чтобы узнать, онъ-ли отвалилъ такую сумму. Но по лицу его ничего не узнать. Глаза полузакрыты и вся фигура его невозмутима.

Аукціонистъ недоволенъ. Ему хотѣлось-бы, чтобы все сотнями, а нѣтъ—тысячами прибавляли, чтобы скорѣй къ дѣлу. Свирѣпо взглядываетъ онъ на Третьякова и затѣмъ, быстро обращаясь къ остальной публикѣ, осипшимъ голосомъ выкликаетъ:

— 4551 рубль, кто больше?

Торгъ идетъ объ небольшомъ этюдѣ индійскаго храма «Таджъ», величиной менѣе квадратнаго аршина.

Мраморный храмъ, причудливой индійской архитектуры, ярко блестѣлъ на ослѣпительномъ солнцѣ своей бѣлизной и, утопая въ тѣни тропической зелени, отражался въ зеркальной поверхности озера. Глаза съ трудомъ можно было отвести отъ этой картины.

Общее молчаніе.

— 4,551 рубль — снова вопрошаетъ аукціонистъ и уже берется за молотокъ. Казалось, вотъ-вотъ этюдъ останется за Третьяковымъ.

— 100 рублей!

— 200 рублей!

— 100 рублей!—Вдругъ, точно кто подтолкнулъ любителей, посыпались надбавки съ разныхъ сторонъ. Аукціонистъ едва успѣвалъ выкрикивать цѣны.

— 4,651! 4,851! 4,951! —и оживленно, расширенными зрачками, поглядывалъ онъ по сторонамъ, ожидая новыхъ и новыхъ надбавокъ. Въ то же время онъ искоса, какъ-бы боязливо бросалъ взоры и на Третьякова. Аукціонистъ очевидно не любилъ «рубля».

— Пятьсотъ!—неожиданно раздается изъ сосѣдней залы. Кто-бы это такой? думаю. Заглядываю въ дверку — въ большомъ залѣ, на эстрадѣ для музыкантовъ, возсѣдалъ на стулѣ, поджавъ подъ себя ногу, князь Демидовъ-Санъ-Донато, въ той-же самой темно-синей визиткѣ, въ какой я видѣлъ его послѣдній разъ въ Зимнемъ дворцѣ, когда онъ приходилъ съ Васильчиковымъ, передъ самымъ прибытіемъ Государя, взглянуть на выставку брата. Демидовъ сидѣлъ и любовался «Великимъ моголомъ въ своей мечети». Освѣщенная яркимъ электричесимъ свѣтомъ, картина была поразительно хороша. Любуясь ею, князь, въ то же время, чутко прислушивался и къ торгамъ. Онъ иначе не прибавлялъ, какъ, или 500, или тысячу.

— 5451 рубль, кто больше? — раздается снова тотъ-же осипшій голосъ аукціониста.

— Рубь—опять слышится знакомый, хотя и робкій, но настойчивый голосъ Третьякова. Аукціонистъ даже не взглядываетъ, откуда идетъ эта прибавка. Онъ хорошо изучилъ голоса покупателей.

Въ концѣ концовъ «Таджъ» остается за Базилевскимъ, съ чѣмъ-то за семь тысячъ рублей.

Долго бился почтенный Павелъ Михайловичъ удержать за собой эту вещь, но оказался не въ силахъ. Вѣдь онъ желалъ, по возможности, пріобрѣсти всю коллекцію, тогда какъ остальные господа торговались только на то, что имъ въ особенности нравилось и, конечно, поэтому имѣли громадное преимущество предъ Третьяковымъ. Такъ, напримѣръ, и Базилевскій — очень богатый человѣкъ: онъ заранѣе рѣшилъ купить этотъ этюдъ, и, впослѣдствіи, самъ сознавался своимъ пріятелямъ, что пошелъ-бы не только до семи, но и до семнадцати тысячъ.

Въ первый день, къ 5 часамъ вечера, была продана только часть индійскихъ картинъ, всего 45 штукъ, и выручено было 52 тысячи рублей. Григоровичъ, замѣтивъ утомленіе публики, во-время остановилъ аукціонъ до слѣдующаго дня. На другой день проданы были остальныя индійскія вещи, 56 картинъ, на сумму около 65 тысячъ рублей. Такъ что всего братъ выручилъ болѣе 117 тысячъ рублей. Публика съ нетерпѣніемъ ожидала продажи военныхъ картинъ, но ихъ рѣшено было не продавать, а везти за-границу и тамъ показывать.

Не могу не разсказать про курьезный случай, который произошелъ у насъ по окончаніи выставки, при укладкѣ картинъ.

Всей плотничной работой, по установкѣ и упаковкѣ, завѣдывалъ у брата плотникъ Яковъ Михайловъ, — костромичъ, Кологривскаго уѣзда. Красивый брюнетъ съ окладистой бородой и быстрыми глазами, Яковъ былъ очень широкъ въ плечахъ и силенъ.

Такъ вотъ, какъ-то подъ вечеръ, когда время было уже шабашить, Яковъ обращается ко мнѣ и съ усмѣшкой говоритъ:

— Пойдемъ-ка, баринъ, я тебѣ что покажу — и ведетъ въ одну изъ залъ, гдѣ работало человѣкъ восемь обойщиковъ, подъ руководствомъ хозяйскаго сына, парня лѣтъ 20-ти, съ блѣднымъ одутловатымъ лицомъ, съ черными усиками. Сюртукъ разстегнутъ, и на жилетѣ болталась серебряная цѣпочка отъ часовъ. Хозяйскій сынъ, какъ и остальные рабочіе, уже забиралъ свои инструменты: молотокъ, гвозди, тиски, и все это укладывалъ въ мѣшокъ. Обойщики съ самаго утра снимали прекрасный, малиноваго цвѣта плюшъ, которымъ были декорированы картины. Плюшу этого у насъ было больше тысячи аршинъ.

Яковъ спокойно подходитъ къ обойщику хозяину, тычетъ его, какъ будто шутя, подъ мышки, или по-просту говоря, «подъ микитки», и весело восклицаетъ:

— Что ты, Андрей Ивановичъ, больно толстъ сталъ?

Тотъ, не оборачиваясь, сердито огрызается и, видимо, торопится уходить.

— Да постой, постой! — пристаетъ къ нему Яковъ, ласково обнимаетъ, щупаетъ бока и въ то же время ловко выдергиваетъ рубашку изъ подъ жилетки. Обойщикъ, оказывается, былъ весь толсто обмотанъ плюшемъ.

— Ай да парень! ты не хозяйскій сынъ, а просто . . . . . сынъ!— укоризненно говоритъ Яковъ. Тотъ между тѣмъ, сконфуженный, стоялъ растопыря руки, точно его облили ушатомъ воды.

Чрезвычайно забавно было смотрѣть, какъ на глазахъ всѣхъ своихъ-же рабочихъ, этотъ малый, по мѣрѣ того, какъ Яковъ сматывалъ съ него плюшъ, вертѣлся на одномъ мѣстѣ, точно чурбанъ какой.

— Да ну-же, вертись, вертись, скорѣе!—покрикивалъ Яковъ и безцеремонно тыкалъ его въ бока кулакомъ.

— Ишь, ей-Богу аршиновъ 20 сперъ-бы! Право! Ну, убирайся-же!— кричитъ онъ, когда плюшъ былъ аккуратно сложенъ при помощи этого-же самаго обойщика.

— Да мотри, разскажи своему батькѣ, какъ ты сегодня влопался!..

ГЛАВА II.

Сборы за-границу.

Это было въ апрѣлѣ 1881 года. Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ, страшно фальшиво насвистывая какой-то маршъ, безъ сюртука, нервно разгуливаетъ большими шагами по мягкимъ коврамъ обширнаго кабинета въ домѣ князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ, что нынѣ дворецъ великаго князя Сергѣя Александровича.

Генералъ не въ духѣ. Онъ только что вернулся изъ дворца, гдѣ представлялся Государю Императору Александру III, и вкратцѣ докладывалъ Его Величеству о Текинской экспедиціи. Сердито разглаживаетъ онъ заразъ обѣими руками направо и налѣво свои рыжіе раздушенные бакенбарды и поправляетъ на шеѣ сбившихся Георгіевъ. Затѣмъ засовываетъ руки въ карманы своихъ генеральскихъ рейтузъ, заправленныхъ въ высокіе, лакированные сапоги, и снова принимается шагать по кабинету.

Я стою у окна и поглядываю на проѣзжающихъ по Невскому проспекту.

— Попросите, пожалуйста, полковника Баранка! *), говоритъ мнѣ генералъ своимъ картавымъ голосомъ. Но Баранокъ уже входилъ въ кабинетъ, какъ всегда насупившись, съ толстымъ портфелемъ подъ мышкой.

— Отстаньте вы съ вашими бумагами! надоѣли!—капризно кричитъ Михаилъ Дмитріевичъ.—Лучше поговорите вотъ о чемъ: я ѣду за-границу, слышите? На дняхъ, въ Парижъ! — Затѣмъ обращается ко мнѣ и спрашиваетъ:

— А вы ѣдете со мной?

— Съ удовольствіемъ, ваше высокопревосходительство! Я уже писалъ брату, что непремѣнно хочу пріѣхать сейчасъ послѣ экспедиціи, — отвѣчаю ему.

— Ну вотъ и отлично! Ушаковъ **) тоже ѣдетъ. Такъ собирайтесь, готовьте себѣ заграничный паспортъ! — и генералъ протягиваетъ мнѣ руку въ знакъ того, чтобы я оставилъ его заниматься бумагами съ Баранкомъ.

Алексѣй Никитичъ Баранокъ, какъ я убѣдился, проведя съ нимъ два похода, турецкій и текинскій, былъ замѣчательный человѣкъ. У себя-ли дома, или въ походной палаткѣ, при докладѣ-ли у генерала, когда, порой, нашъ почтенный Михаилъ Дмитріевичъ капризно разносилъ бѣд-

---

*) Старшій адъютантъ генерала Скобелева по строевой части.

**) Адъютантъ генерала Скобелева.

наго, измученнаго, не спавшаго нѣсколько ночей Алексѣя Никитича, или во время самаго жаркаго сраженія, когда тотъ верхомъ, на изнуренной лошади, скачетъ съ приказаніемъ отъ генерала въ самую передовую цѣпь стрѣлковъ,—Баранокъ все тотъ-же, невозмутимый, хладнокровный. Росту былъ онъ средняго, коренастый, широкоплечій. Волосы носилъ короткіе, щеки и подбородокъ гладко брилъ, даже въ походѣ. Щетинистые усы придавали его лицу суровое выраженіе. Выносливъ Баранокъ былъ замѣчательно. Хорошо помню, какъ онъ въ текинскомъ походѣ, послѣ того, какъ проскакалъ за генераломъ весь день при жарѣ слишкомъ въ 50 градусовъ, вечеромъ садится писать дѣловыя бумаги, и пишетъ всю ночь напролетъ, до самаго утра, пока генералъ не проснулся и не позвалъ его къ новому докладу.

Деньщикъ Петровъ.

Я выхожу отъ генерала въ сосѣднюю комнату. Тамъ сидѣлъ Михаилъ Ивановичъ Ушаковъ, и мы съ нимъ разговорились о нашемъ предстоящемъ путешествіи за-границу. Я любилъ поговорить съ Ушаковымъ. Онъ всегда, бывало, сообщитъ что-нибудь интересное. Такъ случилось и теперь.

— Что это, — спрашиваю я Ушакова,—не видно Петрова *) у генерала?

— А вы развѣ не знаете, что случилось съ нимъ въ Астрахани? — отвѣчаетъ онъ. — Впрочемъ, вѣдь вы поѣхали прямо на Кавказъ, а мы съ генераломъ въ Астрахань, поэтому и не знаете, улыбаясь разсказывалъ Михаилъ Ивановичъ. — Помните, какой вообще Петровъ былъ невѣжа? По пріѣздѣ-же въ Астрахань, гдѣ генералъ ночевалъ на пароходѣ, съ нимъ просто сладу не стало. Надѣлъ, знаете, генеральскій китель съ золочеными пуговицами, руки въ карманы; и разыгрываетъ себѣ роль чуть не главнаго покорителя текинцевъ. Я, знаете, все терпѣлъ до поры до времени, пока онъ не нагрубилъ нашему Филиппу Александровичу **), просто обругалъ того, бѣднаго. Ну, тогда я уже, конечно, доложилъ генералу, въ чемъ дѣло. А Михаилъ Дмитріевичъ, знаете, что мнѣ сказалъ? Прикажите, говоритъ, посадить его въ трюмъ и съ первымъ-же рейсомъ отправьте обратно въ Красноводскъ. Пускай тамъ его разсчитаютъ. Онъ мнѣ больше не нуженъ.—Какъ вамъ нравится?

— Превосходно!—восклицаю я. — Но интересно знать, какъ вы его посадили? Ничего, сразу покорился? Вѣдь онъ дѣтина здоровый! — спрашиваю я.

---

*) Петровъ—деньщикъ генерала Скобелева во время текинской экспедиціи. Здоровенный дѣтина съ рыжими усами.

**) Имя вымышленное.

— Э! очень просто: я передалъ приказаніе генерала капитану парохода, тотъ свистнулъ, и четверо здоровыхъ матросовъ подходятъ къ Петрову. А тотъ, надо вамъ сказать, только что купилъ себѣ новое ватное пальто въ городѣ, и въ самое это время входилъ на пароходъ. Матросы предлагаютъ ему слѣдовать за ними. Куда, и слышать не хочетъ! Тогда тѣ, безъ дальнихъ разговоровъ, подхватываютъ его подъ руки, и какъ онъ былъ, въ новомъ пальто, подтаскиваютъ къ люку, и давай его туда пропихивать. А пальто претолстое, не лѣзетъ, едва-едва пропихали. Ну, просто потѣха была!—добавилъ Ушаковъ,

— Отлично! восклицаю я. — Только, знаете, Михаилъ Ивановичъ, вѣдь генералъ самъ избаловалъ Петрова. Вѣдь это на моихъ глазахъ было въ Бами *): Петровъ подаетъ генералу одѣваться, и, не помню, что-то не потрафилъ. Михаилъ Дмитріевичъ оборачивается и бацъ того кулакомъ въ ухо... А Петровъ не дуракъ: сейчасъ корчитъ плаксивую морду и отходитъ въ сторону. Генералъ-же, вѣроятно вспомнилъ, что я былъ свидѣтелемъ такого проступка, за который онъ самъ-же строго преслѣдовалъ офицеровъ, скорѣй достаетъ изъ кошелька сторублевую бумажку и суетъ тому въ руку. Ну сами посудите, не баловство-ли это?

Миражъ.

Какъ-то, вскорѣ послѣ этого разговора, встрѣчаю опять Ушакова и спрашиваю его:

— А что, Михаилъ Ивановичъ, не разсказывалъ я вамъ, какъ нашъ генералъ на Черномъ морѣ миражемъ любовался?

— Нѣтъ—нѣтъ! пожалуйста, разскажите!—восклицаетъ тотъ.

— Постараюсь передать вамъ точь въ точь тѣми-же словами, какъ самъ слышалъ отъ Баранка, говорю ему.

— Это, знаете, было, когда генералъ возвращался изъ Турціи въ 1879 году. Сѣлъ онъ, кажется, въ Буюкъ-Дере на громадный пароходъ добровольнаго флота «Россія». Вмѣстѣ съ нимъ былъ посаженъ цѣлый пѣхотный полкъ, со всѣмъ обозомъ и лошадьми. Ну, вы конечно поймете, что при такой массѣ народа услѣдить за порядкомъ было очень трудно. День былъ чудный. Солнце ярко сіяло. Генералъ сидѣлъ въ каютъ-компаніи, въ обществѣ офицеровъ N полка, и, по обыкновенію, занималъ ихъ своими боевыми разсказами. Вдругъ вбѣгаетъ командиръ парохода и торопливо докладываетъ генералу:

— Ваше превосходительство, не угодно-ли будетъ полюбоваться рѣдкимъ явленіемъ на Черномъ морѣ, миражемъ?—Генералъ встаетъ, а за

---

*) Мѣстечко въ ахалъ-текинскомъ оазисѣ.

нимъ, конечно, и всѣ офицеры. Скобелевъ подымается за капитаномъ на мостикъ.

— Вотъ, ваше превосходительство, не угодно-ли взглянуть: передъ нами совершенно ясно видно устье Дуная, тогда какъ по курсу мы находимся болѣе 100 верстъ отъ берега,—торжественнымъ голосомъ объясняетъ капитанъ. Мы смотримъ и любуемся. Устье Дуная, его берега, даже деревья отчетливо виднѣлись. Миражъ, казалось, все становился рѣзче и отчетливѣе. И чѣмъ дальше мы подаемся, тѣмъ Дунай становится виднѣе, даже цвѣтъ воды отдѣлялся замѣтнѣе.

Въ это время всѣ видятъ, какъ красивый пѣхотный офицеръ Абадзіевъ, который состоялъ при Скобелевѣ, ловко взобрался на самую верхушку мачты и оттуда наблюдаетъ за горизонтомъ. Мачта шибко качается и дрожитъ.

— Слѣзайте прочь, Абадзіевъ! Я васъ подъ арестъ посажу! Какъ вы смѣете лазить безъ спросу?—сердито кричитъ на него Скобелевъ, боясь, чтобы тотъ не свалился.

— Не прикажете-ли лотъ бросить?—не безъ нѣкотораго смущенія въ полголоса спрашиваетъ капитана его помощникъ. Тотъ въ недоумѣніи.

— Да, пожалуй, прикажите.—И затѣмъ, какъ-бы въ свое оправданіе передъ генераломъ, кричитъ, не отрывая глазъ отъ бинокля:

— Да вѣдь курсъ-то вы провѣрили?

— Такъ точно,—отвѣчаетъ тотъ.

Бросаютъ лотъ—40 футъ глубины. Мы, какъ есть, полнымъ ходомъ валяемъ въ берегъ.

— Стопъ машина!—оретъ капитанъ.

— Что такое?..—Шумъ! Переполохъ! Оказывается: солдаты, сколько за ними ни слѣдили, успѣли навалить цѣлую груду ружей, шашекъ, штыковъ, какъ разъ возлѣ компаса; ну, конечно, стрѣлку и отклонило.

— Вотъ вамъ и миражъ!—смѣясь говоритъ Ушаковъ.—Нечего сказать, угостили генерала рѣдкимъ явленіемъ на Черномъ морѣ!

ГЛАВА III.

Берлинъ.

15-го апрѣля, на Варшавскомъ вокзалѣ собрались родные и знакомые, проводить Михаила Дмитріевича Скобелева. Онъ уѣзжалъ за-границу. Генералъ былъ въ сѣренькомъ штатскомъ пальто и въ сѣромъ цилиндрѣ.

Не скрою, что видъ его въ этомъ костюмѣ, по крайней мѣрѣ для меня, былъ нѣсколько комиченъ. Скобелеву не шло штатское платье. Его манера держаться, его походка, разчесанныя на-право и на-лѣво бакенбарды постоянно напоминали военнаго. Но вотъ раздается второй звонокъ. Скобелевъ входитъ въ вагонъ. За нимъ слѣдуетъ бывшій его гувернеръ, французъ Жирардѐ, господинъ почтенныхъ лѣтъ, маленькій, худенькій, подвижной, со склоченной сѣдоватой бородкой. Скобелевъ очень любилъ Жирардѐ. Затѣмъ вхожу и я. Ко мнѣ заходитъ въ вагонъ проститься братъ мой Николай Васильевичъ, извѣстный дѣятель по молочному хозяйству. Я познакомилъ его съ генераломъ, и тотъ такъ сердечно обошелся съ братомъ, точно и вѣкъ знакомъ былъ. Братъ до сихъ поръ не можетъ забыть этой встрѣчи. Надо правду сказать, Михаилъ Дмитріевичъ умѣлъ покорять сердца людей.

Сосѣднее отдѣленіе нашего вагона занялъ знакомый Михаила Дмитріевича, нѣкто П. Онъ тоже ѣхалъ въ Парижъ. П. оказался преостроумнымъ господиномъ, и всю дорогу потѣшалъ Скобелева своими разсказами.

Надо прибавить, что я за-границей никогда не бывалъ, если не считать Турціи и Румыніи. Поэтому, чѣмъ дальше подвигались мы къ западу, тѣмъ для меня все становилось интереснѣе и интереснѣе.

Въ Берлинѣ мы пробыли сутки. Остановились въ гостинницѣ «Петербургъ». Утромъ, напившись кофе, Скобелевъ пошелъ со мной прогуляться по главной улицѣ «Unter den Linden». Улица эта очень мнѣ понравилась: широка и чисто содержана; зданія-же, на мой взглядъ, не представляютъ собой ничего особеннаго. Первое, что поразило меня здѣсь, это пара громадныхъ договъ пепельной масти. Запряженные въ маленькую телѣжку, они мирно лежали на панели, при входѣ въ какую-то лавочку, высунувъ свои длинные красные языки.

Дорогой Скобелевъ зашелъ въ лучшій книжный магазинъ и заказалъ переслать ему въ Россію все, что вышло замѣчательнаго, касающагося до военнаго дѣла за послѣдніе два-три года. Заказъ этотъ, какъ потомъ я узналъ, обошелся моему генералу приблизительно около 1000 марокъ. Когда мы шли обратно въ гостинницу, то встрѣтили, около Бранденбургскихъ воротъ, полкъ солдатъ съ музыкой. Толпа мальчишекъ шла впереди и старалась попадать въ ногу. Солдаты франтовски одѣты и, повидимому, хорошо содержаны. Когда знамя полка поровнялось съ нами, Скобелевъ, чтобы отдать честь, высоко поднимаетъ надъ головой шляпу. Только что прошелъ полкъ, какъ смотрю, намъ навстрѣчу ѣдетъ въ открытой коляскѣ Императоръ Вильгельмъ. Его характерное лицо, съ сѣдыми бакенбардами и закрученными кверху усами, трудно было не признать. Скобелевъ опять снимаетъ свой сѣрый цилиндръ и, когда Вильгельмъ проѣхалъ, съ нѣкоторымъ паѳосомъ говоритъ мнѣ:

— Я очень люблю этого человѣка; онъ достоинъ уваженія.

Что непріятно поразило меня тогда въ Берлинѣ, это страшная солдатчина. Она проглядывала во всемъ и на каждомъ шагу.

Вотъ навстрѣчу намъ идетъ молодой офицеръ, стройный, бѣлокурый. Лицо гладко выбрито; рыжіе усики тонко закручены кверху. Посмотрите, до чего оригинальна вся его фигура: плечи подняты чуть не до ушей; грудь какъ-то неестественно выпячена, и такая высокая, какой я не встрѣчалъ у самыхъ здоровыхъ моихъ казаковъ. Мнѣ ужасно хотѣлось узнать, не подложено-ли было у него тамъ что-нибудь, въ родѣ ватки. Лѣвой рукой офицеръ слегка придерживалъ золоченый ефесъ сабли, а правую горделиво засунулъ за бортъ сюртука. При этомъ локтями такъ вывертывалъ, точно они были у него на пружинахъ. И что мнѣ въ особенности странно показалось: при встрѣчѣ съ прохожими, офицеръ этотъ, какъ будто никого не замѣчалъ, шелъ совершенно прямо, точно всѣ были обязаны давать ему дорогу. А ужъ важности въ лицѣ его было столько, что и разсказать нельзя. Я увѣренъ, что у самаго Мольтке такой важности и десятой доли никогда не бывало. За этимъ офицеромъ встрѣтили мы десятка два другихъ, и у всѣхъ видъ былъ точно такой-же, и всѣ были съ богатырскими грудями.

— И чего они такъ важничаютъ, думаютъ, что уже это очень умно, что-ли?—говорю дорогой генералу. Такъ Скобелевъ мнѣ на это съ досадой отвѣтилъ:

— А что станешь дѣлать! Они могутъ важничать: они имѣютъ право на это.

Отъ Берлина до Кёльна.

Поѣздъ мчится съ замѣчательной быстротой. Я смотрю въ окно вагона и любуюсь видомъ окрестностей. Селенія за селеніями, городъ за городомъ такъ и мелькаютъ, точно во снѣ. И какая громадная разница съ Россіей! Нѣтъ здѣсь соломенныхъ крышъ, нѣтъ этого длиннаго ряда бревенчатыхъ домиковъ, выстроенныхъ въ одинъ порядокъ. Нѣтъ этой невыходной грязи на улицахъ. Постройки здѣсь все каменныя, прочныя, крытыя большею частью черепицею. Улицы мощеныя. Вездѣ чистота.

Начинаетъ темнѣть. Поѣздъ несется все съ той-же стремительностію. Не помню, отъ какой станціи, по обѣ стороны дороги начались фабрики и заводы, и что дальше, то больше. Такого громаднаго количества фабрикъ, сосредоточенныхъ въ одномъ районѣ, я никогда и не предполагалъ. Ночь уже совсѣмъ наступила. Я продолжаю смотрѣть въ окно и не могу оторвать глазъ отъ этой удивительной картины. Мнѣ рѣшительно представляется, что я ѣду по какому-то заколдованному міру гномовъ. Тысячи трубъ извергаютъ столбы огненнаго дыма. Чудовищныя печи,

раскаленныя до красна, въ ночной темнотѣ зловѣще пылаютъ. Огненные языки по временамъ вырываются изъ жерлъ печей и, какъ-бы облизывая самый остовъ трубы, высоко взлетаютъ къ небу. Тысячи оконъ въ громадныхъ фабричныхъ зданіяхъ, освѣщенныхъ электричествомъ, мелькаютъ на темномъ фонѣ подобно звѣздамъ. Озаренныя огнемъ лица рабочихъ, снующихъ около печей, среди моря дыма и пламени, дополняютъ эту волшебную картину. И эта картина тянется не двѣ, не три версты, а нѣсколько станцій. Стоитъ только проѣхать отъ Берлина до Кельна, чтобы понять удивительную заводскую дѣятельность Германіи.

Жирардѐ.

До нѣмецкой границы мы ѣхали въ отдѣльномъ купе. Далѣе-же по Германіи—въ общемъ вагонѣ 1-го класса. Здѣсь насъ всю дорогу смѣшилъ своимъ поведеніемъ господинъ Жирардѐ. Онъ, какъ истый французъ и патріотъ, вообще не любилъ нѣмцевъ; со времени - же войны 1870 года, возненавидѣлъ ихъ всей своей душой. А потому, какъ только мы усѣлись въ нѣмецкій вагонъ и поѣхали по нѣмецкой землѣ, нашего Жирардѐ, до того времени болтливаго и веселаго, какъ и всѣ французы, не возможно было узнать: такъ онъ стихъ, прижался въ уголъ и только изрѣдка мрачно поглядывалъ исподлобья. Если-же Скобелевъ, смѣясь, обращался къ нему съ какимъ-либо вопросомъ, чтобы хотя сколько-нибудь развеселить его, то Жирардѐ, сухо, коротко и даже грубо отвѣчалъ, и затѣмъ снова впадалъ въ прежнее меланхолическое настроеніе. Онъ просто не могъ слышать гнусливаго восклицанія кондукторовъ на станціяхъ: «Bitt' aufsteigen, ihr Platz nehmen!»

Каждый разъ, какъ онъ слышалъ эти слова, онъ саркастически улыбался и вполголоса презрительно повторялъ исковерканнымъ манеромъ эту фразу. За то надо было видѣть этого француза, когда, наконецъ, раздалось давно ожидаемое имъ «Erquelines», названіе пограничной станціи.

Жирардѐ точно переродился. Какъ-то выросъ, выпрямился. Маленькая, круглая шапочка, надвинутая-было на брови, теперь съѣхала на затылокъ. Онъ такъ повеселѣлъ, что готовъ былъ на каждой станціи цѣловаться не только что съ кондукторомъ, но даже съ каждымъ смазчикомъ.

Я въ душѣ сравнивалъ его въ это время съ самимъ собой, когда, бывало, въ юности, я возвращался изъ Петербурга на родину. И когда подъѣзжалъ я къ нашей деревнѣ, то готовъ былъ тоже броситься на шею первому встрѣчному крестьянину, лишь-бы онъ былъ «нашъ».

Когда мы вступили въ первый разъ на французскую платформу, Жирардѐ сдѣлался просто смѣшонъ. Онъ былъ въ какой-то ажитаціи. То

онъ хваталъ Скобелева подъ руку и тащилъ его что-то показывать, то П., то меня. Все онъ находилъ здѣсь прекраснымъ, цѣлесообразнымъ и въ десять разъ лучшимъ, чѣмъ на нѣмецкихъ дорогахъ. Онъ даже уговорилъ меня зайти въ буфетъ и спросить бульону и чашку кофе. Но бульонъ оказался весьма плохого качества, а кофе подали въ какой-то полоскательной чашкѣ со столовой ложкой, вмѣсто чайной, такъ неаппетитно, что я и пить не сталъ. Когда-же мы тронулись дальше, и я замѣтилъ Жирардѐ, что нѣмецкіе вагоны гораздо удобнѣе и лучше французскихъ, то онъ не на шутку обидѣлся и сказалъ, что я говорю это только для того, чообы его разсердить. Жирардѐ не могъ допустить, чтобы у нѣмцевъ было что-либо лучше, чѣмъ у французовъ. Въ этомъ отношеніи онъ увлекался до крайности. Какъ сейчасъ смотрю на него: сидитъ онъ у окна вагона, вертитъ между пальцами свою маленькую серебряную табакерку и съ жаромъ что-то объясняетъ Скобелеву. Сѣдая бородка его такъ и трясется. Онъ видимо расхваливаетъ своему сосѣду воздѣланныя и обработанныя окрестности. «Voilà, voilà!.. et ces canaux... les Allemands... aucune idée»... долетаютъ до меня его отрывочныя восклицанія...

Окрестности, дѣйствительно, очаровательны. Поля, парки, сады. Восхительныя, какъ игрушки, дачки, каналы, мосты, шоссе такъ и мелькаютъ передъ глазами. Нигдѣ не видно ни пяди невоздѣланной земли. Все обработано. Вездѣ видна рука человѣческая.

Пока я такъ любовался окрестностями, вдругъ слышу позади себя сердитый голосъ П.

— Чортъ знаетъ, да куда-же онъ дѣлся?

Смотрю, мой соотечественникъ, съ заспаннымъ, сердитымъ лицомъ, стоитъ въ своей сѣренькой визиткѣ наклонившись, и чего-то ищетъ. На правой ногѣ надѣтъ ботинокъ, а на лѣвой нѣтъ.

— Да вы искали-ли подъ скамейкой?—говорю ему.

— Да уже вездѣ искалъ!

Мы принимаемся шарить вмѣстѣ. Элегантно разодѣтые пассажиры-французы, мужчины и дамы, которые во множествѣ усѣлись на послѣднихъ станціяхъ подъ Парижемъ, вѣжливо сторонятся, и, не безъ улыбки, позволяютъ намъ искать кругомъ. Ботинокъ какъ въ воду канулъ. Не иначе, какъ его выкинулъ ногой, по неосторожности, кондукторъ, который ночью заходилъ провѣрять билеты. Вагоны-же устроены такъ, что каждаго отдѣленія дверь выходитъ наружу.

Въ это время поѣздъ круто, почти съ полнаго ходу, останавливается и раздается магическій возгласъ «Paris». Говорю магическій, потому что это слово, какъ электрическій токъ, пронизало меня, и мои спутники, вѣроятно, тоже чувствовали что-то необыкновенное.

Я устремляюсь изъ вагона за Скобелевымъ и Жирардѐ. Въ это время

чувствую, кто-то дергаетъ меня за пальто. Смотрю. П. уже въ туфляхъ, стоитъ нѣсколько сконфуженный и проситъ меня ѣхать съ нимъ вмѣстѣ покупать ботинки. Такъ я и сдѣлалъ.

ГЛАВА IV.

Парижъ.

Я уже говорилъ, что до этого времени нигдѣ за-границей, кромѣ Турціи и Румыніи, не бывалъ. Поэтому все, что я увидѣлъ здѣсь,—все казалось для меня совершенной диковиной. Роскошныя зданія, чудныя мостовыя, толкотня на улицахъ, элегантные костюмы, роскошные экипажи,—все поражало и удивляло меня по своей новизнѣ и оригинальности. Мнѣ почему-то казалось, что все это только и существуетъ, что въ Парижѣ и нигдѣ больше, хотя многое изъ того, что я увидалъ здѣсь, можно было встрѣтить и въ другихъ городахъ Европы.

Что прежде всего удивило меня, когда мы вышли на вокзалъ—это здѣшніе извощики. Ихъ нельзя было даже съ берлинскими сравнивать, не только что съ петербургскими.

Сначала, когда я увидалъ ихъ, то принялъ за собственные экипажи. Глаза мои по привычкѣ искали нашихъ «Ванекъ» съ открытыми, обтрепанными дрожками и несчастными, заморенными лошаденками. И что-же! Вдругъ эти элегантныя, одноконныя каретки, запряженныя красивыми рослыми лошадьми, оказались извощичьими экипажами. Кучера, въ своихъ синихъ ливреяхъ, съ блестящими металлическими пуговицами, въ высокихъ шляпахъ, съ какими-то громадными бутоньерками на бокахъ, показались мнѣ такими важными господами, что ежели-бы не П., то я не сразу рѣшился-бы нанимать ихъ.

Надо правду сказать, что я долго не могъ привыкнуть къ здѣшнимъ кучерамъ. Каждый разъ, когда мнѣ случалось нанимать подобнаго господина, когда тотъ, закинувъ голову на кузовъ кареты, сложивъ по наполеоновски руки на груди, величественно отдыхалъ, и, прежде чѣмъ согласиться везти, окидывалъ меня съ ногъ до головы своимъ высокомѣрнымъ взглядомъ, рука моя невольно тянулась къ шляпѣ, дабы извиниться, что я осмѣлился нарушить его спокойствіе.

Помѣстился я въ гостинницѣ «Grand-Hôtel». Оставилъ въ номерѣ свои вещи, взялъ провожатаго и тотчасъ-же побѣжалъ съ нимъ осматривать Парижъ.

Трудно описать то чувство, которое я испытывалъ здѣсь, послѣ цѣлаго года, проведеннаго въ текинскихъ пескахъ; въ первые дни, гуляя по великолѣпнымъ улицамъ и бульварамъ этого удивительнаго города.

Вѣдь впослѣдствіи живалъ-же я подолгу въ другихъ большихъ городахъ, напримѣръ: Берлинѣ, Вѣнѣ, Брюсселѣ, но ничего и близко похожаго на Парижъ я тамъ не нашелъ.

Хорошо помню, что когда усядешься, бывало, поудобнѣе на скамеечкѣ гдѣ-нибудь въ Champs Elysées, или въ саду Тюльери, или гдѣ въ другомъ подобномъ прелестномъ мѣстечкѣ, откуда одновременно можно спокойно наблюдать и дѣтскія игры, и хорошенькія личики боннъ и гувернантокъ, и роскошныхъ барынь-красавицъ, разодѣтыхъ въ роскошные костюмы отъ Ворта, и въ удивительныхъ шляпкахъ отъ Феликса, и въ дорогихъ экипажахъ, запряженныхъ тысячными лошадьми,—то я чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ нигдѣ.

И вспомнился мнѣ тутъ разсказъ брата Василія о томъ, какъ онъ разъ, послѣ турецкой войны, встрѣтилъ въ самомъ этомъ саду Тюльери знакомаго старика, генералъ-адъютанта, князя N., и на вопросъ брата: «что вы, князь, здѣсь дѣлаете?»—тотъ, умильно улыбаясь отвѣтилъ:

— На боннушекъ смотрю, смерть боннушекъ люблю!

Въ Парижѣ мнѣ очень понравилась бульварная жизнь. Здѣсь, чуть не на каждомъ углу, можно сѣсть на скамейку или стулъ, спросить себѣ кружку пива или чашку кофе и, попивая, любоваться на самую разнообразную публику. Одно это уже доставляло мнѣ несказанное удовольствіе.

Въ первый день по пріѣздѣ въ Парижъ,яс только обѣгалъ и осмотрѣлъ, столько увидѣлъ новаго, столько восхищался и удивлялся, что, когда поздно вечеромъ вернулся домой и легъ спать, то въ головѣ моей образовался какой-то сумбуръ, а ноги отъ усталости такъ заныли, точно ихъ кто палками отколотилъ.

Помню, улегся я въ постель и началъ соображать, гдѣ былъ и что видѣлъ. Прежде всего представился мнѣ дворецъ, Лувръ. И странное дѣло! Отъ чрезмѣрнаго утомленія что-ли, только ни одна изъ тѣхъ картинъ, которыми я такъ восхищался, не воскресла въ моей памяти; а вотъ нѣсколько оборванцевъ, которые мирно почивали на роскошныхъ диванахъ, какъ живые выросли передо мной. Помню, какъ меня тогда еще поразило, что никто изъ прислуги не воспрещалъ имъ спать тутъ. За Лувромъ возстаетъ въ памяти биржа, и опять-таки не по своей замѣчательной архитектурѣ, а потому, какъ я стою на хорахъ и смотрю внизъ на маклеровъ, которые, точно сумасшедшіе, во все горло выкликаютъ цѣны на разныя бумаги и фонды. Въ ушахъ такъ и слышится: «Panama! Panama»!

Съ биржи точно вѣтромъ переноситъ меня на верхушку башни св. Якова. Ухъ, какъ высоко! Весь Парижъ какъ на блюдечкѣ!

И много-много чего припомнилось мнѣ въ эту ночь, но все точно въ туманѣ.

Въ «Grand Hôtel» оставался я не долго, всего дня три, четыре. А затѣмъ Жирардѐ нашелъ мнѣ двѣ меблированныя комнаты, очень чистенькія, во второмъ этажѣ, въ самомъ центрѣ города. Съ прислугой, утреннимъ кофе, съ булкой и масломъ, всего за 105 франковъ въ мѣсяцъ, что, конечно, было крайне дешево. Вѣдь это на наши деньги составляло всего 42 рубля.

Жирардѐ, крѣпко заботясь о томъ, чтобы я устроился въ Парижѣ какъ можно дешевле, повелъ меня разъ въ одинъ ресторанъ, гдѣ, по его словамъ, можно было получить чрезвычайно дешовый домашній столъ.

Когда мы пришли туда, я чуть не расхохотался.

Въ длинной полутемной комнатѣ стоялъ узенькій столъ, за которымъ сидѣло человѣкъ 20 мужчинъ, и точно нарочно подобраны—все старички, маленькіе, сѣденькіе, худенькіе. Въ концѣ стола стояла здоровеннѣйшая хозяйка въ голубомъ платьѣ, бѣломъ передникѣ, съ засученными по локоть рукавами, молодая, красивая, грудь очень высокая, хозяйка разливала супъ по тарелкамъ и положительно казалась Геркулесомъ передъ своими гостями. Я съ Жирардѐ примащиваемся на край стола.

Мнѣ очень интересно было узнать, неужели въ Парижѣ можно получить за $1^{1}/_{2}$ франка порядочный обѣдъ? Пробую супъ — тепленькая водичка, пахнетъ какой-то зеленью. Я съѣлъ для вида нѣсколько ложекъ, чтобы не обидѣть хозяйки. Та въ это время, кончивъ разливать супъ, величественно посматривала на насъ, подпершись въ бока своими голыми розовыми руками. Въ залѣ тишина. Слышится только прихлебываніе горячей жижицы, да сопѣніе стариковъ.

— Permettez-moi, madame, encore une goutte—вдругъ слышу, жалобно поетъ мой сосѣдъ, маленькій старикашка, съ большими очками на носу, завѣшенный салфеткой, какъ дитя, и въ то-же время дрожащими руками протягиваетъ хозяйкѣ тарелку. Его голосъ и манера удивительно напомнили мнѣ въ эту минуту пансіонъ; гдѣ школьникъ за обѣдомъ робко проситъ надзирательницу прибавить ему кушанья. Признаться сказать, я удивился смѣлости моего сосѣда. Казалось, не только что отъ одного маха руки дебелой хозяйки, а даже отъ одного ея «помаванія» бровями, какъ выражается Гнѣдичъ въ своемъ переводѣ Иліады, все эти старики должно было бы свалиться подъ столъ. Но дѣло обошлось благополучно: хозяйка что-то бурчитъ стоящей за ея спиной горничной, въ такомъ же бѣломъ передникѣ и бѣломъ чепцѣ; почти не глядя, плещетъ на тарелку ложку супу и затѣмъ также величественно продолжаетъ наблюдать за своими «habitués». Намъ подали еще по куску говядины, дали какое-то сладкое, похожее на мороженое,—и все.

Я больше не пошелъ туда, ужъ очень скучно показалось.

По пріѣздѣ въ Парижъ, я немедленно написалъ брату письмо въ

«Maisons-Laffite», гдѣ у него была своя дача, и въ тотъ же день получилъ отвѣтъ, что онъ ждетъ меня.

На вокзалѣ «St. Lazare» сажусь въ вагонъ, и черезъ полчаса поѣздъ останавливается у станціи «Maisons-Laffite», или, какъ кондуктора выкликали, просто «Maisons».

Я очень любилъ брата и страстно желалъ его увидать. Не безъ волненія сажусь въ извозчичій фіакръ и велю везти себя на «Place Napoléon».

— Chez M-r Wereschaguine? Vous êtes le frère de Monsieur? Vous lui ressemblez beaucoup!—восклицаетъ кучеръ, красивый черноватый мужчина, съ плохо выбритымъ подбородкомъ и щетинистыми черными усами. Онъ пристально смотритъ на меня и, не оборачиваясь къ лошади, продолжаетъ нахлестывать ее длиннымъ гибкимъ бичомъ.

— Quel est votre nom?—спрашиваю я.

— Henri—отвѣчаетъ кучеръ.

— Et vous connaissez mon frère?, не безъ удовольствія спрашиваю я, гордясь въ душѣ за брата, что его такъ хорошо здѣсь знаютъ.

— Mais comment donc! Tout le monde le connaît!—восклицаетъ тотъ.

Мѣсто, гдѣ жилъ братъ, пресимпатичное. И такъ какъ онъ искалъ уединенія, вдали отъ городского шума, то лучшаго мѣста, гдѣ онъ выстроилъ себя дачу, трудно было найти. Дорога шла сначала городомъ, а затѣмъ тѣнистыми бульварами, одинъ другого лучше. Минутъ такъ черезъ 5—6 мелькнулъ въ концѣ бульвара бѣленькій домикъ.

— Voici la maison de monsieur votre frère — весело восклицаетъ Henri, указывая бичомъ. Мы круто заворачиваемъ и останавливаемся у калитки рѣшетчатаго забора. Я щедро разсчитываю кучера и направляюсь черезъ дворикъ въ домъ. Братъ встрѣтилъ меня на подъѣздѣ. Мы сердечно поздоровались. Домъ былъ очень мило и удобно выстроенъ, при чемъ большую часть его занимала громадная мастерская, въ 30 метровъ длины. Самыя большія картины казались въ этой мастерской совсѣмъ не такъ велики. Онъ жилъ одинъ съ женой, совершеннымъ отшельникомъ, по близости его даже не было никакихъ построекъ. Братъ рѣдко ѣздилъ въ Парижъ и весь былъ преданъ своей работѣ. Онъ показалъ мнѣ кое-какія свои новыя работы. Затѣмъ мы позавтракали превосходнымъ «ragoût», погуляли, поговорили, а вечеромъ я отправился пѣшкомъ на вокзалъ.

На обратномъ пути на вокзалъ я былъ удивленъ, когда увидѣлъ, какъ старики французы, бодрые, коренастые, снявъ верхнюю одежду, весело играли на бульварахъ вмѣстѣ съ мальчишками въ шары. У насъ въ Россіи навѣрное приняли бы этихъ стариковъ за сумасшедшихъ, думалось мнѣ, а здѣсь это, вѣроятно, такъ принято.

Утромъ, такъ часовъ въ 9, сажусь въ фіакръ и ѣду къ Скобелеву

въ Rue du Colysée. День солнечный, теплый. Жирардѐ нашелъ генералу отличное помѣщеніе. Это былъ совершенно отдѣльный маленькій домикъ, въ три этажа, окнами на улицу.

Въ каждомъ этажѣ было всего по три небольшихъ комнаты. Генералъ помѣстился въ среднемъ этажѣ, Жирардѐ внизу, а Ушаковъ наверху. Михаилъ Димитріевичъ еще только одѣвался, когда я взошелъ къ нему. Онъ находился въ отличномъ настроеніи духа. Жирардѐ былъ тутъ же, тоже веселый, суетился и леталъ, какъ на крыльяхъ, что между прочимъ нисколько не мѣшало ему разсказывать анекдоты и потѣшать Михаила Дмитріевича. Еще подымаясь по лѣстницѣ, я услыхалъ, сквозь открытыя настежь двери и окна, веселый картавый смѣхъ Скобелева и его восклицаніе, относящееся къ Жирардѐ: «Ахъ бебе, ты меня уморишь отъ смѣха»!

— А-а-а! гдѣ вы пропадаете? Я думалъ что вы запутались въ Парижѣ?—кричитъ онъ, увидѣвъ меня.—Я уже за вами посылалъ моего «бебе»! Такъ называлъ генералъ въ веселыя минуты своего Жирардѐ, и генералъ весело протягиваетъ мнѣ руку.

— Ну что братъ вашъ, Василій Васильевичъ? Надо къ нему съѣздить, провѣдать его!—говоритъ онъ. Я, будучи заранѣе предупрежденъ братомъ, чтобы отговорить генерала отъ этой поѣздки, передаю ему, что братъ самъ на-дняхъ пріѣдетъ къ нему.

Пока мой Михаилъ Дмитріевичъ одѣвался, смотрю на улицу и вижу, какъ мимо оконъ, съ портфелемъ подъ мышкой, прогуливается какой-то высокій господинъ съ рыжими бакенбардами и подстриженными усами, въ сѣромъ клѣтчатомъ длинномъ пальто, съ клапаномъ назади. Брюки тоже клѣтчатыя, подвернуты снизу, чтобы не пачкались. Ботинки на толстыхъ подошвахъ. Цилиндръ хотя и чистенькій, но уже не первой свѣжести. Подъ мышкой дождевой зонтикъ. Все въ этомъ господинѣ изобличало практичность и аккуратность.

Мое окно выходило какъ разъ надъ подъѣздомъ, у котораго стоялъ привратникъ, старичокъ, въ вязаной полосатой курточкѣ, на головѣ вязаная же круглая шапочка съ кисточкой, на ногахъ вышитыя пестрыя туфли. Во рту у старика дымилась коротенькая трубочка. Господинъ подходитъ къ привратнику и, замѣтно, уже не въ первый разъ, что-то горячо начинаетъ ему объяснять, при чемъ безпрестанно указываетъ зонтикомъ на генеральскія окна. Я слышу его отрывочныя восклицанія на французскомъ языкѣ съ англійскимъ произношеніемъ.

— Pourquoi... Dgéneral Skobeleff... on peut pas... entrer?

— А! понимаю! Это, вѣрно, какой нибудь англичанинъ корреспондентъ желаетъ попасть къ генералу,—разсуждаю я. Тотъ тѣмъ временемъ продолжаетъ убѣждать старика и тыкать зонтикомъ въ нашу сторону. Но привратнику, вѣроятно, было строго приказано не пускать

корреспондентовъ. Онъ флегматично покуривалъ, по временамъ сплевывалъ на сторону и, видимо, не обращалъ на англичанина никакого вниманія. Тотъ, наконецъ, отходитъ отъ сторожа и снова терпѣливо принимается мѣрить панель, при чемъ дѣлаетъ громадные шаги и на ходу, слегка какъ-бы присѣдаетъ.

Я иду наверхъ провѣдать Ушакова. Михаилъ Ивановичъ отлично устроился. Его комната, точно такъ-же, какъ и у генерала, богато меблирована, и полы почти сплошь обтянуты коврами и толстымъ сукномъ. Я передаю ему по поводу корреспондента, и въ отвѣтъ узнаю, что эти господа не даютъ прохода генералу, и что ихъ приказано принимать только въ извѣстные часы.

— Мы сегодня всѣ вмѣстѣ ѣдемъ завтракать въ ресторанъ «Pied de mouton»,—разсказываетъ Михаилъ Ивановичъ.—Ресторанъ этотъ содержитъ старинный знакомый Михаила Дмитріевича, M-r Frédéric. Онъ пріѣдетъ въ 11 часовъ, а послѣ завтрака отправляется осматривать его винный погребъ. Генералъ желаетъ купить у него вина для Спасскаго *). Онъ просилъ непремѣнно, чтобы и вы съ нами ѣхали,—добавилъ Ушаковъ.

Дѣйствительно, ровно въ 11 часовъ пріѣзжаетъ Frédéric, уже пожилой господинъ, средняго роста, полный, щеки гладко выбриты, длинные черные усы ровно приглажены, одѣтъ, какъ говорится, съ иголочки: въ черномъ сюртукѣ, галстухъ заколотъ богатой булавкой. На лѣвой рукѣ накинуто легкое «pardessus» на шелковой подкладкѣ, въ рукахъ элегантная трость. На головѣ новый, лоснящійся, черный цилиндръ. Сравнительно съ Фредрикомъ, я, Ушаковъ, да и самъ генералъ, были одѣты совершенно по-лакейски.

Когда мы вышли съ Ушаковымъ, чтобы садиться въ экипажъ, вижу, англичанинъ корреспондентъ уже успѣлъ побывать у генерала и крѣпко пожималъ ему руку.

— All right, general Skobeleff! All right!—точно сквозь зубы цѣдилъ, выкрикивалъ онъ на прощанье.

Скобелевъ садится въ одинъ экипажъ съ Жирардѐ; я, Ушаковъ и Фредрикъ въ другой и мы ѣдемъ къ «Halles Centrales». Здѣсь, въ довольно грязной мѣстности, стоялъ небольшой домъ. На немъ красовалась надпись: «Pied de mouton». Входимъ въ ресторанъ и садимся у окна. На столѣ моментально появляются всевозможныя закуски; между прочимъ, креветки, до которыхъ генералъ былъ большой охотникъ, устрицы, раковинки подъ названіемъ «moules» и какія-то маленькія птички подъ бѣлымъ соусомъ, въ родѣ нашихъ переполовъ, только еще мельче. Рядомъ, на табуреткѣ, ставятъ вазу съ замороженнымъ шампанскимъ. Скобелевъ любилъ шампанское. Онъ находится въ отличномъ настроеніи:

*) Спасское, родовое имѣніе генерала въ Рязанской губерніи.

весело потираетъ руки передъ хорошимъ завтракомъ, безпрестанно посматриваетъ по сторонамъ, и взоромъ ищетъ хорошенькихъ лицъ. Фредрика съ нами нѣтъ, онъ тамъ, на кухнѣ, изъ всѣхъ силъ выбивается, чтобы угодить генералу. Между прочими закусками, я кладу себѣ на тарелку и тѣхъ маленькихъ птичекъ подъ бѣлымъ соусомъ. Превкусныя. Обсосавъ ихъ до послѣдней косточки, протягиваю тарелку Ушакову и говорю:

— Положите-ка мнѣ, Михаилъ Ивановичъ, пожалуйста, еще этихъ птичекъ, прелесть какія вкусныя!

— Кх-кх-кх!—разражается смѣхомъ нашъ генералъ, чуть не на весь ресторанъ, такъ что мнѣ даже совѣстно стало.

— Что это, ваше превосходительство, такъ громко смѣетесь?—говорю я нѣсколько обиженнымъ тономъ.

— Да вѣдь вы лягушекъ наѣлись!—восклицаетъ Скобелевъ и не перестаетъ смѣяться. Признаться сказать, какъ только онъ выговорилъ слово «лягушка», такъ у меня мгновенно сперло-было подъ горломъ и, что называется, потянуло съ души; смотрю, товарищи преспокойно ѣдятъ себѣ это самое кушанье: тогда и я пересиливаю себя и съѣдаю вторую порцію.

Послѣ завтрака мы весело катимъ въ двухъ фіакрахъ осматривать погребъ Фредрика. Входимъ въ низенькое каменное зданіе съ землянымъ поломъ. Довольно темно. По стѣнамъ, на толстыхъ полкахъ стоятъ различной величины боченки.

Пока мы разсматривали подвалъ, вдругъ появляется Фредрикъ, уже преобразившійся въ синюю блузу, въ какой ходятъ мастеровые, и съ удивительной, свойственной только однимъ французамъ, любезностью, начинаетъ угощать насъ различными винами изъ разныхъ боченковъ. Вино цѣдилъ онъ въ красивую серебряную чарочку въ родѣ той, изъ какой у насъ запиваютъ причастіе. Черезъ нѣкоторое время, мы всѣ опускаемся на подъемной машинѣ во второй этажъ подвала, и здѣсь начинается опять проба вина. Изъ второго этажа спускаемся въ третій, и опять давай пробовать. Здѣсь я пилъ «Бордо» въ 20 франковъ бутылку, и это, какъ сказалъ мнѣ хозяинъ, еще далеко было не самое дорогое. Подъ конецъ я уже попросилъ хозяина вытащить меня на свѣтъ Божій, такъ какъ началъ чувствовать сильную головную боль. Погребъ Фредрика оказался превосходнымъ.

Черезъ мѣсяцъ по пріѣздѣ въ Парижъ, я узналъ отъ брата, что онъ предполагаетъ устраивать выставки своихъ картинъ въ различныхъ городахъ Европы.

Мнѣ пришла мысль помогать брату въ этомъ дѣлѣ. Это казалось мнѣ крайне интереснымъ, тѣмъ болѣе, что, послѣ Европы, онъ надѣялся переѣхать въ Америку. Братъ охотно со мной согласился.

Не откладывая въ долгій ящикъ, я послалъ въ Петербургъ прошеніе объ отставкѣ.

ГЛАВА V.

Вѣна.

Первую свою выставку братъ рѣшилъ устроить въ Вѣнѣ. Туда приглашало его общество вѣнскихъ художниковъ и предлагало для этой цѣли свой Кюнстлергаузъ.

Въ началѣ октября мы отправили въ Вѣну картины, а вскорѣ и сами туда поѣхали.

Кюнстлергаузъ, прелестное зданіе, стоитъ на берегу Дуная совершеннымъ особнякомъ. Залы хотя и небольшія, но зато дневное освѣщеніе приноровлено въ нихъ очень удобно. Секретаремъ Кюнстлергауза былъ нѣкто Валь, красивый брюнетъ, съ окладистой черной бородой, премилый господинъ.

По поводу нашей выставки въ Кюнстлергаузѣ происходило нѣсколько засѣданій художниковъ, на которыхъ были выяснены и заключены всѣ условія. Общество долго не соглашалось рискнуть принять устройство выставки на половинныхъ расходахъ, т. е. убытки или барыши дѣлить пополамъ, но наконецъ рѣшилось.

Картины пришли благополучно, и мы съ братомъ дѣятельно принялись за работу. Недѣли въ три все было окончено и поставлено электрическое освѣщеніе. Всѣхъ нумеровъ картинъ было около сотни. Выставка была открыта съ 10 часовъ утра до 4 вечера, при дневномъ освѣщеніи, и съ 6 до 9 при электрическомъ. Входную плату, какъ братъ ни старался удешевить, все-таки дешевле 30 крейцеровъ намъ не удалось назначить; по воскресеньсмъ-же 10 крейцеровъ.

Наканунѣ открытія, мы разослали пригласительные билеты разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, всѣмъ представителямъ печати, ученаго и литературнаго міра и т. п. Приглашенныхъ съѣхалось множество, и уже только по этому можно было судить, что выставка будетъ имѣть успѣхъ.

Надо сказать, что въ вѣнскомъ Кюнстлергаузѣ entrée широкое и удобное. Поднявшись всего какихъ-нибудь 15 — 20 ступеней, входишь прямо въ первый залъ. Такъ вотъ, въ самомъ этомъ залѣ, противъ дверей братъ выставилъ громадную бѣлую картину, изображавшую «Великаго Могола въ своей мечети». Картина эта, вечеромъ, при электрическомъ освѣщеніи, какъ и въ Петербургѣ, поражала своею красотою, и публика, подходя къ дверямъ Кюнстлергауза, еще снизу могла любоваться ею.

На другой день во всѣхъ газетахъ отъ мала до велика, появились самые восторженные отзывы о выставкѣ. Разница въ нихъ заключалась только въ томъ, что одинъ критикъ находилъ одну картину самой лучшей, другой—другую. Выражаясь проще, всѣ газеты забили въ набатъ. Въ первый-же день, при дневномъ освѣщеніи, перебывало болѣе трехъ тысячъ человѣкъ. Вечеромъ, въ то время, какъ я обходилъ залы и осматривалъ, хорошо-ли падаетъ электрическій свѣтъ на картины, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, чтобы разрѣшить впускать публику, смотрю, ко мнѣ вбѣгаетъ секретарь Валь, весь блѣдный и разстроенный, и кричитъ мнѣ по нѣмецки:

— Aber helfen Sie mir! Jch weiss nicht was mit dem Publicum machen! Die Thüre ist ja schon ausgeschlagen!

Бѣгу внизъ и еще по дорогѣ слышу, какъ дверныя стекла вылетали и со звономъ падали на мозаичный полъ вестибюля. Подбѣгаю къ дверямъ и прихожу въ ужасъ. Электрическій свѣтъ надъ подъѣздомъ освѣщалъ громадную толпу народа. Проѣздъ по улицѣ въ экипажахъ былъ невозможенъ. Нѣсколько полицейскихъ изъ всѣхъ силъ тщетно старались, чтобы хотя сколько-нибудь оттѣснить толпу. Оставалось еще 10 минутъ до впуска, но публика уже очертя голову стремилась войти въ Кюнстлергаузъ. Передніе, тѣснимые задними, напирали на двери. Стекла не выдерживали напора, лопались и вылетали. Сквозь выломанныя окна просовывались головы людей, палки, зонтики, слышались крики, мольбы, шумъ, брань. Вообще творилось что-то невозможное; и я увидѣлъ, что все столпилась такъ называемая чистая публика: дамы въ роскошныхъ туалетахъ, мужчины въ цилиндрахъ. Мы съ Валемъ, конечно, немедленно же распорядились отпереть двери и впускать публику понемногу. Куда! Только двери растворили, хлынула такая толпа, какой я потомъ никогда не видалъ. Смято было все, что попалось на дорогѣ. Не знаю, успѣли-ли кому выдать билеты. Моментально всѣ залы выставки такъ наполнились, что рѣшительно негдѣ было повернуться. А на улицѣ все еще оставался громадный хвостъ. Въ это-же самое время архитекторъ Кюнстлергауза, преспмпатичный толстякъ Штрейтъ, подбѣжалъ ко мнѣ и сообщилъ, что въ нижнемъ этажѣ на потолкахъ образовались трещины.

Сколько въ этотъ вечеръ перебывало народу, опредѣлить было трудно, такъ какъ я увѣренъ, что половина попала безъ билетовъ. Однимъ словомъ, успѣхъ выставки въ Вѣнѣ былъ сразу обезпеченъ.

Такъ какъ надо было ожидать съ каждымъ днемъ все большаго и большаго наплыва публики, то, въ виду того, чтобы потолки не дали еще большихъ трещинъ, мы сдѣлали распоряженіе впускать публику по частямъ, по мѣрѣ выхода прежней. Дѣйствительно, съ каждымъ днемъ, желающихъ видѣть картины все прибывало и прибывало. Секретарь

Валь, чуть-ли не на другой-же день по открытіи выставки, сказалъ мнѣ, крѣпко пожимая руку:

— Ich bin sicher, dass ihr Bruder bald so bekannt sein wird, in Wien, wie Bismark.

И онъ сказалъ правду. Не позже, какъ черезъ недѣлю, брату нельзя было показаться ни въ одномъ ресторанѣ. Его тотчасъ-же узнавали, какъ онъ ни пряталъ свою длинную черную бороду за воротникъ пальто, и показывали чуть не пальцами. А братъ ужасно не любилъ, чтобы на него обращали вниманіе. И какъ только, бывало, замѣчалъ это, то немедленно-же звалъ кельнера, расплачивался за недопитый кофе, и мы пускались съ нимъ по Вѣнѣ искать новый ресторанъ.

Каждый день то въ той, то въ другой газетѣ, появлялись самыя хвалебныя статьи о его картинахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ занимали подъ-рядъ по два и по три фельетона.

Такъ какъ я еще въ Петербургѣ обѣщалъ моему другу Владиміру Васильевичу Стасову посылать всѣ статьи, которыя только будутъ касаться выставки, то я вдругъ очутился въ большомъ затрудненіи. У меня не хватало ни силъ, ни времени пробѣгать всѣ газеты и дѣлать вырѣзки. Просто пальцы заболѣли отъ ножницъ. Достаточно сказать, что за 26 дней было продано 94,892 входныхъ билетовъ и 31.670 каталоговъ.

У меня эти цифры были тогда-же тщательно записаны.

ГЛАВА VI.

Берлинъ.

Изъ Вѣны картины перевезли въ Берлинъ, откуда мы получили уже множество приглашеній.

Изъ всѣхъ помѣщеній здѣсь больше всего намъ понравился «Кроль-Театръ». Въ немъ былъ громадный залъ, роскошно отдѣланный, но съ плохимъ дневнымъ свѣтомъ. Поэтому рѣшено было устроить выставку при одномъ электрическомъ освѣщеніи. Въ Берлинъ пріѣхалъ къ намъ, знакомый уже по Петербургской выставкѣ, плотникъ Яковъ, и съ нимъ еще одинъ парень, Александръ. Братъ выписалъ ихъ изъ Петербурга для того, чтобы они, кромѣ плотничьей работы, слѣдили еще за сохранностью картинъ и въ то-же время отбирали билеты отъ публики. Про Якова нѣмцы говорили: «Ein schöner Russe». Онъ былъ очень симпатиченъ и къ тому-же смышленъ. Своими плотничьими способностями онъ не разъ приводилъ въ изумленіе самыхъ дѣльныхъ мастеровъ. Такъ напримѣръ: во время устройства выставки въ Кроль-Театрѣ, коего стѣны всѣ покрыты роскошными лѣпными украшеніями, хозяинъ зала разрѣ-

шилъ намъ ставить лѣса и укрѣпы для картинъ съ тѣмъ только условіемъ, чтобы не вбивать въ стѣны ни одного гвоздя. Нѣмецкіе плотники, кому мы ни предлагали, всѣ отказались, говоря, что невозможно безъ гвоздей поставить такія тяжелыя рамы. А Яковъ поставилъ.

Какъ теперь вижу, работаетъ онъ въ Kroll-Theater, въ своей красной кумачной рубахѣ, подпоясанной шерстянымъ пояскомъ съ молитвами. На его работу съ любопытствомъ поглядываетъ одинъ плотникъ нѣмецъ, который отказался работать, при чемъ держитъ за руку своего сынишку, хорошенькаго мальчика лѣтъ 7—8. Вдругъ этотъ мальчикъ, видя какъ Яковъ подымаетъ большую раму, съ наивной дѣтской радостью кричитъ:

— Der Russe ist nicht dumm!

Онъ, очевидно, повторялъ фразу, которую неоднократно слышалъ передъ тѣмъ отъ своего отца. Крикъ этотъ былъ такъ забавенъ, что я невольно расхохотался. Другой плотникъ, Александръ, еще совсѣмъ молодой парень, тоже здоровый, широкоплечій, съ крупными чертами лица былъ далеко не такъ красивъ, какъ Яковъ, но тоже проворенъ.

Съ пріѣздомъ ихъ, дѣло по устройству выставки у насъ пошло еще быстрѣе. Художникъ самъ указывалъ, какъ надо ставить картины, и наша работа вскорѣ была вся окончена.

Помню, во время этихъ работъ, я иду какъ-то по залѣ, смотрю, входитъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ въ своемъ сѣренькомъ пальто и сѣрой шляпѣ. Онъ возвращался изъ Парижа. Какъ только я увидалъ его, не знаю почему, сердце мое сильно забилось, кровь прилила къ головѣ, и мнѣ чрезвычайно стало жалко разставаться со Скобелевымъ. Кажется, такъ и бросилъ бы все и поѣхалъ бы вмѣстѣ съ нимъ въ Россію.

Скобелевъ побылъ у насъ около часа, простился, и мы съ нимъ больше не видѣлись. Не даромъ мнѣ было такъ жаль его! Черезъ 5 мѣсяцевъ его уже не стало.

«Kron-Prinz».

Передъ самымъ открытіемъ выставки, вбѣгаетъ къ намъ въ залъ придворный лакей и объявляетъ, что сію минуту пріѣдетъ кронъ-принцъ смотрѣть выставку.

Мы идемъ встрѣчать его. Выставка была у насъ устроена въ Берлинѣ еще шикарнѣе, чѣмъ въ Вѣнѣ. Всѣ большія картины мы отдѣлили одну отъ другой клумбами тропическихъ растеній: пальмами, рододендронами, латаніями и т. и., такъ что, при входѣ въ залъ, картины, освѣщенныя яркимъ электрическимъ свѣтомъ, производили замѣчательный эффектъ.

Наслѣдный принцъ входитъ въ залъ подъ руку со своей супругой и въ сопровожденіи нѣсколькихъ приближенныхъ. Братъ немедленно же представляется, а затѣмъ представляетъ и меня. Наслѣдный принцъ очень любезно съ нами здоровается, проходитъ на средину зала и отсюда

окидываетъ взоромъ картины. Онъ такъ поражается выставкой, что какъ-то присѣдаетъ всѣмъ корпусомъ, круто повертывается на одной ногѣ и восторженно восклицаетъ:

— Aber das ist ja practhvoll!

Художникъ предлагаетъ кронъ-принцессѣ объяснить всѣ картины, а я отправляюсь съ кронъ-принцемъ. Ему очень понравился военный отдѣлъ. тѣмъ болѣе, что онъ самъ былъ на войнѣ въ 1870 году. Въ особенности онъ долго любовался картинами «Скобелевъ подъ Шейновымъ» и «На Шипкѣ все спокойно». Супруга наслѣднаго принца, какъ сама художница, сразу поняла достоинство картинъ. Она оцѣнила трудность изобразить на бѣломъ фонѣ фигуры, одѣтыя въ бѣлое же, что̀ было мастерски выполнено на одномъ индійскомъ этюдѣ. Братъ подарилъ кронъ-принцессѣ этотъ этюдъ.

Здѣсь, въ Берлинѣ, такъ-же какъ и въ Вѣнѣ, наканунѣ открытія выставки, были приглашены многія лица изъ литературнаго, ученаго и дипломатическаго міра. Въ этотъ день вся площадь передъ Кроль-театромъ покрылась самыми элегантными экипажами. Обширная зала Кроль-Театра настолько наполнилась народомъ, что многимъ по-долгу приходилось стоять на одномъ мѣстѣ, прежде чѣмъ возможно было протиснуться поближе къ картинамъ. Въ залѣ поминутно слышались восклицанія:

— Das ist ja aber reizend! Der ist ja kolossal! Ganz famos!..

Мольтке.

Въ первые дни къ намъ очень много ходило военныхъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ я встрѣчалъ по нѣскольку разъ.

Какъ-то утромъ стою въ залѣ. Публики уже собралось порядочно. Вдругъ вижу, подходитъ ко мнѣ одинъ старый служитель театра и таинственно докладываетъ на ухо:

— Graf feldmarchall Moltke! При этомъ онъ тычетъ пальцемъ въ спину на одного высокаго, тощаго военнаго, который скромно направлялся къ картинамъ.

— Gut, gut! говорю я и киваю ему головой, но еще не трогаюсь съ мѣста.

Сторожъ, видимо, не доволенъ моей холодностью. Онъ замѣтно удивленъ, что я не бросился опрометью представляться знаменитому стратегу,—идетъ себѣ обратно, ворчитъ что-то и пожимаетъ плечами. Я захожу съ боку къ старому генералу и искоса заглядываю ему въ лицо. Мольтке! Мольтке! Дѣйствительно, Мольтке! разсуждаю я съ самимъ собой. Но какое у него восковое лицо, тощее, желтовато-блѣдное, какъ выжатый лимонъ, безъ бороды и усовъ.

Мольтке останавливается передъ картиной «30 августа подъ Плевной», гдѣ Государь Императоръ съ возвышенности наблюдалъ за ходомъ

боя. Онъ долго смотритъ на нее. Затѣмъ, внимательно разсматриваетъ картину «Наши плѣнные». Въ это время я подхожу къ нему и представляюсь. Генералъ чрезвычайно обрадовался и крѣпко жметъ мою руку.

— Es war ja gerade so bei uns! говоритъ онъ и головой указываетъ на картины.

Мольтке долго ходилъ по выставкѣ, глубокомысленно покачивалъ головой, иногда едва замѣтно улыбался и что-то бормоталъ про себя.

Хотя въ залѣ было тепло, но фельдмаршалъ ходилъ въ пальто съ приподнятымъ воротникомъ и въ фуражкѣ, которая была надѣта очень глубоко. Старикъ точно желалъ скрыть отъ людскихъ взоровъ свое морщинистое лицо. Всѣ военные, бывшіе въ залѣ, моментально узнали о присутствіи своего знаменитаго учителя. Они столпились за его спиной и слѣдовали на приличной дистанціи. Вся остальная публика, какъ только замѣчала Мольтке, съ почтеніемъ разступалась и давала дорогу. Я проводилъ его до дверей, гдѣ мы очень любезно разстались.

И что же! Послѣ него военныхъ посѣтителей точно отрѣзало. Прежде, бывало, офицеры толпой, человѣкъ по 10—15, весело вбѣгали въ залъ и прямо направлялись къ военнымъ картинамъ. Тамъ, обыкновенно, кто-нибудь, побывавшій раньше на выставкѣ, начиналъ оживленно разсказывать и объяснять что либо подмѣченное имъ, и вся толпа офицеровъ съ великимъ интересомъ переходила отъ одной картины къ другой. Теперь же кое-когда завернетъ военный, и то, какъ-то несмѣло, точно крадучись. Посмотритъ немного, — и поскорѣй назадъ. Оказалось, что старый Мольтке, насмотрѣвшись на наши картины, разсудилъ, что военнымъ не слѣдуетъ смотрѣть на ужасы войны, и запретилъ офицерамъ входъ на выставку.

Два года спустя, я отправилъ Мольтке одинъ экземпляръ моей книги «Дома и на войнѣ», переведенный на нѣмецкій языкъ капитаномъ прусской службы Дригальскимъ. Фельдмаршалъ остался очень доволенъ и прислалъ мнѣ свою фотографическую карточку и слѣдующее собственноручное письмо:

Berlin 28. 12. 87.

Euer Hochwohlgeboren, sage ich meinen verbindlichsten Dank für Ihre mir freundlichst übersandten Erinnerungen aus den Feldzügen 1877 und 1882. Ich habe das Buch mit dem lebhaftesten Interesse gelesen. Möge das beifolgende Bild Ihnen meinen Dank überbringen.

Sehr ergebenst
Gr. Moltke.
Feldmarschall *).

---

*) Берлинъ. 28. 12. 87.

Милостивый Государь.

Высказываю вамъ мою глубочайшую благодарность за любезно присланныя мнѣ

Вскорѣ послѣ Мольтке пріѣхалъ къ намъ старый эрцъ-герцогъ Карлъ. Онъ уже былъ такъ дряхлъ, что его возили по залѣ въ ручной телѣжкѣ. Я и ему тоже объяснялъ картины.

Когда эрцъ-герцога уже вывозили въ телѣжкѣ изъ залы, съ нимъ едва не приключилась катастрофа. Старикъ приподнялся, чтобы взглянуть на фотографіи, разложенныя на столѣ, и затѣмъ, полагая, что его человѣкъ стоялъ сзади, опрокинулся, чтобы сѣсть обратно въ телѣжку. Слуга же въ это время пошелъ за пальто, и ежели бы я не подхватилъ, то старикъ страшно разбился бы.

Въ Берлинѣ народу перебывало на выставкѣ еще больше, чѣмъ въ Вѣнѣ. За 70 дней было 137,772 посѣтителя, а каталоговъ продано 45,354.

Надо сказать, что помѣщеніе въ Берлинѣ было гораздо больше, чѣмъ въ Вѣнѣ, да и самый Кроль-Театръ находился въ сторонѣ отъ центра города. Все это значительно ослабляло «Drang», какъ выражались нѣмцы, т. е. напоръ публики.

Яковъ.

Какъ-то вечеромъ, по окончаніи выставки, обращаюсь къ моему Якову, который въ это время запиралъ двери въ залъ Кроль-Театра, и говорю ему:

— А вѣдь ничего! И здѣсь не хуже Вѣны будетъ!

— Мелочи много идетъ, отвѣчаетъ тотъ съ серьезнымъ дѣловымъ видомъ, при чемъ, по привычкѣ, чтобы придать своимъ словамъ больше важности, какъ-то особенно начинаетъ жевать и чавкать губами, точно онъ старался что-то проглотить.

— Какъ это, мелочи много? спрашиваю его.

— Мелочи — значитъ бѣдноты! серьезно поясняетъ Яковъ.—Все по 3 да по 4 одежи просятъ на одинъ крюкъ вѣшать, недовольнымъ тономъ говоритъ онъ, привыкнувъ, какъ оказывается, еще съ петербургской выставки цѣнить публику по количеству вѣшаемыхъ платьевъ на одинъ крюкъ. Между прочимъ, надо сказать, что братъ мой, стараясь по возможности удешевить входъ на выставку, приказалъ вывѣсить въ прихожей объявленіе, что за сохраненіе верхняго платья и зонтиковъ ничего не платятъ.

— Эхъ баринъ! весело восклицаетъ Яковъ, одушевляясь воспоминаніемъ о петербургской выставкѣ. То-ли дѣло у насъ-то бывало, въ Пе-

---

вами воспоминавія изъ войнъ 1877 и 1882 годовъ. Я прочиталъ книгу съ живѣйшимъ интересомъ. Пусть прилагаемый здѣсь портретъ мой передастъ вамъ мою благодарность.

Преданный
Гр. Мольтке
Фельдмаршалъ.

тербургѣ, въ домѣ Безобразова: подкатитъ это гвардейскій офицерикъ на собственной лошадкѣ, войдетъ въ прихожую, не глядя скинетъ пальто и гоголемъ летитъ наверхъ по лѣстницѣ. Ну вотъ ужъ, его пальто, извѣстно, одно на померокъ и вѣшаешь; смотришь—рублевку и получилъ.

— А вы Ивана, моего подручнаго, помните, такой былъ рыжій, шадровитый парень? спрашиваетъ онъ.

— А что?

— Да такъ!—и Яковъ многозначительно крутитъ головой. Затѣмъ продолжаетъ: Тотъ, бывало, наберетъ эво сколько одежи!—И въ доказательство разсказчикъ широко разводитъ руками. Думаетъ, тутъ-то и барыши! Навѣситъ это столько, что вѣшалка трещитъ, а вечеромъ считать—все денегъ мало. А все оттого, что хваталъ безъ разсудку: и отъ гимназистовъ, и отъ студентовъ, и отъ купцовъ. А отъ этого народу, извѣстно, какая польза, много, что по гривеннику дадутъ! А ужъ нѣтъ же хуже поповъ съ сердцемъ продолжаетъ разсказчикъ.—Я никогда отъ нихъ не бралъ одежи, все къ другимъ ребятамъ отсылалъ. У меня, говорю, батюшка, вѣшать некуда, всѣ мѣста заняты.

— Почему же?—спрашиваю я.

— Да какъ-же! Придетъ это онъ со своей матушкой, да со свояченой, да съ кучей ребятъ, да всѣмъ имъ валенки сними, да околоти, да убери, да все ихъ платье непремѣнно на одну спицу повѣсь. Чистый зарѣзъ! А въ концѣ концовъ за всю-то работу, самъ-отъ пятакъ въ руку и отвалитъ, а нѣтъ, такъ и три копѣйки! Ей Богу!—Затѣмъ черезъ нѣкоторый промежутокъ времени онъ восклицаетъ:

— А все-таки нашъ народъ куды лучше здѣшняго!

— Что же тебѣ здѣшняя публика не нравится? съ любопытствомъ спрашиваю я.

— Здѣшній народъ скупой! разсказываетъ Яковъ.—Вотъ, намедни одинъ господинъ, такой важный изъ себя, должно богатый, уронилъ 10 пфениговъ; такъ вѣришь-ли, баринъ, ужъ онъ ползалъ-ползалъ тутъ кругъ вѣшалокъ, все искалъ, даже и намъ-то его жалко стало, и насъ-то замучилъ. Развѣ наши господа погнались-бы за такой мелочью; давно-бы плюнули,—и Яковъ съ презрѣніемъ машетъ рукой.

— Ну, а всетаки народъ здѣсь видный?—возражаю ему, интересуясь его мнѣніемъ.

— Народъ крупенъ, говорить не остается, рослый,—съ увѣренностью отвѣчаетъ онъ, а затѣмъ, мѣняя тонъ голоса, съ какой-то нѣжностью, восторженно восклицаетъ: А какія барыни-то здѣсь есть! Видѣли, двѣ сегодня приходили?—Я хотѣлъ было за вами бѣжать, чтобы посмотрѣли! Этакія-то чистыя, бѣлыя, румянецъ во всю щеку! Что твои московскія купчихи! съ разстановкой, внушительнымъ голосомъ, объясняетъ Яковъ, при чемъ правой рукой такъ помахиваетъ, точно

желалъ взвѣсить, тяжелы-ли были эти красавицы. Яковъ былъ большой поклонникъ женской красоты, въ особенности русской, и уже если онъ сравнилъ этихъ нѣмокъ съ московскими купчихами, значитъ, онѣ ему уже очень крѣпко понравились.

Этотъ Яковъ былъ презабавный. Разсказалъ мнѣ какъ-то о немъ братъ Василій Васильевичъ слѣдующій казусъ.

Дѣло относится еще къ 1874 году, ко времени туркестанской выставки брата въ С.-Петербургѣ, въ зданіи министерства внутреннихъ дѣлъ, что у Александринскаго театра. На выставку пріѣзжаетъ покойный Государь Александръ II и подымается наверхъ. Вскорѣ, вслѣдъ за Государемъ, пріѣзжаетъ покойный Великій князь Николай Николаевичъ, скидаетъ шинель на руки этого самого Якова, обращается къ нему и спрашиваетъ:

— А что, братъ наверху?—намекая, конечно, на Государя.

Яковъ-же, нисколько не смущаясь, показываетъ рукой наверхъ и говоритъ:

— Пожалуйте-съ! Братецъ вашъ тамъ, на верху-съ!

А. Верещагинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Темный ангелъ.

О Темный Ангелъ одиночества,
Ты вѣешь вновь
И шепчешь вновь свои пророчества:
«Не вѣрь въ любовь!

«Узналъ-ли голосъ мой таинственный?
«О милый мой,
«Я—ангелъ дѣтства, другъ единственный,
«Всегда—съ тобой.

«Мой взоръ глубокъ, хотя не радостенъ.
«Но не горюй:
«Онъ будетъ холоденъ и сладостенъ,
«Мой поцѣлуй,

«Онъ вѣетъ вѣчною разлукою,—
«И въ тишинѣ
«Тебя, какъ мать, я убаюкаю:
«Ко мнѣ, ко мнѣ!»

И совершаются пророчества:
Темно вокругъ.
О страшный ангелъ одиночества,
Послѣдній другъ,

Полны могильной безмятежностью—
Твои шаги.
Кого люблю съ безсмертной нѣжностью,
И тѣ — враги!

Д. Мережковскій.

1895.

Ходитъ!..

(Разсказъ).

I.

Вдали отъ всевозможныхъ большихъ путей. въ лѣсной глуши, ютится село Брусово. Несмотря на обиліе лѣса кругомъ, избы обывателей стоятъ словно на курьихъ ножкахъ и едва дышатъ. Въ иныхъ селахъ обыкновенно церковь скрашиваетъ всѣ постройки своими размѣрами, солидностью и красотой; но въ Брусовѣ и церковь высматриваетъ крайне убого и своимъ видомъ можетъ понравиться развѣ только завзятому археологу.

Народъ здѣсь бѣдный и лѣнивый.

Пословицу—*каковъ попъ, таковъ и приходъ*—мѣстное епархіальное начальство изстари прилагало къ брусовскому приходу въ обратномъ смыслѣ: каковъ—дескать—приходъ, таковъ долженъ быть тутъ и попъ. Надъ душами брусовскихъ и немногихъ окрестныхъ обывателей болѣе полстолѣтія бдѣли двое недоучекъ: священникъ отецъ Порфирій (изъ реторики) и дьячокъ Кирилычъ (изъ второго класса духовнаго училища). Оба сіи мужа, частью по податливости своей мало культивированной природы, частью вслѣдствіе продолжительнаго замкнутаго житья въ захолустьи, до того ассимилировались съ народомъ, что стали, какъ выражался извѣстный Посошковъ, «почти ничѣмъ отъ мужиковъ не отмѣнны». И у клира, и у народа были почти одни и тѣ же вкусы, привычки и... даже воззрѣнія. Впрочемъ, авторитетъ и руководительство массой всегда удерживалъ за собой «двучленный клиръ». *Школъ въ собственномъ смыслѣ* никогда не было въ Брусовѣ. Но это, однако, не значитъ, что мѣстное населеніе было вовсе непричастно «наученію книжному». Кирилычъ, по собственной волѣ, постоянно обучалъ въ своей избѣ деревенское отрочество и юношество по программѣ и пріемамъ вре-

менъ Геннадія новгородскаго,—и обучалъ столь ревностно, что за свои пятидесятилѣтніе труды по педагогической части удостоился благословенія высшаго духовнаго начальства, со внесеніемъ этой награды въ формуляръ.

Недавно о. Порфирій отошелъ въ иной міръ, на девяносто первомъ году своего житія. На его мѣсто назначили «образованнаго» молодяка́, о. Никандра. Восьмидесятитрехлѣтній Кирилычъ никакъ не могъ поддѣлаться подъ духъ новаго батюшки, который и разсуждаетъ и поступаетъ совсѣмъ не такъ, какъ «изстари повелось». Почувствовавъ себя осиротѣлымъ послѣ о. Порфирія, Кирилычъ еще тѣснѣй примкнулъ «къ народушку» и началъ разыгрывать изъ себя оппозиціонную персону по отношенію къ о. Никандру. Духъ его оппозиціи легко передавался и прихожанамъ, среди которыхъ было немало учениковъ этого авторитетнаго патріарха. Вотъ, въ общемъ, факторы, при взаимодѣйствіи которыхъ слагалась мѣстная жизнь и исторія.

Въ срединѣ села стоялъ едва-ли не самый жалкій домъ, съ провалившейся соломенной крышей и покосившимися стѣнами. Оффиціально это былъ домъ крестьянина Кожухина, но сельчане прозвали его «бабьимъ домомъ». Въ немъ жили: старуха Ѳекла, лѣтъ семидесяти, замужняя дочь ея Арина, баба лѣтъ сорока пяти, вдовая сноха старухи, Прасковья, и дочка снохи, Настя, лѣтъ восьми. Старуха обращала на себя всеобщее и недоброе вниманіе. Послѣднія десять лѣтъ она ни съ кѣмъ изъ чужихъ не разговаривала, даже въ родной семьѣ рѣдко прерывала свое молчаніе, и то невнятными короткими фразами. Не жалуясь ни на какую болѣзнь, она зиму и лѣто лежала на печи. Въ церкви не была лѣтъ пятнадцать. Когда «духовные» въ большіе праздники приходили къ ней въ домъ съ иконами и служили молебенъ, она во все время молебна рыдала; а когда ее вели прикладываться къ кресту, она сильно упиралась, и лицо ея въ это время выражало страданіе и ужасъ. Не малыхъ хлопотъ стоило ея дочери и о. Порфирію добиться того, чтобы она исповѣдовалась и причастилась, хоть дома, однажды въ годъ.

Что довело ее до такого состоянія?

Когда она была лѣтъ тридцати, мужъ ея, здоровый и красивый, но сильно выпивавшій мужикъ, скоропостижно умеръ ночью на супружескомъ ложѣ. Фактъ этотъ, благодаря стараніямъ и предусмотрительности о. Порфирія, не вызвалъ никакого «суда и слѣдствія». Но на селѣ кто-то болтнулъ, что «Ѳекла приспала́ мужа». Затѣмъ одинъ пьяный сосѣдъ, за что-то обидѣвшись на нее, долго горланилъ на улицѣ, что Ѳеклуха *задушила мужа*. Нѣкоторыя злоправныя и злоязычныя бабы подхватили эти слова,—и пустые намеки скоро получили въ сельскомъ обществѣ силу достовѣрнаго свидѣтельства. Ѳекла, и безъ того измученная

горемъ, была окончательно поражена такими обидными и страшными толками. Изъ здоровой, веселой бабы она скоро сдѣлалась худой, сосредоточенной, угрюмой. «Общественное мнѣніе» о Ѳеклѣ заразило и о. Порфирія. Встрѣчая ее гдѣ-нибудь одну, онъ не разъ заводилъ съ ней приблизительно такую рѣчь:

— Ты вотъ что, Ѳекла: ежели у тебя въ самомъ дѣлѣ на душѣ этакой грѣхъ, ты лучше покайся, чѣмъ погибать въ этакомъ уныніи и терзаніи. Посмотри на себя: вѣдь ты вся извелась и взоръ твой — нечистый, каинскій взоръ. Я вѣдь это провижу. Покайся — говорю.

— Ты, батюшка, самъ-то не грѣши,— возражала Ѳекла:—ничуть я тутъ неповинна, а убита я — и больше ничего.

— Докуда-жъ ты будешь убиваться? Положимъ, что горе, но вѣдь печалью горю не поможешь. Потужила, да и будетъ. Ты баба еще молодая, опять замужъ выйдешь.

— Нѣтъ, ужъ гдѣ теперь «замужъ»?..

— Что же, обѣтъ дала вдовствовать?.. Загладить хочешь? Совѣсть, значитъ, нечиста? То-то и дѣло-то. Говорю: покайся. Ты знаешь, я, по священству, никому не... не долженъ сказывать.

— Да нѣту же *этого* во мнѣ, батюшка, ничего этого во мнѣ нѣту, — увѣряла Ѳекла.

Но батюшка оставался при своемъ подозрѣніи.

Однажды присватался было къ Ѳеклѣ женихъ; но «добрые» люди «разбили» его, напугавши, что она и его такъ же «приголубитъ», какъ перваго мужа. И несчастная женщина должна была примириться съ мыслію о своемъ вѣчномъ вдовствѣ. Горько, больно было ей, но выхода изъ этого положенія не представлялось никакого. «Жаловаться? Но какъ жаловаться на «міръ»? Кому жаловаться? Кто вникнетъ, коли ужъ батюшка и тотъ на меня?»

А батюшка, какъ ни встрѣтится съ ней, такъ опять за свое:

— Вижу, вижу, Ѳекла, что гнететъ тебя грѣхъ. Очистись. Поспѣши. Не таись больше и не стыдись: я, да Богъ будемъ знать.

— Сейчасъ умереть, батюшка, я неповинна.

— Ну, смотри, ожесточитъ врагъ сердце твое, и пожелала бы покаяться, да *онъ* не дастъ. Можетъ, и ожесточилъ уже...

Мало-по-малу дошло до того, что на Ѳеклу стали подозрительно смотрѣть даже и свои родные. Ѳекла замѣчала это и еще болѣе мучилась. Пока она была еще молода, она старалась ободрять себя, заискивала расположеніе къ себѣ другихъ, не отчаявалась очистить свое честное имя отъ страшной клеветы; но когда убѣдилась, что это не помогаетъ, то почувствовала отчужденіе отъ всѣхъ, замкнулась въ себя и замолкла. А тамъ старость, точно съ какимъ-то злорадствомъ, поспѣшила обезобразить это красивое тѣло, въ которомъ безпомощно ныла, страдала

уязвленная, отравленная душа. На Ѳеклу-старуху стало уже страшно смотрѣть. Сперва этотъ страхъ испытывали дѣти, а потомъ — и взрослые. Изрѣдка она выходила посидѣть на камнѣ своего крыльца. Сидитъ, бывало, съ раскрытой головой. Сѣдые короткіе волосы всклокочены. Глубокіе темные глаза смотрятъ изъ-подъ густыхъ бровей безпокойно, словно отыскиваютъ кого. Лобъ и впалыя щеки изрѣзаны многочисленными морщинами. Тонкія безжизненныя губы постоянно шевелятся, словно шепчутъ что-то. Дышитъ она въ носъ, съ необыкновеннымъ усиліемъ, протяжно и шумно. Если уличнымъ ребятишкамъ приходилось случайно увидѣть ее близко, то они бросались прочь безъ оглядки, и потомъ, уже вдалекѣ отъ нея, говорили о ней не иначе, какъ только шепотомъ.

— О, чтобъ ее... *Энта* сидитъ... — говорила обыкновенно баба, завидѣвъ издали страшную Ѳеклу, и возвращалась домой, или направлялась къ своей цѣли инымъ путемъ.

«Вѣдьма», —пустилъ кто-то изъ сосѣдей.—«И смотритъ идоломъ, и шипитъ, какъ змѣя подколодная». И пошла Ѳекла въ вѣдьмахъ! Не замедлили создаться и распространиться разсказы о похожденіяхъ старушки въ этой новой, навязанной ей роли.

Дома стали, наконецъ, положительно стѣсняться ею. Ее побаивались, за нее конфузились предъ «обчествомъ». Зять ея, хозяинъ дома, Кожухинъ, не выдержалъ такого неловкаго положенія, закатился въ Москву и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ лишь изрѣдка давалъ о себѣ знать письмомъ, состоящимъ изъ однихъ поклоновъ, съ приложеніемъ какой-нибудь пятишницы. И домъ сдѣлался «бабьимъ», какъ потому, что въ немъ жили лица только женскаго пола, такъ и потому, что хозяйство въ немъ шло плохо.

А всему причиной «вѣдьма»,—рѣшили въ селѣ.

Но вотъ «вѣдьма» умираетъ. Напутствовать ее «на тотъ свѣтъ» пришлось уже не отцу Порфирію, который такъ усердно выпытывалъ у нея несуществующую тайну, а «молодяку» о. Никандру, который нашелъ возможнымъ удовольствоваться тѣмъ, что умирающая открыла ему «на духу» добровольно.

Со смертью этой невинной, никого не трогавшей страдалицы, всѣ въ Брусовѣ почувствовали себя свободнѣе. Словно село покинулъ страшный непріятель, грозившій его обитателямъ поголовною смертью. Даже дочь Ѳеклы, къ собственному удивленію и стыду, почувствовала нѣкоторую радость, вмѣсто печали. Во время похоронной процессіи она по стариннному обычаю завыла было: «Родимая ты моя матушка, на кого ты меня покинула»... Остановившись на полусловѣ, она больше уже не продолжала, а изъ сопровождавшей ее толпы послышались громкіе голоса:

— Туда-же причитаетъ!.. Гдѣ ужъ тамъ?..

— Благодарила-бы Бога, что прибралъ.

— Обѣими руками-бы крестилась.

— Развѣ она не понимаетъ? Это она такъ, по человѣчеству... Тоже, вѣдь, дочь...

— А я-то какъ-же говорю? Я тоже по человѣчеству. Держи въ умѣ: «царство, молъ, ей небесное», а голосомъ выводить... по этакому человѣку... не полагается... не подходитъ...

О. Никандръ, нѣсколько разъ хмуро озиравшійся назадъ, наконецъ, воскликнулъ:

— Молчать! Что за невѣжество? Не время и не мѣсто галдѣть. Молиться нужно... Дураки!..

II.

Прошло мѣсяца два со времени похоронъ Ѳеклы. Стоялъ глухой октябрь. Народъ попрятался въ избы. Случаи общенія между сельчанами стали рѣже. *Массовая* болтовня смолкла. О Ѳеклѣ перестали вспоминать и упоминать. По просьбѣ Арины, Кириллычъ написалъ ея мужу письмо, въ которомъ сообщалъ, что «по матушкѣ справили сорочины честно» и что «теперь все—слава Богу». По сему—говорилось далѣе въ письмѣ—любовно умоляю тебя, дрожайшаго супруга моего, покинь ты чужую дальнюю сторону и возвратися въ домъ свой, подъ кровъ родины своей и войди въ союзъ съ нижайшей супругой своей, которая аки горлица ждетъ и желаетъ проводить житіе вкупѣ. А у насъ теперь послѣ покойницы матушки и въ домѣ и по селу все—слава Богу. Опять-же и деньжонокъ нужно, хоть малость, а ты ужъ не обезсудь»... Отправила Арина это письмо и размечталась, что вотъ-вотъ возвратится къ ней ея «блудный» мужъ, привезетъ ей обновокъ,— и заживетъ она съ нимъ уже неразлучно «въ совѣтѣ, да въ любви, да въ довольствѣ».

Но мужъ скоро отвѣтилъ, что ему возвратиться невозможно, прислалъ «три серебра» и обѣщался еще прибавить къ «Оржеству».

Между тѣмъ дома у Арины произошло нѣчто «неладное», и ей стало не до мечтаній.

Было часовъ одиннадцать темной ночи. Прасковья съ своей Настей давно спала на полатяхъ. Подъ ними на широкихъ нáрахъ лежала Арина. Съ начала вечера она вздремнула, но потомъ проснулась, и ей не спалось. Въ избѣ стояла необыкновенная темнота и тишина. Ровное, спокойное дыханіе спящихъ слышалось совершенно отчетливо.

— Либо скоро утро, либо нѣтъ,—подумала Арина и повернулась на другой бокъ, при чемъ подъ ней захрустѣла крупная, свѣжая ржаная солома, не успѣвшая еще утратить своего специфическаго запаха.—

Охъ, Господи Іисусе... Видно, сколько ни думай, все къ тому-же придешь... Такъ, видно, одна и жизнь кончишь на этихъ самыхъ нарахъ... Лѣшій непутевый!.. «Три серебра»... къ Оржеству... либо пришлетъ, либо нѣтъ. А чего самъ не вертается? Прежде матушка, вишь, мѣшала, а теперь кто мѣшаетъ? Должно́ *мамашка* какая-нибудь... Пострѣлъ этакой! грѣховодникъ!.. О-охъ, спаси и помилуй!.. А, вѣдь, должно быть, до утра-то еще далеко... Никакого тебѣ пѣтуха, ни свѣту, и ничего этакого... А на печкѣ все словно матушка лежитъ... не къ почи будь помянута!.. Видно не скоро отвыкнешь. Грѣхи!.. Дѣло темное... Чего только не говорили? Ужъ надъ мертвой и то собирались надруганіе сдѣлать. И мнѣ ею все грозили: «погоди, *она* тебѣ покою не дастъ». Но вотъ и сорокъ дней давно минуло, и все обошлось— слава Богу... Матушка, матушка, взвели на тебя незнамо что... И я туда-же, грѣшная, окаянная... Вѣрно, дадимъ мы за тебя отвѣтъ... тяжкій отвѣтъ. Родителей велѣно вонъ какъ, а мы вонъ что... О, Господи, что это она у меня на умѣ, какъ живая?.. Царство тебѣ небесное, мѣсто упокойное!.. Не буду думать... Вѣдь, вотъ днемъ отчего-то не бываетъ такъ. Опять! О, Господи...

Арина крѣпко зажмурилась и накрыла глаза ладонью.

— Стану думать о другомъ... Завтра у насъ не то четвергъ, не то пятница...

На дворѣ, за стѣной, къ которой примыкало изголовье Арининой постели, вдругъ чего-то всполошились и тревожно захрюкали свиньи. Она обрадовалась этимъ нежданнымъ звукамъ изъ міра живой безопасной дѣйствительности.

— Ишь, глупыя! чего повскакали? Словно страшный сонъ увидѣли, ровно-бы человѣки какіе... Изъ пестрой-то къ Оржеству туша знатная выйдетъ... Но, должно быть, придется продать ее раньше. Э-эхъ, Господи милостивый! Стало насъ однимъ человѣкомъ меньше, а нужды все столько-же, даже больше. Какъ ни изворачивалась, а вѣдь сколько ушло на похороны да на поминки!.. А что наши нищенскія поминки? Какое отъ нихъ душѣ спасенье? Моленья за упокойницу всего чуть-чуть, изрѣдка и изъ пятаго въ десятое. Будь у меня тысячи, я-бы сейчасъ заказала годовую заупокойную службу въ своей церкви и вѣчный поминъ въ монастыряхъ. Тогда-бы матушкѣ вышло полное прощеніе и очищеніе, и мнѣ было-бы успокоеніе. А теперь она небось... О Господи, опять!.. Какъ это я?.. хоть-бы заснуть поскорѣй... Завтра какъ-бы хлѣбы не пришлось ставить, аль еще обойдемся,—шептала она, чтобы только отвлечь мысль отъ навязчиваго образа.

Вдругъ съ лицевой стороны печки послышался шорохъ, потомъ сильное треніе и шмыганье чего-то мягкаго обо что-то твердое. Арина встрепенулась, отняла ладонь отъ глазъ и проглянула. Попрежнему было

очень темно. Единственное окно въ противоположной стѣнѣ обозначалось мутно.

— Прасковья!—тихонько позвала Арина.—Кс-кс!.. Наська!.. А— Прасковья!..

Ни Прасковья, ни Наська не отозвались, да не могли отозваться: спали онѣ крѣпко, а кликали очень слабо.

По тѣлу Арины пробѣжала легкая дрожь. Зрѣніе и слухъ ея пришли въ необыкновенное напряженіе.

Вотъ она совершенно отчетливо слышитъ перемежающееся торопливое и легкое ступаніе по полу босыхъ ногъ. На *судней* лавкѣ, примыкающей къ печкѣ, загремѣли деревянныя ложки.

«Брысь!» нерѣшительно прошипѣла Арина. Но ложки продолжали гремѣть, и къ этому звуку прибавилось еще рѣзкое сопѣнье.

— Батюшки мои, да вѣдь это... Такъ и есть! *Ея* дыханье...— мелькнуло въ головѣ Арины.

Вотъ таинственное сопящее существо, тихо пошлепывая по полу босыми ногами, промелькнуло въ просвѣтѣ окна неопредѣленною бѣлою массою.

«Въ саванѣ!!» съ ужасомъ рѣшила Арина. Она хотѣла закричать, что есть мочи, чтобъ разбудить спящихъ, но голосъ ея сорвался на первомъ-же звукѣ, словно кто сдавилъ ей горло. Она схватила первую попавшуюся подъ руку одежу и покрылась ею съ головой. Сердце ея крѣпко стучало; чувствовалось страшное изнеможеніе и смертельно гнетущее состояніе. Чтобы утѣшить себя и въ то же время заглушить тихіе. но страшные звуки, производимые *пришельцемъ*, она твердила рѣзкимъ шепотомъ: «Боже мой! Боже мой! Ой, Господи-Господи-Господи-Господи! Пресвятая Богородица!.. иже еси на небеси... Охъ, батюшки! Святые мои угоднички! Ой-ой-ой-ой!» и т. п. Когда ей становилось нечѣмъ дышать, она на нѣсколько секундъ осторожно и чуть-чуть открывала голову съ боку, затѣмъ опять поспѣшно и плотно укутывалась и продолжала свои причитыванія съ различными варіаціями. Наконецъ, она и шептать уже не могла; усиленно дыша она лишь въ умѣ повторяла тѣ междометія и молитвенныя слова, которыя доселѣ выговаривала. Долго-ли Арина пролежала въ такомъ положеніи и состояніи, она и сама не знала, но когда, изнемогшая, облитая пóтомъ и ошалѣвшая, она совсѣмъ открыла голову, въ избѣ было уже свѣтло, и никого и ничего посторонняго не видѣлось.

— И какъ вамъ только не стыдно!—упрекала Арина своихъ сожительницъ, когда тѣ встали.—Лежатъ себѣ, какъ колоды какія, а тутъ хоть издыхай!

— А что такое? Развѣ съ тобой что случилось?—спросила Прасковья, всматриваясь въ блѣдную и страдальческую физіономію Арины.— Взяла-бы да разбудила, коли что...

— Да, разбудишь васъ, особливо при этакой страсти...

И Арина подробно разсказала про страсть минувшей ночи. Прасковья слушала разсказъ съ возрастающимъ страхомъ и, качая головой, все повторяя: «о-о! о-о-о!»

— Слава Богу, что я въ это время спала,—сказала Настя,—а то, кажись, сразу-бы обмерла.

— Да... по всему видáть, что это *она*,—съ тяжелымъ раздумьемъ проговорила Прасковья.

— Кто, мамушка, кто? — допытывалась Настя, но отвѣта не получила.

— Что она-то, это ужъ и говорить нечего. Вѣдь, я видѣла-то, словно-бы вотъ тебя сейчасъ вижу, — твердо произнесла Арина. — Не знаю, какъ жива осталась.

— Начала... значитъ, теперь каждую ночь будетъ ходить,—увѣренно сказала Прасковья.

— Мамушка, да кто это? ну-же скажи: кто?—приставала Настя.

— Э, да бабка твоя!—съ досадой отвѣтила Прасковья.

— Мертвая-то?

— Ну, да.

— У-у! мамушка, я боюсь...

— Еще что? Ты-то ей нужна дюжо! *Онѣ* маленькихъ не трогаютъ.

— А какъ-же...

— Э, молчи, ну тебя!. Такъ какъ-же теперь, Арина? Тебѣ нынче-же нужно сходить... Вѣдь, вотъ попъ-то у насъ какой-то... Сходи ты къ Кирилычу и все разскажи ему по порядку. Онъ человѣкъ старинный, опытный. Что онъ посовѣтуетъ, то мы и сдѣлаемъ; чтобъ ночью мы были ужъ наготовѣ. А другимъ, никому не болтай, и ему вели держать въ тайнѣ.

III.

Когда Арина пришла къ Кирилычу, онъ находился при исполненіи учительскихъ обязанностей. Онъ былъ въ бѣлой холстинной рубахѣ, высоко схваченой узкимъ цвѣтнымъ пояскомъ. Изъ разрѣза прямого ворота высматривалъ крупный мѣдный крестъ. Человѣкъ семь ребятишекъ звонко твердили свои уроки, кто по азбукѣ, кто по часослову. Стоя среди избы, учитель привычнымъ ухомъ быстро схватывалъ ошибки учениковъ въ чтеніи и немедленно поправлялъ то того, то другого.

— Что скажешь?—обратился старикъ къ Аринѣ, когда та, помолившись на иконы, отвѣсила ему низкій поклонъ.

— Я къ тебѣ, Кирилычъ.

— Вижу, да зачѣмъ пришла-то?

— Посовѣтоваться.

Ребятишки смолкли и съ любопытствомъ уставились на посѣтительницу.

— Чего рты-то поразинули? Знайте свое дѣло!—строго прокричалъ Кирилычъ.

Мальчишки снова загалдѣли. Кирилычъ отодвинулся къ окну, за нимъ подвинулась и Арина.

— Ну такъ о чемъ ты хочешь посовѣтоваться.

— Бѣда у насъ, большая бѣда!..—тихо сообщила баба.

— А?—переспросилъ Кирилычъ. наклоняя къ ней ухо.

— Бѣда, молъ, у насъ большая,—повторила Арина, не усиливая голоса.

— Чего вы такъ разорались? Тише!—обратился Кирилычъ къ ребятамъ. Когда тѣ стихли, онъ опять переспросилъ: — такъ говори-же, безтолковая, въ чемъ дѣло.

Арина покосилась на ребятъ.

— Мнѣ надо по секрету... Дюжо важное дѣло.

— Ну, вотъ что, ребята, ступайте домой, все равно до обѣда недалеко!—объявилъ учитель.

Школа въ минуту опустѣла.

Кирилычъ усѣлся и усадилъ возлѣ себѣ Арину.

— Теперь сколько хочешь секретничай, изба совсѣмъ пустая, *мои* всѣ на рѣчку съ бѣльемъ ушли,—ободрилъ старикъ, кивнувъ на сосѣднюю комнатку.

— Что́, Кирилычъ... страсти страшущія! Вѣдь ходитъ... матушка-то!..

— Ну-у?!

— Право слово. Нынче ночью сама увѣрилась. Тряслась ни жива, ни мертва до бѣла́ утра.

Арина разсказала обстоятельства страшнаго дѣла, съ несознаваемыми прибавками и съ живостью, далеко превосходящею дѣйствительность наблюденій.

— Гм... Дѣло для меня немного удивительное,—важно проговорилъ Кирилычъ.

— Ужъ какъ удивительно-то, и говорить нечего, ума рехнешься!—сказала Арина, вновь переживая долю испытаннаго ночью страха.

— Не то, не то... Я вотъ что... Я... Видишь-ли... Вѣдь душа человѣческая... она... Когда люди умрутъ, тамъ... Какъ тебѣ объяснить-то? Ты вѣдь не поймешь...

— Что дѣлать-то... Извѣстно—мы... Такъ ты ужъ и не хлопочи. Ты вотъ лучше посовѣтуй, какъ намъ теперича...

— Не спѣши, егоза, не спѣши! По твоему коли ты чего не понимаешь, такъ этому и надлежитъ оставаться попрежнему?

— Чего я тамъ думаю? Ничего я не думаю. А посовѣтовались мы съ Прасковьей...

— Погоди, погоди... А по-моему такъ: ежели ты чего не понимаешь, значитъ, тебя нужно вразумить.

Кирилычъ началъ нюхать табакъ. Арина нетерпѣливо завозилась на мѣстѣ.

— Такъ вотъ я и хотѣлъ тебя вразумить, — продолжалъ Кирилычъ трескучимъ голосомъ, косясь на кліентку прищуренными глазами.— А поелику ты не понимаешь, такъ ты должна слушать внимательнѣе. Это я и хотѣлъ тебѣ сказать, а ты сейчасъ: тра-тата, тра-тата!.. Ээ... Души... Слышишь?

— Слышу.

— Души усопшихъ... умершихъ... Понимаешь?

— Понимаю.

— Эти души... витаютъ... Э-э... находятся близъ земли, близъ своихъ присныхъ... сродниковъ... только шесть недѣль, до сорочинъ. Разумѣешь?

— Гм-гм.

— А послѣ этого душамъ этимъ строго воспрещено... э-э... привитать около земли, и уносятся они *туда*... и оттуда ужъ ни-ни! Вотъ какъ полагается по Божьему велѣнію. Теперь постигла? А?

— Гм-гм.

— По твоей матери сорочины вонъ еще когда были, а ходить она только *теперь* начала. Ей-бы раньше подобало... Вотъ это мнѣ удивительно. Видимо, это дѣло совсѣмъ не Божье, это врагъ чрезъ нее пакоститъ. Да и до сорочинъ души усопшихъ витаютъ по своимъ домамъ безъ всякой видимости, либо сообщаются съ присными въ сонномъ видѣніи. Вотъ какъ обыкновенно поступаютъ *настоящія* души. А это что-же такое? Несомнѣнно, она въ союзѣ съ бѣсомъ является.

Кирилычъ такъ увлекся своими умствованіями, что уже перестанъ обращаться къ слушательницѣ съ провѣрочными вопросами.

— Значитъ, говорили-то тогда не даромъ. Хоть она тебѣ и мать, а на повѣрку-то выходитъ—истинная вѣдьма.

— Охъ, Кирилычъ, не говори ты этакого слова. И безъ того вся душа изпыла.

— Не я выдумалъ это слово и не я одинъ говорю его. Кабы по этому слову-то въ свое время сдѣлали, что̀ нужно, такъ все обошлось-бы какъ слѣдуетъ. Разумные старики совѣтовали *тогда* осиновый колъ вбить, какъ встарину полагалось, и нужно было послушаться. Я тогда сталъ было объ этомъ попу говорить, такъ куда тебѣ! Накинулся — чуть было не съѣлъ! Всѣ свои любимыя ругательства выпалилъ: «дуракъ, невѣжа, дикарь», да и новыхъ прибавилъ. А чья вотъ теперь

правда? Кирилычъ не невѣжа, Кирилычъ не дуракъ, молокососъ ты этакой! Кирилыча-то самъ святѣйшій правительствующій синодъ усмотрѣлъ, за тридевять земель разыскалъ и ниспослалъ благословеніе за пятьдесятъ лѣтъ. Да! А что я святѣйшему правительствующему синоду? Родня что-ли? Или у меня *рука* въ Петербургѣ? Не родня и не рука, а однѣ заслуги усмотрѣны—и больше ничего. А тебя, мальчика, либо усмотрятъ, либо нѣтъ.

Разгорячившійся Кирилычъ вскочилъ съ мѣста и, заложивъ руки за спину, зашагалъ по избѣ.

— Вѣстимо, тебя Господь наградитъ, но ты, милый, мнѣ-то что-нибудь скажи, мнѣ-то,—напомнила Арина.

— Всѣмъ скажу, всѣмъ, кажется, никому не отказывалъ.

— Такъ ужъ пожалуйста! Затѣмъ и пришла. Тамъ, вѣдь, у меня въ страхѣ сидятъ.

Успокоившись, Кирилычъ подсѣлъ къ Аринѣ и наставительнымъ тономъ заговорилъ:

— Если-бы это была *настоящая* душа, то самое полезное дѣло было-бы отслужить панихидку, а то и обѣденку заупокойную. Но *тутъ* надо поступать, какъ съ нечистымъ духомъ... да... какъ съ демономъ, или, иначе сказать, съ дьяволомъ. Я забылъ, откуда *она* показалась-то...

— Отъ печки, стало быть черезъ трубу.

— Гм. Такъ ты вотъ что: прежде чѣмъ потушить огонь, сдѣлай углемъ крестъ на загнѣткѣ, потомъ подѣлай такіе-жъ кресты надъ дверьми, надъ окнами, надъ постелями, по стѣнамъ, вездѣ-вездѣ, даже на полу. (Поутру, чтобъ не осквернить это знаменіе ногами, нужно полъ вытереть). И это средство должно-бы подѣйствовать. Но если, паче чаянія, *она* все-таки ухитрится какъ-нибудь пробраться въ избу, тогда нужно приняться за молитвы, какъ при изгнаніи бѣса.

— Гдѣ-же намъ?.. Какія у насъ молитвы?.. самъ знаешь...

— Тутъ не цѣлыя молитвы важны, а такъ... подходящія слова, какихъ бѣсы больше трепещутъ.

— Да вѣдь мы тоже не знаемъ.

— А вотъ я тебѣ скажу. Слушай.

— Ну?

— Какъ ты замѣтишь, что *она* ужъ *тутъ*, ты сейчасъ: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его».

— Это-то я знаю маленько.

— Ну, вотъ!—ободрительно произнесъ Кирилычъ.

— Ежели это надо вслухъ, такъ языкъ не поворотится, я ужъ испытала.

— Можно и не вслухъ, дѣйствіе будетъ то же самое. Ну... потомъ: «Избави насъ отъ лукаваго»... «Отжени отъ насъ всякаго врага и су-

постата»... «Изыди, душе нѣмый и глухій!» «Исчезни, яко исчезаетъ дымъ!..» «Иди въ стадо свиное»... «Дуни и плюни на него»... Я могу и еще подобрать, но если будешь произносить съ вѣрою, то и этого довольно.

— О, я и этого-то не запомню, спутаюсь.

Кирилычъ проэкзаменовалъ Арину, заставилъ ее вытвердить заклинательныя слова и потомъ прибавилъ:

— Ты не спѣши выговаривать все сразу... Произнеси частичку и обожди. Не уходитъ, тогда еще подбавишь. Опять не уходитъ—можно сначала повторить. А главное—съ вѣрою!

— Ну, спасибо тебѣ. Дай-то Богъ... Пойти... Охъ, перезабуду я къ ночи-то.

— А ты почаще тверди,—наставлялъ Кирилычъ, провожая Арину въ сѣни.—Да, вотъ что еще забылъ сказать: зажги лампадку, и противъ лампадки поставь крестъ.

— О, ни за что, ни за что! Я впотьмахъ *ее* увидала, и то обомлѣла, а какъ при огнѣ-то она объявится, тогда прямо духъ испустишь. Нѣтъ, нѣтъ...

— Ну, какъ знаешь, а я-бы такъ сдѣлалъ.

— То *ты*, а то *мы* — бабы. Ты вотъ приходи-ка къ намъ на ночь... Въ самомъ дѣлѣ, вотъ-бы хорошо-то! Приходи, голубчикъ, пожалуйста, въ ножки поклонюсь.

— Радъ-бы, да... не выдержу я, засну... Старъ, вѣдь, я. Днемъ и то едва держусь. Къ заутренѣ старуха насилу расталкаетъ. Да и неможется крѣпко. Нѣтъ, дѣйствуйте одни, благослови васъ Богъ. А я тутъ дома... про себя буду желать вамъ...

Настала вторая критическая ночь. Предстояло серьезное испытаніе храбрости и вѣры обитательницъ кожухинскаго дома—съ одной стороны и мудрости наставленій клиросного патріарха — съ другой. Покрывши угольными изображеніями креста значительную часть поверхности печки, потолка, стѣнъ и пола, Арина уложила съ собой рядомъ Прасковью и Настю и съ замираніемъ сердца ждала, что будетъ. Всѣ трое лежали впотьмахъ молча, хотя и не спали. Было не до разговоровъ. По временамъ слышался чей-либо сдержанный вздохъ изъ стѣсненной груди. Разъ Настя попыталась заговорить шепотомъ:

— Мамушка, а ежели *она* придетъ, ты тогда что·

— Молчи, глупая!—торопливо прошептала въ отвѣтъ Прасковья.—Никто не придетъ. Вспомни Богородицу и Ангела-Хранителя и спи.

И опять все стихло.

Дѣвочка не выдержала сторожевого бдѣнія до конца и заснула, не дождавшись никакого привидѣнія. Но бабы напряженно бодрствовали и—дождались бѣсовскихъ козней. Страшныя явленія совершались въ томъ

же самомъ порядкѣ, какъ и въ предыдущую ночь. Прежде всего такъ же, какъ и вчера, за ближайшей стѣной, на дворѣ, всполошились свиньи. «Иди въ стадо свиное»—моментально вспомнила Арина, и ей почему-то жаль стало будущую тушу... Затѣмъ, точно такъ-же, какъ и вчера, что-то зашуршало, зашмыгало на печкѣ, не то около печки.

— Вотъ *она*, вотъ *она*. идетъ!—прошептала Арина, чуть дыша и толкая Прасковью.

Прасковья зажмурилась и заткнула уши. Арина, считая себя хорошо вооруженной для борьбы, приневолила себя не заграждать зрѣнія и слуха отъ воспріятія страшныхъ впечатлѣній. А впечатлѣнія эти не заставляли себя долго ждать. Вотъ послышалось—такъ-же, какъ и вчера—легкое пошлепыванье по полу большихъ ступней, что-то начало погромыхивать на судней лавкѣ, послышалось сопѣніе, замелькала противъ окна бѣлая масса... Арина дѣйствовала по всѣмъ правиламъ многоопытнаго Кирилыча. Съ самаго начала *козней* она усердно шептала молитвенные отрывки и разныя заклинательныя изреченія. Когда она убѣдилась, что козни совершаются свободно и непрерывно, какъ будто-бы противъ нихъ и мѣръ никакихъ не принималось, ею овладѣло страшное смущеніе и потомъ отчаяніе. Заклинанія ея болѣе и болѣе путались и осложнялись Богъ-знаетъ-откуда вычеркнутыми странными сочетаніями словъ. «Оглашенные изыдите въ тартарары́!» безсознательно произнесла она уже вслухъ и тутъ-же неистово закричала: а-а-а-а-а!! За́ ней заорала и Прасковья, продолжая лежать съ закрытыми глазами и заткнутыми ушами. Настя встрепенулась отъ сна и, не понимая въ чемъ дѣло и ни о чемъ не спросивши, вдругъ такъ громко заплакала, будто ее кто больно ударилъ. Когда это оригинальное тріо окончилось, въ темной избѣ уже не замѣчалось никакихъ признаковъ присутствія сверхъестественнаго существа.

— Слава Богу, въ нынѣшнюю ночь, должно быть не придетъ,— сказала Арина, крестясь.

Въ противоположность недавнему молчанію, въ избѣ поднялся оживленный говоръ, и бабы прогалдѣли до свѣту.

На слѣдующій день бабы, уединившись отъ Наськи, устроили новое совѣщаніе.

— Ни крестъ, ни молитва не беретъ,—въ недоумѣніи говорила Арина.—Двѣ ночи прошли въ мукахъ, а дальше, пожалуй, и не вынесешь. Покуда еще хоть къ намъ не прикасалась, а какъ накинется, что тогда?

— Умереть—одно слово,—отозвалась Прасковья.—Нужно еще что-нибудь удумать.

— Да что-жъ тутъ удумаешь? У меня ужъ умъ за разумъ заходитъ.

— Посовѣтывалась-бы еще съ кѣмъ-нибудь.

— Да съ кѣмъ? Одна огласка выйдетъ, а помочи никакой. А чего стоитъ этакая огласка-то!.. Помнится, Кирилычъ что-то упомянулъ про панихидку... Развѣ отслужить?

— Ну что-жъ, отслужить, такъ отслужить.

— Значитъ, къ попу нужно...

— И обо всемъ ему объявить?

— Да ужъ... стало быть, объявить. По настоящему, это все дѣло-то поповское: гдѣ что нечисто—освятить; кому нужна молитва—что-нибудь отслужить по-божественному.

— Такъ-то такъ, да очень я не привыкла разговаривать съ этимъ попомъ. Какой-то онъ... Кто его знаетъ. Развѣ *ты* сходишь, переговоришь съ нимъ?

— Ну, вотъ, съ какой стати? Ты *ей* дочь родная и по дому главная, а я что? Иди-ка, иди со Христомъ. Ты пойдешь къ попу въ домъ, а я прямо на кладбище, тамъ и подожду.

— Ну, ладно. Что дѣлать-то. Господи, помоги!.. А Наську возьмешь съ собой?

— Отчего-жъ? Пусть и она помолится.

— Какъ-бы дорогой кому не проболталась...

— Зачѣмъ? Я ей строго-на-строго...

— Ну, ну... Охъ, кабы-то Господь!..

Прежде чѣмъ отправиться къ попу, Арина сочла нужнымъ зайти къ Кирилычу.

— Что, касатикъ, вѣдь не помогло твое-то... Приходила опять, отбыла свое время и ничуть не испугалась. Иду къ попу. Что будетъ, то будетъ.

— Главная бѣда въ томъ, что вы—бабы, оттого и не подѣйствовало. Къ попу-то еще успѣла-бы, а прежде попробовала-бы еще ночь-другую повторить повелѣнное... съ вѣрою.

— Нѣтъ, ужъ будетъ. Станешь повторять, а *она*... нѣтъ, мы ужъ порѣшили, и Прасковья поджидаетъ на могилѣ.

— Ну, такъ ты вотъ что, баба,—сказалъ Кирилычъ, нѣсколько смущенный:—про меня ты попу не упоминай. Тутъ дѣло премудрое. Понять—онъ не пойметъ, а нашумѣть—нашумитъ и обидитъ. А я, глядишь, еще не разъ вамъ пригожусь.

— Да ужъ не сумлѣвайся. Мы тебя завсегда... Не съ радостью къ попу-то идешь. Податься некуда, а то развѣ-бы...

— То-то!

И Кирилычъ просіялъ.

IV.

О. Никандръ, курносый блондинъ, съ густыми курчавыми волосами, въ бѣломъ лѣтнемъ подрясникѣ, сидѣлъ въ своемъ крошечномъ зальцѣ у окна и читалъ какую-то книгу. Возлѣ него сидѣла кругленькая, полненькая матушка, бѣдно, но чисто одѣтая, — и кормила манной кашей своего первенца.

Вошла Арина и, остановившись у порога, принялась молиться на иконы.

— Дмитрій Семеныч, къ тебѣ ..—тихо сказала матушка мужу.

Батюшка, съ заложенной пальцемъ книгою, поднялся съ мѣста и заглянулъ въ переднюю.

— Иди сюда ближе.

Арина взглянула себѣ на ноги, осторожно ступила нѣсколько шаговъ и, остановившись въ дверяхъ зальца, сложила руки для принятія благословенія.

Батюшка благословилъ.

— Что тебѣ?

Арина отдувалась, словно взбѣжавши на гору, и не могла сразу отвѣтить. Оправившись, но все-таки запинаясь, она начала:

— Тайна у насъ, батюшка, въ домѣ... по ночамъ.

— А-а!.. *Тайна*, да еще *по ночамъ*... Это что-то страшно,—проговорилъ о. Никандръ пресерьезнымъ тономъ, но глаза его смѣялись и ноздри вздрагивали.

— Еще какъ страшно-то, батюшка-кормилецъ! Мы съ Прасковьей не чаяли живыми остаться.

— Ай-ай-ай!.. — произнесъ батюшка, качая головой. — А можно узнать эту страшную тайну, или нѣтъ?

— Какъ-же не можно-то? Затѣмъ пришла.

— Ну, сообщи, сообщи, пожалуйста.

Матушка навострила было уши, чтобы слушать интересный разсказъ, но ребенокъ ея такъ расплакался, что она должна была съ нимъ уйти.

— Ну?—повторилъ батюшка.

— Дай духъ перевести.

— Переведи, переведи.

— Охъ, нелегкое дѣло этакія рѣчи вести!.. Ф-фу?... Видишь-ли... Матушка-то моя, что ты намедни похоронилъ-то... Ѳекла-то...

— Ну, помню, ну?

— Вѣдь этакіе грѣхи, Господи! Охъ!..

— Будетъ стонать-то, разсказывай.

— Вѣдь она... ходитъ!

Арина перекрестилась.

— То-есть какъ *ходитъ?*

— Какъ слѣдуетъ... во всей видимости... по ночамъ... по нашей избѣ.

— Ишь вѣдь штука какая!... Такъ-таки ходитъ?.. Какъ слѣдуетъ?.. по избѣ?.. мертвая?..

— Да вотъ поди-жъ ты... Знать прогнѣвали мы Господа...

— И ты видѣла *ее?*

— Да какъ-же, Господи... Собственными глазами. И не хотѣлъ-бы видѣть, да... ничего не подѣлаешь.

— И руки, и ноги, и голову, и глаза, и носъ, и ротъ—все видѣла ясно?

— Зачѣмъ-же ясно? Дѣло ночное, да и легко-ли присматриваться въ страхѣ? А что это—она, мы сразу почуяли... Эстолько лѣтъ жили вмѣстѣ—пора привыкнуть!.. И Прасковья также... сейчасъ-же узнала.

— Какъ-же вы могли узнать, когда не присматривались и ясно не видали?

— Ахъ ты, Господи!.. Ну, какъ это ты, батюшка... Словно я тебя обманываю. Вѣдь она къ *намъ* ходитъ-то, а не къ кому-другому. Кому-же лучше знать? А ты ровно-бы не вѣришь.

— Да пока нечему вѣрить. Ты говоришь о томъ, чего сама не знаешь. Не видала, а разсказываешь...

— Ну, вотъ ты какой, батюшка... Какъ-же еще мнѣ говорить, я ужъ и не знаю.

— Ты мнѣ скажи: по какимъ признакамъ ты рѣшила...

— Да не я одна, и Прасковья тутъ-же.

— Ну, хорошо, ну—по какимъ признакамъ вы съ Прасковьей рѣшили, что къ вамъ ходитъ ночью мертвая Ѳекла? Ну, говори, ну, ну. объясняй, въ порядкѣ, только покороче,—нетерпѣливо проговорилъ о. Никандръ.

— Охъ, и вспоминать-то — ножъ острый!.. Примѣты, батюшка, явныя. Протрется сквозь трубу и—прямо къ судней лавкѣ. Погремитъ-погремитъ тамъ чѣмъ-то, потомъ по избѣ пройдетъ, пригнувшись... Босая... Сопитъ, попрежнему обыкновенію своему... Саванъ на ней бѣлѣется... Потомъ опять къ судней лавкѣ... А она, упокойница, ужъ сколько годовъ ничего не дѣлала по дому. Бывало — царство ей небесное!—слѣзетъ съ печки босикомъ, пожуетъ чего-нибудь за обѣдомъ молча и отойдетъ къ судней лавкѣ. Снимутъ...

— Ну, ладно. Ну, какъ-же ты...

— Нѣтъ, ты постой, я вѣдь не договорила... Я сейчасъ... Снимутъ ей туда все со стола, она и занимается: посуду и ложки перемоетъ, куски—которые покрупнѣй—отберетъ и сложитъ въ уголокъ, а

мелкіе кусочки и крошки смететъ и броситъ въ лоханку. Любила она это, упокойница, каждый Божій день это дѣлала, а сама, бывало, все молчитъ, и только сопитъ, по обыкновенію своему... Вотъ она теперь за это же дѣло и принимается... На утро посмотришь — ложки на судней лавкѣ развалены и хлѣбныя крошки видать на чистомъ мѣстѣ, на лавкѣ и на полу... Мы прежнія ложки-то ужъ сожгли, новыя на мѣстѣ ихъ положили—и опять вышло то-же!..

— Значитъ, она даже хлѣбушка покушала? проголодалась, значитъ? иронизировалъ батюшка.

— А Господь ее знаетъ. Коли являлась, какъ живая, такъ могла и это... по живому.

— *Могла*! То-то и горе-то наше, что у насъ *все можетъ быть*!— заговорилъ батюшка, перемѣнивъ спокойный, шуточный тонъ на суровый, обличительный.—Развела, какъ по писанному. Этакое глубочайшее невѣжество! этакая тупѣйшая глупость!

— Что-же ты, кормилецъ, бранишься? плаксиво возразила Арина.— Я тебѣ всю истинную правду, какъ передъ Богомъ... Облегченія чаяла отъ тебя, а ты...

— Отъ чего я буду тебя облегчать? отъ чего? Дурачье вы! Сами сочинятъ себѣ невозможное, нелѣпѣйшее горе и лѣзутъ за ненужнымъ утѣшеніемъ!

О. Никандръ въ волненіи прошелся по комнатѣ. Въ залѣ снова появилась матушка.

— Чего ты расшумѣлся? Только что убаюкала ребенка...

— Да вотъ... пришла меня увѣрять, что къ ней по ночамъ мертвая мать ходитъ!—сообщилъ о. Никандръ пониженнымъ, но все еще безпокойнымъ тономъ.

— Чего-же кипятиться-то? Она судитъ по своему, а ты разъясни ей,—сказала матушка.

Арина обрадовалась ея заступничеству.

— Родненькая ты моя, вникни хоть ты. Вѣдь, двѣ ночи подрядъ... О сю пору я ужъ сама не своя, что-жь дальше будетъ? Развѣ долго выдержишь на глазахъ такую страсть? Еще ночь — другая и шабашъ: испустишь духъ и все тутъ! А батюшка думаетъ, что я нарочно.

— Вотъ, поди-ка *разъясни* ей!.. Ей хоть колъ на головѣ теши— она все свое! съ досадой проговорилъ о. Никандръ и бросилъ книгу на столъ.—Видѣла невидѣнное и слышала неслышанное,— а попъ ей помоги! Благородная миссія! высокое служеніе!

— Вотъ что значитъ чужое-то горе, Господи! жалобно, нараспѣвъ произнесла Арина и обѣими руками стала тереть глаза.

Батюшка подошелъ къ ней и взялъ ее за локоть.

— Дура ты этакая, пойми ты: ничего этого не было и быть не можетъ, никакой мертвецъ къ тебѣ не приходилъ и придти не можетъ. Это тебѣ показалось. Ты наслушалась глупостей отъ такихъ-же глупыхъ, какъ ты, о вѣдьмахъ, о привидѣніяхъ и т. п.; ночью, во время безсонницы, все это ты припомнила, вотъ тебѣ и представилось... Пойми: *представилось, показалось только*, а на самомъ дѣлѣ ничего этого не было и быть не могло. Слышишь?

— Я-то слышу, да ты-то... Ну, спроси Прасковью, коли...

О. Никандръ махнулъ рукой, быстро прошелся по комнатѣ и снова подступилъ къ Аринѣ.

— Противъ того, что тебѣ *кажется*, я ничего не могу сдѣлать. Это дѣло доктора... По моему, ты должна плюнуть на всѣ эти пустые страхи и спать себѣ спокойно. Но если ты стоишь на своемъ, какую-же я тебѣ еще пользу могу принесть?

— Охъ, Господи... Ты хоть панихидку-то отслужи по ней,—взмолилась Арина.—Прасковья-то ужъ давно на кладбищѣ ждетъ.

— Да, панихидку? Это что-жъ... Это можно, молиться всегда можно,—сказалъ батюшка, смягчаясь.—Объ этомъ-бы прямо и попросила. А то—наплела всякой ерунды!

— Да я и панихидку-то придумала ради того, чтобы она больше не ходила... Авось, Богъ дастъ, успокоится.

Батюшка улыбнулся и пожалъ плечами.

— Миссія, миссія... высокое служеніе... воспитаніе народа...—бормоталъ онъ, пока надѣвалъ рясу и нахлобучивалъ шапку.

Батюшка, въ полинявшей и потертой епитрахили, совершаетъ у могилы Ѳеклы «панихидку», помахивая холоднымъ, слегка гремящимъ кадиломъ. Бабы вздыхаютъ и усердно молятся. Наська крестится, но въ то-же время интересуется тѣмъ, какъ вѣтеръ играетъ кудрями батюшки и выдуваетъ изъ кадила старый пепелъ. На могильной насыпи, весьма небрежно сдѣланной и успѣвшей уже осѣсть, виднѣлись небольшія трещинки.

— Вотъ въ эти щелочки-то *она*, стало быть, и пролѣзаетъ,—подумала Арина, мелькомъ взглянувши на трещинки, и усилила поклоны.

«Вѣчная память, вѣчная память, вѣчная память!» — не пропѣлъ, а продекламировалъ о. Никандръ.

Онъ кончилъ, покадилъ молящимся. Но бабы минуты двѣ еще продолжали креститься и класть поклоны. Батюшка, отъ нечего дѣлать, присмотрѣлся къ ихъ физіономіямъ. На лицѣ Арины изобразилась глубокая скорбь и вмѣстѣ—страхъ, обида и досада. Губы ея подергивались, глаза учащенно мигали, но она не заплакала. Батюшка почувствовалъ къ ней жалость.

— Молиться можно и должно... и хорошо, что вы такъ усердно молитесь,—мягко и ободрительно заговорилъ онъ.—Но, пожалуйста, не говорите такихъ глупостей. Неразумныя!.. Сами себя мучите понапрасну.

— Спасибо тебѣ, кормилецъ за хлопоты, — сказала Арина и съ поклономъ вручила батюшкѣ мѣдный пятакъ.

Она еще съ минуту постояла, глядя на могилу въ какомъ-то раздумьи. Повидимому, ей хотѣлось, согласно обычаю, положить «праху» три земныхъ поклона, но ее что-то удерживало отъ этого.

— Охъ, Господи, хотя-бы это помогло заключила она крестясь.

Перекрестились и ея спутницы.

О. Никандру блеснула, какъ ему показалось — счастливая мысль. Стуча нижней чашкой кадила по вершинѣ могилы, онъ съ поддѣльной строгостью произнесъ:

— Слышь, Ѳекла, больше не ходи вотъ къ нимъ по ночамъ. Если тебѣ когда вздумается прогуляться, такъ ты заходи лучше ко мнѣ, а ихъ оставь въ покоѣ. Такъ и знай!

Бабы взглянули на батюшку съ удивленіемъ и недоумѣніемъ.

— Ой, кормилецъ, что это ты?—воскликнула Арина.—Не дай Богъ самому злому татарину, не то, что тебѣ...

— Вы за меня-то не бойтесь, я-то не испугаюсь, потому что все это глупости,—успокоивалъ о. Никандръ.

V.

— Никандръ Семенычъ, зачѣмъ ты такъ сердишься... съ народомъ?—ласково и тономъ сожалѣнія произнесла матушка, встрѣтивъ мужа, возвратившагося съ кладбища.—Сколько разъ я тебя просила... Съ этой Ариной опять какъ рѣзко обошелся... Вѣдь и самъ ты въ дѣтствѣ всему вѣрилъ... по народному; какъ-же можно взыскивать за это съ народа?..

— Я тебя, Соня, тоже нѣсколько разъ просилъ... не напоминать мнѣ о томъ, что я и безъ того твердо знаю. Мнѣ не менѣе, чѣмъ кому-нибудь другому, хотѣлось-бы пожить спокойно, безъ тревогъ; но нельзя не возмущаться. Спраздновали мы девятисотлѣтній юбилей господства православной вѣры на Руси, а между тѣмъ народушко православный почти такъ-же теменъ и суевѣренъ, какъ былъ до призванія варяговъ.

— Зачѣмъ преувеличивать? Сколько у насъ теперь школъ, грамотныхъ людей! Сколько просвѣщающихъ чтеній, собесѣдованій! Народъ несомнѣнно просвѣщается.

— По большимъ дорогамъ, въ бойкихъ, болѣе или менѣе богатыхъ пунктахъ, все это продѣлывается, да и то, можетъ быть, больше на-

показъ, чѣмъ съ существенной пользой. А попробуй-ка просвѣщать вотъ въ этакой глуши! Вчера я говорилъ яснѣйшее и убѣдительнѣйшее поученіе о вредѣ суевѣрій, а сегодня дьячокъ отъ имени моихъ вчерашнихъ слушателей, а также, очевидно, и отъ своего собственнаго имени, внушаетъ мнѣ, что въ могилу колдуньи Ѳеклы слѣдовало-бы вбить осиновый колъ. Давно-ли это было?.. Наградили приходомъ—нечего сказать! Забыть не могу... ваше пр-ство, вѣдь тамъ жить нечѣмъ. «Ничего, это пока, по неимѣнію вакансій. Побудешь короткое время и перейдешь на лучшее мѣсто. Тамъ приходъ, правда, молъ и бѣденъ, но за то тебѣ въ немъ спокойно будетъ: дѣлать совсѣмъ нечего«. Ха-ха! Такъ-то и высшія-то назначенія совершаются. «Тамъ, дескать, захолустье, дѣла никакого, посадить туда «нища и убога»; или—пусть этотъ хорошій человѣкъ побудетъ тамъ годокъ, *отдохнетъ*, а потомъ его возведемъ»... А между тѣмъ въ этомъ захолустьи вѣками накопилось столько дѣла, что для него требуются десятки геніевъ съ геркулесовскими силами и непрерывнымъ трудомъ. А захолустья-то составляютъ большую часть Россіи. Сообрази-ка, что выходитъ-то... «Дѣлать нечего!». Ха-ха... Тутъ до того одичали, что, при всемъ желаніи выслушать тебя и понять, не умѣютъ ни слушать, ни понимать. А вѣдь тутъ Кирилычъ пятьдесятъ лѣтъ *учитъ*. Слышала давеча? Ты ей говоришь свое, а она твердитъ свое. И все это съ поклонами и величаніями: «батюшка-кормилецъ»... И покоряется, и въ то-же время упорствуетъ, противорѣчитъ, оскорбляетъ и не сознаетъ этого. Вдвойнѣ досадно! «Дѣлать нечего»... Ха!.. Работы ужасъ сколько, и работы тяжелой, надрывающей. А въ чемъ утѣшеніе? Въ безуспѣшности? Или въ томъ, что отъ времени до времени заработаешь пятакъ въ день, какъ сегодня, напримѣръ?

— Ты, Дмитрій Семенычъ, сталъ ужъ очень нетерпѣливъ и раздражителенъ. Обѣщали тебя перевести, стало-быть—переведутъ. Потерпимъ немножко. Еще не очень мы здѣсь засидѣлись, всего полтора года.

— Не очень... Вотъ у насъ одинъ ребенокъ родился, и то сколько расходовъ прибавилось, а родится другой, третій—тогда что мы будемъ дѣлать?

— Къ тому времени предложатъ лучшее, а не предложатъ—выпросишь.

— Да, выпросишь у нихъ... Легко попасть въ трущобу, а выбраться изъ нея ой-ой какъ трудно! Я тебѣ разсказывалъ, какъ на прошлой недѣлѣ со мной благочинный на съѣздѣ... Треплетъ меня по плечу: «Хе-хе, вотъ кому житье-то! Мы тутъ хлопочемъ о томъ, о другомъ, о третьемъ, а ему что? Спи себѣ день и ночь! Хе-хе...» Какъ, говорю, *спи*? У меня храмъ разрушается; я весь истрепался, выпрашивая на дѣло Божье по копѣечкѣ да по бревнышку; я изъ силъ вы-

биваюсь, постоянно сражаясь съ невѣжествомъ и закорузлыми суевѣріями... И договорить мнѣ не далъ. «Ну, чего тамъ... Хе-хе...» Махнулъ на меня рукой и отошелъ прочь. Выходитъ, что я какой-то счастливчикъ, которому можно даже завидовать. Видятъ несуществующее благополучіе, а дѣйствительныхъ трудовъ не видятъ, а потому и не цѣнятъ. А взглядами благочинныхъ руководится архіерей. Вотъ и сиди у моря и жди погоды. Все это постоянно представляешь себѣ, взвѣшиваешь и невольно возмущаешься.

— А ты поменьше думай объ этомъ,—посовѣтовала матушка́.

— Легко сказать...

— А то вѣдь этакъ...

— Ну, ладно, давай обѣдать.

Ночь.

Батюшка только что улегся въ своей маленькой спаленкѣ на широкую деревянную кровать. На противоположной сторонѣ той же комнатки, возлѣ печки возилась съ ребенкомъ матушка. Въ углу мерцала маленькая стѣнная лампочка, освѣщая висящій близъ ней бѣлый подрясникъ съ растопыренными рукавами.

— А знаешь, Соня, что я давеча сказалъ на кладбищѣ?—обратился батюшка къ супругѣ.

— Что?

— Ты, говорю, покойница, не ходи больше къ дочери въ домъ, а если захочешь когда прогуляться, такъ заходи лучше ко мнѣ.

— По моему, это ты—напрасно... Бабы могли подумать, что ты самъ вѣришь въ странствованіе мертвецовъ, а между тѣмъ за эту-то вѣру ты и пробиралъ ихъ.

— Ну, зачѣмъ же... Я это сказалъ такъ, что онѣ не должны этого подумать,—сказалъ шутя и прибавилъ, что это ерунда.

— А что, если *она* къ тебѣ и въ правду придетъ? Ха-ха-ха...

— Что-жъ, милости просимъ. Ха-ха-ха.

— Слава Богу, что намъ съ тобой *это* стало смѣшно. А скольким несчастнымъ *это* причиняетъ лишнія страданія!

Матушка помолилась Богу, ослабила свѣтъ въ лампочкѣ, раздѣлась, прилегла на край кровати и скоро заснула. Батюшка не спалъ послѣ нея еще съ полчаса. Подъ вліяніемъ преобладающихъ впечатлѣній дня, онъ предался невольнымъ воспоминаніямъ. Припомнились ему страшные разсказы о мертвецахъ, слышанные имъ еще въ дѣтствѣ. Припомнилась ему и Ѳекла.

— А и страшная была эта старуха! думалось ему.—Этакая физіономія, этакіе глазищи... И такія странности... При невѣжествѣ и при суевѣрно настроенномъ воображеніи, да еще при этакихъ рассказняхъ про

старуху,—немудрено было подготовиться такому видѣнію... Гдѣ это я читалъ насчетъ кіевскихъ вѣдьмъ... предположеніе, какъ могло создаться такое представленіе... А Вій Гоголя?.. Законы-то вѣдь одни... И до какой поразительной живости можетъ доходить напуганное воображеніе!.. У Арины это еще не очень замѣтно: физіономія Ѳеклы ей не обрисовалась со всею ясностью. А физіономія была такая, что... Этакіе глазищи!.. Какъ могутъ исказиться черты человѣческія... Подрясникъ-то мой... Ужъ зима наступаетъ, а я все въ бѣломъ, по лѣтнему... Борись съ суевѣріями, гоняй мертвецовъ, а за все это... скоро и вовсе не во что будетъ одѣться... Одна нынѣшняя Ѳекла чего стоитъ... Поглотила почти цѣлый день да вотъ и ночью... Когда же это пуговица-то отскочила? Завтра дать Сонѣ пришить,—заключилъ о. Никандръ, смотря уже слипающимися глазами все на тотъ же бѣлый подрясникъ.

На томъ мѣстѣ, гдѣ виситъ подрясникъ, начинаетъ вырисовываться человѣческая фигура, съ наклоненной головой, покрытая чѣмъ-то бѣлымъ. Голова постепенно приподнимается и ясно обозначаются знакомыя черты: ввалившіяся, сморщенныя щеки, тонкія губы, рѣзкій взглядъ впалыхъ, большихъ черныхъ глазъ, сѣдые волосы, стоящіе дыбомъ. Фигура раскачивается, дѣлаетъ усилія къ тому, чтобы двинуться... двигается къ кровати... останавливается... жуетъ губами, скрипитъ зубами, ворочаетъ гнѣвными глазами... хочетъ вытянуть руки, но онѣ едва-едва приподнимаются отъ боковъ, къ которымъ плотно были прижаты. Слышится невнятная рѣчь, съ прерывающимися звуками, словно относимая порывами вѣтра: «у, у... звалъ... вотъ... Чѣмъ?.. Вотъ-вотъ... шла... Зачѣмъ... у-у... звалъ? Пришла...» Тонкія губы раздвинулись, бѣлые широкіе зубы оскалились, глаза закрылись. Послышались злорадныя восклицанія: а-а! э-э! что?! ха-ха!..

- Дмитрій Семенычъ! Дмитрій Семенычъ! Проснись! Дмитрій Семенычъ! тревожно будила матушка супруга.

— О-оой! вонъ! вонъ! кричалъ батюшка.

— Проснись, говорю,— чего ты? Ребенка испугаешь. Дмитрій Семенычъ!.. повторяла матушка.

— А? Гдѣ? Что такое? залпомъ выкрикнулъ батюшка, встрепенувшись.

— Перевернись на другой бокъ,—посовѣтовала матушка.—Кричалъ ты сейчасъ, какъ сумасшедшій!

Тяжело дыша и отдуваясь, батюшка остановилъ мутный взоръ все на томъ-же бѣломъ подрясникѣ, и ему представлялось, что подрясникъ шевелится и оттопырившіеся рукава его движутся.

— Фу ты, батюшка, да что-же это такое? бормоталъ онъ, протирая глаза.

— Что, страшный сонъ видѣлъ?

— Да что, Соня... Представь себѣ... Вѣдь это безобразіе!.. Вотъ ужъ не чаялъ...

— Что-же такое?

— Эта противная... Ѳекла эта... сейчасъ, какъ живая... Вѣдь этакая ерунда!.. Сердце страхъ—какъ бьется... Тьфу, проклятіе!

— Ага! А ты все надъ бабами смѣялся.

— Ну, да вѣдь это что-жъ... Сонъ... Явленіе совершенно независящее... Фу ты... Что за окаянство?.. Никакъ не успокоишься... Ахъ, шутъ тебя подери совсѣмъ!..

Матушка продолжала укачивать ребенка, къ которому встала задолго до пробужденія батюшки.

— Ну, будетъ, дѣточка моя, ну, перестань,—причитала она:— а-а, а-а-ахъ! у-у, у-у-ухъ! ба-а-а-а-ай! э-э, э-э-эхъ! Да ну же, будетъ, а то оттреплю!

Ввинченное въ потолокъ кольцо, на которомъ висѣла колыбель, издавало рѣзкій, непріятный скрипъ.

Батюшка пощупалъ себѣ голову. Она была горячая.

— Не то заболѣлъ оттого, что испугался, не то испугался оттого, что заболѣлъ,—подумалъ онъ и, тяжело дыша, перевернулся спиной къ свѣту.

VI.

На слѣдующее утро Арина, исхудавшая и позеленѣвшая, опять явилась къ о. Никандру.

— Ну, что?

— Да что, батюшка — кормилецъ, никакихъ силъ нѣтъ, хоть умирай! Опять приходила... Все какъ слѣдуетъ, попрежнему... Словно-мы съ тобой и не служили... Дѣвчонка моя первыя-то ночи спала во время страстей-то, а нынче всю ночь промаячила съ нами, да такъ разревѣлась, что насилу—насилу уняли. Кажись, заколотилъ-бы двери и окна и бѣжалъ, куда глаза глядятъ. Вотъ каково пришло! А куда дѣнешься? Кабы одна была, а то... Свѣтикъ ты нашъ, касатикъ, не придумаешь-ли ты для насъ что-нибудь еще?

Арина заплакала и низко поклонилась батюшкѣ.

— Глупыя вы, несчастныя,—мягко заговорилъ батюшка: — сами ошалѣли отъ невѣжества и меня съ ума сведете.

Наклонивъ голову, о. Никандръ съ минуту что-то соображалъ. Арина стояла передъ нимъ молча, всхлипывала и утиралась ладонями.

— Когда именно *она* къ вамъ ходитъ т. е. когда вамъ начинаетъ казаться, что *она* къ вамъ ходитъ?—спросилъ батюшка.

— Да ночью, все ночью,—сквозь слезы отвѣтила Арина.

— Слышалъ, но какъ это... съ вечера или поздно ночью?

— Такъ—этакъ... Извѣстно, у насъ часовъ нѣту... А какъ погасимъ огонь, уляжемся, утихнетъ все... пройдетъ этакъ... ну, кто ее знаетъ сколько...—она вотъ—и она!

— Зачѣмъ-же вы огонь-то гасите? Пусть бы хоть лампадка горѣла всю ночь: тогда-бы и оказалось, что...

— О. Боже избави! Этакую страсть увидѣть при огнѣ, во всѣ глаза—и однова не дыхнешь!.. Я и Кирилычу то-же...

— Что Кирилычу?

— Гм... ничего, это я такъ... обмолвилась. А съ свѣтомъ, съ огнемъ—ни въ жисть!

— Ну, такъ вотъ что: я сегодня приду къ вамъ вечеромъ, и посмотримъ вмѣстѣ, что будетъ...

— Ой-ли? Неужто придешь? радостно воскликнула Арина.

— Непремѣнно приду.

— Ахъ ты, желанный, хорошій! А вотъ Кирилычъ не... Тьфу! сама не знаю, что болтаю... Помоги, помоги намъ. Тебя-то она, можетъ, побоится. Вѣдь, вотъ ты вчера ее къ себѣ звалъ, а она опять къ намъ... Значитъ, она тебя не смѣетъ...

— Ну, будетъ болтать-то, ступай!—заключилъ о. Никандръ.

Арина буркнула еще что-то въ похвалу и благодарность батюшкѣ и удалилась.

— Это, наконецъ, въ самомъ дѣлѣ любопытно: какое такое чудо совершается по ночамъ у этихъ дуръ? — подумалъ священникъ и съ нетерпѣніемъ сталъ ждать интереснаго вечера.

Стемнѣло.

Въ «бабьемъ домѣ», въ присутствіи о. Никандра, идутъ совѣщанія и приготовленія къ встрѣчѣ нежеланной гостьи. Батюшка присѣлъ у стола, ближе къ срединѣ избы. Возлѣ себя, на краю стола. онъ поставилъ незаженную свѣчку и положилъ коробокъ спиртовыхъ спичекъ, который принесъ съ собой изъ своего дома.

— Ну, садитесь всѣ по лавкамъ, не прячьтесь, чтобы всѣмъ намъ было виднѣе, въ чемъ дѣло, —скомандовалъ онъ ободряющимъ тономъ.

Послышалось возраженіе.

— Нѣтъ, кормилецъ, ты ужъ тутъ одинъ... Тебѣ Богъ поможетъ... А намъ такъ близко не надо: дюже страшно.

— Ничего, пустяки, дѣлайте, какъ вамъ приказываютъ,—настаиваетъ батюшка и съ удивленіемъ ловитъ себя на мысли, что ему самому будетъ покойнѣе и смѣлѣй, когда союзницы помѣстятся поближе къ нему.

— Нѣтъ, упорствуетъ Арина: — мы лучше по своимъ постелямъ. Тебѣ все равно, а намъ... особливо Наськѣ: она о сю пору уже вся трясется.

— Пустяки, пустяки, не бойтесь. Настя, поди сюда, садись ко мнѣ на колѣни.

Дѣвочка нерѣшительно подошла къ священнику, но на колѣни къ нему не захотѣла сѣсть. О. Никандръ усадилъ ее рядомъ съ собой и охватилъ одной рукой. Ласка батюшки къ ребенку ободрительно подѣйствовала и на взрослыхъ. Арина и Прасковья осмѣлились сѣсть на той-же лавкѣ, нѣсколько поодаль.

Прошло нѣсколько минутъ въ молчаніи.

— Выдумали глупыя чего-то бояться,—тихо произнесъ батюшка:— вотъ посмотрите—ничего не выйдетъ, я васъ увѣряю.

— Кабы-то Господь далъ, съ твоей... съ благословенной руки,— прошептала Арина.

Только что она проговорила это, какъ начались явленія, предваряющія страшное чудо и хорошо извѣстныя не только родственницамъ Ѳеклы, но и о. Никандру, по разсказу Арины. Такъ-же, какъ и въ предыдущія ночи, всполошились на дворѣ свиньи; такъ-же—кто-то съ усиліемъ потерся о стѣнки печки; такъ-же кто-то смутно бѣлѣющій появился у *судней* лавки, примыкающей, подъ угломъ, къ той лавкѣ, на которой помѣстились *наблюдатели*.

— Бо-юсь! плаксиво прошипѣла Настя, въ трепетѣ прижимаясь къ батюшкѣ.

Батюшка почувствовалъ, что у него захолодѣла голова и захватило духъ. Досадуя на свое малодушіе и на свой невольный страхъ, онъ дрожащей рукой торопливо черкнулъ спичку. Таинственнымъ посѣтителемъ оказалась... большая бѣлая собака, которая въ ту жъ минуту бросилась подъ печку. О. Никандръ засвѣтилъ свѣчу и молча, съ улыбкой, посмотрѣлъ на Настю. Та съ недоумѣніемъ посматривала то на него, то на мать. На глазахъ у ней еще блестѣли слезы.

— Такъ вотъ, Настя, кто приходилъ-то къ вамъ, а вовсе не Ѳекла. Эхъ, вы!..

— Ха-ха-ха! ха-ха-ха!—разразилась вдругъ дѣвочка.—Со...соба... собака! Ха-ха-ха! Пастухова собака! Мамушка, вотъ такъ бабушка! На... на четырехъ ногахъ. Ха-ха-ха.

Батюшка, услаждаемый своимъ подвигомъ и впечатлѣніемъ сдѣланнаго открытія, вскочилъ съ лавки и оживленно и весело обратился къ удивленнымъ бабамъ:

— Ну, не глупыя-ли вы—а? Не вникнувши въ дѣло, выдумали себѣ страхъ и мучатся безъ смысла, ни за что, ни про что. Говоришь имъ, что это—вздоръ, что этого быть не можетъ,—такъ нѣтъ: онѣ все свое...

Арина кусала губы, подавляя улыбку, которая казалась ей слишкомъ поспѣшнымъ выраженіемъ радости послѣ такихъ печалей и тревогъ.

Между тѣмъ Настя, такъ-же неудержимо теперь хохотала, какъ неудержимо плакала въ предыдущую ночь.

— Да какъ-же это она подъ печку-то?—собралась наконецъ возразить Арина.

— Очень просто: значитъ, туда есть лазъ со двора, — отвѣтилъ батюшка...

На слѣдующее утро навели справку, и «избушка на курьихъ ножкахъ» оказалась дѣйствительно съ предательской прорѣхой. Прорѣху задѣлали, и Ѳекла перестала «ходить»... Измученныя обитательницы «бабьяго дома» успокоились и отдохнули.

О. Никандръ пожелалъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, какъ свѣжимъ, нагляднымъ примѣромъ, доказывающимъ пустоту, нелѣпость и страшный вредъ суевѣрій. «Благовременно и безвременно» повторялъ онъ своимъ прихожанамъ подробный разсказъ о томъ, какъ блистательно защитилъ онъ репутацію скромной старушки. Но... «впрямь долбилъ Данила, да вкось пошло долбило», какъ говоритъ пословица. Разсказы о. Никандра вынесли *на торжище* семейную тайну «бабьяго дома», сообщенную по секрету только «клиру», воскресили почти уже забытый образъ «вѣдьмы», оживили старые недобрые толки и породили нелучшіе новые. Кирилычъ, въ роли бродячаго Сократа, заводилъ на улицѣ и по домамъ бесѣды на животрепещую тему и *исправлялъ понятія* прихожанъ, «испорченныя» незрѣлыми мудрствованіями о. Никандра.

— Экую вѣдь новость открылъ!—восклицалъ Кирилычъ среди податливыхъ слушателей.—Собаку увидалъ—и радъ! Ужъ и видно, что молодо-зѐлено... Да развѣ это настоящая собака-то? Это только видимость собаки, а во образѣ ея и была настоящая вѣдьма. Кто-же этого не знаетъ? Должно быть, только онъ одинъ не слыхалъ этого сроду.

— Да вѣдь перестала-же она ходить, когда лазъ-то задѣлали,—возражали нѣкоторые смѣльчаки. — Стало быть — это и вправду была простая собака, а то нешто *она* не сумѣла-бы пролѣзть...

— Ты погоди еще, погоди... Рано порѣшилъ. Еще пролѣзетъ... Не только собакой, кѣмъ хочешь пролѣзетъ: козломъ, свиньей и всяческимъ скотомъ. И лазъ этотъ тутъ не при чемъ. Обернется сорокой— и въ трубу. Кто-же этого не знаетъ? Захочетъ донять — дойметъ. Ей закона не предпишешь... А то хвалится: глупыхъ людей вразумилъ и избавилъ... Погоди еще, братъ... Притихла пока на время, а тамъ, глядишь, такъ начнетъ пошучивать, что и...

Философія колоколеннаго Сократа скоро восторжествовала въ обществѣ надъ ученьемъ о. Никандра. Арина и ея сожительницы, подъ давленіемъ *общественнаго мнѣнія*, наконецъ, снова упали духомъ и прониклись страхомъ. Хотя у нихъ въ домѣ давно уже все благопо-

лучно, но онѣ доселѣ ни одной ночи не могутъ проспать вполнѣ спокойно. Ихъ все еще смущаетъ ожиданіе, что вотъ-вотъ опять явится къ нимъ *она*, если не въ образѣ человѣка, то въ видѣ какого-либо животнаго или птицы.

О. Никандръ волнуется и негодуетъ.

— Нѣтъ, такъ жить невозможно!—долго оставаться здѣсь немыслимо. Изорвешь всѣ нервы, дойдешь до галлюцинацій (ужъ начинались!..), или одичаешь, озвѣрѣешь. Для такихъ Авгіевыхъ конюшенъ нужны Ахилесовскія силы... Одинъ нъ полѣ не воинъ... Нужно непрестанно напоминать о себѣ архіерею...

О. Забытый.

ЗАПИСКИ А. О. СМИРНОВОЙ.

Лермонтовъ, Листъ, Глинка.

M-me Росси—очаровательна; очень хорошенькая, милая и простодушная, она тотчасъ-же призналась Императрицѣ, что сердце у нея дрогнуло, когда Государь далъ сигналъ для аплодисментовъ, и прибавила: «это мнѣ напомнило старое хорошее время, трудно отвыкнуть отъ сцены». Она въ совершенствѣ исполняетъ партію Агаты и нисколько не тщеславна, такъ какъ сказала мнѣ: «о, если-бы вы слышали въ этой партіи Jenny Lind, вы не нашли бы меня такой совершенной, да и голосъ ея болѣе драматиченъ». Императрица спросила ее, правда-ли, что Jenny Lind такъ некрасива. M-me Росси отвѣтила: «когда она поетъ—она соловей!» Она разсказала намъ, какъ въ ранней молодости она исполняла Церлину, Гарсіа — командора, Милибранъ — донну Эльвиру, Паста—донну Анну, Рубини—Октавіо, Лаблашъ—Лепорелло, Тамбурини—Донъ-Жуана. Съ такимъ составомъ опера шла только два раза и Лаблашъ сказалъ ей: «Моцартъ никогда и не мечталъ о такомъ исполненіи». Они всѣ были совсѣмъ молодые, и она ужасно боялась Гарсіа, который съ ними былъ очень строгъ. Я разсказала это Глинкѣ, фанатическому поклоннику Моцарта; онъ вздохнулъ, сказавъ: «Больше не будетъ подобнаго исполненія». Я пригласила его обѣдать съ m-me Росси и Hirt, которая ей аккомпанировала. Она пѣла тирольскія пѣсни, нѣмецкія баллады Шуберта, «Weihrauch», и, наконецъ, пѣсню Пресіозы (Вебера). Глинка былъ на верху блаженства и кончилъ тѣмъ, что поцѣловалъ ей руки. Николай зналъ Росси въ Италіи и въ Вѣнѣ, гдѣ онъ видѣлъ графиню Росси совсѣмъ молодою. Она тогда уже пользовалась громаднымъ успѣхомъ, и никто ей никогда не завидовалъ, такъ какъ она была очень мила и проста.

Я согласна съ мнѣніемъ Одоевскаго по поводу Россини. Его лучшая опера «Севильскій цырюльникъ», единственная безъ погрѣшностей. Нѣкоторыя мѣста въ «Вильгельмъ Теллѣ» и молитва Моисея съ хоромъ—очень хороши. Что-же касается его «Stabat», то хотя оно и эффектно, но не достигаетъ той высоты, какъ «Stabat» Перголезе, который замѣчателенъ. Онъ не достаточно трагиченъ. Въ итальянской музыкѣ все зависитъ отъ пѣвцовъ: такъ напр. послѣдній актъ Анны Болейнъ, спѣтый Пастою,—превосходенъ, но музыка его сама-по-себѣ бѣдна. Въ музыкѣ Мейербера больше содержанія, и кромѣ того онъ замѣчательно оркеструетъ. Есть очень красивыя мѣста въ «Робертѣ», въ «Гугенотахъ», и въ Парижѣ ихъ замѣчательно исполняютъ Duprez, Nourrit, Roger, Judith и Cornélie Talion, которыя такъ драматичны, а также Alboni. Мнѣ не особенно нравится Віардо; безусловно она виртуозка, но голосъ ея не красивъ и въ ней нѣтъ очарованія бѣдной Malibran. Что-же касается нынѣшнихъ композиторовъ, то мнѣ кажется, самый талантливый изъ нихъ — Берліозъ, и то что я слышала изъ его произведеній — красиво, немного странно и оригинально. Въ немъ есть идеи *). Беріо (Bériot) игралъ передо мною отрывки изъ «Троянокъ», которыя далеко превосходятъ Мейербера. Я видѣла его на концертахъ Листа; онъ меня заинтересовалъ, въ немъ есть что-то вымученное. Листъ говорилъ мнѣ, что онъ отъ рожденія несчастливъ. Какъ-то вечеромъ, когда мы были одни, Листъ сказалъ мнѣ: «Никто не игралъ Мендельсона лучше Шопена, а Бетховена лучше Мендельсона. Въ этомъ отношеніи они единственны. Послѣ великихъ нѣмецкихъ мастеровъ, Мендельсонъ — самый талантливый. На Мейербера находило иногда счастливое вдохновеніе, но онъ не создалъ да и не создастъ никогда Донъ-Жуана, волшебнаго стрѣлка, Фиделіо, ни даже Оберона. Но, кромѣ Шумана, котораго ожидаетъ большое будущее, самый великій мастеръ оперы явится въ Германіи; вы увидите, что въ этомъ столѣтіи у итальянцевъ не будетъ музыкальнаго генія. «Stabat» Россини и Вильгельмъ Тель—это лучшее, что они могли дать, да пожалуй еще маленькій жанръ—«Севильскій цырюльникъ». Этотъ народъ, имѣвшій Палестрину, Аллегри, Baïni Marcello, Порпора, Лотти, Перголезе, Керубини, Чимароза, Страделла, Mercadante, Спонтини — сдѣлался легкомысленъ въ музыкѣ, arioso и бравурные мотивы его погубили. Вашъ Глинка хорошо оркестровалъ нѣкоторыя вещи, очень хорошо. «Русланъ и Людмила», оркестровую партитуру которой я разбиралъ, чудная лирическая опера и болѣе музыкальная, чѣмъ «Жизнь за Царя»; нѣкоторыя сцены послѣдней — очень красивы: сцена въ лѣсу, балъ, полонезъ, танцы, совсѣмъ не имѣющіе банальности итальянскихъ балетовъ, и, наконецъ, превосходная, ориги-

*) Онъ играетъ на скрипкѣ, былъ женатъ на Малибранъ.

нальная сцена коронованія, съ колоколами. Въ ней встрѣчаются диссонансы, которые производятъ замѣчательное впечатлѣніе и которые онъ сумѣлъ разрѣшить въ гармонію финала».

Я сказала Листу, что предпочитаю романсы Глинки, и я ему сыграла, между прочимъ, посвященный M-me Кернъ, «Сомнѣніе», и другіе; онъ пришелъ отъ нихъ въ восторгъ, но въ особенности отъ пѣсни пѣсней; дѣйствительно, слова — прекрасны, но нужно быть музыкантомъ, чтобы передать ихъ чудными звуками. Я перевела ихъ Листу и онъ мнѣ сказалъ: «Это текстъ: Vulnerasti cor meum. Это одновременно мистично и страстно, и Глинка своимъ разбитымъ голосомъ передалъ его лучше, чѣмъ пѣвецъ».

Авторъ толкованія гимна сказалъ объ Ея Величествѣ, что она «окрыленная лилія» (lys ailé). Листъ отвѣтилъ: Когда она мнѣ сказала: «M-me Смирнова говорила, что вы въ совершенствѣ исполняете мазурки Шопена, не сыграете-ли вы намъ сегодня вечеромъ?» я былъ въ восторгѣ. Я не особенно хотѣлъ играть именно мазурку, въ Парижѣ меня увѣряли, что здѣсь Шопена не любятъ. Я скажу имъ, что они глубоко ошибаются, именно въ Россіи издатель Шопена продаетъ болѣе всего. Но вѣдь вы знаете распространенное въ нѣкоторыхъ кружкахъ Парижа предубѣжденіе противъ Россіи».

Сегодня вечеромъ у Карамзиныхъ я узнала о смерти Лермонтова. Онъ былъ убитъ въ Пятигорскѣ, офицеромъ Мартыновымъ, о причинахъ дуэли подробности неизвѣстны. Андрей Карамзинъ принесъ эту новость изъ штаба.

Бѣдный Лерма! Я точно предчувствовала, что онъ окончитъ à la Печоринъ или à la Ленскій. Я помню, онъ мнѣ читалъ «Княжну Мери», и онъ умеръ какъ разъ въ этомъ, такъ хорошо описанномъ имъ, Баденъ-Баденѣ Кавказа. Онъ читалъ мнѣ «Бэлу», «Тамань», мнѣ удалось его приручить. Мой братъ Александръ сказалъ ему, что у меня нѣтъ ни малѣйшей антипатіи, или предубѣжденія противъ него; какъ и Додо Ростопчина, онъ думалъ, что я—синій чулокъ; потомъ онъ вообразилъ, что я сержусь, потому что мнѣ передали, что онъ меня вывелъ подъ именемъ Минской; но такъ какъ въ этомъ наброскѣ нѣтъ ничего грубаго, и я дѣйствительно часто имѣю въ обществѣ скучающій видъ, то я его успокоила. Андрей Муравьевъ пришелъ сообщить намъ подробности дуэли. Присутствовали Глѣбовъ, Викторъ Васильчиковъ, Столыпинъ и С. Трубецкой. Лермонтовъ былъ убитъ наповалъ. Муравьевъ показалъ мнѣ прелестные стихи *), которые Лерма написалъ у него. Они проникнуты

*) „Вѣтка Палестины“.

религіознымъ духомъ. Онъ не зналъ, что «молитва» *) была внушена ему княгинею S. Она прочла Лермонтову Ave Maria, и онъ тотчасъ написалъ стихи. Зачѣмъ наши поэты умираютъ такими молодыми, умираютъ. не сказавъ всего—зачѣмъ?..

У Карамзиныхъ много спорили о дуэли. Віельгорскій правъ. Пушкинъ мстилъ за свою честь, а главное за честь жены. Лермонтовъ оскорбилъ товарища; вина, увы, на его сторонѣ, и съ его взглядами *противъ дуэли*, онъ еще болѣе виновенъ, такъ какъ почти принудилъ къ ней Мартынова, и даже въ этомъ какой-то фатализмъ, иронія судьбы. Государь дважды отсылалъ его, чтобы избѣжать дуэлей, и все таки онъ убитъ и изъ-за такой ничтожной причины. Говорятъ, что здѣсь замѣшана женщина, что Лермонтовъ компрометировалъ родственницу Мартынова, другіе говорятъ, что онъ нарисовалъ на него и какую-то даму карикатуру, и что, вообще, онъ во всемъ виноватъ. Богъ знаетъ, гдѣ правда, но теперь видна разница между нимъ и Пушкинымъ, она чувствуется. Нашего дорогого Пушкина жалѣли, какъ поэта и какъ человѣка. У него были друзья, а враги его были посредственности, педанты, легкомысленные модники. Лерма не имѣлъ друзей, оплакиваютъ только поэта. Пушкинъ былъ жертвою клеветы, несправедливости, его смерть являлась трагичною, благодаря всему предшествовавшему; смерть-же Лермонтова—потеря для литературы, самъ по себѣ человѣкъ не внушалъ истинной симпатіи. Мнѣ всегда его было жаль: онъ чувствовалъ, чего ему недостаетъ, но его своенравный, бурный характеръ, отсутствіе простоты и страшное самолюбіе мѣшали ему порвать съ привычками. Онъ спросилъ меня однажды: «Презираете вы людей или ненавидите ихъ?» Я отвѣтила: «Религія запрещаетъ мнѣ ихъ ненавидѣть, а совѣсть—презирать; я не имѣю на это права, да и никто не имѣетъ». Онъ на меня удивленно посмотрѣлъ и, наконецъ, сказалъ: «Между тѣмъ вѣдь вы видите, что человѣчество ничего не стоитъ». Я возразила: «Почему я могу думать, что я лучше, вѣдь я тоже принадлежу къ человѣчеству». Онъ спросилъ меня потомъ, презиралъ-ли Пушкинъ человѣчество? Я не могла не сказать ему: «Нѣтъ, это былъ слишкомъ великій умъ, и слишкомъ глубокій, чтобы не понять людскія слабости, и слишкомъ доброе сердце, чтобы ненавидѣть и презирать гуртомъ» (en bloc). Лерма передалъ этотъ разговоръ Додо Ростопчиной и прибавилъ: «Меня ввели въ заблужденіе относительно M-me Смирновой. Мнѣ говорили, что она холодна, сатирична и презрительна, а на самомъ дѣлѣ она можетъ быть снисходительнѣе всѣхъ, слывущихъ за добрыхъ, и дѣлающихъ patte de velours. Я понимаю, почему Пушкинъ ее такъ любилъ, она искренна и непод-

---

*) „Въ минуту жизни трудную“.

купна». Додо призналась мнѣ, что до знакомства со мною боялась меня. Они всѣ такъ привыкли къ банальной добротѣ людей, что принимаютъ ее за чистую монету.

Государь говорилъ со мною о Лермонтовѣ, и я напомнила ему стихи на смерть Пушкина. Онъ сказалъ мнѣ: «Стихи прекрасны и правдивы; за нихъ однихъ можно простить ему всѣ его безумства. Я не за это ссылалъ его, а за многое другое, предшествовавшее стихамъ. Вообще, въ то время, вся молодежь была возбуждена, дуэли могли быть каждый день, онѣ сдѣлались даже въ модѣ, чѣмъ-то вродѣ маніи. Я ненавижу дуэль, это варварство, на мой взглядъ, въ ней нѣтъ ничего рыцарскаго. Герцогъ Веллингтонъ уничтожилъ ее въ англійской арміи и хорошо сдѣлалъ!»

Великій князь Михаилъ провелъ у меня вечеръ, и мы говорили о Лермонтовѣ. Если-бы онъ зналъ, что Лермонтовъ былъ такъ противъ Мартынова! Онъ сказалъ: «будь я увѣренъ, что его убьютъ, я послалъ-бы его въ экспедицію». Но все это не воскреситъ Лерму, и я сказала великому князю, что лучше-бы послѣдовать примѣру герцога Веллингтона *), выставивъ дуэль смѣшною и уничтоживъ этотъ предразсудокъ. Онъ отвѣтилъ: «У насъ это невозможно, онъ въ обычаяхъ». Онъ жалѣетъ Лермонтова, хотя послѣдній и оскорблялъ всѣ военныя идеи великаго князя.

Онъ ему былъ симпатиченъ, и онъ даже сказалъ мнѣ, что предлагалъ Лермонтову оставить военную службу. «Представьте себѣ, что онъ мнѣ отвѣтилъ: я люблю эту службу и предпочитаю ее всякой другой! Это былъ безпокойный, подвижной и въ высшей степени странный характеръ! Это—не Пушкинъ. Жить одному въ деревнѣ, впродолженіи двухъ лѣтъ, и выйти оттуда, полнымъ жизни, генія, вполнѣ созрѣвшимъ—развѣ Лермонтовъ способенъ былъ на это, да онъ-бы умеръ. Пушкинъ находилъ все въ себѣ, онъ былъ геніаленъ; Лермонтовъ не могъ

---

*) Герцогъ Веллингтонъ строго преслѣдовалъ дуэль. Онъ понялъ, что если дуэль исчезнетъ въ арміи, то и статскіе перестанутъ драться. Одно время было такъ, что исходъ всѣхъ дуэлей былъ смертельный. Отправлялись драться въ Кале, въ Булонь. Англичане продолжали еще нѣсколько лѣтъ дуэлировать на континентѣ, но герцогъ разжаловалъ полковника, убившаго на дуэли другого полковника. Капитаны, майоры, поручики,—всѣхъ онъ безпощадно разжаловалъ. Но разжалованіе полковника показало всю серьезность преслѣдованія и, съ этого дня, англійскіе офицеры не обнажали шпаги изъ-за каждаго *да* или *нѣтъ*. Герцогъ объявилъ, что *жизнь военнаго послѣднему не принадлежитъ*, что она—принадлежность страны. То-же было по отношенію къ морякамъ. Понемногу дуэль исчезла изъ англійскихъ нравовъ. Въ мемуарахъ XVIII и первыхъ годовъ XIX столѣтій—дуэли безчисленны такъ же, какъ и въ XVII столѣтіи—знаменитая эра ударовъ шпаги. Политическія дуэли были въ Англіи всегда очень серьезны. *О. Н. С.*

жить собственнымъ внутреннимъ содержаніемъ, собственною глубиною». Это все вполнѣ вѣрно. Великій князь хорошо ихъ обоихъ изучилъ, болѣе чѣмъ я предполагала. Дѣйствительно, Лермонтовъ не могъ-бы жить собою. Я передала этотъ разговоръ Вяземскому и Віельгорскому. Они были поражены, услышавъ, что великій князь такъ вѣрно охарактеризовалъ обоихъ поэтовъ.

Онъ не слыветъ за любителя литературы, не строитъ изъ себя знатока, но, какъ и Государь, обладаетъ однимъ свойствомъ: судитъ всегда самъ, по собственному здравому смыслу. Онъ тоже очень справедливъ, и болѣе снисходителенъ, чѣмъ думаютъ. Строгій, сухой по внѣшности, онъ въ глубинѣ прощаетъ всякія безумства, а одинъ Богъ знаетъ, что выдѣлываютъ въ полкахъ; онъ не прощаетъ только выходки циничныя, совершенныя безъ увлеченія, хладнокровно.

Вчера вечеромъ съ обычнымъ жаромъ разбирали этотъ вопросъ у Карамзиныхъ. Молодые люди, конечно, были всѣ за дуэль, за дѣло чести, и очень волновались. Софи Карамзина сказала свое мнѣніе: Я допускаю дуэль въ защиту другого, въ защиту матери, женщины, сестры, дочери. Тѣмъ хуже для насъ, если мы еще такіе варвары, такъ мало христіане, что наши отцы, мужья, братья, сыновья должны защищать насъ, съ пистолетомъ въ рукахъ! Но никто не имѣетъ права убивать ближняго, ради своего оправданія или мстя за клевету, оскорбленіе, обиду». Молодежь возмутилась и объявила, что это устарѣлые взгляды: «Дуэль еще болѣе устарѣла», отвѣтила Софи Карамзина, «она ведетъ свое начало съ среднихъ вѣковъ».

Это совершенно справедливо. Въ былое время вѣрили въ судъ Божій, защищали «en champ clos» угнетенную невинность, дуэль носила поэтому юридическій и даже quasi-религіозный характеръ. Теперь она не имѣетъ больше этой окраски. Прежде всего, теперь не вѣрятъ въ угнетенную невинность, а кто-же вѣритъ теперь въ судъ Божій? Я это все высказала, но, кажется, мы только вдвоемъ съ Софи Карамзиной и были этого мнѣнія.

Лордъ Clanricarde говорилъ, что герцогъ Веллингтонъ уничтожилъ дуэль, доказавъ всю ея смѣшную пустоту, тщеславіе, и что въ англійской арміи и флотѣ она болѣе не существуетъ. Онъ былъ безпощаденъ, исключалъ изъ службы всѣхъ дравшихся и пользовался для этого всѣмъ своимъ громаднымъ вліяніемъ. Я вспомнила посѣщеніе Веллингтона въ Царскомъ и то вниманіе, которое оказалъ ему Государь. У него была красивая фигура, громадный носъ и, несмотря на общую сухость, что-то чистое и наивное въ глазахъ.

Получены подробности дуэли. Они дрались въ горахъ, на особой узкой площадкѣ, среди утесовъ, и на близкомъ разстояніи. Лермонтовъ

былъ убитъ на поваль, онъ даже не издалъ звука. Секунданты и Мартыновъ уѣхали, оставивъ одного секунданта при тѣлѣ. Дѣло было къ вечеру, разразилась гроза и бѣдный секундантъ оставался нѣсколько часовъ одинъ на одинъ съ мертвецомъ, изрѣдка освѣщаемымъ молніей. Раскаты грома были ужасны, благодаря отголоскамъ среди горъ. Поднялась сильная буря, дождь лилъ потоками. Перенести тѣло было очень затруднительно, особенно ввиду спуска съ горы. Только послѣ двухъ часовъ утра прибыли въ Пятигорскъ.

Письмо читали у Карамзиныхъ, и въ деталяхъ его много трагичнаго вполнѣ соотвѣтствующаго Лермонтову, всей его странной натурѣ, полной противорѣчій,—соединенію чудныхъ вещей съ иногда просто антипатичными проявленіями. Но онъ сильно все-таки созрѣлъ, бѣдный Лерма! Софи Карамзина плакала, слушая письмо и вдругъ вскрикнула: «Если бы онъ былъ живъ, какую чудную поэму онъ создалъ бы изъ этой ночи среди горъ, въ грозу, у тѣла мертваго друга». Додо Ростопчина отвѣтила ей: «Да, конечно, это сюжетъ для поэмы, но нужно быть Лермонтовымъ, чтобы что-нибудь изъ него создать».

[Послѣ 1837 года есть замѣтки о Гоголѣ, послѣ парижскихъ замѣтокъ, гдѣ говорится о смерти Пушкина, о которой я уже упоминала]. Итакъ: «Вотъ уже годъ какъ умеръ Пушкинъ. Мы заказали по немъ панихиду. Николай и я—мы были очень тронуты, потому что Гоголь написалъ намъ обоимъ 29-го января».

Николай написалъ Гоголю, чтобы сообщить ему о Крыловѣ, который теперь поправляется послѣ болѣзни. Онъ даже у насъ обѣдалъ и спрашивалъ о «маленькомъ Хохлѣ». Онъ былъ въ театрѣ, чтобы еще разъ посмотрѣть Ревизора, и Николай написалъ объ этомъ Гоголю.

Наконецъ, я получила письмо отъ Гоголя; оно успокоитъ Жуковскаго и Плетнева. Онъ пишетъ, что путешествовалъ, болѣлъ лихорадкою, но теперь поправился. Онъ много работаетъ и читаетъ. Онъ благосклоненъ только ко мнѣ, ибо Жуковскій писалъ мнѣ, что Гоголь его забылъ, а Плетневъ уже цѣлую вѣчность не имѣлъ отъ него ни строчки.

Гоголь очень интересуется, какое впечатлѣніе произвела на меня Москва, и въ особенности деревня, потому что, въ смыслѣ деревенскаго, я видѣла въ Великороссіи только Царское Село, Петергофъ, Павловскъ и Гатчину.

Получила отвѣтъ отъ Гоголя; онъ доволенъ, что мнѣ нравится жизнь въ деревнѣ и что Спасское *) произвело на меня хорошее впечатлѣніе. Онъ говоритъ, что русскіе не должны быть абсентеистами и должны больше жить въ деревнѣ. Въ этомъ отношеніи англичане подаютъ хорошій примѣръ—абсентеизмъ помѣщиковъ погубилъ Ирландію.

Онъ доволенъ, что Николай охотился на волковъ, которые наносятъ такой вредъ. Онъ говоритъ, что русскіе мало знаютъ настоящую Россію. Это правда, но зима среди снѣговъ—слишкомъ плачевна, и я, по природѣ и климату, предпочла, чтобы Спасское находилось въ Малороссіи. Конечно, это тронуло бы Гоголя. Во всякомъ случаѣ, Московская губернія не похожа на мѣстность по берегу Финскаго залива и Невы. Онъ не особенно поразился, когда я написала ему, что Москва показалась мнѣ безтолковымъ городомъ. Это — большая деревня; конечно, Кремль красивъ, еще болѣе любопытенъ; видъ чудный, живописный, но городъ, самъ по себѣ, неудобенъ вслѣдствіе большихъ разстояній, и я вполнѣ понимаю, что общественная жизнь не можетъ быть тамъ развита; каждая поѣздка—цѣлое путешествіе, по невозможной мостовой. Николай, родившійся въ Москвѣ и имѣющій даже тамъ домъ, не хотѣлъ бы въ ней жить; правда, онъ покинулъ Москву совсѣмъ молодымъ. Вообще, я предпочитаю деревню. Въ Москвѣ—какая-то пустота, несмотря на то, что Кремль и городъ **) полны оживленія, но все показалось мнѣ «incohérent», — вотъ слово. На обратномъ пути, я осмотрѣла церкви. Пріѣхалъ Хомяковъ и сдѣлалъ со мною историческій обходъ. Тетка моя свела меня къ Троицѣ, и я познакомилась съ о. Антоніемъ, грузиномъ по рожденію ***).

Это должно быть въ 1841—1842 гг.

Гоголь писалъ мнѣ, что много работаетъ, и надѣется, что Чичиковъ, его главный герой, будетъ имѣть счастье мнѣ понравиться. Онъ думаетъ также, что мнѣ понравятся провинціальныя дамы, и что онѣ будутъ дѣйствительно очаровательны. Одна—дама просто пріятная, другая—пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, гораздо элегантнѣе, чѣмъ жена и дочь городничаго, это будетъ high life губернскаго города. Будетъ балъ у гу-

*) Имѣніе моего отца, въ Московской губерніи, на берегу р. Москвы. Гоголь былъ у насъ тамъ въ послѣднее лѣто передъ смертью. *О. Н. С.*

**) Это мнѣніе было кажется причиною недовѣрія славянофиловъ къ моей матери, до полнаго знакомства послѣ 1845 года. Эта замѣтка очевидно 1838 года, когда моя мать отправилась въ деревню. Однажды она очень хвалила Ревель, оставившій въ ней лучшія воспоминанія, и высказывала желаніе имѣть тамъ виллу. С. Аксаковъ глубоко возмутился: „Ревель—нѣмецкій городъ". Мать сказала: „Скорѣе финляндскій. Наконецъ, точно не все равно, разъ мнѣ нравится. Въ Катериненталѣ такіе чудные деревья и потомъ море варяговъ". Онъ пожалъ плечами.

***) Отецъ Антоній былъ настоятель троицко-сергіевской лавры.

бернатора, на которомъ Чичиковъ побѣдитъ все общество. Я съ нетерпѣніемъ жду прочесть эту Одиссею.

Онъ пишетъ, что каждый день думаетъ о Пушкинѣ, что. Богъ знаетъ, что далъ бы, чтобы имѣть радость прочесть ему свой романъ, услышать его мнѣніе, которымъ онъ такъ дорожилъ и которое ставилъ выше всего.

Онъ пишетъ мнѣ о Римѣ, о соборѣ Св. Петра, о Коллизеѣ, Ватиканѣ. Онъ иногда отправляется въ виллу Волконскаго, откуда видна Кампанія и акведуки, и говоритъ: «Есть моменты, когда въ Римѣ все чудно прекрасно: воздухъ, освѣщеніе, памятники, развалины,—когда чувствуешь себя среди грандіозно-трогательныхъ воспоминаній, одновременно грозныхъ, трагичныхъ и сверхъестественныхъ. Это городъ городовъ, это вѣчный городъ, предопредѣленный, и, если въ немъ остаются надолго, то любятъ, привязываются къ нему, какъ къ живому существу» *).

Онъ говоритъ объ Ивановѣ, находящемся въ очень затруднительномъ положеніи.—я скажу объ этомъ Государю.

[Нѣсколько дней спустя мать пишетъ]: «Уваровъ былъ на вечерѣ у Императрицы. Я говорила ему объ Ивановѣ, и онъ совѣтовалъ мнѣ замолвить словечко у Государя, что я и сдѣлала, когда онъ пришелъ къ чаю; Его Величество обѣщалъ мнѣ послать ему пособіе.

Онъ меня спросилъ: «отъ кого вы это узнали?» Я отвѣтила, что мнѣ объ этомъ писалъ Гоголь. «А онъ какъ, нуждается въ деньгахъ?» «Да, онъ тоже стѣсненъ, но Ваше Величество уже дали ему пособіе нѣсколько времени тому назадъ». Государь улыбнулся: «Онъ навѣрно уже все истратилъ. Я велю вамъ выдать изъ моей шкатулки извѣстную сумму и для него, но съ условіемъ, что это останется между нами, вы меня не назовете». Я была въ восторгѣ, а Его Величество обратился къ Уварову: «Художнику Иванову нужны деньги, чтобы платить моделямъ, не забудьте, пожалуйста, позаботиться объ этомъ».

[Далѣе, моя мать пишетъ о своемъ новомъ домѣ, въ который она переѣхала въ 1840 году. Изъ этого я заключила, что эта замѣтка также относится къ тому времени. Между 1837 и 1845 г. много крайне сжатыхъ замѣтокъ о Гоголѣ, Жуковскомъ, Языковѣ, Вяземскомъ]:

«Письмо отъ Гоголя, плохое здоровье, ипохондрія. Языковъ очень боленъ, уѣзжаетъ за границу».

---

*) Не безъинтересно замѣтить странность того факта, что Гоголь, создавая „Мертвыя души", могъ одновременно такъ глубоко чувствовать красоты Рима. Это два совершенно различныя состоянія души и ума, и, очевидно, это поразило мою мать, такъ какъ она приводитъ эти слова въ своихъ замѣткахъ. *О. Н. С.*

«У Вяземскаго катарактъ, но внутреннее его состояніе серьезнѣе; онъ никакъ не можетъ утѣшиться послѣ смерти дочери.

«Мари Вяземская выходитъ замужъ. Большое волненіе для Асмодея. Это единственная, которая у нихъ осталась.

«Павелъ, находящійся при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, получаетъ назначеніе заграницу, что сильно огорчаетъ моего милаго Асмодея».

«Гоголь пишетъ мнѣ, что оканчиваетъ «Мертвыя души» и возвращается in cara patria, въ Москву, чтобы ихъ печатать. У него былъ Панаевъ и какой-то молодой Анненковъ, которому онъ диктовалъ нѣсколько главъ; одно время они даже у него жили въ Римѣ».

«Ивановъ нарисовалъ еще голову Іоанна и Гоголь пишетъ, что эта голова—самая лучшая. Іорданъ работаетъ надъ гравюрою Преображенія. Пименовъ *)—въ Римѣ. Его статуя много обѣщаетъ, но вѣдь русскіе не поощряютъ своихъ артистовъ. Мужъ разсказывалъ мнѣ, что Щедринъ **) умиралъ съ голоду въ Неаполѣ, когда онъ купилъ у него три картины, а это былъ безусловно большой талантъ.

«Гоголь пишетъ, что проводитъ цѣлые дни въ галереяхъ съ Овербекомъ ***), который научилъ его понимать Рафаэля. Ивановъ предпочитаетъ Микель-Анджело».

---

*) Этотъ скульпторъ сдѣлалъ статую, находящуюся передъ подъѣздомъ Александровскаго дворца, въ Царскомъ,— Горгонъ, мечущій дискъ. У него былъ талантъ.

**) Щедринъ, умершій очень молодымъ, былъ хорошій пейзажистъ.

***) Overbeck—знаменитый мюнхенскій художникъ, жившій постоянно въ Римѣ.

Въ старомъ саду.

Изъ аллей несутся звуки.
Звуки сладкихъ серенадъ,
И заслушавшися дремлетъ
И киваетъ старый садъ.

Слышенъ шелестъ легкихъ платьевъ,
Звонъ доспѣховъ, звукъ рѣчей,
И мигаетъ сквозь аллеи
Пламя красныхъ фонарей...

Дамы бѣлыя, какъ феи,
Строй изнѣженныхъ пажей...
И береты, и ливреи—
Тонутъ въ сумракѣ аллей...

Греза-ль душу мнѣ плѣнила,
Или грежу на яву,—
Я не знаю... только страстно
Я мечтаю и живу...

Глубже... глубже въ мракъ роскошный,
Очарованный—иду,
Слышу звуки серенады...
И еще услышать жду!..

К. Фофановъ.

Тяжелые сны.

Романъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I.

Въ городѣ продолжали носиться странные и тревожные слухи, расползаясь все дальше и все болѣе волнуя горожанъ. Къ тому-же дошла до нашего города холера, и кое-кто отъ нея уже умеръ. Къ толкамъ о причинахъ холеры сама собою приплелась басня о воздушныхъ шарахъ. Говорили, что на шарахъ невѣдомые люди летаютъ, сыплютъ сверху въ рѣки и колодцы какое-то зелье, и отъ того холера. А потомъ сообразили, что тѣ шары прилетѣли изъ Англіи: англичане народъ морить вздумали, потомъ воевать придутъ,—англичане будто-бы и врачей здѣшнихъ подкупили. Около холерныхъ бараковъ стали похаживать небольшія артели мѣщанъ, злобно посматривая на фельдшеровъ.

Юшка Баглаевъ, какъ городской голова, вздумалъ показать свою распорядительность и велѣлъ окрасить нѣсколько фуръ въ черный цвѣтъ: на этихъ фурахъ думалъ онъ перевозить въ бараки холерныхъ больныхъ. Когда фуры были готовы и Юшка осматривалъ ихъ, онъ внезапно вдохновился и велѣлъ намазать на нихъ по краямъ бѣлыя полосы. Эти странные экипажи показались на улицахъ и привели горожанъ въ уныніе.

Однажды ночью нѣсколько шалуновъ изъ мѣщанскихъ семей забрались въ огородъ Мотовилова, къ его парникамъ. Было темно и тихо. Шалуны тихонько пересмѣивались. Вдругъ одинъ изъ нихъ отчаянно взвизгнулъ. Остальные мигомъ были на заборѣ.

Самъ Мотовиловъ, заслыша шорохъ въ своемъ огородѣ. незамѣтно подкрался къ одному изъ незванныхъ посѣтителей и ухватилъ его за волосы. Мальчишка отчаянно барахтался, а Мотовиловъ тащилъ его къ дому и громкимъ крикомъ сзывалъ прислугу.

— Эге! да я тебя, негодяй, знаю!—заговорилъ Мотовиловъ, вглядѣвшись въ мальчишку.—Ахъ ты, скотина, а еще въ училищѣ былъ.

Это былъ Иванъ Кувалдинъ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати. Былъ онъ родомъ изъ одной ближней деревни, но жилъ въ городѣ, въ обученіи у сапожника. Раньше онъ учился въ городскомъ училищѣ, но тамъ не кончилъ. Сегодня шалуны поставили Ваньку на стражу, а сами занялись дѣломъ. Мальчишка зазѣвался какъ-то—и попался.

Слыша голоса людей, бѣгущихъ изъ дому на помощь барину, онъ сдѣлалъ внезапное усиліе, изловчился и укусилъ правую руку Мотовилова, прямо въ большой палецъ. Мотовиловъ вскрикнулъ и выпустилъ его,—Ванюшка въ одинъ мигъ уже былъ на заборѣ, а тамъ улепетывалъ за своими товарищами. Скоро онъ догналъ ихъ и похвалялся удачею.

Съ хохотомъ, крикомъ и визгомъ неслась по городу толпа мальчишекъ, дѣвчонокъ, подростковъ и дѣвушекъ. Растрепанные, босые, дикіе, мелькали они въ бѣлесоватой мглѣ чуть обозначившагося въ воздухѣ разсвѣта. Собаки подняли тревожный и громкій лай. Въ домахъ поспѣшно открывались окна. Встревоженные обыватели выбѣгали на улицу, вскочивъ прямо съ постелей, неодѣтые. Полиція всполошилась. Караульный, задремавшій было на вышкѣ пожарной каланчи, сдуру ударилъ въ набатъ. По всему городу пробѣжала тревога. Раздавались боязливые крики:

— Пожаръ!

— Шары пріѣхали! Холеру спущаютъ!

— Англичане мору въ колодецъ засыпали, да наши ребята поймали и колошматятъ.

На базарной площади было особенно людно и шумно,—туда подзывалъ набатъ, туда гнала и привычка. Пьяный мужчина стремительно перъ въ толпу и, отчаянно работая могучими кулаками и локтями, изступленно оралъ:

— Никто, какъ Богъ! Не выдавайте, православные!

А зачинщики безпорядка бѣгали по городу, кричали, ухали и наслаждались смятеньемъ.

Потомъ собралась толпа и у дома Логина. Близко къ дому не подходили, и криковъ здѣсь не было. Окна были не освѣщены,—Логинъ спалъ и не слышалъ суматохи. Въ толпѣ одни смѣнялись другими,—разошлись только подъ утро.

II.

Ко всѣмъ городскимъ толкамъ приплеталось имя Логина,—и сталъ онъ въ городѣ популярнымъ, самъ не зная о томъ. Каждый разъ, когда онъ выходилъ на улицу, встрѣчные осматривали его съ особеннымъ вниманіемъ. Иные останавливались и смотрѣли вслѣдъ за нимъ. Враждебны были эти взгляды...

А Логинъ не замѣчалъ ихъ,—онъ погруженъ былъ въ свои планы и мечты. Жажда личнаго счастія все чаще пробуждалась въ немъ. Образъ Нюты мелькалъ передъ нимъ, ея голосъ звучалъ въ его ушахъ.

Тоскливые глаза Логина и его малословность поражали иногда, но не пугали Леню. Мальчикъ присматривался къ нему и старался что-то сообразить, но старался пока напрасно.

Разъ какъ-то вечеромъ, когда Логинъ сидѣлъ за чайнымъ столомъ, явился къ нему Юшка Баглаевъ, по обыкновенію, подъ хмѣлькомъ и красный.

— Сперва дѣла, — объявилъ онъ, — завтра на маевку ѣдемъ. Согласенъ?

— Кто ѣдетъ, скажи сначала, лѣниво спросилъ Логинъ.

— Чудакъ!—вскликнулъ Юшка:—ужъ скучать не будешь,—вѣдь и я тамъ съ тобой буду.

— Ну, въ такомъ разѣ какъ не ѣхать!—усмѣхаясь, отвѣчалъ Логинъ.

— Ну, а коли такъ, давай водки.

— Вотъ я тебѣ чаю налилъ, сказалъ' Логинъ, указывая на дымившійся передъ Баглаевымъ стаканъ.

Но Юшка вытребовалъ себѣ водки. Ухвативъ рюмку дрожащими руками, онъ нечаянно стукнулъ ею о край стакана и пролилъ въ свой чай половину водки.

— Давай-ка, я тебѣ чай перемѣню,—сказалъ Логинъ и потянулся за Юшкинымъ стаканомъ.

Но Юшка замахалъ руками.

— Что ты, что ты!—закричалъ онъ:—добромъ добра не испортишь.

— Гдѣ это ты клюкнулъ сегодня, городская голова?

— Извѣстно гдѣ, — дома, за обѣдомъ, около стекла чисто обошелся,—а вотъ, пока къ тебѣ шелъ, вѣтромъ опахнуло, и опять чистъ, какъ стеклышко. Юшка Баглаевъ, замѣть себѣ, никогда не бываетъ пьянъ.

— Вѣрно!

— Я, братъ, къ тебѣ урвался потихоньку отъ жены,—зашепталъ Юшка:—ревнуетъ меня къ Валькѣ.

— Да Валентины нѣтъ сегодня въ городѣ.

— Да, поговори вотъ съ бабой.

— А ты, надо полагать, далъ поводъ къ ревности.

— Ну, ври больше...

Не успѣлъ Юшка опрокинуть еще и двухъ рюмокъ, какъ на улицѣ раздались звонкіе крики Люцины Антоновны, жены Баглаева:

— Я знаю, что онъ здѣсь, подлецъ этакой! Я ему кишки повытереблю!

Юшка вскочилъ и прижался къ стѣнѣ. Выпуклые глаза его выразили страхъ. Онъ прижималъ локти къ стѣнѣ, словно желая вдавиться въ нее.

— Вотъ влопался,—зашепталъ онъ, вращая красноватыми бѣлками.—Спрячь, спрячь меня подальше: всѣ закоулки обшаритъ.

Логинъ подошелъ къ окну. Люцина Антоновна, вертляво двигаясь всѣмъ своимъ тѣломъ, закричала ему:

— Какъ вамъ не стыдно, господинъ Логинъ! Гдѣ вы спрятали моего мужа? Но не безпокойтесь, я знаю, гдѣ онъ и съ кѣмъ онъ.

Смуглоэ лицо Баглаевой нервно подергивалось тысячью гнѣвныхъ гримасъ. Съ нею пришли Бинштокъ, слюняво и опасливо хихикающій въ сторонкѣ, и Евлалія Павловна, увядающая дѣвица съ веселыми улыбками и хмурыми глазами.

— Полноте, Люцина Антоновна,—принялся уговаривать Логинъ:—вашъ мужъ у меня въ безопасности, ужъ я его въ обиду не дамъ.

— А, вы еще смѣетесь!—пуще загорячилась Баглаева:—да что-жъ это такое! Что вы у себя публичный домъ, что-ли, устроили?

— Да вы войдите, посмотрите сами, Люцина Антоновна.

— Вы мнѣ мужа моего подайте, а къ вамъ я не пойду.

— Ну, Юшка,—сказалъ Логинъ, отходя отъ окна,—убирайся, не продолжай скандала.

Юшка, видя, что Логинъ намѣренъ выдать его, мгновенно разсвирѣпѣлъ и забормоталъ, наступая на Логина:

— Что? Гнать меня? За это я даю по мордасамъ.

Логинъ засмѣялся.

— Ну, иди, иди, нечего хорохориться.

Юшка такъ-же быстро остылъ. Логинъ нахлобучилъ на него шляпу. взялъ его подъ локоть и вывелъ на улицу.

— Вотъ вашъ супругъ,—сказалъ онъ Баглаевой,—и клянусь вамъ, никого, кромѣ Свѣтланы, съ нами не было.

— Знаю я васъ,—ворчливо отвѣчала Люцина Антоновна.—Вамъ, мужчинамъ, повѣрить, такъ будешь плакать кровавыми слезами. На

ваше счастье я навѣрное знаю, что эта стрекоза Валька сегодня въ деревнѣ.

— Такъ зачѣмъ-же вы скандалили?—спросилъ Логинъ, досадливо хмуря брови.

— А зачѣмъ вы мнѣ его сразу не отдали? Ну, да Богъ съ вами. Не забудьте-же, завтра на маевку.

Юшка съ беззаботнымъ видомъ распрощался съ Логинымъ и прошепталъ ему, подмигивая на жену:

— Нервы! самъ знаешь!

— Вѣдь вотъ,—сказалъ Ленька, когда Логинъ вернулся,—во всемъ-то онъ жены боится, а чтобы онъ водки не пилъ, до этого она еще не дошла.

III.

Общество, собравшееся на маевку, расположилось на лужайкѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ большой дороги, въ лѣсу у ручья, за которымъ подымались мрачные холмы, заросшіе сосной да елью. Это было верстахъ въ шести отъ города. По другую сторону дороги, на травѣ, около тарантасовъ паслись отпряженныя лошади. Вокругъ костра, на которомъ варилось что-то, на коврахъ или прямо на травѣ сидѣли и лежали маевщики, разговаривая и смѣясь. Здѣсь были: Мотовиловы, Клавдія, Нюта, супруги Баглаевы съ веселой Евлаліей Павловной, Андозерскій, беззаботное лицо котораго лоснилось изъ-подъ широкополой соломенной шляпы, Бинштокъ и Гомзинъ, юный товарищъ прокурора Браннолюбскій, актеры Пожарскій, Гуторовичъ, Тарантина, Ивакина и Валя съ сестрой: невдалекѣ отсюда находилась та деревня, гдѣ учительствовала Валя, и барышни по пути взяли ее съ собой, а съ ней и сестру ея. Было еще нѣсколько дамъ, дѣвицъ и молодыхъ людей, было пятеро гимназистовъ: Свѣжуновъ и Мотовиловъ, которымъ шло по семнадцатому году и которые поэтому начинали культивировать свои усики, и мальчики лѣтъ по тринадцати, Вкусовъ, Коноплевъ и Кудиновъ. Вся эта компанія казалась Логину докучной,—ужъ очень много тутъ было лишнихъ людей.

Ивакина смотрѣла на Логина съ ужасомъ, но ее тянуло къ нему; она робко и страстно лепетала ему что-то наивное объ идеалахъ и о золотыхъ сердцахъ. Логинъ глядѣлъ на ея залитое чахоточнымъ румянцемъ лицо, на ея перепуганные глазки, и ему казалось почему-то, что она очень больна и бредитъ. Впрочемъ, онъ привѣтливо улыбался, разговаривая съ нею: Нюта сидѣла противъ него, и глаза ея были лучисты и бойки. Ивакина расхрабрилась и рѣшилась коснуться того, что ее сильно волновало все это время послѣ бесѣды съ Логинымъ.

— Позвольте васъ спросить,— начала она,— объ одномъ предметѣ, который въ послѣдніе дни чрезвычайно интересуетъ и даже волнуетъ меня.

— Сдѣлайте одолженіе,—сказалъ Логинъ хмурясь.

Сѣрые глаза его стали суровы. Ивакина струсила,—ей показалось, что неудовольствіе Логина относится къ ней. А ему было на Нюту досадно,—теперь онъ испытывалъ это часто: она весело говорила съ Андозерскимъ, который дѣлалъ ей нѣжные глаза, и румяныя щеки котораго были противны Логину. Онъ не могъ понять, какъ умная и чуткая дѣвушка можетъ смотрѣть на этого пошлаго франта и фата безъ отвращенія и даже улыбаться ему.

«Сплетникъ, Нарцисъ», думалъ Логинъ, «дуракъ, да еще самодовольный! Пустъ, какъ бутылка съ красивымъ этикетомъ, но безъ вина!»

— Когда я имѣла честь быть у васъ въ послѣдній разъ,— волнуясь говорила Ивакина,—вы изволили упоминать объ аэростатахъ.

— Объ аэростатахъ?—съ удивленіемъ переспросилъ Логинъ.

«Конечно», думалъ онъ,—«нельзя-же ей быть прямо невѣжливой,— но зачѣмъ такая ясная довѣрчивость въ глазахъ, безразлично обращенная на всѣхъ? Зачѣмъ эта солнечная улыбка на этого нетопыря»?

— Да, вотъ видите, я тогда не совсѣмъ поняла,—лепетала Ивакина.—То-есть, я поняла, но я хотѣла бы знать о времени.

— Извините, я что-то не помню, — сказалъ Логинъ, добродушно улыбаясь.

«Ого, думалъ онъ, какими жестокими могутъ быть иногда Нютины глазки! Бѣдный ухаживатель, кажется, наткнулся на хорошенькую маленькую шпильку и дѣлаетъ жалкое лицо. По-дѣломъ ему! Но мнѣ непростительно думать, что Нюта не видитъ насквозь этого моего друга!»

Логинъ снялъ свою мягкую шляпу и махалъ ею передъ лицомъ. Отъ движенія воздуха тонкая прядь свѣтло-русыхъ волосъ надъ его высокимъ лбомъ заколебалась, какъ пучокъ увядающей травы.

— Вы говорили, что скоро послѣдуетъ прибытіе воздушныхъ шаровъ; но не можете-ли вы опредѣлить болѣе точно, когда именно это произойдетъ? — спрашивала Ивакина.

Испуганные глазки Ивакиной уставились на Логина съ томительнымъ ожиданіемъ. Логинъ засмѣялся.

— Извините, я, право, не помню и не понимаю: какіе шары, куда прилетятъ?

— Позвольте, — зашептала Ивакина, — я понимаю, что это составляетъ секретъ, но я, увѣряю васъ, не выдамъ... я оправдаю ваше довѣріе, тѣмъ болѣе, что вы ужъ говорили мнѣ.

Логинъ вспомнилъ и улыбнулся.

— Ну, это я неясно выразился тогда. Я просто хотѣлъ сказать, что еще теперь не всѣмъ доступны ускоренные способы сообщенія, телеграфъ, напримѣръ, — желѣзныхъ дорогъ мало, воздушные шары не усовершенствованы. А если-бы житель каждой глухой деревушки могъ легко сноситься съ кѣмъ угодно, жизнь измѣнилась-бы. Взять хоть желѣзныя дороги: уже и онѣ сильно измѣняютъ бытъ.

На лицѣ Ивакиной отразилось сначала разочарованіе, потомъ недовѣрчивость.

— Нѣтъ, я вижу, вы не хотите оказать мнѣ довѣрія,—обиженно сказала она.— Но это совершенно напрасно. Конечно, я не принадлежу къ революціонной партіи, но я глубоко презираю тѣ злоупотребленія, которыя держатъ нашъ бѣдный, заброшенный край въ глубокихъ объятіяхъ мрака невѣжества и суевѣрій. И если ожидаются какіе-нибудь неожиданные акты, которые двинутъ впередъ дѣло цивилизаціи и прогресса, то я, какъ всякій искренній другъ народа и просвѣщенной культуры, буду искренно радоваться.

«Вотъ дура какая досадная! подумалъ Логинъ. Ей хочется, чтобъ я преподнесъ ей какую-нибудь съ ногъ сшибательную нелѣпость. Ну чтожъ, изволь!»

И онъ сказалъ ей шопотомъ:

— Черезъ двѣ недѣли въ четвергъ.

Ивакина затрепетала.

— Какъ? Но что именно?

— Произойдетъ рѣшительное: прилетятъ воздушные шары секретной конструкціи и привезутъ конституцію изъ Гамбурга.

— Изъ Гамбурга! — въ благоговѣйномъ ужасѣ шептала Ивакина.

Но Логинъ уже отошелъ отъ нея. Глаза его глядѣли устало и слегка насмѣшливо.

IV.

Общество сидѣло за завтракомъ.

Мотовиловъ ораторствовалъ о чемъ-то длинно, внушительно и кругло. Иные слушали съ видомъ почтительности, другіе вполголоса разговаривали о своемъ. Андозерскій занималъ Нету и украдкой кидалъ на Нюту пронзительные взгляды.

— Вы говорили съ Ивакиной? — тихо спросила Клавдія.

— Да, — сказалъ Логинъ.

— Нашли съ кѣмъ проводить время!

Логинъ засмѣялся.

— Вы не любите ея?

— О нѣтъ, я только дивлюсь на нее. Быть такой... мертвой, говорить о прописяхъ, букваряхъ, и вклеивать въ эти разговоры мертвыя тирады объ идеалахъ,—какъ глупо! Да и идеалы-то все установленнаго образца.

— Она любитъ говорить,—сказала Нюта,—о томъ, чего не понимаетъ, — о своемъ дѣлѣ.

Браннолюбскій хлопалъ подъ шумокъ рюмку за рюмкой и быстро пьянѣлъ.

— Не согласенъ, — вдругъ заявилъ онъ. — Къ чорту идеалы!

Но тотчасъ же ослабѣлъ и легъ. Бинштокъ и Гомзинъ куда-то прибрали его, и онъ больше не являлся.

Евлалія Павловна притворялась, что ей весело, но была въ жестокой досадѣ и безжалостно издѣвалась надъ Гомзинымъ. Бинштокъ не подходилъ къ ней и посматривалъ на нее издали злорадно. Баглаевъ сидѣлъ рядомъ съ женой и имѣлъ пристыженный видъ. Нета разрумянилась, и лицо у нея было счастливое.

Пришли гимназисты, и съ хохотомъ стали разсказывать что-то Андозерскому. Андозерскій захохоталъ.

— Вотъ такъ дѣти! — крикнулъ онъ.

Всѣ повернулись къ нему.

— Вотъ наши молодые люди интересное зрѣлище видѣли.

— Представьте,—заговорилъ Петя Мотовиловъ, показывая гнилые зубки и брызжа слюной, — мальчишки изображаютъ волостной судъ: тамъ одинъ изъ нихъ пьяница, его приговорили къ розгамъ. И все это у нихъ съ натуры, и тутъ-же приговоръ исполняютъ. А дѣвчонки тоже стоятъ и любуются.

Барышни краснѣли, кавалеры хохотали.

— Какіе грубые русскіе мужики! — сказала Баглаева.

— Ну, и что-жъ дальше? — спросилъ Бинштокъ.

— Да мы ушли: очень ужъ подробно они представляютъ, даже противно.

V.

Гуторовичъ упрашивалъ Гомзина:

— Будь другъ, сыграй у насъ Отелло.

Гомзинъ сердился и ворчалъ:

— Ну, еще что выдумалъ! Что я тебѣ за паяцъ!

— Ей Богу! Чего тебѣ стоитъ? Ты только зубами стукнешь, такъ всѣ дамы въ обморокъ попадаютъ.

— Прошу прекратить эти глупыя шутки!

Гомзинъ въ негодованіи отошелъ отъ Гуторовича. Молодые люди хохотали.

Логинъ и Пожарскій стояли въ сторонѣ. Логинъ спросилъ:

— Ну что, скоро на вашей свадьбѣ запируемъ?

— Какая тамъ свадьба! — уныло сказалъ Пожарскій.

— Что такъ?

— Сама дѣвица къ намъ почтительна, что и говорить, да вотъ гдѣ точка съ запятой: богатый, но неблагородный родитель и слышать о насъ не хочетъ, — козырь есть на примѣтѣ.

— Плохо! Но все-жъ вы попытайтесь.

— Чего пытаться-то? Формальное предложеніе сегодня дѣлалъ, — носъ натянули. А вы, почтеннѣйшій синьоръ, ужъ за престарѣлой ingenue пріударили, за Ивакиной. Но это сушь! Вы бы лучше Валечку, наперсницу барышень тронули, — веселенькая дѣвочка!

— Занята ужъ она, мой другъ.

— Фальстафъ?

— О, нѣтъ: это — ложная тревога Люцины: женихъ есть.

— Елена прекрасная, значитъ, даромъ волнуется?

— Совершенно напрасно.

VI.

Бинштокъ обратился къ Мотовилову съ заискивающей улыбкой:

— Алексѣй Степанычъ, вотъ Константинъ Степанычъ желаетъ прочесть вамъ стихи.

— Стихи? Я не охотникъ: стихами преимущественно глупости пишутъ.

— Но это,—сказалъ авторъ, Оглоблинъ,—совсѣмъ не такіе стихи. Я взялъ смѣлость написать ихъ въ вашу честь.

— Пожалуй, послушаемъ, — благосклонно согласился Мотовиловъ.

Логинъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на неожиданнаго автора стиховъ въ честь Мотовилова: его раньше не было на маевкѣ, и какъ онъ сюда попалъ, Логинъ не замѣтилъ.

Оглоблинъ сталъ въ позу, заложилъ руку за бортъ пальто и, дѣлая другою рукою нелѣпые жесты, прочелъ на память:

Недавно гражданинъ честной,
Нашъ другъ и педагогъ искусный,
Былъ вдругъ постигнутъ клеветой
И возмутительной и гнусной.
И кто-же первый клеветникъ?
Его завистливый коллега!
Быть можетъ, цѣли-бы достигъ
Лукавый нравственный калѣка,—
Но вдругъ за правду поднялся
Бояринъ доблестно безстрашный,
И рѣчью гнѣвно-безшабашной
Скликать согражданъ принялся,

И имъ всеобщаго протеста
Проектъ разумный предложилъ
Противъ того, что дали мѣсто
Въ тюрьмѣ тому, кто честенъ былъ.
И говоритъ, не уставая,
Бояринъ мудрый за того,
Кто горько слезы лилъ, рыдая,
Когда схватили вдругъ его.—
И за невиннаго хлопочетъ,
И постоять за правду радъ.
И доказать начальству хочетъ,
Кто въ этомъ дѣлѣ виноватъ.
Хвала, бояринъ именитый!
Живи и здравствуй столько лѣтъ,
Чтобъ былъ ты въ старости маститой.
Не только дѣдъ, но и прадѣдъ!
А намъ тебѣ кричать пора:
Ура! ура! ура! ура!

Стихотвореніе, прочитанное съ чувствомъ и съ дрожью въ голосѣ, произвело впечатлѣніе: Мотовиловъ всталъ и горячо пожималъ руку Оглоблина. На лицѣ его лежалъ отпечатокъ величія души, услышанныя похвалы которой были какъ разъ въ пору. Онъ говорилъ:

— Очень вамъ благодаренъ за чувства, выраженныя по отношенію ко мнѣ. Но и вообще очень прочувствованные стихи. Такія мысли дѣлаютъ вамъ честь.

Оглоблинъ прижималъ руку къ сердцу, кланялся и бормоталъ что-то умиленное. Около него столпились, пожимали ему руку и хвалили его за хорошія чувства.

— Умнѣйшій человѣкъ! Бестія!—восклицалъ Баглаевъ

Были, впрочемъ, немногіе, на которыхъ чтеніе произвело иное впечатлѣніе. Логинъ слушалъ съ явной досадой и исподтишка наблюдалъ за Нютой. Клавдія тихонько засмѣялась при словахъ: «нравственный калѣка»; потомъ она слушала съ презрительно-скучающимъ видомъ. Нюта слегка хмурила брови и неопредѣленно улыбалась; слово «прадѣдъ» разсмѣшило ее своимъ удареніемъ, и она весело и долго смѣялась. Нета, сидѣвшая рядомъ съ ними, чувствовала себя неловко: стихи ей нравились, но презрительный видъ Клавдіи и смѣхъ Нюты заставляли ее краснѣть мучительно, до слезъ. Клавдія спросила Валю:

— Что, Валя, понравились вамъ стихи?

— Отличные стишки, — съ убѣжденіемъ сказала Валя. — А вотъ теперь еще есть очень хорошій поэтъ, господинъ Фофановъ, совсѣмъ вродѣ Пушкина. Говорятъ, ему одно время запретили писать.

— За что-же?

— Ну вотъ, развѣ вы не слышали?

— Не слышала.

— Вотъ какъ! Да, а теперь, говорятъ, опять пишетъ. Тоже, говорятъ, очень хорошіе стишки.

VII.

Нюта стояла одна у ручья, задумчиво глядя на струящуюся воду. Логинъ подошелъ къ ней.

— И зачѣмъ вы здѣсь?—спросилъ онъ.

Нюта улыбнулась. Логинъ продолжалъ:

— Такое пошлое все это общество... Впрочемъ, Богъ съ ними, здѣсь хорошо, вотъ здѣсь, гдѣ нѣтъ ихъ, гдѣ мы одни.

Онъ осторожно заглянулъ въ ея рдѣющееся лицо. Глаза ея были грустны и ласковы. Руки ихъ сошлись въ нѣжномъ пожатіи, и ощущеніе радости пронизало ихъ обоихъ, какъ внезапная боль.

VIII.

Какой-то пьяный мужичекъ топтался на дорогѣ около повозокъ. Понемногу дѣлался онъ смѣлѣе, и все ближе подвигался къ веселящимся господамъ. У него было подбитое лицо, недоумѣвающіе глаза, тусклая постоянная улыбка на синеватыхъ и сухихъ губахъ, взлохмаченные волосы, плохая одежонка; отъ него пахло водкой, и онъ производилъ впечатлѣніе безвозвратно опустившагося пропойцы. Логинъ помнилъ, что встрѣчалъ его иногда на городскихъ улицахъ, около кабаковъ: было въ городѣ человѣкъ десять постоянно пьяныхъ безобразниковъ, которыхъ здѣсь называли почему-то золоторотцами. Всѣ они имѣли одинаково-несчастный видъ и съ одинаковымъ жалко-нахальнымъ видомъ выпрашивали подаяніе у прохожихъ.

Баглаевъ захихикалъ и сказалъ Логину тихонько:

— Скандальчикъ будетъ, чуетъ мое сердце, веселенькій скандальчикъ.

Логинъ вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Видишь,—объяснилъ Баглаевъ, — этого субъекта? ну, это, въ нѣкоторомъ родѣ, соперникъ нашего Алексѣя Степаныча.

Баглаевъ опять захихикалъ.

— Какъ это такъ?—спросилъ Логинъ.

— А это—Спирька, Ульянинъ мужъ, той, знаешь, что у Мотовилова живетъ, экономкой, понимаешь? Мотовиловъ Спирькѣ рога ставитъ, а Спирька съ горя пьянствуетъ.

Спирька въ это время былъ совсѣмъ близко и вдругъ заговорилъ:

— Ежели, къ примѣру, господинъ какую дѣвку изъ нашего сословія, то выходитъ на высидку, а тамъ, братъ, ау! пошлютъ лѣчиться

на теплыя воды. Ну, а ежели кто бабъ, такъ я та̀къ полагаю, что и за это по головкѣ не погладятъ.

— Ты, Спирька, опять пьянъ,—сказалъ Гомзинъ.

— Пьянъ? Вотъ еще! Важное дѣло! И господа пьютъ. Вотъ въ нашей школкѣ учитель пьетъ здорово, а гдѣ научился? Въ семинаріи, обучили въ лучшемъ видѣ, всѣмъ наукамъ, и пить, и, значитъ, за дѣвочками...

— Спиридонъ, уходи до грѣха,—строго сказалъ Мотовиловъ.

— Чего уходи! Куда я пойду? Ежели теперь моя жена... Ты мнѣ жену подай,—взревѣлъ вдругъ яростно Спирька,—а не то я, баринъ, и самъ управу найду. Есть и на васъ, чертей...

— Ну, ты, любезный,—крикнулъ Андозерскій,—держи языкъ за зубами.

— Чего мнѣ! Я тебя доѣду! Натко, какую моду выдумали!

Но тутъ Спирьку подхватили Мотовиловскіе кучера и извозчики, за которыми успѣлъ сбѣгать проворный Биштокъ. Спирька отбивался и кричалъ:

— Ты меня попомни, баринъ: я тебѣ удружу, я тебѣ подпущу краснаго пѣтуха.

Но скоро крики его затихли въ отдаленіи. Общество усиленно занялось развлеченіями. Всѣ дѣлали видъ, что никто ничего не замѣтилъ.

Тарантина затянула веселую пѣсенку, ей стали подтягивать. Нестройное, но громкое и веселое пѣніе разносилось по лѣсу, и звонкое эхо передразнивало его. Пьяный Баглаевъ подходилъ то къ одному, то къ другому и таинственно шепталъ на ухо:

— А вѣдь Спирьку-то Логинъ подуськалъ, никто, какъ онъ, ужъ это, братъ, вѣрно. Ужъ я знаю, мы съ нимъ пріятели.

— Ты врешь, Юшка,—сказалъ Биштокъ.

— А, ты не вѣрить? Мнѣ, головѣ? Эй, ребята,—заоралъ Баглаевъ,—нѣмца крестить, Быньку! Въ воду.

Подвыпившіе молодые люди съ хохотомъ окружили Биштока и потащили его къ ручью. Биштокъ кричалъ:

— Костюмчикъ испортите, вся новая тройка! Скандалъ!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

I.

Былъ царскій день. Къ концу обѣдни церковь наполнилась, какъ принято говорить, молящимися. Были всѣ, кого обыкновенно можно видѣть здѣсь въ такую пору.

Чиновники съ важнымъ положеніемъ въ городѣ пыжились впереди, въ мундирахъ и при орденахъ, составляя отдѣльную группу. Здѣсь были: предводитель дворянства Дубицкій, Мотовиловъ, директоры гимназіи и учительской семинаріи, городской голова, исправникъ, Андозерскій. Сбоку, у клироса, стояли ихъ дамы. И они, и онѣ, конечно, мало думали о молитвѣ: они крестились съ достоинствомъ, онѣ съ граціей, и въ промежуткѣ двухъ крестныхъ знаменій вполголоса сплетничали,—такъ было принято. Дальше стояла средняя публика: чиновники помоложе, красавцы изъ мѣщанскаго сословія. Еще дальше — публика послѣдняго разбора: мужики въ смазныхъ сапогахъ, бабы въ пестрыхъ платочкахъ. Сѣдой старикъ въ сермягѣ затесался промежъ средней публики и грузно клалъ земные поклоны, шепча мистическія слова съ невѣдомымъ смысломъ. Два канцеляриста, одинъ маленькій, сухонькій и тоненькій, какъ карандашъ, другой повыше и потолще, съ бѣло-розовымъ лицомъ вербнаго херувима, подталкивали другъ друга локтями, показывая глазами на старика, и фыркали, закрывая рты шапками. Барышни жеманились и часто опускались на колѣни, отъ усталости. Одна изъ нихъ молилась очень усердно: прижавъ ко лбу средній палецъ, она стояла нѣсколько мгновеній неподвижно на колѣняхъ, съ глазами устремленными изъ-подъ руки на образъ, потомъ кончала начатое знаменіе и прижималась лбомъ къ пыльному полу.

Впереди слѣва стояли рядами мальчишки, ученики городского училища, приведенные въ церковь Крикуновымъ. Они стояли, повидимому, смирно, но исподтишка щипали одинъ другого. Въ положенное время они крестились и дружно становились на колѣни. Дѣтскія лица были издали милы, и очень красивы были ихъ колѣнопреклоненные ряды, особенно для близорукихъ, не замѣчавшихъ ихъ шалостей. За ними стоялъ Крикуновъ. У него было молитвенно-сморщенное лицо; злые глазки напряженно смотрѣли на иконостасъ и на мальчишекъ, и маленькая головка благоговѣйно покачивалась. Новенькій мундиръ, сшитый недавно по случаю проѣзда высокопоставленной особы, стягивалъ его шею и очень мало шелъ къ его непредставительной фигуркѣ.

Мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, пришедшій съ родителями, молился усердно и дѣлалъ частые земные поклоны. Когда онъ подымался, видно было по его лицу, что онъ очень доволенъ своею набожностью.

Пѣвчіе, изъ учениковъ семинаріи и начальной школы, были хороши. Они стояли на хорахъ и пѣли тамъ, какъ ангелы. Регентъ имѣлъ красное лицо, свирѣпую наружность и увѣсистый кулакъ. Зазѣвавшіеся дисканты и сплутовавшіе альты испытывали неоднократно на своихъ затылкахъ силу регентовой длани. Поэтому они шалили только тогда, когда регентъ отворачивался. Публика не видѣла ихъ, слушала ихъ

ангельское пѣніе и не знала, что уши пѣвцовъ, изображавшихъ тайно херувимовъ, находятся въ постоянной опасности.

День выдался жаркій и сухой, и въ соборѣ становилось душно. Когда начался молебенъ, стало тѣснѣе и душнѣе. Логинъ стоялъ въ толпѣ; мысли его уносились, и звуки церковнаго пѣнія только изрѣдка пробуждали его. Но подъ конецъ стало ему скверно; потныя лица окружающихъ вѣяли на него истомой. Подумалъ было онъ выйти; но замѣтилъ, что толпа густа, и рѣшился перетерпѣть.

Молебенъ кончился. Особы и дамы ихъ прикладывались къ кресту; они и онѣ старались не дать первенства тому, кто по положенію своему не имѣлъ на то права.

Къ Логину подошелъ Андозерскій въ красиво-шитомъ мундирѣ.

— Что, братъ, жарища? — спросилъ онъ. — А какъ ты находишь мой мундиръ, а? хорошъ?

— Что-жъ, недуренъ.

— Шитье, дружище, замѣть: мундиръ пятаго класса, почти генеральскій! Это не то, что какого-нибудь восьмого класса, бѣдненькое шитьецо. А ты что не въ мундирѣ?

— Ну, что-жъ, — съ улыбкой отвѣчалъ Логинъ, — мой мундиръ восьмого класса, — что въ немъ? бѣдненькое шитьецо!

— Да, братъ, я многонько обскакалъ тебя по службѣ. Что-жъ ты не тянешься?

— Куда мнѣ тянуться?

— Да хоть въ инспектора куда-нибудь.

— Это для мундира-то?

— Ну, для мундира! Вообще, мало-ли. Ну, да ты, дружище, и такъ по-барски устраиваешься.

— Это какъ-же?

— Да какъ-же: свой казачекъ, обзавелся, вродѣ какъ-бы крѣпостного.

— А ну тебя, — прервалъ Логинъ и отвернулся отъ него.

Андозерскій злобно усмѣхнулся.

«Не нравится, видно!» язвительно подумалъ онъ.

Слова о казачкѣ онъ слышалъ отъ Мотовилова, счелъ ихъ чрезвычайно остроумными и повторялъ всякому, кого ни встрѣчалъ, повторялъ даже самому Мотовилову.

II.

Дома Логинъ нашелъ приглашеніе на обѣдъ къ Мотовилову: были именины Неты.

По дорогѣ къ Мотовиловымъ встрѣтилъ онъ Пожарскаго. Актеръ былъ грустенъ, но храбрился.

— Великодушный синьоръ! — сказалъ онъ: — вы, надо полагать, направляете стопы «въ ту самую сторонку, гдѣ милая живетъ»?

— Вѣрно, другъ мой!

— Стало быть, удостоитесь лицезрѣть мою очаровательную Джульетту! А я-то, несчастный...

— Что-жъ, идите, поздравьте именинницу.

— Геніальнѣйшій, восхитительнѣйшій совѣтъ! Но, увы! не могу имъ воспользоваться,—не пустятъ. Формально просили—не посѣщать и не смущать.

— Сочувствую вашему горю.

— Ну, это еще полъ-горя, а горе впереди будетъ.

— Такъ тѣмъ лучше, — значитъ, «лягъ, опочинься, ни о чемъ не кручинься!»

— А великодушный другъ тѣмъ временемъ сварганитъ кой-какое дѣльце, а? не правда-ли?

Пожарскій схватилъ руку Логина и, крѣпко пожимая ее, умильно смотрѣлъ ему въ глаза и просительно улыбался. Логинъ спросилъ:

— Какое дѣло? скажите, можетъ и сварганимъ.

— Будьте другомъ, вручите прелестнѣйшей изъ дѣвъ это бурнопламенное посланіе, — но незамѣтнымъ манеромъ.

Пожарскій опять сжалъ руку Логина, — и сложенная крохотнымъ треугольникомъ записочка очутилась въ рукѣ Логина. Логинъ засмѣялся.

— Ловко! — сказалъ онъ.

— Незамѣтнымъ манеромъ!—повторялъ Пожарскій просительнымъ голосомъ и поглаживалъ Логина по рукаву его пальто.

— Эхъ, вы, ловеласъ! Вы моему другу дорогу перебиваете, да еще хотите, чтобъ я вамъ помогалъ.

— Другу? Это Донъ-Жуанъ Андозерскій — вашъ другъ? Сбрендили, почтенный, — не валяйте Акима-простоту...

— Ну, вотъ еще!

— Великодушный синьоръ! всучитъ онъ вамъ щетинку, лопни мои глаза, всучитъ... Да вы, я знаю, иронизировать изволите! Такъ ужъ позвольте быть въ надеждѣ!

— Ладно, передамъ!

Здороваясь съ Нетой, Логинъ ловко всунулъ ей въ руку записку. Нета вспыхнула, но сумѣла незамѣтно спрятать ее. Потомъ она долго посматривала на Логина благодарными глазами. Записка, видимо, обрадовала ее,—она улучила время ее прочесть, и щеки ея горѣли, такъ что ей не приходилось прибѣгать къ пощипыванію пальцами, своему обычному средству румянить ихъ.

III.

Передъ обѣдомъ у Мотовилова въ кабинетѣ сидѣли городскіе особы и разсуждали. Мотовиловъ говорилъ съ удвоенно-важнымъ видомъ:

— Господа, я хочу обратить ваше вниманіе на слѣдующее печальное обстоятельство. Не знаю, изволили-ли вы замѣчать, а мнѣ не разъ доводилось съ прискорбіемъ наталкиваться на такого рода факты: послѣ молебна, при выходѣ изъ собора младшіе чиновники, наши, такъ сказать, подчиненные, выходятъ первыми, а мы, первыя лица въ городѣ, принуждены идти сзади, и даже иногда приходится получать толчки.

— Да, я тоже возмущался этимъ, — сказалъ Моховиковъ, директоръ учительской семинаріи,— и я, между прочимъ, вполнѣ согласенъ съ вами.

— Не правда-ли?— повернулся къ нему Мотовиловъ. — Вѣдь это возмутительно: подчиненные насъ въ грошъ не ставятъ.

— Это, енондеръ-шишъ, вольнодумство, — сказалъ исправникъ: — либертè, эгалитè, фратернитè!

— Слѣдуетъ пресѣчь,—угрюмо рѣшилъ Дубицкій.

— Да, но какъ?— спросилъ Андозерскій.—Тутъ вѣдь разныя вѣдомства. Это—щекотливое дѣло.

— Господа,—возвысилъ голосъ Мотовиловъ,—если всѣ согласны... Вы, Сергѣй Михайловичъ?

— О, я тоже вполнѣ согласенъ,— съ лѣнивой усмѣшкой отозвался Павликовскій, не отрываясь отъ созерцанія своихъ пухлыхъ ладоней.

— Всѣ согласны,—воскликнулъ казначей,—въ чемъ и готовы расписаться на мягкой бумажкѣ.

— Вотъ и отлично,—продолжалъ Мотовиловъ.—Въ такомъ случаѣ, я думаю, такъ можно поступить. Каждый изъ насъ въ своемъ вѣдомствѣ сдѣлаетъ распоряженіе, чтобъ младшіе чиновники отнюдь не позволяли себѣ выходить изъ собора раньше начальствующихъ лицъ. Не такъ-ли, господа?

— Такъ, такъ, отлично!—раздались восклицанія.

— Такъ мы и сдѣлаемъ. А то, господа, совершенное безобразіе, полнѣйшее отсутствіе всякой дисциплины.

— Какую у насъ разведешь дисциплину, енондеръ-шишъ! Скоро со всякимъ паршивцемъ—волостнымъ писаремъ придется на вы говорить. Ему-бы, прохвосту, языкъ пониже пятокъ пришить надо, а съ нимъ... тьфу ты, прости Господи!

— Да-съ,—сказалъ инспекторъ народныхъ училищъ,—взять хоть-бы моихъ учителей: иной изъ мужиковъ, отецъ землю пахалъ, самъ на какіе-нибудь пятнадцать рублей въ мѣсяцъ живетъ, одно слово—голь-

тепа́,—а съ нимъ нѣжничай, говори ему вы, руку ему подавай! Баринъ какой!

— Нѣтъ,—хриплымъ басомъ заговорилъ Дубицкій,—я съ ними не церемонюсь, я имъ повадки не даю. За то они меня боятся, какъ черти ладона. Пріѣзжаю въ одну школу. Учитель молодой. Который годъ? спрашиваю. Первый, говоритъ. То-то, говорю, первый, съ людьми говорить не умѣешь; я, говорю, генералъ, меня ваше превосходительство называютъ. Покраснѣлъ, молчитъ. Ну, а я, знаете, не люблю этого. У меня чтобъ по-военному. Эге, думаю, голубчикъ, тебѣ надо гонку задать, да такую, чтобъ ты мѣста не нашелъ. Экзаменую. Какъ звали жену Лота?. Мальчишка не знаетъ...

— А какъ ее звали? и я не знаю,—сказалъ Баглаевъ, который до тѣхъ поръ сидѣлъ скромненько въ уголкѣ и тосковалъ по водкѣ.

— Я тоже позабылъ. Но вѣдь я давно учился, а они... Ну, ладно, это по Закону Божьему. А по другимъ предметамъ? Читай! Газета со мной была, «Гражданинъ», далъ ему. Читаетъ плохо. А что такое, спрашиваю, палка? Что такое земля? Молчатъ, стервецы, только глазами хлопаютъ,—никто не можетъ отвѣтить. Хорошо! Пиши! Пишетъ съ ошибками, сѣчь черезъ е пишетъ! Это, говорю, любезный, что такое? да чему ты ихъ учишь? да за что ты деньги получаешь? да что ты за учитель! да я тебя, мерзавца! — Да вы, говоритъ, на какомъ основаніи?—Ахъ, ты скотина! Основаніе? На основаніи предоставленной мнѣ директорской власти—вонъ! Да чтобъ сегодня-же, такой-сякой, и потроховъ твоихъ въ школѣ не было, чтобъ и духу твоего не пахло! А? какъ это вамъ понравится?

Дубицкій захохоталъ отрывисто и громко.

— Вотъ это ловко!—крикнулъ Свѣжуновъ.

— Нагнали вы ему жару!—говорилъ Мотовиловъ.

Остальные сочувственно и солидно смѣялись.

— Что-жъ вы думаете? Смотрю, дрожитъ мой учитель, лица на немъ нѣтъ, да вдругъ мнѣ въ ноги, разрюмился, вопитъ благимъ матомъ: «Смилуйтесь, ваше превосходительство, пощадите, не погубите!» — Ну, говорю, то-то, вставай, Богъ проститъ, да помни на будущее время, такой-сякой, ха-ха-ха! Какъ это вамъ нравится?

Одобрительный хохотъ покрылъ послѣднія слова Дубицкаго.

— Вотъ это по-нашему, еноидеръ-шишъ!—въ восторгѣ восклицалъ исправникъ.

Когда смѣхъ поулегся, о. Андрей льстиво заговорилъ:

— Вы, ваше превосходительство, для всѣхъ насъ какъ маякъ въ бурю. Одного боимся: не взяли-бы васъ отъ насъ куда повыше.

Дубицкій величаво наклонилъ голову.

— И безъ меня есть. Не гонюсь. Впрочемъ, отчего-жъ...

— Да-съ, господа,—солидно сказалъ Мотовиловъ,—дисциплина—всему основаніе. Вожжи были опущены слишкомъ долго, пора взять ихъ въ руки.

— Да, гуманничаемъ не въ мѣру,—меланхолично замѣтилъ Андозерскій.

— Да, и въ нашей, такъ сказать, средѣ происходятъ явленія,—сказалъ Мотовиловъ,—глубоко прискорбныя. Возьмемъ хоть-бы недавній фактъ. Вамъ всѣмъ, господа, извѣстно, въ какомъ образцовомъ порядкѣ содержится, стараніями почтеннаго Юрія Александровича, здѣшняя богадѣльня, какой пріютъ и уходъ получаютъ тамъ старики и старухи и какое высоко-нравственное воспитаніе дается тамъ дѣтямъ, вполнѣ въ духѣ доброй нравственности, скромности и трудолюбія.

— Да, могу сказать,—вмѣшался Юшка, затасканное лицо котораго засвѣтилось самодовольствомъ,—не жалѣю трудовъ и заботъ.

— И Богъ воздастъ вамъ за вашу истинно-христіанскую дѣятельность! Да-съ, такъ вотъ, господа, изъ богадѣльни убѣжалъ мальчишка, убѣжалъ, замѣтьте, второй разъ: въ прошломъ году его нашли, наказали, такъ сказать, по-родительски, но, замѣтьте, не отказали ему въ пріютѣ и опять помѣстили въ богадѣльнѣ. И какъ же онъ платитъ за всѣ оказанныя ему благодѣянія? Бѣжитъ, слоняется въ лѣсу, его тамъ находитъ человѣкъ, извѣстный намъ всѣмъ, беретъ къ себѣ домой и что-же съ нимъ дѣлаетъ? Возвращаетъ туда, гдѣ мальчикъ получалъ соотвѣтственное его положенію воспитаніе? Нѣтъ-съ, оставляетъ у себя! Мальчишку, котораго за вторичный побѣгъ слѣдовало-бы выпороть такъ, чтобъ чертямъ стало тошно,—такого мальчишку негоднаго онъ беретъ къ себѣ и обращаетъ въ какого-то барченка! Положенію этого олуха можетъ буквально позавидовать иной благородный ребенокъ, сынъ бѣдныхъ родителей. Я спрашиваю васъ: хорошо-ли это? не безобразно-ли это?

— Гуманность!—сказалъ Дубицкій съ презрѣніемъ.—А по моему, мальчишку слѣдовало-бы отобрать отъ него, отодрать и сослать подальше.

— Да, да, сослать,—подхватилъ Вкусовъ,—въ Сибирь, приписать куда-нибудь къ обществу, въ деревню, къ пейзанамъ.

— По крайней мѣрѣ,—сказалъ Мотовиловъ,—нравственность его была-бы въ безопасности... Какое-то общество затѣваетъ! Но это—такая глупая мысль, что просто нельзя повѣрить, чтобъ здѣсь чего не скрывалось.

— Гордыня, умствованіе,—наставительно говорилъ отецъ Андрей.—а вотъ Богъ за это и накажетъ. Нѣтъ, чтобы жить, какъ всѣ,—надо свое выдумывать!

— Господа,—сказалъ Андозерскій,—я долженъ заступиться за Логина: онъ, въ сущности, добрый малый, хотя, конечно, съ большими странностями.

Мотовиловъ перебилъ его:

— Извините, мы васъ понимаемъ! Это съ вашей стороны вполнѣ естественно и великодушно, что вы желаете вступиться за вашего бывшаго школьнаго товарища. До кого ни коснись, кому пріятно быть товарищемъ сомнительнаго господина. Вѣдь не съ вѣтру о немъ говорится...

— Ужъ это,—сказалъ исправникъ,—конечно, ее не на жоли.

— Но все-таки, любезный Анатолій Петровичъ, ужъ насъ-то вы не переубѣдите.

— Да-съ,—прохрипѣлъ Дубицкій,—мы знаемъ, что знаемъ: всего этого изъ пальца не высосать.

— Да вѣдь я, господа, что-жъ,—оправдывался Андозерскій:—я, конечно, знаю, что у него одного винтика не хватаетъ. Вѣдь мы съ нимъ давно знакомы, знаю я, что это за господчикъ. Но въ существѣ, такъ сказать, въ сердцевинѣ, онъ добрый малый, — конечно, испорченный,—ну, да что станешь дѣлать! Сами знаете, нашъ нервный вѣкъ!

— Да,—сказалъ Дубицкій,—не разъ пожалѣешь доброе старое время.

— Доброе дворянское время,—подхватилъ Мотовиловъ, —когда невозможны были оригиналы, вродѣ Ермолина, который такъ дико воспиталъ своихъ несчастныхъ дѣтей.

— Да,—сказалъ Вкусовъ озабоченно,—смирно живетъ, а все у меня сердце не спокойно: Богъ его знаетъ.

— Вредный человѣкъ!—сказалъ о. Андрей.—Атеистъ, и даже не считаетъ нужнымъ скрывать этого. Человѣкъ, который не вѣритъ въ Бога,—да что-же онъ самъ послѣ того? Если нѣтъ Бога, значитъ, и души нѣтъ? Да такой человѣкъ все равно, что собака, хуже татарина!

— Что собака!—сказалъ Дубицкій:—да иной человѣкъ хуже всякой собаки.

— И дочка у него,—продолжалъ сокрушаться Вкусовъ, — ведетъ себя совсѣмъ неприлично. Помилуйте, пристало-ли дворянской дѣвицѣ, богатой невѣстѣ, бѣгать по деревнѣ, съ позволенія сказать, босикомъ? Одинъ соблазнъ! Да-съ, нехорошо, енондеръ-шишъ, не хорошо! Совсѣмъ моветонъ!

— Дрянная дѣвчонка!—рѣшилъ о. Андрей.

— Вся въ отца, взбалмошная,—сказалъ Мотовиловъ.

IV.

Въ гостинной дамы съ большимъ участіемъ разспрашивали Логина о мальчикѣ-найденышѣ.

Въ это время изъ кабинета вышли Мотовиловъ и его гости. Мотовиловъ, вслушавшись въ слова Логина, обратился къ нему съ наставительной рѣчью:

-- Я долженъ вамъ сказать, Василій Марковичъ, что нашъ простой народъ,—ну, и дѣти ихъ, конечно,—не понимаютъ деликатнаго съ ними обращенія. Да-съ, не понимаютъ. Развѣ это люди? Развѣ это такіе же люди, какъ и мы? Вы ему одолженіе дѣлаете, даже благодѣяніе, а онъ принимаетъ это за должное.

— Ахъ, это совершенно вѣрно! Совершенная правда! — раздались сочувственные голоса.

Мотовиловъ продолжалъ:

— Я вообще думаю, что съ этимъ народомъ нужны мѣры простыя и быстрыя. Позвольте разсказать вамъ по этому поводу фактъ, случившійся на-дняхъ. Живетъ у меня кухарка Марья, очень хорошая женщина. Правда, любитъ иногда выпить,—да вѣдь кто безъ слабостей? Одинъ Богъ безъ грѣха! Но, надо вамъ сказать, очень хорошая кухарка, и почтительная. Есть у нея сынъ, Владиміръ. Держитъ она его строго, ну и мальчикъ онъ смирный, послушный, услужливый. Учится онъ въ городскомъ училищѣ. Конечно, отчего не поучиться? Я держусь того мнѣнія, что грамота, сама по себѣ, еще не вредна, если при этомъ добрые нравы. Ну-съ, вотъ одинъ разъ стою я у окна и вижу: идетъ Владиміръ изъ школы,—а было ужъ довольно поздно. Ну, тамъ, зашалился съ товарищами или былъ наказанъ, — не знаю. И вижу, другіе мальчишки съ нимъ. Вдругъ, вижу, выскакиваетъ изъ калитки Марья, прямо къ сыну, и по щекѣ его — ботъ! по другой — ботъ! да за волосенки! Тутъ же на улицѣ такую трепку задала, что любо-дорого!

Разсказъ Мотовилова произвелъ на общество впечатлѣніе очень веселаго и милаго анекдота.

— Расчесала! — вкусно и сочно сказалъ Андозерскій.

— Воображаю,—кричалъ казначей,—какая у него была рожа!

— Да-съ, — продолжалъ Мотовиловъ, — тутъ же на улицѣ, при товарищахъ: товарищи хохочутъ, а ему и больно и стыдно.

— Верхъ безобразія, — брезгливо сказалъ Логинъ: — эта таска на улицѣ и смѣхъ мальчишекъ, гадкій смѣхъ надъ товарищемъ, — какая подлая сцена.

Всѣ неодобрительно и сурово посмотрѣли на Логина.

— А по моему мнѣнію, — сказалъ Мотовиловъ, — весьма нравственная сцена: мать наказала своего ребенка — это хорошо, а смѣхъ исправляетъ. Зато онъ у нея по ниточкѣ ходитъ.

Логинъ улыбнулся. Странная и дикая мысль пришла ему въ голову: онъ представлялъ себѣ, что подойдетъ къ Мотовилову и дернетъ его за сѣдые кудри. Онъ смотрѣлъ на полусѣдую бороду Мотовилова, и его тянуло, почти неодолимо тянуло, встать и дернуть Мотовилова за волосы. Голова у него кружилась, и онъ съ усиліемъ отвернулся, чтобы смотрѣть въ другую сторону. Но глаза его противъ воли обращались

къ Мотовилову, и глупая мысль, какъ наважденіе, билась въ его мозгу, вызывая на его губы натянутую и блѣдную улыбку.

«Что же это?» — съ горестнымъ недоумѣніемъ думалъ онъ и отвѣчалъ себѣ:—«это—ненависть!»

И вдругъ волна злобнаго чувства поднялась въ немъ и захватила его. «Убить тебя — доброе дѣло было бы!» — подумалъ онъ, и глаза его загорѣлись сухимъ блескомъ. Онъ рѣзко сказалъ:

— Ваша теорія имѣетъ одно несомнѣнное преимущество: это—послѣдовательность.

— Очень радъ,—иронически отвѣтилъ Мотовиловъ,—что сумѣлъ угодить вамъ хоть въ этомъ отношеніи.

Въ это время въ дверяхъ показалась Нюта.

«Какъ глупо»,—подумалъ Логинъ,—«что я чувствую злобу! Негодовать на филиновъ, когда знаешь, что солнце все такъ-же ярко!»

И онъ отвѣчалъ Мотовилову спокойно и мягко:

— Нѣтъ, извините, мнѣ вовсе не мила такая послѣдовательность. Я привыкъ чувствовать по другому... У всякаго свои мысли... Я не думаю переубѣдить...

— Совершенно вѣрно,—сухо сказалъ Мотовиловъ.—У меня ужъ сивая борода, такъ мнѣ не подъ стать переучиваться.

V.

Обѣдъ, шумный и веселый, для Логина тянулся долго и скучно. Пили, ѣли, говорили пошлыя глупости... Даже съ Нютой не пришлось ему говорить сегодня... Потерянный день!

Мотовиловъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Ну, а что вы намѣрены дѣлать въ послѣдующее время съ этимъ... какъ его... вашимъ воспитанникомъ?

Разговоры призатихли, ножи пріостановились въ рукахъ обѣдающихъ, всѣ повернули головы къ Логину и прислушивались къ тому, что онъ скажетъ. Онъ не успѣлъ приспособить своего голоса къ этому внезапному затишью, и въ столовой отвѣтъ его прозвучалъ какъ-то несоразмѣрно-громко и рѣзко:

— Отдамъ въ гимназію.

— Въ гимназію? — съ удивленнымъ видомъ переспросилъ Мотовиловъ.

Дамы язвительно засмѣялись, мужчины улыбались насмѣшливо и изображали на своихъ лицахъ, что отъ него, молъ, чего же и ожидать, какъ не глупостей.

— Да, онъ мальчикъ очень способный и любознательный.

Мотовиловъ сдѣлалъ строгое лицо и сказалъ:

— Ну, я долженъ вамъ замѣтить, что это едва-ли вамъ удастся.

Логинъ удивился.

— Это отчего?—спросилъ онъ.

— Да кто же его приметъ? Я первый противъ. И я увѣренъ, что и почтенный Сергѣй Михайловичъ со мною согласенъ, не правда-ли?

Павликовскій апатично улыбнулся и молча наклонилъ голову.

— Приготовится, — сказалъ Логинъ, — выдержитъ экзаменъ, — за что-жъ его не принимать? Въ нашей гимназіи, я знаю, не тѣсно.

— Гимназія не для мужиковъ,—возразилъ Мотовиловъ,—вы это напрасно изволите не принимать во вниманіе.

— И гимназія, и университетъ,—настаивалъ Логинъ,—для всѣхъ желающихъ.

— Даже университетъ?—посмѣиваясь, сказалъ Андозерскій.—Нѣтъ, дружище, и такъ перепроизводство чувствуется, да еще мужичонковъ черезъ университетъ протаскивать,—да они еще тамъ будутъ стипендіи выклянчивать. Ну, и конечно, съ ихъ мужицкимъ трудолюбіемъ... вѣдь это все тупой народъ, битюги, усидчивостью берутъ... гдѣ съ ними...

— Такъ отчего-жъ имъ не пользоваться стипендіями?

— Стипендіи всѣ эти,—заявилъ Дубицкій, грозно хмуря брови,— баловство, развратъ. Не на что тебѣ учиться, — маршъ въ деревню, паши землю, а не клянчи. Учатся они тамъ! На собакахъ шерсть колотятъ, а потомъ въ чиновники лѣзутъ, да чтобъ имъ тысячи отваливали. Это изъ податного-то сословія, а?

— Да,—сказалъ Павликовскій,—ужъ вы оставьте эту дорогу дѣтямъ изъ общества, а для этихъ... ну, тамъ у нихъ свои школки есть,—вѣдь это достаточно, куда-жъ тамъ!

— Напрасно думать,—возражалъ Логинъ,—что у насъ людей образованныхъ много, или хоть достаточно. Въ нашемъ обществѣ невѣжество все еще сильно даетъ себя чувствовать.

— Вотъ какъ!—въ нашемъ обществѣ—невѣжество!—обидчиво сказала хозяйка.

— Конечно, вы должны презирать наше общество! — поддержала ее Юлія Степановна, сестра Мотовилова.

Дамы переглядывались, улыбались, пожимали плечами. Только Нюта ласково смотрѣла на него, и кроткая улыбка ея говорила ему: «не стоитъ сердиться!»

— Извините меня,—сказалъ онъ,—я вовсе не то хочу сказать.— Я вообще о русскомъ обществѣ говорю...

— А вотъ мы, епондеръ-шишъ,—вмѣшался Вкусовъ,—и не были въ университетѣ, да что-жъ мы, невѣжды? А мы и парлѐ франсѐ умѣемъ!

— Мы съ тобой—дурачье,—закричалъ казначей:—такъ умники рѣшили.

Логинъ обвелъ глазами столъ: глупыя и злыя лица, пошлость, злорадство. Онъ подумалъ:

«А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ могутъ не пустить Леньку въ гимназію!»

Апатичное лицо Павликовскаго никогда раньше не казалось ему такимъ противнымъ. Торжественно-самодовольная мина Мотовилова подымала со дна его души негодованіе безсильное и озлобленное.

VI.

Въ концѣ обѣда произошелъ неожиданный и даже мало-вѣроятный скандалъ.

Невѣдомо какими путями въ дверяхъ столовой внезапно появился пьяный Спирька. Оборванный, грязный и безобразный, стоялъ онъ передъ удивленными гостями и, подымая громадные кулаки, кричалъ дикимъ голосомъ, пересыпая свои слова непечатной бранью:

— А, нашихъ бабъ портить! Всѣ — одна шайка! Подавай мою жену, слышь, подавай! Расшибу! Будешь мою дружбу помнить!

Произошло смятеніе; дамы и дѣвицы выскакивали изъ-за стола и разбѣгались, мужчины приняли оборонительныя позы. Спирьку скоро удалось вытащить. Все пришло опять въ порядокъ. Мотовиловъ ораторствовалъ:

— Вотъ, мы видимъ воочію, что такое мужикъ. Это—тупая скотина, когда онъ трезвъ, и разъяренный звѣрь, когда напьется, но всегда—животное, которое нуждается въ обузданіи. Мы, члены первенствующаго сословія, не должны забывать нашего высокаго призванія по отношенію къ этому народу и государству. Если мы устранимся или ослабѣемъ,—вотъ кто явится намъ на смѣну. И чтобы выполнить нашу миссію, мы должны быть сильны не только единодушіемъ, но и тѣмъ, что, къ сожалѣнію, даетъ теперь силу всякому: мы должны быть богаты, должны не расточать, а собирать. И мы явимся въ такомъ случаѣ истинными собирателями русской земли. Это — великая заслуга передъ государствомъ, и государство должно оказать намъ болѣе существенную поддержку, чѣмъ было до сихъ поръ. Пора вернуться и намъ домой!

— Что такъ, то такъ!—подтвердилъ Дубицкій,—поразбрелись.

— Я иногда мечтаю, господа,—продолжалъ Мотовиловъ,—какъ наша святая Русь опять покроется помѣщичьими усадьбами, какъ въ каждой деревнѣ опять будетъ культурный центръ,—ну, а также и полицейскій,—будетъ баринъ и его семья...

— Это—миѳъ, ваше русское дворянство,—сказалъ Логинъ,—и повѣрьте, ничего не выйдетъ изъ дворянскихъ поползновеній. Таковъ удѣлъ нашего дворянства—прогорать,—съ блескомъ: пыль столбомъ. дымъ коромысломъ...

VIII.

Когда обѣдъ кончился, Баглаевъ подъ шумокъ отвелъ Логина въ сторону и шепнулъ ему заплетающимся отъ излишне выпитаго вина языкомъ:

— А вѣдь это я сдѣлалъ!

— Что такое!

— Спирьку-то,—напоилъ и науськалъ—я!

— Какъ это ты? и для чего?

— Т-съ! Послѣ разскажу. А? что? потѣшно? Утеръ я ему носъ? А Спирька-то каковъ? Молодецъ—мужчина, не правда-ли?..

Улучивъ минуту, когда Логинъ остался одинъ, Нета подошла къ нему.

— Извините, сказала она, но вы такой добрый!

И опять крохотный лоскутокъ лежалъ въ его рукѣ.

Логинъ усмѣхнулся, сунулъ письмо въ боковой карманъ сюртука и заговорилъ о другомъ.

IX.

Былъ уже вечеръ, когда Логинъ вышелъ изъ дома Мотовилова. На небѣ высыпали звѣзды.

Толпился народъ на улицахъ,—было больше народа, чѣмъ обыкновенно въ праздничные дни. Толпа была возбуждена. Слышались оживленные разговоры. Всѣ глядѣли въ одну сторону, на небо, гдѣ свѣтилась яркая звѣзда. Говорили о воздушномъ шарѣ, о прусскихъ офицерахъ. Говорили объ англичанкѣ и о холерѣ,—въ городѣ было уже нѣсколько умершихъ отъ холеры. Говорили, что попозже ночью шаръ прилетитъ въ самый городъ и что одни бунтовщики сойдутъ съ него, а другіе сядутъ и полетятъ. Кто-то увѣренно разсказывалъ, что въ самую полночь шаръ «подъѣдетъ» къ окну острога, Молинъ сядетъ «въ шаръ» и уѣдетъ. Настроеніе было невеселое и тревожное. Женщины причитали и охали. Мужчины больше прислушивались къ бабьимъ толкамъ и были озлоблены.

Логинъ услышалъ за собою нахальный голосъ:

— А вотъ это и есть самый главный бунтовщикъ!

Логинъ оглянулся. Кучка мѣщанъ, человѣкъ десять, стояла посреди улицы; всѣ они недоброжелательно смотрѣли на Логина. Впереди стоялъ молодой парень съ блѣднымъ и злымъ лицомъ. Онъ имѣлъ какой-то несуразно-дикій видъ. Его сбитые на бокъ волосы торчали изъ-подъ фуражки, просаленной насквозь, какъ ржаной блинъ, на который она была похожа и формой и цвѣтомъ. Губы у него были перекошенныя,

сухія, синія и тонкія. Глаза его были тускло оловянные. Тонкій и большой носъ казался картоннымъ. Измызганный пиджачишка, рваные штаны, закорузлые опорки—все на немъ неуклюже торчало, какъ грязные лохмотья на огородномъ чучелѣ. Видно было, что это буянъ и задира. Онъ-то и сказалъ слова, заставившія Логина остановиться.

Логинъ стоялъ и смотрѣлъ на мѣщанъ, они молчали и мрачно разсматривали его. Парень съ оловянными глазами сплюнулъ, покосился на своихъ товарищей и заговорилъ:

— Антихристову печать кладетъ на людей, кого, значитъ, въ свое согласіе повернетъ... Что ни ночь, на шарахъ летаетъ, травой сыплетъ, оттого и холера.

Остальные всѣ молчали, угрюмо и злобно.

Поле зрѣнія Логина вдругъ очень сузилось: онъ видѣлъ только блѣдное лицо, синія губы, оловянные глаза,—все это гдѣ-то далеко, но поразительно отчетливо. Онъ чувствовалъ въ груди какое-то, словно радостное, стѣсненіе; что-то властное и торжествующее толкало его впередъ. Блѣдное лицо, приковавшее къ себѣ его глаза, становилось все ближе и ближе, приближалось съ удивительной быстротой, и также быстро все болѣе суживалось поле зрѣнія: вотъ въ немъ остались только тусклые оловянные глаза,—и вдругъ эти глаза безпомощно и робко забѣгали, замигали, заслезились...

Логинъ прошелъ: мѣщане раздвинулись передъ нимъ. Онъ перешелъ черезъ улицу и пошелъ, не оглядываясь. Мѣщане глядѣли за нимъ. Наконецъ одинъ изъ толпы сказалъ:

— Ежели слово знаетъ, такъ его не возьмешь.

— Нѣтъ, возразилъ другой, коли на—отмашь сдѣйствуешь, такъ оно того... и не пикнется.

— На—отмашь, это вѣрно, подтвердилъ буянъ съ оловянными глазами.

Жгучее любопытство мѣшало Логину идти домой. Онъ ходилъ по улицамъ, смотрѣлъ и слушалъ. Незамѣтная для него самого злая улыбка иногда выползала на его губы, медленная и печальная...

Долго ходилъ онъ и сталъ собирать свои впечатлѣнія.

«Дикія, злобныя лица!» думалъ онъ. «За что? Нѣтъ, вздоръ, это—иллюзія. Я просто пьянъ, и все тутъ».

X.

На одной изъ улицъ Логинъ встрѣтилъ двухъ директоровъ,—Павликовскаго и Моховикова. Они стояли на деревянныхъ мосткахъ, поддерживали другъ друга подъ руку, слегка покачивались и смотрѣли на яркую звѣзду. Моховиковъ обратился къ Логину:

— Удивительное невѣжество! Ну скажите, пожалуйста, гдѣ тутъ сходство съ воздушнымъ шаромъ?

— Да, сходства мало, согласился Логинъ.

Павликовскій продолжалъ апатично глазѣть на небо, и пьяная улыбка некрасиво растягивала его малокровныя губы. Моховиковъ продолжалъ излагать свои соображенія:

— Я, между прочимъ, думаю, что это комета.

— Почему вы такъ думаете, Николай Алексѣевичъ? спросилъ Павликовскій.

По его лицу видно было, что на него напала блажь заспорить.

— На томъ простомъ основаніи, объяснялъ Моховиковъ, что у него есть фостъ.

— Извините, я не вижу хвоста.

— Маленькій фостикъ!

— И хвостика не вижу, невозмутимо продолжалъ настаивать Павликовскій.

Его улыбка становилось лукавой, губы понемногу сближались, и выраженіе упрямства расползалось по лицу.

— Этакъ, знаете, закорючкой, очень убѣдительно говорилъ Моховиковъ, но въ голосѣ его уже звучала нотка нерѣшительности и сомнѣнія.

— Нѣтъ, я не вижу.

— Г-мъ, странно, протянулъ Моховиковъ, чувствуя себя совершенно сбитымъ съ толку.—Ну, а что-же это по вашему?

Павликовскій пересталъ улыбаться, нахмурился, принялъ важный видъ и сказалъ:

— Какъ вамъ сказать!.. Я думаю, что это—Венера.

Моховиковъ постарался придать своему лицу, раскраснѣвшемуся отъ вина, еще болѣе глубокомысленное выраженіе и сказалъ:

— А я хочу вамъ сказать слѣдующее, Сергѣй Михайловичъ,—по моему мнѣнію, ужъ если это не комета, то Курмурій!

— Какъ? удивился Павликовскій.—То есть, Меркурій?

— Ну да, я и говорю, между прочимъ, Меркурій.

— Вы думаете?

— Да непремѣнно, очень убѣжденно и горячо говорилъ Моховиковъ. Ну посудите сами, какая-же это Венера? Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что это именно Меркурій.

— Пожалуй, согласился Павликовскій, можетъ быть и Меркурій. Его упрямство уже улеглось, удовлетворенное первою побѣдой; ему надоѣло спорить и было все равно.

— Конечно, Меркурій! воскликнулъ Моховиковъ, пыжась отъ радости, что верхъ таки его.

«Мудрецы!» злобно думалъ Логинъ.

Какая-то бойкая бабенка, которая вывернула изъ толпы и сновала около разговаривавшихъ господъ, теперь метнулась къ своимъ товаркамъ и оживленнымъ шопотомъ сообщила:

— Слышь ты, тамъ въ шарѣ сидитъ не то Невѣра, не то Моръ курій, господамъ-то не разобрать до точности.

Среди столпившихся бабъ послышались боязливыя восклицанія и молитвенный шопотъ.

XI.

Логинъ вышелъ изъ города и пошелъ по шоссейной дорогѣ. Было тихо и темно. Быстро шелъ онъ, вѣтеръ тихонько шелестѣлъ въ его ушахъ, напѣвая скорбныя пѣсни, полныя неразрѣшимыхъ вопросовъ. Мечты и мысли неслись въ головѣ Логина, отрывочныя и несвязныя. Нѣсколько верстъ прошелъ онъ, вернулся, и, входя въ городъ, почти не чувствовалъ усталости или, вѣрнѣе, не замѣчалъ ея.

Было уже далеко за полночь. Городъ спалъ. На улицахъ никого не было. Когда Логинъ переходилъ черезъ одну улицу, вымощенную мелкимъ щебнемъ, носокъ его сапога ударился о камешекъ, выпавшій изъ мостовой; камешекъ покатился подъ его ногами. Логинъ оглядѣлся. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ остановился онъ, былъ домъ Андозерскаго.

Логинъ поднялъ камешекъ и, улыбаясь, пошелъ къ этому дому. Окна были темны.

Логинъ поднялъ руку, размахнулся и швырнулъ камешекъ въ окно спальни Андозерскаго. Послышался звонъ разбитаго стекла...

А Логинъ уже быстро шелъ прочь. Онъ завернулъ за первый-же уголъ и все ускорялъ шаги. Сердце его сильно билось. Но мысли его ни на одну минуту не останавливались на этомъ странномъ поступкѣ, только неумолчно раздавался въ его ушахъ назойливый, звонкій смѣхъ стекла, разлетающагося въ дребезги.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

I.

Въ безпокойной головѣ Саввы Ивановича Коноплева развивался планъ, который, по его расчетамъ, можно было привести въ исполненіе теперь-же, не дожидаясь утвержденія задуманнаго общества. Саввѣ Ивановичу хотѣлось устроить въ нашемъ городѣ типографію. Работы у нея нашлось-бы, по соображеніямъ Коноплева: мало-ли въ городѣ учрежденій, которыя заказываютъ ежегодно такое множество форменныхъ бланокъ.

Всѣ эти заказы достаются теперь типографіи въ губернскомъ городѣ. единственной на всю губернію. До той типографіи далеко, своя-же будетъ подъ бокомъ, вотъ и шансъ взять въ свои руки всю типографскую работу въ городѣ.

Объ этомъ-то и разсуждали, выпивая и закусывая, въ прекрасное утро въ квартирѣ Логина онъ самъ, Коноплевъ и Шестовъ. Денегъ ни у кого изъ нихъ не было, но это ихъ не останавливало: Коноплевъ былъ увѣренъ, что все можно будетъ достать и устроить въ долгъ; Логинъ съ нимъ соглашался, потому что заранѣе былъ увѣренъ, что и изъ этого все равно ничего не выйдетъ, кто-нибудь помѣшаетъ, наклевещетъ, а пока все-таки это создаетъ призракъ жизни и дѣятельности; Шестовъ вѣрилъ другимъ на слово по своей молодости и совершенному незнанію того, какъ дѣла дѣлаются.

Но споръ все-же возникъ, очень горячій, и внезапно обострился донельзя: Коноплевъ разсчитывалъ, что типографія будетъ печатать даромъ его сочиненія, тѣ самыя. въ которыхъ Савва Ивановичъ побѣждалъ одновременно и графа Льва Толстого и «научную науку». Логинъ возражалъ, что Коноплевъ обязанъ платить типографіи. Коноплева это чрезвычайно разогорчило и взволновало. Онъ забѣгалъ по комнатѣ, махалъ безтолково длинными руками и кричалъ захлебывающеюся скороговоркою:

— Помилуйте, если типографія моя, то зачѣмъ-же я буду платить? Гдѣ тутъ смыслъ? Посудите сами. Что мнѣ за расчетъ? Да плевать я хочу на вашу типографію тогда! Если то-же самое, что и въ чужой типографіи, такъ на что мнѣ она!

Шестовъ молчалъ и слушалъ, а Логинъ возражалъ:

— Типографія не ваша собственная, а общая.

— Какъ не моя собственная? Чья-же?—кипятился Коноплевъ.

— Наша общая.

— Да вѣдь и моя въ томъ числѣ?

— Да вѣдь и наша тоже.

— Да польза-то мнѣ отъ нея какая?

— А польза вамъ та, что дешевле, чѣмъ въ чужой типографіи: вѣдь часть того, что вы заплатите, вернется вамъ въ видѣ прибыли.

— Да никогда я вамъ платить не буду: бумагу, такъ и быть, самъ куплю, за шрифтъ, сколько сотрется, заплачу, чего еще!

— А работа?—спросилъ Логинъ.

— А работники на жалованьи, такъ это изъ общихъ средствъ.

— Такъ! А вознагражденіе за затраченный вашими компаньонами капиталъ?

— Какое еще вознагражденіе? Что за грошовые расчеты?

— Не совсѣмъ грошовые. Савва Ивановичъ. Да и грошами чужими зачѣмъ-же пользоваться!

— Ну, это чортъ знаетъ что такое! Съ вами пива не сваришь. Вы смотрите на дѣло съ узко-меркантильной точки зрѣнія, у васъ грошовая душонка!

— Савва Ивановичъ, обращайте вниманіе на ваши выраженія.

— Ну да, да, именно грошовая, мелкая душонка. У васъ самые буржуазные взгляды! У васъ фальшивыя слова: на словахъ одно, на дѣлѣ другое!

— Экъ васъ задѣло за живое! Такъ нельзя, Савва Ивановичъ: о дѣлѣ говорите, а ругаться зачѣмъ? Это просто неприлично.

— Плевать я хочу на ваши приличія! Стану я церемониться со всякою мелкою душонкою, какъ-бы не такъ!

— Однимъ словомъ, мы съ вами не сойдемся, я по крайней мѣрѣ.

— Я тоже,—вставилъ Шестовъ и покраснѣлъ.

Коноплевъ посмотрѣлъ на него свирѣпо и презрительно.

— Эхъ вы, туда-же! А я было считалъ васъ порядочнымъ человѣкомъ. Своего-то царя въ головѣ нѣтъ, что-ли?

— Поищите другихъ компаньоновъ,—сказалъ Логинъ,—а насъ отъ вашей ругани избавьте.

— Что, не нравится? Видно, правда глаза колетъ.

— Какая тамъ правда! Вздоръ городите, почтеннѣйшій.

— Вздоръ? Нѣтъ-съ, не вздоръ. А если-бы вы были честный и послѣдовательный человѣкъ...

— Савва Ивановичъ, вы становитесь невозможны...

Но Коноплевъ продолжалъ кричать, неистово бѣгая изъ угла въ уголъ:

— Да-съ, вы воспользовались-бы случаемъ примѣнить свои идеи на практикѣ. Если я написалъ, я уже сдѣлалъ свое дѣло, а вы обязаны печатать даромъ, если и я участвую въ типографіи.

— Савва Ивановичъ, вѣдь вы не стали-бы даромъ давать уроки?..

— Это-съ другое дѣло: тамъ трудъ, а тутъ капиталъ. Эхъ вы, буржуй презрѣнный! Теперь у меня открылись глаза на васъ! Теперь я понимаю ваши грязныя дѣлишки!

— Да? Какія-же это дѣлишки? — спросилъ Логинъ, дѣлая надъ собою усиліе быть спокойнымъ.

— Да не ахтительныя дѣлишки, что и говорить! То-то вотъ, вѣрно правду говорятъ, что вы самый безнравственный человѣкъ.

Логинъ поблѣднѣлъ и нахмурился.

— Довольно!—сурово сказалъ онъ.

— Постыдныя, скверныя дѣла...—продолжалъ кричать Коноплевъ.

— Молчите!—крикнулъ Логинъ, подходя къ Коноплеву.

— Ну ужъ нѣтъ, на чужой ротокъ не накинете платокъ.

— Вамъ не угодно-ли взять свои слова назадъ?

— Нѣтъ-съ, не угодно-съ, оставьте ихъ при себѣ!

— Предпочитаете вызовъ?

— Вызовъ?—презрительно протянулъ Коноплевъ.—Это какой-же?

— Дуэль, что-ли, предпочитаете?

Коноплевъ захохоталъ.

— Нашли дурака! У меня жена, дѣти, стану я всякому проходимцу лобъ подставлять.

— Въ такомъ случаѣ, вы неуязвимы,—сказалъ Логинъ, отвертываясь отъ него, — судиться я не стану, что-бы вы ни говорили и ни дѣлали.

— По принципу, будто-бы? Такъ я вамъ и повѣрилъ, просто изъ трусости...

— Ужъ это мое дѣло, а только...

— А напрасно. Я-бы васъ на судѣ раздѣлалъ, въ лоскъ положилъ-бы. Понимаю я теперь отлично, что и общество ваше—только обольщеніе одно, а цѣль тоже какая-нибудь подлая. Чортъ васъ знаетъ, да вы можетъ быть бунтъ затѣваете! Правъ, видно, Мотовиловъ, что называетъ васъ анархистомъ. Только не выгоритъ ваше общество. не безпокойтесь, пожалуйста, мы съ Мотовиловымъ откроемъ глаза кому слѣдуетъ...

Наконецъ, Коноплевъ изнемогъ отъ своей скороговорки, запыхался и пріостановился. Но видно было, что онъ намѣревается еще долго кричать и ругаться. Логинъ воспользовался его передышкой:

— А теперь,—сказалъ онъ,—прошу васъ вспомнить, что вы у меня, и избавить меня отъ вашего присутствія.

— Не безпокойтесь, уйду, и нога моя больше у васъ не будетъ. Я вамъ не такая овца, какъ Егоръ Платоновичъ, котораго вы совсѣмъ обошли.

А Егоръ Платоновичъ сгоралъ отъ негодованія и отъ неловкости. Это бурное объясненіе было совсѣмъ не по его застѣнчивому и кроткому нраву и невыносимо терзало его впечатлительную душу. Краснѣя, забился онъ въ уголъ комнаты и глядѣлъ оттуда горящими и обиженными глазами на Коноплева, который кричалъ все громче, брызжа бѣшеною слюною:

— Но на прощанье я вамъ выскажу всю правду-матку. Вы ужъ меня больше не обольстите, сахаръ медовичъ! Я вамъ отпою!

— Нѣтъ, ужъ увольте.

— Нѣтъ, ужъ я не смолчу. До чего ужъ, коли ваши сосѣди даже говорятъ, вѣдь ужъ имъ-то можно знать. Да васъ изъ гимназіи гнать собираются!

— Послушайте, если вы не оставите моей квартиры, я самъ уйду.

— Нѣтъ, шалишь, никуда вы отъ меня не уйдете! Да я за вами по улицѣ пойду, на перекресткахъ васъ расписывать буду, что вы за человѣкъ!

Логинъ пошелъ было къ двери въ столовую,—Коноплевъ загородилъ ему дорогу.

— Вы заманиваете къ себѣ...

Весь дрожа отъ бѣшенства, сдерживаемаго съ трудомъ, Логинъ попытался отстранить Коноплева рукою,—говорить онъ не могъ и стискивалъ зубы: онъ чувствовалъ, что вмѣсто словъ дикій вопль ярости вырвался-бы изъ его груди,—но Коноплевъ схватилъ его за рукавъ.

— Да что, васъ бить, что-ли, надо?—сквозь зубы тихо сказалъ Логинъ, сумрачно всматриваясь неподвижными глазами въ лицо Коноплева, которое все трепетало злобными судорогами и какъ-то нахально склонялось къ нему: Коноплевъ былъ ростомъ выше Логина, но держался сутуловато, а въ горячемъ спорѣ имѣлъ привычку слишкомъ близко подставлять свое лицо собесѣднику.

— Что?—заревѣлъ благимъ матомъ Коноплевъ—Бить? Меня? Вы? Да я васъ въ порошокъ разотру, только мокренько останется.

Дикое злобное чувство, какъ волна, разорвавшая плотину, разлилось въ груди Логина,—и въ то-же мгновеніе почувствовалъ онъ необычайное облегченіе, почти радость,—чувство стремительное, неодолимое.

— Злая гадина!—крикнулъ онъ открытымъ и пустымъ звукомъ.

Шестовъ крикнулъ что-то и бросился впередъ, къ Логину... Тяжелый мягкій стулъ упалъ у стѣны съ глухимъ шумомъ. Коноплевъ, ошеломленный сильнымъ ударомъ по спинѣ, съ растеряннымъ и жалкимъ лицомъ отодвигалъ дрожащими руками преддиванный столъ.

Логинъ отбросилъ ногою кресло съ другой стороны стола,—и Коноплевъ, опять увидѣвъ передъ собою лицо Логина, багровое, съ надувшимися на лбу венами, окончательно струсилъ, опустился на полъ и проворно юркнулъ подъ диванъ.

— Караулъ!—закричалъ онъ оттуда,—убили!

Логинъ опомнился.

— Какія безобразія способенъ выдѣлывать человѣкъ!—сказалъ онъ, подходя къ Шестову.—Вы его уберите... Скажите, чтобъ вылѣзъ...

Онъ попробовалъ улыбнуться. Но онъ чувствовалъ, что дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ, и готовъ разрыдаться. Онъ торопливо вышелъ.

II.

Логинъ поздно заснулъ. Утромъ онъ спалъ долго. Леня тихонько подошелъ къ его постели и подумалъ: «надо разбудить».

Шорохъ пробудившагося дня, долетая до Логина, разбудилъ въ немъ неясное сознаніе.

Ему приснилось пустынное и печальное мѣсто. Мрачная гора, пещера у ея подошвы; входъ въ пещеру, мрачно зіяющій, пріосѣненъ хмурыми соснами.

Въ груди утомленнаго путника проснулась жажда неизвѣданнаго счастья. Нечѣмъ было утолить ее, источникъ струился изъ-подъ голыхъ скалъ, но его воды были мутны, какъ кровь, и горьки, какъ слезы...

И увидѣлъ Логинъ, какъ онъ въ изношенной и пыльной одеждѣ вошелъ въ пещеру и легъ головою на камнѣ. Сонъ нависъ надъ нимъ, тяжелый, долгій, долгій. Сквозь сонъ иногда слышалъ онъ дикое завываніе бури, жалобный скрипъ падающей сосны,—доносилось иногда до него беззаботное щебетаніе птицы. Сердце страстно замирало въ его груди и жаждало воли и жизни. Оно разгоняло по его тѣлу горячую кровь, и она шумѣла въ его ушахъ, словно шепча знойно и торопливо:

— Пора вставать, пора!

Онъ пріоткрывалъ тяжелыя рѣсницы, и унылыя сосны, печально покачивая вершинами, глухо говорили:

— Рано!

Опять смыкались рѣсницы, сердце опять замирало и трепетно билось... Проносились вѣка, долгіе, какъ безсонная ночь... И вотъ повѣяло ароматомъ беззаботнаго дѣтства, проглянули въ лѣсу серебристые вешніе ландыши, шаловливый лучъ восходящаго солнца засмѣялся и заигралъ на утомленной сномъ груди, зазвенѣли пѣсенки бойкихъ птичекъ, и кристальнымъ лепетомъ зажурчалъ прояснѣвшій родникъ:

— Пора вставать!..

III.

Леня постоялъ съ минуту, потрогалъ Логина за плечо и сказалъ:

— Василій Марковичъ, пора вставать!

Логинъ открылъ глаза. Въ комнатѣ было свѣтло и весело. Леня улыбался. Лицо его было свѣжо тою особенною утреннею дѣтскою свѣжестью, которой никогда не увидишь ни на чьемъ лицѣ днемъ или вечеромъ.

Логинъ потянулся, зѣвнулъ и заложилъ руки подъ голову.

— А, ты ужъ всталъ?

Леня похлопывалъ ладонями по краю кушетки.

— Самоваръ поставленъ,—говорилъ онъ.

— Ну ладно, я сейчасъ тоже встану, — лѣниво сказалъ Логинъ.

Леня подобралъ руки въ рукава рубахи, потоптался у постели своими босыми ногами и побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ. Ступеньки лѣстницы слегка поскрипывали.

Логинъ поднялся и сѣлъ на постели. Голова его слегка закружилась. Онъ опять опустился на подушки. Онъ закрылъ глаза и всматривался въ темныя фигурки, которыя быстро вертѣлись, такъ что образовывали цѣлый калейдоскопъ смѣющихся и уродливыхъ лицъ. Потомъ

круговоротъ ихъ замедлился, и они стали тускнѣть. Логинъ открылъ глаза.

IV.

Логинъ вышелъ изъ дому и пошелъ за городъ, по дорогѣ къ усадьбѣ Ермолиныхъ. Битый часъ проходилъ онъ по извилистымъ тропинкамъ лѣса, вблизи дома Ермолина, и не рѣшился войти туда. Онъ думалъ:

— Что общаго между ею—чистою, и мною—порочнымъ? Какая пытка для меня быть теперь съ нею: это было-бы безнадежное блужданіе у закрытыхъ дверей потеряннаго рая! Какъ заманчиво счастье, и какъ оно невозможно!

Потомъ онъ вдругъ уличилъ себя въ тайной надеждѣ, что случайно увидитъ Нюту, встрѣтитъ ее на этихъ знакомыхъ ей тропинкахъ. Ему стало досадно и стыдно, и онъ быстро зашагалъ домой. При входѣ въ городъ, возлѣ Лѣтняго сада, встрѣтилъ онъ Андозерскаго. Андозерскій, здороваясь съ нимъ, хмуро улыбнулся и сказалъ неискреннимъ голосомъ:

— Зайдемъ, дружище, шары попихать на шаропихѣ.

— Не хочется,—отвѣтилъ Логинъ, пожимая его руку, мягкое и теплое прикосновеніе которой было ему непріятно.

— Что такъ? На охоту, братъ, собрался? Эхъ ты, блыкунъ! Смотри, не промахнись.

— Какая тутъ еще охота?

— Извѣстно, какая, на красную дичь.

Андозерскій самодовольно захототалъ и скрылся въ воротахъ сада. Логинъ стоялъ на пыльной дорогѣ и досадливо смотрѣлъ ему вслѣдъ. Поднялся легкій вѣтерокъ, пыль и соломенки повлеклись изъ города, пошелъ за ними и Логинъ. Пыльные столбы плясали передъ нимъ и дразнили его, слагаясь въ черты Андозерскаго: и слова его, и фигура,—все въ Андозерскомъ было противно Логину. Онъ даже удивился, когда замѣтилъ, какъ далеко зашла его непріязнь къ Андозерскому. Онъ сдѣлалъ усиліе не думать о немъ, и это ему удалось... Однако, не даромъ...

Пыльные столбы все плясали вокругъ него, и рядомъ съ нимъ засіяла назойливая улыбка, сверкнули лукавые глаза и потухли... Логину стало грустно. Въ печальной задумчивости, наклонивъ голову, шелъ онъ по шоссе, потомъ свернулъ на тропинку во ржи. Среди шумящей ржи прошелъ онъ съ полверсты и вдругъ встрѣтилъ Нюту.

Платокъ, которымъ были повязаны волосы Нюты, бросалъ тѣнь на ея смуглое лицо, которое улыбалось Логину.

— Вотъ встрѣча, - сказала она.—Вы гуляете здѣсь, да? А я по дѣлу.

— Куда, можно спросить?

— А вотъ тамъ деревня Рядки,—тамъ у меня дѣло.

— Благотворительное?—съ жесткой улыбкой спросилъ Логинъ, пропуская Нюту впередъ и идя за нею.

Нюта засмѣялась и спросила:

— Вы не любите благотворительныхъ дѣлъ?

— Помилуйте, что это за дѣла! Забава сытыхъ дамъ.

— А я думаю, что это и есть настоящія дѣла. Только слово нехорошее, книжное. И его употребляли слишкомъ много и неразборчиво. А дѣла помощи... Да у насъ, людей сытыхъ, какъ вы называете, и дѣлъ-то другихъ почти быть не можетъ.

— Есть лучшее дѣло.

— Какое?

— Исканіе правды.

— А! Это—отвлеченное дѣло. А правда—только въ любви къ людямъ... и вообще къ міру.

— Едва-ли много правды въ любви.

— А это, однако, такъ. Люди ищутъ правды и приходятъ къ любви. Мнѣ представляется, что такъ дѣло и шло. Сначала люди жили надеждой. Надежда часто обманывала и отодвигалась все дальше: евреи ждутъ Мессіи, христіане надѣются только на загробную жизнь,—и вотъ люди стали жить вѣрой. Но вѣкъ вѣры кончается.

— Да, кончается,—старые боги умерли. А все-таки сильна потребность въ вѣрѣ. Новыя божества еще не родились, въ томъ и вся наша бѣда и вся разгадка нашего пессимизма.

— Да новыя божества и не родятся.

— Ничего, ихъ выдумаютъ!

— Нѣтъ, этого не можетъ быть. Будущее принадлежитъ любви.

— Вы, кажется, думаете, что и вѣра, и надежда мѣшаютъ любви?

— Да, я такъ думаю. Мнѣ кажется вотъ что: надежда—такая безпокойная, эгоистичная, при ней и вѣрѣ и любви тѣсно. Вѣра ужъ слишкомъ точна,—при ней и надежда таетъ, и любовь смиряется. Надѣются вѣдь только тогда, если можетъ быть и такъ, и этакъ, а тутъ все ясно, какъ въ сказкѣ: пойдешь на-право—коня потеряешь, на-лѣво—головы не сносишь. На что тутъ надѣяться? Да и любить можно только свободно, а не по заповѣдямъ. А вотъ когда людямъ не на что будетъ надѣяться, не во что вѣрить, тогда любовь будетъ принята всѣмъ міромъ.

— Какъ заповѣдь?—насмѣшливо спросилъ Логинъ.

— Нѣтъ, только какъ необходимость, единственное спасеніе. Вѣдь иначе жить нечѣмъ будетъ.

— Любовь—невозможность,—разсѣянно сказалъ Логинъ.—Наша любовь—только самолюбіе, только стремленіе расширить свое я,—неосуществимое стремленіе.

— А вы его испытывали?

— Жажду его,—тоскливо воскликнулъ Логинъ.—Ахъ, Анна Максимовна, скажите, вы вѣрите въ эту будущую людскую любовь?

Нюта отвѣтила, улыбаясь:

— Вѣрю.

— Да вѣдь вѣра мѣшаетъ любви? Какъ вы непослѣдовательны! Но и какая вы прелесть!

Нюта засмѣялась.

— Вотъ неожиданный комплиментъ!

— Нѣтъ, нѣтъ... Я хотѣлъ-бы вамъ сказать... Но всѣ слова—такія жалкія!.. О, если-бъ и вы...

Нюта повернулась къ Логину и смотрѣла на него. Ея вспыхнувшее лицо съ широко открытыми глазами горѣло радостнымъ ожиданіемъ.

Логинъ замолчалъ и шелъ рядомъ съ нею, глядя на ея улыбающіяся и вздрагивающія алыя губы.

— Да,—сказала она смущенно,—можетъ быть...

— Ахъ, Нюта!—страстно воскликнулъ Логинъ.

Губы Нюты, алыя и трепещущія, были такъ близки... Какія-то далекія и нечистыя воспоминанія вспыхнули въ его душѣ, зазвенѣли въ ушахъ чьи-то грубыя и жестокія слова. Что-то повелительное, какъ совѣсть, стало между нимъ и непорочною улыбкою Нюты.

А молодая радость, жажда счастья влекли его къ ней.

Онъ мучительно колебался.

Губы Нюты горделиво дрогнули. Въ ея глазахъ промелькнуло какое-то темное и скорбное выраженіе. Нюта отвернулась и тихонько засмѣялась.

Холодомъ повѣяло на Логина. Припомнился ему смѣхъ русалки на мельничной запрудѣ, тотъ смѣхъ, который слышался ему въ одну изъ его тяжелыхъ ночей.

Нюта сказала мечтательно и грустно:

— Мы замечтались подъ яснымъ небомъ... А я слышала, что вы разошлись съ Коноплевымъ.

Логинъ разсказалъ ей о своей ссорѣ съ Коноплевымъ. Нюта выслушала молча и потомъ сказала:

— Того и надо было ждать. Что это за человѣкъ! Дулъ вѣтеръ съ запада, онъ былъ нигилистомъ. Повѣяло съ востока,—сталъ фанатикомъ Домостроя. А могъ-бы сдѣлаться и фанатикомъ опрощенія. Можетъ быть, и сдѣлается. Все это у него случайное. Своего—ничего.

— Странно,—сказалъ Логинъ,—что онъ ни на кого не ссылается, кромѣ Мотовилова.

— Мотовиловъ! Вотъ человѣкъ, который не имѣетъ права жить!

Логинъ заглянулъ въ ея лицо. Оно все пылало гнѣвомъ и негодованіемъ. Логинъ покорно улыбнулся.

V.

И свѣтло, и грустно было въ душѣ Логина, когда онъ возвращался домой. Косвенные лучи солнца улыбались ему въ малиново-красныхъ отблескахъ на стеклахъ сѣренькихъ деревянныхъ домишекъ. Улицы къ вечеру начинали быть болѣе людными.

Посреди улицы, изъ-за угла по дорогѣ отъ крѣпости, показалась толпа. Это было что-то вродѣ процессіи. Окна по пути поспѣшно отворялись, выглядывали изъ нихъ головы мирныхъ обывателей, прохожіе останавливались, уличные ребятишки бѣжали за процессіей съ видомъ чрезвычайнаго удивленія.

Наконецъ, Логинъ разсмотрѣлъ всѣхъ. Шли по самой серединѣ улицы Мотовиловъ съ женой, Крикуновъ съ табакеркой, два директора, Павликовскій и Моховиковъ, казначей, закладчикъ и его жена, Гомзинъ, великолѣпные зубы котораго радостно сверкали издали, еще нѣсколько мужчинъ и дамъ, и среди этой толпы—Молинъ, арестованный недавно учитель. Очевидно, его только что выпустили изъ тюрьмы.

Логинъ догадался, что это устраиваютъ овацію «невинно-пострадавшему»,—ведутъ его съ почетомъ по городу, чтобы показать всѣмъ, что репутація Молина нисколько не пострадала. Лица у всѣхъ были торжественныя и, какъ часто бываетъ въ такихъ неожиданно-торжественныхъ случаяхъ, довольно-таки глупыя. Самый глупый видъ имѣлъ герой торжества. Онъ считалъ своимъ долгомъ хранить на лицѣ угрюмо-угнетенное и очень благородное выраженіе и шелъ ребромъ. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи, съ лицомъ, покрытымъ рябинами и прыщами, съ багровымъ носомъ записного пьяницы. Лобъ у него былъ узокъ, черепъ съ хорошо-развитымъ затылкомъ казался толстостѣннымъ, громадныя скулы придавали лицу татарскій характеръ. Синими очками въ стальной оправѣ прикрывались тусклые и близорукіе глаза.

Поровнявшись съ этимъ обществомъ, Логинъ приподнялъ шляпу.

— Вотъ кстати,—сказалъ Мотовиловъ,—Василій Марковичъ, пожалуйте-ка къ намъ сюда!

Логинъ остановился на мосткахъ и спросилъ:

— Прогуливаетесь, Алексѣй Степанычъ?

— Да, прогуливаемся,—значительно отвѣтилъ Мотовиловъ.

— Что-жъ, доброе дѣло. А меня прошу извинить,—очень усталъ. Имѣю честь кланяться.

Логинъ опять приподнялъ шляпу и пошелъ дальше. Пожарскій догналъ его и спросилъ.

— Какъ-же это вы въ наше тріумфальное шествіе не впряглись? Вѣдь вы разсердили этимъ сѣдого прелюбодѣя.

— Глупо это, мой другъ. Тѣ, ну чиновники тамъ разные—они... ну, у нихъ связи, боятся, можетъ быть,—наконецъ, просто, пѣшки. А вы-то зачѣмъ? человѣкъ вы независимый, въ нѣкоторомъ родѣ—артистъ, такъ сказать.—и вдругъ!

Пожарскій добродушно засмѣялся.

— Не ехидничайте, почтеннѣйшій синьоръ: я единственно изъ любви къ искусству.

— Это какъ-же?

— Мимику, значитъ, изучаю. Нашему брату это необходимо. Ну, да и то еще, грѣшнымъ дѣломъ... знаете сами: польсти, мой другъ, польсти...

— Коли не хочешь быть въ чести? такъ, что-ли? — закончилъ Логинъ.

— Вотъ, вотъ, оно самое и есть. То-есть не то, что въ чести, а все-же—сборы, ну да и бенефисишко. Эхъ, почтеннѣйшій, всѣ мы отъ всѣхъ васъ въ крѣпостной зависимости обрѣтаемся, вотъ ей-Богу! Всегда-то вы насъ въ лучшемъ видѣ можете подкузьмить.

Логинъ слушалъ его досадливо, и вялое настроеніе расползалось по его душѣ.

— Да что, батенька,—продолжалъ Пожарскій,—главнаго-то вы не видѣли,—много потеряли, ей-Богу! У вратъ обители святой,—то бишь, передъ острогомъ,—вотъ гдѣ было зрѣлище! Мотовиловъ рѣчь на улицѣ говорилъ, дамы плакали, барышни ему, герою нашему, цвѣты поднесли,—букетище такой, что наша Тарантина то-то, бѣдная, позавидовала-бы, коли-бы увидала!

— Сочиняете, кажется?

— Ну вотъ, сочиняю! Ната и Нета и подносили. Съ одной стороны, знаете, ангельская непорочность, а съ другой стороны—угнетенная невинность.

— И со всѣхъ сторонъ—глупость и пошлость, — злобно сказалъ Логинъ.

Пожарскій захохоталъ.

— Злитесь, почтеннѣйшій. А я радъ, что васъ встрѣтилъ. Теперь я отъ нихъ отсталъ, и кстати. географію города изучать пойду. Барышни Мотовиловы отправились купаться, такъ мнѣ надо пробраться въ ту сторону...

— Подсматривать?—брезгливо спросилъ Логинъ.

— Ни-ни! На обратномъ пути Неточку встрѣчу,—только и всего.

— Вотъ какъ,—она вамъ ужъ Неточка?

— Чистѣйшій пылъ! Любовная чепуха! Женьпремьерствую подъ открытымъ небомъ: дьявольски-выигрышная роль!

— Значитъ, дѣла хороши?

— Съ барышней давно поладили, вотъ какъ поладили! Прелесть-дѣвочка: огонекъ и душа,—ахъ, душа! Но самъ Тартюфъ, — увы и ахъ! И подступиться страшно. Хоть въ петлю...

— Что-жъ, убѣгомъ!

— И то придется. Только попа гдѣ возьмешь,—вотъ въ чемъ загвоздка!.. Ахъ, любовь, любовь! Поэзія, восторгъ! Безъ вина—пьянъ, вдохновеніе такъ и распираетъ грудь. Кажется, луну съ неба для нея досталъ-бы.

— А попа достать не можете!

— Достану, почтеннѣйшій, какъ пить дамъ, достану!

VI.

Молинъ поселился временно, пока найдетъ квартиру, у о. Андрея. Вещи его еще оставались въ квартирѣ Шестова.

Когда всѣ провожавшіе разошлись, Молинъ сталъ предъ отцомъ Андреемъ, низко поклонился ему и произнесъ:

— Ну, архіерей, спасли вы съ Мотовиловымъ меня.

— Ну, чего тамъ—свои люди,—отмахивался о. Андрей.

Но Молинъ продолжалъ:

— Вѣкъ не забуду. Спасибо. Чего ужъ, не умѣю, не рѣчистъ, а что чувствую, прямо скажу: спасли! Сослали-бы въ каторгу, какъ пса смердящаго,—такъ тамъ и сгнилъ-бы.

— Ну, будетъ, чего тамъ причитать!

— Эхъ, что тутъ! Дай-ка, отецъ благодѣтель, водки: цѣлый стаканъ за ваше здоровье хвачу.

Водка была подана. Хозяинъ и гость пили, обнимались, цѣловались, пили еще и еще, охмѣлѣли и плакали. Потомъ пришли гости. Засѣли играть въ карты и опять пили.

VII.

На другой день Шестовъ вышелъ изъ училища и встрѣтилъ Молина, который возвращался откуда-то. Молинъ подошелъ къ нему и подалъ ему руку. Они поздоровались и пошли рядомъ. Молинъ молчалъ съ тѣмъ-же вчерашнимъ видомъ человѣка, который невинно страдаетъ. Этотъ видъ раздражалъ Шестова. Шестовъ не находилъ, что

сказать, хотя они встрѣтились первый разъ послѣ ареста Молина. Шестовъ думалъ:

«Зачѣмъ у него такой видъ? Вѣдь все это было, все это въ его характерѣ... Дѣло складывается благопріятно, ему-бы только радоваться...»

Молинъ оттопырилъ свои толстыя губы и заговорилъ угрюмо:

— Вы съ вашей тетушкой меня въ каторжники записали: ну, погодите еще радоваться.

Шестовъ покраснѣлъ и дрогнувшимъ голосомъ сказалъ:

— Я очень желаю вамъ выпутаться изъ этого дѣла, — а радостнаго тутъ нѣтъ ничего.

Молинъ хмыкнулъ, сдѣлалъ жалкое и злое лицо и молчалъ.

Шестову невольно припоминались ихъ былыя отношенія. Молчать дѣлалось ему жутко, но онъ не говорилъ. Непріязнь къ Молину начала созрѣвать въ немъ. Молча дошли они до дома о. Андрея. Молинъ, не говоря ни слова и не прощаясь, повернулся и пошелъ къ воротамъ. Шестовъ, не оборачиваясь, пошелъ дальше. Сердце его забилось отъ горькаго чувства и отъ неловкости, отъ стыда: увидятъ — посмѣются. Шестовъ досадливо думалъ:

«Зачѣмъ-же онъ ко мнѣ подходилъ и здоровался?—Для штуки! отвѣтилъ онъ самъ себѣ. Я былъ наивенъ, какъ десятилѣтній мальчикъ, а онъ всегда старался брать верхъ, игралъ роль умнаго человѣка, вліянію котораго подчиняются».

Странное дѣло: отношенія къ нему Молина давно не нравились Шестову, но только теперь онъ сумѣлъ дать имъ опредѣленную характеристику.

VIII.

Молинъ вошелъ въ столовую. О. Андрей собирался обѣдать.

Онъ жилъ въ собственномъ домѣ. Это былъ небольшой деревянный домъ въ пять оконъ на улицу, одноэтажный, съ подваломъ. Столовая была въ подвальномъ этажѣ, рядомъ съ кухней. Свѣтъ двухъ небольшихъ окошекъ былъ недостаточенъ для столовой: въ длину, отъ оконъ, она была втрое больше, чѣмъ въ ширину, вдоль оконъ. Въ глубинѣ столовой было даже и днемъ сумрачно. Тамъ былъ поставецъ съ настойками. Возлѣ него стоялъ боченокъ дубоваго дерева съ водкой, особо-пріятнаго вкуса и значительной крѣпости. Эту водку о. Андрей выписывалъ особо, прямо съ завода, для себя и для нѣкоторыхъ друзей, въ складчину. Въ окна видна была поросшая травой поверхность улицы, да изрѣдка шагали чьи-нибудь ноги. Вдоль длинной стѣны—той, что была противъ двери въ кухню—стояла узкая скамейка, обитая мягкими подушками и снабженная, для вящшаго комфорта, достаточнымъ количествомъ мягкихъ валиковъ. Длинный обѣденный столъ стоялъ вдоль

комфортабельной лавки. На одномъ концѣ, у окна, онъ былъ накрытъ бѣлою скатертью. Было замѣтно по многимъ пятнамъ, что эта скатерть стелется уже не первый день. На лавкѣ возлежалъ о. Андрей, головой къ окошку.

О. Андрей покрикивалъ на Евгенію. Евгенія порывисто носилась изъ столовой въ кухню и обратно съ тарелками и ножами, потрясала полъ тяжелою поступью босыхъ ногъ и отвѣчала сердитыми взглядами на сердитые окрики о. Андрея.

Около стола копошилась матушка, Ѳедосья Петровна, маленькая и юркая женщина лѣтъ пятидесяти. Она часто выбѣгала въ кухню, потихоньку шпыняла тамъ Евгенію и, видимо, была озабочена предстоящимъ обѣдомъ. Изъ кухни слышались ея хлопотливыя восклицанія:

— Вѣдь ты знаешь, что батюшка не любитъ... Дура зеленая! Вѣдь ты знаешь, что Алексѣю Иванычу... Ахъ ты, дерево стоеросовое!

Молинъ усѣлся за столъ, горько улыбнулся и сказалъ:

— Отскочилъ!

О. Андрей посмотрѣлъ на него внимательно и спросилъ:

— О комъ это?

— Да тотъ, Шестовъ.

Матушка съ любопытнымъ видомъ выскочила изъ кухни и спросила Молина:

— А что, встрѣтили его?

— Какъ-же, встрѣтилъ!—отвѣчалъ Молинъ.

Онъ заколыхалъ своимъ сутуловатымъ станомъ, выдавилъ изъ него какой-то странный, косолапый смѣхъ, и сталъ разсказывать отрывисто, словно сердился и на собесѣдниковъ своихъ:

— Изъ училища перъ... Подскочилъ, лебезитъ, руку суетъ... Такъ-бы по зубамъ и смазалъ! Еле сдержался...

— А слѣдовало-бы,—съ веселымъ смѣшкомъ сказалъ батюшка.— Эй, Евгенія, неси обѣдъ!

— Да еще какъ слѣдовало-бы!—подтвердила матушка.—Евгенія, дура косолапая! гдѣ ты пропала?

— А ну его ко всѣмъ чертямъ! —сердито говорилъ Молинъ.—Еще заплачетъ, ябедничать побѣжитъ, фитюлька проклятая!

— Жена,—воскликнулъ о. Андрей,—гдѣ-же водка?

— Евгенія, Евгенія!—засуетилась матушка,—дурища несосвѣтимая, есть-ли у тебя башка на плечахъ!

Евгенія вносила въ столовую горячій пирогъ.

— Не разорваться,—кричала она.

Матушка метнулась къ поставцу и въ одинъ мигъ притащила водку и рюмки. Евгенія помчалась за супомъ, а Молинъ бубнилъ себѣ:

— Юлилъ за мной. До самыхъ воротъ бѣжалъ... въ притруску...

Ну, да я на него нуль вниманія. Прикусилъ язычекъ, подралъ, какъ ошпаренный.

О. Андрей зычно захохоталъ. Матушка налила водку въ рюмки и придвинула одну изъ нихъ Молину. Она смотрѣла на него ласковыми и влюбленными глазами. О. Андрей и Молинъ выпили, а матушка межъ тѣмъ положила Молину громадный кусокъ пирога съ говяжьей начинкой и наполнила его тарелку супомъ, еще дымнымъ отъ горячаго пара, который подымался надъ нимъ.

— Ловко!—говорилъ о. Андрей.—Такъ ихъ, мерзавцевъ, и надо учить. Ну что-жъ, братъ, по первой не закусываютъ. Ась, Алексѣй Иванычъ?

— Дѣльно!—одобрилъ Молинъ.—Я, признаться, выпью,—въ проклятомъ острогѣ пришлось попоститься.

Налили по второй и выпили. Горькія воспоминанія преслѣдовали Молина. Онъ заговорилъ:

— Если-бъ онъ, скотина, былъ настоящій товарищъ, онъ-бы сразу долженъ былъ сунуть подъ хвостъ той сволочи. Сочлись-бы!

— Извѣстно!

— Ну, если-бъ она не взяла, да накляузничала-бы слѣдователю, я все-же былъ-бы въ сторонѣ,—не я подкупалъ, мнѣ что за дѣло! А то не мнѣ-же было ей деньги предлагать.

— Ну, само собой. Да и мнѣ неловко. Я такъ и думалъ, онѣ съ теткой обтяпаютъ. А они вонъ что.

— Подлѣйшія твари!—взвизгнула матушка.

— Ну да ладно—и даромъ отверчусь.

О. Андрей вдругъ засмѣялся и спросилъ Молина:

— На экзаменѣ-то, говорилъ я вамъ, что вышло?

— Нѣтъ. А что?

— Да, да, представьте, какая подлость!—закипятилась матушка.

— На Акимова накинулся,—разсказывалъ о. Андрей.—Не знаетъ, дескать, геометріи. Единицу поставилъ. Переэкзаменовку, молъ, надо. Ну, да мы еще посмотримъ... Почемъ знать, чего не знаешь.

— Это, знаете, онъ отъ зависти,—объясняла матушка,—отецъ Акимова подарилъ батюшкѣ на рясу, а ему—шишъ. Акимовъ купецъ почтительный, только, конечно, кому слѣдуетъ: вѣдь всякій видитъ, кто чего стоитъ. Батюшка, Андрей Никитычъ, да что-жъ ты не угощаешь? Видишь, рюмки пустыя.

— И то,—сказалъ батюшка, и налилъ.

— Эхъ!—крикнулъ Молинъ,—Руси есть веселіе пити, не можемъ безъ того быти.

— Евгенія!—крикнулъ о. Андрей въ открытую дверь кухни,—ты это съ кѣмъ тамъ тарантишь?

— Да это, батюшка, мой братъ,—отвѣтила Евгенія.

Ея братъ. мальчишка лѣтъ двѣнадцати, опасливо прижался къ углу кухни. Онъ боялся о. Андрея: онъ учился въ городскомъ училищѣ.

— Братъ? Ну и кстати. Пусть посидитъ тамъ, мнѣ его послать надо. Удивляюсь я только тому,—обратился о. Андрей къ Молину,—какъ это наши мальчишки не устроятъ ему сюрприза за единицы, пустилъ-бы кто-нибудь камешкомъ изъ-за угла,—преотличное дѣло: ха-ха-ха!

Матушка взвизгнула отъ удовольствія.

— Въ загривокъ!—крикнула она и звонко засмѣялась.

Молинъ кивнулъ головой на открытую дверь кухни. О. Андрей закричалъ:

— Евгенія, дверь запри! Ишь напустила чаду, кобыла!

Евгенія стремительно захлопнула дверь. О. Андрей тихонько засмѣялся.

— Чего тамъ!—сказалъ онъ.

— Все же неловко,—ученикъ, и все такое...

— Чудакъ, да вѣдь я нарочно,—зашепталъ о. Андрей:—пусть слышитъ. Скажетъ товарищамъ,—найдется шалунъ поотчаяннѣе, да и запуститъ.

О. Андрей снова захохоталъ и налилъ по четвертой рюмкѣ. Молинъ сочувственно захихикалъ и показалъ свои пожелтѣлые отъ табака зубы. Онъ проглотилъ водку и крикнулъ:

— Эхъ, завей горе веревочкой!

— Все шляется къ Логину,—сказалъ о. Андрей.

— А, къ слѣпому чорту! Ишь ты, агитаторъ пустоголовый, нашелъ себѣ дурака, плѣнилъ кривую рожу. Ну, да онъ мастакъ бредки городить.

— Возжались съ Коноплевымъ, да расплевались, сообщила матушка.

— Ишь ты, лѣшева дудка, куда полѣзла! почуялъ грошъ.

— Ничего, сведется на нѣтъ вся ихъ затѣя, общество это дурацкое,—злорадно сказалъ о. Андрей.

— А что?—спросилъ Молинъ.

— Да ужъ подковырнетъ ихъ Мотовиловъ.

— Подковырнетъ!—съ азартомъ воскликнула матушка.

— Ужъ Мотовилова на это взять,—согласился Молинъ:—шельмецъ первой руки.

— Да, братъ,—разъяснялъ о. Андрей,—ему въ ротъ пальца не клади. Съ нимъ дружить дружи, а камень за пазухой держи.

— Шельма, шельма, одно слово!—восторгалась матушка.

— Но умная шельма,—поправилъ Молинъ.

— Да я то же и говорю: первостатейная шельма, молодецъ, —продолжала матушка.—Ужъ мой Андрей Никитичъ хитеръ, ой хитеръ, а тотъ и еще хитрѣе.

Ѳедоръ Сологубъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Англійское вліяніе въ Россіи *).

Всего труднѣе бороться съ международными предразсудками: они вытекаютъ, кромѣ различія расы и темперамента, также изъ религіозныхъ и политическихъ разногласій. И въ особенности политика является источникомъ взаимныхъ непониманій. А когда въ какой-нибудь странѣ, національное чувство, сознаніе своего достоинства и силы дѣлается въ извѣстныхъ направленіяхъ болѣе возбужденнымъ, другія націи могутъ легко не разглядѣть настоящей сути общественнаго мнѣнія этой страны во всемъ, что касается ихъ самихъ. То-же случилось и съ Россіей въ послѣднія десять или двадцать лѣтъ. Оцѣнивая русское мнѣніе объ Англіи, всего необходимѣе брать въ расчетъ такого рода предубѣжденія. Во внутренней и внѣшней политикѣ Россіи бывали моменты, встрѣчавшіе не рѣдко протесты въ Англіи, а иногда даже и взрывы негодованія. Со времени послѣдней турецкой войны тамъ возрастало тревожное чувство насчетъ русскихъ видовъ на Индію и Константинополь. Я не буду здѣсь изслѣдовать, въ какой степени такія опасенія были основательны: подобныя черныя точки въ политикѣ, во всякомъ случаѣ, не вызываютъ взаимнаго дружескаго пониманія; но и среди внутреннихъ русскихъ вопросовъ есть одинъ, который возбуждалъ не малую долю негодованія въ Великобританіи. Я разумѣю положеніе русскихъ евреевъ. Объ этомъ деликатномъ вопросѣ я не буду опять-таки распространяться; не стану также входить въ тѣ мотивы, которые вліяли всего больше на англійское общественное мнѣніе, къ невыгодѣ Россіи. Такъ или иначе, по всѣмъ этимъ вопросамъ недовольство возникало въ Англіи, а не въ Россіи. Даже въ такъ называемой «патріотической» московской прессѣ трудно было-бы найти прямыя попытки—воинственно возбудить обще-

---

*) Статья эта, задуманная первоначально, какъ публичная рѣчь, появилась въ англійскомъ подлинникѣ въ іюльской книжкѣ «Contemporary Review». Русскій текстъ доставленъ самимъ авторомъ. *Пр. редакціи.*

ственное мнѣніе въ Россіи противъ британскаго владычества въ Индіи. Я отставлю этотъ вопросъ къ сторонѣ, какъ принадлежащій къ области гаданій, смертныхъ страховъ, которые только болѣе или менѣе отдаленное будущее можетъ осуществить или разсѣять. Еврейскій вопросъ болѣе положительный, и суть англійскихъ протестовъ способна возбудить симпатію тѣхъ, кто сочувствуетъ человѣчности и цивилизаціи. Но общественное мнѣніе въ Россіи, по этому вопросу, вовсе не такъ единодушно, какъ обыкновенно принимаютъ это, и мѣры правительства не вполнѣ соотвѣтствуютъ идеямъ того меньшинства, которое представляетъ собою самую развитую и либерально-мыслящую долю нашей публики. Но даже еслибъ мы и признали, что правительство и нація одинаково желаютъ обращаться съ евреями, какъ съ расой, достойной безпощаднаго преслѣдованія, то этотъ самый фактъ ничего-бы не доказывалъ въ вопросѣ о дѣйствительномъ отношеніи русскаго общества къ Англіи.

Франція и Россія, какъ извѣстно, въ настоящую минуту, сильно дружатъ. Это единеніе чрезвычайно популярно въ обѣихъ странахъ, и самый скептическій наблюдатель долженъ былъ-бы сознаться, что въ демонстраціяхъ Кронштадта, Тулона и Парижа было нѣчто большее— формальнаго обмѣна любезностей. Однако, положеніе евреевъ во Франціи, несмотря на новѣйшую анти-семитскую пропаганду, рѣзко различается отъ положенія той-же самой расы въ Россіи. Стало-быть, различіе во внутренней политикѣ, по этому вопросу, въ двухъ странахъ согласимо не только съ признаніемъ взаимныхъ интересовъ и достоинствъ, но и съ искренними порывами симпатіи, несмотря на то, что оба государства не разъ вели между собою войны, какъ это случалось между Франціей и Россіей.

Моя цѣль—разсмотрѣть, каково *дѣйствительное* общественное мнѣніе въ Россіи объ Англіи, беря въ расчетъ, какъ я уже сказалъ, взгляды той доли русскаго общества, на которую съ полнымъ правомъ можно смотрѣть, какъ на самую развитую въ умственномъ и соціальномъ смыслѣ. Съ этой цѣлью я сначала кратко очерчу ходъ знакомства съ Англіей и англійскими дѣлами въ Россіи, начиная съ того періода, когда двѣ націи вступили другъ съ другомъ въ непосредственныя сношенія.

Со средины шестнадцатаго вѣка, въ царствованіе царя Ивана Грознаго, политическія и торговыя сношенія между двумя правительствами и обоими народами не только существовали, но и приняли довольно дружественный характеръ. Англійскіе купцы добились привилегій въ Россіи, какія не были даны другимъ иностранцамъ, и грозный царь такъ былъ привлеченъ силой и блескомъ англійской короны и благоденствіемъ ея подданныхъ, что добровольно вступилъ въ дипломатическую переписку съ королевой Елизаветой. Къ тому времени онъ былъ уже по-

жилой человѣкъ и нарушилъ нѣсколько браковъ, дѣйствуя по этой части такъ-же, какъ и король Генрихъ VIII. Онъ сдѣлалъ англійской королевѣ предложеніе и, послѣ ея очень ловкаго отказа, задумалъ жениться на англійской принцессѣ, рекомендованной ему умной королевой. Московія и ея жители сдѣлались въ семнадцатомъ вѣкѣ предметомъ довольно обстоятельныхъ описаній англійскихъ путешественниковъ, и весьма извѣстная книга Флетчера до сихъ поръ считается очень хорошимъ источникомъ для изученія домашней жизни, религіозныхъ обычаевъ, управленія и экономическихъ рессурсовъ стараго московскаго царства.

Въ реформахъ Петра Великаго преобладало голландское и нѣмецкое вліяніе и для умственной, и для матеріальной культуры нашей страны. Нѣмецкіе порядки, въ особенности, были въ ходу въ царствованіе императрицы Анны, но при императрицѣ Елизаветѣ, бывшей всегда политическимъ другомъ французской монархіи, языкъ, обычаи, вкусы и моды Франціи дѣлались все популярнѣе. Съ этой эпохи французскій языкъ сталъ языкомъ нашего двора и никогда не былъ вытѣсненъ какимъ-либо другимъ иностраннымъ языкомъ въ нашихъ высшихъ классахъ.

Императрица Екатерина II-я, во внѣшней политикѣ, не была особенно наклонна къ союзу съ Франціей, но воспиталась во французскихъ идеяхъ и вкусахъ. Она говорила и писала по-французски почти такъ-же, какъ на своемъ родномъ языкѣ, изучала съ раннихъ лѣтъ знаменитыхъ французскихъ писателей съ большимъ интересомъ и симпатіей; стала сама русскимъ писателемъ подъ умственнымъ руководствомъ французскихъ свободныхъ мыслителей, вела переписку съ Вольтеромъ и Дидро, заимствовала свои политическія и нравственныя идеи у Монтескьё, какъ руководящіе принципы трактатовъ и статутовъ, которые сама обрабатывала. На ея внука, Александра I-го, можно такъ-же посмотрѣть, какъ на выученика французскихъ идей и литературныхъ вкусовъ восемнадцатаго вѣка. Его воспитатель былъ французъ Лагарпъ, и ежедневный языкъ — также французскій. Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, можно сказать, что при русскомъ дворѣ и въ высшемъ дворянствѣ французскій жаргонъ сдѣлался обязательнымъ для каждаго, кто желалъ играть какую-нибудь роль въ обществѣ.

Но съ этой эпохи замѣчается нѣкоторая перемѣна въ умственныхъ и нравственныхъ стремленіяхъ высшихъ классовъ въ Россіи. Интересъ къ англійскому языку и жизни началъ проявляться, вопреки общему увлеченію всѣмъ тѣмъ, что было французское. Война 1812 г. содѣйствовала этому повороту мнѣній. Англійскіе авторы—романисты, публицисты, критики, моралисты—стали переводиться, дѣтей аристократическихъ фамилій (болѣе дѣвочекъ, чѣмъ мальчиковъ) часто учили англійскому языку и, къ концу царствованія Александра I-го, англійскій стиль сдѣлался очень «faschionable» въ большомъ свѣтѣ Петербурга и Москвы. Такъ

называемые *англійскіе* клубы заводились въ обѣихъ русскихъ столицахъ; такіе писатели, какъ Вальтеръ-Скоттъ и Байронъ, затмили на извѣстное время обаяніе французскихъ поэтовъ и романистовъ. Въ нашей лучшей сатирической комедіи, относящейся къ концу этого періода, въ «Горе отъ ума», мы находимъ намеки и нападки, обращенные противъ *англомановъ*, которые обезьянятъ англійскіе фасоны — явный признакъ того, что англійское вліяніе достаточно уже проникло въ русскую великосвѣтскую жизнь. Нѣсколько позднѣе, въ теченіе первыхъ пятнадцати лѣтъ царствованія Николая, образованный средній классъ вовлеченъ былъ также въ извѣстнаго рода англоманію подъ руководящимъ вліяніемъ русскихъ періодическихъ изданій, гдѣ англійскіе авторы были очень въ ходу. Послѣ Вальтеръ-Скотта и Байрона симпатіи публики раздѣляли Бульверъ, Куперъ и, поверхъ всего, два большихъ романиста—Диккенсъ и Тэккерей. Цензура, бывшая очень строгой во все царствованіе Николая I-го, сдѣлалась еще суровѣе послѣ французской революціи 1848 года и почти не допускала переводовъ англійскихъ книгъ, написанныхъ въ духѣ политическаго и философскаго свободомыслія. Въ этомъ отношеніи царствованія Екатерины II-й и ея старшаго внука были мягче и, какъ я сказалъ, большая часть англійскихъ философовъ, политическихъ мыслителей и моралистовъ были переведены въ то именно время. Англійскій писатель Бентамъ—представитель европейскаго движенія нравственныхъ идей въ началѣ девятнадцатаго столѣтія — былъ одинъ изъ любимыхъ авторовъ самаго Александра I-го, вплоть до перемѣны въ сторону мистицизма, овладѣвшаго душой этого государя къ концу его царствованія. Идеи Бентама преобладали во многихъ кружкахъ Петербурга и Москвы, довольно долго. Философскія произведенія Бэкона и Локка, а также шотландская психологическая школа находили себѣ послѣдователей между образованными русскими журналистами, студентами, даже свѣтскими людьми — мужчинами и женщинами.

Мы подходимъ къ тому моменту, въ которомъ можно видѣть демаркаціонную линію между двумя эпохами, когда, послѣ крымской войны и смерти Николая I-го, русское общество отдалось прогрессивнымъ идеямъ, движимое глубокимъ сознаніемъ тѣхъ пороковъ, злоупотребленій и язвъ, какіе разъѣдали общественную жизнь и домашній бытъ нашей страны. Самое высшее зло стараго уклада въ Россіи — крѣпостное право — было уничтожено въ 1861 г., и мы можемъ признать въ этомъ событіи гарантію и символъ всѣхъ остальныхъ элементовъ и умственнаго, и нравственнаго освобожденія.

Немного болѣе четверти вѣка назадъ, въ 1868 г., я напечаталъ, во время моего пребыванія въ Лондонѣ, краткій этюдъ подъ названіемъ «Нигилизмъ въ Россіи». Эта работа была предложена мнѣ тогдашнимъ главнымъ редакторомъ «Fortnightly review» Джономъ Морлэй, впослѣд-

ствіи министромъ по ирландскимъ дѣламъ. Онъ находилъ, что тогда англійская публика не имѣла никакого яснаго представленія о такъ называемомъ *нигилизмѣ*. А нигилизмъ, какъ разъ къ тому времени, заставилъ уже говорить о себѣ въ западной Европѣ по поводу волненій среди русской молодежи въ обѣихъ нашихъ столицахъ и даже въ провинціи, подъ вліяніемъ русской революціонной прессы, руководимой политическими эмигрантами. Въ этомъ этюдѣ я старался опредѣлить философское и научное происхожденіе нигилизма, *въ первый періодъ его развитія*, и показать, что, въ нѣкоторыхъ направленіяхъ въ этомъ развитіи преобладало вліяніе англійскихъ писателей. Книга Бокля открыла собою серію произведеній, сдѣлавшихся, для русскаго юношества, источникомъ возрождающихъ идей и упованій. Чарльзъ Дарвинъ, Гербертъ Спенсеръ, Маудсли, Льюисъ, Джонъ Стюартъ Милль — въ соціальныхъ и экономическихъ вопросахъ—вотъ кто были настоящіе иниціаторы движенія, въ которомъ можно различать два теченія: одно болѣе серьезное и умѣренное, другое съ преувеличенной пропагандой отрицательныхъ и матеріалистическихъ доктринъ. Мы остановимся только на первомъ. Въ теченіе послѣдней четверти текущаго столѣтія самая образованная и либерально-мыслящая доля нашей публики не переставала быть въ постоянномъ умственномъ соприкосновеніи съ англійской литературой, интересуясь, нисколько не меньше, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, англійской жизнью въ разныхъ смыслахъ.

И теперь, послѣ этихъ предварительныхъ соображеній, я поставлю главный вопросъ: русское общественное мнѣніе въ девятнадцатомъ вѣкѣ (исключая періоды войнъ и политическихъ столкновеній) было-ли враждебно англійской націи или равнодушно къ соціальному движенію Великобританіи и къ произведеніямъ ея изящной литературы, науки и философіи? Утверждаю, что на этотъ вопросъ долженъ быть данъ отрицательный отвѣтъ каждымъ русскимъ, или англичаниномъ, кто не желаетъ быть обвиненнымъ въ пристрастіи. Это можно легко доказать фактами, и самымъ лучшимъ способомъ доказательства было-бы—набросать сравнительную картину развитія русскаго общественнаго мнѣнія объ Англіи и тѣхъ колебаній, какія нѣмцы и французы вызывали въ нашемъ образованномъ обществѣ за тотъ-же періодъ времени.

Нѣмцы—наши ближайшіе сосѣди—не перестаютъ до сихъ поръ производить вліяніе на русскую культуру, во всѣхъ направленіяхъ. Они были и теперь еще могутъ считаться посредствующимъ элементомъ между Россіей и западной Европой. Но эти продолжительныя и постоянныя сношенія съ нѣмцами, то болѣе или менѣе добровольное подчиненіе, какое мы оказывали имъ, какъ нашимъ преподавателямъ и воспитателямъ — все-таки же не помѣшали русскому общественному мнѣнію проходить черезъ большія неровности въ смыслѣ взглядовъ и симпатій.

Нѣмцевъ у насъ не любятъ, не только крайніе «патріоты», но даже и весьма космополитически настроенные люди, въ добавокъ обязанные нѣмецкой культурѣ значительной долей своего развитія. Это можно отчасти объяснить положеніемъ двухъ странъ, ихъ ближайшимъ сосѣдствомъ, хотя нѣмцы и русскіе не воевали между собою, какъ извѣстно, съ самой Семилѣтней войны. Тотъ фактъ, что балтійскія провинціи, гдѣ высшіе классы нѣмецкаго происхожденія, были присоединены къ имперіи, въ царствованіе Петра Великаго, а, впослѣдствіи, императрицы Екатерины II, способствовалъ также извѣстному антагонизму между двумя расами, вопреки постояннымъ сношеніямъ и общимъ интересамъ всякаго рода.

На счетъ французовъ и Франціи наше общественное мнѣніе прошло также чрезъ разнообразныя и противорѣчивыя полосы. Увлеченіе французскимъ языкомъ и модами не было у насъ никогда до такой степени преобладающимъ въ среднемъ классѣ, какъ въ высшемъ сословіи; но даже въ дворянскихъ сферахъ, между крупнымъ чиновничествомъ и помѣщичествомъ, гдѣ иностранный стиль жизни чрезвычайно въ ходу — болѣе проницательный наблюдатель, быть можетъ, не нашелъ-бы настоящей политической или нравственной *солидарности* между существенными качествами современной французской націи и тѣми pia desideria, какія мы видимъ въ нѣкоторыхъ членахъ высшаго класса въ Россіи. Современная Франція—демократическая и свободомыслящая республика. Она обладаетъ уже учрежденіями, обезпечивающими ей въ будущемъ соціальный прогрессъ, между тѣмъ какъ большинство нашихъ патріотическихъ «франкомановъ» проникнуты до сихъ поръ абсолютными принципами, склонны защищать кастовыя чувства и привилегіи и врядъ-ли способны дѣйствительно оцѣнивать все то, что Франція создала великаго въ политикѣ, наукѣ, искусствѣ и передовыхъ идеяхъ, даже ясно оцѣнивать крупныя черты французской исторіи. А съ другой стороны, мы находимъ, и въ писательскихъ, и въ университетскихъ кружкахъ Россіи, на протяженіи всего девятнадцатаго столѣтія, періоды, когда французскія симпатіи бывали вполнѣ или значительно затемняемы нѣмецкими. Мало развитая публика, конечно, продолжала читать популярные французскіе романы, но авторитетъ французской литературной и философской мысли бывалъ иногда сильно колебленъ. Даже великіе французскіе писатели на долгое время впадали въ немилость подъ вліяніемъ нѣмецкихъ и англійскихъ идей и вкусовъ.

Ничего подобнаго мы не наблюдаемъ въ отношеніяхъ русскаго либеральнаго общества къ Англіи: ни колебанія мнѣній, ни контрастовъ симпатій и враждебности, ни періодовъ равнодушія или упадка. Напротивъ, мы видимъ постоянный и увеличивающійся ростъ во всѣхъ направленіяхъ. Философія, наука, литература, политика, техническія усовершенствованія британскаго происхожденія—и въ настоящую минуту нисколько не менѣе

оцѣниваются въ нашей странѣ, чѣмъ это было десять и двадцать лѣтъ назадъ. Въ русской критической литературѣ такія имена, какъ Бэконъ. Локкъ. Юмъ, Милль, Бокль, Дарвинъ, Шекспиръ, Байронъ, Шелли. Тэккерей, Диккенсъ, Маколей, Джоржъ Эліотъ — никогда не были предметомъ нападокъ со стороны либеральнаго лагеря, который, отъ времени до времени, становился довольно страстно враждебнымъ къ нѣкоторымъ нѣмецкимъ и французскимъ писателямъ. Въ техническомъ и профессіональномъ дѣлѣ, въ области спорта, фешенебельнаго изящества и комфорта англійское *торговое клеймо* занимаетъ несомнѣнно первое мѣсто. Не только британскіе товары и произведенія высоко цѣнятся, но также и тѣ, кто представляетъ собою англійское умѣнье и трудолюбіе въ Россіи: директора фабрикъ, механики всякаго рода, инженеры, моряки, спеціалисты, завѣдующіе промышленными и торговыми обществами. Если британскія артистическія произведенія до сихъ поръ не цѣнятся въ Россіи какъ-бы слѣдовало—это происходитъ единственно отъ недостатка прямого знакомства съ артистами, которые прославили, въ своемъ отечествѣ, живопись и другія области изящныхъ искусствъ.

Было-бы, по моему, излишнимъ допытываться—въ какой степени характеръ англичанъ, ихъ особенности вообще, симпатичны русскому народу? До сихъ поръ прямыя сношенія съ англичанами очень ограничены въ предѣлахъ Россіи, чтобы рѣшить подобный вопросъ въ томъ или иномъ смыслѣ. Правда — извѣстнаго рода опытъ былъ сдѣланъ во время крымской войны. Тѣ, кто присматривался къ сношеніямъ непріятелей, находили, что съ французами мы ладили больше, чѣмъ съ англичанами, что легко объясняется болѣе живымъ характеромъ французовъ. Но не нужно забывать, что мы изслѣдуемъ истинный уровень современнаго общественнаго мнѣнія объ Англіи, а не то, что могло-бы быть. Спросите какого угодно образованнаго русскаго въ Россіи, какъ тѣхъ, кто составилъ себѣ мнѣніе только изъ англійскихъ книгъ, такъ и тѣхъ, кто имѣлъ прямыя сношенія съ англичанами—и вы, конечно, услышите отзывы, которые сводятся къ слѣдующему: англичане—народъ серьезный, честный, добросовѣстный, энергическій, выносливый въ каждомъ дѣлѣ и очень гостепріимный—у себя дома.

Разумѣется, такую оцѣнку не подтвердятъ безусловно всѣ тѣ русскіе, какіе сталкивались съ англичанами въ своихъ заграничныхъ поѣздкахъ. Мы знаемъ, что есть разница между англичаниномъ дома и заграницей, въ особенности когда мы встрѣчаемся съ извѣстнаго рода путешественниками въ дешевыхъ поѣздахъ и въ дешевыхъ табльдотахъ. Вѣдь и мы, русскіе, не особенно пріятны, когда съ нами сталкиваются въ вагонахъ или на палубѣ пароходовъ. Такія *запинки* національнаго темперамента нельзя серьезно брать въ соображеніе. Русскіе прекрасно понимаютъ разницу между истинными качествами и второстепенными или случайными слабостя-

ми. Они знаютъ, что англичане, являющіеся изучать нашу страну, дѣлаютъ это обыкновенно съ большой искренностью, въ духѣ терпимости и съ яснымъ пониманіемъ нашего характера и всего того, что нашъ простой народъ и образованные классы имѣютъ хорошаго въ обычаяхъ, чувствахъ и стремленіяхъ.

Изъ новѣйшихъ книгъ путешествій, посвященныхъ Россіи, лучшая—безъ всякаго сомнѣнія — книга сэра Мекензи Уоллеса, который употребилъ семь лѣтъ на изученіе нашего отечества. Онъ, по крайней мѣрѣ, былъ способенъ самъ убѣдиться—въ какой степени русскіе, съ кѣмъ онъ ни сталкивался,—враждебны всему тому, что Англія выработала самаго лучшаго. Онъ могъ-бы также засвидѣтельствовать и то: считалъ-ли онъ себя до такой-же степени отчужденнымъ, когда попадалъ въ образованную русскую среду: онъ, самъ по себѣ, настоящій коренной англичанинъ. А его экскурсіи по Россіи были въ высшей степени интересны даже и для насъ.

Русскіе всѣхъ классовъ, и особенно наши крестьяне, долго не забудутъ, что въ годину голода англо-саксонская раса выказала себя самой великодушной. Добровольныя приношенія зерномъ и деньгами, прибывшія изъ Англіи и Америки, были замѣчательнымъ доказательствомъ того, какъ два народа саксонской расы понимаютъ настоящее единеніе между цивилизованными народами.

Какія заключенія можно вывести изъ этого краткаго, но существеннаго анализа?

Во-первыхъ, то, что совсѣмъ неразумно смѣшивать тенденціи правительствъ и офиціальныхъ сферъ съ независимымъ общественнымъ мнѣніемъ, особенно въ такой странѣ, какъ Россія. Ничто возможное въ политическихъ комбинаціяхъ и даже столкновеніяхъ не измѣнитъ идей и симпатій, которыя лучшее русское общество вырабатывало себѣ относительно Англіи въ послѣдніе годы.

Во-вторыхъ: Великобританія, соціальныя и политическія условія страны, обычаи частной и публичной жизни, ея философія, наука, литература, экономическое благосостояніе и т. д.—были и въ настоящую минуту не перестаютъ быть предметомъ самого серьезнаго интереса въ образованныхъ сферахъ Россіи. Въ послѣднія десять лѣтъ эти умственныя и нравственныя связи были еще закрѣплены въ силу быстраго развитія въ Англіи общей заботы о рабочемъ людѣ, искренняго желанія высокообразованныхъ классовъ подвинуть культуру народной массы. Ирландскій вопросъ, въ которомъ значительная часть націи проявила такія великодушныя стремленія, способствовалъ также, не въ малой мѣрѣ, созданію добрыхъ чувствъ между либерально мыслящими русскими. Имя «великаго старца», сдѣлавшаго изъ этого вопроса высшій моментъ своей политической карьеры, такъ-же популярно среди насъ,

какъ и въ какой-бы то ни было чужой странѣ, а живая симпатія всѣхъ передовыхъ русскихъ къ высокому идеалу этого государственнаго человѣка и патріота является результатомъ долгаго и молчаливаго процесса, происходившаго въ нѣдрахъ русскаго общества въ теченіе девятнадцатаго вѣка.

Такого рода связь—самая твердая основа для взаимнаго уваженія двухъ великихъ народовъ. Безъ нея нѣтъ просвѣта въ сторону истиннаго человѣчнаго прогресса, какой неминуемо переживетъ всякія временныя столкновенія и ложныя толкованія такъ называемаго патріотическаго чувства и международнаго соперничества.

П. Боборыкинъ.

ИСПОВѢДЬ.

Анни Безантъ.

Конецъ 1883 года прошелъ среди обычнаго тяжелаго труда. Билль объ уничтоженіи обязательной присяги былъ отмѣненъ, а агитація, возбужденная м-ромъ Брэдло, все разросталась, либеральная пресса склонилась на его сторону. Въ Амстердамѣ состоялся вскорѣ международный конгрессъ, собравшій въ голландской столицѣ многихъ изъ нашихъ единомышленниковъ. Для меня лично годъ этотъ представлялъ большой интересъ, такъ какъ я познакомилась тогда впервые съ рабочимъ движеніемъ. Я вникала мало до тѣхъ поръ въ экономическія основанія соціалистическаго ученія. Я не была знакома съ соціалистическимъ ученіемъ, такъ какъ изучала только въ молодости англійскихъ экономистовъ старой школы. Въ началѣ февраля мнѣ въ первый разъ попалась въ руки газета, называемая «Justice», въ которой были нападки на м-ра Брэдло.

Весна ознаменовалась двумя событіями—м-ръ Брэдло опять лишился депутатскаго мѣста, вслѣдствіе возобновленнаго постановленія палаты объ его удаленіи, и съ торжествомъ вернулся въ палату, избранный въ четвертый разъ 4032 голосами, т. е. значительно возросшимъ съ послѣднихъ выборовъ числомъ избирателей. Другимъ событіемъ было освобожденіе м-ра Фута изъ голлоуэзской тюрьмы и его тріумфальное возвращеніе домой, устроенное друзьями. 12-го марта ему и его товарищамъ устроенъ былъ торжественный пріемъ въ научномъ клубѣ и передано было много подношеній отъ друзей и сочувствующихъ.

17-го апрѣля въ St. James's Hall, въ Лондонѣ, между м-ромъ Брэдло и м-ромъ Гейдманомъ произошелъ публичный диспутъ, побудившій меня серьезно заняться этими вопросами.

Въ это время также я познакомилась съ Джорджемъ Бернардомъ Шо, большимъ оригиналомъ въ жизни. Онъ былъ геніаленъ въ своемъ искусствѣ выводить изъ себя энтузіастовъ партій и имѣлъ особую страсть

выдавать себя за негодяя. При моей первой встрѣчѣ съ нимъ на лекціи въ South Place Institute онъ отрекомендовалъ себя «праздношатающимся», и я отозвалась о немъ довольно рѣзко въ «Reformer», потому что праздношатающіеся были мнѣ ненавистны, и вдругъ я узнаю, что Бернардъ Шо очень бѣденъ, потому что его убѣжденія заставили его предпочитать матеріальную нужду духовному порабощенію; назвалъ-же онъ себя праздношатающимся только потому, что ему безразлично было какого о немъ будутъ мнѣнія. Конечно, я извинилась предъ нимъ за свое строгое сужденіе, но почувствовала внутреннюю досаду за то, что онъ провелъ меня. Тѣмъ временемъ я все болѣе отдалялась отъ политики и отдавалась все болѣе народному дѣлу. Въ іюнѣ я очутилась въ числѣ протестующихъ противъ билля сэра Джона Леббока, который устанавливалъ норму въ 12 часовъ—въ день для труда малолѣтнихъ рабочихъ. «12-ти часовой рабочій день—сущее варварство», писала я. «Если законъ признаетъ возможность 12 часовой работы, жизнь сдѣлаетъ это общимъ правиломъ По моему, законнымъ количествомъ рабочихъ часовъ «должно быть восемь часовъ въ пять дней недѣли и не болѣе пяти часовъ на шестой. Если работа изнурительнаго свойства, этотъ срокъ слишкомъ большой». Новая окраска моего образа мыслей обнаружилась, когда я стала требовать, чтобы въ народныхъ школахъ дѣтямъ давали ѣсть, потому что иначе они падаютъ подъ двойнымъ бременемъ—обученія и голода.

Въ январѣ 1885 г. появились первые нападки на мои воззрѣнія; онѣ исходили отъ м-ра В. П. Баля, пославшаго въ «Reformer» возраженіе на высказанную мною мысль о снабженіи пищей дѣтей городскихъ школъ. Возникла небольшая полемика, въ которой я отстаивала свой взглядъ, уклоняясь отъ вопроса — соціалистка-ли я по своимъ убѣжденіямъ. Я не рѣшалась примкнуть открыто къ соціалистической партіи изъ-за ея враждебнаго отношенія къ м-ру Брэдло. На его сильный, настойчивый характеръ, окрѣпшій въ рѣзко выраженномъ индивидуализмѣ, доводы молодого поколѣнія не имѣли вліянія. Онъ не могъ измѣнить своихъ воззрѣній изъ-за того, что народилось новое пониманіе жизненныхъ задачъ, и онъ не видѣлъ до чего отличенъ соціализмъ нашихъ дней отъ прежнихъ соціалистическихъ мечтаній о неосуществимомъ идеалѣ лучшаго строя общества. Могла ли я рѣшаться на поступокъ, который долженъ былъ привести къ столкновенію съ самымъ дорогимъ другомъ, ослабить глубокую дружбу, такъ давно установившуюся между нами? Вся моя душа, благодарность, которую я чувствовала къ м-ру Брэдло— все возставало противъ мысли о союзѣ съ тѣми, которые такъ несправедливо поступали относительно него.

Общіе выборы произошли осенью того-же года, и Нордгэмптонъ въ пятый разъ избралъ м-ра Брэдло, полагая этимъ конецъ долгой борьбѣ,

потому что м-ръ Брэдло принесъ присягу, занявъ свое мѣсто при возобновленіи засѣданій въ январѣ; тотчасъ-же затѣмъ онъ внесъ въ палату предложеніе «билля о присягѣ», который давалъ-бы право каждому замѣнить присягу завѣреніемъ истины своихъ словъ. М-ръ Брэдло былъ избранъ большимъ количествомъ голосовъ, чѣмъ когда-либо прежде — 4,315 голосовъ было за него; онъ вступилъ въ парламентъ съ ореоломъ своей громкой борьбы и сдѣлался такимъ образомъ сразу однимъ изъ передовыхъ дѣятелей, сила и значеніе котораго были признаны всѣми въ палатѣ. Произошла попытка вновь возбудить протестъ противъ его избранія, но предсѣдатель палаты, м-ръ Пиль, сразу разрушилъ ее. Сэръ Мейкэль, Гиксъ Бичъ, м-ръ Сесиль Райксъ и сэръ Джонъ Геновэй обратились письменно къ предсѣдателю, прося его принять участіе въ проектируемомъ протестѣ, но м-ръ Пиль отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ ни власти, ни права не допустить къ присягѣ законно избраннаго члена палаты. Этимъ закончилась шестилѣтняя парламентская борьба, изъ которой побѣдитель вышелъ съ расшатаннымъ здоровьемъ и съ окончательно разстроенными матеріальными средствами; слѣдствіемъ пережитыхъ волненій была его ранняя смерть. Онъ достаточно долго жилъ, чтобы оправдать свое избраніе, чтобы доказать свое значеніе парламенту и всей Англіи, но умеръ слишкомъ рано, не успѣвъ сдѣлать для своей родины всего того, на что его дѣлали способнымъ его долгая подготовка, большія знанія, отважность и высокая честность.

Я подверглась сильнымъ нападкамъ за свою пропаганду со стороны радикальныхъ членовъ партіи свободомыслящихъ и, пересматривая теперь направленныя противъ меня въ то время статьи, я вижу, про меня говорили, что во мнѣ «столько-же твердости, какъ въ кувшинѣ съ молокомъ». Тотъ-же любезный критикъ говорилъ, что, по дошедшимъ до него слухамъ, «м-ссъ Безантъ, какъ большинство женщинъ, заимствуетъ свои экономическія идеи отъ знакомыхъ мужчинъ, занимающихся этими вопросами». Я имѣла глупость оправдываться передъ подобнымъ противникомъ, не убѣдившись еще что самозащита прямая потеря времени, которое могло-бы быть употреблено съ гораздо большей пользой на служеніе другимъ людямъ. Я-бы, конечно, не стала теперь тратить времени на то, чтобы написать слѣдующее: «Съ той минуты, какъ критикъ начинаетъ пользоваться тѣмъ, что авторъ—женщина и этимъ опровергать высказываемыя ею мысли, серьезный читатель понимаетъ, что у критика нѣтъ болѣе серьезныхъ возраженій. Положительно, всѣ эти глупыя нападки на женскую неспособность къ самостоятельному мышленію и дѣятельности утратили свою силу и на нихъ можно только отвѣтить насмѣшкой надъ безконечнымъ «мужскимъ самодовольствомъ» критика. Могу прибавить, что подобныя стрѣлы особенно недѣйствительны противъ меня. Эти слова были излишни, какъ всякая

самозащита, и вызывали, какъ всякое возраженіе, продолженіе полемики. Но еще не пришла пора самообладанія, знающаго истинную цѣну сужденій другихъ людей, безразличнаго къ похвалѣ и къ хулѣ; я еще не знала, что не нужно отвѣчать зломъ на зло, гнѣвомъ на гнѣвъ; я еще не видѣла нравственнаго закона въ словахъ Будды: «ненависть нельзя побѣдить ненавистью; она побѣждается только любовью».

По мѣрѣ того какъ съ наступленіемъ зимнихъ мѣсяцевъ страданія населенія увеличивались, митинги лишенныхъ заработка становились все многочисленнѣе.

Начался 1887 годъ. Соціалисты употребляли всю свою энергію на организацію помощи лишеннымъ заработка; они побуждали разныя общественныя учрежденія доставать заработокъ уволеннымъ рабочимъ, вносили въ муниципальные совѣты предложенія о томъ, какъ утилизировать продуктивныя силы незанятыхъ рабочихъ, выискивая разныя средства помочь бѣдственному ихъ положенію. Мнѣ пришлось испробовать свою энергію въ четырехдневномъ диспутѣ съ м-ромъ Футомъ и въ письменной полемикѣ съ м-ромъ Брэдло. Напечатанныя отдѣльными брошюрами отчеты о диспутѣ и о полемикѣ съ м-ромъ Брэдло, разошлись въ очень большомъ количествѣ. Серія дневныхъ диспутовъ между ораторами различныхъ партій организована была вскорѣ въ South Place Institute и между мной и Корри Грантомъ произошелъ оживленный споръ, въ которомъ я доказывала, «что существованіе классовъ населенія, живущихъ на незаработанныя средства, губительно для общества и должно было-бы быть прекращено законодательнымъ порядкомъ». Другой диспутъ произошелъ письменно въ «National Reformer» между пасторомъ Гэндель Роу и мной по вопросу: «имѣетъ-ли атеизмъ логическія основанія и возможно-ли существованіе атеистической системы, которая-бы руководила нравственной стороной человѣческой жизни». Съ наступающей осенью нищета становилась все грознѣе, такъ что въ сентябрѣ я писала: «несомнѣнно только одно—общество должно заняться рабочими, лишенными возможности заработка. Нѣкоторое развлеченіе отъ дѣлъ доставлялъ намъ устроившійся въ то время чэрингъ - кроскій парламентъ, въ которомъ мы съ большимъ рвеніемъ обсуждали «злобы дня». Организована была дружная партія, которая побѣдила либеральное правительство, забрала въ руки бразды правленія и послѣ тронной рѣчи, въ которой королева обращалась къ палатѣ съ неслыханной до того (и послѣ того) простотой и искренностью — мы внесли въ парламентъ нѣсколько биллей истинно героическаго характера. Бернардъ Шо, въ качествѣ предсѣдателя городскаго управленія, и я, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, рѣзко критиковали рѣзкія мѣры правительства.

Слѣдующій изъ моихъ письменныхъ диспутовъ произошелъ въ октябрѣ на тему «о христіанскомъ ученіи», и это была пятая изъ серій моихъ

чтеній и диспутовъ въ эту зиму. Въ томъ-же мѣсяцѣ произошла тяжелая для меня, но необходимая перемѣна: я отказалась отъ очень цѣннаго для меня положенія соредактора «National Reformer», и померъ отъ 23-го октября появился только за подписью Чарльза Брэдло. Эта перемѣна не имѣла вліянія на мою работу въ газетѣ, но я изъ члена редакціи сдѣлалась только сотрудницей. Причины этого шага яснѣе всего изложены были мною печатно: «Въ теченіе послѣдняго времени», писала я, «до меня стало доходить все болѣе и болѣе жалобъ съ разныхъ сторонъ, сбивающихъ съ пути различныя мнѣнія членовъ редакціи по вопросу о соціализмѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я предложила устранить это осложненіе, отказавшись отъ соредакторства; но мой товарищъ по изданію, съ свойственнымъ ему великодушіемъ, попросилъ меня не дѣлать этого и посмотрѣть, нельзя-ли вести дѣло попрежнему. Но трудность, вмѣсто того чтобы исчезнуть, все увеличивалась, и какой-нибудь исходъ становился неизбѣжнымъ; мы оба чувствовали, что читатели въ правѣ требовать разрѣшенія неопредѣленнаго положенія газеты. Расколъ съ м-ръ Брэдло по рабочему вопросу совершился по моей винѣ, а не по его, и поэтому я должна выйти изъ состава редакціи. Во всѣхъ другихъ вопросахъ нашей обширной программы мы сходимся и, вѣроятно, будемъ всегда продолжать смотрѣть одинаково. Перехожу по этому на прежнее положеніе сотрудника, снимая такимъ образомъ съ «National Reformer» всякую отвѣтственность за мои взгляды».

Къ этому м-ръ Брэдло прибавилъ слѣдующее:

«Я считаю почти лишнимъ прибавить къ сказанному выше, какъ глубоко я сожалѣю о необходимости для м-ссъ Безантъ отказаться отъ совмѣстнаго со мной веденія журнала, и какъ искренно я скорблю объ ея отказѣ отъ положенія, въ которомъ она оказала такъ много услугъ дѣлу свободомыслія и радикализма. Я надѣюсь, что «National Reformer» не утратитъ въ ней постоянную сотрудницу, содѣйствіе которой крайне драгоцѣнно. Въ теченіе 13-ти лѣтъ эта газета обязана была значительной частью своихъ достоинствъ ея неутомимому плодотворному труду. Я согласенъ съ ней, что изданіе должно имѣть опредѣленное направленіе, и я считаю эту опредѣленность тѣмъ болѣе необходимой, что каждому сотруднику газеты предоставляется полная свобода пера. Я понимаю и выражаю глубокое уваженіе предъ героическимъ самоотверженіемъ, внушившимъ м-ссъ Безантъ строки, къ которымъ я прибавляю эти нѣсколько словъ. Чарльзъ Брэдло».

Безконечно тяжело было мнѣ порвать связь, за которую я такъ дорого заплатила тринадцать лѣтъ тому назадъ; но справедливость требовала этого шага. Если приходится принять рѣшеніе, сопряженное съ нравственными страданіями, то долгъ чести требуетъ, чтобы по возмож-

ности брать трудности и страданія на себя, нельзя возлагать жертвы на другихъ или платить выкупъ за себя чужими деньгами. Долгъ чести необходимо долженъ быть закономъ для человѣка съ стремленіями къ идеалу, и нарушеніе вѣрности этому стремленію есть единственная истинная измѣна въ жизни.

У меня была еще одна причина, побуждавшая меня отдѣлиться отъ м-ра Брэдло, но я не рѣшалась назвать ее ему, потому что, съ свойственной ему щепетильностью въ вопросахъ чести, онъ-бы упрямо отказался допустить мой выходъ изъ состава редакціи. Я видѣла перемѣну, происшедшую въ общественномъ мнѣніи, видѣла, какъ постепенно склонялись на его сторону либералы, державшіеся прежде вдали отъ него; я знала, что на меня они смотрѣли крайне недружелюбно, и что, если-бы мое участіе въ его дѣйствіяхъ было-бы менѣе замѣтнымъ, ему было-бы гораздо легче слѣдовать своему пути. Въ виду этого, я старалась все болѣе уходить на второй планъ и не сопровождала болѣе м-ра Брэдло на митинги. Я уже не могла быть ему полезной въ его общественной дѣятельности, напротивъ мое сообщничество приносило ему вредъ. Пока онъ былъ отверженнымъ и окруженъ всеобщей ненавистью, я съ гордостью стояла за него; но когда его стали окружать друзья, которые всегда являются вмѣстѣ съ успѣхомъ, я могла быть наиболѣе полезной ему, отстранивъ себя отъ его дѣла. Но всю литературную совмѣстную работу я продолжала попрежнему, и теоретическія разногласія не нарушили его добраго отношенія ко мнѣ, хотя, послѣ послѣдовавшаго вскорѣ присоединенія моего къ теософическому обществу, онъ потерялъ вѣру въ здравость моихъ сужденій.

Въ теченіе того-же октября рабочими, лишившимися заработка, стали устраиваться процессіи по городу и вслѣдствіе излишней строгости полиціи дѣло дошло до нѣсколькихъ столкновеній. Сэръ Чарльзъ Варренъ считалъ своимъ долгомъ разгонять лондонскіе митинги вооруженной силой, подобно тому какъ это дѣлается префектами континентальныхъ городовъ, и неизбѣжнымъ результатомъ его образа дѣйствій было возникновеніе враждебнаго чувства между народной массой и полиціей.

Наконецъ, мы сформировали оборонительную лигу для помощи бѣднымъ рабочимъ, которыхъ привлекали къ суду и осуждали только на основаніи показаній полиціи; сами-же они не имѣли никакой возможности обратиться къ законнымъ средствамъ защиты. Я организовала для подобныхъ случаевъ общество состоятельныхъ людей, которые обѣщали являться каждый разъ, когда ихъ вызовутъ по телеграммѣ, будь то днемъ или вечеромъ, и, внеся залогъ, брать на поруки всякаго изъ рабочихъ, арестованныхъ за пользованіе всегда существовавшимъ правомъ устраивать процессіи и говорить на митингахъ. Беру одинъ примѣръ: арестованы были м-ръ Берлей, извѣстный военный корреспон-

дентъ, и м-ръ Винксъ, обвиняемые въ подстрекательствѣ народа къ мятежу; вмѣстѣ съ ними взятъ былъ и рабочій Найтъ. Я пошла въ полицейскій комиссаріатъ и предложила залогъ за Найта. Начальникъ полиціи Гоуардъ согласился взять залогъ за Берлея и Винкса, но не за Найта. На слѣдующій день, въ полицейскомъ управленіи потребовали за Найта неправдоподобно большой залогъ въ 400 ф. ст. Эта сумма доставлена была моими вѣрными союзниками, и въ слѣдующемъ засѣданіи прокуроръ м-ръ Палендъ отказался отъ обвиненія въ виду отсутствія достаточныхъ показаній. Вскорѣ запрещено было устройство митинговъ на Трафальгеръ-скверѣ и приняты были неожиданно крутыя мѣры.

Мнѣ пріятно вспомнить при этомъ случаѣ, съ какимъ сочувствіемъ м-ръ Брэдло отнесся къ нашей тяжелой борьбѣ съ полиціей, и слѣдующая выписка изъ его газеты показываетъ, съ какимъ великодушіемъ онъ умѣлъ признавать заслуги тѣхъ, которые шли по иному пути, чѣмъ онъ: «Такъ какъ я недавно выказалъ очень существенное разногласіе», писалъ онъ, «съ моей смѣлой и преданной дѣлу союзницей, и такъ какъ это разногласіе сдѣлалось еще болѣе замѣтнымъ вслѣдствіе ея выхода изъ состава редакціи, то я чувствую тѣмъ большую потребность выразить ей мое сочувствіе въ настоящую минуту. Я безконечно благодаренъ ей не только за организацію защиты жертвамъ полиціи, но и за ея ежедневныя посѣщенія полицейскихъ участковъ и тюремъ, гдѣ она значительно повліяла на улучшеніе обращенія съ заключенными съ одной стороны и на успокоеніе раздраженія съ другой. Я не могу сказать, что считаю подобное занятіе подходящимъ для женщины дѣломъ, особенно среди лондонской зимы, но долженъ выразить свое мнѣніе, что дѣйствовала она великолѣпно и принесла громадную пользу. Я особенно настаиваю на этомъ именно потому, что взгляды м-ссъ Безантъ и мои еще болѣе разошлись, чѣмъ я это считалъ возможнымъ, въ принципіальныхъ вопросахъ, составляющихъ основу борьбы, которая становится все болѣе и болѣе серьезной». Чарльзъ Брэдло всегда обнаруживалъ подобную широту взглядовъ и готовность признавать достоинства даже въ людяхъ, идущихъ противъ его принциповъ.

Негодованіе толпы возрастало; полицію старались бойкотировать, при чемъ тактичное и сдержанное поведеніе толпы не давало никакого повода прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ. Наконецъ, положеніе полиціи сдѣлалось невыносимымъ и торійское правительство почувствовало недружелюбность лондонскаго населенія; сэръ Чарльзъ Варренъ былъ тогда смѣщонъ и его замѣнило болѣе распорядительное лицо.

ГЛАВА XIII.

Чрезъ штормъ къ миру.

Среди всѣхъ этихъ треволненій и душевной борьбы окрѣпло братство, въ которомъ таился завѣтъ лучшихъ дней. М-ръ Стэдъ и я сдѣлались близкими друзьями; онъ и я проникнуты были общею любовью къ человѣку и общей ненавистью къ притѣснителямъ. Я писала по этому поводу въ «Our Corner» за февраль 1888 г. слѣдующее:

«Въ послѣднее время у людей, очень различныхъ по своимъ теологическихъ взглядамъ, возникла мысль объ образованіи новаго братства, въ которомъ никто не считался-бы чужимъ, кто не отказывается работать въ пользу человѣчества. Неужели достиженіе подобнаго идеала только мечта энтузіаста? Но вѣдь мы видѣли, какъ люди, такъ сильно расходящіеся между собой въ вопросахъ религіозныхъ, дружно работали въ теченіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ надъ тѣмъ, чтобы помочь жертвамъ насилія и поднять въ нихъ духъ. Общая цѣль заставила всѣхъ насъ согласно работать, и развѣ это не доказываетъ, что существуетъ связь, которая сильнѣе антагонизма, и объединяющая идея, которая глубже разъединяющихъ теорій».

Какъ безсознательно приближалась я къ теософіи, которая должна была увѣнчать мою жизнь въ моемъ слѣпомъ исканіи братскаго союза. Братство это было уже создано «старшими братьями» нашей расы, и къ ихъ ногамъ мнѣ суждено было броситься въ скоромъ времени. Какъ глубоко было во мнѣ стремленіе къ чему-нибудь болѣе высокому, чѣмъ все видѣнное до того, какъ сильно было мое убѣжденіе, что есть нѣчто великое, къ которому приводитъ служеніе людямъ, это видно изъ другого мѣста въ той-же статьѣ:

«Многіе думали, что въ наши дни фабрикъ и желѣзныхъ дорогъ, фальсификацій и поддѣлокъ, жизнь можетъ идти только ровнымъ, будничнымъ шагомъ и что сіяніе идеала уже не можетъ озарить сѣраго горизонта современной жизни. Но много симптомовъ показываютъ, что въ человѣческихъ сердцахъ пробуждается героизмъ старинныхъ вѣковъ. Страстная жажда справедливости и свободы, волновавшая душу великихъ людей прошлаго, находитъ въ насъ живой откликъ и по-прежнему волнуетъ сердца людей. Все еще жива вѣчная притягательная сила св. Граля, но ищущіе не поднимаютъ болѣе глазъ къ небу, не ищутъ по морямъ и въ далекихъ странахъ, потому что они знаютъ, что удовлетвореніе божественнаго стремленія лежитъ въ страданіи, окружающемъ ихъ со всѣхъ сторонъ, что святыня таится въ мукахъ страдающихъ, доведенныхъ до отчаянія бѣдняковъ. Если правда, что бываетъ вѣра, сдвигающая горы невѣжества и зла, то это вѣра въ конечное торжество истины и спра-

ведливости; она только одна придастъ цѣну и смыслъ жизни и освѣщаетъ самыя мрачныя тучи отчаянія свѣтлой радугой безсмертной надежды».

Какъ шагъ къ началу объединенія людей, готовыхъ работать на пользу человѣчества, м-ръ Стэдъ и я основали недѣльную газетку въ полпенса, «The Link». Направленіе ея ясно изъ слѣдующаго эпиграфа, взятаго изъ Виктора Гюго: «Народъ застылъ въ молчаніи. Я буду толкователемъ этого молчанія. Я буду говорить за нѣмыхъ. Я буду говорить великимъ людямъ о маленькихъ, сильнымъ—о слабыхъ... Я буду говорить за всѣхъ, кто полонъ отчаянія и молчитъ. Я объясню ихъ глухой ропотъ, ихъ вздохи, объясню внезапныя волненія толпы, смутно выраженныя жалобы и всѣ звѣрскіе крики, которые издаетъ человѣкъ въ своемъ невѣжествѣ и среди мукъ... Я буду глашатаемъ народа, я все скажу».

«Мы хотимъ,—сказано было въ первыхъ номерахъ,—найти въ каждой деревушкѣ, на каждой улицѣ хоть одного человѣка, мужчину или женщину, которые посвятили-бы время и трудъ служенію людямъ съ той-же готовностью и систематичностью, съ которой многіе относятся къ тому, что считаютъ служеніемъ Богу». Каждую недѣлю появлялся номеръ маленькой газетки, вносившій лучъ истины въ окружающій мракъ. Тамъ предавались огласкѣ мелкіе факты, характеризующіе несправедливость къ народу. Мы писали объ эксплоататорскихъ цѣнахъ на женскій трудъ, о жертвахъ «sweating system», о томъ, какъ заканчивателю сапогъ платили 2 ш. 6 п. за дюжину паръ сапогъ, при чемъ нитки и лакъ были на его счетъ, какъ женщины работали по $10^1/_2$ часовъ въ день надъ сорочками «fantaisie», получая отъ 10 п. до 3 ш. за дюжину; нитки и иголки онѣ должны были покупать сами и кромѣ того еще платить за газъ, за полотенце при умываніи рукъ и за чай, который онѣ обязаны были брать у хозяйки. Ихъ недѣльный заработокъ колебался такимъ образомъ между 4—10 шиллингами. Мастерица верхняго платья зарабатывала $2^1/_2$ шилл. въ недѣлю, и изъ нихъ 6 пенсовъ уходило на прикладъ. Мы отмѣчали также случаи судебнаго преслѣдованія честныхъ, трудящихся безъ устали женщинъ за покушенія на самоубійство въ припадкѣ отчаянія отъ вѣчной нужды. Другой стороной нашей дѣятельности была защита фермеровъ отъ несправедливостей землевладѣльцевъ, разоблаченія скандаловъ, происходящихъ въ рабочихъ домахъ, защита билля объ отвѣтственности хозяевъ, образованіе инспекціонныхъ кружковъ, члены которыхъ слѣдили въ своихъ участкахъ за всѣми случаями жестокаго обращенія съ дѣтьми, вымогательства, негигіеничнаго содержанія мастерскихъ и т. п. и дѣлали мнѣ объ этомъ доклады. Въ этомъ дѣлѣ мнѣ помогалъ Гербертъ Берреусъ, который примкнулъ ко мнѣ во время столкновенія въ Трафальгэрѣ и который написалъ нѣсколько горячихъ статей въ «Link». Онъ страстно былъ преданъ народному дѣлу, нена-

видѣлъ насиліе и несправедливость, работая съ неустанной энергіей, страдая изъ-за зла, противъ котораго онъ не видѣлъ средствъ. Весь его характеръ отразился въ словахъ, которыя онъ сказалъ въ бреду, считая себя умирающимъ: «Скажите народу», просилъ онъ окружающихъ, «какъ я его любилъ всегда».

Мы заботились также о доставленіи обѣдовъ дѣтямъ. «Если мы настаиваемъ на образованіи дѣтей, то необходимо позаботиться и объ ихъ пищѣ. Не дѣлая этого, мы даемъ имъ познанія, которыя они не могутъ ассимилировать, и мучимъ многихъ изъ нихъ прямо до смерти. Мы загоняемъ несчастныхъ дѣтей въ школы и заставляемъ ихъ учиться; ихъ грустные, пытливые глаза спрашиваютъ: зачѣмъ мы причиняемъ это новое странное страданіе и вносимъ новую муку въ ихъ грустное существованіе. «Почему не оставить насъ въ покоѣ?» жалобно спрашиваютъ терпѣливыя маленькія личики. И въ самомъ дѣлѣ, почему-бы этого не сдѣлать, если для этихъ маленькихъ трущобныхъ мучениковъ общество имѣетъ только формулы, а не пищу». Мы вели пропаганду противъ «дешевыхъ товаровъ», потому что они добываются путемъ эксплоатаціи и ограбленія рабочихъ». «Этическіе принципы покупателя должны быть самыми простыми. Намъ нуженъ извѣстный предметъ и мы не хотимъ ни получить его, какъ подарокъ, ни уворовать его. Для того-же, чтобы получить его не воруя, не принимая милостыни, мы должны дать за него взамѣнъ что-нибудь одинаковое по цѣнности. Столько-то труда нашего ближняго вложено было въ изготовленіе нужной намъ вещи; если мы не дадимъ ему что-нибудь по цѣнѣ равное его труду, и возьмемъ его работу, мы грабимъ его и, не желая давать должную цѣну за его трудъ, мы не имѣемъ права на продуктъ его труда».

Эта отрасль нашей дѣятельности привела вскорѣ къ серьезной борьбѣ, закончившейся блестящими результатами. На одномъ засѣданіи фабіанскаго общества миссъ Клементина Блэкъ прочла прекрасную лекцію о женскомъ трудѣ и подала мысль основать «союзъ потребителей», члены котораго дадутъ слово покупать только у продавцевъ не эксплоатирующихъ своихъ рабочихъ. Въ послѣдовавшихъ за лекціей преніяхъ Г. Г. Чемпіонъ обратилъ вниманіе на жалованье рабочихъ на спичечной фабрикѣ Брайанта и Мэя; владѣльцы ея выплачивали такіе дивиденты что акціи, выпущенныя вначалѣ по 5 ф. ст., поднялись до 10½. Гербертъ Берреусъ и я свидѣлись съ нѣсколькими работницами, добыли списки жалованій, штрафовъ и т. д. Мы увидѣли, что въ большинствѣ случаевъ работницы были 16-ти-лѣтнія дѣвушки, работающія поштучно: зарабатываетъ такая дѣвушка шиллинга четыре въ недѣлю и живетъ обыкновенно съ сестрой, которая работаетъ на той-же фабрикѣ и «имѣетъ хорошій заработокъ въ 8 или 9 шиллинговъ въ недѣлю». Изъ этихъ денегъ 2 шил. въ недѣлю платятся за наемъ одной комнатки. Младшая

дѣвушка питается чаемъ и хлѣбомъ съ масломъ на завтракъ и обѣдъ, но, какъ одна изъ нихъ намъ разсказывала съ сіяющими глазами, разъ въ мѣсяцъ она бываетъ на обѣдѣ, «гдѣ даютъ кофе, хлѣбъ съ масломъ и варенье, и много всего этого». Мы опубликовали эти факты подъ заглавіемъ «бѣлокожіе рабы въ Лондонѣ» и уговаривали бойкотировать спички Брайанта и Мэя. «Пора уже, чтобы кто-нибудь вступился за насъ», сказали мнѣ двѣ блѣднолицыя дѣвушки на фабрикѣ. Я писала по этому поводу слѣдующее въ своей газетѣ: «Да кто захочетъ помочь? Многіе сочувствуютъ хорошему дѣлу, но не захотятъ сдѣлать усилія, чтобы способствовать ему и тѣмъ болѣе рисковать чѣмъ нибудь для него. «Нужно чтобы кто-нибудь сдѣлалъ это, но почему именно я»? повторяетъ большинство этихъ благожелателей. — «Кому-нибудь нужно начать дѣйствовать, почему-же *не* мнѣ»?—вотъ что думаетъ человѣкъ, который въ самомъ дѣлѣ хочетъ помочь людямъ и съ готовностью берется за всякое трудное дѣло. Между этими двумя фразами лежатъ цѣлые вѣка нравственной эволюціи».

Мнѣ угрожали возбужденіемъ преслѣдованія за подстрекательство, но изъ этого ничего не вышло; гораздо легче было выместить злобу на работницахъ. Черезъ нѣсколько дней на Fleet Street явилась толпа работницъ спичечной фабрики, и стала вызывать изъ редакціи Анни Безантъ. Я не могла обратиться къ нимъ съ рѣчью на улицѣ и попросила, чтобы ко мнѣ поднялась депутація и объяснила, что имъ отъ меня нужно. Вошли три женщины и объяснили въ чемъ дѣло: имъ предлагали подписываться подъ бумагой, свидѣтельствующей о томъ, что онѣ довольны существующими на фабрикѣ порядками и что мои показанія ложны. Онѣ отказались подписываться. «Вы за насъ заступились», объяснила одна изъ женщинъ,—«и мы не откажемся отъ васъ». Одной изъ работницъ, зачинщицѣ протеста, пригрозили отказомъ отъ работы; она не сдалась. На слѣдующій день ее уволили подъ какимъ-то пустячнымъ предлогомъ, и тогда 1,400 работницъ бросили свои мѣста; часть ихъ отправилась спросить у меня, какъ имъ теперь поступать. Въ послѣдовавшія затѣмъ двѣ недѣли Гербертъ Берроусъ и я работали болѣе чѣмъ когда-либо въ жизни. Намъ удалось поднять цѣлую бурю. Мы открыли подписку и деньги полились къ намъ рѣкой; мы составили списокъ прекратившихъ работу дѣвушекъ, платили имъ жалованье на время стачки, писали статьи, подняли клубы, устраивали митинги, убѣдили м-ра Брэдло сдѣлать интерпелляцію въ парламентѣ, организовали комитеты, въ которыхъ акціонеры были членами, и вся Англія принимала живое участіе въ перипетіяхъ нашей кампаніи. М-ръ Фредерикъ Чаррингтонъ далъ намъ залу для регистраціи участвующихъ въ стачкѣ, м-ръ Сиднэй Веббъ и другіе привлекли на нашу сторону National Liberal Club; мы отправились съ большой депутаціей отъ работницъ въ парламентъ и бесѣдо-

вали тамъ съ нѣсколькими членами парламента, которые подробно разспрашивали дѣвушекъ. Послѣднія держали себя великолѣпно, ни одна не отставала отъ подругъ и въ теченіе всей стачки онѣ обнаружили большую выносливость и бодрость духа. М-ръ Гобардъ, членъ соціалъ-демократической федераціи, Шо, Блэндъ, Оливеръ и Гедлэмъ, фабіанцы, миссъ Клементина Блэкъ и еще многіе другіе содѣйствовали успѣху нашего дѣла. Лондонскій цеховой совѣтъ (Trades Council) согласился, наконецъ, взять на себя посредничество по этому дѣлу и этимъ путемъ достигнуты были благопріятные результаты: работницы возобновили работу, всякія денежныя взысканія были уничтожены, и цѣна за трудъ поднялась. Основанъ былъ союзъ работницъ на спичечныхъ фабрикахъ, и до сихъ поръ онъ считается среди женскихъ рабочихъ союзовъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ. Въ теченіе долгихъ лѣтъ я была секретаремъ союза до тѣхъ поръ, пока подъ бременемъ другихъ обязанностей мнѣ не пришлось отказаться отъ должности секретаря и меня замѣстила м-ссъ Торнтонъ Смитъ; Гербертъ Берреусъ продолжаетъ до сихъ поръ состоять казначеемъ союза. Одно время существовали несогласія между фирмой Брайанта и Мэя и союзомъ, но они скоро сгладились, подъ дѣйствіемъ здраваго смысла у обѣихъ сторонъ; директоръ фабрики выказалъ готовность выслушивать всякую справедливую жалобу и по возможности устранять причины неудовольствія; сами-же владѣльцы фабрики дѣлали щедрые взносы въ клубъ работницъ въ Боу, основанный Е. П. Блаватской.

Болѣе всего пострадали во время стачки изготовители спичечныхъ коробочекъ, лишенные работы. Имъ платили по 2½ пенса за сотню коробочекъ и изъ этого нужно было еще покупать матеріалъ для работы. Конечно, отъ такой платы они не богатѣли, но когда и эта работа исчезла, имъ стала угрожать прямо голодная смерть. Какіе ужасы приходилось намъ видѣть, когда мы отправлялись вечеромъ, по окончаніи дневного труда, въ окрестности Бетналь-Грина: на подстилкахъ изъ стружекъ тамъ лежали дѣти, обернутыя въ лохмотья. На ихъ дѣтскихъ лицахъ, въ широко раскрытыхъ глазахъ женщинъ голодъ наложилъ свою печать; о голодѣ свидѣтельствовали дрожащія руки мужчинъ. Дѣлалось жутко, глядя на нихъ, и все громче звучалъ вопросъ: «гдѣ лѣкарство противъ скорби, гдѣ путь спасенія для міра?» Въ августѣ я стала пропагандировать устройство рисовальнаго класса для работницъ на спичечныхъ фабрикахъ. «Тамъ намъ нужно будетъ имѣть фортепіано», писала я, «столы для газетъ, для игръ, для беллетристики. Такимъ образомъ создалось-бы свѣтлое уютное убѣжище для дѣвушекъ, не имѣющихъ ни дома, ни мѣста для игры, кромѣ улицы. Мы не хотимъ основать «пріюта» съ строгой дисциплиной и навязываніемъ правилъ приличія, а организовать клубъ, гдѣ господствовало-бы товарищеское отношеніе и свобода, основанная на сознаніи собственнаго достоинства, т. е. та атмосфера, кото-

рую испыталъ всякій, жившій въ родной семьѣ, но которая—увы—такъ чужда многимъ дѣвушкамъ лондонскаго истъ-энда. Въ августѣ-же мѣсяцѣ, но двумя годами позже, Е. П. Блаватская основала такой «home» для работницъ.

Послѣ того обратились къ намъ за помощью изготовители жестяныхъ ящиковъ въ южныхъ кварталахъ Лондона; ихъ штрафовали самымъ незаконнымъ образомъ и, кромѣ того, они постоянно подвергались увѣчьямъ изъ-за дурного содержанія машинъ на фабрикахъ; затѣмъ пришлось вступаться за приказчиковъ въ лавкахъ и ограждать ихъ отъ произвольныхъ штрафовъ; продолжались также массами рабочіе процессы, для которыхъ мы подыскивали защитниковъ и добывали залоги. Сильная агитація о доставленіи пищи дѣтямъ въ школахъ, объ увеличеніи жалованій служащимъ въ нѣкоторыхъ общественныхъ учрежденіяхъ, заступничество за рабочихъ на докахъ и изложеніе ихъ безъисходнаго положенія; посѣщеніе изготовителей цѣпей въ Cradley Heath, бесѣды съ ними, статьи о нихъ въ газетахъ, избирательная борьба по поводу выборовъ въ училищный совѣтъ, побѣда на этихъ выборахъ — таковы были дѣла, среди которыхъ прошла осень; къ этому присоединялось еще множество лекцій — соціалистическихъ, экономическихъ и атеистическихъ—и масса статей, которыя я писала для того, чтобы прокормить себя. Когда къ этому прибавилась работа въ училищномъ совѣтѣ, я почувствовала, что больше ничего брать на себя не въ силахъ.

Среди всѣхъ этихъ событій, приблизился незабвенный для меня 1889 годъ...

З. Венгерова.

Объединеніе суда и судебный языкъ.

Въ разное время бываютъ разныя реформы. Въ одно время ждутъ однѣхъ реформъ, въ другое—другихъ. Когда ждали судебной реформы въ началѣ 60-хъ годовъ, то ждали именно Судебныхъ Уставовъ, построенныхъ на тѣхъ общихъ началахъ и тѣхъ общихъ идеяхъ, «несомнѣнное достоинство коихъ признано наукою и опытомъ европейскихъ государствъ» *). Когда было объявлено о начатомъ теперь пересмотрѣ Судебныхъ Уставовъ, то всѣ ждали такой ихъ «національизаціи», которая могла угрожать лежащимъ въ ихъ основаніи общимъ идеямъ и общимъ началамъ. На этотъ счетъ недоумѣнія и опасенія такъ обострились, что было признано необходимымъ офиціально объявить о томъ, что при пересмотрѣ начала Судебныхъ Уставовъ не будутъ нарушены. Тотъ восторгъ, съ которымъ было встрѣчено это заявленіе, ясно свидѣтельствуетъ о наиболѣе вѣроятномъ направленіи и своевременности предпринятой реформы. Общую радость вызвало заявленіе о томъ, что сохранившіяся гарантіи правосудія не будутъ подвергнуты нарушенію. Разъ начала Судебныхъ Уставовъ не будутъ нарушены, то и это хорошо, а о большемъ-де теперь и думать не приходится! На какое-либо дальнѣйшее усовершенствованіе судоустройства и судопроизводства въ духѣ общихъ культурныхъ идей особыхъ надеждъ не возлагается. Наоборотъ, всѣ сознаютъ, что въ данное время пересмотръ Судебныхъ Уставовъ можетъ сопровождаться такими уступками, которыя если и не будутъ противорѣчить духу времени, то едва-ли будутъ отвѣчать общимъ идеямъ, признаннымъ наукою и опытомъ европейскихъ государствъ.

*) Въ Высочайшемъ повелѣніи 1862 г. (число неизвѣстно) было сказано: «изложить въ общихъ чертахъ соображенія государственной канцеляріи и прикомандированныхъ къ ней юристовъ о тѣхъ главныхъ началахъ, несомнѣнное достоинство коихъ признано въ настоящее время наукою и опытомъ европейскихъ государствъ и по коимъ должны быть преобразованы судебныя части въ Россіи».

Перечислить и предусмотрѣть возможныя уступки не легко. Списокъ разныхъ уступокъ, допущенныхъ въ отправленіи правосудія со времени изданія Судебныхъ Уставовъ до нашихъ дней, отличается уже достаточной полнотой. Такимъ образомъ, до извѣстной степени, быть можетъ, является утѣшительнымъ тотъ фактъ, что въ длинномъ спискѣ измѣненій и дополненій къ Судебнымъ Уставамъ осталось очень мало мѣста для дальнѣйшихъ уступокъ. Въ этомъ отношеніи встрѣченное съ восторгомъ заявленіе о сохраненіи началъ Судебныхъ Уставовъ требовало и требуетъ нѣкоторыхъ весьма существенныхъ поясненій. Начала Судебныхъ Уставовъ уже нарушены во многихъ и многихъ основныхъ пунктахъ. Крайнее ограниченіе компетенціи суда присяжныхъ, устраненіе несмѣняемости судей, уничтоженіе мировой юстиціи — все это уже совершившіяся событія. Если при предпринятой судебной реформѣ имѣется въ виду сохранить въ Судебныхъ Уставахъ то, что еще не подверглось нарушенію, то съ этой задачей справиться не трудно. Однако, дальнѣйшее ненарушеніе Судебныхъ Уставовъ едва-ли можно отождествлять съ сохраненіемъ началъ Судебныхъ Уставовъ. Это, во-первыхъ. Во-вторыхъ, едва-ли возможно вести рѣчь о ненарушимости началъ Судебныхъ Уставовъ, уже настолько нарушенныхъ, что для дальнѣйшаго ихъ нарушенія оставалось-бы развѣ устранить гласность и возстановить теорію формальныхъ доказательствъ. Ненарушимость началъ Судебныхъ Уставовъ при предпринятомъ ихъ пересмотрѣ можетъ быть понимаема лишь въ смыслѣ устраненія допущенныхъ нарушеній и дальнѣйшаго развитія и упроченія тѣхъ началъ и идей, которыми руководствовались составители Уставовъ. Заявленію о сохраненіи началъ Судебныхъ Уставовъ, напр., отвѣчало-бы распространеніе компетенціи суда присяжныхъ на всѣ безъ исключенія уголовныя преступленія, обложенныя болѣе или менѣе тяжкими наказаніями, несмотря на то, что нѣкоторые виды этихъ преступленій составители Судебныхъ Уставовъ отнесли къ компетенціи суда съ участіемъ сословныхъ представителей. Такое распространеніе компетенціи суда присяжныхъ на тѣ преступленія, для которыхъ составители Уставовъ создали особый судъ съ участіемъ сословныхъ представителей, являлось-бы развитіемъ и упроченімъ началъ Судебныхъ Уставовъ: оно устраняло-бы отклоненіе отъ этихъ началъ, допущенное составителями Уставовъ по противорѣчивымъ мотивамъ и вопреки тѣмъ идеямъ, которыми они вообще руководствовались. Въ такомъ чрезвычайно сложномъ и новомъ дѣлѣ, какое выпало на долю составителей Судебныхъ Уставовъ, нѣкоторая невыдержанность и въ нѣкоторыхъ случаяхъ непослѣдовательность являются вполнѣ понятными и неизбѣжными. Пересмотръ Уставовъ, въ видахъ сохраненія ихъ началъ, и долженъ выразиться въ охраненіи этихъ началъ, т.-е. въ строгомъ и послѣдовательномъ ихъ проведеніи. Такая охрана началъ Судебныхъ Уставовъ должна выразиться *въ объединеніи право-*

судія распространеніемъ компетенціи суда присяжныхъ *на всѣ преступленія*, признаваемыя болѣе или менѣе тяжкими.

Распространеніе компетенціи суда присяжныхъ на всѣ преступленія, обложенныя болѣе или менѣе тяжкими наказаніями, дѣйствительно являлось-бы первымъ и самымъ важнымъ шагомъ для объединенія суда въ Имперіи. Тѣ принципіальныя соображенія, въ силу которыхъ всѣ преступленія, обложенныя болѣе или менѣе тяжкими карами, должны быть отнесены къ компетенціи суда присяжныхъ, стоятъ внѣ условій времени и мѣста. Покойный А. М. Унковскій справедливо утверждалъ, что «судъ присяжныхъ годится одинаково для всѣхъ народовъ и для всѣхъ степеней развитія» *). Существующая у насъ мода на разныя «соображенія» съ условіями мѣста и времени превратила судоустройство и судопроизводство въ рядъ исключеній и изъятій изъ общаго порядка. Этотъ общій порядокъ, хотя въ немъ и проглядываютъ культурныя идеи и начала, очень мало ощущается въ жизни. Онъ, въ свою очередь, сведенъ на степень исключенія и изъятія въ ряду цѣлой сѣти другихъ исключеній и изъятій. Въ результатѣ «соображенія» съ условіями мѣста и времени привели къ тому, что установился настоящій хаосъ разныхъ формъ судоустройства и судопроизводства. По соображеніямъ съ условіями времени для уголовныхъ преступленій, взамѣнъ одного суда присяжныхъ, въ одной и той-же части Имперіи установлены: судъ коронный, судъ съ участіемъ сословныхъ представителей, судъ военный и судъ присяжныхъ. По соображеніямъ съ условіями мѣста, въ однѣхъ частяхъ территоріи по дѣламъ уголовнымъ дѣйствуетъ только судъ коронный, въ другихъ широкое примѣненіе получаютъ военные суды, въ третьихъ дѣйствуютъ и судъ коронный, и судъ присяжныхъ, и судъ съ участіемъ сословныхъ представителей, и судъ военный. Устраненіе этого хаоса формъ судоустройства и судопроизводства, несомнѣнно, отразилось-бы весьма благотворно на интересахъ правосудія. Однако, не всякое объединеніе суда оказалось-бы благотворнымъ для интересовъ правосудія. Распространеніе военнаго и короннаго судовъ на всѣ уголовныя преступленія, признаваемыя болѣе или менѣе тяжкими, во всѣхъ частяхъ территоріи являлось-бы объединеніемъ суда для формы и вопреки интересамъ правосудія. Объединеніе-же суда по дѣламъ уголовнымъ *въ интересахъ правосудія* можетъ быть достигнуто только тогда, когда для всѣхъ дѣяній, признаваемыхъ болѣе или менѣе тяжкими уголовными преступленіями, будетъ *всюду* установленъ судъ присяжныхъ. Только одинъ судъ общественной совѣсти можетъ объединить судоотправленіе въ интересахъ правосудія на всей территоріи и по всѣмъ видамъ дѣяній, признаваемыхъ тяжкими уголовными преступленіями.

*) Джаншіевъ, А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ, приложенія, стр. 6-я.

Предъ общественной совѣстью, какъ главнымъ факторомъ правосудія, должны стушеваться разныя «соображенія», которыя могли-бы затормазить объединеніе суда въ интересахъ судебной правды. У насъ часто слышатся заявленія о «національномъ русскомъ» судѣ и о служеніи суда «русскому дѣлу» на окраинахъ. Такъ понимаемое объединеніе суда въ Имперіи неизбѣжно ведетъ къ признанію государственнаго языка единственнымъ судебнымъ языкомъ. Многіе, если не большинство, склонны понимать весь вопросъ объ объединеніи суда въ смыслѣ отправленія правосудія на одномъ государственномъ языкѣ. Нѣтъ спора, отправленіе правосудія представителями общественной совѣсти на одномъ языкѣ на всей территоріи какого-либо государства является весьма важнымъ удобствомъ. Однако, нѣкоторыя государства отрѣзали себѣ путь къ справедливому пользованію такими удобствами. Нѣкоторыя государства присоединили къ себѣ не мало разныхъ народностей и должны считаться съ этимъ фактомъ, который не можетъ быть вмѣняемъ въ вину самимъ присоединеннымъ народностямъ. Тутъ приходится или приносить интересы правосудія въ жертву формальному объединенію судоотправленія при помощи одного государственнаго языка, или объединить судъ на началахъ отправленія правосудія представителями общественной совѣсти, на какомъ-бы языкѣ ни выражался голосъ этой совѣсти. Въ Польшѣ, въ прибалтійскихъ губерніяхъ и т. д. немыслимо введеніе суда присяжныхъ при отправленіи правосудія на государственномъ языкѣ, недоступномъ для населенія, изъ котораго должны вербоваться присяжные засѣдатели. Слѣдовательно, объединеніе суда въ интересахъ правосудія немыслимо при признаніи государственнаго языка единственнымъ судебнымъ языкомъ. Понимающіе объединеніе суда въ смыслѣ исключительнаго господства въ судахъ одного государственнаго языка, оставаясь въ предѣлахъ интересовъ правосудія, должны были бы доказать, что самъ по себѣ государственный языкъ есть хранитель и источникъ суда по совѣсти и правдѣ. Признавать такую силу за языкомъ нельзя вообще и за государственнымъ въ частности. Онъ еще недавно, 25 лѣтъ тому назадъ, въ судахъ служилъ искалѣченной совѣсти, отправленію кривосудія и нарушенію правды. Государственный языкъ слѣдуетъ оберегать отъ возвращенія на этотъ старый путь. Сторонники объединенія суда при помощи государственнаго языка какъ-то тутъ примиряютъ все это съ уваженіемъ къ родному языку. Всякій, относящійся съ уваженіемъ къ отечественному языку, предпочтетъ его господство въ интересахъ правды на маленькомъ пространствѣ, чѣмъ преобладаніе его на громадной территоріи, вопреки интересамъ правосудія. Интересы-же этого правосудія пострадаютъ отъ объединенія суда при помощи государственнаго языка уже вслѣдствіе указанной невозможности объединить уголовное судоотправленіе подчиненіемъ его *всюду* представителямъ общественной совѣсти. Но сторон-

ники объединенія суда при помощи государственнаго языка идутъ дальше и судебную его службу явно расширяютъ за предѣлы правосудія и вопреки его интересамъ. Всѣ заявленія о національномъ русскомъ судѣ и «служеніи суда русскому дѣлу» не требуютъ особаго разъясненія, но сводить счеты съ ними въ наши дни необходимо. Они служатъ основными посылками въ пользу объединенія суда при помощи государственнаго языка и указываютъ на цѣли такого объединенія. Съ этихъ двухъ сторонъ мы и должны разобрать заявленія о національно-русскомъ судѣ и его служеніи «русскому дѣлу».

Прежде всего было-бы желательно знать, что слѣдуетъ разумѣть подъ національнымъ судомъ вообще и русскимъ національнымъ судомъ въ частности? Безспорно, существуютъ суды французскіе, нѣмецкіе и англійскіе, и такое ихъ названіе оправдывается главнымъ образомъ тѣмъ, что они отправляютъ правосудіе на нѣмецкой, французской и англійской территоріяхъ. По мѣрѣ того, какъ отправленіе суда усовершенствуется въ интересахъ все большаго и большаго достиженія справедливости, оно все болѣе и болѣе становится интернаціональнымъ. Интересы правосудія, какъ и сама правда, вездѣ одни и тѣ-же, и достигаются они одними и тѣми-же средствами и способами. Было-бы странно приспособлять судъ къ національнымъ особенностямъ, а не къ интересамъ правосудія. Судъ, какъ и правда, интересамъ которой онъ служитъ, не можетъ имѣть національныхъ особенностей. Судъ не можетъ быть ни національно-русскимъ, ни національно-французскимъ, а долженъ быть только судомъ правосуднымъ. Поставивъ себѣ идеаломъ стремленіе къ тому, чтобы судъ въ Россіи былъ національно-русскимъ, «патріоты» требуютъ того, что непримиримо съ стремленіемъ къ прогрессу страны вообще и къ усовершенствованію правосудія въ частности. Ссылка на то, что судъ на всей территоріи долженъ быть отправляемъ на государственномъ языкѣ потому, что судъ во что бы то ни стало долженъ быть національно-русскимъ, не выдерживаетъ никакой критики. Такая аргументація въ сущности сводится къ тому, что пусть-де судъ будетъ даже кривосуднымъ, но лишь-бы онъ былъ національно-русскимъ и отправлялся на одномъ государственномъ языкѣ. Высшимъ оправданіемъ для такого суда является служеніе его «русскому дѣлу». Однако, было-бы интересно знать, какую услугу такое объединеніе суда можетъ оказать «русскому дѣлу»? Приглашеніе суда на путь служенія «русскому дѣлу» окажетъ плохую услугу и русскому дѣлу и русскому суду. Русскій судъ, состоящій на службѣ не у правосудія, а у «русского дѣла», потеряетъ право называться судомъ. Патріотамъ слѣдовало-бы дать себѣ ясный отчетъ о тѣхъ цвѣтахъ, въ которые выкрасится въ глазахъ мѣстнаго населенія «русское дѣло», если ему начнетъ служить судъ. Пусть они задумаются надъ взглядами мѣстнаго населенія на тотъ русскій судъ, который будетъ служить

прежде всего русскому дѣлу, а потомъ правдѣ. Очевидно и судъ, и «русское дѣло» будутъ окончательно дискредитированы среди мѣстнаго населенія. Слѣдовательно, заботы о какомъ-то русскомъ національномъ судѣ и его служеніи русскому дѣлу вообще являются чрезвычайно опасной игрой и могутъ принести существенный вредъ интересамъ такъ называемой окраинной политики.

Можно какими угодно «соображеніями» оправдывать принудительное распространеніе государственнаго языка, но нельзя возлагать такое распространеніе языка на судъ, да еще въ интересахъ служенія суда «русскому дѣлу. Какими соображеніями можно было-бы оправдать принудительное отправленіе правосудія на одномъ государственномъ языкѣ, мы, право, не знаемъ. Превращать судъ въ орудіе распространенія государственнаго языка, во всякомъ случаѣ, значитъ навязывать суду задачи, не имѣющія ничего общаго съ его прямымъ призваніемъ. Насколько-же принудительное распространеніе какого-нибудь языка, вынужденіе населенія къ отказу отъ самаго естественнаго наслѣдія предковъ, можетъ совпадать съ задачами конца XIX вѣка,—объ этомъ свидѣтельствуютъ громкіе протесты русскихъ газетъ противъ австрійской политики въ славянскихъ земляхъ. Отъ души раздѣляя эти протесты, мы напомнимъ русскимъ газетамъ, что Австрія уже сдѣлала много отступленій отъ принудительнаго распространенія государственнаго языка. Государственный языкъ тамъ уже утратилъ свое значеніе единственнаго школьнаго и судебнаго языка. Однако, образованіе и судъ отъ такой ненаціональной политики нисколько не пострадали въ славянскихъ земляхъ.

При всѣхъ этихъ уступкахъ въ пользу мѣстныхъ нарѣчій, судъ въ Австріи всетаки болѣе объединенъ, чѣмъ въ Россіи, несмотря на ея явное стремленіе сдѣлать государственный языкъ единственнымъ судебнымъ языкомъ. Отказавшись отъ государственнаго языка, какъ единственнаго судебнаго языка, Австрія вступила на путь объединенія суда въ интересахъ правосудія, т. е. такого объединенія суда, которое выражается и скрѣпляется признаніемъ одной общественной совѣсти главнымъ и единственнымъ факторомъ правосудія. Если-бы Австрія строго проводила политику формальнаго объединенія суда при помощи государственнаго языка, то ей не удалось-бы объединить правосудіе въ имперіи повсемѣстнымъ введеніемъ суда присяжныхъ, какъ не удастся такое объединеніе суда и въ Россіи при признаніи государственнаго языка единственнымъ судебнымъ языкомъ. Въ однѣхъ частяхъ имперіи будетъ функціонировать судъ присяжныхъ, въ другихъ его не будетъ, такъ какъ мѣстное населеніе не можетъ сознательно участвовать въ отправленіи правосудія на языкѣ ему чуждомъ. Это раздробленіе судоотправленія при настоящей его «національзаціи» приводитъ къ другому еще болѣе важному раздѣленію территоріи въ судебномъ отношеніи. Въ однѣхъ частяхъ терри-

торіи нормальнымъ порядкомъ является отправленіе суда при прямомъ и непосредственномъ участіи тяжущихся, обвиняемаго, обвинителя и судей, въ другихъ частяхъ территоріи, наоборотъ, нормальнымъ порядкомъ является отправленіе правосудія по переводамъ и при помощи переводчиковъ.

Конечно, безъ переводчиковъ отправленіе правосудія немыслимо во многихъ случаяхъ, но дѣло идетъ не о случаяхъ. При признаніи государственнаго языка единственнымъ судебнымъ языкомъ, десятки милліоновъ народа, сгруппированныхъ въ опредѣленныхъ частяхъ территоріи, неизбѣжно будутъ смотрѣть на судебныя учрежденія, творящія судъ на чуждомъ языкѣ, какъ на учрежденія имъ чуждыя. Никакая сила не въ состояніи измѣнить этого чувства отчужденія отъ суда, творящаго правосудіе на чуждомъ языкѣ. Задачи окраинной политики, если только такая политика вообще можетъ претендовать на принципіальное оправданіе, тутъ, какъ мы уже сказали, много проиграютъ и ничего не выиграютъ. Интересы-же правосудія, для которыхъ *только* и существуютъ суды, тутъ отодвигаются уже на второстепенное мѣсто. Стоитъ задуматься надъ такимъ положеніемъ, когда среди десятковъ милліоновъ населенія, представляющихъ цѣлыя государства, правосудіе отправляется почти исключительно по переводамъ и при помощи переводчиковъ! Насколько страдаютъ интересы правосудія въ томъ случаѣ, когда обвиняемый и свидѣтели лишаются возможности давать показанія на языкѣ судьямъ понятномъ и объясняются съ ними только при помощи переводчиковъ! Всякому извѣстно различіе между оригиналомъ и переводомъ, но тутъ это различіе въ слабой степени оттѣняетъ дѣйствительное положеніе дѣла. Вѣдь судъ по совѣсти и правдѣ весь основанъ на внутреннемъ убѣжденіи судьи, которое складывается подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ процесса и такихъ впечатлѣній, которыя или утрачиваются или искажаются при веденіи процесса черезъ переводчиковъ. Судьи мало-по-малу отвыкаютъ отъ разрѣшенія дѣлъ, основаннаго на внутреннемъ убѣжденіи, и все больше и больше привыкаютъ къ разбирательству и разрѣшенію дѣлъ на основаніи формальныхъ доказательствъ. Судъ чрезъ переводчиковъ, когда онъ становится нормальнымъ и постояннымъ, неизбѣжно ведетъ къ возстановленію теоріи формальныхъ доказательствъ на громадномъ пространствѣ среди многочисленнаго населенія.

Конечно, все это отстоитъ слишкомъ далеко отъ идей и началъ, лежащихъ въ основаніи Судебныхъ Уставовъ. Судебные Уставы слишкомъ враждебно относятся къ суду на основаніи формальныхъ доказательствъ. Они признаютъ судъ только на основаніи живого внутренняго убѣжденія судьи, которое вытравляется при постоянномъ, мертвенномъ веденіи процесса чрезъ переводчиковъ. Единственною задачею уголовнаго

процесса судебные уставы признаютъ *только открытіе истины*. Всѣ тормазы на пути къ достиженію этой единственной цѣли уголовнаго правосудія должны быть устранены. Судебные Уставы, какъ справедливо замѣтилъ г. Переходовецъ, требуютъ, чтобы «открытіе истины не обусловливалось ни малѣйшимъ насиліемъ надъ обвиняемымъ, чтобы уголовный процессъ не заключалъ въ себѣ ни малѣйшаго слѣда инквизиціоннаго процесса, чтобы обвиняемому были представлены *всѣ способы* къ оправданію. Словомъ, гуманное отношеніе къ обвиняемому съ замѣчательно строгою послѣдовательностью проведено отъ начала до конца въ уставѣ уголовнаго судопроизводства... И здравый смыслъ и законъ въ числѣ способовъ, предоставляемыхъ обвиняемому для оправданія, *первое мѣсто* отводятъ тому, чтобы обвиняемый *понималъ*, *разумѣлъ* все то, что совершается судебными органами въ видахъ раскрытія истины отъ начала возникновенія до конца процесса. Очевидно для каждаго, что безъ разумѣнія, безъ яснаго и точнаго пониманія показаній свидѣтелей и рѣчей обвинителя,—обвиняемый далеко не можетъ воспользоваться всѣми способами для оправданія, а слѣдовательно при такихъ условіяхъ совершенно теряется характеръ состязательнаго процесса, равноправность обвиняемаго и обвинителя падаетъ; выступаетъ предъ судомъ лишь одно обвиненіе. Первымъ и самымъ главнымъ, самымъ существеннымъ средствомъ для уразумѣнія и пониманія обвиняемымъ того, что совершается судомъ, является безспорно *языкъ*. Не разумѣя языка суда, а въ особенности языка свидѣтелей,—обвиняемый не можетъ воспользоваться не только «всѣми», но, пожалуй, и ни однимъ способомъ для оправданія. Въ этомъ случаѣ даже самый блестящій защитникъ не пополнитъ недостатка, потому что самая суть дѣла никому лучше обвиняемаго не можетъ быть извѣстна» *).

Мы преднамѣренно приводимъ эту длинную цитату, а именно въ тѣхъ видахъ, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ утрировкѣ и натяжкахъ при выясненіи того, какъ въ принципѣ Судебные Уставы относятся къ вопросу о судебномъ языкѣ. Судебные Уставы въ принципѣ подчиняютъ разрѣшеніе этого вопроса интересамъ истины и интересамъ обвиняемаго. Постоянное веденіе уголовныхъ процессовъ на языкѣ чуждомъ свидѣтелямъ и обвиняемому является кореннымъ отступленіемъ отъ идей и принциповъ, лежащихъ въ основаніи Судебныхъ Уставовъ. Поэтому распространеніе Судебныхъ Уставовъ на окраины и веденіе процессовъ на языкѣ чуждомъ мѣстному населенію никогда не можетъ быть признано введеніемъ Судебныхъ Уставовъ на окраинахъ. Оно можетъ быть признано веденіемъ процесса по Судебнымъ Уставамъ вопреки

---

*) «О малорусскомъ языкѣ въ судѣ», см. «Юридическій Вѣстникъ», за 1881 годъ, стр. 525—526.

этимъ самымъ Судебнымъ Уставамъ. Судъ, по меньшей мѣрѣ, странный, хотя, быть можетъ, онъ и имѣлъ бы полное право на признаніе его національнымъ русскимъ судомъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что такой національно-русскій судъ еще недавно не пользовался въ офиціальныхъ сферахъ никакимъ престижемъ. По поводу такого національно-русскаго суда еще не такъ давно въ разныхъ комиссіяхъ велись горячіе споры путемъ сложной переписки, дачи отзывовъ, составленія докладовъ, проектовъ и контръ-проектовъ. Если не ошибаемся, впервые «послѣ отрезвленія отъ увлеченій» Судебными Уставами, вопросъ о судѣ и языкѣ горячо дебатировался въ комиссіяхъ, разрабатывавшихъ и обсуждавшихъ проекты о введеніи Судебныхъ Уставовъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Эти проекты о распространеніи на Прибалтійскій край Судебныхъ Уставовъ переживали не мало фазисовъ и не мало потребовалось времени на обсужденіе одного вопроса о введеніи въ краѣ мировыхъ судебныхъ установленій. Языкъ и тутъ подалъ поводъ къ разногласіямъ. Графъ Паленъ проектировалъ установить слѣдующія правила: 1) всѣ жалобы и просьбы могутъ быть приносимы на русскомъ, нѣмецкомъ, латышскомъ и эстонскомъ языкахъ, 2) словесное разбирательство происходитъ на томъ изъ вышеозначенныхъ языковъ, который понятенъ для участвующихъ въ дѣлѣ сторонъ и для подсудимаго, 3) если относительно языка, на которомъ должно происходить разбирательство, будетъ заявлено возраженіе отъ сторонъ или подсудимаго, то разбирательство происходитъ: по гражданскимъ дѣламъ—на томъ языкѣ, который понятенъ отвѣтчику, а по уголовнымъ—на томъ, который наиболѣе понятенъ подсудимому. Эти правила графа Палена не встрѣтили особаго сочувствія при разсмотрѣніи ихъ въ комиссіи. Комиссія полагала, что «прежде всего надлежитъ оградить соотвѣтствующее значеніе русскаго языка, какъ языка государственнаго, не стѣсняя впрочемъ мѣстнаго населенія, недостаточно знакомаго съ русскою рѣчью, и для сего постановить, что въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ прибалтійскихъ губерній при изложеніи протоколовъ, рѣшеній и приговоровъ, независимо отъ русскаго, допускается употребленіе и нѣмецкаго языка. Сторонамъ, участвующимъ въ дѣлѣ, предоставляется представлять словесныя объясненія и подавать прошенія, кромѣ русскаго, на нѣмецкомъ или на мѣстномъ языкѣ». Такимъ образомъ, несмотря на искреннее желаніе оградить «соотвѣтствующее значеніе» государственнаго языка, комиссія все-таки отдала предпочтеніе интересамъ правосудія, допустивъ въ судѣ мѣстный языкъ и мѣстныя нарѣчія (эстонское и латышское). Комиссія понимала, что охрана «соотвѣтствующаго значенія» государственнаго языка, доведенная до нарушенія интересовъ правосудія, являлась бы дискредитированіемъ и государственнаго правосудія, и государственнаго языка. Однако, комиссія все-таки признавала охраненіе

государственнаго языка къ функціямъ суда, для котораго единственной функціей является охрана интересовъ правосудія. Въ государственномъ совѣтѣ эта тенденція коммиссіи была подмѣчена. Заключенія коммиссіи разсматривались государственнымъ совѣтомъ въ началѣ 1880 г., причемъ было постановлено соотвѣтствующую статью редактировать слѣдующимъ образомъ. «Просьбы и жалобы по дѣламъ, подлежащимъ вѣдомству мировыхъ судебныхъ установленій, относящіяся къ послѣднимъ письменныя доказательства, а также словесныя заявленія и объясненія участвующихъ въ дѣлѣ лицъ передъ мировыми судьями и съѣздами, показанія свидѣтелей и окольныхъ людей и заключенія свѣдущихъ людей могутъ быть представляемы какъ на русскомъ, такъ равно и на нѣмецкомъ языкѣ и мѣстныхъ нарѣчіяхъ (эстонскомъ и латышскомъ). При изложеніи мировыми судьями и съѣздами протоколовъ рѣшеній и приговоровъ, равно какъ въ исполнительныхъ листахъ, независимо отъ русскаго языка допускается употребленіе и нѣмецкаго языка. Повѣстки, а равно копіи съ протоколовъ и другихъ бумагъ мирового судьи или съѣзда, въ случаѣ требованія участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, должны быть выдаваемы соотвѣтственно ихъ желанію, на одномъ изъ означенныхъ языковъ и нарѣчій. По дѣламъ, перенесеннымъ въ сенатъ или судебную палату, кассаціонныя и иныя жалобы и прошенія, а равно отзывы и протесты прокуроровъ излагаются на русскомъ, а относящіяся къ симъ дѣламъ протоколы и другія бумаги мировыхъ судебныхъ установленій, въ случаѣ составленія ихъ на нѣмецкомъ языкѣ, должны сопровождаться переводомъ на русскій языкъ» *).

Эта редакція статьи свидѣтельствуетъ о томъ, что государственный совѣтъ отводилъ мѣстному языку и мѣстнымъ нарѣчіямъ гораздо большее мѣсто, чѣмъ то допускала коммиссія въ своихъ заключеніяхъ. Г-нъ Ремдулъ явно выражаетъ свое неудовольствіе по поводу такихъ уступокъ государственнаго совѣта въ ущербъ значенію государственнаго языка **). Мы, конечно, не видимъ тутъ никакихъ уступокъ, вредныхъ для государственнаго языка. Наоборотъ, государственный совѣтъ, насколько могъ, настолько и защищалъ престижъ государственнаго языка. Государственный совѣтъ не согласился съ тѣмъ, чтобы государственный языкъ въ глазахъ мѣстнаго населенія пріобрѣлъ славу одного изъ тягчайшихъ тормазовъ къ правильному отправленію правосудія. Можно лишь сожалѣть о томъ, что такая точка зрѣнія на взаимное отношеніе между престижемъ государственнаго языка и интересами правосудія не была проведена послѣдовательно. Государственный совѣтъ, охраняя престижъ государственнаго языка, перечислилъ не мало бумагъ и судебныхъ

*) Ремдулъ. Нѣмецкіе суды въ Прибалтійскомъ краѣ наканунѣ ихъ упраздненія. См. „Юридическій Вѣстникъ", октябрь и ноябрь 1887 г.

**) Ibid. Ноябрь, стр. 424.

актовъ, которые въ интересахъ правосудія должны быть освобождены отъ обязательнаго изложенія ихъ на языкѣ чуждомъ мѣстному населенію. Въ результатѣ получился компромиссъ, не гарантирующій въ достаточной степени ни престижъ государственнаго языка, ни интересы правосудія. Не вступая на путь такихъ вредныхъ компромиссовъ, слѣдовало-бы оставаться вѣрнымъ тому основному началу, что интересы правосудія и престижъ государственнаго языка одинаково требуютъ, чтобы правосудіе не отправлялось на языкѣ чуждомъ мѣстному населенію. Вмѣсто длинной статьи съ разными перечисленіями получилась-бы весьма краткая, опредѣленная и вполнѣ мотивированная статья, въ которой было-бы сказано, что ограждая престижъ государственнаго языка и интересы правосудія, необходимо вести всѣ судебныя дѣла во всѣхъ стадіяхъ процесса на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Переводы-же и переводчики допускаются только для дѣлъ, перенесенныхъ въ сенатъ или судебную палату. Въ сенатъ и судебную палату переносится сравнительно не много дѣлъ. При узаконеніи такого порядка для массы населенія въ дѣлахъ, связанныхъ съ его интересами и столкновеніями, правосудіе отправлялось-бы, если можно такъ выразиться, въ подлинникѣ, а не въ переводѣ. Отвѣтчикъ и истецъ, подсудимый и свидѣтели дѣйствительно участвовали-бы въ процессѣ съ полнымъ разумѣніемъ всего того, что происходитъ при разбирательствѣ дѣлъ. Въ добавленіе къ этому оставалось-бы пожелать, чтобы и судьи получили возможность исполнять свои обязанности съ полнымъ разумѣніемъ.

Вопросъ о судьяхъ, дѣйствующихъ съ полнымъ разумѣніемъ, встрѣчаетъ благосклонное къ себѣ отношеніе даже на страницахъ нѣкоторыхъ русскихъ «курсовъ» по уголовному судопроизводству. Отечественные ученые со свойственной имъ «трезвостью» и не безъ нѣкотораго величія иногда роняютъ слѣдующія пять словъ: *судья долженъ знать мѣстное нарѣчіе*. Нѣкоторые изъ нихъ, въ видѣ исключенія, быть можетъ, идутъ и дальше, но было бы отрадно, если бы до общаго сознанія дошла та простая истина, что судья долженъ знать мѣстное нарѣчіе. Судья, отправляющійся творить правосудіе среди населенія, съ языкомъ или нарѣчіемъ котораго онъ незнакомъ, является какимъ-то недоразумѣніемъ. Населеніе не можетъ на него смотрѣть, какъ на своего судью, а будетъ признавать его заѣзжимъ, командированнымъ чиновникомъ. Судья, въ свою очередь, будетъ чувствовать себя заѣзжимъ, чужимъ человѣкомъ, такъ какъ между нимъ и населеніемъ нѣтъ даже той простой и элементарной связи, которая устанавливается общностью языка. Такая отчужденность между судьями и населеніемъ не можетъ быть признана благопріятнымъ или безразличнымъ условіемъ для интересовъ правосудія вообще и въ частности для престижа хотя-бы того-же національно-русскаго правосудія. Быть можетъ, многіе признаютъ, что отчужденность между судьями и на-

селеніемъ, доходящая до явной вражды, является полезной для независимости судей. Но вѣдь судья въ своихъ рѣшеніяхъ прежде всего зависитъ отъ своего собственнаго настроенія и своего господствующаго чувства въ отношеніяхъ къ тому населенію, изъ рядовъ котораго выступаютъ предъ нимъ истцы, отвѣтчики, подсудимые, свидѣтели и т. д. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, судья, судящій по переводамъ и всецѣло зависящій въ своемъ пониманіи всѣхъ обстоятельствъ и оттѣнковъ дѣла отъ перевода и переводчиковъ, не можетъ похвалиться своей особой независимостью. Все это, конечно, только добавочныя соображенія въ пользу одного и того-же принципіальнаго рѣшенія вопроса. Разъ, вообще, правосудіе можетъ быть отправляемо только на языкѣ, понятномъ мѣстному населенію, то и судьи должны выбираться изъ лицъ, знакомыхъ съ мѣстнымъ языкомъ или мѣстнымъ нарѣчіемъ.

Такой порядокъ вполнѣ отвѣчалъ бы духу Судебныхъ Уставовъ. Судебные Уставы мѣстнымъ нарѣчіямъ и мѣстному простонародному языку открываютъ широкій просторъ въ интересахъ все той же судебной правды. Начиная съ допроса обвиняемаго при производствѣ предварительнаго слѣдствія, составители Уставовъ позаботились о томъ, чтобы языкъ не служилъ помѣхой къ отрытію истины. При снятіи допроса съ обвиняемаго судебнымъ слѣдователемъ, какъ сказано въ ст. 409 Уст. уг. суд., «показанія обвиняемаго записываются въ первомъ лицѣ, собственными его словами, безъ всякихъ измѣненій, пропусковъ и прибавленій. *Слова и выраженія простонародныя, мѣстныя или не совсѣмъ понятныя объясняются въ скобкахъ*». Такимъ образомъ, веденіе предварительнаго слѣдствія на мѣстномъ и простонародномъ нарѣчіи прямо является обязательнымъ для судебнаго слѣдователя, который и долженъ быть знакомъ съ мѣстнымъ говоромъ и мѣстнымъ нарѣчіемъ. Судебный слѣдователь не можетъ потребовать отъ обвиняемаго, чтобы онъ давалъ показанія на государственномъ языкѣ, а не на мѣстномъ нарѣчіи. Такое требованіе онъ не можетъ предъявить, ссылаясь на то, что онъ не знаетъ и не обязанъ знать мѣстное нарѣчіе. Ст. 409 считаетъ такое знакомство слѣдователя съ мѣстнымъ нарѣчіемъ не подлежащимъ никакому сомнѣнію. Такое же знакомство съ мѣстнымъ нарѣчіемъ предполагается и у предсѣдателя суда. Въ ст. 614 Уст. уг. суд. сказано: «по дѣламъ, въ рѣшеніи коихъ участвуютъ присяжные засѣдатели, предсѣдатель суда обращаетъ особенное вниманіе на то, чтобы они воспользовались всѣми средствами для обстоятельнаго разсмотрѣнія дѣла и, по требованію ихъ, даетъ имъ надлежащія объясненія въ *простыхъ и понятныхъ для нихъ словахъ*». Присяжные всегда имѣютъ право потребовать отъ предсѣдателя, чтобы онъ разъяснилъ имъ то, чего они не понимаютъ, на понятномъ и привычномъ для нихъ мѣстномъ нарѣчіи. Будучи обязанъ *всячески* содѣйствовать тому, чтобы присяжные воспользовались *всѣми*

средствами для обстоятельнаго разсмотрѣнія дѣла, предсѣдатель, незнакомый съ мѣстнымъ, обычнымъ для присяжныхъ нарѣчіемъ, не удовлетворялъ бы ясному требованію ст. 614-й и былъ бы не на своемъ мѣстѣ. Кромѣ того, выраженіе статьи «всѣми средствами» обязываетъ предсѣдателя содѣйствовать тому, чтобы возможно большая часть всего процесса прошла предъ присяжными на обычномъ для нихъ нарѣчіи.

Всѣ эти ясныя и вполнѣ справедливыя требованія Судебныхъ Уставовъ теперь совершенно игнорируются на практикѣ. Судебный персоналъ теперь проявляетъ явное и не скрываемое пренебреженіе къ мѣстнымъ нарѣчіямъ. Раньше-же смотрѣли болѣе трезво и болѣе правдиво на значеніе языка для открытія судебной правды. Такъ, до второй половины 70-хъ годовъ малороссійскій языкъ свободно допускался на судѣ. Всякому извѣстно, что для крестьянъ-малороссовъ, настоящій русскій, а въ особенности «русскій юридическій» языкъ непонятенъ и недоступенъ. Судъ долженъ былъ считаться съ этимъ фактомъ въ виду какъ прямого и яснаго смысла ст. 409 и 614 Уст. уг. суд., такъ и въ виду общаго духа и смысла Судебныхъ Уставовъ, ставящихъ открытіе истины выше всего. «Уваженіе къ языку обвиняемаго и свидѣтелей, независимо отъ требованій закона,—говоритъ г. Переходовецъ,—вызывалось на практикѣ, гдѣ личнымъ благоразуміемъ и безпристрастіемъ предсѣдателя, а гдѣ неумолимою силою вещей. Вѣдь на югѣ Россіи массу въ процентномъ отношеніи и обвиняемыхъ и свидѣтелей составляютъ малороссы—простолюдины; какъ же тутъ быть, если и обвиняемые и свидѣтели не понимаютъ вопросовъ прокурора, а иногда и самого защитника? или если прокуроръ и судъ съ трудомъ и не всегда точно понимаютъ, а лишь воображаютъ, что понимаютъ обвиняемаго и свидѣтелей? Конечно, надо обратиться къ языку понятному, народному—малорусскому» *). Но со второй половины 70-хъ гг. суды почему-то отступили отъ духа и смысла судебныхъ уставовъ и стали изгонять малороссійскій языкъ. Допросъ свидѣтелей на понятномъ для нихъ нарѣчіи былъ признанъ неумѣстнымъ. Если защитникъ пытался разъяснить дѣло, предлагая свидѣтелямъ вопросы на обычномъ, родномъ для нихъ малороссійскомъ языкѣ, то предсѣдатель немедленно его останавливалъ, дѣлалъ внушенія и приглашалъ употреблять «общепонятный русскій языкъ». Изгнаніе малороссійскаго языка изъ судовъ въ малороссійскихъ мѣстностяхъ, само собою понятно, сопровождается печальными исторіями, которыя не имѣли-бы мѣста, если-бы судьи придерживались духа и смысла Судебныхъ Уставовъ. Засѣданіе суда происходитъ при такой обстановкѣ, что судьи съ одной стороны, а свидѣтели и подсудимые съ другой—говорятъ на разныхъ языкахъ. Вотъ предъ вами появляется свидѣтельница, опоздавшая въ судъ. Предсѣда-

*) Ibid.

тель предлагаетъ ей объяснить причины несвоевременной явки въ засѣданіе суда. Свидѣтельница отвѣчаетъ на малороссійскомъ языкѣ, что она старалась своевременно явиться, но, отправившись въ городъ «всю ничь блудила». Судъ былъ смущенъ такой излишней откровенностью свидѣтельницы. Вся сцена разыгралась только благодаря тому, что слово «блудила» на малороссійскомъ значитъ сбилась съ дороги и не имѣетъ никакого отношенія къ 7-й заповѣди. Вотъ вамъ разбирается въ судѣ крупное дѣло о кражѣ со взломомъ. На судебномъ слѣдствіи обвиняемый заявляетъ, что онъ «видвырнувъ закрутку, выйшовъ въ хисму». Прокуроръ произноситъ громовую рѣчь, доказывая, что самъ обвиняемый сознался въ кражѣ со взломомъ, заявивъ, что «онъ выворотилъ и скрутилъ запоръ у дверей». Защитникъ, ни слова не понимавшій по малороссійски, не возражаетъ противъ такихъ вольныхъ переводовъ г. прокурора. Тогда предсѣдатель сталъ выяснять, что «закрутка» не есть ни замокъ, ни запоръ и что кражи со взломомъ быть не могло. На этотъ разъ дѣло кончилось благополучно, но нерѣдко процедура сводится къ явной опасности попасть въ Сибирь. Два пастуха сложенный въ кучу камышъ скормили скотомъ и, чтобы скрыть слѣды *потравы*, остатки сожгли. Собственникъ камыша потребовалъ вознагражденія за потраву и получилъ его въ размѣрѣ 3 р. Дѣло кончилось благополучно, но урядникъ—великій законникъ—составилъ актъ «объ умышленномъ поджогѣ кургана зеленаго тростника». Пастуховъ стали обвинять по 1614 ст. Уложенія о наказаніяхъ, которая угрожаетъ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкой въ Сибирь на поселеніе. На судѣ и въ обвинительномъ актѣ обвиненіе поддерживалось ссылкой на показанія самихъ обвиняемыхъ, что они подожгли курганъ тростника, который былъ «сготованъ», т. е. приготовленъ. На самомъ дѣлѣ обвиняемые утверждали, что тростникъ ими былъ «сгодованъ». Защитникъ пояснилъ, что и слѣдователь и прокуроръ неправильно поняли слово «сгодованъ», которое въ переводѣ на государственный языкъ значитъ скормленъ, съѣденъ. Камышъ «сгодованъ», т. е. скормленъ скотамъ, и, такимъ образомъ, не оставалось «имущества», которое подлежало бы истребленію; были сожжены негодные недоѣденные остатки. Послѣ такихъ разъясненій прокуроръ отказался отъ обвиненія.

Кто же виноватъ въ такихъ слишкомъ рискованныхъ обвиненіяхъ? Прокуроры, судьи и слѣдователи? Пожалуй, они виноваты въ томъ, что отправились творить судъ среди населенія, съ языкомъ котораго они не знакомы. Однако, они пошли туда не по своей доброй волѣ, а по назначенію. Г. Переходовецъ, изъ замѣтки котораго мы позаимствовали приведенные факты, совершенно основательно заключаетъ, что «невозможно обвинять за такіе промахи самаго добросовѣстнаго прокурора или слѣдователя. Но страдающая свобода обвиняемыхъ вопіетъ за себя

къ тѣмъ, которые должны принимать во вниманіе этнографическія условія при назначеніяхъ на судебныя должности. Интересы правосудія, справедливости и нравственности вопіютъ за себя къ тѣмъ, которые такъ очевидно нарушаютъ законъ, не допуская при допросахъ народнаго языка. Что можетъ быть ужаснѣе и преступнѣе: лишеніе человѣка свободы, затѣмъ угроза каторгою, а, пожалуй, и самая каторга, за что? только за то, что, вопреки человѣческому и юридическому закону, народный языкъ изгнанъ и практикуется непониманіе «общепонятнаго русскаго языка» *)

Быть можетъ, эта странная практика и установилась по недоразумѣнію, но устраненіе ея необходимо въ интересахъ сохраненія правды и ненарушимости Судебныхъ Уставовъ, тѣмъ болѣе, что и препятствій къ тому никакихъ не имѣется. Вполнѣ возможно и должно назначать судей, сообразуясь съ этнографическими условіями. Судьи изъ мѣстныхъ уроженцевъ всегда будутъ понимать мѣстный языкъ. Только такая система назначеній и можетъ отвѣчать призванію и назначенію судьи. Судьи, незнакомые съ мѣстнымъ языкомъ, съ мѣстными нравами и обычаями и съ міровоззрѣніемъ мѣстнаго населенія, не могутъ быть настоящими судьями по совѣсти и убѣжденію. Если чиновники, появляющіеся на службѣ въ мѣстностяхъ имъ совершенно чуждыхъ, не являются пріобрѣтеніемъ для населенія и задачъ администраціи, то вѣдь между судьей и канцелярскимъ чиновникомъ существуетъ крупная разница. Судья долженъ пользоваться уваженіемъ и довѣріемъ населенія, которое можетъ внушать только свой человѣкъ и которое въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ можетъ быть завоевано пришельцемъ, обладающимъ рѣдкими и выдающимися достоинствами. «Рѣдкихъ» же людей очень мало и на нихъ нельзя разсчитывать при замѣщеніи многочисленныхъ судебныхъ должностей.

М. Стиваль.

---

*) Ibid.

Сердечные мотивы.

I.

Въ душѣ моей, счастіемъ бѣдной,
И къ счастію жадной,
Твой смѣхъ отозвался рыданьемъ,
Твой смѣхъ безпощадный.
И съ болью я думалъ: отнынѣ
Какъ жить и что будетъ,
Когда ни обиды, ни страсти
Душа не забудетъ?
И вдругъ въ моей памяти вѣрной
Лицо твое встало,
И чувствъ непонятныхъ сліянье
Его оживляло.
Глаза твои въ небо глядѣли,
Глаза херувима,
Уста улыбались безпечно
И неумолимо.
И такъ несказанно прекрасно
Лицо твое было,
Что сердце и страсть, и обиду,
И все позабыло.

II.

Волна.

Нѣжно-безстрастная,
Нѣжно-холодная,
Вѣчно подвластная,
Вѣчно свободная.
Къ берегу льнущая,
Томно-ревнивая,
Въ море бѣгущая,
Вольнолюбивая.
Въ безднѣ рожденная,
Смертью грозящая,
Въ небо влюбленная,
Тайной манящая,
Лживая, ясная,
Звучно-печальная,
Чуждо-прекрасная,
Близкая, дальняя...

Н. Минскій.

„Наяда“.

Крупное и быстрое волненіе неслось навстрѣчу и наискось курсу «Наяды». Ея медленный ходъ, ея порывистая и неровная качка показывали, что въ настоящую минуту она боролась. На фонѣ сѣрыхъ неба и воды чернѣлъ тонкій и высокій мостикъ, а на немъ въ свою очередь чернѣло нѣсколько человѣческихъ силуэтовъ. Четверо изъ нихъ съ видимымъ усиліемъ ворочали штурвалъ, около—двое сигнальщиковъ неустанно изслѣдовали чрезъ подзорныя трубы всѣ точки однообразнаго, сѣраго горизонта, и впереди всѣхъ старшій офицеръ, еще молодой, но уже начинающій тяжелѣть, сутуловатый блондинъ, съ короткой густой бородой, хмуро смотрѣлъ на кипѣвшее море, и всѣми чувствами опытнаго моряка сосредоточился на той массѣ желѣза, которая находилась у него подъ ногами.

Порывистыя взмахи «Наяды» дѣйствовали губительно на ея ржавый и износившійся корпусъ. Давно она уже не находилась въ окружавшей теперь ея обстановкѣ, и опасенія старшаго офицера раздѣлялись всѣми людьми на этомъ высокомъ мостикѣ, хотя этого и нельзя было замѣтить, глядя на ихъ коричневыя, теперь словно окаменѣвшія лица. Только одинъ изъ нихъ, молодой безусый мичманъ, отличался отъ всѣхъ въ этомъ отношеніи. Онъ съ упорной безпечностью не замѣчалъ общаго настроенія, какъ это можно было заключить по той независимой щеголеватости въ манерахъ, съ которой онъ иногда пытался прохаживаться по мостику.

Было свѣжо. Осенній вѣтеръ давалъ себя знать, заставляя ежиться отъ холода. Старшій офицеръ взялъ трубу, положилъ ее на плечо матроса и сталъ высматривать впередъ и вправо, гдѣ висѣла темная туманная полоса, походившая на дымъ прошедшаго парохода. Тамъ по его расчетамъ уже давно долженъ былъ открыться маякъ. Но маякъ не открывался и въ головѣ у офицера копошились невеселыя предчувствія относительно своей «Наяды».

И дѣйствительно, всякій, кому приходилось видѣть «Наяду» невольно поражался несоотвѣтствіемъ такого поэтическаго имени съ дѣйствительной ея наружностью. Даже и люди, смотрѣвшіе на нее съ точки зрѣнія морскихъ вопросовъ дня,—и тѣ находили внѣшность ея лишь необыкновенной. Впрочемъ, такихъ наблюдателей оставалось уже немного. Вотъ уже минуло 30 лѣтъ, какъ «Наяда» вмѣстѣ съ другими подобными ей судами опровергла возлагаемыя на нее надежды. Теперь-же она, къ довершенію всего, была и стара, что сразу можно было замѣтить, несмотря на ея тщательную гримировку. Слизь и ржавчина таились подъ густымъ слоемъ сурика, покрывавшаго ея подводную часть, трюмъ таилъ въ себѣ вѣчное и глубокое болото, а въ темныхъ палубахъ царили вѣчный мракъ и тяжелая сырая атмосфера.

Но самый главный недостатокъ «Наяды» заключался въ ея сердцѣ,—машинѣ, разслабленной и дряблой. Она давно уже была обречена на средній ходъ, да и то только во время тихой погоды.

Въ такомъ-то безотрадномъ положеніи мы застаемъ «Наяду» въ осенній бурный день, въ открытомъ морѣ на нѣсколько часовомъ переходѣ.

При пасмурности и порывистомъ вѣтрѣ, тяжелый кузовъ «Наяды» былъ совершенно покрытъ волненіемъ, носившимся черезъ него. Только высокій мостикъ съ бѣлой трубой, двѣ сѣрыя приземистыя башни, да три тонкія мачты безъ рей смутными очертаніями виднѣлись надъ сѣрой и вздувшейся поверхностью моря. Только по этимъ смутнымъ контурамъ и можно было замѣтить присутствіе большого военнаго монитора.

Между тѣмъ, темная полоска на горизонтѣ, казалось, сгущалась съ каждой минутой все болѣе и болѣе. Старшій офицеръ почувствовалъ на своемъ лицѣ нѣсколько холодныхъ капель.

— Дьяченко,—крикнулъ онъ вдругъ, не отрываясь отъ трубки.

— Есть,—отозвался загорѣлый сигнальщикъ съ другаго борта.

— Погляди-ка, братецъ. Кажется, тамъ «Ночь»...

Сигнальщикъ подошелъ, положилъ свою трубу на другое плечо матроса и на нѣсколько минутъ прильнулъ глазомъ къ отверстію.

Но старшій офицеръ просто обглядѣлся. Въ круглыхъ дискахъ трубъ ничего не было, кромѣ однообразно сѣрыхъ воды и неба. Очевидно, «Ночь», спутница «Наяды», ушла въ эту туманную полосу. Такое заключеніе вызвало нѣсколько неопредѣленныхъ, но энергичныхъ восклицаній со стороны офицера.

Порывы вѣтра стали приносить холодныя брызги. Начинался одинъ изъ тѣхъ осеннихъ дождей, которые моросятъ по нѣскольку сутокъ. Офицеръ сердито крякнулъ, круто повернулся и пошелъ по мостику, чуть не швырнувъ сигнальщику подзорную трубу. Но тутъ-же боковой взмахъ заставилъ его остановиться и придержаться за поручни.

— Такъ и есть... ушла въ туманъ,—тихо прошипѣлъ Дьяченко своему сосѣду. Снизу затрещалъ звонокъ. Безусый мичманъ подошелъ къ говорной трубѣ и сталъ перекрикиваться съ механикомъ. Изъ машины третій разъ сообщали, что необходимо убавить ходъ. Мичманъ развязно и размѣренно подошелъ къ старшему офицеру и, приложивъ руку къ козырьку своей зюйдъ-вестки, доложилъ о просьбѣ механика.

Старшій офицеръ отвѣчалъ на это пожатіемъ плечей. Потомъ онъ быстро оттолкнулся отъ поручня и, перейдя мостикъ, сталъ съ рѣшительнымъ видомъ спускаться по трапу, расположенному въ узкой желѣзной трубѣ. Очутившись въ полутемной каютъ-кампаніи, онъ подошелъ къ двери капитанской каюты и взялся за ручку. Отворенная дверь обнаружила небольшую каюту, еще болѣе темную, чѣмъ первая.

— Это вы?.. Ну, что новаго?—спросилъ вошедшаго кто-то изъ темнаго угла усталымъ и негромкимъ голосомъ. Въ этотъ моментъ послышался тяжелый ударъ сверху, и два обнаженныхъ отъ воды иллюминатора на нѣсколько секундъ освѣтили каюту съ дубовой низкой койкой, гдѣ теперь лежалъ рыжеватый, блѣдный человѣкъ съ необычайно тощими руками и ногами.

— Я опять къ вамъ, Валерьянъ Ивановичъ,—сказалъ старшій офицеръ. Надо вѣдь, наконецъ, вернуться. «Ночь» ушла вправо, ей хорошо... а мы поломаемъ машину. Дальше намъ идти нельзя.

Лежавшій, вмѣсто отвѣта, махнулъ рукой съ раздраженіемъ человѣка, которому надоѣлъ одинъ и тотъ-же разговоръ. Старшій офицеръ нахмурился почти свирѣпо.

— Воля ваша, а только я думаю, что дальше намъ идти нельзя,—проговорилъ онъ отрывисто.

— А я то, я то!.. Куда мнѣ дѣваться тогда?—заволновался командиръ.

— Никто объ этомъ и говорить не станетъ. Да и «Пріемщикъ» ушелъ назадъ, а вѣдь онъ парусникъ, ему казалось-бы можно идти. Стало быть кто-же съ «Наяды» и спрашивать будетъ...

— Такъ, такъ, это вѣрно, а только лучше мы потерпимъ еще немного. Самъ зналъ, что теку, когда уходилъ, да что толку. Побудьте наверху, а потомъ я самъ выйду. Вы не повѣрите, какъ у меня голова болитъ...

Старшій офицеръ вздернулъ плечами и вышелъ, почти хлопнувъ дверью. Командиръ вздохнулъ и закрылъ глаза. Впрочемъ, ему было не до сна. Взмахи качки, шумъ извнѣ и удары въ палубу сверху не давали ему покоя ни на минуту, въ то время, когда голова его, казалось, разваливалась отъ боли, которая накоплялась съ каждой минутой все болѣе и болѣе. Но хуже всего былъ одинъ страшный вопросъ, заставлявшій забывать даже его головную боль. Надо вернуться! Эта

необходимость была слишкомъ очевидна, потому что «Наяда» не въ состояніи выдержать такую погоду, противъ которой не устоялъ даже и «Пріемщикъ»—настоящее морское судно. Что-же требовать отъ «Наяды», которая течетъ всѣми пазами, всѣми своими семью тысячами болтовъ? При мысли о болтахъ въ головѣ командира возникло такое непріятное воспоминаніе, что его усталые глаза вдругъ загорѣлись чувствомъ тяжкой и несправедливой обиды.

«Если-же теперь съ полдороги придется вернуться назадъ, то... нѣтъ, лучше перенести все, что угодно, только не это», — думалъ командиръ, и дыханіе его стѣснялось при одномъ представленіи тѣхъ униженій и оскорбленій, какія ожидали его, если-бы «Наяда» съ полдороги вернулась обратно.

Но командиръ, дѣйствительно, былъ правъ, убѣждаясь въ необходимости повернуть назадъ. «Наяда» давно уже служила притчей во языцѣхъ. Американская идея—оставить непріятельскому обстрѣлу только башни и трубу, будучи сама по себѣ не лишенной остроумія, оказалась на практикѣ чистѣйшимъ абсурдомъ. Насильственное погруженіе корпуса внутрь сразу-же обнаружило такой быстрый кренъ, что нельзя было на новомъ суднѣ плавать, не рискуя буквально развалиться по всѣмъ склёпамъ.

Качка была облегчена внутреннимъ перемѣщеніемъ тяжестей, что-же касалось до течи, то она была признана неизбѣжнымъ зломъ. Однажды «Наяда» бокъ-о-бокъ стояла съ судномъ, которое, собираясь уходить въ море, наливало для баласта свой трюмъ водой. Валерьянъ Ивановичъ въ разговорѣ съ командиромъ, смѣясь, указалъ на разницу между этими сосѣдними судами. Одно наливалось, а другое никакъ не могло отлиться. И дѣйствительно, течь «Наяды» была чрезвычайно велика.

А потомъ, одно только воспоминаніе о «Сиренѣ» родной сестрѣ «Наядѣ». Это походило на мрачное предсказаніе, приводившее командира въ ужасъ. Лѣтъ десять тому назадъ «Сирена», будучи введена для исправленія въ докъ, вдругъ на глазахъ у всѣхъ торжественно пошла ко дну. Это произошло послѣ восьмичасовой стоянки въ докѣ, когда отливаться было уже не нужно. Спеціалисты торжествовали, потому что этотъ случай блистательно подтвердилъ ихъ математическія выкладки, гдѣ доказывалось, что всѣ суда подобнаго типа, во-первыхъ, легко теряютъ свою плавучесть и, во-вторыхъ, сейчасъ-же послѣ этого опрокидываются. А потомъ еще случай, когда «Тайфунъ», этотъ братъ «Наяды» и «Сирены», выскочилъ на гладкій камень въ финскихъ шхерахъ и затонулъ такъ быстро, что ни одно изъ окружавшихъ его судовъ не успѣло подать ему помощи. Этотъ случай тоже обошелся благополучно, такъ какъ камень былъ мелокъ. Теперь-же «Наяда» находилась въ открытомъ морѣ.

Валерьянъ Ивановичъ, конечно, зналъ обо всемъ этомъ, когда принималъ командованіе «Наядой», но онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что командованіе это было временное и что «Наяда» давно уже посылается только въ тихую погоду, несетъ службу на «стоячей водѣ», какъ острили моряки. Будучи самъ по себѣ прекраснымъ теоретикомъ, сочиненія котораго въ морскомъ мірѣ принимались какъ руководство, Валерьянъ Ивановичъ, въ то же время былъ плохимъ практикомъ - морякомъ. Но въ описываемый день онъ прекрасно понималъ положеніе «Наяды». Все это для него было ближе всѣхъ прочихъ, такъ какъ онъ убѣдился въ необходимости повернуть назадъ и зналъ, что въ то-же время весь позоръ этого бѣгства всецѣло падетъ на него одного. А теперь онъ, соглашаясь со всѣми доводами своего помощника, мучился, и упрямился, и откладывалъ съ момента на моментъ свое приказаніе положить руль на бортъ.

Старшій офицеръ поднимался наверхъ, упираясь въ стѣнку трубы руками и съ трудомъ избѣгая толчковъ объ нее. Эти быстрые взмахи качки представляли собой такую очевидную опасность, что былъ моментъ, когда старшій офицеръ хотѣлъ на свою отвѣтственность свернуть поближе къ шхерамъ, гдѣ, въ крайнемъ случаѣ, можно было-бы сѣсть на мель. Но это желаніе длилось лишь мгновеніе, онъ переломилъ себя и вышелъ на мостикъ, гдѣ попрежнему, ухватившись за поручень, сталъ наблюдать море.

Странное смущеніе испытывалъ этотъ морякъ. Онъ чуялъ опасность подъ ногами, зналъ, что «Наяда» течетъ втрое быстрѣе обыкновеннаго, и въ то же время имъ овладѣвало какое-то умственное оцѣпѣненіе, отчего онъ уже наблюдалъ окружавшее его, не поражаясь, не удивляясь и не боясь. Морякамъ знакомо это чувство, или, вѣрнѣе, состояніе духа, которое является въ крайніе моменты. Его можно назвать пассивнымъ предчувствіемъ каждой изъ слѣдующихъ другъ за другомъ фазъ кораблекрушенія. Онѣ уже не поражаютъ моряка, онъ знаетъ, онъ предвидитъ каждую изъ нихъ. Это ощущеніе присуще преимущественно храбрымъ, которые чувствуютъ въ одинаковой мѣрѣ со всѣми страхъ близкой гибели, въ то-же время сохраняютъ способность мыслить и дѣйствовать, не поддаваясь непреоборимому внутреннему трепетанію. Только лицо стянуто какой-то судорогой холоднаго и жестокаго чувства, какъ будто человѣкъ заранѣе предрѣшилъ свои муки и свою гибель.

Именно съ такимъ-то лицомъ и съ такимъ-же выраженіемъ въ пронзительномъ металлическомъ взглядѣ старшій офицеръ стоялъ и глядѣлъ на клокотавшее море. Онъ думалъ, что въ то время, когда черезъ это мѣсто въ такую-же погоду, любой изъ парусныхъ угольщиковъ пройдетъ шутя и безъ малѣйшей тревоги, они могутъ погибнуть со всѣми своими знаніями, опытностью и съ двумя сотнями здоровыхъ рукъ.

Отъ этихъ мыслей въ душѣ его накопляется взрывъ протеста противъ нерѣшительности его командира. Но въ то-же время онъ хорошо сознавалъ его положеніе и это-то и удерживало его отъ рѣшительнаго шага. Нѣтъ сомнѣнія, что вернись «Наяда» обратно, то найдется немного моряковъ, которые не назовутъ командира малодушнымъ. Старшій офицеръ укоризненно и неодобрительно крякнулъ, какъ-бы отвѣчая на собственныя свои мысли и затѣмъ желая разсѣяться, шагнулъ было по мостику, но сейчасъ-же взмахъ качки заставилъ его ухватиться за поручень и пригнуться подъ вліяніемъ неодолимой тяжести. Взглядъ его на секунду остановился на шлюпкѣ, подвѣшанной къ баканцамъ и прикрытой брезентомъ, положеніе котораго навело офицера на нѣкоторую догадку.

— Опять забрался кто-нибудь... Скотина, — пробормоталъ онъ сквозь зубы.

Мичманъ ежился подъ холоднымъ дождемъ и не слышалъ его замѣчанія. Сигнальщики рулевые съ окаменѣвшими лицами и удвоеннымъ вниманіемъ дѣлали свое дѣло, упорно не замѣчая открытія начальника. Офицеръ хотѣлъ было выгнать изъ шлюпки спавшаго матроса, но вдругъ ему пришло въ голову, что незачѣмъ гнать человѣка въ трюмъ, только для того, чтобы онъ погибъ тамъ вмѣстѣ со своими товарищами. Быть можетъ, судьба избрала этого самаго матроса, какъ вѣстника всему міру о томъ, что его товарищи-моряки не отступили, а умерли со славой...

Вѣтеръ сталъ бить жестокими порывами. Черезъ башню съ тяжкимъ ревомъ прошелъ сѣдогривый и сѣрый валъ и потрясъ до основанія весь мостикъ. Офицеръ посмотрѣлъ на небо.

— Дьяченко!—крикнулъ онъ, словно сердясь.

— Есть,—отозвался тотъ попрежнему.

Старшій офицеръ перешелъ къ нему на надвѣтренную сторону.

— Смотри, тамъ кажется туча спустилась... это къ погодѣ,—проговорилъ онъ, указывая на темноватое пятно, едва замѣтное на однообразно сѣромъ небѣ. Но сигнальщикъ не отвѣчалъ ни слова, и когда офицеръ повернулся къ нему, то замѣтилъ на его загорѣломъ лицѣ выраженіе того-же чувства, какое испытывалъ и самъ.

А валы наскакивали на башни все чаще и чаще, проносились съ тяжкимъ ревомъ надъ скрытымъ корпусомъ «Наяды», подшлепывали мостикъ, отчего тотъ трясся сверху до низу, сшибались опять и уходили за бортъ въ кипѣвшее море, уступая мѣсто новымъ такимъ-же безобразнымъ и тяжелымъ волнамъ. Угрюмое небо все болѣе и болѣе темнѣло и, казалось, спускалось надъ клокочущей пѣной поверхностью моря. Волненіе боролось съ теченіемъ, и крупная толчея съ неумолимой постепенностью расшатывала корпусъ «Наяды».

— Ваше благородіе,—услышалъ офицеръ позади себя и обернулся.

Передъ нимъ вплотную, лицомъ къ лицу, стоялъ одинъ изъ рулевыхъ, молодой паренекъ съ глуповатымъ лицомъ и жидкими вѣчно приподнятыми бровями. Но теперь оно носило еще выраженіе самой серьезной озабоченности, словно онъ что нибудь забылъ, или потерялъ и теперь тщательно напрягалъ свой мозгъ. Въ обыкновенное время подобная выходка сошла-бы за немыслимую дерзость, но теперь почему-то и сигнальщики, и рулевые, и мичманъ, да и самъ старшій офицеръ не нашли ничего удивительнаго въ этой выходкѣ. Что-то слишкомъ необыкновенное и важное чувствовалось въ поведеніи глупаго паренька...

— Чего тебѣ?—не выдержалъ, наконецъ офицеръ. Эти сѣрые, наивно встревоженные глаза возбудили въ немъ невыносимо скверное чувство.

— Ваше благородіе,—надвинулся тотъ съ быстрой и мелкой судорогой на лицѣ, тщетно усиливаясь что-то вспомнить, или понять.— Ваше... ваше... гляди сюда...—продолжалъ онъ порывисто, словно окаченный холодной водой.—Я Сенькѣ говорю: гдѣ маякъ знаешь? Вонъ, оттедова глянулъ... Ей-Богу!.. Ваше благородіе!

Матросикъ впился растеряннымъ взглядомъ въ хмурое лицо начальника, отрывисто и дребезжаще засмѣялся и нескладно махнулъ рукой мимо своего уха, не то указывая, не то отмахиваясь, словно отъ мухи.

Потомъ онъ вдругъ выпрямился, отчетливо повернулся на лѣво кругомъ и отправился къ штурвалу, на свое мѣсто. Офицеръ продолжалъ стоять въ оцѣпененіи. Хотя онъ и не понялъ безсвязныхъ бормотаній матроса, но его странное поведеніе, однако, не было загадкой. Оно было понятно безъ словъ, и ему, и всѣмъ присутствовавшимъ, которые теперь съ удвоеннымъ вниманіемъ занимались своимъ дѣломъ съ однимъ и тѣмъ-же выраженіемъ предчувствія на загорѣлыхъ лицахъ и словно не замѣтивъ всего происшедшаго. Общее невыносимое состояніе духа и подтолкнуло матроса на его нелѣпую выходку.

Старшій офицеръ взялъ изъ рукъ сигнальщика трубу и сталъ разсматривать ту часть сѣраго горизонта, куда махнулъ рукой рулевой. «Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ!» невольно думалось ему, хотя онъ и прекрасно зналъ, что сигнальщики со своими трубами и биноклями видѣли несравненно лучше рулеваго. Но море было сѣро и однообразно и только рѣдкія черныя точки, разбросанныя и тамъ и сямъ, указывали на присутствіе вѣхъ ограждающихъ камни и мели.

Вѣтеръ бьетъ въ лицо холоднымъ дождемъ, подъ ногами носятся сѣрые валы, въ сырой и темный трюмъ сочится вода... Офицеръ вздрогнулъ отъ этихъ невеселыхъ ощущеній и оглянулся на людей. Дождевики ихъ были мокры и имъ, видимо, было холодно. Руки, державшія штурвалъ, посинѣли и сами матросы ежились подъ косыми и холодными брызгами. Къ довершенію всего, качка бросала ихъ изъ стороны въ сто-

рону. Начался штормъ, которому и конца не предвидѣлось. Старшій офицеръ выпрямился, и въ глазахъ его засвѣтилось твердое и опредѣленное рѣшеніе. Онъ приказалъ сигнальщикамъ и рулевымъ, а также и мичману привязаться концами къ поручнямъ мостика, чтобы какой-нибудь шальной валъ не смылъ ихъ въ море. Это было продѣлано очень быстро и офицеръ, бросивъ послѣдній взглядъ на сѣрый горизонтъ, спустился внизъ.

Командиръ лежалъ съ открытыми глазами. Шумъ извнѣ заглушилъ шаги старшаго офицера, и командиръ только тогда замѣтилъ его, когда вдругъ изъ полусумрака на него глянули два глаза. Командиръ вздрогнулъ и приподнялся.

— Валерьянъ Ивановичъ,—началъ офицеръ твердымъ, но спокойнымъ тономъ:—я пришолъ вамъ доложить, что я сейчасъ поверну самъ.

Командиръ безнадежно махнулъ рукой, повернулся и легъ ничкомъ.

— Голубчикъ, нельзя! Ей-Богу, не могу,—простоналъ онъ.

— Хорошо, тогда вотъ что. Я ослушаться не могу, конечно, но думаю, что вы позволите мнѣ распорядиться относительно команды.

— А? Что?—спросилъ командиръ не перемѣняя положенія.

— Я прикажу людямъ переодѣться въ чистое бѣлье...

Командиръ сразу сѣлъ на койку и съ выраженіемъ отчаянія поднялъ руки.

— Ждать больше нельзя. Или повернемъ, или...

— Вы хотите... Да развѣ такъ плохо?

— Развѣ вы не видите. Валерьянъ Ивановичъ въ послѣдній разъ прошу васъ: прикажите повернуть.

— Ну хорошо, хорошо, только переждемъ еще немного.

Старшій офицеръ рѣшительно вздернулъ плечами, быстро повернулся и направился вонъ.

— Постойте, постойте!—кричалъ ему вслѣдъ командиръ. — Ради Бога остановитесь... Я согласенъ на все...

Тотъ выслушалъ его, стоя на порогѣ и собираясь уйти.

Вдругъ «Наяда» быстро накренилась вправо и такъ сильно, что онъ долженъ былъ ухватиться за косякъ. Вслѣдъ затѣмъ судно выпрямилось и накренило въ другую сторону и также сильно. Въ такомъ положеніи оно стояло въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ, и оба моряка, блѣдные и съ широко раскрытыми глазами, безмолвно глядѣли другъ на друга. Съ каждымъ мгновеніемъ ужасъ дѣлался явственнѣе на ихъ поблѣднѣвшихъ лицахъ.

«Наяда» могла безопасно выдерживать только очень небольшой кренъ и теперь она ежеминутно угрожала перевернуться. Вдругъ зловѣщая темнота надвинулась на иллюминаторы и ревъ моря сразу смѣнился глубокой тишиной. Оба моряка бросились было къ дверямъ, но

навстрѣчу имъ хлынулъ каскадъ холодной воды, а гдѣ-то за переборками послышались крики.

«Наяда» дрожала и кренилась влѣво. Что-то шипѣло и свистало въ трюмѣ. «Наяда» накренилась еще и вдругъ скрипъ и трескъ переборокъ и свистъ снизу заглушили человѣческіе крики въ трюмѣ.

— Мы подъ водой,—закричалъ кто-то въ офицерскихъ каютахъ голосомъ, заглушившимъ на секунду хаосъ звуковъ вокругъ. Напоръ воды вырвалъ захлопнувшуюся дверь и ворвавшійся каскадъ подхватилъ командира и старшаго офицера, закружилъ ихъ и метнулъ въ уголъ. Ниже въ трюмѣ поднялся непередаваемый долгій вопль сотенъ голосовъ. А за нимъ что-то клокотало, шипѣло, трещало и, несмотря на все это, одинъ пронзительный голосъ прорѣзалъ шумъ крикомъ: «братцы, да неужли-жъ конецъ»!

Потомъ раздался глухой рвущій ударъ, шипѣніе пара и опять нечеловѣческіе визги.

«Наяда» накренилась еще и тихо-тихо перевернулась килемъ кверху. Въ этотъ моментъ она уже вся была подъ водой.

Лѣвая шлюпка сорвалась съ баканцевъ при погруженіи «Наяды» и притомъ съ такимъ отчаяннымъ взмахомъ, что спавшій въ ней матросъ ударился затылкомъ о скамейку и умеръ, не успѣвъ даже проснуться. Шлюпка съ мертвецомъ понеслась по морю, чтобы оповѣстить весь міръ о страшной участи моряковъ, которую этотъ мертвецъ раздѣлилъ съ ними лишь на половину, потому что не пережилъ страшной агоніи подъ водою.

«Наяды» не стало, а съ нею не стало и двѣ сотни славныхъ моряковъ, скромныхъ и неизвѣстныхъ героевъ ужасной трагедіи на днѣ морскомъ. «Наяда», наконецъ, оправдала долголѣтнія и упорныя предсказанія ученыхъ теоретиковъ. Неужели для этого она и погибла?..

А. Чермный.

СНЫ.

Мнѣ снится иногда, какъ будто я иду
Среди безмолвія равнинъ однообразныхъ,
И путь мнѣ кажется одной изъ безобразныхъ
Тяжелыхъ грёзъ, томящихъ насъ въ бреду.

Все также тучъ нависшихъ вереница,
Все та же сѣрая, безрадостная мгла,
И даже мысль живая замерла,
Какъ на лету подстрѣленная птица...

А прежде снились мнѣ: заоблачная высь
И горы чудныя съ ихъ дѣвственной вершиной,
И мысли кь небесамъ сіяющимъ неслись
Свободной стаею орлиной.

Мнѣ снилися огни тропическихъ свѣтилъ,
И ночи темныя и волны океана,
Вспѣненныя во тьмѣ порывомъ урагана:
Борьба могучая несокрушимыхъ силъ.

Теперь подобныхъ сновъ ужъ я не вижу болѣ,
Равниной плоскою печально я бреду;
Какъ узникъ, много лѣтъ томящійся въ неволѣ —
И я конца пути—освобожденья жду.

О. Чюмина.

„QUO VADIS".

Романъ изъ временъ Нерона Генриха Сенкевича.

Переводъ съ польскаго **К. Льдова.**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XIV.

Урсъ и Хилонъ вошли. Былъ зимній пасмурный вечеръ, въ комнатѣ господствовалъ сумракъ, слабо озаряемый отблескомъ углей, горѣвшихъ на очагѣ. Виницій не различилъ вошедшаго: онъ лишь догадался, что въ капюшонѣ къ нему приблизился Хилонъ; грекъ, увидѣвши въ углу комнаты ложе и на немъ Виниція, направился, несмотря на окружающихъ, прямо къ нему.—Хилонъ, казалось, проникся увѣренностью, что, приблизившись къ Виницію, находится въ наибольшей безопасности.

— О, господинъ! зачѣмъ ты не послушался моихъ совѣтовъ! — воскликнулъ онъ, сложивъ руки.

— Молчи,—возразилъ Виницій,—и слушай!

Онъ сталъ пристально смотрѣть въ глаза Хилону, и заговорилъ съ разстановкой, но отчетливо, какъ бы желая, чтобы каждое его слово было понято, какъ приказаніе, и навсегда запечатлѣлось въ памяти Хилона:

— Кротонъ бросился на меня съ цѣлью убить меня и ограбить,— понимаешь! Тогда я убилъ его, — эти же люди перевязали раны, которыя я получилъ во время борьбы съ Кротономъ.

Хилонъ сразу понялъ, что Виницій, вѣроятно, говоритъ такимъ образомъ, вслѣдствіе какого-то условія, заключеннаго съ христіанами,— и, слѣдовательно, хочетъ, чтобы ему вѣрили. Онъ сообразилъ это и по выраженію лица молодого трибуна; онъ тотчасъ-же, не выказавъ ни недоумѣнія, ни сомнѣній, поднялъ глаза и воскликнулъ:

— Кротонъ былъ сущимъ негодяемъ! Вѣдь я предостерегалъ тебя, господинъ, чтобы ты ему не довѣрялъ. Всѣ мои поученія отскакивали отъ его головы, какъ горохъ отъ стѣны. Во всемъ Аидѣ не найдется для него достаточныхъ мукъ. Ибо кто не можетъ быть честнымъ человѣкомъ, тотъ принужденъ быть мошенникомъ; а кому же труднѣе сдѣлаться честнымъ, какъ не плуту? Но напасть на своего благодѣтеля и столь щедраго господина... О, боги!..

Тутъ, однако, онъ вспомнилъ, что по дорогѣ выдавалъ себя Урсу за христіанина,—и замолчалъ.

Виницій сказалъ:

— Если бы не «Sica», которая была при мнѣ, онъ бы меня убилъ.

— Благословляю ту минуту, когда я посовѣтовалъ тебѣ захватить хоть ножъ.

Но Виницій посмотрѣлъ на грека испытующимъ взоромъ и спросилъ:

— Что ты дѣлалъ сегодня?

— Какъ? Развѣ я не сказалъ тебѣ, господинъ, что произносилъ обѣты за твое здоровье?

— И только?

— И я какъ разъ собирался навѣстить тебя, когда пришелъ тотъ добрый человѣкъ и сообщилъ мнѣ, что ты меня зовешь.

— Возьми эти дощечки и отнеси ихъ въ мой домъ, тамъ ты отыщешь моего вольноотпущенника и отдашь ему. На нихъ написано, что я уѣхалъ въ Беневентъ. Добавь Демасу отъ себя, что я уѣхалъ сегодня утромъ, вызванный спѣшнымъ письмомъ отъ Петронія.

Виницій повторилъ еще внушительнѣе:

— Я уѣхалъ въ Беневентъ, понимаешь!

— Ты уѣхалъ, господинъ! Поутру я распростился съ тобою у Porta Capena — и со времени твоего отъѣзда мной овладѣла такая тоска, что, если твоя щедрость не смягчитъ ее, то я загрущу до смерти, какъ несчастная жена Зеоа, превращенная въ соловья отъ скорби по Итилу.

Виницій, не смотря на свою болѣзнь и на то, что онъ уже успѣлъ привыкнуть къ покладливости грека, не могъ, однако, удержаться отъ улыбки. Обрадованный, что Хилонъ понялъ его съ полуслова, онъ сказалъ:

— Поэтому я припишу, чтобы тебѣ отерли слезы. Дай мнѣ свѣтильникъ.

Хилонъ, совершенно успокоившись, отошелъ къ очагу и взялъ горѣвшій на каменномъ выступѣ свѣтильникъ.

Когда при этомъ капюшонъ соскользнулъ съ его головы и свѣтъ упалъ прямо на его лицо, Главкъ стремительно соскочилъ со скамьи и, быстро приблизившись, остановился передъ нимъ.

— Ты не узнаешь меня, Цеоасъ?—спросилъ онъ.

Въ голосѣ его прозвучало нѣчто столь ужасное, что всѣ присутствовавшіе невольно содрогнулись. Хилонъ поднялъ свѣтильникъ и почти въ то же мгновеніе уронилъ его на полъ,—затѣмъ онъ весь скорчился и принялся жалобно вопить:

— Я не... я не!.. сжальтесь!

Главкъ обратился въ сторону сидѣвшихъ за столомъ и сказалъ:

— Этотъ человѣкъ предалъ и погубилъ меня и мое семейство!..

Исторія его была извѣстна какъ всѣмъ христіанамъ, такъ и Виницію, который не догадался, кѣмъ былъ Главкъ только потому, что нѣсколько разъ, лишаясь сознанія отъ боли при перевязкѣ, не разслышалъ его имени. Но для Урса эта мгновенная сцена и слова Главка блеснули, какъ молнія въ потемкахъ. Узнавъ Хилона, онъ однимъ прыжкомъ очутился возлѣ него, схватилъ за руки и перегнувъ ихъ назадъ, воскликнулъ:

— Это онъ подговаривалъ меня убить Главка!

— Сжальтесь! — стоналъ Хилонъ, — я вамъ возвращу... Господинъ!—воскликнулъ онъ, повернувъ голову къ Виницію,—спаси меня! Я довѣрился тебѣ, заступись за меня... Твое письмо... я отнесу. Господинъ! господинъ!..

Но Виницій равнодушнѣе всѣхъ смотрѣвшій на произошедшее, во-первыхъ, потому что всѣ продѣлки грека были ему болѣе или менѣе извѣстны и, во-вторыхъ, оттого, что сердцу его было незнакомо состраданіе, произнесъ:

— Заройте его въ саду: письмо снесетъ кто-нибудь другой.

Хилону показалось, что этими словами надъ нимъ произнесенъ смертный приговоръ. Кости его затрещали въ ужасныхъ рукахъ Урса, глаза отъ боли наполнились слезами.

— Во имя вашего Бога! сжальтесь,—вопилъ онъ,—я христіанинъ!.. Pax vobiscum, я христіанинъ, а если вы мнѣ не вѣрите, окрестите меня еще разъ, еще два, еще десять разъ! Главкъ, это—ошибка! Позвольте мнѣ разсказать! сдѣлайте меня рабомъ... Не убивайте меня! сжальтесь!

Голось его, прерывавшійся отъ боли, все болѣе ослабѣвалъ. Изъ-за стола вдругъ поднялся апостолъ Петръ; втеченіе нѣсколькихъ мгновеній онъ покачивалъ сѣдою головой, наклоняя ее къ груди. Наконецъ, онъ раскрылъ опущенные глаза и произнесъ среди общаго безмолвія:

— Спаситель сказалъ намъ: «Если согрѣшитъ противъ тебя братъ твой, обличи его; и если покается, прости ему и если семь разъ въ день согрѣшитъ противъ тебя, и семь разъ въ день обратится, и скажетъ: каюсь!—прости ему».

Въ комнатѣ водворилась еще большая тишина.

Главкъ долго стоялъ, закрывъ лицо руками; затѣмъ онъ опустилъ ихъ и сказалъ:

— Цефасъ, пусть Господь отпуститъ тебѣ причиненное мнѣ зло, какъ я прощаю тебя во имя Христа.

Урсъ, отпустивъ руки грека, добавилъ:

— Пусть Спаситель проститъ меня, какъ я тебя прощаю.

Хилонъ упалъ на полъ и, опершись руками, ворочалъ головой, какъ звѣрь, пойманный въ западню, озираясь вокругъ и ожидая, откуда придетъ смерть. Онъ еще не вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ, не смѣя надѣяться на помилованіе.

Постепенно, однако, самообладаніе возвращалось къ нему, лишь посинѣвшія губы тряслись еще отъ испытаннаго ужаса. Апостолъ обратился къ нему со словами:

— Иди съ миромъ!

Хилонъ всталъ, но не могъ еще говорить. Онъ безсознательно приблизился къ ложу Виниція, точно продолжая просить защиты, такъ какъ еще не успѣлъ сообразить, что молодой трибунъ, хотя пользовался его услугами и былъ, нѣкоторымъ образомъ, его сообщникомъ, осудилъ его, тогда какъ тѣ именно, противъ которыхъ онъ служилъ, помиловали. Мысль эта лишь позже возникла въ его умѣ. Пока въ глазахъ грека отражались только изумленіе и недовѣріе. Хотя онъ уже понялъ, что его простили, однако, хотѣлъ какъ можно скорѣе вырваться живымъ отъ этихъ непонятныхъ людей, кротость которыхъ пугала его почти въ такой-же степени, какъ испугала-бы жестокость. Ему казалось, что если онъ пробудетъ дольше, произойдетъ еще какая-нибудь неожиданность; ставъ передъ Винпціемъ, онъ заговорилъ прерывающимся голосомъ:

— Дай письмо, господинъ; дай письмо!

Схвативъ дощечки, подданныя Виниціемъ, Хилонъ отвѣсилъ по поклону христіанамъ и больному,—и, согнувшись, пробираясь у самой стѣнки, бросился къ двери.

Въ садикѣ, гдѣ его охватилъ сумракъ, на головѣ грека отъ страха снова поднялись дыбомъ волосы: онъ былъ увѣренъ, что Урсъ выбѣжитъ вслѣдъ за нимъ и убьетъ его впотьмахъ. Хилонъ побѣжалъ-бы изо всѣхъ силъ, но ноги отказывались повиноваться, а вскорѣ и совсѣмъ оцѣпенѣли,—когда Урсъ, въ самомъ дѣлѣ, очутился возлѣ него.

Хилонъ упалъ лицомъ на землю и простоналъ:

— Урбанъ... во имя Христа...

Но Урбанъ сказалъ:

— Не бойся. Апостолъ приказалъ мнѣ вывести тебя за ворота, чтобы ты не заблудился въ темнотѣ. Если-же ты ослабѣлъ, я провожу тебя до дому.

Хилонъ поднялъ голову.

— Что ты говоришь—что?.. Ты не убьешь меня?

— Нѣтъ! я не убью тебя, а если я схатилъ тебя слишкомъ сильно и помялъ кости, прости меня.

— Помоги мнѣ встать, — сказалъ грекъ. — Такъ ты не убьешь меня, а? Выведи меня на улицу, дальше я пойду одинъ.

Урсъ поднялъ его съ земли, какъ перышко, и, поставивъ на ноги, повелъ темнымъ коридоромъ на второй дворъ, откуда сѣни выходили на улицу. Въ коридорѣ Хилонъ снова мысленно повторялъ: «теперь я погибъ!»—лишь очутившись на улицѣ, ободрился и произнесъ:

— Дальше я пойду одинъ.

— Миръ съ тобою.

— И съ тобой! и съ тобой!.. Дэй мнѣ перевести духъ.

Когда Урсъ удалился, Хилонъ вздохнулъ полною грудью. Онъ ощупалъ руками свое туловище и бедра, какъ-бы желая убѣдиться, что остался невредимъ, и поспѣшно зашагалъ по улицѣ.

Но, пройдя нѣсколько десятковъ шаговъ, онъ остановился и произнесъ:

— Почему-же, однако, они не убили меня?

И, несмотря на прежніе бесѣды съ Эврпціемъ о христіанскомъ ученіи, несмотря на разговоръ, который самъ велъ надъ рѣкою съ Урбаномъ, несмотря на всѣ поученія, выслушанныя въ Остраніи,—грекъ не находилъ отвѣта на этотъ вопросъ.

XXV.

Виницій также не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что произошло, и въ глубинѣ души былъ изумленъ не меньше, чѣмъ Хилонъ. Что христіане обошлись съ нимъ самимъ такимъ-же образомъ—и, вмѣсто того, чтобы отомстить ему за нападеніе, заботливо перевязали его раны, Виницій приписывалъ отчасти ихъ вѣроученію, въ особенности-же, вліянію Лигіи, и, въ нѣкоторой степени, своему высокому званію. Но поступокъ ихъ по отношенію къ Хилону просто превышалъ его представленіе о доступной людямъ способности прощать. Ему также невольно думалось: почему христіане не убили грека? Вѣдь они могли сдѣлать это безнаказанно. Урсъ зарылъ бы его въ саду, или бросилъ бы ночью въ Тибръ: въ тѣ времена, когда самъ цезарь производилъ по ночамъ разбои, на рѣкѣ такъ часто всплывали по утрамъ мертвыя тѣла, что никто даже не дознавался, откуда они брались.

Притомъ-же, христіане, по мнѣнію Виниція, не только могли, но и должны были убить Хилона. Милосердіе не было, въ сущности, вполнѣ чуждымъ тому міру, къ которому принадлежалъ молодой патрицій. Аѳи-

няне посвятили милосердію храмъ и долго противились перенесенію въ Аѳины состязаній гладіаторовъ. Случалось, что и въ Римѣ миловали побѣжденныхъ, — напримѣръ, бретонскій царь Калликратъ, взятый въ плѣнъ въ царствованіе императора Клавдія, былъ щедро одаренъ последнимъ и свободно жилъ въ Римѣ. Но мщеніе за личныя обиды представлялось Виницію, какъ и всѣмъ его современникамъ, вполнѣ основательнымъ и справедливымъ. Пренебреженіе местью было ему, вообще, не по душѣ. Хотя и Виницій слышалъ въ Остраніи, что слѣдуетъ любить даже враговъ, но онъ счелъ эти слова за какую-то теорію, непримѣнимую въ жизни. И теперь онъ догадывался, что Хилона, быть можетъ, не убили лишь отъ того, что наступила пора года или четверть луны, во время которой христіанамъ запрещено проливать кровь. Онъ слышалъ, что нѣкоторымъ народамъ въ извѣстную пору года запрещено даже выступать въ походъ. Но почему-же, въ такомъ случаѣ, они не предали Хилона въ руки правосудія, — почему апостолъ сказалъ, что согрѣшившаго семь разъ слѣдуетъ семь разъ простить, и почему Главкъ сказалъ Хилону: да проститъ тебя Богъ, какъ я тебя прощаю? А вѣдь Хилонъ нанесъ ему величайшее зло, какое только можно причинить человѣку! Сердце Виниція, при одномъ предположеніи о томъ, какъ-бы онъ поступилъ съ человѣкомъ, который, напримѣръ, убилъ бы Лигію, забурлило, какъ кипятокъ: нѣтъ такихъ пытокъ, которыми бы онъ не отомстилъ за нее! А Главкъ простилъ! — И Урсъ также простилъ, — Урсъ, который, очевидно, можетъ убить въ Римѣ кого угодно съ полной безнаказанностью, такъ какъ ему придется затѣмъ лишь умертвить царя Неморенской рощи и самому занять его мѣсто. Противъ силача, съ которымъ не могъ справиться Кротонъ, не устоялъ бы и гладіаторъ, пользующійся этимъ званіемъ, пріобрѣтаемымъ лишь посредствомъ убіенія предшествующаго «царя».

На всѣ эти вопросы оставалось отвѣтить лишь одно: христіане не убиваютъ, вслѣдствіе какой-то столь великой доброты, что подобной еще не бывало на свѣтѣ, и вслѣдствіе безпредѣльной любви къ людямъ, предписывающей забывать о себѣ, о своихъ обидахъ, о своихъ радостяхъ и невзгодахъ и жить для другихъ. На какую награду уповаютъ христіане, Виницій слышалъ въ Остраніи, но не могъ примириться и освоиться съ этимъ. Онъ чувствовалъ, что подобная земная жизнь, соединенная съ отреченіемъ отъ всякихъ благъ и наслажденій въ пользу другихъ, должна быть жалкою. Поэтому въ размышленіяхъ Виниція о христіанахъ, наряду съ чрезвычайнымъ изумленіемъ, отражалось и сожалѣніе о нихъ и какъ-бы оттѣнокъ презрѣнія. Ему казалось, что послѣдователи страннаго вѣроученія — овцы, обреченныя рано или поздно быть съѣденными волками: римская натура Виниція была неспособна проникнуться уваженіемъ къ тѣмъ, которые обрекаютъ себя на поглощеніе.

Его поразило, тѣмъ не менѣе, что, по удаленіи Хилона, лица всѣхъ окружающихъ озарились чрезвычайною радостью. Апостолъ подошелъ къ Главку и, положивши руку на его голову, сказалъ:

— Христосъ побѣдилъ въ тебѣ!

Главкъ вознесъ къ небесамъ взоры, проникнутые такой вѣрой и радостью, точно ему ниспослано неожиданное великое счастье. Виницій, способный понять лишь наслажденіе отъ выполненной мести, смотрѣлъ на него расширившимися отъ лихорадки зрачками, какъ-будто на безумнаго. Онъ увидѣлъ затѣмъ не безъ душевнаго возмущенія, что Лигія приложила свои уста царевны къ рукѣ этого человѣка, внѣшностью напоминавшаго раба,—и ему казалось, что порядокъ всего міра нарушенъ.

Вернувшійся Урсъ сталъ разсказывать, какъ онъ вывелъ Хилона на улицу и какъ просилъ грека простить ущербъ, который могъ причинить его костямъ; апостолъ благословилъ за это и лигійца. Криспъ сказалъ, что этотъ день — есть день великой побѣды. Услышавъ объ этой побѣдѣ, Виницій окончательно сбился съ толку.

Когда Лигія вскорѣ снова подала ему прохладительное питье, молодой патрицій на мгновеніе задержалъ ея руку и спросилъ:

— Значитъ, и ты простила меня?

— Мы христіане. Намъ запрещено таить въ сердцѣ гнѣвъ.

— Лигія, каковъ бы ни былъ твой Богъ, я принесу въ честь Его гекатомбу, потому только, что ты вѣруешь въ Него.

Лигія возразила:

— Ты принесешь Ему жертву въ сердцѣ своемъ, когда полюбишь Его.

— Только потому, что Онъ—твой Богъ...— произнесъ упавшимъ голосомъ Виницій.

Вѣки больного опустились; силы снова оставили его.

Лигія отошла, но вскорѣ вернулась и, приблизившись къ ложу Виниція, склонилась, чтобы убѣдиться, спитъ-ли онъ. Виницій, почувствовавъ ея приближеніе, раскрылъ глаза и улыбнулся, она-же слегка приложила къ нимъ руку, какъ-бы желая склонить его ко сну. Сладостная истома овладѣла имъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ почувствовалъ себя совсѣмъ больнымъ. Ночь уже наступила и, по мѣрѣ того, какъ темнѣло, жаръ усиливался. Виницій не могъ уснуть и слѣдилъ взорами за каждымъ движеніемъ Лигіи. По временамъ, однако, онъ впадалъ въ забытье; при этомъ, онъ видѣлъ и слышалъ все, что происходило вокругъ, хотя дѣйствительность сливалась съ видѣніями бреда. Ему представлялось, что на какомъ-то старомъ, запущенномъ кладбищѣ возвышается храмъ въ видѣ башни. Лигія—жрица этого храма. Больной не сводилъ съ нея глазъ, но она чудилась ему стоящею съ лютней въ рукахъ на вершинѣ башни, окруженною сіяніемъ, подобною тѣмъ жрицамъ, пѣв-

шимъ по ночамъ гимны въ честь луны, которыхъ Виницію случалось видѣть на Востокѣ. Самъ онъ съ чрезвычайными усиліями поднимался по закругленной лѣстницѣ, чтобы похитить Лигію, а за нимъ ползъ Хилонъ, стуча зубами отъ ужаса и повторяя: «не дѣлай этого, господинъ, потому что она—жрица, за которою отомститъ Онъ...» Виницій не зналъ, про кого говоритъ Хилонъ, но понималъ, однако, что идетъ совершить святотатство, и также испытывалъ безпредѣльный ужасъ. Когда-же онъ достигъ зубчатой ограды, завершавшей башню, рядомъ съ Лигіей внезапно сталъ апостолъ съ серебристой бородой и произнесъ: «не поднимай на нее руки, такъ какъ она принадлежитъ мнѣ». Старецъ, сказавъ эти слова, пошелъ вмѣстѣ съ Лигіей по свѣтлой полосѣ луннаго луча, точно по пути къ небесамъ, а Виницій, простирая къ нимъ руки, умолялъ, чтобы они взяли его съ собою.

Виницій проснулся, опомнился и сталъ осматриваться. Огонь на высокомъ очагѣ пламенѣлъ слабѣе; всѣ, озаренные его отблескомъ, сидѣли, грѣясь у огня, такъ какъ ночь была довольно холодною. Виницій видѣлъ, какъ дыханіе ихъ исходило изъ устъ въ видѣ пара. По серединѣ сидѣлъ апостолъ, у его колѣней, на низкой скамейкѣ,—Лигія, далѣе—Главкъ, Криспъ, Миріамъ, Урсъ и, съ другого конца, Назарій, сынъ Миріамъ, мальчикъ съ прелестнымъ лицомъ и длинными черными волосами, ниспадавшими на плечи.

Лигія слушала, обративъ глаза къ апостолу, и всѣ головы были обращены къ нему; онъ говорилъ что-то вполголоса. Виницій глядѣлъ на него съ суевѣрною боязнью, почти равною ужасу, испытанному имъ въ бреду. Онъ подумалъ, что въ бреду, быть можетъ, предугадалъ истину,—что этотъ сѣдой пришелецъ изъ далекихъ странъ, въ самомъ дѣлѣ, отнимаетъ отъ него Лигію и ведетъ ее куда-то, на невѣдомый путь.

Виницій былъ увѣренъ, что старецъ говоритъ о немъ, и, быть можетъ, совѣтуетъ, какъ разлучить его съ Лигіей: молодому трибуну казалось невозможнымъ, чтобы кто-нибудь могъ говорить о чемъ-либо другомъ. Онъ сталъ прислушиваться, напрягая все свое вниманіе, къ словамъ Петра.

Оказалось, однако, что Виницій ошибся: апостолъ снова говорилъ о Христѣ.

— Они живутъ лишь Его именемъ!—подумалъ Виницій.

Старецъ разсказывалъ, какъ схватили Спасителя. Пришелъ отрядъ воиновъ и служители первосвященниковъ, чтобы взять Его. Когда Онъ спросилъ: «кого ищете?»—они отвѣтили: «Іисуса Назорея!» Когда-же Онъ имъ сказалъ: «это Я», они пали на землю и не смѣли поднять на Него руки, и лишь послѣ вторичнаго вопроса—схватили Его.

Апостолъ прервалъ повѣствованіе и, протянувъ руку къ огню, произнесъ:

— Ночь была холодная, такая-же, какъ нынче, но во мнѣ вскипѣло сердце,—я извлекъ мечъ, чтобы защитить Его, и отсѣкъ ухо рабу первосвященника. И я защищалъ-бы Его больше, чѣмъ собственную жизнь, если-бы Онъ не сказалъ мнѣ: «Вложи мечъ твой въ ножны. Неужели Мнѣ не пить чаши, которую Мнѣ далъ Отецъ?» Тогда взяли Іисуса и связали Его.

Произнеся эти слова, онъ подперъ чело рукою и умолкъ, стараясь подавить, передъ дальнѣйшимъ повѣствованіемъ, живость воспоминаній. Урсъ, не будучи въ силахъ преодолѣть свое волненіе, вскочилъ и поправилъ кочергой огонь на очагѣ такъ, что искры посыпались золотымъ дождемъ и огонь вспыхнулъ ярче; затѣмъ онъ снова сѣлъ и воскликнулъ:

— И пусть случилось-бы потомъ что угодно, гей!..

Урсъ мгновенно умолкъ, увидѣвъ, что Лигія приложила палецъ къ устамъ. Лигіецъ дышалъ тяжело, и было замѣтно, что въ душѣ онъ возмущенъ: Урсъ, хотя и готовъ всегда цѣловать стопы апостола, но съ однимъ этимъ поступкомъ не можетъ примириться. Если-бы кто-нибудь тутъ-же, при немъ, дерзнулъ поднять руку на Спасителя, если-бы онъ былъ съ Христомъ въ ту ночь,—онъ сокрушилъ-бы и воиновъ, и рабовъ первосвященническихъ, и служителей... Глаза лигійца наполнились слезами, при одной мысли объ этомъ, отъ скорби и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ душевнаго смущенія: онъ, съ одной стороны, подумалъ, что не только самъ защищалъ-бы Спасителя, но и созвалъ-бы на помощь Ему лигійцевъ,—но, если-бы онъ сдѣлалъ это, оказалъ-бы непослушаніе Спасителю и воспрепятствовалъ-бы искупленію міра.

Оттого онъ не могъ удержаться отъ слезъ.

Апостолъ Петръ, опустивъ руку, подпиравшую чело, продолжалъ повѣствованіе, но Виницій снова впалъ въ забытье. Услышанныя теперь слова смѣшались съ тѣмъ, что апостолъ разсказывалъ прошлою ночью въ Остраніи о явленіи Христа на берегу Тиверіадскаго озера. Ему представился широкій разливъ, рыбачья лодка и въ ней Петръ съ Лигіей. Самъ онъ изо всѣхъ силъ плыветъ за ними, но боль въ сломанной рукѣ не позволяетъ ему догнать ихъ. Бурливыя волны ослѣпляютъ его, онъ тонетъ, взываетъ умоляющимъ голосомъ о спасеніи. Тогда Лигія опустилась на колѣни передъ апостоломъ; старецъ повернулъ лодку и протянулъ къ нему весло. Виницій ухватился за весло, съ ихъ помощью влѣзъ въ лодку—и упалъ на дно.

Затѣмъ ему приснилось, что онъ всталъ и увидѣлъ множество людей, плывущихъ за лодкой. Волны обрызгивали пѣной ихъ головы, у нѣкоторыхъ изъ пучины виднѣлись лишь руки, но Петръ одного за

другимъ спасалъ утопающихъ, вытаскивая ихъ въ лодку, расширявшуюся, точно чудомъ. Вскорѣ наполнили ее толпы народа, столь многолюдныя, какъ сборище въ Остраніи, а затѣмъ и еще болѣе многочисленныя. Виницій удивлялся, какъ могло помѣститься въ лодкѣ столько людей, и сталъ опасаться, что она затонетъ. Но Лигія принялась ободрять его и указывала ему какой-то свѣтъ на отдаленномъ берегу, къ которому они плыли. Тутъ грезы Виниція снова смѣшались съ выслушаннымъ въ Остраніи повѣствованіемъ апостола о явленіи Спасителя у озера. Въ надбрежномъ сіяніи онъ различилъ чей-то образъ, къ которому правилъ Петръ и, по мѣрѣ приближенія, буря стихала, поверхность воды становилась глаже, сіяніе казалось болѣе яркимъ. Народъ запѣлъ сладостный гимнъ, воздухъ наполнился благоуханіемъ нарда; вода отливала цвѣтами радуги, точно со дна просвѣчиваютъ лиліи и розы... Наконецъ, ладья слегка причалила къ песчаному берегу. Лигія взяла его за руку и сказала: «пойдемъ, я сведу тебя!»—И повела его къ свѣту.

. . . .

Виницій снова проснулся, но сновидѣніе разсѣивалось лишь постепенно; больной не сразу освоился съ дѣйствительностью. Ему казалось еще нѣсколько времени, что онъ находится надъ озеромъ, гдѣ окружаютъ его толпы народа, среди котораго онъ, — самъ не зная, зачѣмъ,—ищетъ Петронія и удивляется, что не можетъ найти его. Пламя очага, передъ которымъ уже не грѣлся никто, возвратило его окончательно къ дѣйствительности. При отблескѣ, очевидно, недавно подброшенныхъ дровъ, Виницій увидѣлъ Лигію, сидѣвшую неподалеку отъ его ложа.

Видъ ея потрясъ его до глубины души. Онъ вспомнилъ, что молодая дѣвушка провела прошлую ночь въ Остраніи, а въ теченіе всего дня хлопотала при перевязкѣ; теперь же, когда всѣ удалились отдохнуть, она одна бодрствуетъ у его ложа. Не трудно было догадаться, однако, что Лигія очень устала: она сидѣла неподвижно, съ закрытыми глазами. Виницій не зналъ, спитъ-ли она или углубилась въ размышленіе. Онъ смотрѣлъ на ея профиль, на руки, сложенныя на колѣняхъ, и въ языческомъ сознаніи его стало съ трудомъ слагаться представленіе о томъ, что, наряду съ тщеславной и горделивой эллинской и римской красотой формъ, существуетъ какая-то иная, дивно чистая, одухотворенная прелесть.

Онъ не рѣшался назвать эту красоту христіанской, думая, однако, о Лигіи, не могъ уже обособить ея обаяніе отъ исповѣдуемаго ею вѣроученія. Онъ постигъ даже, что Лигія, которой онъ нанесъ столько обидъ, бодрствуетъ надъ нимъ въ то время, когда всѣ остальные ушли спать, потому именно, что такъ поступать предписываетъ христіанская

вѣра. Дивясь христіанству, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что мысль эта огорчаетъ его. Онъ предпочелъ бы, чтобы Лигія поступала такимъ образомъ изъ любви къ нему, ради его лица, глазъ, стройнаго тѣла, — словомъ, ради всѣхъ тѣхъ побужденій, вслѣдствіе которыхъ столько разъ обвивались вокругъ его шеи бѣлоснѣжныя руки римлянокъ и гречанокъ.

Но вдругъ его осѣнила мысль, что, если-бы Лигія стала такою, какъ всѣ остальныя женщины, то она лишилась бы въ его глазахъ доли своего обаянія. Открытіе это поразило его: что сдѣлалось съ нимъ? Онъ замѣтилъ, что въ его душѣ зародились какія-то новыя чувства и влеченія, чуждыя міру, среди котораго жилъ онъ прежде.

Лигія раскрыла глаза; видя, что Виницій смотритъ на нее, она приблизилась и сказала:

— Я возлѣ тебя.

Онъ отвѣтилъ:

— Я видѣлъ во снѣ твою душу*).

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*) Редакція вынуждена ограничиться на этотъ разъ напечатаніемъ столь незначительнаго отрывка романа вслѣдствіе болѣзни переводчика. *Ред.*

Вопросъ объ Эльзасѣ и Лотарингіи.

Важность его для современной Европы.—Его неразрушимость съ точки зрѣнія интересовъ однихъ обоихъ соперниковъ.—Четыре возможныхъ исхода его безъ войны.—Оппозиція Германіи.—Процедура рѣшенія.—Заключеніе.

Вопросы, которые болѣе всего поддерживаютъ политическую рознь между народами Европы въ наши дни и которые поэтому являются главными причинами гнетущаго ихъ милитаризма, суть: *эльзасъ-лотарингскій* и *восточный* въ широкомъ смыслѣ. Постановленія на ихъ счетъ договоровъ франкфуртскаго (1871 г.) и берлинскаго (1878) столь несовершенны и несправедливы, что настоятельно требуютъ пересмотра и радикальнаго ихъ измѣненія, и чѣмъ скорѣе это будетъ сдѣлано, тѣмъ лучше. Ими, въ значительной степени, питается, хотя глухая, но сильная вражда между Франціею и Германіею; между Россіею и Англіею, Австріею и даже съ присоединеніемъ сюда, въ извѣстной степени, и Германіи; между Франціею и Англіею съ Италіею. Къ этимъ узламъ политической вражды привлекаются то прямо, то косвенно остальныя державы Европы и тѣмъ или инымъ отношеніемъ ихъ къ этимъ капитальнымъ пунктамъ опредѣляется главнымъ образомъ политическая ихъ группировка въ наши дни (союзы: тройственный и двойственный).

I.

Поговоримъ сперва объ участи *Эльзаса* и *Лотарингіи*. Со времени отторженія ихъ отъ Франціи Германіею по франкфуртскому трактату (1872 г.) о нихъ возникла цѣлая литература *), и Франція не пере-

---

*) Назовемъ напр. различныя брошюры французскаго патріота, скрывающагося подъ псевдонимомъ *Jean Heimweh:* Pensons-y et Parlons-en; Triple-Alliance et Alsace-Lorraine; L'Alsace-Lorraine et la Paix; La guerre et la frontière du Rhin; *Patiens* (псевдонимъ капитана Moch). L'Alsace-Lorraine devant l'Furope, 1894 года.

стаетъ, въ сущности, требовать ихъ возвращенія. Германія, какъ побѣдительница, объ этомъ и слышать не хочетъ и даже соціалисты и наиболѣе радикальныя партіи не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія.

Между тѣмъ для всякаго безпристрастнаго ума очевидны тутъ двѣ истины: во-первыхъ, предоставленныя только себѣ самимъ, Франція и Германія никогда не договорятся до окончательнаго и мирнаго рѣшенія участи Эльзаса и Лотарингіи. Распря изъ-за нихъ тянется уже впродолженіе трехъ вѣковъ, и слишкомъ противоположны, по отношенію къ нимъ, интересы и воззрѣнія обоихъ могущественныхъ соперниковъ. Во-вторыхъ, пока этотъ вопросъ не будетъ рѣшенъ окончательно и безпристрастно, миръ въ Европѣ не будетъ обезпеченъ.

II.

Совершенно противоположными доводами стараются обосновать свое господство надъ этими областями нѣмцы и французы.

Нѣмцы ссылаются на прежнюю ихъ принадлежность къ Германіи, на насильственное или вѣроломное отнятіе ихъ у нея въ свое время Франціею, наконецъ—на необходимость обладанія военными гарантіями противъ всегда возможныхъ въ будущемъ новыхъ нападеній на нихъ ихъ исконнаго врага—Франціи *).

Французы на это отвѣчаютъ указаніемъ глубокаго различія между событіями 17 и 19 вв. Тогда не существовало нѣмецкаго отечества, какъ одного живого цѣлаго. Отнятіе Эльзаса Франціею не чувствовалось тогда такимъ поруганіемъ надъ священнѣйшими правами человѣка, какимъ оно явилось въ 1870 г. Жители спорныхъ областей вопреки тѣмъ или инымъ даннымъ этнографіи и независимо отъ ихъ языка и вѣроисповѣданія, суть теперь по душѣ, по своимъ чувствамъ и симпатіямъ—французы. Франція создала современный Эльзасъ; въ силу принципа національности, понимаемаго не въ матеріальномъ смыслѣ, а въ духовномъ, культурномъ, какъ право самоопредѣленія населеній, Эльзасъ долженъ принадлежать Франціи. «Наши противники, восклицаетъ Эрнестъ Лависсъ **), отрицаютъ движеніе въ исторіи, свободу души. Мы, на-

---

Наиболѣе обстоятельное сочиненіе. Объ этомъ вопросѣ писали и говорили такія лица, какъ: Лависсъ, Фредерикъ Пасси и Молинари во Франціи; Бизли, Дилькъ и Лабушеръ въ Англіи, Де-Губернатисъ и Бонги въ Италіи, Кастеляръ въ Испаніи, Новиковъ въ Россіи, Таллиме въ Швейцаріи, Гобле д'Альвіелла въ Бельгіи, Бьёрнстернъ-Бьёрнсонъ въ Норвегіи и мн. др. (Ср. *Heimweh.* La guvre et la frontière du Rhin; 1895; p. 102—103. *Pichon.* L'Alsace-Lorraine devant l'Europe (въ L'Europe Nouvelle, 1 февраля 1895).

*) Доводы нѣмцевъ излагаются и опровергаются *Heimweh.* L'Alsace-Lorraine et la Paix. 1894; p. 54—66.

**) *Ernest Lavisse.* La Question d'Alsace-Lorraine (L'Europe Nouvelle, 1 juin 1895).

противъ. полагаемъ, что національность есть дѣло природы и исторіи, освященное согласіемъ людей. Мы вѣримъ въ существованіе у народовъ души, которая, медленно слагаясь, также имѣетъ право на бытіе и на неприкосновенность, какъ душа отдѣльнаго человѣка».

Отъ себя добавимъ, что, оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о національности, нельзя не согласиться съ французами въ двухъ пунктахъ ихъ критики: идея отместки въ 1870 г. за дѣянія Людовика XIV и требованіе военныхъ гарантій равно представляются несостоятельными. Если народамъ, какъ и индивидамъ, вѣчно только озираться назадъ и заботиться о возстановленіи прежнихъ, давно исчезнувшихъ отношеній, для нихъ будетъ невозможно установленіе прочнаго и болѣе справедливаго порядка въ настоящемъ и будущемъ. Политика мести изъ всѣхъ, быть можетъ, самая близорукая и лишенная зиждительной силы. Военной безопасности Германія также отъ обладанія Страсбургомъ и Мецомъ не пріобрѣла: она не прекращаетъ своихъ вооруженій, и натянутость ея отношеній къ Франціи почти не ослабѣваетъ. Оба противника по сю и по ту сторону Рейна истощаютъ себя и другихъ въ безумномъ соревнованіи превзойти одинъ другого въ вооруженіяхъ, въ военныхъ открытіяхъ и т. д., забывая о своихъ высшихъ культурныхъ задачахъ.

III.

Какой-же выходъ изъ этого невыносимаго положенія?

Мыслимы *четыре* способа рѣшенія занимающаго насъ теперь вопроса: возвращеніе спорныхъ областей Германіею Франціи; ихъ раздѣлъ между соперниками; присоединеніе ихъ къ какой-либо нейтральной сосѣдней страны; наконецъ, дарованіе имъ независимости.

1. *Возвращеніе*. Оно можетъ явиться результатомъ либо войны, либо мирныхъ переговоровъ.

Прежде всего нельзя не сказать, что *война* была-бы изъ всѣхъ способовъ рѣшенія наихудшимъ, менѣе всего справедливымъ и окончательнымъ. Съ этимъ согласны теперь и сами французы. Въ самомъ дѣлѣ, что представилъ-бы этотъ исходъ съ точки зрѣнія только однихъ противниковъ? Изъ новой войны Германія вышла-бы либо съ усиленнымъ военнымъ могуществомъ, что повлекло-бы за собою новое закрѣпощеніе ея сыновъ и усиленіе милитаризма и деспотизма въ Европѣ; тогда она отторгла-бы, вѣроятно, новыя области и колоніи отъ Франціи, ослабленіе которой, однако, вовсе нежелательно въ интересахъ всѣхъ. Или-же, наоборотъ, Германія распалась-бы и лишилась такимъ образомъ всѣхъ результатовъ политическаго своего возрожденія, достигнутаго цѣною такихъ усилій. Франція въ новой войнѣ рисковала-бы потерять не однѣ свои области, но и тѣ республиканскія учрежденія,

которыя болѣе всего обезпечиваютъ ей свободу и благосостояніе. А въ случаѣ побѣды, она, вѣроятно, потребовала-бы себѣ пресловутую рейнскую границу и Бельгію и попыталась-бы снова утвердить надъ Европой тяжелую военную диктатуру, которая напомнила-бы собою эпохи Людовика XIV и Наполеона I. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ было-бы поставлено на карту бытіе нейтральныхъ странъ, лежащихъ между обоими врагами, и были-бы созданы новыя бо̀льшія опасности для общаго мира и для свободы европейскихъ народовъ. «Какое грубое заблужденіе полагать, говоритъ Новиковъ, будто эльзасъ-лотарингскій вопросъ можетъ быть рѣшенъ только войною. Одни принципы въ состояніи рѣшать международные вопросы. Вотъ почему война тутъ безсильна. Каковъ-бы ни былъ исходъ будущей войны, вопросъ эльзасъ-лотарингскій останется во всей своей силѣ, пока нѣмцы сохранятъ теперешнія свои идеи. Убѣжденія не входятъ въ умы людей дѣйствіемъ пушекъ. Идеи, а не массовыя избіенія преобразуютъ міръ» *).

Но этого мало: при существующихъ политическихъ союзахъ, война франко-германская одна немыслима: она сейчасъ-же превратилась-бы въ общеевропейскую, даже, вѣроятно, въ міровую. Къ Германіи присоединятся не только ея прямые союзники Австрія и Италія, но, по всѣмъ предположеніямъ, Англія и нѣкоторыя второстепенныя страны. Съ Франціею пойдетъ объ руку Россія.

Конечно этими замѣшательствами воспользуются Японія. Китай, балканскія земли и т. д. Но, что вышло-бы изъ всего этого, и кто, въ сущности, выигралъ-бы? При довольной уравновѣшенности силъ главныхъ противниковъ борьба ихъ, поглотивъ страшныхъ жертвъ, не могла-бы быть ни рѣшительною, ни окончательною. Миръ, которымъ она кончилась-бы, былъ-бы еще болѣе перемиріемъ, чѣмъ то, среди котораго мы живемъ теперь. Но Европа, въ конецъ разоренная и обезсиленная, сдѣлала-бы еще новые, бо̀льшіе шаги назадъ къ огрубенію и варварству сравнительно съ печальною войною 1870—71 г.

Итакъ остается открытымъ только *мирный* путь переговоровъ. Но захочетъ-ли на него вступить побѣдительница Германія? Это, при существующихъ порядкахъ, болѣе чѣмъ сомнительно. Впрочемъ, къ этому пункту мы вернемся еще далѣе, а здѣсь на время допустимъ, что такіе переговоры открылись. Что могла-бы предложить ей Франція взамѣнъ двухъ этихъ областей?

Выкупъ? Но этотъ способъ претитъ нравственному сознанію цивилизованнаго общества. Люди не стадо животныхъ, которыя можно было-бы цѣнить и вымѣнивать на деньги.

---

*) *Novicow.* La question de l'Alsace-Lorraine ne sera jamais résolue par la guerre. (L'Europe Nouvelle. 1 Mai. 1894).

Обмѣнъ на какую-либо колонію, кстати ихъ много у Франціи? На этотъ способъ не пойдетъ Германія изъ-за чувства національнаго достоинства. Взятый самъ по себѣ, онъ, какъ и предшествующій способъ, недостаточенъ еще, потому что не въ состояніи дать Германіи тѣхъ *военныхъ* гарантій, ради которыхъ она настаиваетъ на обладаніи имперскою областью (Reichsland, какъ спеціально зовутся теперь Эльзасъ и Лотарингія). Этотъ аргументъ едва-ль не самый рѣшительный въ глазахъ нѣмецкихъ военныхъ людей и патріотовъ вообще. Принимая въ соображеніе, говорятъ они, любовь французовъ къ военной славѣ, ихъ воинственность, одушевляющую ихъ жажду мщенія, какую опасность представляетъ для южной Германіи, въ рукахъ Франціи, уголъ Виссембурга, опирающійся на такія крѣпости, какъ Мецъ и Страсбургъ? Обладаніе первымъ городомъ одно стоитъ для нея стотысячной арміи.

На это справедливо возражаютъ французы, что напрасно ихъ противники приписываютъ *современной* Франціи, демократической и трудящейся, недостатки, отличавшие ее въ прежніе эпохи: войнолюбіе и страсть къ завоеваніямъ. Если-бы у нея не были отторгнуты эти двѣ ея области, ни о какомъ мщеніи послѣ войны 1870—71 г. она и не помышляла-бы. Какая ненависть отдѣляла прежде французовъ отъ англичанъ! А развѣ они не примирились теперь, хотя первые и не потребовали предварительно удовлетворенія за Ватерлоо и Св. Елену? *) Что-же касается до владѣнія Мецомъ, то, какъ это доказалъ послѣдующій почти 25-ти-лѣтній опытъ, оно не только не доставило Германіи выгодъ 100 тысячной арміи, но заставило ее наоборотъ увеличить свои резервы въ нѣсколько сотъ тысячъ!

Одинъ изъ нейтральныхъ публицистовъ Tallichet выступилъ въ издаваемомъ имъ швейцарскомъ журналѣ: «Bibliothèque universelle et Revue Suisse» (янв. 1892 г.) **) съ слѣдующимъ проектомъ: «Германіи слѣдовало-бы, болѣе всего въ собственныхъ интересахъ, отказаться среди мира и добровольно отъ имперской области, но, конечно, подъ условіемъ достаточнаго за это вознагражденія: Франція могла-бы дать ей одну изъ своихъ колоній, напр. Тонкинъ, имѣющій большую будущность, или протекторатъ надъ Мадагаскаромъ. Кромѣ того, всѣ крѣпости въ имперской области срываются и стороны обязуются никогда не возводить тамъ новыхъ. Ничто не помѣшало-бы Франціи, говоритъ уважаемый авторъ, согласиться на эти условія. Тогда Эльзасъ-Лотарингія сдѣлалась-бы страною открытою, какъ-бы связующимъ звеномъ между обѣими спорящими о нихъ странами и новымъ надежнымъ оплотомъ мира. За этимъ моглобы послѣдовать общее соглашеніе между европейскими кабинетами по

*) Хорошо у *Heimweh*. L'Alsace-Lorraine et la Paix; p 64 sv.

**) Эта статья: „La paix en Europe“ перепечатана въ L'Europe nouvelle (1 décembre 1894).

различнымъ вопросамъ и особенно по вопросу объ уменьшеніи вооруженій, которыя потеряли-бы свое разумное основаніе съ момента устраненія главныхъ причинъ ихъ несогласій. Впрочемъ, при этомъ условіи, даже безъ такого соглашенія, вооруженія быстро пошли-бы на убыль. Если наша мысль вѣрна, она проложитъ себѣ дорогу. Пусть только будутъ съ каждымъ годомъ возростать существующія тягости; Германія придетъ, наконецъ, къ тому заключенію, что Эльзасъ-Лотарингія представляетъ для нея не только вѣчную опасность, но и большое препятствіе къ ея замиренію и благоденствію. Тогда она подумаетъ объ устраненіи этой опасности и, дай Богъ, чтобъ это не было уже поздно. Лишь-бы только не давала она національной гордости себя ослѣплять. Пусть-же, при полномъ обладаніи своимъ могуществомъ, она добровольно пожертвуетъ Эльзасъ-Лотарингіею дѣлу мира въ Европѣ,—она тѣмъ самымъ сдѣлаетъ для собственнаго величія и блага гораздо болѣе, нежели выигрывая какія-бы то ни было битвы, ибо она призоветъ на себя благодарность и благословенія всѣхъ людей».

Прекрасныя и глубоко вѣрныя слова. Къ сожалѣнію, самъ авторъ сознается, что, при существующемъ настроеніи въ Германіи «весьма мало вѣроятій», чтобъ она пошла на уступку спорныхъ областей даже подъ условіемъ вознагражденія. Между тѣмъ мысли его нашли себѣ, какъ и слѣдовало ожидать, приверженцевъ во Франціи. Ихъ повторяетъ и добавляетъ напр. Геймве *). Онъ за приравненіе Эльзасъ-Лотарингіи къ положенію Шабле и Фосиньи, на которыя распространенъ нейтралитетъ Швейцаріи: не только крѣпости въ этой области должны быть срыты, но и гарнизоны, въ ней содержимые, не превышать опредѣленной численности. Франція, уступая взамѣнъ ея одну изъ своихъ колоній, вноситъ и потребную сумму для ея обзаведенія и управленія на первое время. Если эта колонія довольно велика и пользуется здоровымъ климатомъ (Мадагаскаръ былъ-бы для этого особенно пригоденъ), во сколько разъ она была-бы полезнѣе имперской области для Германіи въ видахъ направленія туда избытка ея населенія и доставленія новаго рынка, для ея промышленности **). Авторъ дѣлаетъ еще одно весьма симпатичное предложеніе: пусть Страсбургъ, съ согласія его жителей, будетъ объявленъ вольнымъ городомъ; университетъ его, полу-нѣмецкій, полу-французскій, содержался-бы на средства обоихъ великихъ сосѣднихъ народовъ. Это превратило-бы ихъ вѣковую вражду въ мирное соревнованіе, поставивъ

---

*) *Heimweh*, см. особенно отдѣлъ: „La solution“ въ назв. его брошюрѣ „La guerre et la frontière du Rhin“, p. 103—110 et 82—83.

**) Въ 24 года со времени присоединенія имперской области въ ней поселилось меньшее число нѣмцевъ (считая ихъ должностныхъ лицъ съ семействами), нежели какое выселяется изъ нея среднимъ числомъ въ одинъ годъ.

подъ одну сѣнь науки нѣмецкихъ студентовъ и профессоровъ съ ихъ французскими товарищами.

Такое рѣшеніе эльзасъ-лотарингскаго вопроса, по мнѣнію автора, одно достойно цивилизованной Европы. Лишь этимъ былъ бы сдѣланъ серьезный шагъ къ ея замиренію. Но, какъ республиканецъ, онъ требуетъ, чтобы само населеніе имперской области было спрошено о своемъ желаніи—принадлежать впредь къ Германіи ли или къ Франціи, очевидно не сомнѣваясь въ какую сторону будутъ поданы ея голоса.

Но возможно-ли, чтобы Германія, гдѣ вообще теорія плебесцитовъ даже въ литературѣ не пользуется никакимъ авторитетомъ, пошла на это условіе? Самъ Геймве очень хорошо говоритъ о глубокихъ противорѣчіяхъ, все еще господствующихъ въ общественномъ строѣ и въ политическихъ учрежденіяхъ нѣмецкаго народа, о раздвоенности души образованнаго нѣмца въ наши дни, вслѣдствіе существованія у него множества отжившихъ феодальныхъ порядковъ и воззрѣній, и видитъ главную причину ненависти нѣмцевъ къ французамъ въ наше время въ проискахъ военно-юнкерской партіи въ Пруссіи, которая ею пользуется какъ лучшимъ орудіемъ для собственнаго возвышенія и для порабощенія остальнаго населенія.

Какъ бы то ни было, но страннѣе можетъ показаться то, что въ послѣднемъ пунктѣ съ французскимъ авторомъ сходится и нашъ соотечественникъ г. Новиковъ *), горячій, впрочемъ, поборникъ мира и справедливости въ международныхъ сношеніяхъ: единственное *рѣшеніе* эльзасъ-лотарингскаго вопроса, говоритъ онъ, таково: опросить населеніе по сю сторону Вогезовъ и по ту Рейна и поступить сообразно съ его голосованіемъ. Внушить нѣмцамъ, что собственный ихъ прямой *интересъ* требуетъ примѣненія принципа національности къ Эльзасу и Лотарингіи,—вотъ надъ чѣмъ слѣдуетъ работать болѣе всего и непрерывно **).

Это просто и радикально, но, къ сожалѣнію, страшно трудно осуществимо на практикѣ. Въ имперской области 1.600,000 жит. Кромѣ ихъ желаній, нельзя же не считаться съ желаніями ихъ могущественныхъ соперничающихъ сосѣдей. Какъ уже сказано, ни въ идеи, ни въ нравы нѣмцевъ не проникла еще теорія плебесцитовъ. Какъ ожидать, чтобъ они согласились примѣнить ее, да еще къ такой области, какъ Эльзасъ-Лотарингія, когда Пруссія отказалась приложить ее даже къ сѣверному Шлезвигу? Кромѣ того, это ученіе, чтобы вступить въ жизнь, должно быть поставлено на *международную почву* и со стороны формы и процедуры обезпечено серьезными *гарантіями*. Очевидно, для согла-

---

*) Недавно вышли его послѣднія интересныя работы: Les luttes entre sociétés humaines et leurs phases successives; 1893, и La guerre et ses prétendus bienfaits; 1894.

**) Выше—назв. ст. его въ L'Europe Nouvelle.

шенія обоихъ противниковъ надо искать другого исхода, болѣе удобопріемлемаго для нѣмцевъ.

IV.

2. Нѣкоторые, также нейтральные, писатели предлагаютъ поэтому *раздѣлъ* Эльзаса и Лотарингіи между обоими соперниками. Мысль эта не новая, но она была недавно опять высказана Пан-Аріаномъ *), сѣверо-американскимъ гражданиномъ, и горячо поддержана Лёвомъ (Love), президентомъ уніи всеобщаго мира въ Филадельфіи. Раздѣлъ этотъ произвести на основаніи принципа національности, признакомъ котораго взять исключительно языкъ населенія. Настоящими границами народовъ должны быть признаны лишь тѣ, которыя проводятся по языку. По мнѣнію автора Германіи въ этомъ случаѣ пришлось бы поступиться не болѣе какъ 250,000 чел., т. е. приблизительно шестою частью всего населенія этой области и притомъ тѣми округами ея, которые примыкаютъ къ Франціи. Но она потеряла бы Мецъ. Однако, при современныхъ тактическихъ условіяхъ, это не означало бы многого, ибо «всѣмъ извѣстно, что въ случаѣ франко-германскаго столкновенія, нейтралитетъ Бельгіи и Швейцаріи будетъ рано или поздно нарушенъ. Поэтому Мецъ становится почти ненужнымъ для Германіи, которая взамѣнъ его обрѣла бы гарантію гораздо болѣе надежную въ дружбѣ Франціи».

Такимъ образомъ, уступивъ послѣдней 250,000 чел., Германія навсегда закрѣпила бы за собой $1^1/_2$ милл. эльзасцевъ, говорящихъ по-нѣмецки. Авторъ разсчитываетъ при этомъ на великодушіе нѣмцевъ и на пониманіе ими ихъ собственной пользы. Мысли свои онъ особенно рекомендуетъ вниманію императора Вильгельма II, горячо приглашая его «присоединить къ славнымъ дѣяніямъ прошлаго еще такое, которое затмило бы всѣ поступки, упоминаемые въ исторіи и даровало бы ему титулъ императора мира, вслѣдствіе закрѣпленія навсегда мира на землѣ». Противъ этого проекта раздѣла французы дѣлаютъ, по существу, два возраженія: во-первыхъ, не вѣрна и слишкомъ низка оцѣнка лицъ, для которыхъ французскій языкъ является въ Эльзасъ-Лотарингіи природнымъ: число ихъ равняется не менѣе 800,000 чел. Во-вторыхъ, эта провинція, въ силу всего своего прошлаго, составляетъ одно нераздѣльное цѣлое. Предлагаемый критерій для ея раздѣла—языкъ—болѣе чѣмъ несостоятеленъ въ видахъ справедливаго опредѣленія національности говорящихъ на немъ лицъ. Вообще, говоритъ Геймве **), эти вопросы о

*) *Pan-Aryon*. Un commencement de paix universelle (въ извлеченіи въ L'Europe Nouvelle 1 Mai 1895; впервые напечатана въ Нью-Іоркѣ въ Review of Reviews 1 декабря 1894, и на франц. яз. въ Revue des Revues, 15 янв. 1895 г.

**) См. отвѣтъ его Пан-Аріану въ назв. брошюрѣ: La guerre et la frontière du Rhin; p. 73—83 и L'Europe Nouvelle, 1 мая, 1895 г.

національности, къ несчастію, не такъ просты, какъ это предполагаетъ Пан-Аріанъ. Отождествить отечество съ языкомъ, сдѣлать изъ послѣдняго вѣрный признакъ національности, это, по свидѣтельству множества фактовъ, очевидное преувеличеніе или даже заблужденіе. Разнообразныя причины соединяютъ людей въ одно цѣлое и общность языка только одна изъ такихъ причинъ (и не всегда даже главная). Это бросается въ глаза въ Швейцаріи, гдѣ національности нѣмецкая, французская и итальянская слились въ одинъ прочно сплоченный народъ. Мы видимъ это даже во Франціи, одной изъ наиболѣе централизованныхъ странъ, гдѣ однако населеніе, кромѣ французскаго языка, говоритъ еще по-бретонски, фламандски, нѣмецки, провансальски, итальянски, басски. Не то же ли самое представляется въ Америкѣ, гдѣ въ Канадѣ $1^1/_2$ милл. французовъ, будучи столь же вѣрными подданными королевы англійской, какъ ихъ англійскіе сограждане, сохраняютъ однако съ любовію нравы и языкъ своихъ отцовъ.

Словомъ, если указанный признакъ принимать въ буквальномъ смыслѣ и распространять его на всѣ языки и національности, пришлось бы перемежевать множество границъ и передѣлать чуть не весь міръ и это было бы большею частію къ ущербу цивилизаціи, ибо нахожденіе въ государствахъ различныхъ національностей и притомъ съ языкомъ смежныхъ къ нимъ народовъ, есть само по себѣ такой фактъ, который, содѣйствуя обмѣну между ними идей, служитъ къ установленію лучшихъ отношеній между самими государствами *).

Для того, чтобы произвести предлагаемый раздѣлъ по справедливости. надо было бы найти въ поведеніи, въ нравахъ и въ воззрѣніяхъ жителей, говорящихъ на томъ или на другомъ языкѣ, какія либо различія, которыя, однако, ни въ чемъ не существуютъ. Они одинаково мыслятъ и чувствуютъ въ громадномъ большинствѣ какъ французы, хотя бы и говорили по-нѣмецки. Франція, присоединивъ ихъ, оставила имъ ихъ языкъ и нравы: она не поступала съ ними какъ Германія, которая, послѣ 1871 г .хочетъ во что бы то ни стало германизировать ихъ и не отступаетъ для этого ни предъ какимъ административнымъ и полицейскимъ давленіемъ. Но ни археологія, ни этнографія, ни языкъ, ни грубыя военныя отторженія опредѣляютъ національности, а ихъ духовныя особенности и потребности, сказывающіяся въ самомъ сознаніи ихъ членовъ, и считаться съ которыми обязаны въ нашъ цивилизованный вѣкъ сами государства.

Чтобы опредѣлить настоящее настроеніе эльзасцевъ-лотарингцевъ, существуетъ два весьма вѣрныхъ признака: выселеніе и выборы среди нихъ депутатовъ въ члены рейхстага.

*) Тамъ-же, стр. 74—75.

По даннымъ нѣмецкой же офиціальной статистики мы узнаемъ, что за первый 20-лѣтній періодъ (1871—90) изъ Эльзаса-Лотарингіи выселилось 280,000 чел., что составляетъ около пятой части всего туземнаго населенія. Лишь въ большихъ городахъ эмиграція нѣмцевъ уравновѣшиваетъ или даже, какъ въ Страсбургѣ, превосходитъ число выселенцевъ, но въ сельскихъ округахъ она доселѣ очень слаба. Съ 1871 до 1875 г. выселилось 80.000 чел.; съ 1875 до 87 число ихъ колебалось между 13 и 7,000 чел. въ годъ, но въ 1886 г. оно опять достигло 8.600 чел. и съ тѣхъ поръ оно не измѣнилось значительно *). Свидѣтельствуя о патріотизмѣ эльзасцевъ, выселеніе, справедливо говоритъ Геймве, является средствомъ протеста болѣе опаснымъ, нежели выгоднымъ, патетичнымъ по формѣ, но по существу обманчивымъ, поощрять которое неблагоразумно.

Не менѣе характерны по своимъ указаніямъ выборы депутатовъ отъ имперской области въ рейхстагѣ. Несмотря на цѣлый рядъ давленій и насилій, къ которымъ дозволило себѣ прибѣгать въ ней правительство въ видахъ ихъ направленія (объявленіе осаднаго положенія, запрещеніе сходокъ, выставленіе собственныхъ кандидатовъ, крайнія стѣсненія печати и т. д.), въ депутаты избирались по преимуществу, если не исключительно, лица *протестующія* (les protestataires) противъ нѣмецкаго режима и враждебныя имперіи и эти результаты достигались, между прочимъ, благодаря неестественному союзу между черными и красными, т. е. между католиками и соціалистами, которые, какъ показалъ опытъ, одни въ состояніи съ успѣхомъ бороться противъ военнаго деспотизма Пруссіи. И что всего любопытнѣе: наиболѣе враждебными къ нѣмецкому владычеству оказались сельскіе округи съ природнымъ нѣмецкимъ языкомъ **).

Итакъ, дѣлежъ Эльзаса и Лотарингіи не удовлетворилъ-бы никого и менѣе всего ихъ жителей, о которыхъ ихъ американскіе друзья повидимому и не заботятся ***). Пусть-же не внимаетъ совѣтамъ послѣднихъ, восклицаетъ эльзасскій патріотъ, слова котораго мы часто приводимъ (Heimweh), германскій императоръ; пусть онъ отнесется къ вопросу эльзасъ-лотарингскому не какъ деспотъ, по своему произволу рѣшающій участь полутора милліона своихъ ближнихъ, а какъ государь просвѣщенный, уважающій человѣческое достоинство и стремящійся къ утвержденію, въ сферѣ международныхъ сношеній, справедливости и мира. Пусть онъ обратится къ самому населенію, подвергнувшемуся столь тяжкой участи въ 1871 г., и предоставитъ ему возможность самому рѣшить свою дальнѣйшую судьбу.

---

*) *Heimweh.* La guerre, etc., p. 78, и L'Alsace Lorraine et la paix. p. 40—41.

**) *Heimweh.* L'Alsace-Lorraine et la paix; p. 43—53.

***) *Fréd. Passy.* La question de la Paixde L'Europe Nouvelle, 1 juillet, 1895.

V.

3. Указываютъ еще на другое рѣшеніе занимающей насъ проблеммы: на *присоединеніе* Эльзаса и Лотарингіи, какъ земли въ свою очередь *замиренной*, къ одной изъ *нейтрализованныхъ* странъ: къ Люксембургу, къ Бельгіи или къ Швейцаріи. Люксембургъ самъ по себѣ слишкомъ слабъ для этого и, кромѣ того, онъ входитъ въ составъ Германской имперіи.

Бельгія, какъ монархія и сравнительно еще очень недавняго происхожденія, представляетъ меньшія гарантіи для прочнаго мира въ дѣлѣ указываемой комбинаціи, нежели Швейцарія. На нее издавна заявляла претензіи Франція, теперь не особенно къ ней дружелюбная изъ-за Конго; въ печати ходили не разъ слухи не то о симпатіи, не то о союзѣ бельгійскаго правительства съ нѣмецкимъ. Бельгія территоріально не соприкасается съ имперскою областію.

Намъ поэтому лучшимъ представляется присоединеніе Эльзасъ-Лотарингіи къ Швейцаріи. Но французскіе писатели осуждаютъ этотъ проектъ: сами указанныя страны, говорятъ они, поспѣшили-бы отклонить столь опасный даръ, ибо онѣ не обладаютъ достаточными военными силами для воспрепятствованія Эльзасъ-Лотарингіи возсоединиться съ Франціею. Особенно Швейцарія была-бы противъ присоединенія равнинъ ея къ себѣ, ибо это отразилось-бы глубоко на собственномъ ея строѣ, столь однородномъ и сплоченномъ. Да и самимъ заинтересованнымъ лицамъ не понравилась-бы такая перспектива.

Позволяемъ себѣ находить эти утвержденія голословными. Каковы были-бы на этотъ счетъ желанія всѣхъ заинтересованныхъ лицъ — въ этомъ слѣдовало-бы прежде серьезно убѣдиться. Сами французы прославляютъ Швейцарію за прочность ея свободнѣйшей въ Европѣ конституціи и за искусство, съ которымъ эта маленькая страна сумѣла мирно соединить подъ своею властью части различныхъ національностей и особенно тѣ двѣ главныя, нѣмецкую и французскую, которыя составляютъ населеніе обѣихъ этихъ областей и являются яблокомъ раздора между ея двумя могущественными сосѣдями. Съ ихъ согласія Швейцарія могла-бы совершить это дѣло мира, ничѣмъ не рискуя. Страсбургъ сродствомъ Базелю ничуть не менѣе чѣмъ любому изъ другихъ нѣмецкихъ городовъ, но на него повѣяло-бы оттуда свободою, которую онъ конечно не найдетъ подъ прусскимъ режимомъ. А что можетъ отдѣлять Мюльгаузенъ отъ Женевы, идеи которой нерѣдко вліяли на Парижъ?

VI.

4. Еще предлагаютъ: объявить Эльзасъ-Лотарингію *независимымъ государствомъ*. Но это, конечно, подъ двумя условіями: чтобъ оно было нейтрализовано и чтобъ его жители сами выбрали какъ форму правленія, такъ и лицо или лица, имѣющія стать во главѣ ихъ.

Но можно-ли, восклицаетъ Геймве, создать независимое государство изъ двухъ провинцій прежде раздѣленныхъ и никогда не составлявшихъ цѣльнаго организма? Такое созданіе безъ прецедентовъ и традицій въ прошломъ, безъ желанія жителей или вопреки таковому было-бы предпріятіемъ крайне рискованнымъ; это государство составило-бы узкую полосу земли между двумя могущественными державами, которыя не замедлили-бы ее задушить въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ. Не безъ основанія кн. Бисмаркъ въ своей рѣчи въ рейхстагѣ 2 мая 1871 г., оправдывая присоединеніе къ Германіи Эльзаса и Лотарингіи, полагалъ невозможнымъ для нихъ, если-бы они были сдѣланы независимыми, соблюденіе нейтралитета, въ случаѣ новой франко-германской войны. И дѣйствительно, добавляетъ Геймве, въ военномъ отношеніи они для этого были-бы слишкомъ слабы, а симпатіи ихъ не преминули-бы съ перваго дня этой борьбы бросить ихъ въ объятія Франціи *).

Мы, однако, полагаемъ, что независимость явилась-бы и для нихъ еще высшимъ благомъ, чѣмъ возвращеніе къ Франціи хотя-бы даже безъ войны; да и заслужили они эту независимость своими прежними долгими страданіями. Фактъ, что они не составляли ранѣе государства, не есть возраженіе, ибо французскіе-же писатели признаютъ за ними извѣстную культурную цѣльность и обособленность. Превращеніе ихъ въ самостоятельный политическій организмъ могло-бы состояться только на *международной почвѣ*, т. е. съ согласія и по опредѣленіямъ Европы, а въ такомъ случаѣ не пришлось-бы бояться ни за сліяніе ихъ опять съ Франціею, ни за подавленіе ихъ тѣмъ или другимъ изъ могущественныхъ ихъ сосѣдей.

VII.

Какъ разсмотрѣнное нами сейчасъ рѣшеніе, такъ и предшествующій способъ (соединеніе Эльзасъ-Лотарингіи съ Швейцаріею) должны быть признаны удобопріемлемыми для всѣхъ странъ и этимъ было-бы положено начало новому и болѣе прочному миру между обоими противниками по сю и по ту сторону Рейна. Франція должна принять одно изъ этихъ рѣшеній уже по любви своей къ Эльзасу и Лотарингіи. Для Германіи

---

*) *Heimweh*. La guerre, etc. p. 104—105.

же эта жертва не могла-бы показаться излишне тягостною, она сдѣлала-бы ее среди мира, по собственному рѣшенію, какъ страна высоко-культурная, а не подъ угрозою надменнаго побѣдителя и принесла-бы она ее ради столько-же собственнаго блага, какъ и ради высшаго блага и мира Европы и послѣ того, какъ она обезопаситъ себя цѣлою непрерывною полосою замиренныхъ странъ, которыя навсегда отдѣлили-бы ее отъ Франціи.

Однако, которому изъ этихъ обоихъ способовъ отдать предпочтеніе?

Для Европы выборъ между ними безразличенъ и онъ долженъ быть предоставленъ самимъ заинтересованнымъ, т. е. жителямъ Эльзаса и Лотарингіи.

Но этотъ *плебисцитъ*, какъ институтъ совершенно новый и международный, долженъ и быть поставленъ на почву международную и обставленъ таковыми-же гарантіями. Голосованіе, о которомъ мы говоримъ, чтобы быть вполнѣ свободнымъ и вѣрно выражать волю населенія, должно быть устроено внѣ всякаго военнаго давленія и изъято отъ воздѣйствія со стороны ихъ обоихъ соперничающихъ сосѣдей. Лучше всего. чтобы оно происходило подъ непосредственнымъ надзоромъ и контролемъ *международной комиссіи*, составленной изъ делегатовъ Швейцаріи, Бельгіи, Голландіи и Италіи. Лица, которыя остались-бы недовольными рѣшеніемъ участи ихъ отечества, пользуются въ широкихъ границахъ правомъ выселенія, куда они захотятъ, но не будучи стѣсняемы ни срокомъ пользованія этимъ правомъ, ни обязанностью продать свои недвижимыя имущества въ покидаемой ими странѣ.

Но какъ поступить, если голосованіе будетъ въ пользу все-таки возвращенія къ Франціи? Признать-ли его дѣйствіе и въ этомъ случаѣ?

Теоретически разсуждая, конечно, его слѣдовало-бы признать, но, принимая во вниманіе оппозицію этому Германіи и имѣя въ виду возможно скорое и прочное замиреніе *всѣхъ*, жители Эльзаса и Лотарингіи, по требованію Европы, должны были-бы сдѣлать выборъ лишь между альтернативою либо присоединенія къ одной изъ нейтрализованныхъ странъ, либо полученія независимости. Примириться съ этимъ они моглибы тѣмъ болѣе что за этимъ, какъ предлагаютъ нѣкоторые, могла-бы послѣдовать таможенная унія между Франціею и Германіею, въ которой ихъ страна явилась-бы живымъ и посредствующимъ между нами звеномъ.

Новый *международный актъ*, который опредѣлилъ-бы указанное положеніе Эльзасъ-Лотарингіи и замѣнилъ-бы собою франкфуртскій трактатъ 1871 г., долженъ былъ-бы быть выработанъ на *обще-европейскомъ конгрессѣ* и поставленъ подъ гарантію всѣхъ его участниковъ.

VIII.

До сихъ поръ мы разсматривали возможные способы рѣшенія эльзасъ-лотарингскаго вопроса все въ томъ предположеніи, что на рѣшеніе его согласится *Германія.* Но вѣрно-ли это? Какъ смотрятъ на него сами нѣмцы и что дѣлать въ видахъ склоненія ихъ къ перерѣшенію этого злополучнаго дѣла?

Въ этомъ отношеніи любопытна небольшая брошюра Франца *Вирта*, предсѣдателя нѣмецкаго общества мира во Франкфуртѣ на Майнѣ и одного изъ членовъ постоянной коммиссіи конгрессовъ мира. Мысли его интересны еще потому, что онъ принадлежитъ къ партіи соціалъ-демократовъ, которые, сравнительно говоря, наименѣе враждебны къ идеѣ возвращенія имперской области Франціи *). Усилія, направляемыя за послѣднее время французскими и американскими друзьями мира въ пользу такого возвращенія, говоритъ авторъ, дѣлаютъ необходимымъ ознакомленіе французскаго народа и друзей мира съ настоящими чувствами Германіи объ этомъ вопросѣ. Общее мнѣніе въ Германіи таково, что должно считать совершенно безполезною всякую попытку соглашенія между нею и Франціею насчетъ этого. Если хотѣть достичь третейскаго суда, мира и разоруженія—надо признать statu quo. Иначе предъ нами возникъ-бы нескончаемый рядъ претензій: Ницца, родина Гарибальди, захотѣла-бы вернуться къ Италіи, Савойя—соединиться съ Швейцаріею, Польша и до дюжины другихъ славянскихъ земель пожелали-бы перемѣны своей участи. Мы никогда не кончили-бы, если-бы захотѣли всѣхъ удовлетворить. Американцы ошибаются, утверждая будто къ Германіи была присоединена французская часть Лотарингіи. Лишь Мецъ и прилегающія къ нему деревни были не нѣмецкой національности. Никогда Германія ихъ не отдастъ; чрезъ нѣсколько лѣтъ и они станутъ нѣмецкими. Иностранцы не знаютъ, какъ глубоко въ народной душѣ нѣмцевъ запало представленіе объ Эльзасѣ и Лотарингіи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ ихъ народныя пѣсни. Опустошенія, нѣкогда произведенныя французами въ Германіи, оставили по себѣ неизгладимые слѣды. Никогда не забудутъ нѣмцы разореніе Палатоната, сожженіе и разграбленіе 300 деревень, развалины Вормса, Гейдельбергскаго замка. Они знаютъ ненасытное честолюбіе французовъ, вѣчно мучимыхъ желаніемъ распространить свои границы вплоть до Рейна. Для того, чтобы оградить себя отъ этого безпокойнаго и несговорчиваго народа, они отняли у него земли имъ же у нихъ нѣкогда похищенныя, они его

*) Эта брошюра: L'Alsace et la France разобрана Геймве въ его La guerre etc p. 85—111.

ослабили, лишивъ Меца и Страсбурга, но послѣ войны, объявленной имъ Франціею, безъ достаточныхъ поводовъ.

Если друзья мира хотятъ что-либо сдѣлать, они должны оставить въ сторонѣ такъ называемый эльзасъ-лотарингскій вопросъ. Товарищи ихъ во Франціи слишкомъ много имъ занимаются. Если-бъ имъ было извѣстно общественное настроеніе въ Германіи, они видѣли-бы, что ничего нельзя сдѣлать по этому вопросу. Фред. Пасси требуетъ предоставленія Эльзасу права располагать самимъ собою. Мы, говоритъ Виртъ, граждане бывшей франкфуртской республики и, принадлежа къ партіи соціалъ-демократовъ, конечно, согласились-бы дать эльзасцамъ право высказать свою волю, но мы составляемъ такое меньшинство германскаго народа, который такъ рѣшительно противъ подобнаго голосованія и вообще противъ возвращенія Эльзаса при какихъ-бы то ни было условіяхъ, что совершенно даже безполезно останавливаться долѣе на этомъ. Жалобы и происки здѣсь французовъ одна изъ причинъ, задерживающихъ успѣхъ миролюбивыхъ идей въ Германіи. Два общества мира, основанныя Годжсонъ Проттомъ въ Дармштадтѣ и Штутгартѣ, были закрыты, потому что онъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ нѣсколько замѣчаній о присоединеніи Эльзаса. Теперь обсужденіе этого вопроса было-бы еще пагубнѣе для приверженцевъ мира. Пусть-же таковые во Франціи серьезно позаботятся объ умѣреніи, въ этомъ направленіи, патріотическаго пыла своихъ соотечественниковъ и особенно объ обузданіи издаваемыхъ во Франціи популярныхъ журналовъ и брошюръ, въ которыхъ прославляется война, проповѣдуется отомщеніе, и всячески возбуждается ненависть къ Германіи.

Нѣмцы въ наши дни не отвергаютъ громадной выгоды, которую представило-бы окончательное примиреніе ихъ съ Франціею, но они по-своему смотрятъ на рѣшеніе этой многотрудной задачи. Она состоитъ прежде всего въ томъ, читаемъ мы въ другой новѣйшей статьѣ одного германскаго патріота *), чтобы «убѣдить французовъ въ необходимости честно держаться франкфуртскаго договора и признать окончательнымъ созданное имъ размежеваніе земель». Идея отмщенія не имѣетъ подъ собою почвы. Придерживаясь ея, люди никогда не могутъ отказаться отъ войны. Всякій, побѣжденный въ послѣдней войнѣ, будетъ, опираясь на нее, завтра же помышлять объ отплатѣ. Это мораль—достойная дѣтей или варваровъ. Пора намъ промѣнять понятія о воображаемой чести на другое, болѣе высокое. Авторъ тоже ищетъ опереться на національность эльзасцевъ и на предполагаемое желаніе лотарингцевъ оставаться въ теперешнемъ ихъ политическомъ положеніи. Послѣдніе выборы, по его

---

*) France et Allemagne (L'Europe Nouvelle 1 Mai 1894) статья, напечатанная не безъ оффиціозной связи съ Берлиномъ.

словамъ, показываютъ сильное возрастаніе въ нижнемъ Эльзасѣ числа голосовъ, благопріятныхъ для Германіи. Съ каждымъ годомъ увеличивается число тѣхъ, которые признаютъ въ Германской имперіи законнаго преемника прежней «Священной Имперіи», въ составъ которой, какъ одинъ изъ ея лучшихъ перловъ, входилъ и Страсбургъ. Другіе преклоняются предъ давностію и соглашаются съ тѣмъ, что время, этотъ общій нашъ владыка, оказываетъ мощное свое дѣйствіе и на лицъ. Понемногу оно закроетъ пропасть, сдѣланную къ несчастію центральной Европы, между обоими нашими народами.

Но починъ къ примиренію долженъ произойти отъ самихъ эльзасцевъ и лотарингцевъ. Для нихъ однихъ тутъ нѣтъ мѣста вопросу о чести. Пусть же они скажутъ французамъ: «мы видимъ, что ради услуги, требуемой нами отъ васъ, вы должны бы поставить на карту все ваше національное будущее. Такою цѣною было бы слишкомъ дорого уплачено наше счастье. Не жертвуйте же собою для насъ». Подобный языкъ не былъ ли бы одобренъ самымъ строгимъ судомъ чести и не напомнилъ ли бы онъ великодушіе государя, который, лишаемый престола, изъ любви къ отечеству торжественно освобождаетъ своихъ товарищей по оружію отъ принесенной ему клятвы въ вѣрности?

Авторъ не отказываетъ въ величіи поведенію эльзасцевъ - лотарингцевъ, не боящихся изгнанія, порванія семейныхъ и дружественныхъ узъ, но говоритъ, что они, сами того не желая, все-таки толкаютъ къ войнѣ, ибо ласкаютъ надежду о мирной уступкѣ ихъ страны Франціи, которая для каждаго трезваго ума не болѣе какъ химера.

А между тѣмъ, если бы они принесли въ жертву свои наслѣдственныя симпатіи благу Европы, какъ измѣнилось бы къ лучшему собственное ихъ положеніе. Ихъ страна стала бы краеугольнымъ камнемъ франко-германскаго союза и болѣе великаго зданія союза таможеннаго центральной Европы. Всякіе паспорты, таможенные осмотры на границахъ и практикуемыя до нынѣ мѣры строгости исчезли бы сами собою на всемъ пространствѣ отъ Букарешта до Гавра и отъ Кенигсберга до Лиссабона. Широкою самостоятельною жизнью зажила бы тогда Эльзасъ - Лотарингія, ибо политическій строй Германіи, гораздо менѣе централизованный, нежели во Франціи, дозволилъ бы ей развитіе такой же обособенности, какою пользуются напр. Баварія или Виртембергъ и которая выразилась бы въ сочетаніи лучшихъ элементовъ обѣихъ доселѣ враждовавшихъ цивилизацій.

Мысль о *торговомъ союзѣ* между Франціею и Германіею, какъ способѣ мирнаго рѣшенія и занимающаго насъ вопроса, встрѣчается нерѣдко въ современной печати. Отмѣтимъ, напр., брошюру одного Эльзасца *), принадлежащаго къ промышленной аристократіи и къ партіи

*) L'Alliance franco-allemande, par un Alsacien.

протестующихъ въ германскомъ рейхстагѣ. Онъ отвергаетъ мнѣніе, будто до 1871 г. отнятіе Эльзасъ-Лотарингіи требовалось общественнымъ мнѣніемъ Германіи: его высказывали лишь нѣкоторые теоретики и патріоты подобно тому, какъ раздаются отдѣльные голоса о захватѣ Голландіи, балтійскихъ провинцій, Тріеста. Указываемый экономическій союзъ требуется особенностями какъ населеній, такъ и естественныхъ богатствъ почвы и всѣмъ характеромъ промышленности обѣихъ странъ, которымъ онъ не только принесъ бы миръ, но и далъ бы возможность бороться противъ все возрастающей промышленной конкурренціи Англіи и Америки *).

Какъ бы ни разсуждали германскіе патріоты, но они не правы по слѣдующимъ пунктамъ: 1) когда они отрицаютъ самое существованіе вопроса эльзасъ-лотарингскаго. Существованіе его признается самою Германіею, если не юридически, то фактически и это сказывается въ ея вооруженіяхъ, союзахъ, словомъ—во всей ея внѣшней и внутренней политикѣ. 2) Когда они утѣшаютъ себя мыслью о всеисцѣляющей силѣ времени. До наступленія такого блаженнаго момента въ будущемъ, тягости милитаризма дѣлаются въ настоящемъ непосильными и могутъ вызвать войну (даже неизбѣжно вызовутъ ее) и тогда правительства не будутъ въ состояніи опредѣлить ни ея границъ, ни ея послѣдствій для всего цивилизованнаго міра. 3) Когда они взываютъ къ великодушію самихъ жителей имперской области. Сами нѣмцы, къ сожалѣнію, закрыли себѣ этотъ исходъ цѣлымъ рядомъ суровыхъ и несправедливыхъ мѣръ по отношенію къ нимъ, начиная съ осады и взятія Страсбурга и до послѣднихъ преслѣдованій ихъ за ихъ національныя чувства и симпатіи. 4) Не правы нѣмцы и по капитальному вопросу: о національности эльзасцевъ. Послѣднихъ можно причислять къ нѣмцамъ (въ извѣстномъ количествѣ), по ихъ нарѣчію и по даннымъ исторіи, но не по ихъ теперешнему настроенію и стремленіямъ, а это главное. Франція, хотя и отторгла ихъ въ былое время отъ ихъ первоначальнаго отечества, но оставила имъ ихъ національность: ихъ религію, языкъ, нравы и потомъ связала ихъ съ собою идеями своей культуры, что выразилось особенно послѣ ея первой революціи. Нѣмцы поступаютъ наоборотъ: насильственными мѣрами хотятъ вернуть имперскую область къ ея прежней національности. И это когда? Въ нашъ вѣкъ, когда принципъ національности такъ глубоко проникаетъ въ сознаніе и жизнь народныхъ массъ. Французы правы, говоря, что въ этомъ вопросѣ рѣчь идетъ не о числѣ квадратныхъ миль спорной территоріи, а о принципахъ, о томъ: должна

*) Назовемъ еще: *C. de Leuss.* La paix par l'union douanière franco-allemande; *Emile Worms.* Une association douanierè franco-allemande; *G. de Molinari.* La question de l'Alsace-Lorraine et l'union douanière de l'Europe centrale (Journal des Economistes, 15 Dec. 1888). *Liber.* Evolution (L'Europe Nouvelle, 1 Juil. 1894).

ли всегда сила попирать право, или, наоборотъ, пора, наконецъ, праву стать владыкою и вершителемъ судебъ народовъ? 5) Такъ же не выдерживаютъ критики, какъ мы говорили выше, толки нѣмцевъ о военныхъ гарантіяхъ, будто бы доставляемыхъ имъ обладаніемъ Мецомъ и Страсбургомъ: французы замѣнили ихъ новыми грозными крѣпостями; а благодаря вооруженіямъ общей, безопасности теперь повсюду менѣе, чѣмъ было прежде. Что же касается до мстительности и войнолюбія французовъ, то, при современныхъ условіяхъ войны и общественной жизни, эти черты не могутъ угрожать, разъ будетъ справедливо рѣшенъ злополучный вопросъ объ Эльзасъ-Лотарингіи. Но въ прошломъ и сравнительно недалекомъ, ихъ нельзя было не опасаться и въ этомъ пунктѣ мы не согласны уже съ французами. Въ своей полемикѣ съ нѣмцами они умалчиваютъ о двухъ обстоятельствахъ: о томъ, что они впродолженіе вѣковъ, съ эпохи Ришелье, стремились къ разъединенію и ослабленію Германіи и о томъ, что они даже передъ 1870 г. не хотѣли видѣть ее политически объединенною, т. е. отказывали ей въ благѣ, котораго сами давно достигли и въ достиженіи котораго они помогали же Италіи. Въ этомъ своемъ противодѣйствіи они дали себя даже увлечь до войны. За это они лишились Эльзасъ Лотарингіи, какъ потеряли они, по признанію самого же Геймве, Бельгію и рейнскую границу, которыми владѣли впродолженіе почти 20 лѣтъ послѣ Кампоформійскаго мира и сдѣлалось это только вслѣдствіе непрерывной войны (guerre à outrance). Примѣръ поучительный для всѣхъ приверженцевъ войны!

Но для упроченія мира въ наше время требуются другіе пріемы и рѣшенія. «Мы гораздо съ меньшимъ терпѣніемъ переносимъ общественныя язвы, нежели наши предки. Доказательствомъ тому между прочимъ служитъ глубокая тревога, причиняемая Европѣ послѣднимъ завоеваніемъ Эльзасъ-Лотарингіи. Прежде этотъ актъ былъ бы разсматриваемъ просто, какъ предметъ сдѣлки между государями и дипломатами, какъ предлогъ для войны и для переговоровъ, теперь онъ потрясаетъ души и возбуждаетъ страсти въ массахъ. Это потому, что въ людяхъ возрасло уваженіе къ правамъ ближняго. Изъ сферы частныхъ сношеній это чувство распространилось и на сношенія народовъ. Понемнегу слагается и право международное. Несмотря на то, что оно еще не занесено въ особый кодексъ, понятія его, однако, выясняются въ сознаніи людей и все это погрѣшаетъ противъ этой новой идеи справедливости, возмущаетъ глубоко нашу совѣсть. Вмѣсто прежняго грубаго способа рѣшенія международныхъ споровъ силою, прокладываетъ себѣ дорогу новый юридическій принципъ—свободное согласіе самихъ населеній *).

---

*) *Heimweh.* L'Alsace-Lorraine et la paix, p. 70—71; La guerre etc., p. 63.

IX.

Повторяемъ: при противоположности воззрѣній обѣихъ сторонъ на эльзасъ-лотарингскій вопросъ, нѣтъ надежды, чтобъ онѣ сами и непосредственно столковались между собой о немъ. Для этого необходимо сильное воздѣйствіе на нихъ какого-либо посторонняго примиряющаго элемента. Гдѣ его найти и кто можетъ имъ быть? Это переводитъ насъ къ вопросу о *процедурѣ* самого рѣшенія.

Отыскиваемымъ авторитетомъ не можетъ быть какая-либо политическая сила въ отдѣльности или соединеніе нѣсколькихъ такихъ силъ во имя однихъ соображеній и расчетовъ политики. Указываютъ на папу, на государей Великобританіи, Россіи, Австріи или же на совмѣстное дѣйствіе нейтрализованныхъ странъ Швейцаріи и Бельгіи.

Тѣ, которые желаютъ, чтобы папа взялъ въ свои руки дѣло возстановленія мира между Германіей и Франціей, ссылаются, помимо высокаго характера современнаго римскаго первосвященника, на усиленіе его нравственнаго авторитета со времени утраты папою свѣтской власти, дѣлающей его какъ бы, по его положенію, особенно безпристрастнымъ и независимымъ въ совѣтѣ государей. Посредничество Льва XIII было принято Германіею и Испаніею по спору о Каролинскихъ островахъ. Но этотъ споръ можетъ-ли идти въ сравненіе по своему значенію съ эльзасъ-лотарингскимъ? Католики Германіи недавно показали, что, при всемъ уваженіи къ папѣ, они не намѣрены слѣдовать его руководительству по вопросамъ даже внутренней политики ихъ отечества. Обратится-ли къ нему правительство современной республиканской Франціи, недавно еще столь враждебное къ католической религіи?

Что касается до государей великихъ державъ Европы, то именно въ силу ихъ политическаго положенія они либо сами не выступятъ въ этой роли верховныхъ посредниковъ, либо, принятые одною изъ сторонъ, будутъ отклонены другою. Австрія, какъ членъ тройственнаго союза, не удобопріемлема для Франціи. Англія, по вопросамъ колоніальной политики и по предполагаемымъ ея симпатіямъ къ названной лигѣ, также не была бы, вѣроятно, избрана Франціею, которая предпочла бы ей, конечно, въ этомъ качествѣ Россію. Но дала-ли бы на послѣднее свое согласіе Германія? Нѣкоторые, и въ томъ числѣ Бьернстернъ-Бьернсонъ, полагаютъ, что малымъ народамъ приличествуетъ выступить на защиту «попранныхъ правъ человѣчества». Лависсъ съ слѣдующими словами обращается къ Бельгіи и Швейцаріи: «вы лучше другихъ освѣдомлены объ этомъ великомъ спорѣ и поэтому вы обязаны возвысить свой голосъ. Европа создала для васъ привилегированное положеніе, гарантировавъ вамъ миръ. И вы должны теперь помочь ей найти миръ посредствомъ

справедливости». Выше мы указали, какъ бы онѣ, и особенно Швейцарія, могли содѣйствовать разрѣшенію этого вопроса, но, лишенныя политической силы, были ли бы онѣ въ состояніи провести свои воззрѣнія или придать состоявшемуся рѣшенію санкцію безъ воли Европы? *)

Необходимо для дѣйствительнаго окончанія этого вопроса перенести его съ зыбкой почвы *политики* (эгоизма и силы) въ высшую и широкую область *международнаго права.* Отдѣльныя правительства, кто бы они ни были, должны выступить при этомъ не обособленно, не отъ своего мира и не въ духѣ симпатій къ той или другой изъ спорящихъ сторонъ, а соединить свои усилія и возвысить голосъ отъ имени *всей Европы*, какъ *одного* высшаго *культурнаго общества народовъ*, членами котораго они состоятъ. Чѣмъ они будутъ согласнѣе, серьезнѣе и безпристрастнѣе, тѣмъ большій вѣсъ получитъ ихъ голосъ и приговоръ. Ихъ обязанность склонить, во имя общаго блага и мира, Германію и Францію къ принятію такого способа окончанія ихъ распри, который уладилъ бы это дѣло разъ навсегда безъ войны и наиболѣе справедливо и согласно съ дѣйствительными интересами всей Европы, Германіи и Франціи и самихъ, наконецъ, жителей Эльзасъ-Лотарингіи.

Органами для постановленія такого окончательнаго сужденія могутъ явиться: либо третейскій судъ, либо общеевропейскій конгрессъ. Мы— за послѣдній способъ.

Международный третейскій судъ, говоритъ одинъ изъ его приверженцевъ, долженъ бы заняться разсмотрѣніемъ трехъ вопросовъ: фактическаго, объ обладаніи Эльзасъ-Лотарингіею Германіею въ силу франкфуртскаго договора, теоретическаго (point de doctrine) — о правѣ ихъ жителей располагать своею судьбою, и вопроса о цѣлесообразности (convenance), касающагося военной безопасности, доставляемой Германіи этимъ обладаніемъ.

Таково мнѣніе Геймве **). Не можемъ найти вѣрными ни постановку предлагаемыхъ имъ вопросовъ, ни разграниченіе ихъ въ частности. Владѣніе имперскою областью есть для Германіи не только фактъ, но и право. Право эльзасъ-лотарингцевъ располагать собою нигдѣ еще, къ сожалѣнію, въ положительномъ правѣ не признано, но должно бы получить признаніе и охрану на международной почвѣ. Но и независимо отъ этого, третейскій судъ по существу некомпетентенъ для разсмотрѣнія этого дѣла: какъ органъ права, онъ долженъ стать на почву дѣйствующихъ юридическихъ нормъ, а съ точки зрѣнія таковыхъ распря объ Эльзасъ - Лотарингіи не разрѣшима. Что бы ни говорили французы, но нѣмцы съ формальной только стороны правы,

---

*) L'Europe Nouvelle, 1 Févr. 1895.

**) L'Alsace-Lorraine et la Paix; p. 72.

пока они опираются на трактатъ и на вѣками допускавшееся, какъ право, завоеваніе послѣ войны. Тутъ-же для рѣшенія этого спора требуется отысканіе и признаніе *новаго, лучшаго права*, которое и должно быть торжественно закрѣплено общимъ согласіемъ народовъ. Вотъ почему необходимъ *конгрессъ*. Полномочія его шире, и кругъ его дѣятельности менѣе стѣсненъ. Въ роли посредника и примирителя, онъ былъ бы призванъ, отъ имени всѣхъ своихъ участниковъ, высказать авторитетно эти *новыя желаемыя начала справедливости въ согласіи съ серьезными интересами всѣхъ*. Но ему должны предшествовать собранія двоякаго рода. Во-первыхъ, изъ жителей самихъ Эльзаса и Лотарингіи. Они призываются изъ лучшихъ элементовъ населенія и констатируютъ возможно полно и безпристрастно его дѣйствительныя нужды и желанія. Во - вторыхъ, смѣшанная коммиссія изъ делегатовъ Германіи и Франціи обсуждаетъ всѣ удобопріемлемые для ихъ правительствъ пути и средства къ рѣшенію предложеннаго имъ вопроса о ихъ замиреніи въ будущемъ. На основаніи этого матеріала предполагаемый обще-европейскій конгрессъ, взвѣсивъ всѣ стороны дѣла, вырабатываетъ свои заключенія либо въ единственной, для сторонъ прямо уже обязательной, формѣ, либо въ нѣсколькихъ формахъ, предоставляя, съ согласія сторонъ, выборъ между ними голосованію самихъ эльзасъ-лотарингцевъ, какъ было сказано выше. Подобный *международный плебисцитъ* не подорвалъ бы принципа самостоятельности государствъ. Онъ въ будущемъ долженъ былъ бы прилагаться только къ областямъ спорнымъ, и притомъ примѣняться лишь по началамъ международнаго права, подъ строгимъ контролемъ нейтральныхъ безпристрастныхъ властей. Для введенія его въ практику весьма подходящимъ началомъ представляется намъ именно вопросъ объ Эльзасѣ и Лотарингіи.

Самый конгрессъ, о которомъ мы говоримъ, для успѣшности дѣла не долженъ быть собраніемъ исключительно дипломатическимъ. Въ среду его правительствамъ слѣдовало бы послать лицъ, пользующихся общимъ довѣріемъ по своему знакомству съ современнымъ общественнымъ строемъ Европы, съ принципами международнаго права, а ровно по своимъ нравственнымъ качествамъ: безпристрастію, независимости и любви къ человѣчеству. Дипломаты же, изъ наиболѣе серьезныхъ и опытныхъ, присоединялись бы къ нимъ только въ качествѣ совѣтниковъ, въ меньшинствѣ и безъ рѣшающаго голоса. Назначаются эти довѣренныя лица правительствами всѣхъ европейскихъ странъ (въ числѣ, по ихъ усмотрѣнію), но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что каждая страна располагаетъ не болѣе какъ однимъ только голосомъ.

Такой необычный составъ конгресса требуется новизною и трудностью самаго дѣла, ему поручаемаго.

X.

Думаемъ, что, при намѣченныхъ нами условіяхъ, разрѣшился бы безъ войны эльзасъ-лотарингскій вопросъ, что стало бы возможнымъ подумать объ уменьшеніи душащихъ насъ тягостей милитаризма и былъ бы сдѣланъ великій шагъ впередъ къ упроченію, въ средѣ христіанскихъ народовъ, настоящаго и общаго мира. Во всякомъ случаѣ этотъ путь, хотя несравненно труднѣе и длиннѣе, но надежнѣе предлагаемаго германскими патріотами: созвать конгрессъ для закрѣпленія statu quo и обсужденія мѣръ къ разоруженію.

У насъ, въ Россіи, приходится иногда встрѣчать мнѣніе, будто вражда между Франціею и Германіею для насъ полезна въ томъ смыслѣ, что она, дѣлая невозможною коалицію западныхъ державъ противъ нея, возводитъ ее на степень вершительницы судебъ міра. Указываютъ при этомъ на то, что наши вооруженія, въ отличіе отъ нашихъ сосѣдей, далеко не дошли еще до своего предѣльнаго пункта и что русскіе финансы, достигнувъ за послѣдніе годы столь блестящихъ успѣховъ, дозволяютъ намъ спокойно и впредь трудиться надъ развитіемъ военной мощи нашего отечества.

Эти разсужденія намъ представляются опасными политическими софизмами. Миръ необходимъ для Россіи, если не болѣе, то никакъ не менѣе нежели для любой изъ остальныхъ странъ Европы. Это сознается и нашими Государями. Громадныя вооруженія Россіи вызываются не столько потребностями ея внутренней безопасности, сколько фактомъ, что всѣ сосѣди ея дѣлаютъ то же, и она, естественно, отъ нихъ отстать не можетъ. Сочувствовать этому могутъ развѣ лишь тѣ лица, которыя приписываютъ Россіи самые широкіе и безсмысленные планы завоеваній, въ родѣ захвата не только Балканскаго полуострова, но и Малой Азіи, покоренія Индіи и т. п. *). Въ какомъ-бы положеніи ни находились русскіе финансы, ненормальнымъ является уже то, что большую часть ихъ поглощаютъ военные расходы, въ своемъ непрерывномъ ростѣ превосходящіе развитіе производительныхъ силъ страны. Мало того: это печальное обстоятельство задерживаетъ осуществленіе наиболѣе настоятельныхъ задачъ по внутреннему управленію, мѣшаетъ грозной борьбѣ со стихіями (требующей облѣсенія и обводненія нашихъ обширныхъ равнинъ, регулированія теченія большихъ все мельчающихъ рѣкъ, оздоровленія селъ и городовъ) и не менѣе тяжелой борьбѣ съ невѣжествомъ и бѣдностью большинства населенія, особенно сельскаго. Новая война, при сложившихся обстоятельствахъ, была бы страшнымъ бѣдствіемъ для всего цивилизованнаго міра. Но ея не избѣгнешь, если продолжать идти

*) *Tallichet.* Double et triple Alliance (L'Europe Nouvelle, 1 Juin, 1894).

по пути, по которому мы идемъ, по пути непрекращающихся вооруженій. Необходимо среди перемирія, намъ даннаго, серьезно позаботиться объ устраненіи тѣхъ причинъ, которыя поддерживаютъ между народами взаимное раздраженіе и вражду. Къ числу наиболѣе жгучихъ вопросовъ этого рода принадлежитъ безспорно эльзасъ-лотарингскій, и Германія и Франція обязаны сдѣлать все, отъ нихъ зависящее, для мирнаго и справедливаго его уложенія, если онѣ хотятъ дѣйствительно остаться въ числѣ передовыхъ націй Европы и если имъ дороги высшія блага нашей культуры. Но во имя того же самого не менѣе серьезно обязаны помочь имъ въ этомъ всѣ остальные члены христіанскаго міра.

Гр. Л. Камаровскій.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Валеріанъ Майковъ.

Эстетическіе и общественные вопросы передъ судомъ соціологической критики.

I.

Литературная дѣятельность Валеріана Майкова продолжалась недолго. Появившись впервые въ печати въ 1845 г., онъ проработалъ около двухъ лѣтъ въ трехъ различныхъ журналахъ. 15-го іюля 1847 г. его уже не стало: онъ утонулъ, купаясь въ прудѣ недалеко отъ Петербурга, на двадцать четвертомъ году отъ рожденія. За это короткое время усиленнаго умственнаго труда молодой писатель успѣлъ привлечь къ себѣ вниманіе выдающихся дѣятелей тогдашней литературы, вызвать горячія возраженія со стороны Бѣлинскаго, который не захотѣлъ обойти молчаніемъ нѣкоторые взгляды новаго критика, а въ средѣ, близко стоявшей къ редакціи «Отечественныхъ Записокъ», возбудить глубокую симпатію шириною своего научнаго кругозора. Многимъ казалось въ то время, что Майковъ съ полнымъ достоинствомъ займетъ въ русской литературѣ мѣсто умирающаго Бѣлинскаго. Его склонность къ теоретическимъ обобщеніямъ по вопросамъ эстетики и народности, при нѣкоторой новизнѣ пріемовъ анализа, внушала надежду, что онъ окончательно приведетъ къ единству спорные вопросы, разсѣетъ сомнѣнія и противорѣчія, волновавшія современныхъ читателей статей Бѣлинскаго и твердыми научными доводами выведетъ русскую критику, а съ нею и всю русскую литературу на путь реализма. Потребность въ какихъ-нибудь опредѣленныхъ взглядахъ на искусство была такъ велика, что ограниченная по существу теорія Майкова, въ которой, однако, чувствовалось движеніе новыхъ умственныхъ настроеній, получила ходъ среди молодыхъ работниковъ либеральной журналистики. Не подлежало сомнѣнію, что міро-

воззрѣніе Майкова, несмотря на всю его незаконченность, являлось нѣкоторой поправкой къ литературной критикѣ Бѣлинскаго, пережившей три различныхъ, другъ другу противорѣчащихъ, періода развитія и ни въ одномъ изъ нихъ не давшей полной и удовлетворительной эстетической теоріи. Можно было подумать, что Майкову суждено спасти искусство отъ разрушительныхъ требованій тенденціозности, которыя стали вторгаться въ критическія сужденія по вопросамъ литературнаго творчества и развить новую теорію народности, не только не дѣлающую ни малѣйшей уступки патріотическимъ мечтаніямъ славянофильской партіи, но и превосходящую всѣ требованія умѣреннаго западничества духомъ полнаго, непримиримаго и принципіальнаго отрицанія всякой національной ограниченности. При живомъ, смѣломъ стилѣ, страдающемъ, правда, иногда растянутостью, философскія мысли Майкова производили впечатлѣніе нѣкотораго научнаго новаторства. Реалистическая эпоха, такъ-сказать, предсказанная въ послѣднихъ статьяхъ Бѣлинскаго, окончательно выступала впередъ въ разсужденіяхъ писателя, прошедшаго хорошую школу юридическаго образованія, вынесшаго изъ университета горячее убѣжденіе о необходимости особой соціальной философіи, въ качествѣ высшей самостоятельной науки. Оригинальный взглядъ на тайну художественнаго творчества, на его цѣли и средства, привлекалъ къ нему сочувствіе всѣхъ, желавшихъ вмѣстѣ съ интересами искусства спасти и утилитарные принципы всякой умственной дѣятельности...

Обратимся, однако, къ немногочисленнымъ статьямъ Майкова. Прослѣдимъ его литературную дѣятельность въ ея главныхъ чертахъ и посмотримъ, представляютъ-ли его критическіе взгляды нѣкоторый шагъ впередъ по сравненію со взглядами Бѣлинскаго. Обладалъ-ли Майковъ настоящимъ критическимъ талантомъ? Представляетъ-ли его эстетическая теорія новое, свѣтлое обобщеніе, дающее возможность глубже разбираться въ явленіяхъ художественнаго творчества? Наконецъ, какое значеніе имѣютъ его соціальныя воззрѣнія для пониманія вопросовъ искусства, для опредѣленія роли народности въ историческомъ развитіи человѣчества? На всѣ эти вопросы мы должны дать краткіе, но рѣшительные отвѣты. Оцѣнивая научное достоинство литературныхъ работъ Майкова, мы найдемъ возможность лишній разъ убѣдиться въ томъ, что законы, цѣли и формы поэтическаго творчества, красота въ литературѣ, какъ и красота въ природѣ и жизни, не поддаются никакимъ эмпирическимъ объясненіямъ. Критика художественнаго процесса, чтобы освѣтить игру идей въ живыхъ формахъ искусства, должна обратиться къ философіи, т. е. къ наукѣ объ идеальныхъ началахъ человѣческой души, принадлежащихъ не внѣшнему, а высшему, духовному міру. Никакая критическая робота не можетъ исполнить своей задачи иначе, какъ разрѣшивъ цѣлый рядъ эстетическихъ вопросовъ — не съ той или другой

временной, исторической точки зрѣнія, прибѣгая не къ анализу низшихъ, первобытныхъ силъ и влеченій души, а подвергнувъ самому широкому истолкованію высшія потребности и отвлеченныя идеи красоты и совершенства, переходящія съ разными видоизмѣненіями отъ поколѣнія къ поколѣнію, изъ одной эпохи въ другую. Будучи средствомъ теоретическаго пониманія сложнаго, страстнаго движенія души къ свѣтлымъ началамъ, проникающимъ міровую жизнь, съ ея трагическими контрастами и постоянными смѣнами событій, характеровъ и умственныхъ вѣяній, художественная критика по необходимости должна войти въ глубокое изученіе не одной только психологіи, но и метафизики человѣческаго существованія. Поэтическіе образы искусства обнаруживаютъ свой настоящій смыслъ только въ яркомъ освѣщеніи идеалистической эстетики, улавливающей всѣ проявленія духовной красоты отъ низшихъ до высшихъ ступеней художественнаго процесса. Въ этой эстетикѣ мы можемъ найти не только оправданіе, но и широкое теоретическое объясненіе фантастическаго элемента въ искусствѣ, безъ котораго его созданія выступали бы въ пространствахъ, ограниченныхъ узкимъ бытовымъ кругозоромъ, временными понятіями и задачами. Только эта эстетика, раздвигая горизонты эпохи, открываетъ въ искусствѣ его вѣчную, непреходящую основу, одинаковую для всѣхъ родовъ человѣческаго вдохновенія, сближающую между собою сферы нравственнаго, религіознаго и поэтическаго творчества.

Первые литературные труды Майкова стали появляться въ 1845 г. Онъ принялъ почти одновременно участіе въ двухъ изданіяхъ—въ «Карманомъ словарѣ иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка» и въ «Финскомъ Вѣстникѣ», выходившемъ подъ офиціальною редакціею Ф. Дершау. Въ обоихъ изданіяхъ молодой писатель сразу занялъ положеніе фактическаго руководителя, дававшаго тонъ и направленіе всему, что въ нихъ печаталось. Въ «Карманномъ словарѣ», задуманномъ штабсъ-капитаномъ Кириловымъ, Майкову принадлежатъ нѣсколько важнѣйшихъ, принципіальныхъ статей, лучшія объясненія наиболѣе трудныхъ въ научномъ отношеніи иностранныхъ словъ и выраженій. Несмотря на миніатюрный характеръ изданія, оно преслѣдовало опредѣленныя цѣли и, проникнутое живою, интеллигентною мыслью, могло возбуждать и двигать умы въ извѣстномъ направленіи своими коротенькими, въ два-три небольшихъ столбца, опредѣленіями, всегда выдержанными въ духѣ современной науки, иногда проникнутыми тонкимъ публицистическимъ ядомъ, иногда намѣчающими кой-какія новыя политическія перспективы. Въ двухъ дошедшихъ до насъ выпускахъ этого симпатичнаго предпріятія, прекратившагося по независящимъ отъ издателя обстоятельствамъ, мы не нашли ни одной замѣтки, составленной безъ надлежащаго знанія предмета или страдающей небрежностью

въ научномъ отношеніи. При твердомъ университетскомъ образованіи и болѣе или менѣе обширномъ знакомствѣ съ политическими и юридическими теоріями европейской науки, Майковъ сумѣлъ влить живое содержаніе въ каждую отдѣльную характеристику того или другого понятія. Бодрая юношеская мысль, увлекаемая собственными успѣхами, пробивается въ его краткихъ разсужденіяхъ, не имѣющихъ значенія какихъ-либо особенно оригинальныхъ умственныхъ открытій, но дѣлающихъ популярными выводы современнаго знанія въ области политики, экономики и соціальной нравственности. Стоя по характеру своихъ индивидуальныхъ умственныхъ влеченій на реалистическомъ пути, Майковъ передаетъ свои основные научные принципы въ небольшой статейкѣ объ анализѣ и синтезѣ, составляющей боевую часть перваго выпуска Словаря. На пяти столбцахъ, въ одушевленномъ изложеніи—не безъ оттѣнка профессорскаго краснорѣчія—авторъ рисуетъ движеніе научнаго знанія съ древнихъ временъ до настоящаго историческаго момента. Съ особеннымъ сочувствіемъ указываетъ онъ на *аналитическую* работу человѣческой мысли, на ея принципіальное значеніе въ добываніи всякаго рода знаній, на ея пригодность для разрушенія унаслѣдованныхъ предразсудковъ и фантомовъ наивнаго или невѣжественнаго мышленія. «Безъ анализа,» говоритъ Майковъ, «мы вѣчно бродили-бы въ какомъ-то туманномъ представленіи всего существующаго, какъ новорожденные младенцы». При каждомъ познавательномъ актѣ мы прежде всего обращаемся къ анализу, чтобы ярко поставить передъ глазами главные признаки предмета, его составныя части, его отдѣльныя, самостоятельныя силы. Но, расчленяя то или другое явленіе, мы сейчасъ-же стремимся возстановить его въ прежнемъ видѣ, возвратить ему въ новомъ и глубокомъ освѣщеніи его первоначальную физіономію. Всякая умственная работа, начавшись анализомъ, должна завершиться научнымъ синтезомъ, безъ котораго мы не понимали-бы связи предметовъ между собою, ихъ высшаго единства, ихъ принадлежности къ болѣе сложному цѣлому. Очевидно, замѣчаетъ Майковъ, что въ наукѣ оба способа человѣческаго познанія, обѣ дѣятельности ума должны находиться «въ самой тѣсной неразрывности», хотя историческіе факты показываютъ намъ, что истина, ясная для сознанія современнаго человѣка, оказывалась недоступною людямъ прежнихъ культурныхъ эпохъ. То «коснѣя въ туманѣ синтеза», то утопая «въ бездонномъ морѣ анализа», умъ человѣческій постоянно попадалъ въ противоположныя крайности—временами сводя всѣ тайны жизни къ одному какому-нибудь началу, временами изучая только разрозненныя явленія и отбрасывая отъ себя всякую попытку постигнуть связь, существующую между частями міра. Анализъ прокладываетъ дорогу къ самымъ свѣтлымъ открытіямъ въ области природы и человѣческой жизни. Но защитники чисто-синтетическаго метода

думають иначе. Пренебрегая опытнымъ знакомствомъ съ явленіями жизни, они произвольно, «наугадъ», составляютъ себѣ разныя общія понятія и вносятъ ихъ въ изученіе неизвѣстныхъ фактовъ. Всѣ унаслѣдованныя заблужденія европейской цивилизаціи суть ничто иное, какъ «синтетическія» (апріорическія) идеи, укорененныя въ нашихъ умахъ тысячелѣтіями». Уничтожить эти пагубные «апріорическіе» призраки, разсѣять эти унаслѣдованные «апріорическіе» предразсудки, провести все, что составляетъ человѣческую жизнь, «сквозь спасительное горнило основательнаго размышленія»—вотъ та задача, которую должна себѣ поставить современная научная философія. Пусть противники прогресса жалуются, что, анализируя явленія, мы лишаемъ себя возможности наслаждаться ими, разбиваемъ множество плѣнительныхъ обмановъ, подготовляемъ обильный матеріалъ для самаго глубокаго разочарованія. Но въ стремленіяхъ къ истинѣ и къ добру, съ нѣкоторой пылкостью возражаетъ Майковъ воображаемымъ противникамъ научнаго прогресса,—не должна-ли поддерживать насъ надежда на осуществленіе завѣтныхъ нашихъ мыслей? Анализъ ничего не убиваетъ—онъ только изобличаетъ ничтожество разныхъ произвольныхъ понятій и фантастическихъ построекъ. «Если смотрѣть на современную науку,—говорится въ заключеніи статейки объ анализѣ и синтезѣ, какъ на начальную дѣятельность ума, рѣшившагося безпристрастно пересмотрѣть и пересоздать все, что до сихъ поръ было имъ сдѣлано, то нельзя не согласиться, что человѣчество рѣшилось идти къ истинѣ самымъ прямымъ и естественнымъ путемъ» *)...

Съ такими общими взглядами Майковъ и приступилъ къ своимъ первымъ научнымъ работамъ. Заявивъ себя горячимъ сторонникомъ аналитическаго метода, онъ не далъ настоящаго философскаго объясненія тѣхъ путей, какими развивается человѣческое познаніе. Самое представленіе о задачахъ науки вышло подъ его перомъ черезчуръ поверхностнымъ, не коснулось главнаго психологическаго вопроса, не показало самого познавательнаго процесса въ его живомъ, непосредственномъ движеніи. Майковъ какъ-бы не видитъ, что наука должна освѣтить глубокія основы нашей умственной дѣятельности, открыть тѣ идеальные принципы, которые направляютъ весь опытъ, вносятъ свѣтъ пониманія въ каждое наше прикосновеніе съ внѣшнимъ міромъ, съ людьми, съ политическими и соціальными фактами. Въ самомъ низшемъ познавательномъ актѣ, въ нашихъ простыхъ ощущеніяхъ главною творческою силою является не анализъ, а синтезъ. Синтезомъ начинается работа ума, потому что всякое обращеніе къ дѣйствительному міру требуетъ постояннаго вмѣшательства личнаго сознанія, участія извѣстныхъ идей, предшествующихъ опыту,

*) „Карманный словарь“, С.-Петербургъ MDCCCXLV, стр. 10.

дѣлающихъ его возможнымъ въ томъ или другомъ объемѣ. Анализъ есть дальнѣйшая ступень—отвлеченное разъединеніе на части, по опредѣленнымъ признакамъ, того, что въ живомъ психологическомъ процессѣ постоянно выступаетъ цѣльными, слитными явленіями, завершенными событіями извѣстнаго порядка. Въ каждой умственной работѣ, какъ она совершается непосредственно, синтезъ и анализъ переплетаются вмѣстѣ и даютъ въ результатѣ опредѣленный предметъ, тотъ или другой фактъ, который въ свою очередь можетъ быть подвергнутъ новому философскому обслѣдованію. Міръ, въ который мы вступаемъ съ нашими ограниченными средствами научнаго изученія, получаетъ извѣстную форму отъ нашего сознанія, одѣвается цвѣтами нашего воображенія. Прежде, чѣмъ анализировать природу, открывать въ ней строгую послѣдовательность и преемственность явленій, мы должны воспринять ее извѣстнымъ образомъ, а это воспріятіе уже заключаетъ въ себѣ самостоятельный, оригинальный, субъективный элементъ, который, соединяясь съ внѣлежащимъ матеріаломъ, и образуетъ синтетическій актъ познанія — основу всякаго опыта. Научный анализъ вскрываетъ только то, что до него уже вложено нашей умственной дѣятельностью въ міръ явленій, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ. Обыденное и научное познаніе развиваются двумя различными путями, не противорѣчащими другъ другу, но приводящими наше пониманіе жизни къ настоящему, полному совершенству. Безсознательные акты души, которыми вносится наше творческое начало во все, что доходитъ до нашего чувства, въ наукѣ освѣщается съ различныхъ сторонъ, осмысливается идеями, приведенными въ строгій порядокъ и систему. Анализъ, говоритъ одинъ изъ первыхъ представителей новой итальянской философіи, есть чтеніе великой книги жизни, созданной синтезомъ. Ошибка Майкова заключается въ томъ, что онъ не провелъ границы между научнымъ процессомъ изученія природы и непосредственнымъ воспріятіемъ ея явленій, въ которомъ основная роль принадлежитъ синтезу. Въ его обрисовкѣ вся задача научнаго анализа сводится къ чисто внѣшнему расчлененію предмета, къ малозначащему сопоставленію различныхъ его частей. Но собирая и разъединяя по случайнымъ признакамъ отдѣльные элементы явленій, мы не изучаемъ при этомъ ихъ сущности, ихъ скрытой природы — того внутренняго идеальнаго центра, около котораго вращается міровая жизнь. При эмпирическомъ взглядѣ на задачу науки исчезаютъ изъ кругозора тѣ основы міра, безъ которыхъ вся ея работа превращается въ сухую схоластику, въ собираніе мертвыхъ фактовъ, не говорящихъ ничего живому воображенію, не дающихъ возможности обнять человѣческій опытъ въ одной цѣльной и законченной системѣ идей и понятій. Какъ это подтверждается и отдѣльными отзывами Майкова о Кантѣ, Фихте, Шеллингѣ и Гегелѣ, онъ не стоялъ на высотѣ новѣйшей критической философіи, и потому,—несмотря на при-

родную склонность къ теоретическимъ обобщеніямъ,—его разсужденія о задачахъ науки, въ связи съ вопросомъ объ анализѣ и синтезѣ, носятъ поверхностный, псевдо-прогрессивный характеръ.

II.

Въ 1845 г. Майковъ, какъ мы уже говорили, принялъ близкое участіе, въ качествѣ негласнаго редактора, въ новомъ журналѣ, подъ названіемъ «Финскій Вѣстникъ». Въ программѣ этого изданія, приложенной къ первой его книгѣ и написанной Майковымъ, мы уже встрѣчаемся съ нѣкоторыми отголосками тѣхъ самыхъ научныхъ симпатій, которыя выразились въ главныхъ замѣткахъ Карманнаго Словаря Кирилова. Анализъ, говорится въ этой программѣ, развился такъ сильно во всей Европѣ, что «нравоописанія почти поглотили изящную литературу». Это новое направленіе въ искусствѣ обнаружилось и въ Россіи—не въ силу пустой моды, а вслѣдствіе серьезныхъ историческихъ причинъ. Русское общество вступило въ эпоху полнаго самосознанія. Мы дѣлаемъ первые шаги на поприщѣ истинной культуры. Россія выходитъ на арену исторіи съ новой миссіей, заключающейся не въ чемъ иномъ, какъ «въ критическомъ разборѣ всѣхъ стихій цивилизаціи, которою призваны мы пользоваться позже всѣхъ другихъ народовъ Европы». Старая европейская культура уже не можетъ вызвать никакого восторга въ ея ученикахъ, «полныхъ юности и энергіи...»

Съ такими оптимистическими мыслями, навѣянными нѣкоторыми новыми теченіями, Майковъ и приступилъ къ своей первой крупной статьѣ «Общественныя науки въ Россіи», не оконченной печатаніемъ въ «Финскомъ Вѣстникѣ», но дополненной въ отдѣльномъ изданіи его сочиненій, вышедшемъ въ 1891 г., по бумагамъ, сохранявшимся въ семейномъ архивѣ Майковыхъ. То, что въ словарѣ Кирилова не могло получить широкой разработки, вслѣдствіе его миніатюрности, что въ программѣ новаго журнала могло быть намѣчено только въ самыхъ общихъ чертахъ, здѣсь развито и закончено съ большою ясностью. Майковъ является въ этой статьѣ теоретикомъ новой соціальной науки, о которой до него и въ этомъ направленіи въ русскихъ журналахъ почти ничего не говорилось. Выступая все съ тою же научною программою, о которой мы только что говорили, онъ подробно рисуетъ хаотическое состояніе отдѣльныхъ отраслей знанія—экономическихъ, юридическихъ и нравственныхъ наукъ, указываетъ точныя границы каждой изъ этихъ областей, неизбѣжную зависимость отдѣльныхъ изслѣдованій отъ одной, высшей научной дисциплины. Старое представленіе объ анализѣ и синтезѣ подсказываетъ ему рядъ мыслей, при помощи которыхъ легко понять самую конструкцію этой новой науки, ея объемъ, ея главные методы, ея теоретическія и

практическія цѣли при современномъ движеніи умовъ, взбудораженныхъ важными вопросами антропологическаго и національнаго характера. «Безъ соціальной философіи, говоритъ Майковъ, безъ общей теоріи общественной жизни, науки гибнутъ въ анархіи, тщетно стремясь къ организаціи, которая дала бы каждой изъ нихъ новую жизнь, водворила бы между ними порядокъ и содѣлала ихъ причастными живой дѣятельности, освободивъ изъ оковъ односторонняго анализа». Существованіе отдѣльной философіи общества не уничтожаетъ существованія права, политической экономіи и педагогики, какъ обширный взглядъ на явленія міра не вытѣсняетъ отдѣльныхъ частныхъ взглядовъ, которые разрабатываются въ спеціальныхъ областяхъ. Живая идея общественныхъ наукъ, проникающая и политическую экономію, и право, и педагогику, въ соціальной философіи изучается во всей ея логической полнотѣ, независимо отъ какихъ бы то ни было ограниченій, неизбѣжныхъ во всякомъ частномъ изслѣдованіи. Общественная философія разсматриваетъ всю жизнь людей, какъ жизнь цѣльнаго органическаго тѣла, одареннаго индивидуальностью, какъ гармонію экономическихъ, нравственныхъ и политическихъ силъ, дѣйствующихъ въ каждомъ государствѣ. Въ этомъ заключается аналитическая часть ея обширной научной работы, имѣющей глубокое практическое значеніе, потому что ни одно положеніе, ни одинъ принципъ не можетъ быть внесенъ въ жизнь иначе, какъ черезъ ея посредство. Отдѣльныя истины политической экономіи, права и педагогики вступаютъ въ сферу человѣческихъ отношеній не иначе, какъ «пройдя сквозь горнило философіи общества, науки, разсматривающей ихъ въ той живой гармоніи, въ томъ взаимномъ проникновеніи, какое представляютъ дѣйствительныя явленія міра экономическаго, нравственнаго и политическаго». Слѣдовательно, только подъ вліяніемъ философіи общества частныя, общественныя науки могутъ получить практическое значеніе, заключаетъ Майковъ. Таковы взаимныя отношенія различныхъ соціальныхъ наукъ, открытыя философскимъ анализомъ. Ограничивъ точными опредѣленіями три научныхъ области, Майковъ нашелъ и отдѣльный предметъ для новой науки—идею общественнаго благосостоянія, которая въ правѣ, экономикѣ и педагогикѣ разрабатывается по частямъ, иногда въ противоположныхъ направленіяхъ, и потому должна получить окончательное, полное, всеобъемлющее истолкованіе въ какой-нибудь высшей области человѣческаго знанія. Порядокъ вещей, говоритъ Майковъ, оправдываемый одною изъ общественныхъ наукъ, можетъ быть одобренъ безусловно только тогда, когда и другія науки его оправдываютъ. Исторія показываетъ, что интересы политическіе, экономическіе и нравственные такъ тѣсно связаны между собою, что успѣхъ или упадокъ одной стороны благосостоянія неминуемо влечетъ за собою рядъ параллельныхъ явленій и въ двухъ остальныхъ. Если бы различныя стороны общест-

веннаго благосостоянія не находились между собою въ такихъ гармоническихъ отношеніяхъ, соціальная сфера представляла бы хаотическое состояніе и быстро уничтожилась бы совершенно борьбою своихъ собственныхъ стихій. Но представивъ въ такомъ видѣ задачу соціальной философіи и теоретическіе интересы, размежеванные на отдѣльныя группы, Майковъ въ сущности придалъ узкій характеръ всему своему ученію. По его мнѣнію, въ юридическихъ наукахъ можетъ и долженъ господствовать только политическій принципъ безъ всякой примѣси какихъ-нибудь другихъ идейныхъ элементовъ, въ чистомъ выраженіи государственнаго закона, установленнаго и санкціонированнаго верховной властью. Такъ, напр., разбирая современный взглядъ на гражданское право, Майковъ становится въ рѣшительную оппозицію ко всякимъ притязаніямъ цивилистовъ давать широкія опредѣленія, съ нравственно философскимъ оттѣнкомъ, различныхъ гражданскихъ институтовъ. Современная наука гражданскаго права, говоритъ онъ, хочетъ проникнуть въ существенное содержаніе гражданскихъ законовъ. Она не ограничивается изслѣдованіемъ тѣхъ гарантій, которыя верховная власть установила въ этой области. Но для чего же, спрашиваетъ Майковъ, существуетъ нравственная философія, съ ея теоріями личности и съ идеей такъ называемаго естественнаго права? Изслѣдовать взаимныя права и обязанности членовъ общества безъ отношенія къ верховной власти—не значитъ-ли это захватывать понятія изъ чуждыхъ гражданскому праву отраслей знанія? Никакое юридическое право не должно, по твердому убѣжденію Майкова, заключать въ своихъ предѣлахъ никакихъ антропологическихъ или моральныхъ вопросовъ. *Отвлеченныя* права личности разсматриваются въ этикѣ. Какъ основы общественной нравственности, они разсматриваются въ педагогикѣ. Остается только изученіе права съ узко-государственной точки зрѣнія, и въ этомъ именно заключается функція юридической науки. По общепринятому опредѣленію гражданское право есть «изслѣдованіе правъ и обязанностей членовъ гражданскаго общества»; по опредѣленію Майкова, изгоняющему изъ этой науки животворящій нравственный элементъ, гражданское право есть наука, изслѣдующая «мѣры верховной власти для опредѣленія и огражденія личныхъ правъ» *). Стоя на той же почвѣ, Майковъ пытается сузить и смыслъ уголовнаго права. Съ убѣжденіемъ открытаго защитника государственности, онъ принимаетъ сторону офиціальной репрессіи въ борьбѣ съ человѣческою преступностью. По его мнѣнію, наказаніе ведетъ къ сокращенію числа правонарушеній и потому необходимость этой мѣры будетъ неоспорима до тѣхъ поръ, пока не воцарятся на землѣ добро и разумъ, пока нравственность не пріобрѣтетъ того могущества, при ко-

*) «Критическіе опыты», изд. 1891. стр. 574—575.

торомъ требованія эгоизма примиряются съ требованіями человѣколюбія. «До тѣхъ поръ внѣшняя сила останется единственнымъ средствомъ къ поддержанію законнаго порядка вещей». До тѣхъ поръ въ каждомъ государствѣ опредѣленное число судей такъ же необходимо, какъ войско въ борьбѣ народовъ. Уголовный законъ гарантируетъ всѣ другіе законы общежитія страхомъ наказанія. Въ уголовномъ правѣ, такъ же какъ и въ гражданскомъ, элементъ политическій играетъ первенствующую роль. Пусть утописты мечтаютъ объ уничтоженіи репрессивныхъ мѣръ. Но пока они не показали, какими средствами можно довести человѣка до идеальнаго совершенства, необходимость наказанія будетъ такъ же очевидна, какъ необходимость внѣшней власти *).

Съ такими-же ограниченіями выступаютъ въ изложеніи Майкова науки экономическія и нравственныя. Онъ не допускаетъ антропологическаго начала при изученіи вопросовъ матеріальнаго благосостоянія. По привычкѣ постоянно сообразоваться въ нашихъ разсужденіяхъ съ потребностями отдѣльнаго лица, мы «персонифируемъ общество тамъ, гдѣ оно совершенно отличается отъ частнаго человѣка». Склонные дѣлатъ человѣка мѣриломъ въ вопросахъ нравственнаго и философскаго характера, мы забываемъ, что «въ глазахъ соціалиста [соціалога] потребности теряютъ всю свою непосредственность», что въ экономической наукѣ имѣютъ рѣшающее значеніе не сами потребности людей, а только орудія ихъ удовлетворенія. Экономистъ погруженъ въ искусственный міръ условій, въ міръ «средствъ къ достиженію цѣлей, которыхъ важность принимается за данное». Съ этой-же ограничительной тенденціей мы встрѣчаемся и въ нравственной сферѣ, замѣчаетъ Майковъ, если смотрѣть на нее съ точки зрѣнія общественнаго благосостоянія. Разсуждая о наукѣ, объ искусствѣ, о различныхъ сторонахъ высшей моральной дѣятельности, педагогика только опредѣляетъ тѣ *условія*, при которыхъ можетъ съ большей или меньшей энергіей развиваться въ обществѣ свободная работа ума, творческаго воображенія и воли.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Майковъ воздвигаетъ соціальную философію на крайне шаткихъ теоретическихъ соображеніяхъ. Вынимая изъ юридическихъ, экономическихъ и нравственныхъ наукъ ту идейную основу, которая сродняетъ ихъ между собою и каждую изъ нихъ ставитъ въ зависимость отъ одного общаго философскаго понятія, Майковъ долженъ былъ придти къ крайне узкому, формальному представленію о правѣ, экономикѣ и педагогикѣ. Мы видѣли, до какихъ предѣловъ сдавливается въ его схоластическомъ толкованіи самая идея права, составляющая, можно сказать, душу всей юриспруденціи вообще. Права *личности*, которыя должны быть осью вращенія всѣхъ юридическихъ наукъ, въ его

*) «Критическіе опыты», стр. 578—579.

изображеніи получили характеръ какой-то добровольной дани со стороны высшихъ житейскихъ авторитетовъ подначальному плебсу. Уголовная наука опирается, какъ на незыблемую аксіому, на идею карающей власти, ведущей человѣчество къ юридическому благополучію путемъ безпощаднаго возмездія за всякое отступленіе отъ предписаній и запретовъ юридическихъ кодексовъ. Экономическая наука подъ этимъ условнымъ угломъ зрѣнія приняла тотъ-же узкій, непринципіальный характеръ. Педагогика превратилась въ слѣпое орудіе какой-то внѣшней дисциплины во имя нравственныхъ началъ, изслѣдуемыхъ опять-таки за ея предѣлами. Ни одна общественная наука не занимается существомъ дѣла. Каждая изъ нихъ вращается только въ сферѣ мертвыхъ схоластическихъ опредѣленій и формъ, держится на понятіяхъ, критика которыхъ не подлежитъ ея компетенціи. Стремленія этихъ наукъ проникнуться настоящимъ идейнымъ содержаніемъ Майковъ, съ горячностью молодого приверженца чисто-аналитическаго метода, провозглашаетъ незаконными, вредными для ихъ правильнаго и прямолинейнаго развитія. То, что является для нихъ живительнымъ началомъ, то, что вливаетъ въ нихъ прогрессивный элементъ, то, что можетъ соединить ихъ общимъ духомъ гуманности, изгоняется Майковымъ изъ его системы и выдѣляется въ особую науку подъ очень громкимъ названіемъ.

Покончивъ съ аналитической стороной соціальной философіи, Майковъ посвящаетъ нѣсколько страницъ выясненію ея синтетической части. До сихъ поръ, говоритъ онъ, мы разсматривали общество, какъ цѣлое, состоящее изъ частей, теперь-же мы должны посмотрѣть на него, какъ на часть высшаго цѣлаго. Въ этомъ пунктѣ философія общества соприкасается съ антропологіей. Если высшая соціальная наука изслѣдуетъ внѣшнія формы человѣческой жизни, то отсюда понятно, что ея главные принципы должны подчиниться принципамъ той науки, въ которой разсматривается самая сущность предмета, самъ человѣкъ съ его типическими признаками характера и темперамента. Анализъ явленій соціальной жизни приводитъ къ болѣе обширному взгляду на всѣ общественные вопросы, къ теоріи *народности* — «не какъ эгоистическаго начала, раздѣляющаго націи, но какъ органическаго условія ихъ единства». Народность есть одно изъ проявленій человѣческой природы, которое кладетъ свою печать на всѣ общественныя науки—на политическую экономію, право и нравственность. Каждый народъ, заявляетъ Майковъ, имѣетъ свою науку, свое искусство, свою нравственность, и при разнообразіи національныхъ особенностей,—всѣ виды человѣческой дѣятельности только служатъ общечеловѣческому міровому началу. Проникаясь идеею народности, соціальная наука вступаетъ въ союзъ съ антропологіей, безъ которой ея теоретическіе и практическіе выводы не могли-бы имѣть плодотворнаго вліянія на дѣйствительную жизнь человѣческихъ обществъ. «Народность,

разсматриваемая въ ея отношенiи къ интересамъ человѣчества, вотъ основанiе соцiальнаго синтеза и антропологическая основа общественнаго благосостоянiя». Нацiональность въ народѣ то-же, что темпераментъ въ отдѣльномъ человѣкѣ. Ея настоящая сила—не въ формахъ быта, а въ понятiяхъ. Обставьте народъ какими угодно условiями жизни, — онъ не измѣнитъ своего характера, своей нацiональности, потому что, говоритъ Майковъ, его типическiя черты неизгладимо врѣзаны въ его натуру. Не отдѣляясь отъ цивилизацiи другихъ народовъ, каждый народъ своими личными способностями и умственными стремленiями представляетъ одно изъ условiй органическаго развитiя всего человѣчества. Обращаясь отъ этихъ незаконченныхъ и тусклыхъ разсужденiй о синтезѣ соцiальной науки къ характеристикѣ русской народности, Майковъ въ слѣдующихъ пышныхъ выраженiяхъ рисуетъ ея главныя черты и признаки. Русскiй умъ, говоритъ онъ, не удовлетворяется ни чистымъ умозрѣнiемъ, ни голымъ опытомъ. Одно онъ называетъ мечтою, другое—механическимъ трудомъ. При антипатiи ко всякимъ внѣшнимъ эффектамъ, искусственному блеску, оскорбляющему его степенность и строгость, русскiй человѣкъ глубоко сознаетъ внутреннее равенство между анализомъ и синтезомъ и потому въ области науки можетъ оказаться однимъ изъ самыхъ прогрессивныхъ дѣятелей настоящаго времени. Къ этой характеристикѣ русскаго ума, которую самъ Майковъ готовъ назвать панегирикомъ, молодой писатель прибавляетъ еще одну блистательную черту, «на которую до сихъ поръ не обращено надлежащаго вниманiя». Русскiй умъ, говоритъ онъ, «отличается необыкновенною смѣлостью». То, что въ западной Европѣ развивалось медленно, путемъ самыхъ трудныхъ историческихъ превращенiй, рядомъ серьезнѣйшихъ умственныхъ и соцiальныхъ катастрофъ, въ Россiи съ неимовѣрною быстротою обходило всѣ слои интеллигентнаго общества. Въ незамѣтный мигъ времени, безъ волненiй, «въ лонѣ мирнаго сознанiя» рѣшались у насъ вопросы огромной важности. Философiя энциклопедистовъ разлилась по всей Россiи, не встрѣтивъ никакой серьезной задержки. Смѣлый тонъ нашего убѣжденiя, презирающаго всякiя странныя понятiя общественной учтивости, рѣзкiе, ни передъ чѣмъ не останавливающiеся приговоры, съ явнымъ оттѣнкомъ критической безпощадности — при такихъ качествахъ нельзя бояться подпасть подъ владычество какихъ-либо авторитетовъ. Итакъ, заключаетъ Майковъ, гармонiя аналитическаго воззрѣнiя съ синтетическимъ, строгая простота выраженiя и энергическая смѣлость—таковы отличительныя достоинства русскаго ума *).

Вотъ въ самыхъ главныхъ чертахъ вся философiя первой большой статьи Майкова, обратившей на себя вниманiе въ интеллигентныхъ круж-

---

*) «Критическiе опыты», стр. 600.

кахъ того времени. Отсутствіе въ русскомъ обществѣ какихъ-нибудь серьезныхъ умственныхъ преданій, непривычка разсуждать на трудныя философскія темы, внѣшніе признаки прогрессивности въ самой постановкѣ новой научной задачи, нѣкоторая, хотя и очень ординарная увлекательность въ изложеніи—все это бросилось въ глаза и показалось чѣмъ-то многознаменательнымъ, имѣющимъ широкую будущность. Въ статьяхъ Бѣлинскаго философскія мысли, выраженныя съ большою страстью, производили всегда впечатлѣніе поэтическихъ изліяній. Овладѣвая чувствомъ, они оставляли часто безъ удовлетворенія живую потребность въ простой, ясной, холодной логикѣ, опирающейся на несокрушимые доводы науки. Безмятежная, слегка докторальная, хотя и многословная манера Майкова, при его постоянныхъ ссылкахъ на новѣйшія европейскія имена и выдающіяся сочиненія по разнымъ политическимъ и соціальнымъ вопросамъ, не могли не возбудить въ обществѣ и въ литературѣ нѣкоторыхъ надеждъ. Среди дѣятелей молодой журналистики не было ни одного человѣка, который былъ способенъ подвергнуть строгой критикѣ его общія философскія положенія. Въ какихъ изданіяхъ сороковыхъ годовъ можно было найти серьезныя разсужденія о разныхъ научныхъ методахъ, о цѣляхъ и пріемахъ общественныхъ наукъ, разсматриваемыхъ съ точки зрѣнія одной высшей соціальной идеи? Вопросъ о національности, служившій предметомъ горячихъ препирательствъ между Бѣлинскимъ и дѣятелями «Москвитянина», ни кѣмъ въ то время не былъ поставленъ на почву соціологіи. Майковъ своимъ трактатомъ сразу внесъ въ журнальную литературу духъ научно-философскаго изслѣдованія, который долженъ былъ расшевелить умы въ совершенно новомъ, неожиданномъ для той эпохи направленіи. При свѣжихъ перспективахъ старые интересы, раздѣлявшіе главныхъ дѣятелей литературы на противоположные лагери, выступали, наконецъ, въ солидныхъ, импозантныхъ формахъ, допускающихъ чисто логическое обсужденіе съ разныхъ объективныхъ и доступныхъ точекъ зрѣнія. Майковъ придалъ національному вопросу, на первыхъ порахъ своей литературной дѣятельности, характеръ научной теоремы, необходимой для завершенія, для полнаго округленія соціальной философіи. Вотъ несомнѣнная заслуга этого рано умершаго писателя, не обладавшаго крупнымъ литературнымъ талантомъ, по своему сухому, разсудочному темпераменту мало подходившаго для роли эстетическаго критика, но по всему своему умственному складу несомнѣнно призваннаго для университетской каѳедры. Это педантическое разграниченіе между отдѣльными науками одной и той-же категоріи, съ полнымъ изгнаніемъ изъ нихъ жгучаго, идейно-протестантскаго элемента, эти увѣренныя разсужденія о правѣ съ узко-формальной, государственной точки зрѣнія, это схоластическое пониманіе самой задачи соціологіи, представленной въ видѣ какой-то высшей контрольной палаты по вопросамъ

трехъ различныхъ порядковъ—все это, вмѣстѣ взятое, даетъ характерную физіономію молодого двигателя образованія въ узкой рамкѣ патріотической педагогики и казенныхъ предначертаній. При всей симпатіи къ новымъ обобщеніямъ, Майковъ не поднимался надъ уровнемъ обычной посредственной учености, которая не могла оставить глубокаго слѣда въ развитіи общества. Его идеи, изложенныя въ его первыхъ статьяхъ, возбудивъ вниманіе въ небольшомъ кругу журнальныхъ дѣятелей, очень скоро совершенно затерялись и даже, въ измѣненномъ видѣ, не пустили никакихъ корней въ публицистической и философской литературѣ Россіи. При внѣшнихъ признакахъ новаторства, въ работахъ Майкова не было большого внутренняго содержанія и той острой научной критики, которая отъ общихъ положеній быстро обращается къ частнымъ фактамъ, чтобы на нихъ, съ художественной рельефностью, освѣтить и оправдать извѣстную теорію, извѣстную систему понятій. Мысли его, при схематической стройности, не сплочены внутренней психологической силой, страстно прочувствованнымъ убѣжденіемъ, которое во всѣхъ формахъ личной и общественной жизни ищетъ отраженія неизмѣнныхъ началъ мірового процесса, тѣхъ общечеловѣческихъ теченій, которыя проходятъ черезъ души цѣльныхъ и яркихъ людей, независимо отъ степени ихъ образованія и литературнаго таланта.

Мы уже видѣли, съ какими педантическими ограниченіями Майковъ разсмотрѣлъ и очертилъ аналитическую работу соціальной философіи. Отдѣльныя ея части оказались совершенно формальными, блѣдными науками съ случайнымъ направленіемъ понятій, опредѣляемымъ внѣшними историческими силами. Сама соціальная философія получила, въ его изложеніи, характеръ внѣшняго надзора за дѣятельностью этихъ наукъ въ узко отмежеванныхъ границахъ. Но на этомъ не остановилась ограничительная тенденція Майкова въ важной области научнаго разбора общественныхъ явленій. Въ ученіи о соціальномъ синтезѣ, искусственно сведенномъ къ идеѣ народности, вся его философія становится источникомъ мертвящихъ принциповъ, оплотомъ рутинныхъ взглядовъ и оправданіемъ грубыхъ шовинистическихъ инстинктовъ малокультурныхъ народовъ. Наука, которая, по природѣ своей, должна вырабатывать только идеи высшаго міроваго порядка, суженная поверхностнымъ анализомъ въ самомъ центрѣ философскаго изслѣдованія, въ заключительныхъ соображеніяхъ сведена къ фабрикаціи какихъ-то рецептовъ мѣстнаго благоустройства, составляющаго самостоятельную часть общечеловѣческаго благоустройства. Политическая экономія должна имѣть строго-національный характеръ. Понятія о правѣ и справедливости видоизмѣняются для каждаго отдѣльнаго народа. Даже нравственные идеалы, которые, несомнѣнно, должны были-бы представлять незыблемый устой среди мѣняющихся вѣяній исторіи, подчинены національнымъ и расовымъ особенностямъ. Въ умственномъ развитіи чело-

вѣчества не оказывается ничего объединяющаго, міровового, стоящаго выше случайныхъ народныхъ стремленій и направляющаго культуру къ вѣчнымъ идеальнымъ цѣлямъ. Приписавъ ошибочное значеніе національной идеѣ, Майковъ не разгадалъ и не открылъ ея истинной природы. Не давая матеріала для заключительныхъ обобщеній соціальной науки, которыя соединяютъ ее съ общими, основными философскими понятіями, идея народности представляетъ громадный интересъ въ другомъ, психологическомъ отношеніи, на который Майковъ не обратилъ никакого вниманія. Сказавъ однажды, что народность заключается въ духѣ, а не въ формахъ быта, онъ при этомъ не далъ понять, что подъ духомъ здѣсь слѣдуетъ разумѣть исключительно народный *темпераментъ*, сферу чувствъ, оригинальныхъ настроеній, оттѣняющихъ общечеловѣческія стремленія и идеи въ данной умственной и соціальной средѣ. Національность—не въ различіи понятій, не въ разнообразіи нравственныхъ и философскихъ взглядовъ, исходящихъ изъ общечеловѣческихъ духовныхъ источниковъ, а только въ характерѣ, въ темпѣ внутреннихъ волненій и ощущеній, сопровождающихъ каждое духовное воспріятіе, каждый порывъ ума къ универсальной истинѣ. При единствѣ общечеловѣческихъ идей справедливости и свободы, при коренномъ сходствѣ въ идеалахъ красоты и совершенства, разные народы постоянно вносятъ индивидуальный колоритъ въ свою историческую работу, въ произведенія своихъ лучшихъ и характернѣйшихъ художественныхъ талантовъ. Общія міровыя идеи, стѣсненныя опредѣленными бытовыми условіями, границами тѣхъ или другихъ расовыхъ и психическихъ индивидуальностей, выступаютъ, въ переработкѣ отдѣльныхъ народовъ, односторонними типическими явленіями единаго духовнаго порядка. Вотъ въ какомъ смыслѣ умѣстно говорить объ идеѣ народности: она имѣетъ значеніе для чисто психологическаго пониманія душевной жизни массъ, какъ идея индивидуальности, она можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ при изученіи исторіи отдѣльныхъ обществъ, создаваемой борьбою инстинктовъ, чувствъ и страстей, она даетъ возможность проникнуть въ капризныя, подвижныя формы творчества, отвѣчающія интимнымъ особенностямъ отдѣльныхъ темпераментовъ. Давая ключъ къ объясненію того, что создается непосредственными чувствами и симпатіями, она не можетъ быть руководящимъ принципомъ при оцѣнкѣ явленій, имѣющихъ умственное, теоретическое значеніе. Только въ жизненномъ и художественномъ воплощеніи общечеловѣческихъ идей естественно проявляется индивидуальное разнообразіе, ибо каждое выраженіе безплотной по природѣ мысли неизбѣжно принимаетъ рельефность и яркость оригинальнаго колорита вмѣстѣ съ ограниченностью и условностью всякой чувственной формы. Но по скольку національная печать отмѣчаетъ *теоретическія* идеи извѣстнаго порядка, по стольку она извращаетъ значеніе этихъ идей, потому что

въ области духа, въ области отвлеченной мысли не должно быть и не можетъ быть двухъ истинъ по отношенію къ одному и тому-же предмету.

Для полноты характеристики Майкова въ этомъ моментѣ его литературной дѣятельности отмѣтимъ нѣсколькими критическими замѣчаніями то, что имъ сказано о свойствахъ русскаго ума. Съ чувствомъ особаго патріотическаго удовлетворенія Майковъ, какъ мы видѣли, усматриваетъ въ русскомъ народѣ гармоническое сочетаніе аналитическихъ и синтетическихъ «воззрѣній». При ненависти къ ничтожному остроумію и блистательной фразеологіи, русскій человѣкъ счастливо соединилъ въ себѣ умѣніе разлагать каждое явленіе на части и затѣмъ вновь соединять эти части по строго-логическому, трезвому методу. Такова наивная, не глубокая, хотя пылкая характеристика, вышедшая изъ подъ пера молодого фактическаго редактора «Финскаго Вѣстника». Изгоняя изъ своихъ разсужденій строго научное представленіе о внѣ-опытныхъ, мистическихъ элементахъ духовной жизни и сведя всю дѣятельность человѣческаго ума къ какому-то внѣшнему процессу, Майковъ не могъ заглянуть въ глубь индивидуальности русскаго народа. Если принять характеристику Майкова, то пришлось-бы допустить, что въ Россіи находятся на одинаковой высотѣ и то, что производится аналитическою работою человѣка, и то, что создается его синтетическими силами. Можно подумать, что русское художественное творчество и русская культура стоятъ на одинаковомъ уровнѣ развитія. Политическая исторія русскаго общества и русская политическая наука, если вѣрить Майкову, если держаться его поверхностно-оптимистическаго взгляда, должны представлять цѣлый рядъ тріумфовъ, свидѣтельствующихъ о несокрушимомъ житейскомъ и теоретическомъ анализѣ русскаго ума. Искусство, для котораго прежде всего требуется своеобразное воспріятіе дѣйствительности въ непосредственномъ идеальномъ свѣтѣ сознанія, искусство, которое начинается синтезомъ, продолжается синтезомъ и никогда не переходитъ въ разсудочный послѣдовательный анализъ, искусство, запечатлѣнное, въ своихъ краскахъ и формахъ, оригинальностью характера и темперамента—вотъ въ чемъ обнаружилась истинная духовная сила русскаго общества. При бѣдной культурѣ, двигающейся робкими и невѣрными путями, при крайней ограниченности политической мысли, при убожествѣ и грубости публицистическихъ орудій, при общей банальности и мелкости научно-философскихъ пріемовъ и стремленій, одно только русское поэтическое творчество представляетъ законченное самобытное явленіе, имѣющее общечеловѣческое, міровое значеніе. Анализъ не показалъ себя до сихъ поръ въ Россіи сколько-нибудь замѣтной, развитой способностью. Въ области гуманитарныхъ знаній, ведущихъ общество по пути нравственнаго и умственнаго прогресса, мы не имѣемъ еще до настоящей минуты ни одного особенно крупнаго факта, который

могъ-бы выдержать сравненіе съ однородными проявленіями могущественнаго анализа европейской мысли. Русская соціальная наука влачится въ прахѣ, цѣпляясь за самыя поверхностныя теченія въ культурной жизни другихъ народовъ, раболѣпствуя передъ собственными ничтожными кумирами, постоянно приснащаясь къ случайнымъ публицистическимъ интересамъ. Русская философская мысль до сихъ поръ еще находится подъ запретомъ у коноводовъ журнальной печати, испуганно содрагаясь отъ крикливыхъ, нагло-невѣжественныхъ обвиненій въ склонности къ метафорическимъ берднямъ. Гдѣ-же можно открыть, хотя-бы теперь, черезъ полвѣка послѣ громкаго заявленія Майкова, какіе-нибудь яркіе слѣды настоящаго научнаго анализа, плодотворной умственной работы, соединяющей въ себѣ обѣ стороны человѣческаго мышленія, захватывающей въ одномъ цѣльномъ построеніи результаты синтеза и анализа? Гдѣ доказательства того, что русская натура обладаетъ такими разносторонними духовными способностями, такой «энергичной смѣлостью» при органической симпатіи къ строгой правдѣ, если даже въ практической сферѣ всѣ ея прогрессивныя стремленія сводятся къ какимъ-то жалкимъ, быстро проходящимъ, «благимъ порывамъ»?..

Теперь мы исчерпали все, что относится къ соціальной философіи въ разсужденіяхъ Майкова. Анализъ, синтезъ, вопросъ о національности въ его теоретической постановкѣ и частный вопросъ о характерныхъ свойствахъ русской народности — эти различныя темы и составляютъ главное содержаніе обширной статьи Майкова «Общественныя науки въ Россіи». Съ этими мыслями, безъ посредствующаго эстетическаго звена, было бы невозможно прямо обратиться къ предмету настоящей литературной критики, и вотъ мы находимъ въ отрывкахъ Майкова, не напечатанныхъ въ свое время, но обнародованныхъ, какъ мы уже сказали, въ полномъ собраніи его работъ, нѣсколько мыслей, получившихъ дальнѣйшее развитіе въ его слѣдующихъ статьяхъ. Майковъ, на двухъ страницахъ, дѣлаетъ первый набросокъ своей эстетической теоріи. Онъ старается отмѣтить главный типическій признакъ искусства внѣ опредѣленій «школьной эстетики». Изящно все то, говоритъ онъ, что только производитъ *какое-нибудь* впечатлѣніе на человѣческое чувство. «Изящное произведеніе тѣмъ и отличается отъ другихъ произведеній свободной дѣятельности духа, что дѣйствуетъ на чувство, и что безъ того оно не было бы изящнымъ». Наука обращается къ уму и никто не можетъ требовать, чтобы она управляла волею и «раздражала чувство». Истины, добытыя путемъ научнаго изслѣдованія, не дѣйствуя «на чувствительную сторону человѣческой души», не производятъ никакого вліянія и на нравственность. Аполлонъ Бельведерскій ничего собою не доказываетъ, ни къ чему не подвигаетъ, но «смотря на этотъ антикъ, вы трепещете отъ восторга, видя передъ собой осуществленіе душевной и тѣлесной

красоты». Онъ до основанія поражаетъ нашу чувствительность. Въ опровержение этого взгляда на искусство часто приводятъ, замѣчаетъ Майковъ, примѣры такихъ произведеній, которые въ одно время удовлетворяютъ и требованіямъ ума, и требованіямъ изящнаго. Утверждаютъ, что писатель можетъ и доказывать и плѣнять художественностью формы. Но такое представленіе Майковъ считаетъ совершенно ложнымъ: «поэзія, говоритъ онъ, доказательствъ не терпитъ, ибо доказательство необходимо приводитъ къ чистой мысли, разоблаченной отъ жизненныхъ формъ»... *) Вотъ вкратцѣ эстетическіе взгляды, выраженные Майковымъ въ статьѣ его «Общественныя науки въ Россіи», взгляды, представляющіе, несмотря на отсутствіе пространныхъ доказательствъ, нѣкоторый литературный интересъ.

Не углубляясь пока въ критику этой эстетической теоріи, укажемъ ея главные общіе недостатки. *Во-первыхъ*, опредѣленіе изящнаго, сдѣланное Майковымъ, не заключаетъ въ себѣ типическихъ признаковъ художественнаго произведенія и въ то же время не выдѣляетъ его изъ необъятной сферы явленій, такъ или иначе дѣйствующихъ на наше чувство. Нельзя считать изящнымъ *все* то, что производитъ на насъ *какое-нибудь* впечатлѣніе. Наши впечатлѣнія разнообразны, какъ міръ. Наши чувства приходятъ въ движеніе по самымъ различнымъ мотивамъ, потому что нѣтъ такого явленія, которое, вступая въ нашу душу съ большей или меньшей силой, не вызвало бы волненія въ области нашихъ ощущеній. Волненіе эстетическое имѣетъ свою собственную окраску, тенденцію, и задача эстетики заключается именно въ томъ, чтобы точно опредѣлить его природу. Но отъ такой научной постановки вопроса Майковъ, по крайней мѣрѣ въ данномъ разсужденіи, стоялъ очень далеко. *Во-вторыхъ*, нельзя не признать крайне одностороннимъ понятіе объ изящномъ, какъ о чемъ-то радикально отличномъ отъ истиннаго. Майковъ не уразумѣлъ, что изящное есть только *правильное воплощеніе* истиннаго. Вынимая изъ художественнаго произведенія разумный элементъ, который не можетъ не дѣйствовать на сознаніе, двигать его въ ту или другую сторону, возбуждать въ немъ, вмѣстѣ съ кипѣніемъ чувствъ, діалектическую работу и борьбу различныхъ идей и понятій, Майковъ опять обнаруживаетъ непониманіе синтетическаго характера художественнаго процесса. Безсознательно развертываясь въ произведеніяхъ искусства, выступая въ полномъ сліяніи съ опредѣленною внѣшнею формою, идеи составляютъ душу всякаго художественнаго творенія и, по самой своей природѣ, могутъ быть постигнуты только сознаніемъ. Именно въ этомъ и заключается отличительный характеръ эстетическихъ чувствъ, ихъ идейнымъ происхожденіемъ и объясняется ихъ возвышенность и утон-

*) «Критическіе опыты», стр. 613.

ченность, находящаяся въ прямомъ отношеніи къ степени умственной и нравственной культурности человѣка. Не терпя никакихъ разсудочныхъ доказательствъ, искусство полно жгучей діалектики, овладѣвающей умомъ съ властною, ничѣмъ непобѣдимою силою.

Мы оставимъ безъ вниманія двѣ совершенно незначительныхъ замѣтки Майкова о кн. Одоевскомъ и Тургеневѣ въ библіографическомъ отдѣлѣ «Финскаго Вѣстника» и перейдемъ къ новому и послѣднему періоду его литературной дѣятельности—въ «Отечественныхъ Запискахъ».

III.

За годъ до отъѣзда въ Зальцбруннъ, Бѣлинскій разорвалъ съ «Отечественными Записками» и собиралъ труды друзей своихъ для обширнаго альманаха «Левіаѳанъ». Тургеневъ, разсказываетъ Анненковъ, былъ изъ первыхъ, обѣщавшихъ Бѣлинскому свою лепту, а между тѣмъ, по лукавству, составляющему обычное явленіе въ литературныхъ кружкахъ, онъ вовсе не искалъ и не хотѣлъ конечной гибели «Отечественныхъ Записокъ» *). Сочувствуя, какъ начинающему писателю, В. Майкову, Тургеневъ свелъ его съ Краевскимъ, который и поручилъ ему главныя части критическаго отдѣла своего журнала. Эстетика Майкова, замѣчаетъ Анненковъ, построенная на этнографическихъ данныхъ, могла дать окраску этому либеральному изданію, и пятнадцать мѣсяцевъ усерднаго участія Майкова въ «Отечественныхъ Запискахъ», съ апрѣля 1846 г. по іюль 1847 г., до нѣкоторой степени поддерживало ихъ старую репутацію, не смотря на переходъ Бѣлинскаго въ «Современникъ». Майковъ возбудилъ своими статьями, которыя именно теперь пріобрѣли болѣе или менѣе яркій колоритъ, довольно оживленныя пренія въ журнальныхъ кругахъ, вновь и съ особенною силою поставилъ и разрѣшилъ старый вопросъ о народности, подробно и ясно изложилъ эстетическое ученіе, отличающееся кореннымъ образомъ отъ теоретическихъ воззрѣній Бѣлинскаго въ этомъ послѣднемъ періодѣ его литературной дѣятельности. Публика, знакомая со статьею Майкова въ «Финскомъ Вѣстникѣ», знала его общія соціальныя идеи, но вовсе не могла подозрѣвать въ немъ какія-нибудь опредѣленныя критическія стремленія въ области эстетическихъ вопросовъ. За исключеніемъ двухъ—трехъ фразъ, въ которыхъ говорится, что никакая «новая мысль не можетъ быть выражена эстетически», что поэзія не терпитъ доказательствъ и что задача истиннаго художника заключается въ томъ, чтобы глубоко прочувствовать общую идею вѣка и творчески воплотить ее «въ животрепещущій образъ», за исключеніемъ этихъ и нѣкоторыхъ

*) *П. В. Анненковъ.* Молодость И. С. Тургенева, «Вѣстникъ Европы», 1884. № 2, стр. 466.

другихъ попутныхъ. случайныхъ замѣчаній, въ первыхъ работахъ Майкова нельзя найти ничего опредѣленнаго. яснаго, твердаго на тему объ искусствѣ. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» литературная дѣятельность Майкова, за выбытіемъ изъ состава редакціи Бѣлинскаго, должна была развернуться шире—именно въ сферѣ эстетическихъ вопросовъ. Приходилось постоянно отвлекаться отъ предметовъ юридическихъ и экономическихъ, всего болѣе отвѣчавшихъ его внутреннимъ склонностямъ, чтобы давать своевременные отчеты о явленіяхъ чисто литературныхъ, о художественныхъ произведеніяхъ, сколько нибудь выдѣляющихся по таланту и значительности идейнаго содержанія. Около такихъ произведеній и явленій яркое дарованіе Бѣлинскаго достигло вершины своего развитія, и писатель, который рѣшился занять его мѣсто на страницахъ одного изъ самыхъ видныхъ органовъ того времени, долженъ былъ явиться передъ публикой съ опредѣленными эстетическими убѣжденіями и художественными симпатіями. Надо было обнаружить извѣстную систему понятій и тонкій вкусъ, дѣйствующій не безотчетно, не по капризу авторскихъ пристрастій, а по опредѣленному критическому принципу, доступному для спора и возраженій съ какихъ нибудь другихъ точекъ зрѣнія. Майковъ, повидимому, хорошо понималъ отвѣтственность своего положенія въ качествѣ перваго критика журнала. Съ первыхъ же шаговъ онъ старается, по разнымъ важнымъ и неважнымъ поводамъ, занять извѣстную позицію по отношенію къ задачамъ искусства, разбирая современныя произведенія художественнаго и поэтическаго творчества. давая мимолетныя характеристики выходящимъ книгамъ. Онъ пишетъ о Жадовской, высмѣиваетъ стихотворныя упражненія В. Аскоченскаго, набрасываетъ нѣсколько неувѣренную, хотя въ общемъ сочувственную рецензію на сборникъ А. Плещеева и довольно часто распространяется объ историческихъ судьбахъ русской литературы, о Пушкинѣ, Лермонтовѣ. Онъ проводитъ параллель между Гоголемъ и Достовскимъ. адресуетъ нѣсколько похвальныхъ замѣчаній Герцену, выражаетъ скорбь, съ оттѣнкомъ возмущенія и протеста, о томъ что бездарныя вирши, «порожденія самолюбивой затѣйливости», часто вытѣсняютъ такія истинно талантливыя поэтическія произведенія, какъ стихотворенія Тютчева. Рядомъ съ краткими оцѣнками отдѣльныхъ эстетическихъ явленій, мы постоянно встрѣчаемся въ статьяхъ Майкова этого періода съ пространными разсужденіями теоретическаго характера. Не умѣя сгущать выраженія своихъ мыслей и постоянно прибѣгая къ разнымъ малозначащимъ историческимъ иллюстраціямъ, Майковъ теперь окончательно развиваетъ передъ читателемъ опредѣленное ученіе объ искусствѣ и творчествѣ, стоящее повидимому въ принципіальномъ противорѣчіи съ утилитарными взглядами Бѣлинскаго—почти наканунѣ его смерти. Онъ не только не измѣняетъ своимъ научнымъ симпатіямъ, какъ онѣ опредѣлились въ разсмотрѣнныхъ статьяхъ «Карманнаго Словаря» и

«Финскаго Вѣстника», но еще съ большею увѣренностью провозглашаетъ великое значеніе аналитическаго метода, какъ онъ его понялъ. Онъ нашелъ приложеніе своимъ понятіямъ, воспитаннымъ въ школѣ формальныхъ юридическихъ опредѣленій, и отнынѣ его журнальная дѣятельность направляется къ двумъ, не совсѣмъ однороднымъ цѣлямъ. Продолжая начатыя работы, онъ завершаетъ свою эстетическую теорію и окончательно перестраиваетъ прежнюю теорію народности, подробно разобранную нами выше.

Главныя мысли Майкова объ искусствѣ собрались въ статьѣ его о Кольцовѣ. Обширная и растянутая, статья эта трактуетъ о многихъ предметахъ, но ея главное содержаніе можетъ быть разбито на двѣ части. Въ первой говорится о тайнѣ художественнаго творчества, во второй — о народности въ жизни и литературѣ. Послѣ длинныхъ разсужденій о классицизмѣ и романтизмѣ, Майковъ, установивъ свое отношеніе къ критикѣ Бѣлинскаго, которую онъ обвиняетъ въ отсутствіи опредѣленныхъ, неизмѣнныхъ научныхъ доказательствъ, въ безсознательномъ стремленіи къ диктаторству, переходитъ къ чисто теоретическимъ вопросамъ. Онъ проводитъ твердое разграниченіе между явленіями, входящими въ область искусства и явленіями, относящимися къ научной сферѣ. Никоимъ образомъ не слѣдуетъ смѣшивать вещей занимательныхъ съ тѣмъ, что волнуетъ наше *чувство*. Все, лежащее внѣ насъ, не сродное съ нами по природѣ, все, надѣленное собственною, еще не ясною для насъ индивидуальностью—все это возбуждаетъ любознательность, мучитъ и манитъ насъ въ даль, пока таинственное не становится яснымъ, отдаленное близкимъ и понятнымъ. Въ этой области дѣйствуетъ наука, постоянно разъясняя то, что подстрекнуло любопытство, возбудило интересъ ума, въ извѣстномъ направленіи. Вотъ гдѣ не можетъ проявиться никакое поэтическое творчество, требующее иного матеріала, иныхъ силъ, иныхъ горизонтовъ. Искусство имѣетъ дѣло съ тѣмъ, что *симпатично*, сродно съ нашими человѣческими интересами, тождественно съ нами по существу. Мы умѣемъ сочувствовать только тому, въ чемъ нашли самихъ себя. Мы восторгаемся природою, потому что ощущаемъ ее внутри себя. Нѣтъ на свѣтѣ ни одного неизящнаго, неплѣнительнаго предмета, если только художникъ, изображающій его, обладаетъ достаточнымъ талантомъ, чтобы отдѣлить въ немъ «безразличное отъ симпатическаго», чтобы не смѣшать «симпатическаго съ занимательнымъ». Въ искусствѣ все дѣло не въ художественности формъ, которыя никогда не могутъ быть лучше живыхъ формъ дѣйствительности, въ какихъ она движется передъ нашими глазами, а въ поэтической мысли, радикально отличной отъ научно-дидактической мысли. Всякая художественная идея никогда не выливается въ форму сухого, разсудочнаго силлогизма, не заключаетъ въ себѣ никакого доказательства и вліяетъ на насъ своими общечеловѣче-

скими, симпатическими свойствами. Художественная идея рождается въ формѣ живой любви или живого отвращенія отъ предмета изображенія, У великихъ талантовъ каждая поэтическая черта одушевлена человѣческимъ чувствомъ. Истинный художникъ умѣетъ открывать присутствіе человѣческаго интереса въ томъ мірѣ явленій, которымъ занято его воображеніе. Мы не можемъ прослѣдить, какъ возникаетъ и какъ затѣмъ выражается художественная мысль въ опредѣленной формѣ, но для научной эстетики достаточно, что она въ правѣ установить слѣдующую несомнѣнную истину: «тайна творчества состоитъ въ способности вѣрно изображать дѣйствительность съ ея симпатической стороны, иными словами: художественное творчество есть пересозданіе дѣйствительности, совершаемое не измѣненіемъ ея формъ, а возведеніемъ ихъ въ міръ человѣческихъ интересовъ, въ поэзію» *).

Вотъ въ общихъ словахъ главныя черты новой эстетической теоріи Майкова. Искусство не имѣетъ дѣла съ тѣмъ, что занимательно, тайна его воздѣйствія на людей заключается въ томъ, что оно воспроизводитъ дѣйствительность съ ея симпатической стороны, что оно гуманизируетъ ее, переводитъ ее въ сферу человѣческихъ интересовъ. Въ искусствѣ не должно быть никакой дидактики, потому что сухое логическое разсужденіе убиваетъ всѣ виды чистой поэзіи, даже сатиру, въ которой привыкли искать назиданія и поученія. Современная эстетика разъ навсегда отказалась «отъ титла руководительницы» художественныхъ талантовъ, сфера ея вліянія ограничивается исключительно «опытнымъ изслѣдованіемъ обстоятельствъ, сопровождающихъ зачатіе, развитіе и выраженіе художественной мысли» **). О самой художественной идеѣ, въ отличіе ея отъ идеи научно-дидактической, Майковъ высказывается съ нѣкоторой сбивчивостью, при всей рѣшительности отдѣльныхъ фразъ. На одной и той же страницѣ говорится, что всякая поэтическая идея рождается въ формѣ живой любви или отвращенія отъ предмета изображенія и тутъ же, черезъ нѣсколько строкъ, прибавляется новый оттѣнокъ къ ея опредѣленію. Художественная *мысль*, говоритъ Майковъ, есть ничто иное, какъ *чувство* тождества, чувство общенія какой бы то ни было дѣйствительности съ человѣкомъ. Очевидно, Майковъ не дѣлаетъ никакого различія между поэтической идеей и поэтическимъ чувствомъ. Если прибавить къ этимъ опредѣленіямъ задачи и цѣли искусства соображенія Майкова о томъ, что художественное творчество не допускаетъ никакой копировки внѣшняго міра, мы будемъ имѣть все его эстетическое ученіе, въ полномъ объемѣ его главныхъ и второстепенныхъ положеній. Борьба съ дидактикой и открытіе симпатическихъ силъ искусства — вотъ тѣ новые принципы, которыми Майковъ хотѣлъ, повидимому, оказать рѣши-

*) «Критическіе опыты», стр. 44.

**) Ibidem. Нѣчто о русской литературѣ въ 1846 г., стр. 342.

тельное научное сопротивленіе начавшемуся въ журналистикѣ броженію утилитарныхъ понятій. Оградивъ искусство отъ чуждыхъ ему элементовъ, Майковъ въ то же время указываетъ ему высокую задачу въ области живыхъ человѣческихъ интересовъ. Однако, если внимательно присмотрѣться къ этому ученію, легко замѣтить въ немъ недостатки философскаго характера, имѣющіе немаловажное значеніе. *Во-первыхъ*, самое дѣленіе предметовъ на занимательные и симпатическіе, играющее въ теоріи Майкова первенствующую роль, надо признать совершенно условнымъ. Какъ мы уже говорили, все, что входитъ въ сознаніе человѣка, что интересуетъ его въ томъ или другомъ отношеніи, не можетъ не произвести извѣстнаго впечатлѣнія на чувство. Въ каждомъ актѣ познанія міръ открывается намъ съ «симпатической» стороны, т. е. со стороны, задѣвающей и волнующей нашу душу. Научное изслѣдованіе извѣстныхъ явленій такъ же овладѣваетъ нашими чувствами, какъ и художественное воспроизведеніе природы, тѣхъ или другихъ событій въ жизни людей. Когда мы говоримъ о тѣлѣ, замѣчаетъ Жуковскій въ письмѣ своемъ къ Гоголю, мы можемъ опредѣленно означать каждую отдѣльную его часть. Но когда мы говоримъ: умъ, воля, мы разными именами означаемъ одно и то же—всю душу, нераздѣлимо дѣйствующую въ каждомъ частномъ случаѣ. Но если-бы искусство поражало только чувство, оно не могло бы имѣть такого широкаго культурнаго значенія, какое оно имѣетъ въ развитіи каждаго общества. *Во-вторыхъ*, характеристика творческаго процесса вышла у Майкова крайне узкою, недостаточною для борьбы съ утилитарными представленіями о задачѣ искусства. Въ этой характеристикѣ особенно ярко выступилъ его ошибочный взглядъ на самую природу художественнаго процесса, въ которомъ синтезъ является въ дѣйствительности настоящею творческою силою. Майковъ выдвигаетъ на первый планъ вопросъ о человѣческихъ интересахъ, съ которыми должно слиться всякое художественное произведеніе. Но понятіе о человѣческихъ интересахъ, не развитое философскимъ образомъ, даже не связанное въ разсужденіи Майкова съ какимъ нибудь опредѣленнымъ психологическимъ содержаніемъ, даетъ совершенно случайное мѣрило при оцѣнкѣ истинно талантливыхъ созданій искусства. Художникъ долженъ изображать, говорится въ вышеупомянутомъ письмѣ Жуковскаго, не одну собственную человѣческую идею, не одну свою душу, но широкую міровую идею, проникающую все доступное нашему созерцанію. Задумавъ бороться съ дидактикой, Майковъ не сумѣлъ, однако, возвыситься до теоріи настоящаго свободнаго искусства, которое не только не подчиняется никакимъ временнымъ человѣческимъ интересамъ, но и самые эти интересы подчиняетъ непреходящимъ объективнымъ цѣлямъ и міровымъ принципамъ красоты и правды. Мало изгонять изъ искусства холодное резонерство. Надо показать его важную философскую задачу въ цѣльной системѣ,

отражающей самыя таинственныя, безкорыстныя, вдохновенныя стремленія человѣческой души. *Въ-третьихъ*, наконецъ, дѣленіе идей на художественныя и дидактическія представляется искусственнымъ, формальнымъ дѣленіемъ, лишеннымъ истинно научнаго и эстетическаго значенія. Всѣ безъ исключенія идеи могутъ быть предметомъ искусства: онѣ становятся художественными, поэтическими, когда получаютъ гармоническое, правильное, не случайное выраженіе въ опредѣленной конкретной формѣ. Майковъ не придаетъ значенія тому, что въ искусствѣ стоитъ на первомъ планѣ, какъ его внѣшняя природа. Художественныя формы, говоритъ онъ, всегда останутся тождественными съ формами дѣйствительности. Но въ томъ-то и дѣло, что между искусствомъ и дѣйствительностью нѣтъ *такого* соотвѣтствія и каждый предметъ, перенесенный изъ внѣшняго міра на полотно, въ литературное произведеніе, высѣченный изъ мрамора, совершенно преображается въ идеальный, законченный, символическій образъ. Если въ мірѣ грубыхъ фактовъ нашего внѣшняго опыта, въ мірѣ жизненныхъ явленій мы можемъ еще не видѣть и не чувствовать за ними присутствія высшей духовной стихіи, то, обращаясь къ произведеніямъ человѣческаго творчества, мы неизбѣжно соприкасаемся и разумомъ, и чувствами съ верховными силами и законами, съ животрепещущимъ воплощеніемъ безусловной истины. Не понявъ дѣйствительныхъ свойствъ ни обыденнаго, ни научнаго синтеза, Майковъ не могъ оцѣнить и синтеза художественнаго, которымъ въ каждое произведеніе вносится цѣлое міросозерцаніе, рядъ эстетическихъ и нравственныхъ понятій, высоко поднимающихъ всѣ его образы, все повѣствованіе надъ повседневными явленіями жизни. Идеи, влагаемыя художникомъ въ его творенія, суть тѣ же самыя идеи, которыя разрабатываются въ наукѣ, приводятся въ систему въ философіи, которыя становятся дидактическими въ сухомъ логическомъ разсужденіи. Выраженныя въ поэтической формѣ, онѣ получаютъ какъ бы живое индивидуальное существованіе и говорятъ одновременно и воображенію, и чувству, и разуму.

Подходя съ своими позитивными эстетическими взглядами къ различнымъ явленіямъ русской словесности, Майковъ не далъ ни одной настоящей характеристики, которая могла бы остаться въ литературѣ, какъ образецъ таланта и тонкаго критическаго вкуса. О Пушкинѣ онъ не сумѣлъ сказать ни одного яркаго, оригинальнаго слова, хотя вся дѣятельность Бѣлинскаго, полная противорѣчій въ этомъ вопросѣ, должна была бы возбудить на работу его лучшія умственныя силы, если бы онъ былъ созданъ для настоящаго литературно-критическаго дѣла. Лермонтова онъ сравниваетъ съ Байрономъ на томъ основаніи, что произведенія обоихъ «выражаютъ собою анализъ и отрицаніе людей, дошедшихъ до того и другого путемъ борьбы, страданія и скорбныхъ утратъ». Гого-

лемъ Майковъ занимается во многихъ замѣткахъ. Онъ считаетъ его главнымъ представителемъ новѣйшаго русскаго искусства, основателемъ натуральной школы, въ произведеніяхъ котораго «торжество русскаго анализа, анализа мощнаго, безтрепетнаго и торжественно-спокойнаго» достигло своего апогея. Собраніе сочиненій Гоголя Майковъ, съ чувствомъ наивнаго удовлетворенія, называетъ «художественной статистикой Россіи». Его разсужденія о Достоевскомъ, о Герценѣ—при всемъ его глубокомъ сочувствіи къ этимъ писателямъ, не обнаруживаютъ никакой особенной проницательности. Слѣдуетъ, между прочимъ, замѣтить, что не понявъ существеннаго тождества дидактическихъ и художественныхъ идей, отрицая въ искусствѣ чисто-идейное содержаніе и усматривая на примѣрахъ съ беллетристическими произведеніями какое то противорѣчіе съ основными своими убѣжденіями, Майковъ рѣшился создать по этому случаю новую *полу-дидактическую*, смѣшанную форму искусства. На этой фальшивой почвѣ не было никакой возможности глубоко постигнуть и осмыслить тотъ новый, широко развившійся впослѣдствіи родъ творчества, которому присвоено названіе романа. Наконецъ, характеристика Кольцова, несмотря на пространность, не отличается ни глубиною, ни мѣткостью. «Думы» Кольцова онъ совершенно отвергаетъ, какъ «неудачныя попытки самоучки замѣнить истину, къ которой стремился, призраками, которые для самого его имѣли силу кратковременно дѣйствующаго дурмана». Бѣлинскому Майковъ, какъ мы видѣли, дѣлаетъ упреки за стремленіе къ диктаторству и споритъ съ нимъ, между прочимъ, по случайному вопросу о терминѣ «геніальный талантъ».

Остается разсмотрѣть еще новую теорію народности, предложенную Майковымъ въ той-же статьѣ о Кольцовѣ, оттѣненную нѣкоторыми отдѣльными замѣчаніями въ другихъ его статьяхъ библіографическаго отдѣла «Отечественныхъ Записокъ». По прошествіи одного только года, взгляды Майкова измѣнились самымъ радикальнымъ образомъ. Теперь онъ иначе опредѣляетъ значеніе идеи народности въ развитіи человѣчества, передѣлываетъ всѣ прежніе выводы и является защитникомъ безусловнаго космополитизма. Не заботясь о приведеніи въ надлежащую систему своихъ воззрѣній на соціальную философію, въ связи съ новыми своими мыслями, онъ идетъ теперь совершенно другимъ путемъ, излагаетъ свои убѣжденія безъ малѣйшихъ ссылокъ на прежнія научно-философскія теоремы. Разсужденія Майкова пріурочены къ вопросу о томъ, можно-ли считать Кольцова національнымъ поэтомъ, что такое народность въ литературѣ и духъ народности въ жизни отдѣльныхъ людей. Майковъ слѣдующимъ образомъ разрѣшаетъ всѣ сомнѣнія, возникавшія и возникающія на этой почвѣ, и въ заключеніе формулируетъ новый законъ, до сихъ поръ не оцѣненный, какъ онъ говоритъ, этнографами, но вполнѣ выражающій собою «отношеніе національныхъ

особенностей къ человѣчности и указывающій на путь, по которому народы стремятся къ идеалу». Вотъ его собственныя слова, напечатанныя въ «Отечественныхъ Запискахъ» особеннымъ, крупнымъ шрифтомъ. «Каждый народъ, говоритъ Майковъ, имѣетъ двѣ физіономіи. Одна изъ нихъ діаметрально противоположна другой: одна принадлежитъ большинству, другая—меньшинству. Большинство народа всегда представляетъ собою механическую подчиненность вліянію климата, мѣстности, племени и судьбы. Меньшинство-же впадаетъ въ крайность отрицанія этихъ явленій» *). Обѣ эти крайности—типическія черты народныхъ массъ и умственныя и нравственныя качества людей изъ интеллигентныхъ слоевъ—представляютъ уклоненіе отъ нормальнаго человѣка съ его коренными, прирожденными психическими особенностями. Человѣкъ вообще, къ какому-бы племени онъ ни принадлежалъ, говоритъ Майковъ, подъ какимъ бы градусомъ онъ ни родился, долженъ быть и честенъ, и великодушенъ, и уменъ, и смѣлъ. Общій всѣмъ людямъ идеалъ человѣка составленъ изъ *положительныхъ* свойствъ, которыя обыкновенно называются добродѣтелями. Ни одна добродѣтель не приходитъ извнѣ. Нѣтъ такой добродѣтели, зародышъ которой не таился-бы въ природѣ человѣка. Но въ противорѣчіи съ положительными силами, прирожденными человѣку, всѣ пороки сутъ ничто иное, какъ добрыя наклонности—«или сбитыя съ прямого пути, или вовсе не уваженныя внѣшними обстоятельствами». Въ устройствѣ стихій нашей жизненности, замѣчаетъ Майковъ, господствуетъ полная гармонія, и потому совершенно несправедливо видѣть въ самомъ человѣкѣ источникъ его несовершенствъ. Но народныя массы, живущія среди тяжелыхъ условій, обезсиливаются въ своихъ лучшихъ, человѣческихъ чертахъ и, подъ долгимъ гнетомъ историческихъ обстоятельствъ, обростаютъ какимъ-то безобразнымъ внѣшнимъ покровомъ, которому названіе общенаціональной физіономіи присвояется только по ошибкѣ. Въ народной толпѣ всегда находятся люди, которые высоко поднимаются надъ своими современниками, надъ инертными культурными слоями, надъ ихъ привычками и умственными стремленіями. Они выходятъ изъ среды своего народа, отрѣшаются отъ его типическихъ особенностей и развиваютъ въ себѣ черты прямо противоположнаго характера. Проникаясь иными идеями, побѣждая въ себѣ всякую подчиненность внѣшнимъ силамъ, угнетающимъ народную жизнь, эти люди дѣлаютъ спасительный шагъ къ богоподобію, хотя и впадаютъ при этомъ, какъ уже сказано, въ новыя крайности. Они являются защитниками настоящей цивилизаціи, въ которой не можетъ быть ничего народнаго. Подобно тому, какъ мы должны считать наиболѣе совершеннымъ того человѣка, который ближе всего подходитъ къ воображае-

*) «Критическіе опыты», стр 69

мому, идеальному, безтемпераментному человѣку, мы должны признать наиболѣе совершенною ту цивилизацію, въ которой меньше всего какихъ-бы то ни было типическихъ особенностей. Цивилизація и народность—идеи совершенно непримиримыя, одна другую исключающія. Майковъ выясняетъ свою мысль на примѣрѣ съ поэзіей Кольцова. Вотъ истинно совершенное искусство, которое избѣгло обѣихъ указанныхъ крайностей, преодолѣвъ духъ подчиненности, разлитый въ народной толпѣ, и духъ «отчаяннаго удальства», отличающій меньшинство. Стихотворенія Кольцова, выражая «изумительную жизненность», проникнуты вмѣстѣ съ тѣмъ «какою-то необыкновенною дѣльностью и нормальностью». Въ нихъ нѣтъ никакихъ крайностей, никакихъ проявленій болѣзненной раздражительности. Читая его произведенія, вы безпрестанно видите передъ собою человѣка, «въ самой *ровной* борьбѣ съ обстоятельствами», человѣка, которому нѣтъ надобности сострадать, потому что вы увѣрены, что побѣда останется на его сторонѣ и что силы его «еще болѣе разовьются отъ страшной гимнастики». Въ нихъ вы, навѣрно, не встрѣтите никакого злостнаго увлеченія, никакой желчности, никакой односторонности, «образующейся въ людяхъ посредственной жизненности вслѣдствіе вражды съ обстоятельствами». Вся его біографія переполнена фактами, доказывающими, что въ немъ господствовала полная гармонія «между стремленіемъ къ лучшему и разумнымъ уваженіемъ дѣйствительности».

Несмотря на нѣкоторый внѣшній блескъ, это новое ученіе о народности тоже страдаетъ очень существенными недостатками, которые дѣлаютъ его особенно непригоднымъ при изученіи человѣческаго творчества въ его разнообразныхъ формахъ и проявленіяхъ. При такихъ понятіяхъ о народной индивидуальности, особенно ярко выступающей въ поэтическихъ произведеніяхъ, Майковъ долженъ былъ потерять всякій интересъ и чутье къ тому, что въ искусствѣ стоитъ на первомъ планѣ—къ совершенству оригинальнаго выраженія общечеловѣческихъ, міровыхъ идей и настроеній. Самое созданіе этой теоріи показываетъ въ Майковѣ человѣка, безъ яркаго темперамента и глубокихъ художественныхъ симпатій къ разнообразнымъ формамъ красоты, къ игрѣ высшей жизни въ индивидуальныхъ воплощеніяхъ и образахъ. Признавъ, въ противоположность своимъ прежнимъ ложнымъ взглядамъ, космополитическій характеръ всякаго общаго понятія и всѣхъ отвлеченныхъ идей и сдѣлавъ въ этомъ отношеніи существенный, прогрессивный шагъ, Майковъ не разглядѣлъ, однако, въ чемъ именно заключается идея народности, понятой внѣ какихъ бы то ни было шовинистическихъ и политическихъ стремленій. Во-первыхъ, устанавливая «законъ двойственности народныхъ физіономій», при чемъ одна физіономія принадлежитъ народной массѣ, а другая интеллигентному меньшинству, онъ не видитъ истинныхъ отно-

шеній глубокой оригинальной личности къ той умственной и соціальной средѣ, изъ которой она вышла. При выдающихся духовныхъ силахъ научнаго или художественнаго характера, при яркомъ умѣ и волѣ, способный бороться съ слѣпыми жизненными стихіями и предразсудками, даровитый человѣкъ обнаруживаетъ въ наиболѣе чистомъ и законченномъ видѣ тѣ именно качества группового темперамента и характера, которыя затерты въ массѣ грубыми историческими силами. Въ истинно интеллигентной средѣ типическія народныя черты, часто скрытыя отъ глаза, искаженныя внѣшними вліяніями, выступаютъ съ большою свободою и потому съ большею красотою. О народной индивидуальности приходится судить именно по самымъ талантливымъ людямъ. Образованный человѣкъ, участвующій въ созданіи литературы и науки, или добровольно и сознательно отдающійся ихъ теченію, говоритъ Потебня, какой бы анаѳемѣ ни придавали его изувѣры за отличіе его взглядовъ и вѣрованій отъ взглядовъ и вѣрованій простолюдина, не только не отдѣленъ отъ него какою то пропастью, но, напротивъ того, имѣетъ право считать себя болѣе типическимъ выразителемъ своего народа, чѣмъ простолюдинъ *). Образованный человѣкъ устойчивѣе въ своей народности, чѣмъ человѣкъ малой и шаткой умственной культуры. Самое содержаніе его научныхъ и нравственныхъ убѣжденій и общественныхъ понятій должно остаться общечеловѣческимъ, но выраженіе ихъ въ жизни, въ литературѣ будетъ непремѣнно имѣть свою особенную форму, своеобразный стиль даннаго народа. Необходимо при этомъ отмѣтить то обстоятельство, что, понявъ ошибочно смыслъ и *психологическое* значеніе идеи народности, Майковъ не рѣшился стать на сторону того меньшинства, которое онъ самъ признаетъ выразителемъ интеллигентнаго протеста во имя человѣческаго богоподобія. Вотъ почему, желая выразить свою симпатію къ могучему, страстному, порывистому таланту Кольцова, онъ рисуетъ фигуру спокойнаго, уравновѣшеннаго, разсудительно-дѣловитаго человѣка. *Во-вторыхъ*, представленіе Майкова о прирожденности «добродѣтелей» и случайности «пороковъ» имѣетъ самый поверхностный характеръ. Его изображеніе не передаетъ той драмы, которая совершается въ человѣческой душѣ—борьбы противоположныхъ идей и понятій, идущихъ извнутри человѣка, изъ глубины его діалектическаго по природѣ духа. По представленію Майкова человѣкъ, преодолѣвшій внѣшнія жизненныя силы, выйдя изъ подъ давленія историческихъ предразсудковъ, вмѣстѣ съ этимъ окончательно сбрасываетъ съ себя свою порочную оболочку и становится олицетвореніемъ безтемпераментной добродѣтели. А между тѣмъ, истинный освободительный процессъ совершается прежде всего внутри самого человѣка, въ глубинѣ сознанія—съ его кореннымъ мета-

*) «Вѣстникъ Европы», 1895, Сентябрь.

физическимъ разладомъ, который можетъ разрѣшиться только въ высшихъ идеальныхъ обобщеніяхъ. *Въ-третьихъ*, наконецъ, при правильномъ пониманіи народности, Майковъ не могъ бы говорить о радикальномъ противорѣчіи между народностью и цивилизаціей. Въ прежнихъ своихъ разсужденіяхъ на эту тему онъ сдѣлалъ принципіальную ошибку, давъ мѣсто идеѣ національности въ чисто научныхъ и философскихъ вопросахъ. Теперь, ошибочно усматривая въ народности то же идейное содержаніе, онъ неизбѣжно долженъ былъ признать ее разрушительнымъ началомъ по отношенію къ цивилизаціи. Онъ и теперь не видитъ, что типическія свойства народа въ его индивидуальномъ темпераментѣ, въ характерѣ его непосредственныхъ силъ, и что разнообразіе этихъ свойствъ въ человѣчествѣ, порождающее разнообразіе въ склонностяхъ и безсознательныхъ влеченіяхъ, никоимъ образомъ не можетъ находиться въ логическомъ противорѣчіи съ идеей просвѣщенія, съ идеей единой для всѣхъ людей цивилизаціи.

IV.

Бѣлинскій, встрѣтившій сочувственными словами первую большую статью Майкова, отнесся съ рѣзкимъ отрицаніемъ къ его новымъ идеямъ о народности. Въ обозрѣніи русской литературы 1846 г., онъ, не называя по имени новаго критика «Отечественныхъ Записокъ», въ довольно рѣшительныхъ выраженіяхъ оспариваетъ его ученіе о народности, изложенное въ статьѣ о Кольцовѣ. Разсужденія Бѣлинскаго отличаются обычною страстностью, и несмотря на многія преувеличенія и сочувственныя фразы по адресу славянофильской партіи, производятъ яркое, сильное впечатлѣніе. Статья написана съ лихорадочнымъ жаромъ. Столкновеніе съ новой либеральной силой, выступавшей съ научными и соціальными теоріями и отвергавшей индивидуальность въ формахъ поэтическаго творчества, разбудила въ Бѣлинскомъ его прежнія, когда-то глубоко пережитыя, эстетическія симпатіи. Онъ накидывается на молодого писателя, разбрасываетъ по всѣмъ направленіямъ фразы, полныя огня и вдохновенія, съ особенной силой противопоставляетъ взглядамъ Майкова свои собственныя, смѣлыя, на этотъ разъ оттѣненныя нѣкоторымъ преувеличеннымъ патріотствомъ, націоналистическія убѣжденія *). Какъ извѣстно, статья эта вызвала смущеніе въ литературныхъ кругахъ, близко стоявшихъ къ «Современнику». Самъ Майковъ, повидимому, не склонился на сторону своего достойнаго оппонента, хотя и нашелъ нужнымъ объясниться передъ Тургеневымъ относительно своихъ критическихъ замѣчаній о Бѣлинскомъ. Возникшая полемика, въ виду нѣкоторыхъ неловкихъ

*) Сочиненія Бѣлинскаго, т. XI, изданіе 1892 г., „Взглядъ на русскую литературу 1846 г.“, стр. 41—42, 44—45.

фразъ Бѣлинскаго, быть можетъ, даже подняла Майкова въ глазахъ людей, слѣдившихъ за развитіемъ молодыхъ талантовъ, и уже въ первые мѣсяцы 1847 г. критикъ «Отечественныхъ Записокъ» получилъ приглашеніе участвовать въ «Современникѣ», приглашеніе столь настоятельное, что у него мелькнула даже мысль, разсказываетъ Порѣцкій, прервать обязательныя отношенія съ Краевскимъ. Дѣло, однако, обошлось такъ, что Майковъ сталъ писать въ обоихъ журналахъ: въ іюньской книгѣ «Современника» уже были помѣщены двѣ написанныя имъ рецензіи *).

Когда Майковъ умеръ, въ журналахъ появился цѣлый рядъ некрологовъ и замѣтокъ, въ которыхъ его кратковременная дѣятельность была представлена въ самомъ сочувственномъ свѣтѣ. Около семейства Майковыхъ уже тогда группировались лучшіе дѣятели печати, люди ума и таланта, для которыхъ Аполлонъ Майковъ долженъ былъ являться притягательною поэтическою силою. Въ этомъ обществѣ, гдѣ преобладающую роль играли писатели съ художественнымъ направленіемъ мысли, съ широкими эстетическими интересами, Валеріанъ Майковъ и получилъ свои первыя умственныя впечатлѣнія. Можно допустить, что молодой критикъ именно здѣсь услышалъ и восприняль нѣкоторые изъ литературныхъ отзывовъ, которые потомъ и перешли въ его статьи безъ надлежащей и самостоятельной аргументаціи. Такъ, напримѣръ, въ печати много разъ указывалось, какъ на доказательство тонкаго эстетическаго чутья Майкова, на его отзывъ о стихахъ Тютчева. А между тѣмъ, немногочисленныя фразы, брошенныя Майковымъ объ этомъ превосходномъ талантѣ, вовсе не свидѣтельствуютъ о критическомъ пониманіи Тютчева. Въ нихъ нѣтъ никакого самостоятельнаго колорита — образъ Тютчева не намѣченъ ни единымъ штрихомъ, его поэтическія настроенія, полныя глубокаго философскаго смысла, не обрисованы ни единымъ словомъ. Явившись случайнымъ заключеніемъ въ рецензіи о стихахъ Плещеева, нѣсколько фразъ о Тютчевѣ могли быть простымъ отголоскомъ какихъ-нибудь болѣе или менѣе типическихъ, мѣткихъ разсужденій, напр., Тургенева, который, какъ извѣстно, очень высоко цѣнилъ это оригинальное и глубокое дарованіе. Вращаясь въ обществѣ людей съ самымъ изысканнымъ вкусомъ, Майковъ постоянно натыкался на чисто литературные вопросы, при разрѣшеніи которыхъ онъ пускалъ въ ходъ свои теоретическія способности, свою начитанность въ ученыхъ книгахъ новѣйшаго характера. При отзывчивости на различные интересы и нѣкоторой легкости въ воспріятіи самыхъ трудныхъ истинъ науки, Майковъ долженъ былъ производить выгодное впечатлѣніе многообѣщающаго и талантливаго юноши. Онъ быстро двигался въ своемъ умственномъ развитіи, и когда въ печати появились его первыя статьи, не чуждыя реформаторскихъ притязаній,

---

*) «Критическіе опыты», ст. XLV.

снисходительный судъ такихъ крупныхъ художниковъ, какъ Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, долженъ былъ отнестись къ нимъ съ крайней благосклонностью. Тургеневъ, какъ мы уже разсказывали, свелъ Валеріана Майкова съ Краевскимъ, выслушивалъ его объясненія и оправданія по поводу его полемической характеристики Бѣлинскаго. Онъ же, черезъ много лѣтъ, вспоминалъ о Майковѣ въ словахъ, заключающихъ въ себѣ, кромѣ покровительственнаго одобренія, нѣкоторую двусмысленную критику и Бѣлинскаго, и Майкова: «Незадолго до смерти, пишетъ онъ, Бѣлинскій начиналъ чувствовать, что наступило время сдѣлать новый шагъ, выйти изъ тѣснаго круга. *Политико-экономическіе* вопросы *должны были* смѣнить вопросы эстетическіе, литературные. Но самъ онъ себя уже устранялъ и указывалъ на другое лицо, въ которомъ видѣлъ своего преемника—В. Н. Майкова, брата поэта» *). Съ полнымъ сочувствіемъ, безъ всякихъ ограниченій, съ добродушіемъ человѣка, готоваго хвалить всякій добрый порывъ, какъ нѣкоторую положительную заслугу, выставляетъ умственныя и нравственныя качества Майкова Гончаровъ, въ некрологѣ, напечатанномъ въ «Современникѣ». Отличительныя достоинства статей Майкова, пишетъ онъ—«строгая послѣдовательность въ развитіи идей, логичность и доказательность положеній и выводовъ, потомъ глубина и вѣрность взгляда, остроуміе и начитанность». Обозначивъ въ такихъ полновѣсныхъ, можно сказать, великодушныхъ выраженіяхъ положительныя стороны его таланта, Гончаровъ кратко и какъ-бы неохотно отмѣчаетъ его главные недостатки: излишнюю плодовитость, непривычку распоряжаться богатствомъ своихъ силъ, раздробленность и мѣстами «слишкомъ тонкую и отвлеченную изысканность анализа» **). Раздробленный анализъ при строгой послѣдовательности идей и доказательности общихъ положеній — едва-ли въ этомъ сочетаніи логически противорѣчивыхъ признаковъ можно найти твердую опору для упроченія литературной репутаціи Майкова. Достоевскій въ статьѣ о Добролюбовѣ, напечатанной въ 1861 г., тоже посвятилъ нѣсколько сочувственныхъ фразъ памяти рано умершаго критика, хотя въ словахъ его звучитъ горячая похвала скорѣе человѣческой личности Майкова, чѣмъ его литературному таланту. Послѣ Бѣлинскаго, пишетъ онъ, занялся отдѣломъ критики въ «Отечественныхъ Запискахъ» Валеріанъ Майковъ, братъ всѣмъ извѣстнаго и всѣми любимаго поэта. «Онъ принялся за дѣло *горячо*, блистательно, съ *свѣтлымъ убѣжденіемъ*, съ первымъ *жаромъ юности*. Но онъ не успѣлъ высказаться» ***).

Эти извѣстные въ литературѣ отзывы о талантѣ Майкова не остались безъ вліянія на критиковъ ближайшей къ намъ эпохи. Нѣкоторыя черты

*) Полное собраніе сочиненій Тургенева, изд. 1884 г., т. X, стр. 32—33.

**) «Критическіе опыты», стр. VI.

***) Полное собраніе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго, изд. 1883 г., т. X, стр. 38.

его теоретическихъ воззрѣній дѣлали его прямымъ предшественникомъ Чернышевскаго и Добролюбова, хотя, какъ мы видѣли, онъ и старался оградить искусство отъ вторженія какой-бы то ни было дидактики. Политико-экономическія тенденціи, безъ которыхъ не обходилась ни одна его крупная статья, сближаютъ его съ дѣятелями журналистики 50-хъ и 60-хъ годовъ. Новая теорія народности, выраженная съ нѣкоторымъ либеральнымъ задоромъ, показалась наиболѣе виднымъ дѣятелямъ «Современника» цѣлымъ политическимъ откровеніемъ, дающимъ рѣшительное орудіе въ борьбѣ съ славянофильской партіей. Однимъ словомъ, въ статьяхъ Майкова, не отличавшихся ни яркостью, ни глубиною мысли, но имѣющихъ несомнѣнную научную закваску, историки литературы усмотрѣли важные признаки литературно-критическаго прогресса по сравненію даже съ произведеніями такого могучаго, признаннаго, живого таланта, какимъ былъ Бѣлинскій. Мало-по-малу сложилась даже какая-то легенда, господствующая до сихъ поръ въ журнальныхъ кругахъ, привыкшихъ съ довѣріемъ повторять чужіе авторитетные отзывы и приговоры. Былъ молодой критикъ Валеріанъ Майковъ, братъ извѣстнаго, замѣчательнаго поэта Апполона Майкова. Онъ писалъ недолго, но за самое короткое время своей журнальной дѣятельности онъ разработалъ собственную эстетическую теорію на строго-научныхъ основаніяхъ и широкое космополитическое ученіе о народности. Если-бы не ранняя, случайная смерть, онъ замѣнилъ-бы въ литературѣ самого Бѣлинскаго...

Въ такомъ именно направленіи оцѣнили Майкова два новѣйшихъ критика. Скабичевскій называетъ его эстетическое ученіе «первой положительной эстетической теоріей, съ которой выступила молодая мысль, освободившаяся отъ метафизическихъ принциповъ». Нѣкоторые промахи не мѣшаютъ ей, полагаетъ этотъ критикъ, оставаться истинною въ такой степени, что «всѣ позднѣйшія открытія не только не опровергаютъ, а только больше подтверждаютъ и уясняютъ ее» *). Отзывъ этотъ Скабичевскій поддерживаетъ до настоящаго времени. Онъ все еще считаетъ критическія разсужденія Майкова «весьма блистательной попыткой пересадить эстетическія понятія на вполнѣ реальную почву того положительнаго мышленія», однимъ изъ первыхъ приверженцевъ котораго онъ былъ**). Скабичевскій горячо отстаиваетъ и его идею народности противъ критики Бѣлинскаго, въ которой онъ по этому поводу усматриваетъ даже зародышъ «тѣхъ реакціонныхъ пріемовъ», съ какими выступили впослѣдствіи сверстники Бѣлинскаго противъ движенія 60-хъ годовъ ***).

---

*) Сочиненія *А. Скабичевскаго.* «Сорокъ лѣтъ русской критики», стр. 465.

**) «Сѣверный Вѣстникъ», 1891 г., мартъ (въ отдѣлѣ библіографической критики), по поводу изданія «Критическихъ опытовъ».

***) Ibidem, стр. 478, 479.

Другой критикъ, К. Арсеньевъ, ставитъ Майкова рядомъ съ Бѣлинскимъ, въ качествѣ его продолжателя. Если Майковъ могъ раздвинуть задачи критики, говоритъ Арсеньевъ почти словами Тургенева, то онъ былъ обязанъ этимъ Бѣлинскому. Основныя понятія въ огромномъ большинствѣ случаевъ были установлены Бѣлинскимъ, и новая критика, въ лицѣ Майкова, могла бодро пойти впередъ, не останавливаясь «передъ предразсудками и невѣжествомъ читателей». Изученіе критическихъ статей Майкова Арсеньевъ считаетъ особенно важнымъ именно въ настоящее время, какъ по тому, что онъ одинъ изъ первыхъ приблизился къ «современному взгляду на искусство», такъ и потому, что онъ не отдался «всецѣло служенію одной крайней идеѣ» *). Вся обширная статья Арсеньева, проникнутая благожелательностью умѣреннаго и корректнаго либерализма, переполнена такого рода размышленіями, не обличающими въ почтенномъ публицистѣ ни критической глубины, ни даже достаточнаго знакомства съ литературной дѣятельностью Бѣлинскаго. Майковъ никогда не могъ быть ни продолжателемъ, ни ученикомъ Бѣлинскаго. По темпераменту, по направленію мыслей, по коренныхъ свойствамъ литературнаго таланта, онъ ни въ чемъ почти не сходился съ Бѣлинскимъ—ни въ одномъ изъ трехъ періодовъ дѣятельности послѣдняго. Бѣлинскій, какъ писательскій талантъ, какъ характеръ, какъ яркая, умственная величина, стоялъ безконечно выше этого начинающаго критика безъ какихъ либо рѣзкихъ проявленій страстной психической жизни. Даже въ ошибкахъ Бѣлинскаго больше жизни, чѣмъ въ сбивчивыхъ, растянутыхъ и тусклыхъ разсужденіяхъ Майкова, несмотря на всю его научную передовитость и либеральныя политическія и соціологическія стремленія. Это—со стороны литературной. Но Майкова никоимъ образомъ нельзя считать преемникомъ Бѣлинскаго и по существу его общихъ философскихъ воззрѣній. Они разошлись радикальнымъ образомъ по вопросу о народности. Они не могли быть солидарны и по вопросу о природѣ искусства. Майковъ защищалъ на позитивныхъ основаніяхъ свободу творчества. Бѣлинскій, въ періодѣ своихъ утилитарныхъ увлеченій, требовалъ отъ искусства гражданственной дидактики,—въ предыдущіе-же періоды своей дѣятельности, защищая свободу искусства, онъ, при всей шаткости своихъ общефилософскихъ понятій, не сходилъ съ метафизической почвы. Можно вообще сказать, что основная ошибка въ сужденіяхъ о Майковѣ, общая всѣмъ его литературнымъ цѣнителямъ, состоитъ въ признаніи за нимъ прирожденнаго чисто критическаго дарованія. Рисуя его кратковременную дѣятельность, въ которой не было ни одного яркаго проявленія тонкаго художественнаго вкуса и способности къ острому эстетическому анализу, историки русской лите-

*) *К. Арсеньевъ*. «Критическіе этюды», т. II, стр. 255, 293.

ратуры не видятъ при этомъ его настоящей умственной физіономіи. Майковъ не былъ настоящимъ литературнымъ критикомъ. Въ роли критика онъ выступалъ только случайно, не по призванію, и тѣмъ, кто усомнился бы въ этомъ, можно напомнить его собственныя слова о себѣ въ письмѣ къ Тургеневу: «я никогда не думалъ быть критикомъ въ смыслѣ оцѣнщика литературныхъ произведеній, говоритъ онъ. Я чувствовалъ всегда непреодолимое отвращеніе къ сочиненію отрывочныхъ статей. Я всегда мечталъ о карьерѣ ученаго и до сихъ поръ ни мало не отказался отъ этой мечты. Но какъ добиться того, чтобы публика читала ученыя сочиненія? Я видѣлъ и вижу въ критикѣ единственное *средство* заманить ее въ сѣти интереса науки» *).

А. Волынскій.

---

*) «Критическіе опыты», стр. XL.

На Западѣ.

Въ данный моментъ на Западѣ съ обывателемъ продѣлываютъ довольно забавныя шутки. Оффиціально признали его достигшимъ полнаго счастья и довольства къ такому-то дню сентября сего 1895 года, и безъ всякаго спросу начали праздновать и веселиться на его счетъ. И дѣйствительно празднуютъ и веселятся на славу. Юбилейныя празднества въ одномъ государствѣ смѣняются такими-же празднествами въ другомъ государствѣ. Газеты помѣщаютъ длинные отчеты о «національныхъ» или «народныхъ» праздникахъ. Mise en scène оказалась блестящей и едва поддающейся описанію. Режиссеры обнаружили искусство и ловкость, а бутафорская часть затмила всѣ переливы всѣхъ цвѣтовъ радуги. Были собраны депутаціи, тьма депутацій: отъ ветерановъ, отъ городовъ, отъ общинъ, отъ провинцій, отъ «націи», отъ «народа» и т. д. Всѣ эти депутаціи разставлялись въ извѣстномъ порядкѣ и въ каждомъ актѣ «представленія» получали опредѣлённыя роли. Исполняя все, что значилось по программѣ, депутаціи проходили съ музыкой и знаменами въ разноцвѣтныхъ костюмахъ историческихъ, аллегорическихъ и просто фантастическихъ. Вся эта толпа пестро разодѣтыхъ статистовъ въ каждомъ актѣ представленія вызывала настоящій восторгъ среди такой-же толпы праздныхъ зѣвакъ. Оставалось радоваться и благодарить режиссеровъ. Однако и въ Берлинѣ, и въ Римѣ осталось немало неблагодарныхъ скептиковъ, которые спрашивали режиссеровъ, почему устроенныя ими представленія должны называться «національными» и «народными» праздниками? Они просятъ ихъ выяснить понятіе о томъ, что такое «національный» или «народный» праздникъ? Режиссеры недовольны возбужденіемъ такого вопроса, хотя онъ является вполнѣ своевременнымъ и вполнѣ естественнымъ. Разъ входитъ въ моду какой либо видъ театральныхъ представленій, то зарождается и соотвѣтствующая разновидность критики.

Юбилейныя представленія, устроенныя въ Римѣ и Берлинѣ, нуждаются въ критическомъ анализѣ ихъ характера и въ опредѣленіи ихъ идеи и ближайшихъ ихъ цѣлей. Всѣ эти представленія давались на ту старую и вѣчно юную тему, которая всѣмъ хорошо извѣстна. Сидя на университетской скамьѣ, во всѣхъ видахъ и подъ разными соусами вы усваивали жвачку на тему о взаимныхъ отношеніяхъ между государствомъ и обществомъ, народомъ и правительствомъ. Вы невольно вспоминаете стереотипную фразу о бѣдномъ дикарѣ, который, живя на свободѣ безъ государства, не зналъ благъ государственной жизни. Потомъ ему повезло и онъ сталъ входить во вкусъ государственной жизни. Потомъ почему-то исторія дала рядъ поучительныхъ «представленій» на тему: государство и общество, народъ и правительство. Послѣдній актъ этихъ представленій заканчивается разно. Вотъ, напр., Лакомбъ утверждаетъ, что «нѣкоторые народы были доведены нищетою до такого печальнаго положенія, что у нихъ вовсе нѣтъ правительства» *). Вотъ до какой степени юбилей какого нибудь политическаго строя и режима можетъ не совпадать съ юбилеемъ культурно-соціальныхъ преобрѣтеній народа. Первый юбилей можетъ быть юбилеемъ разочарованій народа, юбилеемъ его неоправдавшихся и не сбывшихся надеждъ... Что будетъ дальше—неизвѣстно, а пока исторія учитъ тому что юбилеи политическихъ режимовъ и юбилей крупныхъ соціально-политическихъ пріобрѣтеній народа относятся другъ къ другу такъ, какъ годовщина смерти относится къ годовщинѣ рожденія. Пока въ исторіи всѣ крупныя соціально-культурныя пріобрѣтенія народовъ сопровождались смертью и погребеніемъ какого-нибудь политическаго режима. Въ послѣднее время взаимныя отношенія между двумя юбилеями, быть можетъ, нѣсколько смягчились по той простой причинѣ, что народу удалось запастись такими культурными формами политическаго устройства, которыя по своей природѣ болѣе приспособлены къ осуществленію его желаній и проведенію культурно-соціальныхъ реформъ. Но, вѣдь, форма въ рукахъ людей терпитъ не мало искаженій. Самыя высокія начала при своемъ проведеніи въ жизнь могутъ выходить изъ рукъ человѣческихъ совершенно неузнаваемыми. Между культурно-политической формой правленія и установившимся режимомъ можетъ быть такое-же крупное различіе, какъ между идеей и дѣйствительностью. Это различіе, само собою понятно, говоритъ не противъ культурно-политической формы правленія, а противъ искажающихъ ее режимовъ. Вотъ почему даже юбилеи существующихъ теперь на западѣ въ принципѣ культурныхъ формъ политическаго устройства могутъ совпадать съ юбилеями разочарованій народа, съ юбилеями его неоправдавшихся надеждъ и несбывшихся ожиданій. Въ

*) «Соціологическія основы исторіи», рус. переводъ, стр. 96.

такомъ случаѣ юбилейныя празднества въ честь даннаго политическаго режима являются по меньшей мѣрѣ неумѣстными и, уже конечно, не имѣютъ никакого права на признаніе ихъ «народными» и «національными» праздниками.

Въ юбилейный день любого политическаго режима всегда самъ собою возникаетъ вопросъ о томъ насколько этотъ режимъ содѣйствовалъ повороту колеса исторіи въ пользу тѣхъ самыхъ массъ населенія, которыя, живя въ государствѣ, также мало вкусили отъ благъ жизни государственной, какъ и дикарь живущій на свободѣ, безъ государства. Съ этой точки зрѣнія во Франціи двадцатипяти-лѣтній юбилей правительства третьей республики не пріобрѣлъ права на признаніе его «народнымъ» праздникомъ французской націи.

Правительство третьей республики усердно подводитъ итоги тѣмъ благодѣяніямъ, которымъ оно наградило французскій народъ. Всѣ эти благодѣянія легко укладываются въ стереотипную фразу. Любая рѣчь любого министра начинается и кончается указаніемъ на то, что республиканское правительство 25 лѣтъ тому назадъ приняло страну изолированной и обезсиленной, а теперь Франція является могущественной и имѣетъ вѣрныхъ друзей и союзниковъ. Кто же разумѣется въ этой фразѣ подъ «Франціей»? Когда правительства двухъ разныхъ странъ между собою въ дружбѣ состоятъ, то это, говорятъ,—по волѣ народовъ сихъ самыхъ странъ. Историкъ про волю народовъ разскажетъ не мало такого, что ею прикрывалось нерѣдко. Современниковъ же занимаетъ вопросъ лишь о томъ, что дружба, любовь и вліяніе всегда идутъ неразлучно. Въ этомъ пунктѣ дѣло начинаетъ разъясняться. Французскій народъ сейчасъ начинаетъ кипятиться и доказывать, что онъ не допуститъ, чтобы русское правительство вліяло на французскія дѣла и интересы. Русскія газеты, отвѣчая самозванно за русскій народъ, доказываютъ, что французское вліяніе не можетъ быть допущено въ Россіи. Англійскія газеты, интересуясь франко-русской дружбой, для разъясненія контроверсы, распоряжаются одной весьма разумной посылкой. Онѣ утверждаютъ, что если одна страна состоитъ въ дружбѣ съ другой, сильной своей культурой и своимъ культурно-политическимъ строемъ, то возникающее изъ дружбы вліяніе сильнаго друга является неизбѣжнымъ и весьма благодѣтельнымъ. Но роль такого друга съ такимъ вліяніемъ, по мнѣнію англійской печати, не можетъ быть удѣломъ Франціи. Франція и до сихъ поръ не отличается политической зрѣлостью, а господствующій въ ней административный режимъ не позволяетъ населенію выйти изъ состоянія политическаго дѣтства. Политическое могущество Франціи является призрачнымъ. Въ день 25-лѣтней годовщины республики всѣ лучшіе люди во Франціи и за предѣлами Франціи отъ души пожелаютъ, чтобы для упроченія ея руководящіе классы не противились воспитанію народа въ духѣ демократи-

ческихъ республиканскихъ учрежденій. За 25 лѣтъ существованія республики въ этомъ отношеніи было сдѣлано слишкомъ мало. Весь режимъ третьей республики все еще остается приспособленнымъ для возобновленія такихъ coup d'Etat, какой былъ нанесенъ второй республикѣ Наполеономъ III. Во Франціи и до сихъ поръ республика является вывѣской, за которой скрываются настоящій деспотизмъ и рабство. Въ чемъ выражаются деспотизмъ и какія мѣры предлагаются для ихъ устраненія — объ этомъ мы обѣщали прошлый разъ поговорить подробно. Выясненіе вопроса потребовало такъ много мѣста, что мы вынуждены выдѣлить его изъ предѣловъ нашей обычной рубрики «На Западѣ» въ особую статью «Къ двадцатипятилѣтнему юбилею французской республики», которая появится въ слѣдующей книжкѣ. Изъ этой статьи читатели увидятъ, до какой степени французскій народъ душатъ бюрократизмъ и централизація. Общій духъ централизаціи и бюрократизма, отражаясь на всѣхъ сторонахъ жизни, гибельно дѣйствуетъ и на военное могущество Франціи.

Военное могущество какой-либо страны мы не можетъ причислить къ культурнымъ успѣхамъ этой страны. Но разъ правительство третьей республики вмѣняетъ себѣ въ особую заслугу созданіе военнаго могущества Франціи, то мы должны ближе ознакомиться съ этой заслугой. Армія и флотъ для правительства республики всегда являлись предлогомъ для эксплоатаціи народныхъ чувствъ и народнаго кармана. Всякому, болѣе или менѣе близко знакомому съ французскими порядками, извѣстно, до какой степени правительство республики эксплоатируетъ армію и флотъ для непростительной игры съ народнымъ воображеніемъ. Послѣдніе великіе маневры на западной границѣ также являлись маневромъ для давленія на воображеніе и фантазію народа. Моментъ для такого маневра оказался, сверхъ ожиданія, выбраннымъ весьма неудачно. Народное воображеніе было до крайности подогрѣто и въ моментъ крайняго напряженія былъ пущенъ холодный душъ въ видѣ доклада Кавеньяка. Степень реакціи для всякаго понятна. Значитъ народъ обманывали! Значитъ все военное могущество есть сказка! Развѣ этого съ Франціей и раньше не случалось? Развѣ военное могущество не является миомъ и въ другой странѣ? Вотъ, какіе вопросы, послѣ маневровъ, «поразившихъ весь міръ», задаютъ себѣ граждане республики, прочитывая докладъ Кавеньяка и прислушиваясь къ вызванной имъ газетной полемикѣ. Докладъ Кавеньяка *) въ коммиссіи, обсуждающей бюджетъ военнаго министерства на 1896 г., свидѣтельствуетъ, что даже толковый и энергичный министръ можетъ играть лишь самую слабую роль въ улучшеніи сухопутныхъ и морскихъ силъ Франціи. «Духъ бюро-

*) Напечатанъ въ видѣ особаго приложенія къ газетѣ «Temps» отъ 28 сент. в. с.

ратіи» во всѣхъ своихъ разнообразныхъ проявленіяхъ и тутъ царитъ и всѣмъ управляетъ. «Всякій вопросъ, говоритъ Кавеньякъ, немедленно является причиной возникновенія личной борьбы между двумя административными вѣдомствами, между двумя департаментами, между двумя столами, чрезъ которые онъ долженъ пройти. Вопросы тонутъ въ лабиринтѣ обмѣнной переписки, которая можетъ вызывать удивленіе по обилію рессурсовъ бюрократическаго самолюбія и по искусной защитѣ духа инерціи. Тамъ можно найти все, исключая того, что должно доминировать въ подобныхъ дебатахъ, т.-е. настоящей заботливости объ общемъ интересѣ». Любой изъ министровъ можетъ быть втянутъ въ эту паутину, а они въ дѣйствительности бываютъ людьми любой профессіи, кромѣ военной. Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ во главѣ французскаго флота стояли: профессоръ риторики, фабрикантъ трико, политиканъ безъ опредѣленныхъ занятій и наконецъ адмиралъ. Изслѣдованіе состоянія французскаго флота оказалось настоятельно необходимымъ, такъ какъ рядъ самыхъ печальныхъ разоблаченій не могъ быть подвергнутъ обычному замалчиванію и забвенію. Быть можетъ, при обсужденіи бюджета морского министерства, всплывутъ наружу настоящія достоинства и недостатки флота. Положеніе-же сухопутной арміи достаточно выяснено Кавеньякомъ. Мы не имѣемъ мѣста для перечисленія всѣхъ грустныхъ разоблаченій Кавеньяка, да въ томъ и нѣтъ накакой особой надобности. Характеръ и родъ злоупотребленій въ военномъ вѣдомствѣ всѣмъ извѣстенъ. Самыми обычными изъ нихъ являются подкупы и взятки съ подрядчиковъ. Въ результатѣ въ военныхъ складахъ плохая аммуниція, гнилая обувь и воздушная одежда, расползающаяся на части въ моментъ ея надѣванія. Французская армія, имѣющая оффиціально все въ запасѣ для самой быстрой мобилизаціи,—полное обмундированіе и т. д., пошла-бы босой на поле сраженій. Для конницы, если-бы лошади и нашлись, въ складахъ военнаго вѣдомсгва оказались-бы узды никуда негодными. Пришлось-бы пускаться въ бой на невзнузданныхъ лошадяхъ. Все это разоблачается въ годовщину тѣхъ самыхъ седанскихъ дней, которые, казалось, прошли безвозвратно. Несчастная мадагаскарская война служитъ какъ-бы иллюстраціей для всѣхъ разоблаченій Кавеньяка. Ничтожная война съ беззащитнымъ дикимъ народомъ, послѣ медленной и довольно продолжительной подготовки, раскрыла всю неподготовленность, небрежность и крайнюю безпорядочность въ военномъ вѣдомствѣ. «Temps» — вѣрный слуга правительства и всегдашній его защитникъ—находитъ утѣшеніе лишь въ томъ, что «во всѣ времена существовали ошибки, злоупотребленія и скандалы, подобные тѣмъ, которые перечисляетъ Кавеньякъ, и если республиканское правительство еще не успѣло разомъ ихъ уничтожить, то можно сказать, что оно одно имѣло мужество указать на зло». Небольшое утѣшеніе! Сама газета сознаетъ, что это «зло»

въ связи съ безпорядками въ мадагаскарской экспедиціи не сулитъ ни-чего хорошаго теперешнему министерству. «Правительство, говорит «Temps», должно быть готовымъ къ тому, что, при возобновленіи засѣданій палаты, на него посыпятся выраженія недовольства съ разныхъ сторонъ. Конечно, президентъ совѣта министровъ (Рибо) чудный ораторъ, но бываютъ обстоятельства болѣе сильныя, чѣмъ какое-бы то ни было ораторское искусство. Если на разоблаченія докладчика военнаго бюджета (Кавеньяка) президентъ совѣта министровъ можетъ отвѣтить только словами, то можно-ли быть увѣреннымъ въ томъ, что большинство (въ палатѣ) этимъ удовольствуется?» Газета предлагаетъ правительству заняться наискорѣйшей чисткой личнаго состава въ военномъ вѣдомствѣ. Только эта мѣра можетъ успокоить общественное мнѣніе и продолжить пребываніе у власти настоящаго министерства... Это, конечно, маневръ недурной, хотя и жестокій. Нѣсколько уволенныхъ чиновниковъ могутъ окупить продолженіе жизни настоящаго министерства. Но что-же дальше? Право, французскій народъ заслужилъ, чтобы его перестали дурачить. Суть дѣла не можетъ быть замазана и выступаетъ во всей своей наготѣ.

При такой грустной, полной разочарованій обстановкѣ, французскому народу приходится праздновать 25-ти-лѣтній юбилей правительства третьей республики. Къ тому-же, вмѣсто одного врага на границѣ, правительство успѣло нажить и другого, въ лицѣ Италіи, населенной родственнымъ народомъ. Эта ссора двухъ родственныхъ народовъ является продуктомъ совмѣстной дѣятельности правительства третьей республики и правительства объединенной Италіи, которое уже устроило себѣ пышный двадцатипятилѣтній юбилей. Седанская катастрофа не только для Германіи, но и для Италіи являлась радостнымъ праздникомъ. Она отрѣзала Наполеону путь къ возвращенію въ Парижъ и открыла дорогу Виктору-Эммануилу въ Римъ. Папская область охранялась и поддерживалась Франціей. Пораженіе Франціи подъ Седаномъ являлось одновременно потерей самостоятельности Папской области. Извѣстіе о пораженіи французовъ подъ Седаномъ вызвало общій восторгъ въ средѣ итальянскихъ политикановъ. Они забывали, что подъ Седаномъ было погребено не одно правительство Наполеона, запиравшее имъ дорогу въ Римъ. Это пораженіе являлось тяжелой раной и для ни въ чемъ неповиннаго родственнаго французскаго народа, новое правительство котораго и не думало мѣшать итальянскимъ патріотамъ въ осуществленіи ихъ завѣтнаго желанія.

Жюль Фавръ на запросъ итальянскаго правительства прямо отвѣчалъ, что Франціи теперь не до римскаго вопроса. И вотъ, спустя всего 10 дней послѣ седанской катастрофы, 11 сентября н. с., войска Виктора Эммануила. подъ предводительствомъ генерала Кадорны, въ трехъ разныхъ пунктахъ перешли границу Папской области. Во время похода никакихъ сраженій не было и въ полдень 20 сентября н. с. 1870 г. войска подъ

предводительствомъ генерала Кадорны мирно вступили въ Римъ, чрезъ брешь, продѣланную въ Porta Pia. Населеніе Рима встрѣчало ихъ съ неописанной радостью. Нѣмецкій писатель Карлъ Гиллебрандъ, состоявшій при штабѣ генерала Кадорны, пишетъ: «люди точно съ ума сошли. Они бросались подъ лошадей генерала и его свиты; они обнимали и цаловали каждаго изъ итальянскихъ солдатъ». 2 октября римское населеніе изъ всѣхъ 40,046 человѣкъ, принимавшихъ участіе въ голосованіи, большинствомъ въ 40,000 противъ 46 высказалось за присоединіе къ Италіи. Объединеніе Италіи закончилось и Римъ сталъ столицей итальянскаго королевства. Въ послѣднюю сессію итальянскій парламентъ значительнымъ большинствомъ голосовъ постановилъ признать день 20 сентября національнымъ праздникомъ. Истекшаго 20 сентября и былъ пышно отпразднованъ двадцатипятилѣтній юбилей правительства объединенной Италіи подъ ложнымъ названіемъ «народнаго» праздника.

По поводу этихъ празднествъ разныя заинтересованныя стороны даютъ разную оцѣнку тѣмъ событіямъ, которыми сопровождалось 20 сентября 1870 г. Съ утратой Папской области и свѣтской власти Ватиканъ до сихъ не примирился. Папа и до сихъ поръ считаетъ нарушенными свои права, и права не побочныя, а именно тѣ существенныя права, которыя входятъ въ самое понятіе о папѣ и папской власти. Мы, конечно, не станемъ входить въ подробное обсужденіе вопроса о томъ, дѣйствительно-ли свѣтская власть и обладаніе папской областью являются самыми существенными для понятія о папской власти и самомъ призваніи папы. Если папа дастъ на этотъ вопросъ утвердительный отвѣтъ, то этимъ самымъ онъ признаетъ папскую власть обезличенной въ теченіе всѣхъ послѣднихъ 25 лѣтъ. Однако, и Пій IX, а особенно Левъ XIII, не переставая жаловаться на явную несправедливость итальянскаго правительства, считали и считаютъ себя первой силой въ мірѣ. Объ ослабленіи папской власти и папскаго престижа не можетъ быть и рѣчи. Папа былъ лишенъ совершенно не подходящихъ къ нему функцій свѣтскаго государя. Это неподходящая къ нему роль свѣтскаго государя, имѣющаго своихъ подданныхъ и свою территорію, крайне подрывала престижъ папской власти и папскаго призванія Поэтому поводу Криспи въ своей рѣчи при открытіи памятника Гарибальди 20 сентября н. с. высказалъ рядъ старыхъ, но вполнѣ основательныхъ соображеній. «Этотъ день и это мѣсто, говорилъ Криспи, напоминаютъ о трудной и плодотворной борьбѣ свободы съ тираніей. Годы, протекшіе съ 4-го іюля 1849 до 20-го сентября 1870 г., были послѣдними испытаніями для гражданской власти. Церковь доказала, что была не въ силахъ жить собственными силами; она для своего поддержанія нуждалась въ чужихъ штыкахъ, подъ господство которыхъ она, въ свою очередь, подпала. Враги итальянскаго единства желаютъ истолковать сегодняшній празд-

никъ, какъ оскорбленіе папы, но здравый смыслъ народа не подчиняется этимъ хитроумнымъ толкованіямъ, такъ какъ всѣ знаютъ, что христіанство, будучи божественнымъ по своей природѣ, не нуждается въ пушкахъ для своего существованія. Въ дѣйствительности наши враги домогаются возстановленія свѣтской власти папы не въ интересахъ охраны и престижа религіи, а по соображеніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ религіей. Они не задумываются надъ тѣмъ, что свѣтскій государь не можетъ быть ни святымъ, ни непогрѣшимымъ. Прибѣгать къ оружію и къ насиліямъ, которыя оправдываются съ точки зрѣнія государства, противно душѣ полубога. Такіе пріемы отнимаютъ у него всякій престижъ, подавляютъ всякое чувство уваженія къ намѣстнику Христа на землѣ, который долженъ проповѣдывать миръ и разрѣшать отъ прегрѣшеній сыновъ Адама молитвою и прощеніемъ. Религія не есть и не должна быть государственною функціею. Ни въ какомъ государствѣ католическая церковь не пользовалась такою свободою и уваженіемъ, и лишь Италія дала примѣръ отреченія отъ обычныхъ аттрибутовъ государства въ церковной сферѣ. Духовная автономія, охраненная и обезпеченная нами, для папы своего рода крѣпость, въ которой онъ долженъ запереться и въ которой онъ не доступенъ нападеніямъ. Души принадлежатъ ему. Онъ на нихъ имѣетъ такое вліяніе, что всѣ земныя власти могутъ ему завидовать. Протестантскіе и даже нехристіанскіе государи почтительно преклоняются предъ нимъ и принимаютъ его судъ. Итальянскій геній въ законѣ 9-го мая 1871 года разрѣшилъ задачу, которая въ другія времена могла-бы показаться неразрѣшимою. По этому закону папѣ была предоставлена безграничная свобода во всей сферѣ его духовной власти. Такимъ образомъ, онъ подчиняется только Богу. Никакая человѣческая власть не можетъ достигнуть до него. Какъ свѣтскій государь, папа не могъ-бы имѣть такого авторитета, такъ какъ въ такомъ случаѣ онъ былъ-бы равенъ всѣмъ другимъ государямъ и не могъ-бы быть первымъ среди нихъ. Всѣ боролись-бы противъ него, какъ они и боролись съ нимъ цѣлые вѣка къ ущербу для вѣры и для духовнаго авторитета. Теперь-же папа независимъ, онъ выше всѣхъ. Въ этомъ его могущество. Католицизмъ долженъ быть признателенъ Италія за услуги, оказанныя ею римскому понтификату послѣ 1870 года. Въ дерзкихъ людяхъ, не признающихъ церковнаго закона и противящихся Богу, нѣтъ недостатка, и мы должны съ сожалѣніемъ сказать, что таковы тѣ, которые объявляютъ себя Его священнослужителями. Но они не будутъ имѣть успѣха, такъ какъ Италія очень сильна, очень увѣрена въ самой себѣ, не боится усилій мятежниковъ. Нѣтъ, они не справятся съ нами. Быть можетъ, они уймутся. Духовенство знаетъ, что его никто не тронетъ, пока оно останется въ предѣлахъ своихъ правъ. Оно знаетъ, что, проповѣдуя возмущеніе противъ

законовъ, оно содѣйствуетъ анархистамъ, отрицающимъ Бога и короля».

Послѣднія фразы вызвали едва сдерживаемую улыбку даже среди министровъ, почтительно стоявшихъ предъ своимъ патрономъ. Всѣ присутствовавшіе невольно вспомнили, что Криспи большую часть своей сознательной жизни провелъ въ роли дѣятельнаго и неустрашимаго революціонера. Этотъ инцидентъ и излишняя грубость выраженій диктатора ослабляли впечатлѣніе у слушателей, но по существу рѣчь Криспи является неуязвимой. Основныя ея положенія могутъ быть послѣдовательно проведены и до полнаго отрицанія какой бы то ни было папской власти, и какихъ бы то ни было монопольныхъ притязаній въ религіозной сферѣ. Мало того, Криспи могъ бы воспользоваться весьма благодарной темой для развѣнчиванія папской власти и папскихъ притязаній на возстановленіе Церковной области. Онъ могъ бы нарисовать мрачную картину режима, царившую въ Папской области, и отсюда сдѣлать переходъ къ описанію тѣхъ радостей и восторговъ, съ которыми населеніе встрѣчало вступленіе войскъ Виктора Эммануила въ предѣлы Папской области и въ самый Римъ. Но тутъ являлся уже вполнѣ естественнымъ переходъ и къ тому, что восторги и радости оказались преждевременными. Пришлось бы волей-неволей считаться съ тѣми, которые доказываютъ, что пышный юбилей, устроенный самому себѣ правительствомъ объединенной Италіи подъ громкимъ названіемъ «народнаго праздника», совпадаетъ съ юбилеемъ разочарованій и скорби народа.

Режимъ правительства объединенной Италіи, блестящимъ представителемъ котораго является диктаторъ Криспи, такъ ратовавшій когда-то за права народа и націи, является попраніемъ правъ народа и позоромъ для націи. Органы тройственнаго союза, энергично поддерживающіе Криспи, какъ главную опору «союза» въ Италіи, расписывая всѣ прелести «національнаго» праздника и мудрость его устроителя,— все-таки не могли обойти горькую правду. «Что не единицами считаются тѣ, которые протестуютъ противъ празднествъ, это, говоритъ «Neue Freie Presse» (№ отъ 20 сент.), не подлежитъ никакому сомнѣнію. Какъ бы тамъ ни гремѣли празднества въ Римѣ, но они раздѣляются далеко не во всей Италіи. Настроеніе въ странѣ не праздничное, а грустное. Съ досадой и удивленіемъ было встрѣчено извѣстіе о невѣроятномъ событіи въ Палермо, гдѣ старыхъ гарибальдійцевъ при отъѣздѣ ихъ въ Римъ (на празднества) всячески оскорбляли и бросали въ нихъ камнями. Казалось бы совершенно невѣроятнымъ, что тѣхъ самыхъ подвижниковъ, которые помогли освободить ихъ островъ изъ подъ власти бурбоновъ, сициліанцы будутъ третировать какъ враговъ, и что красная сорочка (костюмъ гарибальдійцевъ) на итальянской почвѣ не можетъ

служитъ защитой противъ оскорбленій. Однако, нужда и нищета не знаютъ патріотизма. Воспоминаніями народъ не можетъ утолить свой голодъ. Хотятъ хлѣба, а его нѣтъ не въ одной только Сициліи. Народъ предъявляетъ и другія, идеальныя требованія, которыя выражаются въ возгласѣ: да здравствуетъ амнистія! Является непонятнымъ, почему такіе вожди, какъ де Феличе, Боско, Барбето и другіе, присуждены къ многолѣтнимъ тюремнымъ заключеніямъ и должны ихъ отбыть, когда въ то же самое время Толонге и его товарищи гуляютъ на свободѣ. Средніе классы жалуются и ропщутъ на чрезмѣрныя податныя тягости, на произволъ и неимовѣрную грубость полиціи. Подъ блестящей крышей римскихъ празднествъ таится глубокое недовольство». Дѣйствительно итальянскій народъ имѣетъ основаніе быть недовольнымъ. О чемъ онъ думалъ, на что онъ надѣялся 25 лѣтъ тому назадъ? Онъ думалъ, онъ вѣрилъ, что объединенная Италія есть залогъ культуры и прогресса итальянской націи. Всѣмъ казалось, что объединенный итальянскій народъ, заживъ общей жизнью подъ кровомъ общихъ политическихъ и гражданскихъ учрежденій, быстро пойдетъ по пути къ славѣ и величію. Римъ уже рисовался Римомъ временъ цезарей съ его міровымъ значеніемъ. Что же оказалось на самомъ дѣлѣ? Правительство объединенной Италіи за 25 лѣтъ своей мудрой и якобы «прогрессивной» политики довело страну до нищенства и разоренія. Въ культурномъ отношеніи Италія не только не возвратила себѣ того значенія, какое она имѣла, при раздробленіи на разныя республики, въ семьѣ западныхъ народовъ, но окончательно обезсилѣла и замерла. Самъ г. Криспи, бесѣдуя съ извѣстнымъ берлинскимъ профессоромъ А. Вагнеромъ, какъ намъ приходилось слышать отъ самого Вагнера, съ грустью замѣтилъ: «да прежде говорили Bolonia docet, а теперь говорятъ—Germania docet». Итальянскій народъ думалъ, что послѣ 20-го сентября 1871 года воскреснутъ дни Болоньи и Падуи, воскреснутъ времена Рофаэля и Микель Анджело. Но нѣтъ, эти времена и дни не воскресли, а времена цезарей, пожалуй, воскресли въ томъ отношеніи, что весь итальянскій народъ превращается съ неимовѣрной быстротой въ положеніе римской черни, лишь съ тѣмъ однимъ различіемъ, что онъ не кричитъ властно и громко: panem et circenses, но только въ видѣ милости проситъ panem. Кавуръ и Гарибальди—думали ли они, работая въ пользу правительства объединенной Италіи, что святое для нихъ дѣло кончится нищетой итальянскаго народа и диктатурой, причемъ мѣсто диктатора займетъ ихъ же сподвижникъ, старый революціонеръ Криспи! Какими глазами смотрѣлъ Криспи 20 сентября на вылитую изъ бронзы рыцарски благородную фигуру Гарибальди? Онъ стоялъ у подножія памятника. Полотно пало, и предстала точно живая фигура Гарибальди въ той самой позѣ, въ какой онъ произносилъ завѣтныя для него слова: смерть или Римъ! Вся эта памятная для Криспи фигура

и звукъ этихъ памятныхъ для него словъ не смутили его душу. Онъ не дрогнулъ и позорная комедія была благополучно доведена до конца. Высшаго оскорбленія для національнаго героя и для всей итальянской націи не придумалъ бы и самъ Мефистофель. Гарибальди не разъ перевернулся бы въ гробу, еслибы узналъ, что ему открываетъ памятникъ диктаторъ надъ тѣмъ самымъ народомъ, за свободу и единство котораго онъ боролся. Какой позоръ! неужели онъ, Гарибальди, сражался и работалъ всю жизнь для того, чтобы заслужить благодарность диктаторовъ и узурпаторовъ правъ народа и націи! Герой въ гробу не повѣритъ, что народъ не вступился за его честь и во время не прекратилъ этой позорной для него комедіи.

Но народъ не могъ вступиться за честь своего героя: онъ обезсилѣлъ и матеріально, и морально и не могъ сплотиться для массоваго протеста. Режимъ правительства объединенной Италіи вытравилъ въ народѣ чувство гордости и уваженія къ своимъ правамъ, преданіямъ и идеаламъ. Противъ оскорбительныхъ, позорныхъ празднествъ громко протестовали только въ Палермо. Ветераны-гарибальдійцы, при ихъ отъѣздѣ на римскія празднества, были обруганы и забросаны камнями. «Neue Freie Presse» видитъ тутъ проявленіе черной неблагодарности со стороны населенія Сициліи къ Гарибальди и его сподвижникамъ, сражавшимся за освобожденіе острова изъ подъ гнета власти Бурбоновъ. Инцидентъ для газеты представляется удивительнымъ и непонятнымъ и она готова объяснить его взрывомъ грубыхъ страстей голодной толпы. Это неправда. «Neue Freie Presse» клевещетъ на голодную толпу. Эта голодная толпа, забывая голодъ, вступилась за честь Гарибальди и гарибальдійцевъ. Она прибѣгла къ послѣднему средству для вразумленія гарибальдійцевъ, отправлявшихся на празднества, оскорбительныя для нихъ самихъ и позорныя для памяти ихъ великаго вождя. Брань и камни свидѣтельствуютъ, что сициліанцы свято чтутъ память героя, который изъ гроба не могъ встать на защиту своей чести и чести своихъ сподвижниковъ. Если бы онъ былъ въ живыхъ, то точно также употребилъ бы послѣднія средства къ удержанію своихъ ветерановъ отъ участія въ празднествахъ, устраеваемыхъ въ честь экономическаго и моральнаго изнеможенія и порабощенія того самаго народа, за благо и свободу котораго они сражались подъ его предводительствомъ.

Когда отстоитъ итальянскій народъ попранныя его права и прекратитъ политику экономическаго и моральнаго изможденія націи? Диктаторъ Криспи скажетъ, что для его преклоннаго возраста этотъ моментъ не угрожаетъ своей близостью. Онъ успѣетъ отправиться къ праотцамъ раньше, чѣмъ измученный народъ потеряетъ терпѣнье. Это, конечно, утѣшеніе для гибкой совѣсти, растраченной на компромиссы. Но не для всѣхъ доступно и это утѣшеніе. Республиканское движеніе ростетъ въ

Италіи, несмотря на всѣ репрессіи. Быть можетъ, въ недалекомъ будущемъ исторія готовитъ новое поучительное «представленіе» на тему: государство и общество, народъ и правительство. Правительство соединенной Италіи при его усердіи можетъ довести итальянскій народъ до оправданія того положенія Лакомба, что нѣкоторые народы, доведены нищетою до такого положенія, что у нихъ вовсе нѣтъ правительства.

Своимъ терпѣніемъ итальянскій народъ искупилъ свои грѣхи, и было-бы крайне обидно, если-бы этотъ режимъ присосавшихся мнимыхъ охранителей трона и династіи продолжился еще на неопредѣленное время. Клика интригановъ, примазывающихся къ мнимой охранѣ трона и интересовъ династіи, давно уже не выступала на сценѣ въ такой наготѣ, въ какой она выступила въ Германіи, въ инцидентѣ Гаммерштейнъ-Штёкеръ. Гаммерштейнъ былъ душой и главой старой придворно-консервативной партіи и редакторомъ ея органа—«Крестовой Газеты». Въ придворныхъ кружкахъ онъ считался охранителемъ началъ семьи, нравственности и христіанской религіи. Но «охранители» вездѣ съ равнымъ успѣхомъ играютъ роль Тартюфа и теперь судебный слѣдователь разбирается въ дѣлахъ Гаммерштейна, бѣжавшаго свободно и безъ всякихъ препятствій изъ предѣловъ Германіи. Охранитель семьи, нравственности и христіанской религіи расхитилъ фонды своей партіи, назначенные на веденіе «Крестовой Газеты», занимался подлогами и поддѣлками. Такъ гласитъ объявленіе судебнаго слѣдователя, приглашающее задержать бѣжавшаго Гаммерштейна. Но это приглашеніе такъ и останется приглашеніемъ. Судебныя власти, явно покровительствовавшія свободному отъѣзду Гаммерштейна изъ Берлина, отъ души желаютъ, чтобы этотъ охранитель трона не попался въ руки правосудія. Дѣло чрезвычайно щекотливое для суда. На судѣ обнаружились-бы такія подробности, которыя были-бы непріятны самому Вильгельму II. Тутъ обрисовались-бы многія сцены изъ печальныхъ дней покойнаго Фридриха III и первыхъ дней царствованія самого Вильгельма; за Гаммерштейномъ выступили бы и другія фигуры. Пока-же за Гаммерштейномъ выступила фигура бывшаго придворнаго проповѣдника Штёкера. Этотъ «божій человѣкъ» и «второй Лютеръ»—интриганъ почище Гаммерштейна, его ближайшаго друга. Они вмѣстѣ съ нимъ работали на трудномъ и почтенномъ поприщѣ по охраненію семьи, христіанской религіи, трона и династіи. Иногда оба интригана обмѣнивались откровенными письмами, въ которыхъ они бесѣдовали по душѣ. Нѣсколько писемъ Штёкера къ Гаммерштейну попало въ распоряженіе органовъ печати, враждебныхъ феодальному консерватизму, и были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе. Штёкеръ отъ этихъ писемъ не могъ отказаться и призналъ ихъ подлинность. Въ письмахъ откровенно выяснялось, что клика примазавшихся къ охранѣ трона и интерссовъ династіи просто рѣшила плѣнить императора,

захватить его въ свои руки, и вертѣть имъ, какъ того требуютъ ихъ, интригановъ, интересы и интересы феодально - консервативной партіи. Она смѣло шла къ достиженію цѣли, въ чемъ замѣшанъ и самъ Вальдерзе. Вальдерзе былъ начальникомъ генеральнаго штаба и къ нему императоръ былъ сильно привязанъ въ началѣ своего царствованія, а потомъ удалилъ его на мѣсто корпуснаго командира въ провинцію. Достойно вниманія рыцарское благородство этого Вальдерзе. Когда лѣтомъ 1890 г. въ печати громко заговорили о роли Вальдерзе, неподходящей къ обязанностямъ начальника главнаго штаба, то онъ не постѣснялся соврать и во всѣхъ газетахъ помѣстилъ письмо, въ которомъ онъ говорилъ: «я служу моему королю и императору какъ солдатъ и не занимаюсь политикой». Что теперь скажетъ графъ Вальдерзе послѣ опубликованія писемъ Штёкера, въ которыхъ ясно описана его роль. Его, какъ состоящаго на дѣйствительной военной службѣ, не могутъ прикрыть рѣшенія консервативной партіи такъ, какъ они прикрыли Штёкера. На собраніи консервативной партіи, состоявшемся по поводу неожиданнаго разоблаченія физіономіи Штёкера въ его собственныхъ письмахъ, онъ не былъ признанъ опороченнымъ, а, наоборотъ, былъ признанъ благородно помогавшимъ императору избавиться отъ гибельной внутренней политики Бисмарка... Какъ долженъ чувствовать себя императоръ, ознакомившись со всей этой резолюціей и со всей «благородной» помощью интригановъ! Онъ, Вильгельмъ—императоръ, плѣненный кликой интригановъ, отрѣзанный отъ народа! Нужно бороться. Но нѣтъ, борьба оказывается не по силамъ и все приводитъ къ сознанію, что эта клика не желаетъ его выпустить изъ рукъ, а готова всегда энергично оказывать ему благородную помощь!.. Ему, какъ крайне энергичному человѣку, иногда удается вырваться на свободу. Онъ собираетъ международный конгрессъ по рабочему вопросу. Клика принципіальныхъ поклонниковъ имперіи употребляетъ всѣ усилія для того, чтобы дескредитировать начинанія «обожаемаго» монарха и путемъ всяческихъ интригъ убѣдить его въ томъ, что онъ «на свободѣ» можетъ лишь дискредитировать престижъ монарха и монархіи. Наоборотъ, подъ заботливой опекой ихъ, охранителей трона, онъ будетъ продолжать свое царствованіе мудро, величаво и правдиво. И вотъ опять возстанавливается нормальный порядокъ плѣненія. Вильгельму все-таки удается опять вырваться на свободу и онъ начинаетъ принимать мѣры къ удешевленію хлѣба для рабочихъ. Охранители опять начинаютъ поносить «обожаемаго» манарха и дѣло кончается тѣмъ, что Вильгельмъ, при всемъ своемъ упорствѣ, начинаетъ отстаивать чаянія аграріевъ. Клика на этотъ разъ рѣшаетъ быть осторожной и не выпускать своего «обожаемаго» плѣнника на свободу. Его взвинчиваютъ до такой степени, что онъ измѣняетъ своему честному императорскому слову, своей присягѣ и обнаруживаетъ крайнюю энергію въ

явномъ стремленіи посягнуть на гарантированныя конституціей права германскаго народа. Вся Германія встала на ноги и вступила въ борьбу съ императоромъ и его министрами, требовавшими отъ рейхстага, чтобы онъ принялъ законопроектъ, отмѣняющій свободу слова, совѣсти и убѣжденій. Мало того, одновременно та-же клика тартюфовъ энергично втягиваетъ императора въ племенную и религіозную травлю. Императора сегодня тянутъ противъ поляковъ, завтра — противъ евреевъ.

Это возбужденіе религіозной и племенной вражды до сихъ поръ занимало весьма выдающееся мѣсто въ дѣятельности «божьяго человѣка» и его друга Гаммерштейна. Штекеръ и Гаммерштейнъ дружно охраняли христіанство и работали въ пользу общественнаго мира на началахъ христіанской нравственности. Реально эта великодушная дѣятельность выражалась въ поддержаніи и возможно большемъ растравливаніи угасшаго въ Германіи антисемитизма. Какимъ образомъ «божій человѣкъ» примирялъ служеніе общественному миру на началахъ христіанской нравственности съ травлей однихъ гражданъ противъ другихъ, — это составляетъ тайну интриганской души «второго Лютера» и проворовавшагося рыцаря въ бѣгахъ. У нихъ, навѣрно, есть свой, вполнѣ удовлетворяющій ихъ интриганскую совѣсть вольный переводъ текста: «нѣсть эллинъ, ни іудей». Но въ Германіи невѣжество уже отошло въ область преданій и тамъ проповѣдь варварства и невѣжества не могла и не можетъ имѣть никакого успѣха. Чистый антисемитизмъ, ставящій въ своей программѣ одну племенную и религіозную вражду, не смотря на всѣ усилія Штекера и Гаммерштейна, не имѣлъ никакого замѣтнаго успѣха. Спросите любого человѣка въ Германіи, какое движеніе тамъ является наиболѣе слабымъ и безпочвеннымъ, и вамъ всякій отвѣтитъ, что такую судьбу влачитъ неизбѣжно антисемитизмъ. Все, что можно было бы включить въ программу антисемитизма путемъ разныхъ натяжекъ для его скрашиванія—все это находится въ рукахъ и въ программѣ прогрессивныхъ партій, которыя никогда не позволятъ дурачить народъ. Стремленіе придать антисемитизму какую-нибудь антикапиталистическую окраску въ Германіи не можетъ имѣть успѣха, такъ какъ демократическая партія, пользующаяся исключительной популярностью среди рабочихъ массъ, въ достаточной мѣрѣ отстаиваетъ антикапиталистическія тенденціи и право труда, и въ то же самое время является главнымъ противникомъ антисемитизма. Всякій рабочій въ Германіи понимаетъ, что демократія и антисемитизмъ взаимно отрицаютъ другъ друга. Только въ такихъ странахъ, гдѣ нѣтъ сложившейся и завоевавшей себѣ широкую популярность демократической партіи, можно примѣшивать къ программѣ антисемитизма разные побочные пункты, интересующіе массу, видящую, что эти интересные для нея пункты не представляются никакой особой, болѣе или менѣе сильной партіей. Само собою понятно, что такое подшиваніе

мягкой подкладкой грубой програмы чистаго антисемитизма предполагаетъ такую степень невѣжества въ массахъ населенія, которой въ Германіи уже не замѣчается, и приспособляется прямо къ эксплоатаціи невѣжества массъ населенія. И нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Вѣнѣ удалось именно такое подшиваніе антисемитизма разными подкладками, а не настоящее антисемитическое движеніе. Надѣлавшіе такъ много шуму вѣнскіе выборы напрасно, совершенно ложно и крайне нахально эксплоатируются въ пользу антисемитизма и въ доказательство его жизненности. Сами сторонники антисемитизма въ Римѣ признали его давнишнюю смерть и полную непопулярность, отказавшись выступить съ програмой антисиметизма въ его чистомъ видѣ. Они признали необходимымъ срыть его подъ разными прикрасами и разсчитывали ловить населеніе на эти прикрасы, эксплоатируя одновременно его крайнее разочарованіе въ программѣ нѣмецкой либеральной партіи. Населеніе *голосовало въ пользу прикрасъ и противъ нѣмецкой либеральной партіи*, а не въ пользу антисемитизма въ точномъ смыслѣ этого слова.

Нѣмецкая либеральная партія потеряла кредитъ, благодаря отсталости своей выцвѣтшей программы и своимъ узко-національнымъ (нѣмецкимъ) тенденціямъ. Послѣднія ея неудачи въ парламентѣ окончательно ее дискредитировали. Въ вѣнскомъ-же муниципалитетѣ и были только двѣ готовыя партіи: нѣмецкая либеральная и антисемитическая съ довольно пестрой программой. Голоса отъ дискредитированной нѣмецкой либеральной партіи и могли отходить только къ антисемитической партіи, пестрая программа которой открывала пріютъ разнымъ мнѣніямъ. Вожди этой партіи наканунѣ выборной горячки и во время выборовъ продолжали пестрить и раскрашивать свою программу. Въ результатѣ изъ 128 мѣстъ въ вѣнской ратушѣ на 92 мѣста антисемиты успѣли посадить своихъ кандидатовъ, а 46 мѣстъ осталось въ распоряженіи разбитой нѣмецкой либеральной партіи. Но 92 гласныхъ, сидящихъ на скамьяхъ партіи, въ сущности являются или только выразителями недовольства существующимъ порядкомъ, или сторонниками самыхъ разнообразныхъ пунктовъ пестрой выборной программы, въ глубинѣ которыхъ потонулъ и не всплыветъ наружу чистый неприкрашенный антисемитизмъ.

Что дѣйствительно изъ 92 мѣстъ на скамьяхъ антисемитовъ нѣкоторыя мѣста заняты выразителями недовольства существующими порядками, въ этомъ читатели убѣдятся изъ одного весьма характернаго документа. Чиновники въ Вѣнѣ тоже голосовали главнымъ образомъ за кандидатовъ антисемитической партіи. Всѣмъ показалось удивительнымъ, что чиновники—люди съ хорошимъ образованіемъ, оказались въ рядахъ партіи антисемитовъ. Въ разъясненіе этого недоразумѣнія одинъ чиновникъ прислалъ весьма любопытное письмо въ редакцію «Neue Freie

Presse» подъ весьма характернымъ заглавіемъ «Das Wahre an der Sache» «Органы повседневной печати всѣхъ лагерей,—пишетъ чиновникъ въ этомъ письмѣ,—силятся выяснить вопросъ, почему большая часть вѣнскихъ чиновниковъ голосовала въ пользу кандидатовъ антисемитической партіи, но до сихъ поръ никто не разгадалъ эту загадку. Прежде всего, до крайности ложно унижать хорошій вкусъ (den guten Geschmack) чиновниковъ до того, чтобы серьезно заподозривать ихъ въ симпатіяхъ къ вождю антисемитовъ, д-ру Карлу Люгеру... Ни докторъ Люгеръ, ни представляемая имъ идея антисемитизма, въ своихъ конечныхъ выводахъ достаточно мрачная для правового государства, не могли склонить чиновниковъ къ голосованію въ пользу кандидатовъ антисемитической партіи. Истинная причина выхода чиновниковъ изъ либеральнаго лагеря кроется въ ихъ крайнемъ недовольствѣ своимъ положеніемъ... Зародилось желаніе — скрытое до сихъ поръ недовольство манифестировать внѣшнимъ образомъ, и вотъ былъ выбранъ косвенный путь выраженія правительству своего недовольства, въ видѣ поддержанія своими голосами оппозиціи... Что эта оппозиція являлась антисемитической, это уже чисто случайное явленіе; въ Германіи чиновники подали-бы голоса прямо въ пользу соціалъ-демократовъ». Эти послѣднія слова являются документальнымъ подтвержденіемъ высказанной нами мысли, что антисемитизмъ, украшаясь разными добавочными пунктами, ловитъ голоса представителей труда только въ той странѣ, гдѣ нѣтъ сильной демократической партіи. Въ Вѣнѣ-же было только двѣ партіи. Голоса, отходящіе отъ нѣмецкой либеральной партіи, перешли-бы къ демократической, если-бы она существовала, но ея не было, и волей неволей приходилось искать пріютъ подъ какимъ-нибудь пунктомъ гостепріимной пестрой программы вождей антисемитическихъ партій. Въ подтвержденіе этой пестроты программы, всячески раздувавшейся во время выборовъ вождями антисемитической партіи, мы не станемъ приводить длинные отрывки изъ ихъ рѣчей. Но эта пестрота прямо отразилась въ пестротѣ тѣхъ объясненій, которыя приводятъ газеты, желая дать отчетъ въ причинахъ успѣха на вѣнскихъ выборахъ антисемитической партіи. Чуть-ли не всѣ газеты, враждебныя антисемитизму, признали наиболѣе полными разъясненія краковской газеты «Scas». «Неопредѣленность въ стремленіяхъ антисемитизма, говоритъ «Scas», приводитъ къ демагогическимъ средствамъ, къ неистовствамъ и радикализму, къ игрѣ съ безопасностью и спокойствіемъ въ государствѣ. Такія партіи обыкновенно работаютъ для другихъ. Антисемитизмъ возбуждаетъ расовую ненависть, но въ тоже самое время онъ разжигаетъ зависть у бѣдныхъ къ богатымъ, онъ возбуждаетъ войну противъ капитала, т.-е. противъ собственности. Его средства и его сущность отличаются чисто демагогическимъ характеромъ. Его наслѣдниками скорѣе будутъ партіи ниспровер-

женія существующаго порядка, чѣмъ консерваторы, которые питаютъ надежды на то, что они могутъ пользоваться антисемитизмомъ. Самъ по себѣ антисемитизмъ не имѣетъ никакой подкладки для своего существованія и поэтому онъ или перестанетъ существовать, или выродится въ партію ниспроверженія существующаго порядка». Изъ этого объясненія ясно видно, какіе пестрые узоры разшилъ вѣнскій антисемитизмъ въ своей програмѣ и на чемъ именно онъ выигралъ. И тутъ опять мы находимъ новыя подтвержденія тому, что антисемитизмъ разукрасился тѣми пунктами, которые не поддерживаются ни въ Вѣнѣ, ни въ Австріи вообще особой сильной демократической партіей. Если-бы эта партія существовала, то, какъ справедливо замѣчаетъ «Scas», разукрасившійся антисемитизмъ утратилъ бы свою пеструю програму, которая была-бы сведена къ чистому антисемитизму, утратившему всякую подкладку для своего существованія. Въ результатѣ получается итогъ, мало ожидаемый консерваторами, идущими рука объ руку съ настоящими антисемитами. Дружная ихъ работа приводитъ къ возникновенію и укрѣпленію демократическихъ партій. Эти партіи, будучи враждебными буржуазнымъ тенденціямъ во внутренней политикѣ, начнутъ сильно ратовать и уже ратуютъ и противъ буржуазной внѣшней политики. Пока слышатся громкіе протесты противъ колоніальной политики европейскихъ государствъ

На нѣкоторыхъ послѣднихъ событіяхъ въ области колоніальной политики мы уже останавливались въ прошлыхъ письмахъ. Такъ, мы старались выяснить истинный смыслъ мадагаскарской экспедиціи. Не находя въ этой экспедиціи ничего лестнаго для Франціи, мы говорили: «Франція, такъ много послужившая дѣлу личной и политической свободы въ началѣ столѣтія, могла-бы отнестись съ уваженіемъ ко всякому стремленію къ свободѣ, даже если-бы это стремленіе проявляли говасы. Но нѣтъ, по мнѣнію руководящихъ французскихъ классовъ населенія, на Мадагаскарѣ долженъ развиваться французскій флагъ и царить французскій жандармъ. Право, пора-бы поставить на иную точку зрѣнія вопросъ о протекторатѣ надъ несчастными полудикими народами въ связи съ вопросомъ о раздѣлѣ «чернаго материка». Трудно допустить мысль о томъ, что черный материкъ долженъ служить торговымъ интересамъ европейскихъ государствъ, а не интересамъ народностей, искони ихъ населявшихъ. Европейскія государства, сражавшіяся съ мѣстными королями подъ предлогомъ прекращенія торговли невольниками, стали сами между собою торговать не отдѣльными невольниками, а цѣлыми королевствами, въ которыхъ они ведутъ политику, направленную къ вырожденію туземнаго населенія» *). Приблизительно по такимъ-же соображеніямъ теперь стали протестовать противъ мадагаскарской экспедиціи и въ самой Франціи.

*) См. «Сѣв. Вѣстн.» № 8, 1895, стр. 323—324.

На конгрессѣ рабочей партіи въ Ромили, какъ сообщаетъ «Journal des débats», была принята слѣдующая резолюція: «принимая во вниманіе, что колоніальныя экспедиціи, предпринимаемыя подъ предлогомъ распространенія цивилизаціи и защиты національной чести, приводятъ къ коррупціи и полному уничтоженію примитивныхъ народностей, конгрессъ рабочей партіи всячески протестуетъ противъ колоніальнаго разбойничества, для котораго никогда не слѣдуетъ жертвовать ни однимъ человѣкомъ, ни однимъ су». Трудно заподозрить представителей рабочей партіи, вотировавшихъ такую резолюцію, въ недостаткѣ патріотизма, въ отсутствіи у нихъ желанія видѣть Францію великой и могущественной. Могущество, растрачиваемое на колоніальныя пріобрѣтенія и экспедиціи, падаетъ, а не усиливается. Многочисленные сторонники той теоріи, будто бы колоніальная политика является лучшимъ средствомъ для разрѣшенія соціальнаго вопроса, должны прислушаться къ голосу представителей рабочей партіи. Они являются стороной заинтересованной въ этомъ разрѣшеніи и готовы воспользоваться всякимъ подходящимъ для того средствомъ, не противорѣчащимъ человѣческому достоинству и элементарнымъ требованіямъ справедливости. Однако, они протестуютъ противъ современной колоніальной политики и не видятъ въ ней для себя никакой помощи. Руководящіе классы, всегда указываютъ для разрѣшенія соціальнаго вопроса на такія средства, которыя могутъ имъ принести самую вѣрную пользу и не могутъ благотворно отразиться на судьбѣ выдвинутаго ими соціальнаго вопроса. Вражда между разыгравшимися аппетитами руководящихъ классовъ разныхъ государствъ придала всей колоніальной политикѣ характеръ настоящей охоты на черныхъ и желтыхъ. Такія тенденціи, не имѣющія ничего общаго съ гуманными началами и основными идеями соціально-этической политики, вызвали у нѣкоторыхъ передовыхъ людей стремленіе «облагородить» общими усиліями современную колоніальную политику. Возникла идея объ образованіи *международнаго колоніальнаго института.*

Впервые мысль объ учрежденіи колоніальнаго института была высказана французскимъ экономистомъ Шайи-Бертомъ (Chailley-Bert). Шайи-Бертъ былъ командированъ французскимъ правительствомъ въ Голландію для изученія тѣхъ способовъ, которые тамъ практикуются для образованія чиновниковъ, подходящихъ къ службѣ въ колоніяхъ. Въ январѣ 1893 г. голландскій министръ колоній баронъ ванъ-Дедемъ давалъ въ честь Шайи-Берта обѣдъ, на которомъ присутствовали бывшіе министры колоній, бывшіе губернаторы въ колоніяхъ, профессора университета и т. д. Шайи-Бертъ, пользуясь такимъ благопріятнымъ подборомъ общества, собравшагося за обѣдомъ, произнесъ рѣчь, въ которой доказывалъ существенную потребность въ учрежденіи международнаго колоніальнаго института. Рѣчь Шайи вы-

звала улыбку среди общества, весьма опытнаго въ колоніальныхъ дѣлахъ и вопросахъ. Ему стали доказывать, что институтъ будетъ обреченъ на преждевременную смерть или будетъ влачить жалкое существованіе. При настоящей колоніальной конкурренціи, возражали Шайи, правительства всѣхъ странъ будутъ игнорировать институтъ и останутся глухими ко всѣмъ его постановленіямъ. Занятіе-же пустыми разговорами на сессіяхъ института будетъ способствовать наибольшему и наискорѣйшему его дискредитированію. Шайи былъ смущенъ, но не желалъ разстаться съ своей идеей. Онъ сталъ энергично завоевывать себѣ сторонниковъ и въ скоромъ времени къ нему примкнули: въ Голландіи профессоръ Лейденскаго университета ванъ-деръ-Литъ и Франсенъ-де-Путтсъ, бывшій весьма долгое время руководителемъ голландской колоніяльной политики, во Франціи—извѣстный экономистъ Леонъ Сэй, бывшій министромъ финансовъ, въ Англіи бывшій губернаторъ въ Бомбеѣ лордъ Рей и Альфредъ Лайль, также бывшій губернаторомъ въ колоніяхъ и написавшій нѣсколько выдающихся брошюръ по вопросамъ колоніальной политики, въ Бельгіи—майоръ Тисъ (Thys), много поработавшій въ Конго, и Жансенъ, бывшій губернаторъ независимаго государства Конго. Всѣ эти лица въ октябрѣ 1893 г. собрались въ Парижѣ и выработали сообща статуты и регламенты международнаго института колоніальной политики. Этотъ октябрьскій съѣздъ являлся открытіемъ института и вмѣстѣ съ тѣмъ первой сессіей. Вторая сессія института состоялась въ Брюсселѣ, при чемъ число его членовъ, присутствовавшихъ на сессіи, достигло 20. Третья сессія недавно закончилась въ Гагѣ и на ней уже присутствовало 40 человѣкъ. Такимъ образомъ, международный колоніальный институтъ могъ-бы имѣть свою будущность, если-бы онъ на самомъ дѣлѣ стремился къ проведенію гуманныхъ и этическихъ началъ въ колоніальную политику.

Пока международный колоніальный институтъ дѣятельно занялся изученіемъ и разслѣдованіемъ разныхъ сторонъ колоніальной жизни и колоніальной политики. Институтъ уже имѣетъ свое изданіе—«Bibliothèque coloniale internationale», которая будетъ выходить серіями и въ каждой серіи по одному какому-нибудь вопросу будутъ собраны законы, распоряженія, статистическія данныя и т. д. изъ всѣхъ странъ и колоній. Пока вышелъ первый томъ первой серіи «Библіотеки», въ которомъ собраны законы, распоряженія и регламенты, опредѣляющіе положеніе рабочихъ въ голландскихъ, бельгійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ колоніяхъ. Во второмъ томѣ первой серіи будетъ продолжаться печатаніе того-же самаго матеріала, относящагося уже къ другимъ странамъ и другимъ колоніямъ. Затѣмъ будутъ взяты другіе вопросы, а именно о колоніальномъ чиновничествѣ, о земельныхъ порядкахъ въ колоніяхъ. Кромѣ «Библіотеки», институтъ будетъ издавать еще «Отчетъ» о своихъ заня-

тіяхъ втеченіе года, въ которомъ будутъ печататься всѣ доклады и всѣ пренія по разнымъ вопросамъ, обсуждавшимся на ежегодныхъ сессіяхъ международнаго колоніальнаго института. По этимъ докладамъ и преніямъ можно судить о направленіи дѣятельности института и соціально-этическомъ характерѣ колоніальной политики. Такъ на послѣдней третьей сессіи института особое вниманіе было посвящено вопросу о рабочихъ въ колоніяхъ. Оказывается, что рабочій вопросъ въ колоніяхъ обострился не менѣе, чѣмъ и въ старой Европѣ. Крупные и средніе капиталисты изъ разныхъ странъ Европы направляются въ колоніи, чтобы тамъ пріумножить свои богатства, занимаясь весьма доходными культурами чая, кофэ, сахарныхъ растеній и т. д. Для всѣхъ этихъ культуръ требуется громадное количество рабочихъ рукъ. Вопросъ о рабочихъ рукахъ разрѣшается предпринимателями разно. Если въ данной колоніи имѣется достаточный запасъ рабочихъ изъ мѣстнаго населенія, то предприниматели, по своему усмотрѣнію, заключаютъ съ ними контракты на разные сроки. Если же данная колонія населена такъ слабо, что среди мѣстнаго населенія нельзя набрать нужное число рабочихъ, то предприниматели отправляются на поиски въ сосѣднія болѣе населенныя мѣстности. Эти поиски и путешествія конечно требуютъ не малой затраты денегъ и времени. Предприниматели, желая избавить себя отъ излишнихъ расходовъ, заключаютъ съ рабочими контракты на долгіе сроки, напр., на два года, на пять и даже на семь лѣтъ, въ теченіе которыхъ рабочіе не имѣютъ права возвращаться на родину. Законтрактованные неприхотливые и выносливые представители черной и желтой расы уже испытали благодѣянія предпринимателей и требуютъ, что ввозъ рабочихъ въ колоніи и рабочіе контракты были контролируемы безпристрастными представителями колоніальнаго управленія. Международный колоніальный институтъ по этому вопросу проявилъ особую тенденцію къ защитѣ интересовъ предпринимателей и призналъ необходимымъ защитить ихъ отъ «произвола рабочихъ», неисполняющихъ контракты и массами бросающихъ работу до истеченія того срока, на который они были законтрактованы. Въ этихъ видахъ на засѣданіяхъ третьей сессіи было признано необходимымъ дополнить колоніальное законодательство постановленіемъ о томъ, что уходъ рабочаго до истеченія контракта есть не только гражданское, но и *уголовное* правонарушеніе.

Въ этихъ краткихъ указаніяхъ довольно ясно обрисовывается соціально-этическій характеръ современной колоніальной политики и степень ея участія въ разрѣшеніи соціальнаго вопроса. Европейскіе предприниматели для разрѣшенія соціальнаго вопроса въ Европѣ занялись политикой насажденія этого вопроса въ колоніяхъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что обычные простые рабочіе, пользуясь въ Европѣ защитой рабочаго законодательства, не желаютъ вручать себя усмотрѣнію

предпринимателей въ колоніяхъ, на которыя рабочее законодательство не распространяется. Если же оно и распространяется въ извѣстной степени, то слабое его значеніе, при снисходительности надзирающихъ властей на континентѣ, въ колоніяхъ сводится къ нулю по отсутствію надзора и при большой свободѣ для всякаго произвола. Въ колоніи предприниматели заманиваютъ съ успѣхомъ только рабочую аристократію, т. е. рабочихъ съ техническими познаніями на разныя руководящія должности. Для самой же работы приходится набирать рабочихъ изъ мѣстнаго населенія или привозить «черныхъ» и «желтыхъ» изъ ближайшихъ къ колоніи мѣстностей. Съ рабочими изъ черныхъ и желтыхъ можно обращаться свободно безъ особыхъ церемоній. Такимъ образомъ, въ значительной степени та отмѣна рабства въ колоніяхъ, которой такъ гордится Европа, является призрачной или замѣненной рабочимъ вопросомъ, разрѣшаемымъ въ колоніяхъ на чисто рабскихъ началахъ. Если мѣстное населеніе колоній, при своей сравнительной многочисленности, нуждается въ работѣ, то предприниматели держатъ его въ ежевыхъ рукавицахъ. Если же предпринимателямъ приходится прибѣгать къ привозу черныхъ и желтыхъ, то они обставляютъ себя такими контрактами, которые уже по одной продолжительности срока конкуррируютъ съ рабствомъ, не говоря уже о разныхъ другихъ пунктахъ контрактовъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что рабочіе систематически убѣгаютъ отъ культурныхъ предпринимателей. Какая благодарная работа тутъ предстояла международному колоніальному институту! Онъ долженъ былъ-бы стать на защиту тѣхъ, которые сами себя защитить не могутъ. Предприниматели всегда постоятъ и защитятъ свои интересы. За нихъ вся администрація. Вѣдь для чего и пріобрѣтаются колоніи, какъ не для распространенія «національной предпріимчивости въ далекихъ странахъ». За милліоны-же «черныхъ» и «желтыхъ» вступиться некому. Принявъ ихъ подъ свою защиту, поставивъ себѣ единственной цѣлью защиту рабочихъ въ колоніяхъ, международный колоніальный институтъ, несомнѣнно, вызвалъ-бы къ себѣ общее сочувствіе среди мыслящей части европейскаго общества. Его буржуазныя тенденціи, стремленія защитить предпринимателей отъ «произвола рабочихъ» уголовными карами не сулитъ ему блестящей будущности. Такое направленіе въ дѣятельности института плохо мирится съ разрѣшеніемъ того соціальнаго вопроса, интересомъ котораго, по мнѣнію самого Шайи-Берта, должна служить колоніальная политика.

Международный колоніальный институтъ своей защитой интересовъ мѣстнаго «чернаго» и «желтаго» населенія въ значительной степени способствовалъ-бы и болѣе гуманному направленію европейской международной политики въ дѣлахъ востока. Проповѣдь гуманныхъ началъ является весьма необходимой въ то время, когда академики проповѣдуютъ

войну европейскаго континента противъ азіатскаго, проповѣдуютъ крестовый походъ европейцевъ на желтыхъ и черныхъ. Читатели помнятъ письмо французскаго академика Эрнеста Лависа къ германскому императору Вильгельму II. Академикъ приглашалъ императора образовать европейскую коалицію для похода на «желтыхъ», естественныхъ враговъ европейскаго населенія и европейской культуры. Наши возраженія воинственному академику не понравились одному соотечественнику, пребывающему въ Америкѣ, и онъ прислалъ намъ съ береговъ Ніагары «вразумительное» письмо. «Вы, господинъ ***, говоритъ путешествующій соотечественникъ,—предаетесь похвальнымъ мечтамъ» Вотъ основная мысль, которую авторъ письма развиваетъ и доказываетъ, опираясь на свой собственный опытъ и свои собственныя свѣдѣнія.

«Lavisse,—говоритъ путешествующій россіянинъ,—призываетъ германскаго императора къ образованію коалиціи Европы противъ желтой расы, а вы удивляетесь, почему востокъ долженъ быть лишенъ права на самостоятельное существованіе. Я позволю себѣ отвѣтить вамъ,—потому что пробудившійся востокъ, съ его безчисленнымъ населеніемъ, грозитъ не только преобладанію Европы надъ Азіей, но и самому существованію европейскихъ народовъ, въ смыслѣ самостоятельности, и самой европейской цивилизаціи. Прислушайтесь къ толку японскихъ газетъ, къ рѣчамъ японцевъ! Что они говорятъ? Чрезъ всѣ японскія газеты красною нитью проводится мысль, что Японія призвана пробудить спящія силы востока, воскресивъ въ немъ чувство національности и выступить на борьбу съ Европой. Здѣсь, въ Соединенныхъ Штатахъ, не мало хорошо образованныхъ японцевъ, и мнѣ неразъ приходилось говорить съ ними по этому поводу. Всегда отвѣты и возрѣнія одинаковы и разница только въ томъ, что одинъ откровеннѣе, другой сдержаннѣе отвѣчаетъ. Еще на дняхъ пришлось мнѣ говорить съ японцемъ, изучающимъ въ Чикаго медицину. Вотъ его слова:“ Что вы скажете про народъ, съумѣвшій въ 25 лѣтъ, безъ посторонняго побужденія, безъ кровопролитій и политическихъ смутъ (значительныхъ), кореннымъ образомъ измѣнить свой государственный строй, создать армію, флотъ. Нѣтъ основанія думать, что ваша европейская цивилизація будетъ вѣчна и избѣгнетъ общей участи. По меньшей мѣрѣ, мы желтая раса, этого не думаемъ. Напротивъ, мы твердо увѣрены, что именно мы сломимъ ей голову и на ея могилѣ воздвигнемъ свою, болѣе усовершенствованную и гуманную. Къ этому мы имѣемъ всѣ данныя!»

Въ результатѣ русскій обыватель на берегахъ Ніагары пришелъ къ тому заключенію что роль защитника европейской культуры, любезно предложенная Лависомъ германскому императору, по совокупности всѣхъ правъ и призваній, должна принадлежать Россіи. Этотъ выводъ въ данное время имѣетъ свое значеніе и мы о немъ поговоримъ ниже, а теперь остановимся на самыхъ посылкахъ въ пользу крестового похода противъ желтой расы. Что японцы, гордые своими быстрыми успѣхами на пути къ прогрессу умственному и политическому, громко говорятъ объ этихъ успѣхахъ, это вполнѣ понятно и естественно. Почему-же имъ и не поговорить громко объ умственномъ и политическомъ прогрессѣ своей

страны, если тотъ и другой успѣхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію? Эти разговоры могутъ вызывать зависть у тѣхъ, кто равными успѣхами похвалиться не можетъ... Въ чемъ-же однако проявляется варварскій характеръ японскихъ замысловъ? Въ стремленіи и въ сознаніи своей пригодности къ созданію культуры, болѣе гуманной, чѣмъ существующая теперь европейская культура. Если дѣйствительно японцы воодушевлены такими стремленіями, то ихъ нужно всячески хвалить и одобрять, а не сажать на штыки и не рѣзать. Какая-же культурная страна можетъ объявить войну другой странѣ за то что эта другая страна стремится къ усовершенствованію культуры и культурныхъ формъ жизни? Было-бы весьма прискорбно, еслибы роль такой державы приняла на себя Россія. Если-же и на самомъ дѣлѣ европейской культурѣ, съ какой либо стороны, угрожаетъ враждебное къ ней отношеніе,—то тутъ Россіи естественно подумать о судьбѣ европейской культуры въ самой Россіи. Россія сдѣлала-бы благое дѣло, если-бы въ своихъ собственныхъ границахъ вела войну противъ враждебнаго отношенія къ культурѣ. Господинъ соотечественникъ съ береговъ Ніагары, что вы скажите, если японскія газеты начнутъ писать о томъ, что для огражденія интересовъ культуры въ предѣлахъ Россіи нѣтъ другаго средства, кромѣ войны съ Россіей, и что эта война во имя культуры должна быть объявлена такимъ ея защитникомъ, какимъ именно является Японія? Соразмѣрьте степень культуры въ той и другой странѣ и скажите, кто имѣетъ больше правъ на защиту культуры внѣ предѣловъ своей собственной территоріи? Россіи нужно заботиться о европейской культурѣ у себя дома и нужно думать объ интересахъ своего собственнаго населенія.

* * *

Библіографическія замѣтки.

(Изъ старинныхъ газетъ и журналовъ).

I. А. С. Пушкинъ.

16) Къ исторіи созданія повѣсти «*Египетскія ночи*».

Въ исторіи всякаго истинно-художественнаго произведенія весьма важно познакомиться съ тѣми *дѣйствительными событіями* въ жизни автора, которыя послужили матеріаломъ для его творчества, давъ ему тѣ *краски*, тѣ *живыя черты*, отъ которыхъ зависитъ живость и самаго изображенія. Въ данномъ случаѣ однимъ изъ такихъ событій могъ быть, какъ намъ думается, пріѣздъ въ Петербургъ, въ 1832 году, нѣмца-импровизатора *Лангеншварца*, который и могъ послужить «моделью» для пушкинскаго итальянца-импровизатора. Лангеншварцъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ половинѣ мая и пробылъ до конца іюня, такъ что Пушкинъ, уѣхавшій въ Москву въ сентябрѣ (Гротъ: хронологич. канва для біографіи Пушкина, стр. 34) могъ быть свидѣтелемъ его представленій, а можетъ быть даже, какъ увидимъ, принималъ и живое участіе въ этихъ представленіяхъ, задавая темы.

О представленіяхъ Лангеншварца мы находимъ въ тогдашнихъ газетахъ слѣдующія извѣстія: «Недавно пріѣхалъ въ С.-Петербургъ изъ Германіи отличный нѣмецъ *импровизаторъ Лангеншварцъ*, коего похвалами наполнены газеты Берлина, Мюнхена Вѣны и Лейпцига...

... Г-нъ Лангеншварцъ импровизуетъ на каждый заданный ему предметъ въ любомъ родѣ поэзіи, въ какомъ угодно размѣрѣ, изустно или письменно и притомъ на нѣмецкомъ языкѣ, коего стопосложеніе несравненно труднѣе итальянскаго. Ему потребно лишь нѣсколько минутъ, чтобы обозрѣть предметъ свой, уловить въ немъ піитическую сторону, сообразить мѣстныя обстоятельства, составить планъ и приступить къ исполненію. Присутствіе духа, или, лучше сказать, вдохновеніе довершаютъ все прочее. Г-нъ Лангеншварцъ уже явилъ въ нѣкоторыхъ обществахъ сей столицы опыты своего дивнаго таланта. Заданные ему предметы были самаго различнаго рода. *Одинъ изъ славнѣйшихъ нашихъ отечественныхъ поэтовъ предложилъ ему для письменной импровизаціи* «*Смерть графа Каподистрія*», и г-нъ Лангеншварцъ въ той самой комнатѣ, гдѣ громко бесѣдовало общество, не болѣе, какъ въ полчаса сочинилъ прекрасную элегію. которую потомъ прочелъ къ удовольствію всѣхъ присутствовавшихъ, а вслѣдъ затѣмъ, по желанію одного находившагося въ обществѣ извѣстнаго ученаго, изустно импровизовалъ родъ эпическаго стихотворенія: Агарь въ пустынѣ. То и другое отличалось какъ полнотою вымысла, такъ и изяществомъ формы, и, смотря по свойству предмета, величіемъ или нѣжностью чувствованій. Но

этого еще мало: г-нъ Лангеншварцъ дозволяетъ себѣ задавать вдругъ по двѣ или по три предмета, переходитъ отъ одного къ другому даетъ прерывать себя посторонними вопросами, и со всѣмъ тѣмъ никогда не теряетъ нити своего повѣствованія. Никакой шумъ, никакое внѣшнее впечатлѣніе не могутъ развлечь его мыслей, остановить полетъ его воображенія. Какъ не подивиться послѣ сего творческой силѣ поэта-импровизатора!» (*«Спб. Вѣд.» 1832, № 116, 19 мая, стр. 1249: смѣсь; «Москов. Вѣдом.», 1832, № 44, стр. 1971*).

Кто же этотъ *«одинъ изъ славнѣйшихъ нашихъ поэтовъ»*, предложившій Лангеншварцу тему: «Смерть графа Каподистрія»? По всей вѣроятности — Пушкинъ, хотя могъ быть и Жуковскій. Но послѣдній прямо и названъ въ извѣстіи о придворномъ представленіи Лангеншварца, о которомъ тоже находимъ въ газетахъ извѣстіе, приводимое нами далѣе. Слѣдовательно, не было причины не называть его и въ настоящемъ случаѣ. Съ другой стороны и выборъ темы скорѣе могъ принадлежать Пушкину, чѣмъ Жуковскому.

О придворномъ представленіи Лангеншварца мы сообщимъ свѣдѣнія вмѣстѣ съ извѣстіями, относящимися къ Жуковскому.

Пока прибавимъ только, что появленіе Лангеншварца возбудило въ обществѣ интересъ къ импровизаторамъ, и въ ближайшемъ (119) номерѣ «Спб. Вѣдом.» (1832, стр. 1272) помѣщено извѣстіе о первомъ французскомъ импровизаторѣ Евгеніи де Праделѣ.

Одна изъ импровизацій Лангеншварца («Soldatentod. Gemälde aus dem Anfange unseres Jahrhunderts») помѣщена въ изданномъ книгопродавцемъ Брифомъ альманахѣ «Biarmia», 1833 г.

17) 9 іюня 1832 г. въ Большомъ театрѣ въ С.-Петербургѣ представлена была, въ бенефисъ Щепкина, *Цыгане, поэма А. С. Пушкина* (*«Русск. Инв.», 1832, № 143*, 9 іюня, стр. 572).

Пьеса эта продержалась на сценѣ чуть ли не болѣе 20 лѣтъ. По крайней мѣрѣ въ провинціи она давалась еще въ 50 годахъ. Напр., въ Уфѣ въ спектаклѣ въ пользу актера Манина, 19 января 1851 г., играна была романтическая пьеса *«Цыганка»* взятая изъ поэмы *Пушкина* (*«Сѣв. Пчел.», 1851, № 59,* 15 марта, стр. 254: Провинц. изв. Уфа).

18) 30 октября 1832 г. представленъ былъ въ Большомъ театрѣ въ С.-Петербургѣ: *«Русланъ и Людмила»* или низверженіе черномора, злого волшебника, большой волшебно-героическій балетъ въ 5 дѣйств. (*«Русск. Инв.», 1832, № 273*, 30 октября, стр. 1092).

19) С.-Петербургъ, Октября 13. «Пароходъ Николай I, совершивъ свое путешествіе въ 78 часовъ, 8 сего октября прибылъ въ Кронштадтъ съ 42 пассажирами, *въ томъ числѣ королевско-нидерландскій посланникъ баронъ Геккеренъ*» (*«Моск. Вѣд.», 1833, № 84*, стр. 3689).

20) «Я, нижеподписавшійся, отказавшись отъ всего наслѣдства, оставшагося послѣ родного моего брата, покойнаго кол. ассес. *Василія Львовича Пушкина*, симъ даю знать, чтобъ всѣ, кто покойному должны, и кому онъ долженъ, относились куда слѣдуетъ на законномъ основаніи; ибо объ отреченіи моемъ отъ братнина наслѣдства извѣстно уже опекѣ, учрежденной надъ имѣніемъ покойнаго, Нижегородской губ., въ Лукояновскомъ уѣздѣ. Пятаго класса и кавалеръ *Сергѣй Львовъ Пушкинъ*. („*Москов. Вѣд.*", *№ 1*, стр. 28, объявленіе, № 27).

21) „О именованіи поручика барона Георга Карла *д'Антеса* барономъ Георгомъ Карломъ *Геккереномъ*.

«По указу Его Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ слушали рапортъ господина управляющаго Военнымъ Министерствомъ, что пребывающій въ

С.-Петербургѣ нидерландскій посланникъ баронъ Геккеренъ, усыновивъ поручика кавалергардскаго ея Величества полка барона Георга Карла д'Антеса, которому, по повелѣнію короля нидерландскаго, главная дворянская палата королевства предоставила носить имя и титулъ, а также употреблять гербъ барона Геккерена, испрашивалъ Высочайшаго на сіе соизволенія, съ тѣмъ, чтобы баронъ д'Антесъ, какъ въ полковыхъ спискахъ, такъ и во всѣхъ актахъ, вмѣсто прежней своей фамиліи, именуемъ былъ отнынѣ барономъ Георгомъ-Карломъ Геккереномъ. По всеподданѣйшему докладу изъясненной просьбы посланника барона Геккерена, Его Императорское Величество изволитъ изъявить Высочайшее на сіе соизволеніе. О таковомъ Монаршемъ соизволеніи г. управляющій Военнымъ Министерствомъ доноситъ Правит. Сенату къ зависящему распоряженію Приказами (сообщить во всѣ присутственныя мѣста) Іюня 23 дня 1836 г. По 1-му Деп—ту». (Спб—ія Сенатск. Вѣд. 1836, № 27, Іюля 4, стр, 1075—1076).

22. «Александръ Сергѣевичъ *Пушкинъ* въ нынѣшнемъ 1836 году будетъ издавать литературный журналъ подъ названіемъ: *Современникъ*. Каждые три мѣсяца будетъ выходить по одному тому. Годовое изданіе составитъ четыре тома. Цѣна годовому изданію 25 руб. асс., съ пересылкой 30 руб. асс. Подписка принимается въ Спб—гѣ, во всѣхъ книжныхъ лавкахъ. Иногородные относятся въ газетную экспедицію» (Москов. Вѣд. 1836, № 13, февр. 12 стр. 272).

23 Кіевскій митроп. Евгеній писалъ Т. М. Снегиреву 15 февр 1837 г. изъ Кіева: «Вотъ и стихотворецъ *Пушкинъ* умеръ отъ поединка. Онъ былъ хорошій стихотворецъ, но худой сынъ, родственникъ и гражданинъ. Я его зналъ въ Псковѣ гдѣ его фамилія». (*Старина русской земли*. Изслѣд. и статьи *И. М. Снегирева*. Т. I кн. 1, Спб. 1871 г., стр. 135).

24) Въ спектаклѣ 27 августа 1851 г. „читанъ былъ г. Каратыгинымъ I „*Мѣдный Всадникъ*"; разумѣется, прекрасно, *но не слишкомъ-ли часто является на сценѣ этотъ отрывокъ? Мы то-же самое сказали бы и о сценѣ изъ Онѣгина*. Г-жа Самойлова была въ ней прелестна. Въ нынѣшній разъ она придала даже этому отрывку другой оттѣнокъ: прежде она говорила въ видѣ твердой, оскорбленной женщины, дающей урокъ своему преслѣдователю; нынѣ она играла Таню, все еще любящую Онѣгина и почти падающею подъ бременемъ этого чувства. Первое исполненіе было эффектное для сцены; нынѣшнее намъ больше нравится по физіологіи чувства и по женственности выраженія" („*Сѣв. Пчел.*", *1851*, *№ 203*, 13 сентября, стр. 809: изъ театральной хроники. Р. З.).

Въ заключеніе, сообщимъ дополненія къ изданной покойнымъ В. И. Межовымъ „*Puschkinian'ѣ*, указавъ какъ пропущенныя въ ней статьи, такъ и появившіяся послѣ изданія межовскаго указателя. Но при этомъ считаемъ необходимымъ замѣтить что и наши дополненія не исчерпываютъ всего, что появилось о Пушкинѣ въ различныхъ областяхъ человѣческаго творчества Мы сообщаемъ только тѣ свѣдѣнія, которыя попались намъ при нашихъ библіографическихъ занятіяхъ и которыхъ нѣтъ въ межовскомъ указателѣ. Но у самого Межова въ его указателѣ статей о Пушкинѣ не вошло многое изъ того, что указано имъ же въ библіографическомъ указателѣ, изданномъ имъ въ 1872 г. подъ заглавіемъ: „Исторія русской и всеобщей словесности".

А. Статьи о Пушкинѣ и его сочиненіяхъ.

1) О распредѣленіи къ должностямъ лицеистовъ 1-го выпуска императорскаго царскосельскаго лицея. („Сенатск. Вѣдом." 1817, № 37, стр. 295).

2) Вильгельмъ (Кюхельбекеръ). *Къ Пушкину*. („*Благонамѣрен.*" *1818*, *№ VIII* стр. 136—137.

3) Relations historiques, politiques et familières en forme de lettres sur divers Usages, Arts, Sciences, Institutions et Monuments publiés des Russes, recueillies dans ses différents voyages et resumés *par le Chev. de Dominicis.* 2 vols St.-Petersbourg 1824—25. 8⁰ 150 и 148 стр. Съ карт. и нотами.

Тутъ сообщены отзывы о разныхъ русскихъ писателяхъ, въ томъ числѣ и *объ А. С. Пушкинѣ.* Рецензія этой книги помѣщена въ «Москов. Телегр.» 1826, ч. VIII, стр. 52 - 57.

4) Взглядъ на стихотвореніе *А. Пушкина,* подъ названіемъ: *«Цыгане». (Карман. книж. для любит. рус. старины на 1829 г.).*

5) Пушкиной и Пушкину. Стихотвор. (*«Дамск. Журн,», 1831, № 17*).

6) На посвященіе Пушкинымъ своего творенія: «Годуновъ» памяти Карамзина. Стихотвор. (*«Дамск. Журн.», 1831, № 7*).

7) Сравненіе Викт. Гюго съ Пушкинымъ. Въ статьѣ. Сто-перваго (А. Галахова): «Характеръ сочиненій Виктора Гюго. (*«Отеч. Зап.» 1841, т. 17, отд. 17, стр. 1—18*).

8) Фарнгагенъ фонъ-Энзе. Новѣйшая русская литература (*Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland*, 1841, кн. 1). Переводъ этой статьи помѣщенъ въ *«Отеч. Зап.» 1841, т. 17*, отд. 17, стр. 83—86.

9) Разсказъ А. С. Пушкина г-жѣ А. А. Фуссъ о предсказаніи гадалки. (*«Казанск. Губ. Вѣд.» 1844, № 2*).

10) Статья, обозначенная у Межова подъ № 92, издана была также отдѣльно (Спб. 1848 г., 8⁰) и принадлежала Д. И. Мацкевичу, цензору.

11. Н. Мизко. Столѣтіе русской литературы. Одесса. 1850 г. (Обозрѣніе русской литературы отъ Ломоносова до смерти Пушкина). Рецензіи: «Отеч. Зап.» 1850, № 4, «Сѣв. Пч.» 1851, № 141, фельет.

12) Русскій историч. альбомъ, изд. Погодинымъ. 1853. Листъ 39: *Черновой набросокъ стихотвор. Пушкина*: «Есть роза дивная».

13) *Пушкинъ*, Алекс. Серг. *Справочн. энциклопедич. слов.* подъ ред. А. Старчевскаго, Спб. 1854, т. IX, стр. 351—353,

14) F. Arago. Notices scientifiques. T. 1. Paris. 1854, p. 324: О посылкѣ *Пушкина* противъ саранчи.

15) С. Т. Аксаковъ. Разныя сочиненія. М. 1858. Тутъ помѣщено *письмо о Пушкинѣ*, перепечатан. изъ «Москов. Вѣстн.» 1830 г. Помѣщено также въ полн. собр. соч. С. Т. Аксакова, 1886, т. IV, стр. 156—158.

16) Новыя стихотворенія *Пушкина* и Шевченко. 1859.

17) Импровизація Мицкевича (и *Пушкина*). (*«Библ. Зап.», 1859*, столб. 604—605).

18) Mickiewicz, Adam. Pisma. 1860. IX, 293.

19) Собраніе стихотвореній *А. Пушкина*, Кольцова и Крылова. Хрестомат. для народа. Спб. 1860.

20) Соч. Д. В. Давыдова. М. 1860, ч. 3 стр. 142: Письмо Давыдова къ *Пушкину* о Чаадаевѣ.

21) Замѣтка на это письмо М. Н. Лонгинова. *«Русск. Вѣстн.» 1860, № 5*, современная литература, стр. 21—25, перепечатанная въ «Библ. Зап.», 1861, № 1, столб. —18.

22) Одно ненапечатанное стихотвореніе *Пушкина.* («Время», 1861, VII).

23) Я. К. Гротъ. Памяти *Пушкина.* Стихотвор. (*«Русск. Вѣстн.», 1861, № 4.* . 701—702).

23) Народная сказка о рыбакѣ и рыбкѣ. *А. С. Пушкина.* Спб. 1861. Тип. Гогенфельдена и К⁰ 8⁰, 16 стр. Цѣна 5 к. Съ 5 политипажами.

„Это едва ли не первый примѣръ такого добросовѣстнаго и дешеваго изданія". (Библ. Зап." 1861, № 3, столб. 98).

24) Пушкинская стипендія („Время“ 1862, № 1, смѣсь).

25) Стипендія Пушкина (при с.-петербургскомъ университетѣ). („Ж. М. Н. Пр.“, 1861, № 1, стр. 18, смѣсь).

26) Tchadaïeff, Pierre. Oeuvres choisies. Paris et Leipzig. 1862.

Тутъ помѣщено *письмо А. С. Пушкина* къ Чаадаеву. Замѣтка объ этой книгѣ помѣщена въ „Русск. Арх.“, 1863, стр. 871.

27. Домъ Гензова, бывшаго намѣстника Бессарабіи. Спб. 1864. 2° 1 листъ.

Изображеніе дома снято съ натуры въ 1854 г. и исполнено на камнѣ К. Егоровымъ. Въ верхней части листа изображенъ домъ Гензова, въ нижней—помѣщено стихотвореніе неизвѣстнаго автора, выражающее впечатлѣнія, навѣянныя на него видомъ дома, въ которомъ жилъ Пушкинъ.

28) А. Любавскій. Русскіе уголовные процессы. Спб. 1866, стр. 560—569: Всеподданнѣйшій докладъ о дуэли Пушкина съ Дантесомъ.

29) *Евгеній Онѣгинъ.* Романъ въ стихахъ, сокращенный и исправленный по статьямъ новѣйшихъ лжереалистовъ. Темнымъ человѣкомъ (*Д. Минаевымъ*). Съ приложеніемъ 5 рис. раб. художн. П. А. Лебедева. Спб. тип. Деп. Удѣл., 1866, 8°, 58 стр.

30) Неизданныя мѣста изъ переписки съ друзьями Гоголя. Мнѣніе *Пушкина* о монархіи. Ода Пушкина Императору Николаю I („*Русск. Арх.*“, *1866*, стр. 1731—1734).

31) Русское чтеніе для еврейскаго юношества. Изд. 2. Вильна. 1867.

Тутъ помѣщено 31 стихотвор. разн. авторовъ, въ томъ числѣ и *Пушкина.*

32) Жизнеописанія В. А. Жуковскаго, И. А. Крылова, *А. С. Пушкина*, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. В. Кольцова и И. С. Никитина. Сборникъ для народнаго чтенія. 1870.

33) А. Скабичевскій. Очерки умственнаго развитія нашего общества, 1825—60. „Отеч. Зап.“, 1870, №№ 10 и 11; 1871, №№ 1, 2, 3, 4, 10 и 11; 1872, №№ 4, 5 и 6. *О Пушкинѣ* въ гл. VII и IX.

34) Возобновленіе подписки на памятникъ *Пушкину.* Отъ Высоч. утвержд. Особ. Комитета. („*Вѣстн. Европы*“, *1871*, *№ 5*, стр. 494—496).

35) Библіографическая судьба *Пушкина.* Полн. собр. соч. А. С. Пушкина. Т. I, изд. 2. Спб 1870. (*«Вѣстн. Евр»*, *1871*, *№ 3*, стр. 445—463).

36) Я. К. Гротъ. О возобновленіи подписки на памятникъ *Пушкину* («Спб. Вѣд.», 1871, № 104).

37) Lettres à une inconnue, par Prosper Mérimée. Paris. 1874.

Свѣдѣнія о Пушкинѣ перепечатаны въ «*Вѣстн. Евр.*», 1874, № *3*, стр. 171, 172—173).

38) Громачевскій. Автографъ *Пушкина* (отрывокъ изъ поэмы «Цыгане») («*Древн. и Нов. Рос.*», *1876*, *№ 5*, стр. 91).

39) Каменный гость. Сцены *А. С. Пушкина.* 1877. Пьеса, разсмотрѣнная драматическою цензурою въ октябрѣ 1877 и дозволенная «съ исключеніями» («Указат. по дѣл. печ.», 1877, № 20—21, стр. 3).

40) Лобановъ, Д. *Владиміръ Дубровскій*, или смерть за смерть. Драма въ 1 дѣйств

41) Лобановъ, Д. Картежникъ. Драма въ 5 д. (изъ повѣсти *Пушкина*). Спб. 1877. Лит. П. Смирнова. М. 4°, 95 стр.

Это драматическое переложеніе повѣсти: «Пиковая дама».

Ф. Витбергъ.

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

Рабочіе на Сибирской желѣзной дорогѣ.

Въ 1893 и 1894 годахъ мнѣ пришлось на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ рабочихъ на Сибирской желѣзной дорогѣ. Тутъ повторяется старая, но вѣчно юная исторія, прекрасно изложенная въ извѣстномъ стихотвореніи Некрасова. Читатели позволятъ мнѣ разсказать имъ часть правды о тѣхъ тысячахъ рабочихъ, которые потребовались для сооруженія «великаго сибирскаго пути». По своему составу они подраздѣляются приблизительно на слѣдующія группы: 1) землекопы, 2) каменьщики, 3) лодочники и водоливы, 4) молотобойцы и клепальщики, 5) плотники, столяры и свайщики, 6) извозчики и, наконецъ, 7) чернорабочіе. Въ средѣ этого многочисленнаго и разнообразнаго рабочаго люда вы встрѣтите крестьянъ чуть-ли не изъ всѣхъ губерній европейской Россіи, природныхъ сибиряковъ изъ губерній и областей Западной и Восточной Сибири; новоселовъ-переселенцевъ, ссыльно-поселенцевъ, инородцевъ-киргизъ изъ Семипалатинской области и, наконецъ, даже небольшую артель итальянцевъ-каменотесовъ. Рабочіе нанимаются, главнымъ образомъ, желѣзнодорожными подрядчиками и «рядчиками», частью же — непосредственно самой желѣзно-дорожной администраціей, исполняющей нѣкоторыя работы самостоятельно, такъ называемымъ «хозяйственнымъ способомъ».

Нанимаются рабочіе на различныхъ условіяхъ. Такъ, напр., «россійскіе» заключаютъ съ подрядчикомъ-хозяиномъ на извѣстный срокъ письменный договоръ или контрактъ и отсюда называются «контрактными»; сибирскіе, по большей части, работаютъ на земляныхъ работахъ или по счету кубиковъ вырабатываемой ими земли и называются— «кубичниками», или поденно и сдѣльно и называются «поденными» и «сдѣльными». Въ 1894 году преобладающимъ контингентомъ на средне-сибирской ж. д. являлись «контрактные» рабочіе. Мы ознакомимся сначала съ тѣмъ положеніемъ этой главной группы рабочихъ, которое имъ

было «гарантировано» въ контрактахъ, а затѣмъ мы перейдемъ къ тому положенію, въ какомъ они оказались на самомъ дѣлѣ.

«Контрактные» рабочіе обыкновенно нанимались къ подрядчикамъ на извѣстный срокъ. Послѣдній не во всѣхъ заключенныхъ подрядчиками договорахъ одинаковъ. Такъ напримѣръ, одинъ изъ подрядчиковъ нанялъ рабочихъ съ 4-го числа марта мѣсяца по 1-ое число октября 1894 года, другой—по 15-ое октября, третій—на цѣлый годъ, и, наконецъ, четвертый—на полтора года и т. д. и т. д. Обозначая въ контрактѣ срокъ, большинство подрядчиковъ дѣлаютъ при этомъ нѣкоторыя оговорки. Такъ, напр., въ одномъ изъ договоровъ мы читаемъ, что такой-то «нанялся съ 4-го октября по 1-ое октября 1894 года съ тѣмъ, что если подрядчикъ укажетъ на необходимость продолжать работы долѣе срока, то я обязанъ безпрекословно исполнять всѣ работы въ теченіе пятнадцати дней сверхъ срока, съ платою по той же расцѣнкѣ, какая условлена въ пунктѣ такомъ-то договора». Въ другомъ контрактѣ мы читаемъ слѣдующее: «мы нижеподписавшіеся нанялись для производства земляныхъ работъ на Средне-Сибирскую желѣзную дорогу, срокомъ со дня прибытія на мѣсто работъ по 15-е октября 1894 года; въ случаѣ же, если работы будутъ прекращены ранѣе этого срока, то расчетъ мы получимъ по день прекращенія работъ. Если по прибытіи на мѣсто къ производству земляныхъ работъ по какимъ бы то ни было причинамъ нельзя будетъ приступить тотчасъ же, то мы обязаны до начала ихъ производить всякаго рода работы, которыя будутъ указаны: какъ-то рубка лѣса, пилка дровъ и др.». «Срокъ работъ опредѣляется до 15-го октября,—читаемъ мы въ третьемъ договорѣ,—если же работамъ будетъ препятствовать наступленіе глубокой осени, то срокъ считается до окончанія возможности производить работы».

Наряду съ обозначеніемъ извѣстнаго періода обязательной работы въ договорахъ обыкновенно точно указывается и тотъ раіонъ въ которомъ законтрактованные рабочіе обязаны производить работы. Но и здѣсь предусмотрительными подрядчиками сдѣланы нѣкоторыя существенныя оговорки въ такомъ, напр., родѣ: «впрочемъ, если нужно будетъ подрядчику перевести меня съ этой работы на другую дальше или ближе назначеннаго пункта, то я обязанъ безпрекословно перейти въ назначенное мѣсто съ тѣмъ, чтобы подрядчикъ считалъ все время перехода рабочими днями и выдавалъ мнѣ на харчи по 30 коп. въ сутки. Проходить же я обязанъ не менѣе 40 верстъ въ сутки. Переходъ въ праздники обязанъ дѣлать безплатно». Въ другихъ договорахъ раіоны работъ не обозначаются, а прямо говорится слѣдующее: «работать мы должны тамъ, гдѣ будетъ указано. Въ случаѣ надобности перевести рабочихъ съ одного пункта на другой, такой переходъ совершается въ праздничные дни безъ всякаго за то вознагражденія. При переходѣ болѣе 10 верстъ подъ рабочихъ и ихъ багажъ полагаются подводы, при меньшихъ разстояніяхъ рабочіе переходятъ пѣшкомъ».

Заключая съ подрядчиками договоръ, рабочіе обыкновенно выговариваютъ себѣ въ задатокъ извѣстную сумму денегъ изъ причитающейся имъ заработной платы. Рабочіе, согласно договорамъ, при слѣдованіи по дорогѣ на мѣсто своихъ работъ «должны вести себя чинно и вполнѣ повиноваться сопровождающему ихъ служащему и никакихъ болѣе требованій на выдачу денегъ въ счетъ будущаго заработка права не предъявлять». Въ случаѣ же, если рабочій не отправится изъ дома на работу, то обязанъ немедленно, по требованію подрядчика, возвратить взятый имъ отъ послѣдняго задатокъ и сверхъ того уплатить неустойки 25 рублей. Если же въ теченіе пятнадцати дней послѣ срока рабочій не явится на работу, то, согласно нѣкоторымъ договорамъ, кромѣ возвращенія задатка и неустойки въ 25 руб., подвергается отвѣтственности согласно § 82 Выс. утв. 21 марта 1861 г. правилъ о наймѣ рабочихъ. За просрочку же подрядчикъ вычитаетъ съ рабочаго за каждый день послѣдней по 1 руб. 20 коп. Рабочіе, самовольно оставившіе работы, по однимъ контрактамъ, сверхъ высылки на оныя и взысканія по условіямъ договора, подвергаются наказанію по ст. 1224 т. XV св. зак., по приговорамъ ближайшаго къ мѣсту работъ суда. Тому же взысканію и возвращенію задаточныхъ денегъ подвергаются одиночные рабочіе, получившіе свои задаточныя деньги и не явившіеся на работу по договору. По другимъ же договорамъ, рабочій не явившійся на работу или, самовольно оставившій таковую ранѣе договорнаго срока, кромѣ возвращенія задатка или неотработанной части его, — уплачиваетъ стоимость своего переѣзда до мѣста работъ и, кромѣ того, 25 руб. неустойки.

Дорожные расходы рабочихъ во время передвиженія съ родины на мѣсто работъ нѣкоторыми подрядчиками принимаются на себя, при чемъ каждому рабочему полагается нѣкоторая сумма денегъ (напр., по 25 коп. на человѣка въ сутки) на харчи, на обратный-же путь также выговаривается или извѣстная впередъ условленная сумма, или-же сумма, равная стоимости провоза рабочихъ въ прежній путь, при чемъ харчевыхъ денегъ уже не полагается. Другими-же подрядчиками дорожные расходы рабочихъ или вовсе не принимаются на себя, или-же, если и принимаются, то только на обратный путь или даже на половину этого пути, напр., отъ мѣста работъ до города Кургана, Тобольской губерніи; содержаться-же рабочіе въ томъ и другомъ случаѣ должны на свой счетъ. Нанятый рабочій, согласно договору, обязанъ прибыть на мѣсто работъ за день до указаннаго въ немъ числа выступленія на работу. Этотъ запасной день, обыкновенно, дается рабочему для отдыха послѣ дальней дороги. Прибывшему рабочему подрядчикъ обязанъ отвести въ деревнѣ квартиру или дать мѣсто въ баракѣ и выдать всѣ нужные для работы инструменты, которые рабочій обязанъ приготовить ко дню своего выступленія на работу. Платы за день отдыха обыкновенно не полагается. Нѣкоторыми изъ подрядчиковъ также обусловлено въ договорѣ право

передачи послѣдняго другому лицу, во всемъ его объемѣ, при чемъ рабочіе безпрекословно обязаны исполнять всѣ условія договора и сохранять всѣ свои отношенія и къ новому своему подрядчику, къ которому передастъ его старый.

Заработная плата контрактныхъ рабочихъ у всѣхъ подрядчиковъ на Средне-Сибирской желѣзной дороги находится въ прямой и тѣсной связи съ силой и искусствомъ каждаго рабочаго. Рабочіе, обыкновенно, подраздѣляются на три группы или, какъ принято называть, «руки». Самые сильные и ловкіе рабочіе составляютъ «первую руку»; уступающіе нѣсколько въ силѣ и ловкости первымъ образуютъ «вторую руку» и, наконецъ, сравнительно слабые, какъ физически, такъ и въ работѣ—относятся къ «третьей рукѣ». Самыя трудныя и спѣшныя работы обыкновенно возлагаются на «перворучныхъ» рабочихъ; второстепенныя, требующія среднихъ силъ и ловкости,—на «второручныхъ»; наконецъ, остальныя болѣе легкія и мелкія работы, какъ равненіе земляного полотна, чистка досокъ и т. п., исполняютъ «третьеручные».

Для всѣхъ этихъ «рукъ», въ большинствѣ договоровъ, обыкновенно устанавливается извѣстная норма обязательной работы. Такъ, напр., по одному договору, «первая рука при среднихъ грунтахъ и дальности возки до 50 саж., обязана вырабатывать одну кубическую сажень; вторая—0,80 кубическ. саж. и третья—0,70 саж. При грунтахъ болѣе легкихъ и уменьшеніи разстоянія возки урокъ можетъ быть увеличиваемъ на 25%. Во всякомъ случаѣ, перворучный рабочій долженъ вырабатывать не менѣе того, что вырабатываетъ лучшій рабочій артели». Размѣры уроковъ, означенные въ приведенномъ нами сейчасъ договорѣ, типичны и для большинства остальныхъ. По окончаніи урока рабочему не воспрещается, за особую плату, вырабатывать дополнительные уроки, при чемъ такая работа у одного изъ подрядчиковъ обыкновенно оплачивалась по 1 рублю за кубическ. сажень. Если-же рабочій «будетъ неуспѣшенъ» въ заданной ему подрядчикомъ работѣ, то, по большинству договоровъ, кромѣ вычета за недодѣланный урокъ, подрядчикъ воленъ перевести рабочаго изъ первой руки во вторую, изъ второй—въ третью, съ уменьшеніемъ договорной заработной платы по его усмотрѣнію и записать это въ расчетную книжку.

Заработная плата выдается рабочимъ или за все рабочее время въ опредѣленной общей суммѣ за каждую «руку», или-же ежемѣсячно. Такъ, напримѣръ, рабочіе, подрядившіеся «срокомъ со дня прибытія на мѣсто работъ по 15-е октября 1894 года», получаютъ слѣдующее: 1-я рука по 125 руб., 2-я рука — 100 руб. и 90 руб. и 3-я рука отъ 70 до 80 рублей. Другіе рабочіе, законтрактованные подрядчикомъ на 18 мѣсяцевъ, работаютъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1-я рука—230 руб., 2-я рука отъ 220 до 210 руб. и 3-я рука—180 р. Наконецъ, третьимъ очень крупнымъ подрядчикомъ рабочіе были наняты на слѣдующихъ нѣсколько отличныхъ отъ другихъ условіяхъ:

а) за каждую кубическую сажень обыкновеннаго грунта безъ употребленія кайлъ, при резервѣ глубины до 0,75 саж.—1 р. 75 к., б) при наличности возки до 30 саж. за каждыя лишнія 10 саж. возки прибавляется по 15 коп. за пудъ; в) за одну кубическую сажень нагорныхъ отводныхъ канавъ на выметъ по 1 рублю, если-же канавы будутъ глубиною болѣе 0,60 саж, то по 1 р. 20 к. и г) если-же подрядчикъ поставитъ на транспортныя работы лошадей, то за нагрузку на колымажку 1 кубическ. сажени рабочіе получаютъ по 1 рублю; д) если-же грунтъ окажется крѣпкій и несоотвѣтствующій пункта, то плата должна опредѣляться по особому соглашенію рабочихъ съ подрядчикомъ, если-же таковаго соглашенія не послѣдуетъ, то рабочіе обязаны производить работы по мѣстнымъ цѣнамъ.

При мѣсячныхъ расчетахъ «руки» также играютъ свою обычную роль. Такъ, напр., у одного изъ подрядчиковъ перворучные рабочіе получаютъ въ мѣсяцъ 22 рубля, второручные—отъ 18 до 20 р. и третьеручные—«смотря по работѣ», какъ сказано въ договорѣ.

Кромѣ опредѣленной заработной платы, контрактные рабочіе получаютъ отъ своихъ хозяевъ-подрядчиковъ готовое содержаніе, помѣщеніе и необходимыя орудія. Нѣкоторые - же подрядчики, выдавъ своимъ рабочимъ задатокъ въ счетъ заработной платы нѣсколько рублей, чтобы гарантировать свой карманъ отъ тѣхъ или другихъ случайностей. обыкновенно, удерживаютъ выданный задатокъ при первыхъ-же причитающихся платежахъ. Дальнѣйшій-же расчетъ обыкновенно производится слѣдующимъ порядкомъ: на мелочные расходы каждому рабочему выдается по 1 рублю въ мѣсяцъ, а остальная причитающаяся ему сумма или остается въ конторѣ подрядчика до окончательнаго расчета, или-же высылается, по желанію рабочихъ, на родину, при чемъ подрядчикъ долженъ представить въ томъ рабочимъ почтовую квитанцію не позже 20 іюля, какъ это обусловлено въ одномъ изъ договоровъ. Остальныя-же деньги, причитающіяся рабочимъ, выдаются имъ уже при окончательномъ расчетѣ. Впрочемъ, въ числѣ всѣхъ прочихъ договоровъ существуетъ еще и такой, по которому выдача рабочимъ заработной платы должна производиться еженедѣльно, при чемъ при каждой уплатѣ должно быть удерживаемо по два рубля съ человѣка, полученныхъ прежде отъ подрядчика въ видѣ задатка, до полнаго удержанія таковаго, а по окончаніи этихъ вычетовъ, должно производиться удержаніе съ полученной рабочимъ заработной платы по 5 коп. съ рубля. Эти послѣднія деньги выдаются рабочимъ по окончаніи работъ; если-же кто изъ рабочихъ уйдетъ ранѣе окончанія работъ, то на полученіе этихъ денегъ права не имѣетъ. Въ случаѣ замедленія подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ выдачи подрядчикомъ рабочимъ въ опредѣленные сроки заработной платы, первый подвергается за это законной отвѣтственности.

При наймѣ на работу каждый рабочій, взамѣнъ сдаваемаго имъ въ контору паспорта, получаетъ установленную закономъ рабочую книжку,

въ которую записывается его «заборъ» и заработокъ, выданные на руки инструменты, а такъ-же вычеты и неустойки. Для учета рабочихъ и нерабочихъ дней у всѣхъ подрядчиковъ, обыкновенно, ведется ежедневная табель, всегда принимаемая за основаніе при расчетахъ. Перваго числа каждаго мѣсяца рабочій обязуется предъявить свою книжку въ контору, гдѣ записываются дни рабочіе, больные, дождевые и прогульные. Книжка, обыкновенно, выдается рабочему седьмого числа вновь наступившаго мѣсяца. При обратномъ полученіи книжки изъ конторы рабочій обязанъ свѣриться въ конторѣ и заявить о своемъ неудовольствіи, въ теченіе семи дней, какъ опредѣлено въ одномъ изъ договоровъ, иначе записанное считается правильнымъ. Отъ представленія книжки въ контору рабочій уклоняться не имѣетъ права; въ случаѣ-же потери ея, онъ обязанъ тотчасъ-же заявить о томъ конторщику и получить новую книжку, за которую, какъ и за первую, обыкновенно, вычитается по 10 коп. Въ случаѣ скрытія или потери книжки, расчеты производятся по конторскимъ книгамъ, и рабочій не вправѣ заявлять на это претензіи, а обязанъ принять расчетъ по книгамъ конторы и по условіямъ расчетныхъ книжекъ другихъ рабочихъ той-же наемки.

На работѣ рабочіе обязаны быть, по однимъ договорамъ, «положенное по Высочайше утвержденному урочному положенію время»; по другимъ рабочіе обязаны съ перваго мая по первое августа начинать работу въ четыре часа утра, кончать въ семь часовъ вечера, на обѣдъ и отдыхъ полагается два съ половиною часа. Съ перваго-же августа по первое сентября обязаны начинать въ $4^1/_2$ часа утра, кончать—въ $7^1/_2$ ч. вечера; на обѣдъ и отдыхъ полагается одинъ часъ *).

Работы должны производиться ежедневно, кромѣ воскресныхъ дней и двунадесятыхъ праздниковъ. Въ экстренныхъ случаяхъ, рабочіе не вправѣ отказываться отъ работы и въ праздники, при этомъ за такіе дни, по однимъ договорамъ, они получаютъ на 15 коп больше противъ обыкновенной заработной платы; по другимъ-же,—особую плату, назначаемую по обоюдному съ подрядчикомъ соглашенію. По нѣкоторымъ контрактамъ рабочіе не имѣютъ права отказываться отъ работы и въ ночное время, за что получаютъ особую плату по 75 копѣекъ за ночь. Если кто-либо изъ рабочихъ не выйдетъ на работу по-болѣзни, то, по нѣкоторымъ договорамъ, онъ за этотъ день не получаетъ платы и, кромѣ того, уплачиваетъ за свое содержаніе 25 коп. Невышедшій на работу самовольно, безъ уважительной причины, подвергается штрафу въ размѣрѣ двойной своей заработной платы. «Такому-же штрафу подвергается каждый изъ рабочихъ за грубость, пьянство, неповиновеніе администраціи работъ и др. поступки» (?). За тѣ дни, въ которые работа окажется невозможной, вслѣдствіе непогоды, жалованья рабочіе не получаютъ, но и за харчи съ нихъ не вычитаютъ; если-же въ

*) Средній рабочій день равняется 13—14 часовъ.

теченіе лѣта такихъ дождевыхъ дней окажется болѣе двухъ (?), то рабочіе должны ихъ отработать, въ противномъ случаѣ съ нихъ удерживается за харчи по 35 коп. за каждый неотработанный день. По другимъ-же договорамъ, за прогульные дни также удерживается жалованье и сверхъ того дѣлается вычетъ въ пользу подрядчика изъ уговорной платы по 1 руб. 50 коп. за каждый день и 30 коп. за харчи. За дни болѣзни жалованья рабочему не полагается и вычитается за харчи по 35 коп. въ день. Заболѣвшему рабочему дозволяется лежать въ баракахъ не болѣе двухъ дней, а затѣмъ онъ долженъ отправляться въ больницу, а если-же будетъ упорствовать, то «пролежанные дни» будутъ считаться прогульными. Серьезно заболѣвшій рабочій совершенно увольняется отъ работъ и получаетъ отъ хозяина полный расчетъ только въ случаѣ своей полной неспособности продолжать работу по болѣзни, удостовѣренной желѣзнодорожнымъ участковымъ врачемъ. Съ каждаго рабочаго нѣкоторыми подрядчиками удерживается по одному рублю во весь срокъ на содержаніе больницы.

Рабочіе, какъ уже сказано выше, обыкновенно получаютъ отъ своихъ подрядчиковъ готовое содержаніе и помѣщеніе. По однимъ договорамъ, каждому рабочему ежедневно полагается по 4 фунта ржаного хлѣба, 1 фунтъ мяса въ сыромъ вѣсѣ, 1/2 фунта крупы, 1 ф. масла скоромнаго на 15 человѣкъ и квасу, сколько потребуется. По другому договору, подрядчикъ долженъ выдавать пищу въ достаточномъ количествѣ и хорошаго качества, а именно: въ день мяса соленаго или свѣжаго 1 1/2 фунта на человѣка, масла постнаго или скоромнаго и соли 1 ф. одному человѣку на десять дней; каши гречневой или пшеничной (ячменной) два раза въ день въ обѣдъ и ужинъ, но не болѣе 1 фунта на человѣка; хлѣба и квасу сколько потребуется; приваръ изъ кислой или свѣжей капусты, а за неимѣніемъ онаго полагается кашица. Въ постные дни, а также въ Петровъ и Спасовъ постъ полагаются постные щи или кашица. Пищей рабочій обязанъ довольствоваться только въ указанныхъ мѣстахъ и не вправѣ брать съ собою какихъ-либо продуктовъ, а тѣмъ болѣе уносить ихъ съ собою за черту работъ, за что подвергается законной отвѣтственности.

О характерѣ помѣщеній для рабочихъ ни въ одномъ изъ имѣющихся въ нашихъ рукахъ договорахъ почему-то не говорится ни одного слова. Въ нѣкоторыхъ изъ договоровъ встрѣчается еще упоминаніе о банѣ, которая должна быть предоставляема рабочимъ не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ.

Что-же касается до самого производства работъ, то въ нѣкоторыхъ контрактахъ говорится, что «при работахъ рабочій не долженъ разсыпать земли вокругъ своей нивки, по дорогѣ, по которой возится земля, равно какъ земля отъ нивки до самого полотна должна быть чисто подобрана, къ вечеру-же, къ окончанію работъ, доски и тачки рабочіе обязуются очищать». Нѣкоторые изъ подрядчиковъ регламен-

тировали даже поведеніе рабочихъ во время работъ. «Во время нахожденія на работѣ,—гласитъ одинъ изъ договоровъ,—рабочій долженъ вести себя честно, сохранять къ подрядчику и его служащимъ вѣжливость и послушаніе, не грубить, не пьянствовать, не играть въ азартныя игры и не проматывать полученныя вещи и припасы, самовольно не отлучаться съ мѣста работъ и къ себѣ безъ разрѣшенія подрядчика или его служащихъ никого не принимать (?!.), съ подозрительными лицами (?) связи не имѣть, вообще вести себя на работахъ во всѣхъ отношеніяхъ добропорядочно». Въ случаѣ какого-либо несчастія на линіи или пожара, рабочій обязанъ немедленно явиться на мѣсто, несмотря ни на какое время дня и ночи, и способствовать спасенію всѣми силами.

На основаніи §§ 35, 36, 37, 38, 46, 82 и 92 правилъ о наймѣ рабочихъ рабочіе во всѣхъ своихъ неудовольствіяхъ должны обращаться съ жалобой къ хозяину или къ его служащимъ не иначе, какъ через своихъ выборныхъ, для чего изъ своей среды они выбираютъ не болѣе трехъ человѣкъ. Если они не получаютъ удовлетворенія отъ подрядчика, то должны обращаться къ правительственному инженеру, наблюдающему за постройкой. Если въ этомъ случаѣ претензіи рабочихъ будутъ оставлены безъ удовлетворенія, то они могутъ приносить жалобу въ судебныя учрежденія по мѣсту производства работъ, для чего также должны послать не болѣе трехъ выборныхъ, остальные-же недовольные рабочіе обязаны работать до разрѣшенія судомъ ихъ жалобы; въ противномъ случаѣ, они подвергаются вычету, какъ за прогульные дни.

Такова сущность договоровъ, заключенныхъ желѣзнодорожными подрядчиками съ нанятыми ими рабочими. Въ нихъ наблюдается старая и вѣчно новая исторія: интересы подрядчика-работодателя во всѣхъ подробностяхъ предусмотрѣны и гарантированы, а интересы рабочихъ настолько игнорированы, что ихъ какъ-то не замѣчаешь. Однако, въ договорахъ все-таки говорится о какихъ-то правахъ и интересахъ рабочихъ и невольно возникаетъ вопросъ о томъ, существуютъ-ли эти опредѣленные въ договорахъ права рабочихъ de facto? Тутъ возникаетъ цѣлый рядъ крайне интересныхъ вопросовъ, а именно: какова на самомъ дѣлѣ заработная плата рабочихъ? Каковы пища и жилища рабочихъ? Каковы, наконецъ, взаимныя отношенія рабочихъ къ подрядчикамъ и наоборотъ?

Начнемъ наше повѣствованіе съ отправленія рабочихъ съ ихъ мѣстожительства на работы по сооруженію Сибирской желѣзной дороги.

Большинство подрядчиковъ, по договорамъ, обязуется доставлять рабочихъ съ родины на мѣсто желѣзнодорожныхъ работъ на свой счетъ. Обыкновенно до г. Челябинска рабочихъ перевозили по желѣзной дорогѣ по удешевленному переселенческому тарифу, затѣмъ,—на подводахъ до самаго мѣста работъ. Ѣзда «по удешевленному переселенческому тарифу» не особенно заманчива, но все-же лучше, чѣмъ ѣзда «на подводахъ», на которыхъ подрядчики безцеремонно размѣщали рабо-

чихъ, какъ товаръ. Они давали очень мало подводъ подъ рабочихъ и на каждую изъ нихъ назначали слишкомъ много пассажировъ. Вслѣдствіе этого, рабочіе съ большимъ трудомъ размѣщались со своимъ багажемъ на подводахъ и значительную часть дороги вынуждены были идти за подводами пѣшкомъ. Среди желѣзнодорожныхъ подрядчиковъ встрѣчались даже такіе шутники, которые сдавали своихъ рабочихъ подрядчикамъ-возчикамъ «попудно», какъ обыкновенно перевозятъ чай и прочій товаръ. Перевозить рабочихъ «попудно» для подрядчиковъ представлялось очень выгоднымъ, особенно если въ Челябинскѣ находились обратные ямщики. Однажды намъ приходилось бесѣдовать съ артелью рабочихъ, перевезенной изъ г. Челябинска до Ачинска такимъ оригинальнымъ и остроумнымъ образомъ. Конечно, эта длинная дорога для рабочихъ была полна всяческихъ мытарствъ. Значительную часть пути имъ пришлось пройти пѣшкомъ, и страшно страдать отъ холода и вообще дурной погоды, такъ какъ переѣздъ этотъ совершался еще ранней сибирской весной, а рабочіе были одѣты очень бѣдно и легко. Другіе подрядчики перевозили своихъ рабочихъ черезъ Тюмень на пароходахъ, по рѣкамъ Западной Сибири. И отъ этого водянаго способа передвиженія рабочимъ не особенно-то поздоровилось. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ подрядчиковъ нагрузилъ своихъ рабочихъ въ судно, какъ сельдей въ бочку; затѣмъ, по пріѣздѣ въ г. Томскъ, желая поскорѣе начать работы, не далъ рабочимъ ни минуты для отдыха, а тотчасъ-же посадилъ ихъ на подводы и повезъ на мѣсто работъ. Полуголодные, уставшіе, загрязнившіеся за дорогу рабочіе попытались было протестовать, желая остановиться въ г. Томскѣ на одинъ день или нѣсколько часовъ, но подрядчикъ прибѣгнулъ къ содѣйствію мѣстной полиціи, и рабочіе должны были покориться своей участи, т. е. не отдохнувши, продолжать свой тяжелый путь.

По пріѣздѣ на мѣсто работъ, отдохнувъ положенное время (сутки), рабочіе, обыкновенно, должны были выходить на тяжелую работу. Особенно тяжелы и изнурительны работы были весной, когда по желѣзнодорожной линіи снѣгъ еще не стаялъ и приходилось производить рубку лѣса и расчистку тайги. Цѣлые дни, стоя по колѣна, а иногда и по грудь въ рыхломъ и мокромъ снѣгу, въ легкой одежонкѣ, въ истоптанныхъ и дырявыхъ лаптяхъ или бродняхъ, рабочіе рубятъ дремучую сибирскую тайгу, оттаскиваютъ могучихъ великановъ въ сторону, выкорчевываютъ громадные, кремнистые пни и коренья. Работа—египетская. Нужно ее видѣть самому, чтобы ясно представить себѣ ея изнурительность. Нужно обладать желѣзной волей, удивительной выносливостью, чтобы изо дня въ день, по 15—16 часовъ въ сутки, мужественно переносить всѣ эти невзгоды и преодолѣвать естественныя препятствія сибирской суровой природы. Но вотъ, рубка и корчевка лѣса окончены, подрядчикъ получилъ отъ инженера «выписку» на производства земляныхъ работъ и переводитъ рабочихъ на послѣднія. Если земляныя ра-

боты производятся еще съ весны, то тогда земля бываетъ мерзлая и крѣпкая, какъ камень; необходимо употребить страшныя усилія, чтобы только раздробить ее. На обязанности-же каждаго рабочаго, какъ видѣли читатели выше, лежитъ опредѣленный урокъ, который такъ или иначе, но необходимо отработать, чтобы получить свою заработную плату сполна и не быть переведеннымъ въ другую руку. Какія-же усилія долженъ употреблять рабочій, чтобы въ весеннее время сполна отработать свой обычный урокъ, доходящій для перворучныхъ обыкновенно до одной кубич. сажени мерзлой земли, которую необходимо раздробить, выбросать и отвезти на откосъ желѣзнодорожнаго полотна! Но такія работы, какъ рубка и отвозка лѣса, пилка дровъ и шпалъ и т. п—еще сносны сравнительно съ работой по устройству водосточныхъ трубъ подъ земляной насыпью. Послѣдняя работа прямо адская работа и въ особенности весной. При устройствѣ водосточныхъ трубъ обыкновенно приходится работать подъ земляной насыпью, въ землѣ на глубинѣ 2—3 саженъ. Если эта работа производится весной или раннимъ лѣтомъ, то земля, обыкновенно, еще бываетъ мерзлая. Для оттаиванія ея на мѣстѣ работъ устраиваютъ громадный шалашъ, крытый дерномъ и соломой, въ которомъ топятся 3—4 большія желѣзныя печи. Оттаявшая земля превращается въ жидкую грязь; послѣднюю нагружаютъ въ тачки и по мокрымъ, скользкимъ доскамъ вывозятъ на верхъ. Иззябшіе, вымокшіе, по колѣна въ грязи и водѣ рабочіе производятъ самое удручающее впечатлѣніе: лица и руки ихъ посинѣли и окоченѣли, иззябшее тѣло подергивается частыми судорогами и дрожью... Однако, какъ-бы ни была тяжела эта работа, но обращать на это вниманіе рабочему не приходится. Здѣсь есть строгій надзоръ хозяйскаго глаза, и здѣсь существуетъ урокъ. Въ лѣтнее время трудность подобнаго рода работъ не уменьшается—та-же обычная грязь и холодная ключевая вода, такъ какъ водосточныя трубы устраиваются въ мѣстахъ болотистыхъ и низменныхъ. Что-же касается земляныхъ и вообще прочихъ желѣзнодорожныхъ работъ, то въ лѣтнее время онѣ не только не облегчаются, но, наоборотъ—становятся гораздо труднѣе, такъ какъ ко всѣмъ прежнимъ неудобствамъ присоединяется еще лѣтній зной, а съ нимъ и неизбѣжная «мошка»,—этотъ настоящій сибирскій бичъ человѣка и животныхъ.

Рсссійскіе рабочіе, подряжаясь на Сибирскую желѣзную дорогу, совершенно не ожидали встрѣтить столь неприглядную и невозможную обстановку и вообще такія тяжелыя условія труда.

— Здѣся можно робить желѣзному да каменному человѣку! — жаловались намъ рабочіе. Большинство рабочихъ единогласно заявляютъ, что они—«попустились-бы всѣмъ, только отпустили бы насъ домой!—Мы сейчасъ-бы ушли, да вотъ, бѣда — видовъ съ нами нѣту! У хозяина виды-то въ конторѣ, баютъ, подъ замкомъ лежатъ. А куда-же нашему брату безъ видовъ сунуться?!.. А кабы видъ-то былъ, такъ мы тѣмъ-же часомъ бы махнули. На сторонѣ куды болѣе заробили-бы!..»

Между тѣмъ, десятники-надсмотрщики за работами требуютъ отъ рабочихъ интенсивнаго труда, выработки въ сутки полнаго урока, въ противномъ-же случаѣ изъ заработной платы дѣлается соотвѣтствующій вычетъ. Послѣдній обыкновенно производится только извѣстное время, а затѣмъ рабочаго переводятъ изъ одной, напр., первой руки, въ другую—вторую. Отъ штрафовъ-же, переводовъ изъ одной руки въ другую рабочіе никогда не могутъ быть гарантированы: все зависитъотъ воли подрядчика, который можетъ назначить урокъ, превышающій силы большинства рабочихъ и доступный только немногимъ лицамъ изъ артели. А разъ урокъ этотъ вырабатывается однимъ, двумя лицами изъ артели, и т. п. подрядчикъ считаетъ своимъ законнымъ правомъ требовать того-же и отъ остальной артели, такъ какъ въ контрактѣ на этотъ случай сдѣлана очень ясная и опредѣленная оговорка въ родѣ, напр., слѣдующей: «во всякомъ случаѣ, *перворучный рабочій долженъ вырабатывать не менѣе того, что вырабатываетъ лучшій рабочій артели*». Въ данномъ случаѣ все это дѣлается на «законномъ основаніи», но есть и другіе нелегальные способы. Среди нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ подрядчиковъ--землекоповъ, разсказывалъ намъ одинъ компетентнѣйшій въ этомъ человѣкъ, иногда практикуется тайный подкупъ двухъ—трехъ лучшихъ рабочихъ артели, которые обязуются передъ подрядчикомъ ежедневно аккуратно вырабатывать повышенный до крайнихъ размѣровъ урокъ и, такимъ образомъ, «тянуть» за собой и остальныхъ перворучныхъ рабочихъ, обязанныхъ, согласно договору, не отставать въ работѣ отъ лучшихъ рабочихъ артели. Эти подкупленные рабочіе, обыкновенно, называются «темными» руками. Присутствіе въ артели такихъ «темныхъ» рукъ—большое несчастіе для послѣдней: она вынуждена бываетъ прямо надрываться отъ своей непосильной работы или же прибѣгать къ какимъ-нибудь особымъ пріемамъ при работѣ. Изъ послѣднихъ особенно распространена система работы съ такъ называемой «подкалкой» земли, строго преслѣдуемая желѣзнодорожной администраціей, какъ крайне опасная для жизни и здоровья рабочихъ. Система эта состоитъ въ слѣдующемъ: рабочій сначала срываетъ землю снизу и старается изъ верхняго слоя земли образовать нѣчто въ родѣ отвѣсной скалы; затѣмъ, когда снизу земля достаточно срыта, онъ поднимается наверхъ и ударами лопаты и тяжестью всего своего тѣла пытается разомъ оторвать эту земляную скалу и сбросить внизъ. Такимъ образомъ, достигается значительная экономія времени и силъ, но она очень часто влечетъ за собой несчастные случаи. Земляная глыба преждевременно и неожиданно обваливается внизъ и придавливаетъ собою рабочаго. На Средне-Сибирской желѣзной дорогѣ эта система работы практикуется довольно широко, но только въ томъ случаѣ, когда за рабочими нѣтъ никакого административнаго надзора.

Въ общемъ-же, при неожиданныхъ трудностяхъ работъ, высокихъ урокахъ и невозможности выполненія ихъ, вычетахъ и штрафахъ, наконецъ, при частыхъ переводахъ изъ первой руки во «вторую» или

«третью» — заработная плата рабочихъ, сравнительно съ предполагаемой, неожиданно понижалась до крайняго minimum'а. Такъ, напр., рабочій, мечтавшій «идти въ первой рукѣ» и заработать 125 руб., въ дѣйствительности опредѣлялся подрядчикомъ во «второручные» и, такимъ образомъ, за все время своихъ работъ могъ заработать всего только 90—100 рублей. Собственно говоря, и послѣдняя цифра заработка въ дѣйствительности является довольно гадательной и условной, такъ какъ очень часто возникаетъ еще цѣлый рядъ условій, гибельно вліяющихъ на нее. Къ послѣднимъ мы относимъ обмѣры при пріемѣ отъ рабочаго его уроковъ, «недописки» всѣхъ выработанныхъ имъ кубовъ и «сотокъ» земли, приписки въ рабочую книжку незабранныхъ товаровъ и т. д. и т. д. Во всѣхъ этихъ продѣлкахъ десятники, артельщики, табельщики и другія лица, принадлежащія къ администраціи,—виртуозы своего дѣла, которое они ведутъ настолько тонко и аккуратно, что всѣ ихъ мошенничества очень часто и легко ускользаютъ отъ вниманія даже опытнаго, стараго землекопа. На всякій случай у нихъ есть своя хитрая механика. Такъ, напр., при пріемѣ отъ рабочаго урока десятники измѣряютъ количество выработанныхъ кубовъ и «сотокъ» земли такъ своеобразно и ловко, что обязательно украдутъ у рабочаго не только нѣсколько «сотокъ», а иногда кубъ-два и больше земли. Въ подобныхъ случаяхъ, кромѣ цѣлаго ряда техническихъ хитростей, десятники обыкновенно прибѣгаютъ еще и къ слѣдующему способу: они подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ не принимаютъ отъ рабочаго выработанныхъ имъ уроковъ въ извѣстное время, а стараются пріемъ затянуть возможно дольше съ тою цѣлью, чтобы у рабочаго накопилось выработанныхъ имъ кубовъ земли возможно больше и, чтобы онъ, благодаря этому, самъ смѣшался въ точномъ счетѣ ихъ. На послѣднюю удочку очень часто попадаетъ много простодушныхъ рабочихъ, ничего не подозрѣвавшихъ въ этой «затяжкѣ». Во время нашей поѣздки по линіи желѣзной дороги намъ приходилось бесѣдовать съ массой рабочихъ и всѣ они въ одинъ голосъ жаловались на обмѣры. Но не всегда удачно сходятъ десятникамъ ихъ продѣлки. Часто случается и такъ, что рабочій уличаетъ десятника на мѣстѣ преступленія, или-же, свѣривъ свой счетъ, требуетъ отъ перваго снова перемѣрить землю, но уже при свидѣтеляхъ. На одномъ изъ желѣзнодорожныхъ участковъ на эту тему намъ разсказывали такой случай. Одинъ изъ рабочихъ-землекоповъ («кубичниковъ»), понадѣявшись на честность десятника, запустилъ счетъ своей работы на нѣсколько недѣль и, такимъ образомъ, накопилъ порядочное количество выработанныхъ имъ кубиковъ земли. Наконецъ, онъ произвелъ съ десятникомъ расчетъ. И что-же оказалось? Ловкій десятникъ сумѣлъ обсчитать его на цѣлую треть. Рабочій, конечно, взвылъ и обратился за помощью къ своей артели. Послѣдняя потребовала отъ десятника новой провѣрки, и, такимъ образомъ, плутня всплыла наружу. Что постигло за нее десятника — мы хорошо не знаемъ, но подрядчики, будучи часто лично заинтересованными въ

подобныхъ плутняхъ, обыкновенно смотрятъ на это довольно снисходительно. Такъ напр., мы знаемъ нѣсколько такихъ фактовъ, что десятниковъ, уличенныхъ въ плутняхъ, подрядчики не прогоняли отъ себя, а только ограничивались выговоромъ и переводомъ ихъ съ одного мѣста работъ на другое. — Такъ-же ловко обираютъ рабочихъ и артельщики. Послѣдніе, въ большинствѣ случаевъ, исполняютъ обязанности прикащиковъ въ лавочкахъ, открываемыхъ подрядчиками на мѣстѣ работъ для своихъ рабочихъ, которымъ все необходимое продается въ счетъ заработной платы въ кредитъ и записывается артельщикомъ въ рабочую книжку. Вотъ, при посредствѣ послѣдней-то артельщикъ, обыкновенно и обираетъ безграмотнаго рабочаго. Иногда рабочій при расчетѣ и глазамъ своимъ не вѣритъ. За какую-нибудь недѣлю-двѣ, оказывается, онъ выкуриваетъ по нѣсколько фунтовъ махорки и около дести «цигарочной» бумаги; въ какой-нибудь мѣсяцъ изнашиваетъ двѣ пары ботовъ и нѣсколько лаптей, выпиваетъ громадное количество чаю и т. п. Иногда случались, по словамъ очевидцевъ, такіе курьезы, что усердные не по разуму въ своихъ записяхъ артельщики записывали въ книжкѣ табакъ такимъ рабочимъ, которые никогда въ своей жизни не курили. Въ подобныхъ случаяхъ, конечно, возникаютъ конфликты, изъ которыхъ ловкіе артельщики, въ большинствѣ случаевъ, выходятъ правыми или «безъ вины виноватыми». Чтобы услѣдить за правильностью записей въ книжкѣ своихъ заборовъ изъ лавочки, рабочему необходимо быть или грамотнымъ, или-же обладать хорошей памятью, иначе, какъ онъ не мудри, его обязательно обсчитаютъ.—Наконецъ, въ нѣкоторыхъ договорахъ, «за потерю инструментовъ и порчу ихъ отъ небрежности, рабочій обязанъ уплатить ихъ стоимость». Отъ потери-же и порчи инструментовъ рабочій, конечно, не гарантированъ; и то, и другое нерѣдко случается у него, что также въ значительной степени отражается на заработной платѣ.

Такимъ образомъ, если мы примемъ во вниманіе всѣ вышеуказанныя и нѣкоторыя другія,—неблагопріятныя условія, о которыхъ мы скажемъ ниже, то станетъ вполнѣ понятной та призрачность «хорошаго заработка» рабочаго, о которомъ мечтали рабочіе, направляясь въ Сибирь.

Теперь мы посмотримъ, чѣмъ и какъ кормятъ подрядчики-хозяева своихъ рабочихъ, въ какихъ помѣщеніяхъ и въ какой санитарной обстановкѣ живутъ послѣдніе и какимъ образомъ все это, вмѣстѣ взятое, отзывается на здоровьи рабочихъ. Въ договорахъ, какъ было сказано выше, опредѣлялось количество провизіи, отпускаемой рабочимъ. Заготовкой-же и доставкой на мѣсто работъ провизіи завѣдуютъ или сами подрядчики, или-же сдаютъ ее кому-нибудь на подрядъ. Приготовляется пища самими рабочими въ особыхъ, приспособленныхъ для этого кухняхъ-баракахъ, устройство которыхъ лежитъ на подрядчикѣ. Для приготовленія пищи рабочіе обыкновенно выбираютъ изъ своей среды поваровъ, помощниковъ имъ, хлѣбопековъ, кашеваровъ и квасниковъ, на обязанности кото-

рыхъ всецѣло лежатъ всѣ заботы о продовольствіи артели. Выбранные рабочіе (за исключеніемъ доставки продуктовъ) обыкновенно освобождаются отъ всѣхъ прочихъ работъ.

Весной большинство подрядчиковъ кормило своихъ рабочихъ соленымъ мясомъ, которое, нужно замѣтить, не вездѣ и не всегда было хорошаго качества. Такъ, по словамъ одного желѣзнодорожнаго участковаго фельдшера, весной у одной компаніи подрядчиковъ пища была страшно плохая: мясо тухлое, хлѣбъ заплеснѣвѣвшій, несѣянный, такъ что въ немъ очень часто попадались всевозможные суррогаты—щепки, палки и т. п. Фельдшеръ не разъ говорилъ подрядчикамъ о дурномъ качествѣ выдаваемой рабочимъ пищи и незаконности этого, но тѣ и слушать ничего не хотѣли и продолжали кормить рабочихъ всевозможной дрянью до тѣхъ поръ, пока по участку не пронесся слухъ о скоромъ пріѣздѣ изъ гор. Томска спеціальной санитарной комиссіи.

— Придемъ это съ работы-то измученные, какъ собаки, голодные.. Поставимъ чашку со щами передъ собой да и сидимъ, смотримъ другъ на дружку, выжидаемъ кто первой зачнетъ хлебать-то. А никому неохота. На щи-то муторно смотрѣть, а не то што хлебать—мерзость одна. Кто поголоднѣе, ну тотъ и хлебнетъ, а за нимъ, глядишь, и другіе тянутся. Хлебнешь это ложку-другу да и отходишь на сторону поблевать. Така ужъ пища, паринь, што отъ нее сразу блевать захочешь. Право слово!.. Изо всей артели двое, четверо хлебаютъ, а другіе-то по угламъ блюютъ. Къ хлѣбу тоже и дотрогиваться неохота было—всякая всячина въ него навалена. Вотъ, «колодеру» *) поѣшь маненько да такъ и ходишь день-то, маешься. Все нутро тогдысь истянуло намъ, такъ и горитъ, бурчитъ въ брюхѣ-то. Тогдысь сколь народу-то перехворало. Такъ и несло, инда съ кровью...—передавали намъ рабочіе страничку изъ своей весенней голодной жизни, при чемъ справедливость всего этого разсказа подтвердилъ намъ здѣсь-же находившійся съ нами участковый фельдшеръ.

У другого подрядчика весной мясо было настолько плохое, что рабочіе вслѣдствіе этого прямо забунтовали. По требованію врачебнаго персонала, подрядчикъ вынужденъ былъ закопать 15—20 пудовъ мяса въ землю. Вообще, о весеннемъ продовольствіи рабочихъ на Средне-Сибирской желѣзной дорогѣ по всей строившейся линіи единогласно всѣ, какъ медицинскій персоналъ и другіе очевидцы, такъ и сами рабочіе разсказывали мало хорошаго. Недоброкачественность пищи, выдаваемой подрядчиками своимъ рабочимъ, обусловливалась, главнымъ образомъ, недобросовѣстной экономіей; отчасти-же затруднительностью доставки провизіи изъ окрестныхъ селъ и деревень на линію. Въ лѣтнее время трудность доставки провизіи на линію нѣсколько облегчалась, вслѣдствіе чего и провизія рабочихъ нѣсколько улучшалась. Послѣднему много способствовало еще и то обстоятельство, что мясо начали выдавать не соленое,

*) Ячменная каша.

а болѣе или менѣе свѣжее *). Для полученія мяса въ свѣжемъ видѣ большинство подрядчиковъ начало пригонять скотъ на мѣста работъ и колоть его по мѣрѣ надобности. Хотя всѣ эти мѣры сравнительно улучшили пищу рабочихъ, но все-же она оставалась далеко неудовлетворительной. Кромѣ того, нѣкоторые подрядчики и лѣтомъ давали своимъ рабочимъ продукты плохого качества. Такъ, напр., та самая компанія подрядчиковъ, которая весной кормила рабочихъ тухлой солониной, до первыхъ чиселъ августа продолжала доставлять рабочимъ дурные продукты и нѣсколько улучшила ихъ опять-таки, какъ и въ первый разъ, только при вторичномъ появленіи на линіи санитарной комиссіи. Но лишь только послѣдняя скрылась изъ глазъ, компанія подрядчиковъ возвратилась къ своему прежнему порядку. Правда, и они «держали мясо на ногахъ», т. е. имѣли живой скотъ на мѣстѣ своихъ работъ, но участковый медицинскій фельдшеръ высказывалъ большое сомнѣніе относительно доброкачественности этого мяса, такъ какъ большинство изъ пригнанныхъ компаніей на линію быковъ оказались больными. По словамъ рабочихъ, заколотые быки передъ своей смертью и такъ уже плохо держались на ногахъ.

У другого подрядчика, у котораго, какъ мы сообщали выше, весной участковый фельдшеръ закопалъ въ землю около 15—20 пудовъ солонины,— лѣтомъ выдавалось рабочимъ мясо хотя и свѣжее, однако, по словамъ послѣднихъ, это далеко не улучшало ихъ питанія. Причину этого рабочіе объяснили слѣдующимъ образомъ. Хотя по положенію имъ ежедневно слѣдовало по 1 ф. свѣжаго мяса, но въ дѣйствительности бывало иначе—свѣжее, мягкое мясо артельщики продавали по 6 коп. за фунтъ «сдѣльнымъ» и «кубичнымъ» рабочимъ, а имъ, «контрактнымъ» выдавали «что похуже да остатки»: голову, осердіе, брюшину и, если когда либо слишкомъ долго затаскается старый языкъ, такъ тогда и его бросаютъ въ общій котелъ». Хлѣбъ у этого подрядчика лѣтомъ также былъ плохой, хуже солдатскаго—несѣянный, такъ что въ немъ очень часто попадались всякія нечистоты. Приготовленіе пищи было безобразное. По словамъ служащихъ этого подрядчика, мясо почти никогда не мылось и бросалось въ котелъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, т. е. кровяное, грязное. «Кабы рабочіе посмотрѣли какъ имъ щи-то приготовляютъ, то даже съ голоду не стали-бы ѣсть», такъ отзывался о приготовленія пищи рабочимъ одинъ изъ служащихъ подрядчика. Затѣмъ, одинъ изъ крупныхъ подрядчиковъ кормилъ своихъ рабочихъ до 15-го іюня соленымъ мясомъ, крайне плохого качества, что неоднократно констатировалось врачебнымъ персоналомъ даннаго пункта. Экономный подрядчикъ предполагалъ-было прокормить рабочихъ подобнымъ мясомъ даже до 29-го іюля, какъ это было обусловлено имъ въ договорѣ съ рабочими, но врачебный

*) Соленое мясо большинствомъ подрядчиковъ выдавалось рабочимъ обыкновевно до 15-го іюня, а нѣкоторыми даже и до 1-го іюля.

персоналъ настоялъ на уничтоженіи его. Квасъ былъ жидкій; сухари давались заплеснѣвшіе, такъ что въ первыхъ числахъ іюня студентомъ-медикомъ а также и участковымъ жандармомъ былъ составленъ о нихъ протоколъ. Хлѣбъ, въ большинствѣ случаевъ, былъ непросѣянный и непропеченый; масло и сало средняго качества; крупы иногда сорныя. Приготовленіе пищи также не отличалось особенной чистотой, такъ, напр., мясо держалось въ сѣткахъ, мѣнявшихся только разъ въ недѣлю, вслѣдствіе чего онѣ были весьма грязныя. И послѣ 15-го іюля, т. е. когда соленое мясо было замѣнено свѣжимъ, послѣднее не всегда было таковымъ. Такъ, напр., 25-го іюня, при посѣщеніи бараковъ, въ кухнѣ участковый врачъ нашелъ мясо плохого качества — разложившееся и уже съ личинками червей. Мясо это, какъ оказалось по справкамъ, предназначалось рабочимъ для ужина; оно, конечно, тотчасъ-же было конфисковано и, по распоряженію врача, закопано въ землю. Здѣсь-же, при этомъ посѣщеніи, врачемъ было констатировано, что кухня была безъ отводной трубы, вслѣдствіе чего огонь и сажа неизбѣжно должны были попадать на варившіеся въ печи продукты. Подрядчикъ предпочиталъ кормить рабочихъ «колодеромъ», что также, конечно, огорчало рабочихъ, привыкшихъ къ русскимъ щамъ съ кислой капустой. Капусты, несмотря на условіе, подрядчикъ не заготовилъ въ достаточномъ количествѣ, вслѣдствіе чего, рабочіе болѣе мѣсяца просидѣли на «пустыхъ» щахъ и «колодерѣ», что вызывало среди рабочихъ сильное неудовольствіе. Изъ всѣхъ опрошенныхъ нами рабочихъ на Средне-сибирской желѣзной дорогѣ только одна артель отзывалась хорошо о своемъ продовольствіи, заявляя, что все время мясо у нихъ было свѣжее, «изъ подъ ножа», квасъ густой, хлѣбъ мягкій, щи жирныя съ капустой.

Относительно характера помѣщеній для рабочихъ во всѣхъ договорахъ, какъ мы выше уже говорили, почти ничего не говорится, кромѣ того, что «бараки для помѣщенія рабочихъ должны быть отъ нанимателя». Каковы-же эти бараки и вообще тѣ санитарныя условія, въ которыя ставитъ наниматель-подрядчикъ своихъ рабочихъ? Большинство бараковъ, устроенныхъ подрядчиками для своихъ рабочихъ, — одного типа. Они представляютъ собою большихъ размѣровъ сарай, съ крышей, нарами, двумя, тремя небольшими оконцами-форточками и желѣзными печами. Эти сараи-бараки устраиваются слѣдующимъ образомъ. Предварительно вырывается яма правильной четыреугольной формы, глубиною въ одинъ или $1^1/_2$ арш., затѣмъ, надъ ней устанавливается такой-же формы и размѣровъ срубъ, на-скоро сколоченный изъ молодыхъ деревьевъ, сверху онъ покрывается крышей «накатникомъ»; при чемъ, послѣдняя иногда имѣетъ наклонъ, иногда-же «накатникъ» настилается прямо, т. е. параллельно съ краями сруба. Снизу, съ основанія, срубъ барака обрываютъ землей; пазы-же — проконопачиваютъ мохомъ. Въ весеннее и осеннее время баракъ обыкновенно заваливаютъ со всѣхъ сторонъ дерномъ. Въ большинствѣ бараковъ полъ земляной, очень немногіе имѣютъ дере-

вянный полъ. Внутреннее устройство бараковъ — самое жалкое. Вдоль двухъ болѣе длинныхъ стѣнъ, на $^1/_2$ аршина отъ земли, тянутся деревянныя нары, на которыхъ по $^1/_2$ аршина въ ширину отводится мѣсто на каждаго рабочаго. Въ нѣкоторыхъ баракахъ между нарами и вдоль ихъ тянутся деревянные столы и скамьи. При входѣ и посрединѣ стоятъ желѣзныя печи; въ стѣнахъ барака прорѣзано нѣсколько небольшихъ отверстій, это—окна, которыя иногда заставляются стеклянной рамой, иногда-же просто затыкаются какой-нибудь тряпицей. Болѣе экономные подрядчики имѣютъ бараки для своихъ рабочихъ еще худшаго типа. Обыкновенно вырывается четыреугольная яма, на которой прямо устраивается наклонной формы крыша изъ жердей, отвѣсно укрѣпляемыхъ въ землѣ надъ этой ямой. Крыша заваливается землей и дерномъ, а иногда и соломой. Вообще, большинство бараковъ самаго примитивнѣйшаго типа и во всѣхъ отношеніяхъ ниже всякой критики. Нечего, конечно, говорить о томъ, что въ такихъ помѣщеніяхъ рабочимъ живется очень и очень плохо. Лѣтомъ, когда стоитъ хорошая, сухая погода, кое-какъ жить еще можно, что прямо немыслимо весной или въ лѣтнее ненастное время и осенью. Вотъ напр., что разсказываетъ намъ одна партія рабочихъ о своемъ житьѣ-бытьѣ на работахъ у одной крупной компаніи подрядчиковъ.

— Привели это, значитъ, насъ на мѣсто-то, а кругомъ еще бѣлымъ-бѣло, снѣгъ. Зима тогда еще стояла. Согнали это насъ съ подводъ, смотримъ, а еще ничѣмъ ничего—бараку-то для насъ еще не построили даже. Десятники говорятъ— руби сами, ребята! Сложили мы на снѣгъ свои котомки, видно ничего не подѣлаешь—принялись за работу. Вырыли это кое-какъ, значитъ, ямы, жердье на нихъ навалили, землю съ дерномъ сверху. Логовище готово. Полѣзай теперь, робята, грѣйся!.. командуютъ надъ нами десятники. Переночевали. На утро десятники насъ на работу ужъ гонятъ. Такъ и сдохну̀ть не успѣли. Лѣсъ приказано было рубить. Снѣгъ въ лѣсу почесть по поясъ. Доступу туда никакого нѣту. А рубить надо было, потому на урокъ поставили. Залѣземъ это въ снѣгъ то по поясъ, маемся, маемся, насилу лѣсину-то свалимъ. За день-то такъ измотаешься, что до барака-то кое-какъ ноги волочишь. Мокрехонекъ весь, нитки сухой на тебѣ нѣту. Придешь въ баракъ и прилечь-то нельзя—сырость, мокрота. Погрѣешься малость у печки, просохнешь, да и свалишься пластомъ на нары. И тутъ мокро, а въ баракѣ холодъ подниметься. Лихоманка тебя трясетъ. Измаешься весь и уснешь. Печка погаснетъ, въ баракѣ одно што на улицѣ—холодище страшенной!.. За ночь-то и примерзнешь къ нарамъ. На утро десятникъ будитъ на работу, съ просонокъ соскочишь это да такъ и взвоешь—волосы-то, значитъ, къ нарамъ пристыли. Не вѣришь, баринъ! Ей Богу право, вотъ те Христосъ!.. почесь кажинный день хто-нибудь изъ нашихъ робятъ примерзалъ. А одежонка, такъ та всегдысь, кажинную ночь примерзала, на утро отрывашь. Помаялись, помаялись, да хозяевамъ жаловаться пошли. Не слушаютъ, ругаются. Подумали мы это, да и порѣшили между собой въ Томскъ идти съ жалобой.

Большинство врачебнаго персонала о баракахъ и санитарныхъ условіяхъ на Средне-Сибирской желѣзной дорогѣ отзывается очень плохо. Санитары и врачи въ одинъ голосъ твердятъ, что «жить въ такой обстановкѣ сколько-нибудь по-человѣчески нельзя». Страшная

сырость, грязь, скверный, вонючій, совершенно испорченный воздухъ, отсутствіе достаточнаго свѣта и простора, гнилая лежалая солома на нарахъ, блохи и другіе паразиты—вотъ, обычная санитарная обстановка помѣщеній рабочихъ въ весеннее, осеннее и лѣтнее ненастное время. Въ лѣтнее ясное время въ баракахъ, конечно, значительно лучше, но тяжелый, испорченный воздухъ попрежнему остается въ нихъ. Послѣднее обстоятельство очень часто побуждаетъ рабочихъ спать гдѣ нибудь на свѣжемъ воздухѣ. Среди большинства этихъ неудовлетворительныхъ бараковъ мы встрѣчали нѣсколько счастливыхъ исключеній. Два-три подрядчика болѣе или менѣе позаботились о своихъ рабочихъ и устроили для нихъ сравнительно сносныя жилища. У нихъ бараки были досчатые, съ деревяннымъ поломъ, настоящей тесовой крышей; въ нихъ — достаточно свѣтло, тепло и просторно; воздухъ также довольно сносный. Рабочіе здѣсь чувствуютъ себя хорошо и, видимо, находятъ для себя дѣйствительный покой и отдыхъ. Но эти бараки, повторяемъ, къ сожалѣнію, только счастливое и какое-то случайное исключеніе изо всѣхъ остальныхъ бараковъ, напоминающихъ скорѣе навозныя ямы, чѣмъ человѣческія жилища. Архитектура бараковъ крайне примитивна и загонять на ночь въ эти балаганы десятки людей,—дѣло очень и очень рискованное. Рискъ, говорятъ, благородное дѣло, что, видимо, вполнѣ раздѣляютъ гг. подрядчики. Но не всегда это «благородное дѣло» благородно кончается. Возьмемъ, напримѣръ, инцидентъ съ человѣческими жертвами на VIII участкѣ Средне-Сибирской желѣзной дорогѣ 10-го февраля текущаго года. Въ телеграммѣ Россійскаго телеграфнаго агентства отъ 10 февраля текущаго года было сказано: «на восьмомъ участкѣ Средне-Сибирской ж. д. обрушившимся баракомъ придавлено во время обѣда 30 рабочихъ, убито 2, изувѣчено 7, остальные отдѣлались легкими поврежденіями». При крайне скверномъ и небрежномъ устройствѣ бараковъ, подобные печальные факты неизбѣжны и далеко не единичны; они бывали и прежде, но тогда сора изъ избы не выносили и все оставалось шитымъ и крытымъ. Такъ, напр., въ 1893 г. на одномъ изъ первыхъ участковъ Средне-Сибирской желѣзной дороги также обвалился баракъ и придавилъ своей тяжестью многихъ рабочихъ. И сколько, навѣрное, случалось еще подобныхъ инцидентовъ! Только одна тайга является молчаливой свидѣтельницей всѣхъ этихъ человѣческихъ несчастій и, какъ всегда, угрюмо скрываетъ все видѣнное и слышанное ею отъ добрыхъ людей и свѣта!..

При крайнихъ невзгодахъ, окружающихъ рабочихъ, заболѣваемость и смертность среди нихъ не можетъ выражаться скромными цифрами. На этотъ счетъ у насъ имѣются точныя данныя, извлеченныя изъ офиціальныхъ записей участковаго медицинскаго персонала. Такъ, напр., на второмъ участкѣ Средне-Сибирской ж. д. изъ 645 рабочихъ, находившихся на данномъ участкѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1894 г. стаціонарныхъ больныхъ было 25 человѣкъ, изъ которыхъ выздоровѣло 16, умерло 1, амбулаторныхъ — 253 челов.; въ маѣ — стаціонарныхъ — 31, выздоро-

вѣло — 20, умерло — 1, амбулаторныхъ — 276; въ iюнѣ изъ всего числа 3,627 челов. заболѣло — 29., выздоровѣло — 22, умерло — 1, амбулаторныхъ—271 чел.; въ iюлѣ—стацiонарныхъ—30, выздоровѣло—21, умерло—2, амбулаторныхъ—252 человѣка. На VI-мъ участкѣ въ iюнѣ амбулаторныхъ было 272, стацiонарныхъ — 9, въ iюлѣ амбулаторныхъ — 298, стацiонарныхъ—9, въ августѣ (за 1-ю половину мѣс.) амбулаторныхъ—отъ 158—175, стацiонарныхъ—10, умерло съ 1-го iюня по 20-ое число августа. Болѣзни рабочихъ крайне разнообразны, при чемъ бо́льшее количество приходится на слѣдующiя: малярiя, ушибы, переломы, раны, ревматизмы, катарры кишекъ и вообще пищеварительныхъ органовъ, воспаленiе подкожной клѣтчатки и, наконецъ, карбункулъ.

На Средне-Сибирской желѣзной дорогѣ санитарный надзоръ за условiями жизни и работы желѣзнодорожныхъ рабочихъ лежитъ на обязанности участковыхъ врачей и фельдшеровъ. На каждый желѣзнодорожный участокъ полагается по одному врачу и по два, а иногда и болѣе, фельдшера, при чемъ на нѣкоторыхъ участкахъ обязанности послѣднихъ исполнялись студентами-медиками V-го курса томскаго университета. Гг. желѣзнодорожные участковые врачи, по словамъ какъ рабочихъ, такъ и младшаго медицинскаго персонала, не особенно-то добросовѣстно исполняли возложенныя на нихъ обязанности, т. е. аккуратно и возможно чаще посѣщать и осматривать бараки, слѣдить за пищей рабочихъ и т. д. и т. д. Такъ, напр., нѣкоторые врачи объѣзжали бараки своего участка только раза по-два въ мѣсяцъ; другiе же и этого не дѣлали. Конечно, среди врачей есть и исключенiя, но они очень рѣдки. Весь санитарный надзоръ за жизнью рабочихъ, обыкновенно, взваливался врачами на своихъ участковыхъ фельдшеровъ или студентовъ-медиковъ. Безъ сомнѣнiя, успѣхъ санитарнаго надзора, вслѣдствiе этого, въ значительной степени уменьшался, такъ какъ ихъ степенства—подрядчики безъ всякаго стѣсненiя и даже съ большимъ нахальствомъ игнорировали «всѣхъ этихъ лѣкаришекъ» и, не обращая вниманiя на указанiя и требованiя послѣднихъ, попрежнему вели свою разуваевскую линiю. Затѣмъ, больничныя помѣщенiя аптеки, всевозможные медикаменты и т. п., по словамъ врачебнаго персонала, въ большинствѣ случаевъ, оказывались крайне неудовлетворительными. Такъ, многiе студенты-медики и фельдшера въ бесѣдахъ съ нами указывали на недоброкачественность и недостатокъ лѣкарствъ въ аптекахъ, на полное отсутствiе или недостатокъ нѣкоторыхъ хирургическихъ и другихъ инструментовъ и вообще тѣхъ или другихъ приспособленiй, необходимыхъ во врачебной практикѣ. За неимѣнiемъ отдѣльныхъ помѣщенiй, приспособленныхъ спецiально для больныхъ, послѣднихъ волей-неволей приходится помѣщать или въ общемъ баракѣ рабочихъ или еще въ болѣе неудобномъ мѣстѣ. Участковыя больницы Средне-Сибирской желѣзной дороги также оставляютъ желать многаго: помѣщенiя, отведенныя подъ нихъ, тѣсны и негигiеничны. Подъ желѣзнодорожную больницу желѣзнодорожнымъ вѣдомствомъ, въ селѣ или

ѣеревнѣ обыкновенно нанимается какой-нибудь изъ крестьянскихъ домовъ, въ которомъ помѣщается все: пріемный покой, больница и аптека, при чемъ подъ больницу приходится не болѣе двухъ небольшихъ комнатъ. Нѣкоторыя изъ больничныхъ зданій, кромѣ своей тѣсноты и другихъ неудобствъ, очень ветхи, такъ что въ ненастное время потолки комнатъ начинаютъ течь. Такъ, напр., Чернорѣчинская больница (на VI участкѣ) помѣщается въ домѣ, состоящемъ всего изъ трехъ комнатъ, изъ которыхъ въ двухъ находятся больничныя койки, а въ третьей — аптека. По словамъ медика, въ каждой изъ этихъ комнатъ съ трудомъ можно поставить три кровати, тогда какъ въ дѣйствительности стоитъ по пяти. Во всѣхъ трехъ комнатахъ при малѣйшемъ ненастьи потолки даютъ значительную течь. Въ Ачинской больницѣ потолки также низки, комнаты тѣсны; въ послѣднихъ всегда стоитъ грязь, соръ, крайне тяжелый, испорченный воздухъ. Самая лучшая комната отведена подъ аптеку. Положеніе медицинской помощи на VI участкѣ Средне-Сибирской желѣзной дороги самъ старшій врачъ, проѣзжая черезъ г. Ачинскъ и VI участокъ 27-го іюля 1894 г., нашелъ крайне неудовлетворительнымъ.

Н. Арефьевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.

Нижегородское торжище и гульбище. — Холера въ Волынской и Подольской губерніяхъ.— Разореніе Казани.— Вѣнокъ стариковъ.— Выставка въ Вильнѣ.— Народныя чтенія.—«Самарскій Вѣстникъ» о пьянствѣ на сельской площади.—Круговая порука безъ общины.—Безпорядки въ юрьевской тюрьмѣ.—Ученики и учебники.—Фельетонистъ «Одесскаго Листка» и корреспондентъ «Одесскихъ Новостей». — Философъ «Русскаго Слова».—«Прибалт. Листокъ» и «Новое Время».—Въ Саратовѣ бьютъ нѣмцевъ.—О врачахъ.

Вотъ второй годъ, что при открытіи нижегородской ярмарки, я не находилъ свѣдѣній—въ какую сторону дули флаги и «лопотали-ли они весело»—что предвѣщаетъ хорошую распродажу. Но зато сдѣлалось извѣстно, что малоуспѣшность прошлогодней ярмарки зависѣла отъ лопотанія не флаговъ, а языковъ и притомъ лопотанія не веселаго, но боязливаго и мрачнаго. Это было удостовѣрено офиціально въ рѣчи градоначальника, о которой теперь напомнилъ корреспондентъ «Русск. Вѣдомостей». Были, по выраженію ген. Баранова, «секретныя болтовни, удобныя на почвѣ разъединеннаго общества». О чемъ-же была секретная болтовня? О холерѣ. Хотя это былъ уже третій къ ряду холерный

годъ и заболѣло почти вдвое менѣе людей, чѣмъ въ первомъ году, но паника была на этотъ разъ гораздо сильнѣе. Купцы побросали дѣла, вслѣдствіе того, что—по словамъ ген. Баранова,—«безконтрольное шушуканье сравнительно не сильную холеру раздуло до необыкновенныхъ размѣровъ». Впрочемъ, корреспондентъ объясняетъ прошлогоднюю «секретную болтовню и безконтрольное шушуканье» не разъединенностью общества, но тѣмъ обстоятельствомъ, что эпидемія появилась уже 20-го іюля, то есть черезъ пять дней послѣ лопотанія флаговъ, а первое официальное извѣщеніе о ней вышло только 7 августа.

Холера, какъ оказывалось по крайней мѣрѣ изъ двухъ послѣднихъ эпидемій, держится обыкновенно три года въ области, гдѣ она появилась, несмотря на всѣ санитарныя мѣры, а на четвертый исчезаетъ. Но исключеніе представляютъ на этотъ разъ Подольская и Волынская губерніи. Тамъ съ нею происходитъ что-то необыкновенное. Эпидемія появилась въ обѣихъ тѣхъ губерніяхъ въ 1892 году, какъ почти во всей Россіи. Но затѣмъ въ Подольской губерніи она не прекращалась зимой, какъ въ иныхъ мѣстахъ, а держалась постоянно, съ высокими цифрами смертности. Однако, нынѣшней зимой она вдругъ, какъ-то, повидимому, сразу, прекратилась. Извѣстія о холерѣ въ Подольской губерніи перестали выходить, но за то появились свѣдѣнія о весьма значительномъ развитіи холеры въ сосѣдней—Волынской губерніи. По свѣдѣніямъ житомірской газеты «Волынь», въ первую половину августа заболѣло 4 т. чел., и врачебная помощь населенію должна быть признана достаточною. Но «Кіевлянинъ», на основаніи данныхъ волынскаго врачебнаго отдѣленія, утверждалъ, что съ 6 по 19 августа заболѣли 5,849 и умерли 2,134 чел. и что принятіе предупредительныхъ мѣръ должно быть признано далеко недостаточнымъ. Какъ-бы то ни было, но любопытенъ фактъ, что въ августѣ стали опять появляться официальныя извѣстія и о холерѣ въ Подольской губерніи, впрочемъ съ небольшими цифрами. Трудно объяснить себѣ такое своеобразное поведеніе холеры въ этой послѣдней губерніи, совсѣмъ не похожее на ея ходъ въ другихъ областяхъ.

Возвратимся однако къ нижегородской ярмаркѣ. Прошлогодняя паника, неосновательная и порожденная просто «безконтрольнымъ шушуканіемъ» такъ, однако, подѣйствовала на московскихъ купцовъ, что они и нынче не слишкомъ торопились на ярмарку. Правда, по официальнымъ извѣстіямъ, въ Нижнемъ все обстояло благополучно. Но замоскворѣцкій купецъ долго не трогался: «Пименычъ-то вѣдь въ прошломъ году померъ, когда извѣстій о холерѣ еще не было. Такъ сердечный и въ статистику не попалъ». Занимали москвичи лавки на ярмаркѣ и высылали приказчиковъ, а сами выжидали. Наконецъ, когда приказчики донесли хозяевамъ, что и слуховъ нѣтъ, тронулись «сами». И по дѣламъ нужно было, да и гульнуть сильно хотѣлось. Такимъ образомъ уже только въ половинѣ августа ярмарка, по словамъ корреспондента «Р. В.», «стала

какъ-то судорожно быстро наполняться и оживать... Газеты то и дѣло отмѣчали гулевыя ночи, когда полиція сбивалась съ ногъ, не успѣвая справляться съ протоколами, и ярмарочныя гауптвахты переполнялись временными гостями... Ярмарка стала бѣшено веселой; среди гостей гауптвахты попадались люди съ десятками тысячъ рублей въ карманѣ... О тысячныхъ крюшонахъ и попыткѣ купанія пѣвицъ въ лохани, наполненной шампанскимъ, я уже сообщалъ»...

Въ одинъ день, 20 августа, по разсказу «Астраханскаго Вѣстника», въ самой ярмаркѣ задержано было 39 лицъ за пьянство и скандалы. Въ числѣ ихъ находился загулявшій 79-ти лѣтній почетный гражданинъ Б. (въ газетѣ фамилія выписана полностью).—Ваше званіе?—Я въ настоящее время житель Заблицкаго погоста, но недавно я былъ болгарскимъ княземъ.—Какъ такъ?—Служилъ я одновременно во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ, женился, имѣлъ два десятка тысячъ дѣтей и за это былъ сосланъ въ Болгарію, гдѣ выбрали меня княземъ». Этотъ почетный гражданинъ не имѣлъ уже ни денегъ, ни паспорта, такъ что его отправили «по этапу». Другой случай. разсказанный тамъ-же. Московскій купецъ Г. (всѣ вообще фамиліи прописаны цѣликомъ) пріѣхалъ на ярмарку съ женой и пропалъ, имѣя при себѣ 24 т. рублей. Жена заявила о пропажѣ мужа полиціи. Оказалось, что Г. наканунѣ отправился съ какой-то женщиной въ одно ярмарочное заведеніе и, занявъ комнату, напился «до безчувствія», при чемъ сбросилъ съ себя на полъ жилетъ, въ которомъ были пачки серій и сторублевыхъ бумажекъ. Увидавъ такое количество денегъ, женщина испугалась и, когда Г. проснулся, передала ему жилетъ, а узнавъ, гдѣ онъ остановился, поѣхала къ его женѣ. Обѣ онѣ прибыли вмѣстѣ въ заведеніе, но не нашли тамъ Г. Онъ протащился въ какой-то трактиръ и уже тамъ былъ отысканъ полиціею. Первымъ его дѣломъ было заявить о покражѣ у него 900 рублей, съ обвиненіемъ женщины, которая была съ нимъ. У нея былъ произведенъ обыскъ и найдены были 100 р. Но такъ какъ оказалось, что у нея всегда были деньги и еще до встрѣчи съ Г. она купила себѣ какой-то предметъ одежды за 100 р., то не было повода подозрѣвать, что и найденныя у нея деньги—краденыя. По всей вѣроятности, Г. самъ прокутилъ или разбросалъ сотни рублей; онъ и отказался отъ обвиненія женщины, которая въ дѣйствительности спасла его отъ ограбленія, такъ какъ вся остальная сумма оказалась при немъ.

«Волгарь» повѣствовалъ о появленіи въ полиціи ярмарочной пѣвицы С., бывшей воспитанницы Смольнаго монастыря, «дочери богатой барской семьи». Нужда заставила ее пойти въ хоръ, пѣвшій въ трактирѣ. Ужасная обстановка, отвратительная пьяная публика, безсонныя ночи, все это побудило С. выйти изъ хора. Когда-то она пѣла на заграничныхъ театрахъ въ оперѣ, а теперь пѣла въ нижегородскомъ трактирѣ, аккомпанировала на фортепьяно арфисткамъ, переписывала ноты: нужда была. Наконецъ ей отказали и выдали столько, что не хватило

на дорогу. Она и просила обязать хозяина, отказавшаго ей уплатить за все время ярмарки, такъ, чтобы она могла выѣхать. Не знаю, сдѣлала-ли нижегородская полиція это благое распоряженіе. Но если только хотѣла, то могла рѣшить дѣло гражданское. такъ какъ она рѣшала безъ дальнихъ проволочекъ дѣла уголовныя. Приведу изъ «Астрх. В.» два примѣра, называя и фамиліи. Крестьянинъ Лосевъ обвинялся въ «нарушеніи обязательныхъ постановленій, выразившееся въ неоднократныхъ со стороны Лосева буйствахъ и дракахъ». Если-бы Лосевъ нарушалъ только общіе законы, воспрещающіе буйство и драку, тогда онъ, по всей вѣроятности, былъ-бы привлеченъ къ суду, на основаніи общихъ же законовъ. Но Лосевъ сдѣлалъ хуже—онъ нарушилъ обязательныя постановленія. которыя запрещаютъ буйство и драки, въ подкрѣпленіе законамъ. А потому, онъ былъ распорядительнымъ порядкомъ подвергнутъ аресту на три мѣсяца. Точно такъ нарвскій гражданинъ Рунъ за приставаніе къ женщинамъ и дерзости былъ распорядительно подвергнутъ аресту на семь дней. Наконецъ, изъ «Нижегор. Листка» вижу, что къ аресту на мѣсяцъ тѣмъ-же порядкомъ приговорены два актера. Полиція въ Нижнемъ «сбилась съ ногъ», какъ писалъ корреспондентъ «Р. В.». Торговцы бѣгали, суетились, наживались, пропадали, разыскивались, пѣвицы пѣли по 10 часовъ въ сутки. Одни только счастливцы проводили ярмарочное время въ безметежной праздности—то были мировые судьи. Имъ, очевидно, нечего было дѣлать.

Не вѣрю я тому нижегородскому пессимизму, который изъ году въ годъ твердитъ, что значеніе макарьевскаго торжища постепенно падаетъ. Вѣдь торжище это есть вмѣстѣ всероссійское гульбище. Какъ-же можетъ уменьшиться его значеніе, когда элементъ гульбы нисколько не ослабѣваетъ по городамъ и въ обычное, мирное, такъ сказать, время. Особое «значеніе» и огромная притягательная сила макарьевской ярмарки въ томъ и состоитъ, что она представляетъ собой, выражаясь по военному, «мобилизацію и концентрацію» всероссійской гульбы и безобразій. Это концентрированное гульбище относится къ единично-городскому, какъ ванна, наполненная шампанскимъ для купанья пѣвицъ, относится къ скромной бутылкѣ того-же напитка, вылитой коммерсантами любителями музыки—въ фортепіано. Да, всероссійское торжище и гульбище долго еще будетъ процвѣтать. Въ будущемъ году и всѣ изящныя искусства явятся туда на выставку для того, чтобы удвоить продолжительность макарьевскаго безобразія. Совершенно такъ, какъ та смолянка, оперная пѣвица и «дочь барской семьи», являлась въ трактирномъ хорѣ на потѣху пропадавшихъ безъ вѣсти и счастливо разысканныхъ полиціею купцовъ, спокойно ночевавшихъ затѣмъ на гауптвахтѣ съ десятками тысячъ рублей въ карманѣ... Какъ имъ было не благодарить полицію за попечительность? Вотъ только безконтрольное шушуканье въ прошломъ году нѣсколько подгадило. А если-бы и шушуканье взять подъ контроль, тогда гуляй душа на ярмаркѣ окончательно, нечего будетъ и опасаться.

Впрочемъ, это—довольно общая провинціальная черта — плакаться, что дѣла идутъ все хуже, предсказывать всякія бѣды. Такъ въ настоящее время плачется Казань на предстоящую ей горькую судьбу, вслѣдствіе проведенія сибирской желѣзной дороги—не черезъ Казань, а черезъ Самару и постройки желѣзнодорожныхъ линій Вологда-Котласъ и Пермь-Вятка-Котласъ. Въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» изложено содержаніе записки по этому предмету, составленной городскимъ головой г. Дьяченко и другими представителями интересовъ города. Записка представляется министру путей сообщенія. Она столь трогательно описываетъ судьбу города, что такъ и напрашивается для просящаго города на названіе «казанская сирота». Направленіе сибирскаго пути черезъ Самару «окончательно подорвало» торговое промышленное значеніе Казани и всего края. Уже 30 лѣтъ Казань бѣдствуетъ оттого, что въ остальной Россіи есть желѣзнодорожная сѣть, а Казань не соединена съ нею. Правда, два года тому она уже соединена желѣзной дорогой съ Москвой, имѣя притомъ такой путь, какъ Волга. Но на желѣзной дорогѣ нѣтъ моста черезъ Волгу, а перегрузка дорога́; сама-же Волга все больше мѣлѣетъ и съ этимъ ничего не подѣлаешь. Теперь на сѣверъ пойдетъ сибирскій хлѣбъ помимо Казани, да еще строится соединеніе Пермь-Вятка-Котласъ, при которомъ и мануфактурные товары пойдутъ въ Вятскую губернію изъ другихъ мѣстъ, а въ казанскомъ краѣ некуда будетъ сбывать 10 милл. пудовъ хлѣба; заводы и фабрики существовать будутъ не въ состояніи, кустарная, ремесленная и мануфактурная промышленности падутъ, наконецъ, крестьяне лишатся заработковъ отъ извознаго промысла.

Однимъ словомъ—такія горькія жалобы, какъ если-бы Казань имѣла выстроенныя ею на свой счетъ желѣзныя дороги въ Сибирь, Архангельскъ, Москву и Петербургъ, а теперь по нимъ вдругъ велѣно было-бы прекратить движеніе. Но у насъ проведеніе каждой желѣзнодорожной линіи вызываетъ жалобы другихъ областей. У Казани есть Волга и желѣзная дорога въ Москву; нѣтъ на этой дорогѣ моста, ну и просить бы о мостѣ; да и самой Казани можно бы построить этотъ мостъ, если отсутствіе его ее разоряетъ. Нѣтъ, непремѣнно — на казенный счетъ и непремѣнно надо просить, какъ можно больше ходатайствовать и просить сразу о соединеніи Казани съ вновь строющеюся дорогой между Пермью и Вяткой, о постройкѣ моста на Волгѣ и еще о соединеніи города съ Волгой посредствомъ бухты. Какъ только построится упомянутое соединеніе, все будетъ спасено: «Казань не лишится своихъ торговыхъ связей съ сѣверовостокомъ и сохранитъ за собой роль центра для ближайшихъ губерній и однимъ словомъ сохранитъ возможность экономически существовать». Итакъ, для спасенія экономической будущности цѣлаго казанскаго края, нужна дорога-то всего въ 250 верстъ. Строить ее—дешево при дешевизнѣ рабочихъ рукъ, обиліи лѣса, камня и другихъ матерьяловъ. А выгодность

этой дороги несомнѣнна, «такъ какъ она пройдетъ черезъ самыя плодородныя мѣстности Вятской губерніи и явится надежнѣйшимъ путемъ для торговыхъ сношеній съ районами рѣкъ Волги и Вятки».

Но если дорога не велика, если постройкой ея можно спасти цѣлый край, если обойдется она дешево и обѣщаетъ быть выгодной—то постройте-же ее сами. Ну, знаете, всетаки 9 милліоновъ; да притомъ это вѣдь такъ говорится въ ходатайствѣ. А пріѣдутъ инженеры, сдѣлаютъ промѣръ, и составятъ смѣту въ 12 милл., а выстроятъ, и окажется, что она обошлась въ 18 милліоновъ. Да и девять-то милліоновъ откуда-же взять? Однако, такія-ли дороги строились въ Америкѣ на частныя средства? Отъ океана до океана, да еще нѣсколько путей. Пусть-бы, если дорога такъ необходима и выгодна, соединились земства обѣихъ губерній, общества обоихъ губернскихъ городовъ, уговорили одного богатаго купчину и другого, чтобы вошли въ дѣло съ земствами, просили-бы разрѣшенія выпустить заемъ.—Нѣтъ, куда-же! То—Америка, А у насъ, если-бы и возможно было собрать нѣсколько милліоновъ, то съ какой-же стати мы бы ихъ затрачивали, когда вездѣ въ другихъ мѣстахъ строитъ казна на свой счетъ, или даетъ гарантію и субсидіи концессіонерамъ? И когда еще намъ разрѣшатъ, а если деньги и будутъ наши, то вѣдь строить-то намъ велятъ по ихнему, не такъ какъ для насъ выгоднѣе, а какъ того требуютъ единообразіе правилъ и благообразіе станціонныхъ зданій; предпишутъ все до мелочей, даже какой краской красить вагоны и какого цвѣта должна быть тулья на фуражкѣ у помощниковъ начальниковъ станцій. Ну, не можете собрать 9 милл. на дорогу въ 250 верстъ, такъ зачѣмъ вы въ томъ-же ходатайствѣ просите еще у казны 17 т. р. на замощеніе кизической дамбы и сверхъ того—сооруженія двухъ подъѣздныхъ путей отъ Малмыжа и Кротовки? Вѣдь ужъ 17-то тысячъ можете собрать?—Да такъ, видите, просимъ; ужъ просить, такъ просить; мало-то просить, такъ вѣдь все равно урѣжутъ. Я долженъ прибавить, что это не подслушанные мною отвѣты казенныхъ городскихъ дѣятелей, а предположенные мной самимъ, по знанію родныхъ условій и взглядовъ.

Не выходя изъ Казани, перейду къ сооруженію иного рода. Въ Казани происходило 30 августа открытіе памятника Императору Александру II. Памятникъ построенъ по проекту академика Шервуда. Въ рѣчахъ при открытіи, въ газетныхъ статьяхъ по этому поводу, въ самомъ характерѣ торжества, какъ и въ надписи на памятникѣ, преобладало воспоминанія о великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. «Изъ многочисленныхъ вѣнковъ, писалъ корреспондентъ «Нижегородскаго Листка»—обращалъ на себя вниманіе принесенный дряхлыми стариками крестьянами вѣнокъ изъ колосьевъ ржи и овса, безъ всякой надписи, безъ ленты, еле поддерживаемый старцами». Прекрасная мысль. Старики, которымъ въ 1861 году было болѣе 40 лѣтъ, которые въ тотъ моментъ радовались не за себя только, но и за своихъ дѣтей, принесли къ памятнику освобожденія не цвѣты съ лентой и придуманной надписью, но—колосья

хлѣба посѣяннаго и собраннаго свободными руками. Въ день открытія памятника раздавались безплатныя обѣды бѣднымъ, были народныя чтенія, конечно, музыка и иллюминація на площади, и обѣдъ въ городской думѣ, за которымъ, по словамъ «Казанскаго Телеграфа», «приглашенные весело провели время почти до 3 часовъ ночи». Памятникъ сдѣланъ исключительно на средства, доставленныя подпискою, которая была открыта въ Казанской губерніи. Самая мысль о постановкѣ памятника и все исполненіе ея принадлежало городскому управленію. Итакъ, городское управленіе у насъ все-таки можетъ сдѣлать нѣчто, только далѣе оно еще не пошло.

Когда-то еще начнутъ свои поощрительныя дѣйствія мѣстные органы вѣдомства сельскаго хозяйства... Пока, въ нѣкоторыхъ земскихъ губерніяхъ существуютъ уже зачатки организаціи для улучшенія орудій и сѣмянъ. А въ губерніяхъ, не имѣющихъ земства, не существуетъ ничего по этой части, за исключеніемъ областныхъ сельско-хозяйственныхъ и кустарно-промышленныхъ выставокъ. Онѣ несомнѣнно полезны, хотя польза ихъ и скромная. На нихъ съѣзжаются люди изъ нѣсколькихъ губерній, крестьяне,—конечно состоятельные—имѣютъ случай ознакомиться съ недорогими земледѣльческими орудіями, кустари видятъ, какъ работаются въ другихъ мѣстахъ тѣ-же издѣлія, наконецъ, кое-что и продается тутъ-же, такъ-что выставки имѣютъ и нѣкоторое торговое значеніе, но не для массъ. Такая очередная выставка открылась въ прошломъ мѣсяцѣ въ Вильнѣ. Предшествующая выставка была въ 1892 году, нынѣшняя выставка—седьмая и, какъ пишутъ, она значительнѣе предшествующей. Помнится, въ Вильнѣ были двѣ-три этакія выставки къ ряду ежегодно; но нашлись бдительныя газеты и вотъ нынѣшняя выставка уже на третій годъ. Бдительные голоса имѣютъ особенную звонкость и всегда слышны, какъ свистки раздающіеся среди уличнаго шума.

Поощреніе экспонентамъ на областныхъ выставкахъ весьма скромное. Такъ, въ данномъ случаѣ назначены: отъ министерства земледѣлія, для крестьянъ за лошадей и скотъ—1 молотилка, 1 вѣялка, 6 плуговъ, 1 серебряная медаль, 1 бронзовая и деньгами 100 рублей («Виленскій Вѣстникъ»); затѣмъ, отъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, обществъ птицеводства и покровительства животнымъ—медали и похвальные листы. Много медалей отъ мѣстнаго скакового общества, въ томъ числѣ 7 золотыхъ. Сельско-хозяйственная выставка устраивается въ Вильнѣ въ самомъ центрѣ города и вноситъ нѣкоторое наружное оживленіе въ тамошнюю мертвую жизнь, если можно такъ выразиться. Наиболѣе примѣчательно на этихъ выставкахъ, что крестьяне приводятъ иногда прекрасныхъ лошадей и продаютъ ихъ сравнительно дешево. Хороши такъ-же крестьянскія самодѣльныя сукна. Изъ мѣстной газеты узнаю, что теперь уже окончательно выбрано мѣсто для постановки памятника графу Муравьеву—въ скверѣ передъ генералъ-губернаторскимъ домомъ. Съ сооруженіемъ этого памятника произошла нѣкоторая проволочка, вслѣдствіе

недочета въ собранныхъ деньгахъ. Да, сказать правду, позволительно еще спросить: необходимъ-ли въ самомъ дѣлѣ памятникъ Муравьеву въ Вильнѣ? Развѣ поставленъ въ Новгородѣ памятникъ Аракчееву, усмирившему бунтъ въ военныхъ поселеніяхъ? Достаточно уже того, что при Никольскомъ соборѣ въ Вильнѣ, на главной улицѣ, построена въ память Муравьева богатая часовня. Воспоминанія о мятежахъ и усмиреніяхъ слѣдуетъ сглаживать, а не увѣковѣчивать. Правда, деньги собраны; но имъ-бы можно дать благотворительное назначеніе—въ Вильнѣ страшная нищета, или обратить ихъ на стипендіи въ мѣстныхъ училищахъ. И навѣрное, всѣ давшіе эти болѣе или менѣе доброхотныя приношенія были-бы довольны обращеніемъ ихъ на цѣль реальной пользы.

Введеніе казенной питейной монополіи вызвало, какъ будто неожиданно для всѣхъ, явленіе, которое легко было предвидѣть: исчезъ въ селеніи кабакъ, какъ мѣсто для времяпрепровожденія, а другого такого мѣста нѣтъ. Правда, попечительства трезвости, которыя сами только возникаютъ, устраиваютъ чайныя. Но когда-то ихъ устроютъ по всѣмъ деревнямъ... Газеты указываютъ на необходимость создавать въ деревняхъ сборные пункты для невиннаго времяпрепровожденія: читальни, чтенія съ туманными картинами. Но это дѣло надо сперва облегчить. Пусть-бы имъ могъ заняться всякъ, кто пожелаетъ. Вѣдь присмотръ-же будетъ – дѣло на глазахъ всѣхъ, стало быть, на что-бы тутъ представлять программы и т. д.? А при порядкѣ предварительнаго просмотра и одобренія, вездѣ-ли могутъ найтись люди, готовые на хлопоты? Да вотъ газета «Кіевское Слово» недавно разсказала о случаѣ, бывшемъ въ Кролевецкомъ уѣздѣ. Мѣстный священникъ завелъ для крестьянъ воскресныя чтенія съ фонаремъ, и народа стало собираться много. Но это не понравилось землевладѣльцу, возлѣ усадьбы котораго устроился такой сборный пунктъ для невиннаго времяпрепровожденія. Онъ обвинилъ священника въ развращеніи народа и тотчасъ былъ посланъ для дознанія завѣдующій городскимъ училищемъ. Тотъ убѣдился, что ничего дурного не происходило. Но если такой случай можетъ быть съ мѣстнымъ священникомъ, то какъ-же взяться за такое дѣло самовольно учителю, а тѣмъ болѣе кому-либо изъ грамотныхъ крестьянъ? Ожидать-же, что въ каждомъ селеніи поучительный сборный пунктъ будетъ устроенъ изъ уѣзда, земствомъ или кѣмъ-бы то ни было, едва-ли возможно.

На упраздненіе распивочнаго кабака взглянулъ еще съ иной стороны «Самарскій Вѣстникъ». Газета находитъ, что распиваніе на улицѣ «посудины», купленной въ казенной лавкѣ, «вредно отражается на населеніи и дѣйствуетъ на непьющихъ заразительнымъ образомъ». Прежде пили въ кабакѣ, въ присутствіи нѣсколькихъ посѣтителей, и «безобразія» оставались въ кабакѣ, рѣдко выходя на улицу. «Въ настоящее-же время, въ базарные дни, крестьяне производятъ выпивки открыто на базарной площади, при всѣхъ находящихся тамъ, въ присутствіи своихъ женъ, дочерей, сыновей и другихъ семейныхъ». Были и другіе отзывы о вредѣ

распивать на улицѣ. «Новое Время», обсуждая вопросъ о томъ пустомъ мѣстѣ въ деревнѣ, какое оставилъ послѣ себя кабакъ, признаетъ, что чайная не можетъ замѣнить его, а нужно такое заведеніе, гдѣ крестьяне пили-бы водку, но «умѣренно». Газета «Волынь», по поводу распивки на улицѣ, говоритъ: «очевидно, для крестьянина нужна не винная лавка, гдѣ продается водка на выносъ, и не кабакъ, гдѣ водку приходилось пить гольемъ, а — трактиръ». Вѣроятно, тоже самое хотѣло сказать и «Новое Время», такъ какъ иначе трудно понять, какое это заведеніе, гдѣ пьютъ «умѣренно?»

Вотъ еще одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, вокругъ котораго мы толчемся тридцать лѣтъ и, такъ сказать, перетягиваемся, какъ дѣти за палку, причемъ «то сей, то оный на бокъ гнется». Сперва думали подѣйствовать на сельскую публику «честью», «добромъ». Тридцать лѣтъ тому назадъ, водка вышла дешевенькая, патентовъ на продажу раздавали сколько угодно, видя въ томъ прямой интересъ казны. Кушайте, молъ, на здоровье, православные; пусть вамъ водка—недорогая, пусть она вамъ не въ рѣдкость, не диковина какая, отъ которой разъ дорвавшись трудно отстать. Ошибетесь разъ, другой — ничего, попривыкнете и потомъ сами ужъ сумѣете раціонально соразмѣрить потребленіе, какъ съ потребностью вашего организма, такъ равно и съ интересомъ, въ данномъ случаѣ, государственнаго казначейства.

Ожиданіе это, повидимому, не оправдалось, такъ какъ лѣтъ черезъ десять послѣ того вопросъ былъ подвергнутъ новому, всестороннему обсужденію и переработкѣ. Было признано необходимымъ всемѣрно стремиться къ уменьшенію числа питейныхъ заведеній, по такому соображенію, что каждый лишній кабакъ составляетъ лишній соблазнъ. Начали уменьшать, а въ Петербургѣ даже опредѣлили небольшое число питейныхъ домовъ и стали ихъ отдавать съ торговъ за большія деньги. Однако, и послѣ того въ Петербургѣ пили нисколько не меньше прежняго. Что значитъ для желающаго выпить—пройти лишнихъ полверсты, а хотя-бы и версту? А сверхъ того, вѣдь только первые два шкалика обидно переплатить, а тамъ, когда расширилась душа, то можно пить и въ трактирахъ, которыхъ имѣется три въ одномъ переулкѣ.

Тѣмъ не менѣе, законодательство пошло и далѣе по пути ограниченія числа кабаковъ, распространило установленіе опредѣленнаго для нихъ числа—на большую часть государства, что въ слѣдующемъ-же году повело за собой сокращеніе числа сельскихъ кабаковъ на цѣлыхъ двѣ трети. И что-же? Должно быть не стало лучше, коль скоро нынѣ предпринято совершенное упраздненіе кабаковъ, съ замѣною ихъ винными лавками, съ приказчиками, при назначеніи которыхъ отдается предпочтеніе лицамъ съ университетскимъ образованіемъ.

Еще только въ какомъ-нибудь десяткѣ губерній введено это преобразованіе, а уже газеты говорятъ, что не надо винной лавки, а одной чайной мало; необходимъ сборный пунктъ съ распитіемъ «умѣреннымъ»,

нуженъ—трактиръ. Но что значитъ названіе? Трактиръ, отличающійся отъ кабака тѣмъ, что въ немъ подаютъ кушанье, это будетъ западная корчма; а корчма—тотъ-же кабакъ. Развѣ крестьянинъ въ своей деревнѣ станетъ ѣсть въ трактирѣ? Вотъ, въ Петербургѣ—множество «ренсковыхъ погребовъ». Но за исключеніемъ какихъ-нибудь десятковъ, принадлежащихъ извѣстнымъ виноторговцамъ, всѣ остальные—просто штофныя лавочки. Такъ будетъ и съ сельскими трактирами. Почему полагать, что если написано «трактиръ», то тамъ будутъ пить «умѣренно?» Съ другой стороны, сѣтованіе, что нынѣ, съ упраздненіемъ кабака, пьянство переходитъ на улицу и на базарную площадь и происходитъ на виду у семейныхъ, на мой взглядъ не составляетъ возраженія противъ основной мысли нынѣшней реформы. Вѣдь ея цѣль и состоитъ въ томъ, чтобы пили прямо въ семьѣ, именно на глазахъ женъ, дочерей и проч. Если-же пока пьютъ только на улицѣ, то это еще полдороги осталось до достиженія предположенной цѣли.

Читатель можетъ спросить, какое-же мое-то мнѣніе? Не только никакого опредѣленнаго предположенія у меня нѣтъ, но я даже противъ всякихъ предположеній. Нельзя исправить людей посредствомъ ограниченій. Пока не исправятся — они сумѣютъ обойти всякія ограниченія, особенно въ такомъ дѣлѣ, гдѣ «душа проситъ». Что тутъ подѣлаешь? Вѣдь въ тюрьмахъ пьютъ — на что ужъ, казалось-бы, ограниченное состояніе; а пьютъ. Когда-же исправятся, то ограниченій и не нужно. Впрочемъ, собственно насчетъ питья въ семьѣ—приведу мнѣніе не свое, а одного моего знакомаго, почтеннаго крестьянина въ большомъ селѣ Петербургской губерніи. Мужикъ былъ обстоятельный, держалъ четырехъ лошадей, два женатыхъ сына жили при немъ, хозяйство было большое, но никакой торговли онъ не велъ, былъ только земледѣльцемъ. Со старухой своей былъ ласковъ, человѣкъ умный и всѣми уважаемый. Никогда я его не видалъ пьянымъ. Но каждый день, въ началѣ восьмого часа вечеромъ, его можно было встрѣтить на улицѣ и онъ непремѣнно усмѣхнется.—Куда это вы, Никифоръ Алексѣевичъ?—спрашивалъ я вначалѣ.—Все туда-же, къ мировому.—И покажетъ рукой, гдѣ питейное заведеніе. Если пройдетъ полчаса и онъ еще не возвратился, смотришь, старуха его медленно бредетъ въ ту-же сторону и возвращается вмѣстѣ; она иной разъ и пошутитъ: — Пригнала старика-то ко двору. — Вотъ я разъ и спросилъ:—Что вамъ, Никифоръ Алексѣевичъ, за охота каждый день туда ходить? Вѣдь вы всего шкаликъ пьете, такъ держали-бы дома. —Намъ это невозможно, у себя намъ держать *нельзя*,—сказалъ онъ съ убѣжденіемъ. Мнѣ неловко было спросить—почему? А вслѣдствіе того я такъ и доселѣ не знаю.

Во время голодовки 1891 и 1892 годовъ продовольственныя ссуды выдавались крестьянамъ за круговой порукой не только въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ существуетъ общинное землевладѣніе, но и въ тѣхъ, гдѣ владѣніе подворное. Внесеніе въ бытъ подворно-земледѣльческій чуждаго

ему начала объ отвѣтственности всѣхъ за каждаго должно было вызвать любопытное явленіе. Приведу примѣръ по корреспонденціи «Жизни и Искусства» изъ Уманскаго уѣзда. Крестьяне м. Шаулихи просили въ 1892 г. ссуды хлѣбомъ и она была разрѣшена имъ на сумму 3,900 р., но подъ условіемъ круговой поруки въ возвратѣ. Былъ голодъ и крестьяне, конечно, соглашались на всякія условія. Но уже когда пришлось дѣлить хлѣбъ, возникли недоразумѣнія. Въ Шаулихѣ, какъ и во всякомъ крестьянскомъ обществѣ, есть хозяева «надежные», сомнительные и совсѣмъ «ненадежные», которые любятъ «казаковать», то-есть гулять. «Надежные и рѣшили — «ненадежнымъ» ссуды вовсе не выдавать, такъ какъ за нихъ, очевидно, пришлось-бы платить другимъ. Но начальство заставило раздѣлить ссуду на всѣхъ членовъ общества. Домохозяевъ—304 и изъ нихъ только 8 не нуждались въ ссудѣ, а въ порукѣ пришлось участвовать и имъ. Ссуда была разсрочена на 3 года. Прошлой осенью наступилъ первый срокъ уплаты. Надежные припасли деньги, а ненадежные сидѣли въ шинкѣ и пѣли: «гей, гей, доле моя, де-жъ ты водою заплыла!» — «Давайте грôши, — говорятъ имъ на сходѣ. А они: «Нема, ей-же Богу, нема; якъ-бы були, мы-бъ виддали».—«Въ канцуръ ихъ!»—Сажали ненадежныхъ въ карцеръ. А «заключенные медлительно доставали свои кисеты, набивали люльки и сосредоточенно закуривали».

Общины нѣтъ, сходъ не имѣетъ права обратить неисправимыхъ на какую-либо работу, а карцеръ не дѣйствуетъ. Тогда рѣшили сдать въ аренду двѣ принадлежащія обществу хорошія мельницы и арендными деньгами пополнить всю ссуду. Мельницы эти давали 2,000 р. доходу въ годъ, но арендаторъ, разумѣется, воспользовался положеніемъ крестьянъ и снялъ обѣ мельницы за 3,000 рублей всего на 18 лѣтъ. Но противъ этого заспорили тѣ крестьяне, которые вовсе ссуды не брали, а теперь за возвращеніе ея лишились своей доли въ доходѣ съ мельницъ. Ихъ удовлетворили, однако, выдавъ каждому по 10 рублей. «Думается,—заключаетъ корреспондентъ,—что къ круговой порукѣ слѣдовало-бы прибѣгать съ бóльшею осторожностью; существованіе ея обусловливается существованіемъ общины, какъ цѣльнаго общественнаго организма». Конечно, обидно было отдать за 3,000 р. мельницы, которыя въ 18 лѣтъ могли принесть 36,000 рублей дохода. Но почему-же «надежные» не предпочли уплатить сами всей ссуды или хотя-бы половины ея, съ возвратомъ имъ въ 1½ года изъ доходовъ съ мельницы? Едва-ли «ненадежные» воспротивились-бы этому, такъ какъ они теперь больше потеряютъ на доляхъ въ прежнихъ доходахъ отъ мельницъ. Конечно, нельзя судить, не зная точно обстоятельствъ дѣла. Но можно объяснить себѣ столь очевидно-невыгодную сдѣлку—тѣмъ преувеличеннымъ инстинктомъ индивидуализма, который развивается владѣніемъ подворнымъ: пусть лучше пропадаютъ 30,000 рублей денегъ общественныхъ, чѣмъ надежнымъ хозяевамъ платить изъ своихъ денегъ полтора года за ненадежныхъ. Но какъ-же было выдать ссуду иначе, чѣмъ подъ общую поруку? Или ненадежныхъ въ

самомъ дѣлѣ можно было оставить безъ хлѣба? Такъ-ли, сякъ-ли, все-таки всѣ прожили голодный годъ, а теперь «надежные» сами виноваты, что упустили изъ рукъ мельницы.

Вставлю опять нѣсколько словъ о той несоразмѣрности кары за разные виды преступленій и проступковъ, какая у насъ нерѣдко проявляется и побуждаетъ желать, чтобы пересмотръ уложенія о наказаніяхъ довершился скорѣе. Въ «Рижскомъ Вѣстникѣ» подробно изложено разсматривавшееся въ Юрьевскомъ (дерптскомъ) окружномъ судѣ въ августѣ дѣло о безпорядкахъ въ тамошней тюрьмѣ. Въ прошломъ январѣ арестантамъ было объявлено, что вслѣдствіе распоряженія высшаго тюремнаго управленія суточное ихъ довольствіе будетъ уменьшено на 2 коп. на человѣка. Это объявленіе вызвало среди заключенныхъ неудовольствіе. «Нѣкоторые изъ нихъ,—сообщаетъ газета,—высказывали предположеніе, что уменьшеніе порціоннаго содержанія непремѣнно вызоветъ и ухудшеніе качества пищи; другіе обвиняли Любимова (директора) въ неправильности его распоряженій». Арестанты, очевидно, не довѣряли. Это доказывалось и тѣмъ соображеніемъ, какимъ нѣкоторые изъ нихъ дѣйствовали на своихъ товарищей, а именно, что жаловаться на новое распоряженіе «значило-бы только бумагу марать» и что «добиться прежнихъ порядковъ можно только путемъ безпорядковъ». Такой нелѣпый расчетъ не можетъ быть объясненъ и неразвитостью арестантовъ, развѣ именно допустивъ, что распоряженіе они дѣйствительно считали неправильнымъ и думали, что только вслѣдствіе безпорядковъ оно можетъ сдѣлаться извѣстнымъ высшему управленію, а затѣмъ, будетъ отмѣнено. Безпорядки и произошли: арестанты ломали мебель, двери, били фонари, окна и т. д., побили и нѣсколько человѣкъ изъ сторожей, такъ что пришлось вызвать военную команду. Но ни о какихъ ранахъ, ни о попыткахъ побѣга въ отчетѣ не упоминается. Между тѣмъ, судъ приговорилъ пятерыхъ къ каторжной работѣ на 8 лѣтъ и одного—на 4 года, а остальныхъ—къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія и содержанію въ тюрьмѣ на разные сроки. Но вѣдь когда люди совершаютъ преступленіе по соображенію прямо нелѣпому, то ясно, что дѣяніе, подлежащее карѣ, было вызвано недоразумѣніемъ. А недоразумѣніе, при нѣкоторой заботливости о томъ, всегда возможно устранить. Ужъ эсты, кажется—народъ несклонный къ бунтамъ, а всѣ шестеро, приговоренные къ каторжной работѣ, именно—эсты.

Къ числу нашихъ сезонныхъ, періодически возвращающихся вопросовъ принадлежитъ и «вопросъ» о снабженіи учениковъ учебниками. Объ этомъ вопросѣ вновь упомянули нѣсколько газетъ. Снабдить гимназиста учебными пособіями для новаго класса стóитъ рублей 6—8. А у кого двое-трое дѣтей учащихся, тому это накладно. Конечно, старшій сынъ могъ-бы передавать свои учебники младшему брату. «Новости Дня» предлагали даже, чтобы такая передача учебниковъ учениками старшаго класса—ихъ товарищамъ, смѣняющимъ ихъ на тѣхъ-же скамейкахъ, про-

изводилась при посредствѣ самихъ училищъ, при чемъ книги, уже бывшія въ употребленіи, передавались-бы новымъ пріобрѣтателямъ по пониженной цѣнѣ. Но дѣло въ томъ, что слишкомъ часто мѣняются самыя руководства или изданія ихъ, такъ что прежнія уже негодятся и для младшихъ классовъ. Вотъ гдѣ была-бы, пожалуй, полезна и нѣкоторая регламентація. Новый учебникъ далеко не всегда лучше прежняго, а новыя изданія сплошь-и-рядомъ, бываютъ просто перепечатками. По словамъ той-же газеты, букинисты придумали «фальсификацію» изданій учебниковъ. Весной они скупаютъ книжки у учениковъ, переходящихъ въ слѣдующій классъ, перемѣняютъ обложки съ означеніемъ на нихъ новаго изданія, и осенью сбываютъ купленные по ничтожной цѣнѣ—за двойную цѣну. Торговцы часто жалуются, что теперь во всемъ подозрѣвается фальсификація, и не любятъ это слово. А между тѣмъ, оно какъ-бы нарочно придумано въ ихъ интересѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ въ дѣйствительности продать полубумажную вещь за шерстяную или брусничное вино за виноградное? Это значитъ совершить мошенничество, украсть, за что полагаются разныя личныя кары, непремѣнно соединенныя съ лишеніемъ «нѣкоторыхъ правъ» и даже «преимуществъ». А за «фальсификацію» назначается только денежный штрафъ, съ сохраненіемъ за личностью промышленника или торговца всего его достоинства и всѣхъ «преимуществъ».

Отъ сообщенныхъ газетами фактовъ перейду теперь къ самимъ газетамъ. Впрочемъ, вотъ еще фактъ, хотя и сомнительной достовѣрности. Фельетонистъ «Одесскаго Листка» пошутилъ надъ велосипедистами. Кстати, отчего не употребляется издавна существующее русское слово «самокатъ»? А ѣздящихъ на самокатахъ можно бы называть «самовозчиками». Предлагаю эту національную идею «Московскимъ Вѣдомостямъ». Теперь тотъ же фельетонистъ сообщаетъ, будто одесскіе велосипедисты рѣшили никогда не упоминать его имени, подъ опасеніемъ штрафа въ 10 рублей и что будто уже были случаи взысканія такихъ штрафовъ, съ обращеніемъ ихъ—на ужинъ. «По моему,—прибавляетъ авторъ,—для велосипедистовъ это даже слишкомъ умно». Въ послѣднее время для фельетонистовъ двухъ одесскихъ газетъ служилъ «матерьяломъ» извѣстный франкоруссъ г. Мишель Берновъ, который въ августѣ и сентябрѣ совершалъ путешествіе «изъ Одессы пѣшкомъ въ Бессарабію» и подъ такимъ заглавіемъ печаталъ въ «Одесскихъ Новостяхъ» подробныя реляціи о своихъ наблюденіяхъ, ощущеніяхъ, воспоминаніяхъ и даже мысляхъ. Въ письмахъ этихъ встрѣчаются курьезы, а иногда не встрѣчается и ровно ничего. Напр. путникъ подходитъ къ Бендерамъ и отмѣчаетъ: «къ Бендерамъ привыкло мое ухо съ ранняго дѣтства въ хрестоматіяхъ, по которымъ приходилось упражняться въ чтеніи по-французски; одна изъ первыхъ статей была озаглавлена «Charles XII à Bender». Настоящій франкоруссъ даже и свѣдѣніе о географіи Россіи почерпалъ изъ французской хрестоматіи и этому я вполнѣ вѣрю, такъ

какъ г. Берновъ когда-то принадлежалъ къ такъ называемому петербургскому «свѣту», конечно, задолго раньше открытія «Salon franco-russe» въ Парижѣ. А въ «свѣтѣ» чуть-ли не большинство, въ прежнее время (не рѣшаюсь сказать — и доселѣ) учились географіи сперва по хрестоматіямъ, а впослѣдствіи уже практически — при завѣдываніи той или другой мѣстностью. Но г. Берновъ не пошелъ или, лучше сказать, не дошелъ по этой дорогѣ и вотъ теперь ему и пришлось совершать путь пѣшкомъ изъ Одессы въ Бессарабію, для «Одесскихъ Новостей».

«Мое появленіе здѣсь—писалъ онъ о Бендерахъ—вызвало необыкновенную сенсацію, и мнѣ всѣ эти знакомства, выраженіе симпатій начинаютъ становиться въ тягость... О популярность, чортъ тебя побери! Я, не привыкшій важничать, волей-неволей, долженъ напустить на себя извѣстную неприступность... Человѣку съ мелочнымъ самолюбіемъ есть отъ чего просіять, какъ новый пятакъ, а философу усмѣхнуться. Бесѣдуя однажды съ Саррой Бернаръ, я сказалъ ей комплиментъ»—слѣдуетъ разсказъ о комплиментѣ и объ отвѣтѣ Сарры Бернаръ. И несомнѣнно, что онъ говорилъ съ этой актрисой, да и мало-ли съ кѣмъ, въ Парижѣ. Но вотъ теперь такой франкорусссъ шагаетъ въ Бендеры, описываетъ пыль на дорогѣ, сообщаетъ, что гостинница Петербургъ—«низенькій домишка, на видъ напоминающій извѣстнаго рода институты... но въ петербургскомъ институтѣ въ спискѣ институтокъ имѣются только однѣ свиньи; эти милые животные весьма ловко отворяютъ двери и разгуливаютъ по коридору» и т. д. Впрочемъ, независимо отъ такихъ курьезовъ, «письма» эти, по степени содержательности и идейности, право, ужъ не такъ далеко отстаютъ отъ большинства корреспонденцій, начинающихся словами: захолустье—небольшой городокъ, имѣющій всего 3 тысячи жителей, и контингентъ интеллигентовъ въ немъ не великъ».

Да и въ столичныхъ городахъ бываютъ статьи, значительно уступающія въ умственномъ отношеніи письмамъ франкорусса изъ Бессарабіи. Такова, напр., статья въ московскомъ «Русскомъ Словѣ» противъ дарвинизма и чрезмѣрныхъ притязаній науки вообще. «Съ легкой руки Дарвина,—пишетъ авторъ,—по свѣту Божьему пошла гулять теорія, будто человѣкъ сродни животнымъ... Дѣло вотъ въ чемъ: уроды-мыслители всегда были и будутъ (единственное достоинство статьи и заключается въ томъ, что она сама подтверждаетъ эту истину); если ихъ не сажаютъ въ безумный (?) домъ, то, конечно, потому, что они—самый въ сущности безвредный народъ; что-жъ, хочется имъ быть скотами несмысленными—пусть ихъ считаютъ себя таковыми на здоровье!.. Онъ (т. е. уродъ-мыслитель) пишетъ такую книгу на премію общества, да еще не одного, а нѣсколькихъ обществъ, союза обществъ, члены коихъ, очевидно, жаждутъ чести быть братьями баранамъ и телятамъ. И премія присуждается автору, и онъ увѣнчанъ... рогами барана или быка и носится съ этими рогами, какъ нашъ знаменитый ученый; слава Богу, что у насъ на Руси это невозможное дѣло». Но отчего-же слава Богу?

Вѣдь выше сказано, что такіе уродо-мыслители — народъ самый безвредный?

Однако, каковъ образчикъ аргументаціи! Если-бы авторъ шутилъ такимъ образомъ, то было-бы только глупо. Нѣтъ, онъ началъ въ газетѣ цѣлый рядъ наисерьезнѣйшихъ статей: такимъ аргументомъ, что дарвинисты «хотятъ быть скотами», онъ думаетъ нанесть неотразимый ударъ цѣлому міровоззрѣнію. Вотъ чѣмъ писаніе его и любопытно. Оно—образчикъ умственнаго паденія цѣлаго періода, когда, дѣйствительно, бумага стала «все терпѣть», когда появились публицисты невѣжественные и недобросовѣстные, разсчитывающіе на такихъ читателей, которые неспособны мыслить, не имѣютъ никакихъ убѣжденій, а падки только на слова, могущія пригодиться для карьеры, какъ-бы слова тѣ ни были безсмысленны. Я уже однажды замѣтилъ, что Аскоченскій въ своей «Домашней Бесѣдѣ» писалъ гораздо умнѣе нынѣшнихъ публицистовъ извѣстнаго сорта. Чтобы найти подобныхъ имъ по убожеству мышленія или по безцеремонности самыхъ явныхъ извращеній, надо обратиться далеко назадъ, лѣтъ за пятьдесятъ слишкомъ, къ Булгарину и писакамъ его школы, процвѣтавшей въ такое время, когда большинство читателей были также равнодушны къ смыслу преподносимыхъ имъ словъ и только ловили благонамѣренные звуки. Когда Булгаринъ пресерьезно льстилъ національному чувству тѣмъ, что Россія кормитъ Западъ своимъ хлѣбомъ, а Западъ платитъ ей за хлѣбъ обезьянами и раковинами, то это было разсужденіе совершенно равноцѣнное со многими, которыя мы слышимъ теперь уже изрядное число лѣтъ. И въ то время бумага все терпѣла. Но кто могъ думать въ 60-хъ годахъ, что то время повторится...

Нѣсколько газетъ поставили себѣ главной цѣлью—«блюсти» за обывателями вообще, а за своими собратами въ особенности. Такъ недавно выходившая въ Юрьевѣ газета «Прибалтійскій листокъ» была переведена издателемъ въ Ригу. Казалось-бы, не все-ли равно для безопасности государства, въ которомъ изъ балтійскихъ городовъ выходитъ «Листокъ», который проповѣдуетъ нѣмцамъ сближеніе съ русскимъ обществомъ, но держитъ себя умѣреннѣе, чѣмъ «Рижскій Вѣстникъ», относящійся къ нѣмцамъ прямо враждебно, что вполнѣ нелѣпо, особенно со стороны газеты, выходящей въ Ригѣ. Нѣтъ, тотчасъ появилась въ «Новомъ Времени» статейка въ такомъ смыслѣ, что «Приб. Листокъ» переносится въ Ригу съ цѣлью «затмить, уничтожить и погубить серьезную, патріотически ведомую газету «Рижскій Вѣстникъ». Изъ чего, очевидно, слѣдовало-бы, что русская-же газета «Приб. Листокъ» ведется не патріотически и что... однимъ словомъ, то, что всегда внушаютъ подобныя указанія.

Издатель инкриминированнаго «Листка» возразилъ «Новому Времени», что единственнымъ поводомъ къ перенесенію газеты въ Ригу является невозможность издавать ее въ небольшомъ городѣ,

гдѣ слишкомъ мало интеллигентныхъ русскихъ людей, что губитъ «Вѣстникъ» онъ вовсе не имѣетъ въ виду, наконецъ, что «Листокъ» также служитъ «дѣлу сліянія прибалтійскаго поморья съ остальною Россіей», расходясь съ «Вѣстникомъ» только во взглядахъ «на методы привлеченія ко всему русскому симпатій мѣстныхъ инородцевъ». И «Новое Время» не возразило. Но при первомъ случаѣ оно опять скажетъ прежнее.

Какъ, очевидно, несправедливы и нелѣпы ни были иныя наускиванья, они не оставались безъ дѣйствія на многихъ читателей, можно даже сказать, на большинство полуобразованнаго общества. Именно при слабости мышленія люди бываютъ податливы на возбужденіе дикихъ инстинктовъ. Доходило до того, что иной изъ «патріотизма» возмущался, слыша какую-либо инородческую рѣчь на улицѣ. Сошлюсь здѣсь на «Самарскій Вѣстникъ». За послѣднее время—говоритъ газета—все чаще и чаще приходится наталкиваться въ газетахъ на факты, указывающіе, что наше культурное общество или, какъ его называютъ щедрые на слова люди, «интеллигенція» дичаетъ». Вмѣстѣ съ нѣсколькими другими недавними скандалами въ Саратовѣ, онъ разсказываетъ о слѣдующихъ двухъ, очень характерныхъ. «Вскорѣ послѣ того, два пьяныхъ сына марса избили въ Очкинскомъ саду провизора аптеки, нѣмца, за то, что онъ въ ихъ присутствіи *осмѣлился* говорить по-нѣмецки. Вѣроятно—прибавляетъ авторъ—поступокъ ихъ остался безнаказаннымъ, такъ какъ недавно повторился подобный-же скандалъ съ другимъ, пріѣзжимъ нѣмцемъ. Въ городѣ разсказываютъ, что когда нѣмецъ отправился жаловаться на своихъ обидчиковъ, то, вмѣсто удовлетворенія своихъ претензій, выслушалъ внушеніе». Вотъ плоды дѣятельности такихъ газетъ, какъ «Новое Время», «Рижскій Вѣстникъ», «Московскія Вѣдомости» и т. д. Не ими конечно привиты значительной части общества дикіе инстинкты, которые сказываются въ столь частыхъ у насъ скандалахъ всякаго рода. Но именно газетное уськанье въ теченіе продолжительнаго періода произвело то, что эти инстинкты стали «разыгрываться» въ извѣстномъ направленіи, напр. проявляться въ сбиваніи шапокъ съ мирныхъ обывателей подъ «благонамѣреннымъ» предлогомъ, подъ покровомъ котораго грубыя натуры проявляютъ всю свою грубость, прямо разсчитывая на безнаказанность.

Другимъ прикрытіемъ для безнаказанности нѣкоторые господа считаютъ мундиръ. Такъ, у мирового судьи въ Кіевѣ разбиралось дѣло о военномъ врачѣ Галинѣ, обвинявшемся въ «нарушеніи общественной тишины», оскорбленіи дѣйствіемъ жены присяжнаго повѣреннаго Соболевской и оскорбленіи словами ея 14-ти лѣтней дочери. Сцена произошла въ саду купеческаго собранія. Г-жи Соболевскія заняли ненумерованныя мѣста на скамейкѣ передъ эстрадой. Вдругъ къ нимъ подходятъ Галинъ съ товарищемъ, также врачемъ, и заявляютъ, что они *прежде* сидѣли на тѣхъ мѣстахъ. Имъ отвѣчаютъ, что ненумерованныя свободныя мѣста

могутъ быть заняты каждымъ. Тогда военный врачъ Галинъ садится дѣвицѣ Соболевской на колѣни. Мать требуетъ отъ наглеца, чтобы онъ всталъ, а тотъ обращается къ дочери со словами: «молчи, а то я тебя выдеру за уши!» Мать стала звать полицію, съ дѣвушкой случился истерическій припадокъ, а публика—смѣется! Въ какой другой странѣ это мыслимо? Въ Англіи, Германіи, Франціи «нарушеніе общественной тишины» въ подобномъ случаѣ выразилось бы тѣмъ, что публика выгнала бы вонъ подобнаго дикобраза. А у насъ смѣются! Въ судѣ врачъ Галинъ призналъ, что имъ были сказаны слова, обращенныя къ дѣвушкѣ, но защищался тѣмъ, что «это все—ерунда!» Пріятный врачъ въ практикѣ долженъ быть этотъ господинъ. Навѣрное, онъ былъ убѣжденъ, что дамы убѣгутъ, испугавшись «офицера». Но что-же такой врачъ можетъ себѣ позволять съ солдатами?

Въ Баку недавно надѣлало много шума другое дѣло по обвиненію врача. Въ газетѣ «Каспій» было сообщено, что молодой бакинскій врачъ—акушеръ, принимая на дому паціентку, изнасиловалъ ее. Объ этомъ стали писать и другія газеты и мѣстное общество врачей разбирало дѣло на двухъ засѣданіяхъ. Редакція «Каспія» поступила неправильно, отказавшись сообщить обществу фамилію обвинявшагося врача, который въ замѣткѣ не былъ названъ. Это—не то, что отказаться назвать автора замѣтки, такъ какъ въ такомъ случаѣ редакція принимала бы отвѣтственность на себя. Но напечатать обвиненіе въ преступленіи — человѣка, принадлежащаго къ извѣстной корпораціи, и затѣмъ отказываться сообщить ей, кто именно изъ ея членовъ имѣлся при этомъ въ виду, значило, что редакція не была увѣрена въ правдивости сообщенія и боялась отвѣтственности за него, а между тѣмъ его напечатала. Теперь я нашелъ въ тифлисскомъ «Новомъ Обозрѣніи» текстъ постановленія общества врачей по этому предмету, помѣщеннаго предсѣдателемъ въ офиціальной бакинской газетѣ. Оказалось, что въ врачебное отдѣленіе, дѣйствительно, являлся господинъ, заявившій не объ изнасилованіи, но о покушеніи на изнасилованіе его жены, и что присутствовавшій въ отдѣленіи врачъ направилъ жалобщика къ прокурору. Общество врачей узнало и фамилію того коллеги, который подвергся обвиненію, и потребовало отъ него объясненій. Тотъ призналъ, что во врачебное отдѣленіе являлось лицо съ обвиненіемъ противъ него, но заявилъ, что имъ, врачемъ, возбуждено противъ того лица дѣло о клеветѣ и представилъ въ удостовѣреніе повѣстку, которою онъ, врачъ, вызывается въ судъ. На этомъ громкое дѣло, покамѣстъ, и остановилось, а потому считаю лишнимъ приводить фамилію врача, хотя она названа въ «постановленіи» общества. О врачи, исцѣлитесь сами, хотя бы посредствомъ музыки. Но нѣтъ, врачъ Галинъ, именно слушая музыку, садится на колѣни къ дѣвушкѣ. А еще читалъ въ гимназіи, что музыка emollit mores.

Л. Прозоровъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

30-ти-лѣтіе закона о печати. — О «формализмѣ». — Новый уставъ лѣчебныхъ заведеній. — Фабричныя свѣдѣнія и отчеты. — Совѣщаніе о сельскохозяйственныхъ училищахъ. — Съѣздъ представителей исправительныхъ пріютовъ для несовершеннолѣтнихъ. — Попечительство о домахъ трудолюбія. — «Сообщеніе» о выдачѣ и пріемѣ серебряной монеты.

Въ прошломъ мѣсяцѣ минуло 30 лѣтъ со дня введенія въ дѣйствіе закона 6 апрѣля 1865 г. о печати. Въ посвященной воспоминанію объ этомъ преобразованіи статьѣ въ «Русск. Вѣдомостяхъ» 4 сентября приведены интересныя свѣдѣнія о возраженіяхъ, предъявленныхъ при обсужденіи реформы тогдашнимъ министромъ просвѣщенія Головнинымъ и главноуправляющимъ II отдѣленіемъ барономъ Корфомъ—противъ системы административныхъ взысканій. Отмѣтивъ, что введеніе этой системы «является переходною мѣрою. т. е. такою, при существованіи которой литература должна пріобрѣсти извѣстную опытность, извѣстное самообладаніе и выдержанность для умѣнья пользоваться разумной свободою», Головнинъ высказывалъ, что по его мнѣнію, та система «не въ состояніи развить въ литературѣ этихъ качествъ. Опытъ убѣждаетъ, что подобно предварительной цензурѣ, она возбуждаетъ въ обществѣ то раздраженіе, тотъ духъ упорной и даже преднамѣренной оппозиціи. устраненіе которыхъ должно имѣть преимущественно въ виду... Послѣ опытовъ послѣднихъ лѣтъ — заключалъ министръ — я вообще нахожу предварительную цензуру несостоятельною для достиженія цѣлей правительства и потому полагаю всего бы полезнѣе вовсе отмѣнить оную, замѣнивъ ее прямо взысканіями по суду».

Еще рѣшительнѣе выступалъ противъ проекта статсъ-секретарь бар. Корфъ. Въ пространной своей замѣткѣ онъ доказывалъ. что переломъ, происшедшій въ 60-е годы въ направленіи внутренней политики, привелъ къ «необходимости дать печати полный просторъ, такъ какъ убѣдились, что только при содѣйствіи свободнаго общественнаго вліянія возможно плодотворное сближеніе и осуществленіе законодательныхъ ре-

формъ и само высшее правительство, передававшии на литературное сужденіе свои проекты, не могло не оцѣнить услугъ, оказанныхъ литературой. На опытѣ правительство убѣдилось, что только въ свободѣ печати находится противоядіе противъ злоупотребленія печатью. Въ этомъ обращеніи нѣкоторой доли неправды наряду съ истиною—одно изъ драгоцѣннѣйшихъ свойствъ карательной системы и черезъ это она дѣлается могущественнымъ орудіемъ для воспитанія народа». Но карательную систему бар. Корфъ также разумѣлъ въ смыслѣ отвѣтственности по суду, совершенно отрицая всякую иную: «система административныхъ взысканій—отзывался онъ—еще болѣе заражена произволомъ и несправедливостью, нежели предварительная цензура, ибо наказываетъ за вину, непредвидѣнную никакимъ положительнымъ закономъ». Приводя въ примѣръ практику административныхъ взысканій съ печати въ той странѣ, гдѣ они были впервые введены, т. е. во Франціи, при второй имперіи, бар. Корфъ указываетъ «самую вредную ихъ сторону» въ томъ, «что одному лицу дается власть, иногда по минутному настроенію духа, безъ всякой дальнѣйшей предъ закономъ отвѣтственности, лишать человѣка права собственности, права на занятіе, которымъ онъ жилъ и—что еще важнѣе—исключать изъ круга вращающихся въ обществѣ мнѣній цѣлое ученіе или направленіе». Гораздо снисходительнѣе относился къ проекту тогдашній военный министръ, гр. Милютинъ, въ рѣчи, произнесенной въ государственномъ совѣтѣ: «если смотрѣть на проектъ — говорилъ онъ — какъ на законченное законоположеніе, онъ не удовлетворяетъ требованіямъ, заявляемымъ все сильнѣе и сильнѣе литературою и публикою, а, между тѣмъ, создаетъ новыя затрудненія. Если же смотрѣть, какъ на переходную мѣру, то можно смотрѣть снисходительно на многія слабыя стороны его».

Отзывы эти, замѣтимъ мы, какъ и самый проектъ, внесенный тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, графомъ Валуевымъ, характеризуютъ и тогдашнее настроеніе государственныхъ людей, и самыя ихъ личности. Что въ періодъ реформъ должно было измѣниться къ лучшему и положеніе печати, это разумѣлось само собою и было прекрасно выражено И. С. Аксаковымъ въ словахъ, которыя приводимъ изъ той же статьи «Русск. Вѣдомостей». «Просторъ слова—заявлялъ Аксаковъ—послѣ освобожденія крестьянъ, нужнѣе всѣхъ реформъ, нужнѣе и земскихъ и другихъ учрежденій, ибо въ этомъ просторѣ заключается *условіе жизненности* для всѣхъ этихъ учрежденій—и безъ него они едва-ли взойдутъ». Къ этому «Русск. Вѣдомости» прибавляютъ: «справедливость этихъ пророческихъ словъ, сказанныхъ 30 лѣтъ тому назадъ, вполнѣ подтверждается судьбою и исторіей великихъ реформъ 60-хъ годовъ». Необходимость—скажемъ—«улучшенія быта» печати въ эпоху общихъ преобразованій была очевидна и къ предположеніямъ по этому предмету было приступлено еще ранѣе, чѣмъ къ проектамъ объ освобожденіи крестьянъ, а именно въ 1855 году, т. е. въ самомъ началѣ царствованія импера-

тора Александра II. Но дѣло затянулось цѣлыя десять лѣтъ, какъ будто это преобразованіе представлялось болѣе труднымъ, чѣмъ крестьянская и судебная реформы, а къ 1865 году уже минуло наиболѣе благопріятное для него время. Правда, въ 1865 году Катковъ еще далеко не доходилъ до тѣхъ крайностей, къ какимъ пришелъ въ концѣ своей дѣятельности, отрицая всѣ тѣ принципы, которымъ посвятилъ ея начало, но уже рѣшительно вступилъ на тотъ путь. Достаточно напомнить, что законъ о печати былъ составленъ ровно за годъ до апрѣля 1866 года, который произвелъ уже значительную перемѣну въ настроеніи.

Графъ Валуевъ былъ именно тѣмъ государственнымъ человѣкомъ, который соотвѣтствовалъ «вѣяніямъ» того историческаго момента: преобразованія въ большей своей части были уже выработаны, отчасти еще вырабатывались, но уже какъ бы съ нѣкоторой долей сомнѣнія въ ихъ безусловной необходимости, съ явной склонностью ограничивать общія правила—оговорками. Валуевъ въ свѣтѣ считался и самъ признавалъ себя «либераломъ», но въ дѣйствительности онъ былъ только «западникъ» и притомъ именно консерваторъ — въ западно-европейскомъ смыслѣ, конечно. Очень возможно, что если-бы проектъ закона о печати, составленный отчасти по тогдашнему французскому образцу, былъ выработанъ не имъ и ему пришлось бы давать отзывъ объ этой мѣрѣ, то онъ раскритиковалъ-бы ее еще строже, чѣмъ баронъ Корфъ и Головнинъ. Но такъ какъ надзоръ за печатью находился въ его вѣдомствѣ, то онъ и свелъ предполагавшееся въ теченіе 10 лѣтъ расширеніе правъ печати на такое положеніе, что, по словамъ г. Джаншіева, «нѣкоторыя газеты предпочитали остаться при старой, предварительной цензурѣ, такъ что, боясь полнаго фіаско для только что проведенной съ трудомъ цензурной реформы, Валуевъ пригрозилъ газетамъ черезъ своего приближеннаго чиновника В. Я. Фуксо такими цензурными строгостями, что газеты поневолѣ должны были принять навязываемую эмансипацію». «Какая удивительная эмансипація!» — отзывается объ этой реформѣ бывшій цензоръ Никитенко въ своемъ «Дневникѣ».

Изъ высказавшихся противъ нея покойныхъ А. В. Головнина и бар. М. Н. Корфа, первый порицалъ эту мѣру гораздо болѣе сдержанно, чѣмъ послѣдній, хотя самъ имѣлъ взгляды и болѣе систематичные и болѣе передовые, чѣмъ Корфъ. Объяснить это можно тѣмъ, что Головнинъ въ данномъ случаѣ стѣснялся положеніемъ, въ какое самъ себя поставилъ по отношенію къ цензурѣ. Головнину можно приписать, что именно имъ былъ упущенъ наиболѣе благопріятный моментъ для преобразованія условій, касающихся печати. Въ 1862 году, когда онъ былъ только что назначенъ министромъ просвѣщенія, цензура еще находилась въ его вѣдомствѣ. На него, по необходимости, и падала обязанность составить новый законъ о печати. И время то было удобное, и Головнинъ могъ разсчитывать на сильную поддержку великаго князя Константина

Николаевича, принимавшаго столь большое участіе во всѣхъ преобразованіяхъ. Въ 1865 же году, послѣ польскаго возстанія, участіе его въ дѣлахъ было уже менѣе замѣтно. Но Головнинъ, человѣкъ несомнѣнно передовыхъ убѣжденій и—слѣдуетъ еще прибавить — именно человѣкъ *убѣжденія*, не рѣшился или не захотѣлъ принять на себя выработку новаго положенія о печати, которое ему же пришлось-бы затѣмъ и примѣнять. Онъ предпочелъ выдѣлить цензуру изъ своего вѣдомства и передать ее въ министерство внутреннихъ дѣлъ, какъ будто не сознавалъ, что прежде всетаки слѣдовало измѣнить законодательство и ввесть его въ дѣйствіе хотя-бы на нѣсколько лѣтъ. Этимъ, собственно говоря, былъ уже предрѣшенъ и исходъ дѣла.

Что касается барона Корфа, то онъ былъ человѣкъ прекрасно образованный, дѣятель самостоятельный, съ воззрѣніями часто оригинальными и даже смѣлыми, но далеко не цѣльными. Онъ былъ консерваторъ въ душѣ, но бывалъ и либераломъ. Его отношенія къ цензурѣ были также особенныя. Въ 1860 году было предположено выдѣлить цензурное управленіе въ особое вѣдомство и во главѣ его поставить именно его самого, бар. Корфа. Дѣло это было такъ близко къ осуществленію, что имъ былъ уже приторгованъ для цензурнаго управленія домъ на углу Фонтанки и Графскаго переулка, тотъ именно, гдѣ впослѣдствіи помѣщался мировой съѣздъ и происходили засѣданія Юридическаго общества. Но въ своихъ подготовительныхъ дѣйствіяхъ онъ обнаружилъ такое стремленіе къ полной самостоятельности и такую требовательность относительно штатовъ, что перемѣна, уже окончательно было рѣшенная, вдругъ была отложена въ сторону. Понятно, что когда ему пришлось высказывать мнѣніе о составленномъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ проектѣ закона о печати, то онъ отнесся къ проекту со всей свободой критики, какую ему внушали, во-первыхъ его высокообразованность, во-вторыхъ его предшествовавшее уже нѣкоторое ознакомленіе съ дѣломъ, а въ-третьихъ, наконецъ, и убѣжденіе, что онъ самъ составилъ-бы гораздо лучшій проектъ. Относительно мнѣнія, высказаннаго военнымъ министромъ гр. Милютинымъ и которое оказывалось неблагопріятнымъ для проекта — въ теоріи, но одобрительнымъ на практикѣ — что было гораздо важнѣе, можно сказать то самое, что говорится о всей дѣятельности иныхъ людей либеральныхъ, но одаренныхъ очень сильнымъ характеромъ, а именно, что они «стелютъ мягко» и т. д. Во всякомъ случаѣ, за 30-ти-лѣтнее дѣйствіе закона 6 апрѣля 1865 года, успѣли уже выясниться его недостатки, а онъ, при самомъ своемъ введеніи, разумѣлся именно какъ «временный».

Теперь какъ-то странно и вспомнить, что первыми предвѣстниками эпохи преобразованій явились у насъ законы объ «уменьшеніи штатовъ» и о «сокращеніи переписки». Салтыковъ говорилъ иронически, что отъ сокращенія переписки и произошла вся «бѣда». Но что-же оказалось чрезъ 40 лѣтъ послѣ тѣхъ скромныхъ заботъ, которыя и сами-то вы-

разились больше «въ перепискѣ» и остались на бумагѣ? Оказалось огромное увеличеніе «штатовъ». Возникли цѣлыя новыя вѣдомства, въ каждомъ министерствѣ прибавлены департаменты, оклады увеличены вдвое-втрое противъ прежнихъ размѣровъ. Достаточно сказать, что въ пятидесятыхъ годахъ вице-директоръ департамента получалъ 2 тысячи рублей, а теперь каждый дѣлопроизводитель получаетъ 3 тысячи. Громадное разростаніе штатовъ, особенно за послѣднее время, отчасти объясняется тѣмъ, что кругъ казенной администраціи все расширяется и въ ея руки переходитъ завѣдываніе желѣзными дорогами, питейной продажею, происходятъ расширеніе кредита, распространеніе государственнаго контроля и надзора на разныя отрасли общественной и компанейской дѣятельности и т. д. Съ увеличеніемъ вѣдомствъ не могла сократиться и «переписка», хотя самыя вѣдомства предпринимали упростить ее, предписывая исключить изъ бумагъ разныя формы вѣжливости. Но дѣло не въ формахъ вѣжливости, а въ тѣхъ многообразныхъ «установленныхъ формахъ», въ силу которыхъ множатся годичные и мѣсячные отчеты, донесенія и вѣдомости, статистическія свѣдѣнія, которыя затѣмъ остаются безъ всякой разработки. Сложность переписки зависитъ отъ установляемыхъ въ самихъ законахъ правилъ, по которымъ на каждомъ шагу требуется разрѣшеніе высшей инстанціи или «соглашеніе» однихъ присутственныхъ мѣстъ съ другими. Недавно «Новое Время», которое даже и «Московскими Вѣдомостями» никогда не обвинялось въ стремленіи «къ упраздненію правительства», помѣстило статью о «корняхъ и плодахъ нашего бюрократизма». Приведемъ изъ нея нѣсколько строкъ. «Милліонъ формальностей — вотъ въ двухъ словахъ система нашего бюрократизма... Бюрократическое дѣйствіе проявляется жестокою системою формализма, удивительными «установленными правилами», въ которыхъ предусматривается рѣшительно все ненужное и не предусматривается или плохо предусматривается именно то, что нужно»». Газета признаетъ, что этотъ формализмъ все болѣе возрастаетъ и что «къ милліону прежнихъ ненужныхъ и стѣснительныхъ формальностей непремѣнно прибавляется при каждомъ случаѣ еще добрая сотня, а то и тысяча такихъ-же, а можетъ быть, даже еще болѣе ненужныхъ и еще болѣе стѣснительныхъ формальностей».

Систему эту газета объясняетъ ея основнымъ принципомъ, который заключается «въ недовѣріи ко всѣмъ и ко всему, а въ особенности въ недовѣріи къ своимъ ближайшимъ дѣятелямъ, исполнителямъ и слугамъ». Это объясненіе справедливо, но оно недостаточно. Мы уже однажды обращали вниманіе на то, что во всѣхъ нашихъ «положеніяхъ», «правилахъ» и въ программахъ учебныхъ заведеній много прямо лишняго— просто отъ самого способа «выработки» этихъ правилъ и инструкцій — въ цѣломъ рядѣ инстанцій, при чемъ въ каждой изъ нихъ, всякій, кто только сколько-нибудь причастенъ къ обсужденію или къ дѣлопроизводству считаетъ долгомъ прибавить свою лепту на сооруженіе величествен-

наго зданія. Самые размѣры и сила механизма таковы, что оно неизбѣжно производитъ много излишняго дѣйствія. Крайнюю сложность нашихъ учебныхъ программъ, которыя въ точности никогда и не исполняются, уже нельзя объяснить «недовѣріемъ». Точно такъ и многія обязательныя постановленія, которыя только какъ-бы подтверждаютъ существующіе уже общіе законы, отдѣльные уставы, въ которыхъ повторяются законы изъ другихъ уставовъ, разныя дополнительныя правила о томъ, что во всѣхъ непредвидѣнныхъ «настоящимъ положеніемъ случаяхъ подлежитъ руководствоваться общими узаконеніями» — все это вносится въ уставы и инструкціи вовсе не изъ недовѣрія, а прямо отъ избытка рвенія лицъ, редижирующихъ тѣ правила и стоящихъ одни надъ другими, на разныхъ ступеняхъ.

Нѣсколько примѣровъ излишняго формализма можно указать хотя-бы въ одномъ изъ новѣйшихъ законоположеній, а именно въ «уставѣ лѣчебныхъ заведеній» гражданскаго вѣдомства. Первыя три статьи устава посвящены точному опредѣленію, что государственными лѣчебными заведеніями признаются тѣ, которыя учреждаются государствомъ и земствомъ, а частными — тѣ, которыя устраиваются сословіями, обществами и частными лицами. Затѣмъ идетъ дѣленіе больницъ на четыре класса, по числу кроватей. Въ четырехъ статьяхъ постановляется, что «управленіе лѣчебными заведеніями возлагается на врачей, завѣдывающихъ сими заведеніями» и что въ больницахъ трехъ первыхъ классовъ сверхъ того управленіе возлагается—на правленіе больницы, а съ особаго разрѣшенія, «правленія можетъ быть образуемо и въ больницахъ четвертаго класса». Казалось-бы, само собой разумѣется, что управленіе больницею принадлежитъ правленію или-же завѣдывающему больницею врачу. Между тѣмъ, одна статья еще постановляетъ особо, что «въ тѣхъ лѣчебныхъ заведеніяхъ, гдѣ не имѣется правленій, исполненіе ихъ обязанностей возлагается на врачей, завѣдывающихъ заведеніями».

Далѣе встрѣчаются такія статьи: «ближайшій надзоръ за правильнымъ веденіемъ дѣла въ состоящихъ при лѣчебныхъ заведеніяхъ аптекахъ возлагается на главныхъ врачей»—что также, казалось-бы, прямо входитъ въ обязанность завѣдыванія больницами: «Губернскіе врачебные инспекторы и замѣняющіе ихъ лица пользуются правомъ обозрѣвать всѣ находящіяся въ губерніи лѣчебныя заведенія». Но о губернскихъ врачебныхъ инспекторахъ уже сказано въ общемъ врачебномъ уставѣ, а если они— губернскіе инспекторы, то само собой разумѣется, что имъ принадлежитъ право обозрѣвать больницы въ губерніи. «Ближайшее завѣдываніе земскими лѣчебными заведеніями возлагается на земскія и городскія управы, по принадлежности». «При лѣчебныхъ заведеніяхъ могутъ состоять попечители. Попечитель посѣщаетъ лѣчебное заведеніе сколь можно чаще, въ неопредѣленное время (!). О замѣченныхъ имъ недостаткахъ, неисправностяхъ и упущеніяхъ попечитель сообщаетъ главному врачу или врачу, завѣдывающему заведеніемъ, и въ случаѣ надобности доводитъ до свѣдѣ-

нія установленія, въ вѣдѣніи коего лѣчебное заведеніе состоитъ». Кажется, здѣсь подробно объяснено, кому можетъ сообщить о неисправностяхъ и упущеніяхъ попечитель; а все-таки, конечно, не могли быть поименованы всѣ власти, къ которымъ попечитель можетъ обратиться съ сообщеніями: въ случаѣ буйства, онъ можетъ сообщить полиціи, при подозрѣніи преступленія можетъ увѣдомить прокурора, въ какомъ-либо важномъ случаѣ можетъ донести и начальнику губерніи и т. д. Но такъ какъ всѣхъ лицъ, къ которымъ можетъ обратиться попечитель, нельзя было перечислить, то напрасно, казалось-бы, и постановлять, что попечитель, замѣтивъ неисправность, можетъ сообщить о ней завѣдывающему больницей. Относительно земскихъ и городскихъ больницъ указано, что «попечители ихъ избираются: земскихъ—губернскими и уѣздными собраніями, по принадлежности, а городскихъ — городскими думами». И безъ существованія правила городская дума не стала-бы избирать попечителя для уѣздной земской больницы и наоборотъ. Едва-ли не напрасно также включены въ новый уставъ статьи изъ устава о призрѣніи и устава врачебнаго. Сверхъ того, приложена еще подробная «инструкція», въ которой еще болѣе обстоятельно опредѣлены обязанности и кругъ дѣйствій должностныхъ лицъ, состоящихъ при больницѣ.

Мы указали доселѣ нѣсколько примѣровъ лишняго упоминанія объ обязанностяхъ, которыя или уже опредѣлены въ иныхъ уставахъ, или разумѣются сами собой, какъ напр. обязанность главнаго врача, завѣдующаго больницею, «управлять лѣчебнымъ заведеніемъ въ медицинскомъ и административно-хозяйственномъ отношеніяхъ» и «нести отвѣтственность за благоустройство заведенія по всѣмъ частямъ». Сюда же принадлежитъ такое постановленіе, что «отъ подлежащей земской или городской управы зависитъ избрать хозяйственный или подрядный способъ снабженія больницъ необходимыми для нихъ предметами». Такого рода разъясненія только усложняютъ уставъ: въ немъ 93 статьи, а въ инструкціи ихъ еще 143. Но формализмъ уже прямо нѣсколько стѣснительный выражается въ требованіи, чтобы въ больницѣ велись постоянно *девятнадцать* книгъ: книга кредитовъ, приходо-расходная, счетная, квитанціонная, книга распоряженій, инвентарная, книга найма, кухонная книга и проч. Больницы обязаны представлять срочныя отчетныя вѣдомости по особо-установленнымъ формамъ, а сверхъ того годовой отчетъ, столь сложный, что уже для одного составленія его, при каждомъ лѣчебномъ заведеніи, хотя бы оно было даже ниже «четвертаго класса» и называлось лѣчебницей, то есть имѣло отъ 6 до 15 кроватей, необходима канцелярія. Правда, уставъ не требуетъ этого непремѣнно, но кто же будетъ вести 19 книгъ, составлять срочныя вѣдомости и годовой отчетъ? Если врачъ, то ему некогда будетъ заниматься своимъ прямымъ дѣломъ. Но поистинѣ странную картину представляла бы лѣчебница съ больными, врачемъ, дѣлопроизводителемъ и двумя писцами, не говорю уже о служителяхъ, а тѣмъ менѣе—о попечителѣ. А что такая картина

можетъ встрѣтиться и не въ одной мѣстности, за это ручается уже хотя бы одна сложность годового отчета. Въ «Уставѣ» цѣлыхъ двѣ страницы заняты однимъ перечисленіемъ тѣхъ свѣдѣній, выводовъ, отношеній между ними и среднихъ цифръ, которые должны представляться въ отчетахъ. Приводимъ въ подтвержденіе нѣсколько строкъ изъ упомянутыхъ двухъ страницъ: «долженъ быть обозначенъ общій процентъ выздоровленія и смертности за годъ, приведены цифры наименьшаго, наибольшаго и средняго числа поступленія больныхъ въ сутки, должны быть свѣдѣнія о движеніи больныхъ по группамъ и формамъ болѣзней, при чемъ должны быть приведены процентные выводы», «свѣдѣнія о движеніи больныхъ въ теченіе каждаго мѣсяца по сословіямъ или званію, по возрасту (8 возрастовъ), по семейному положенію, по мѣсту жительства, по роду занятій и по образованію» и т. п. Какое-бы казалось дѣло медицинѣ до образованія и званія? а между тѣмъ, для выработки такихъ цифровыхъ группировокъ, съ процентными выводами, нужна именно канцелярія. И что же дѣлается потомъ съ данными этихъ отчетовъ? Что-то не слышно.

Нѣкогда судебное вѣдомство издавало ежегодно толстые *in-quarto*, наполненныя цифрами по уголовной статистикѣ и общему движенію судопроизводства. Краткія вѣдомости объ осужденныхъ и оправданныхъ, по категоріямъ, судебнымъ мѣстамъ было бы нетрудно весть и можно только сожалѣть, что теперь такія свѣдѣнія не собираются или, по крайней мѣрѣ, не публикуются. Но прежде судебное вѣдомство установило для этой статистики такую массу вѣдомостей и формъ по каждому дѣлу, что черезъ нѣсколько лѣтъ само убѣдилось въ невозможности для канцелярій судовъ исполнять эту работу добросовѣстно и въ полной ненадежности тѣхъ данныхъ, какія раньше были представляемы.

Столь же многоразличныя и всеобъемлющія свѣдѣнія требуются отъ промышленныхъ заведеній фабричной инспекціею, съ разработкою данныхъ относительно рабочихъ — по поламъ, возрастамъ, числу дней работы и размѣру платы, что особенно трудно исполнить, такъ какъ рабочіе мѣняются и подобную статистику можно составить только подвергнувъ тщательной обработкѣ матеріалъ, содержащійся въ расчетныхъ книжкахъ, а книжки эти, по закону, должны находиться въ рукахъ рабочихъ. Потребуются подробнѣйшія свѣдѣнія и о самомъ производствѣ. Такъ, отъ типографій требуются, между прочимъ, слѣдующія свѣдѣнія: 1) какое количество предметовъ по ихъ сортамъ и на какую сумму выработано въ послѣднемъ отчетномъ году; 2) какое количество листовъ книжныхъ, газетныхъ и другихъ мелкихъ работъ отпечатано въ отчетномъ году и на какую сумму, 3) какое количество листовъ, *по сортамъ*, и на какую сумму отпечатано въ году. Николаевская газета «Южанинъ» замѣчаетъ, что «сколько-нибудь удовлетворительные отвѣты на подобные вопросы можно дать лишь въ томъ случаѣ, если каждая изъ типографій будетъ вести мелочно-точную запись всякаго выпущеннаго изъ печати листа, т. е. вести громадную бухгалтерію и статистическую регистрацію».

Тѣмъ болѣе обременительнымъ является требованіе мелочной статистики по категоріямъ рабочихъ и разныхъ операцій самаго производства отъ большихъ фабрикъ. Онѣ уже оказались вынужденными увеличить составъ своихъ конторъ исключительно для веденія возложеннаго на нихъ инспекціоннаго анализа, обработки его данныхъ, веденія новыхъ книгъ, а также рапортичекъ, срочныхъ вѣдомостей и составленія годичныхъ отчетовъ. И можно почти навѣрное сказать, что изъ всего громаднаго цифроваго матеріала, добытаго такимъ образомъ, не выйдетъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ таблицъ, которыми украсятся годичные отчеты самихъ инспекторовъ. Любопытно, что наряду съ постояннымъ возрастаніемъ формализма, самимъ министерствомъ финансовъ признано, что излишними формальностями у насъ стѣсняется развитіе промышленности, такъ что существуетъ даже особая комиссія, которой поручено разработать вопросъ объ облегченіи формальностей при разрѣшеніи промышленныхъ заведеній и выдачѣ свидѣтельствъ, необходимыхъ для ихъ открытія. Едва-ли, однако, возложеніе на промышленныя предпріятія веденія многихъ книгъ, вѣдомостей и отчетовъ можетъ служить поощреніемъ для открытія, особенно заведеній, не располагающихъ большимъ составомъ служащихъ. Но, во всякомъ случаѣ, избытокъ формализма въ этомъ отношеніи не можетъ уже объясняться «недовѣріемъ» къ своимъ же чиновникамъ, какъ говоритъ «Новое Время», а истекаетъ прямо изъ того, что громадный бюрократическій механизмъ самъ тратитъ значительную часть своей силы непроизводительнымъ образомъ.

Мы говорили, что сложность формъ, истекающая изъ преувеличеннаго желанія все обусловить впередъ и до мелочей «обставить надлежащимъ образомъ», отражается и на программахъ учебныхъ заведеній. Примѣръ тому могутъ представить работы происходившаго въ сентябрѣ при министерствѣ земледѣлія «совѣщанія» о среднемъ сельскохозяйственномъ образованіи. Это совѣщаніе явилось дополненіемъ къ тому, которое въ минувшемъ январѣ разсматривало вопросы о лучшей постановкѣ низшаго сельскохозяйственнаго образованія. На западѣ въ этомъ дѣлѣ начинали съ устройства школъ для образованія народныхъ учителей сельскаго хозяйства и вводили этотъ предметъ въ сельскіе школы или учреждали низшія практическія земледѣльческія школы, школы садоводства и плодоводства при большихъ казенныхъ и частныхъ имѣніяхъ. Затѣмъ, самая необходимость указывала, какого типа средніе училища или высшіе курсы требовались для какой мѣстности, безъ всякаго огульнаго единообразія. У насъ нѣсколько высшихъ сельскохозяйственныхъ и лѣсническихъ училищъ, нѣсколько среднихъ и низшихъ были учреждены въ разное время, съ возможнымъ единообразіемъ уставовъ и, конечно, со включеніемъ въ курсъ—предметовъ общеобразовательныхъ, такъ какъ у насъ всегда на первомъ планѣ—вопросъ о правахъ по государственной службѣ и отбыванію воинской повинности. Ученики высшихъ агрономическихъ институтовъ въ значительной части шли на

службу по разнымъ вѣдомствамъ, а воспитанники школъ 1 и 2 разряда. учрежденныхъ по положенію 1883 года, отчасти поступали въ управляющіе и бухгалтеры къ землевладѣльцамъ, но вовсе не занимались улучшеніемъ крестьянскаго земледѣлія.

Совѣщаніе, происходившее въ январѣ, высказалось за соединеніе низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ обоихъ разрядовъ, за введеніе въ нихъ обученія нѣкоторымъ мастерствамъ и установленіе 6-ти лѣтняго курса. Это является уже окончательнымъ ручательствомъ, что воспитанники такихъ школъ ничего не сдѣлаютъ для крестьянскаго хозяйства, хотя тѣ училища и называются низшими сельскохяйственными. Но за то январьское совѣщаніе предположило «еще низшія»—народныя сельскохозяйственныя школы, съ курсомъ однолѣтнимъ или двухлѣтнимъ и съ однимъ учителемъ въ каждой школѣ. Ясно, однако, что ожидать изученія не только всѣми. но хотя-бы многими крестьянами земледѣлія въ спеціальныхъ школахъ нельзя, уже хотя-бы потому. что такихъ школъ потребовалось-бы столько-же, сколько есть простыхъ начальныхъ школъ.

Теперь, въ сентябрѣ, совѣщаніе, обсуждавшее вопросъ о среднемъ сельскохозяйственномъ образованіи. открылось среди полнаго разлада мнѣній, какъ заявленныхъ существующими уже училищами. такъ и высказавшихся въ самомъ совѣщаніи. Одни голоса требовали расширенія въ этихъ спеціальныхъ училищахъ курса общеобразовательныхъ предметовъ, другіе высказывались за устраненіе этихъ предметовъ изъ программы, третьи указывали на необходимость предоставлять ученикамъ этихъ училищъ права служить въ министерствѣ земледѣлія и даже въ другихъ вѣдомствахъ: одни держались мнѣнія, что среднія сельскохозяйсвенныя училища должны приготовлять по преимуществу управляющихъ, а другіе высказывали. что училища эти должны быть предназначены, главнымъ образомъ, для дѣтей самихъ землевладѣльцевъ. Предложенный ученымъ комитетомъ министерства проектъ заключался въ томъ, чтобы отъ поступающихъ въ среднія с.-х. училища учениковъ требовать познаній не двухъ классовъ реальнаго училища, какъ было доселѣ, а только одного, съ тѣмъ. чтобы остальной общеобразовательный курсъ проходился въ самыхъ с.-х. училищахъ, при чемъ они должны быть дополнены 7-мъ классомъ. и еще чтобы по окончаніи курса ученики пребывали годъ на практикѣ въ частныхъ имѣніяхъ. Преподаваніе спеціальныхъ предметовъ (для которыхъ собственно и назначаются эти училища) должно начинаться только съ 5-го класса. Прямо въ 5-й классъ рѣшено принимать учениковъ, прошедшихъ 6 классовъ реальныхъ училищъ; гимназистовъ-же принимать не выше. чѣмъ въ 3-й классъ. по прохожденіи ими 4 классовъ гимназіи. Учениковъ среднихъ с.-х. училищъ, поставленныхъ такимъ образомъ на одномъ уровнѣ съ реальными училищами. принимать во всѣ высшія учебныя заведенія. кромѣ университетовъ. Но по обсужденіи въ совѣщаніи. этотъ послѣдній вопросъ оставленъ открытымъ. хотя признано желательнымъ, чтобы ученики при-

нимались на службу по министерству земледѣлія, а въ правахъ по службѣ въ другихъ вѣдомствахъ были сравнены съ воспитанниками реальныхъ училищъ. Относительно общаго образованія, совѣщаніе нашло необходимымъ расширить программу математики и русскаго языка въ размѣрахъ програмы гимназій. Относительно-же требованій отъ поступающихъ въ среднія с.-х. училища совѣщаніе нашло желательнымъ: сократить пріемъ изъ городскихъ и сельскихъ училищъ, а привлечь учениковъ изъ реальныхъ училищъ и гимназій. «сконцентрировавъ для этого преподаваніе общеобразовательныхъ предметовъ — въ первыхъ двухъ классахъ с.-х. училищъ». Рѣшено допустить поступленіе во 2-й классъ реалистовъ, прошедшихъ у себя 4 класса. Предложеніе министерскаго проекта о годѣ практики въ частныхъ имѣніяхъ не было одобрено.

Итакъ. наиболѣе желательными и подлежащими привлеченію въ с.-х. училища, повидимому, представляются такіе ученики, которые, пройдя 3 или 4 класса въ другихъ среднихъ заведеніяхъ, что обыкновенно требуетъ 4 или 5 лѣтъ, пройдутъ затѣмъ 6 классовъ с.-х. училища, на что потребуется, вѣроятно. не менѣе 7 лѣтъ. Но понятно, что послѣ 11 или 12-лѣтняго ученья бо́льшая ихъ часть попытаются поступить въ высшіе техническіе институты, куда, впрочемъ, по недостатку мѣста, попадутъ развѣ четверть ихъ, а остальныя три четверти. пользуясь служебными правами. будутъ проситься на службу по министерству земледѣлія и по другимъ вѣдомствамъ, а результатъ учрежденія с.-х. среднихъ училищъ для подъема сельскаго хозяйства останется неприметенъ. Впрочемъ. совѣщаніе только уяснило желательныя основанія и нельзя сомнѣваться, что какъ оно высказалось за расширеніе нынѣшней постановки этихъ училищъ, такъ, при окончательномъ составленіи проектовъ въ департаментѣ, будутъ предложены еще нѣкоторыя усовершенствованія и дополненія.

Разумѣется, какого-бы типа ни были училища, желательно увеличеніе вообще числа среднихъ и низшихъ училищъ въ странѣ. Но для достиженія спеціальной цѣли не проще-ли было-бы среднимъ с.-х. училищамъ придать характеръ чисто-спеціальныхъ-же семинарій для народныхъ учителей сельскаго хозяйства, содержимыхъ на счетъ казны. и вмѣсто отдѣльныхъ с.-х. школъ низшихъ, назначить нѣкоторое пособіе на обращеніе хотя одной изъ двухъ народныхъ училищъ, имѣющихъ не менѣе двухъ классовъ — въ сельскохозяйственную, съ обычнымъ начальнымъ курсомъ? Тогда, хоть-бы зажиточные крестьяне, ненуждающіеся въ помощи своихъ дѣтей лѣтомъ, могли-бы посылать ихъ въ народныя сельскохозяйственныя школы.

Рядомъ съ сельскохозяйственно-учебнымъ совѣщаніемъ въ Петербургѣ мы должны поставить засѣдавшій въ концѣ августа и первые дни сентября въ Москвѣ съѣздъ представителей исправительныхъ заведеній для несовершеннолѣтнихъ. Задача этихъ заведеній вполнѣ раціональна и въ высокой степени симпатична: преступниковъ нѣжнаго возраста спасать

отъ тюрьмы или ссылки, которыя грозятъ имъ окончательной нравственной гибелью, и воспитывать ихъ, обучая въ то-же время ремеслу или земледѣлію для того, чтобы спасти ихъ и отъ новаго преступленія. Малолѣтніе совершаютъ преступныя дѣйствія иногда прямо по неразумію, да и при каждомъ преступленіи, малолѣтній дѣйствуетъ менѣе сознательно и менѣе взвѣшивая послѣдствія, чѣмъ взрослый, а потому общество не должно бросать юнаго преступника на жертву уголовной судьбѣ, но обязано еще бороться въ немъ за несозрѣвшую личность, подающую надежду на нравственное выздоровленіе.

Первые исправительные пріюты у насъ возникли въ 70-хъ годахъ; въ настоящее время ихъ 24, въ которыхъ къ 1 января 1894 года состояли свыше 1,000 несовершеннолѣтнихъ. Это еще весьма скромныя цифры, въ виду большого числа преступниковъ такого возраста, осужденныхъ судами. Такъ, указывалось на примѣръ 1883 года, когда осуждено было лицъ до 18-ти лѣтъ отъ роду 8,627. Первымъ пріютомъ этого рода былъ Рукавишниковскій пріютъ въ Москвѣ, основанный въ 1864 г., т.-е. до изданія «положенія» 1866 г. о пріютахъ.

Иниціатива періодическаго созыва съѣздовъ ихъ представителей и принадлежала попечителю только что названнаго заведенія К. В. Рукавишникову, нынѣшнему московскому городскому головѣ, который предсѣдательствовалъ и на нынѣшнемъ съѣздѣ, четвертомъ по очереди. Первый съѣздъ былъ въ 1881 году, слѣдующіе два въ 1884 и 1890 годахъ; второй съѣздъ собрался въ Кіевѣ, первый и второй происходили въ Москвѣ. Эти съѣзды успѣли пріобрѣсти значеніе не только по обмѣну мыслей и результатовъ опыта между представителями заведеній разныхъ мѣстностей, но и по практическому вліянію на законодательство. Изъ обстоятельнаго доклада, прочитаннаго сенаторомъ Н. С. Таганцевымъ въ нынѣшнемъ собраніи, видно, что вліяніе это было немаловажное. Съѣзды обращались въ министерства юстиціи и внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствами чрезъ представителей этихъ министерствъ или непосредственно и, какъ отозвался докладчикъ: «мы имѣемъ за послѣднее время рядъ законоположеній, выработанныхъ по почину съѣздовъ, такъ что наши съѣзды могутъ гордиться тѣмъ, что, несмотря на краткій періодъ ихъ существованія, они оставили замѣтный слѣдъ въ новѣйшей исторіи нашего законодательства. Въ числѣ такихъ законоположеній состоялись: предоставленіе пріютамъ права помѣщать ихъ питомцевъ въ ученье къ мастерамъ и разрѣшеніе помѣщать въ пріюты малолѣтнихъ арестантовъ подслѣдственныхъ, чѣмъ они избавляются отъ продолжительнаго, тянущагося иногда нѣсколько лѣтъ предварительнаго заключенія въ тюрьмѣ.

Къ числу законодательныхъ мѣръ, выработанныхъ вслѣдствіе почина съѣздовъ, принадлежитъ и предположенное измѣненіе самого порядка судимости малолѣтнихъ. Признано, что торжественность судебнаго обряда вредно дѣйствуетъ на малолѣтнихъ: она или возбуждаетъ въ малолѣтнемъ «большое самомнѣніе», или производитъ на него мучительно-гнетущее

впечатлѣніе, а публичное разсмотрѣніе освоиваетъ его съ положеніемъ уголовно-обвиняемаго, «ослабляетъ въ немъ спасительное чувство стыда и страха передъ перспективой такого положенія». Кромѣ того, предсѣдатели и прокуроры обращали вниманіе на значительное число оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ по отношенію къ малолѣтнимъ. Въ этомъ мѣстѣ доклада говорится, что «торжественное немотивированное заявленіе присяжныхъ засѣдателей: нѣтъ, невиненъ—можетъ вызвать въ мальчикѣ, сознающемъ свою виновность и даже сознавшемся на судѣ, сомнѣніе въ нравственномъ значеніи совершеннаго поступка, неожиданно невызвавшаго никакого порицанія со стороны общества».

Нельзя не сочувствовать гуманной мысли объ облегченіи для малолѣтнихъ обрядности уголовнаго разсмотрѣнія, но относительно предположеннаго изъятія уголовныхъ дѣлъ о малолѣтнихъ изъ суда присяжныхъ необходимо замѣтить, что было-бы крайне странно и несправедливо, если-бы вслѣдствіе того оказалось, что малолѣтніе, по дѣламъ одного рода, оправдываются судами рѣже, чѣмъ взрослые. Надъ этимъ пунктомъ стоитъ призадуматься и рѣшеніе по нему прямо зависитъ отъ взгляда на сравнительную строгость репрессіи при участіи присяжныхъ или безъ ихъ участія. И если-бы мотивомъ къ изъятію малолѣтнихъ изъ суда присяжныхъ послужило убѣжденіе, что коронные судьи рѣже постановляютъ оправдательные приговоры, то самый этотъ мотивъ былъ-бы очевидно несправедливъ въ примѣненіи къ малолѣтнимъ.

Зато весьма сочувственными и важными представляются законодательные предположенія объ отмѣнѣ для малолѣтнихъ и для подростковъ до 17 лѣтъ примѣненія каторжной работы и ссылки на поселеніе, объ изслѣдованіи степени развитія, обстановки жизни и прежняго поведенія малолѣтнихъ съ тѣмъ, чтобы вопросъ о разумѣніи рѣшался до самаго обряда судоговоренія, съ прекращеніемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ судебнаго преслѣдованія и отдачею малолѣтнихъ роднымъ или въ пріюты. Оказывается, что у насъ доселѣ вовсе не рѣдки случаи присужденія малолѣтнихъ къ каторжной работѣ, что представляетъ совершенно безчеловѣчную мѣру. Въ самомъ относящемся сюда законодательномъ проектѣ признается, что «трудно даже представить себѣ положеніе еще нуждающихся въ помощи и заботахъ 12—14-ти-лѣтнихъ, оторванныхъ отъ семьи и посланныхъ въ каторжныя работы и на поселеніе, гдѣ они будутъ предоставлены только ихъ собственнымъ, недостаточнымъ силамъ». Изъ собранныхъ данныхъ за трехлѣтіе съ 1891 по 1893 г. оказывается, между прочимъ, что *къ каторжной работѣ* на 6 лѣтъ приговоренъ 1 четырнадцатилѣтній, а другой того-же возраста на меньшій срокъ, на поселеніе-же въ Сибирь приговорены: одинъ 11-ти-лѣтній, двое 12-ти-лѣтнихъ, одинъ 13-ти и двое 14-ти-лѣтнихъ. О цифрахъ, относящихся къ возрастамъ свыше 16-ти лѣтъ, мы не упоминаемъ; но въ общемъ, 29 малолѣтнихъ и подростковъ до возраста 16-ти лѣтъ включительно, приго-

ворены были къ каторжнымъ работамъ. А на поселеніе въ Сибири приговорено было малолѣтнихъ и подростковъ 42.

Изъ вопросовъ, обсуждавшихся нынѣшнимъ съѣздомъ, отмѣтимъ сперва предложеніе вятскаго общества о продленіи предѣльнаго срока пребыванія воспитанниковъ въ пріютѣ—до 21 года, т. е. до призыва къ отбыванію воинской повинности. Поводомъ выставлялось то соображеніе, что «слабо выдержанный воспитанникъ исправительнаго заведенія не будетъ сразу предоставленъ самому себѣ, а испытаетъ полезное для него вліяніе воинской дисциплины». Собраніе постановило вопросъ этотъ отложить до болѣе обстоятельной разработки, порученной постоянному бюро съѣздовъ. Предположеніе вятскаго общества, на нашъ взглядъ, требуетъ разъясненія въ томъ смыслѣ—кому имѣетъ быть предоставлено право продлить срокъ пребыванія въ пріютахъ? Очевидно, что отъ самого начальства пріютовъ не должно зависѣть продленіе срока пребыванія въ мѣстахъ, какъ-бы то ни было, исправительныхъ. Если-же вопросъ—въ томъ, чтобы суды могли посылать въ пріюты молодыхъ людей свыше 18 лѣтъ и до 21 года, то едва-ли это желательно. Педагогика вообще высказывается противъ соединенія въ одномъ заведеніи столь разныхъ возрастовъ, какъ 10 лѣтъ и 21 годъ. А это воспитательное соображеніе получаетъ особенный вѣсъ въ пріютахъ для осужденныхъ. Неудобство смѣшенія въ одномъ заведеніи подростковъ отъ 10 лѣтъ до 21 года едва-ли не болѣе убѣдительно, чѣмъ польза выдержки ихъ въ пріютахъ до отдачи подъ военную дисциплину. Сверхъ того, едва-ли желательно для самихъ молодыхъ людей этой категоріи, чтобы они поступали въ войско прямо изъ исправительныхъ заведеній, то-есть, съ выданными отъ нихъ свидѣтельствами.

Другой интересный вопросъ, обсуждавшійся нынѣшнимъ съѣздомъ, заключался въ томъ—желательно-ли совмѣщеніе въ одномъ исправительномъ заведеніи осужденныхъ дѣвочекъ съ малолѣтними мужского пола? Этотъ вопросъ вызвалъ оживленныя пренія. Съ одной стороны заявлялось, что въ педагогическомъ и нравственномъ отношеніи такое совмѣщеніе можетъ быть прямо вредно и что никакія соображенія практическаго удобства не могутъ быть поставлены выше положительнаго неудобства воспитательнаго. Съ другой стороны доказывалось, что неудобство это можетъ быть устранено содержаніемъ въ особомъ отдѣленіи, такъ чтобы дѣвочки встрѣчались съ мальчиками только въ церкви и на дѣтскихъ праздникахъ; приводились примѣры заграничныхъ исправительныхъ пріютовъ, гдѣ такое совмѣщеніе допускается безъ вреда. Наконецъ, указывалось и на тотъ, наиболѣе убѣдительный аргументъ, что во всякомъ случаѣ лучше дѣвочкамъ содержаться, хотя-бы при мужскомъ исправительномъ заведеніи, чѣмъ идти въ тюрьму.

Собраніе рѣшило этотъ вопросъ отрицательно. Большинствомъ 20 голосовъ противъ 15-ти, съѣздъ призналъ невозможнымъ присоединеніе отдѣленій для дѣвочекъ къ мужскимъ исправительнымъ пріютамъ и по-

ручилъ своему бюро разработать вопросъ объ устройствѣ исправительныхъ пріютовъ для малолѣтнихъ преступницъ. Между тѣмъ, если принять во вниманіе незначительныя цифры осуждаемыхъ судами дѣвочекъ, то придется пожалѣть о такомъ рѣшеніи, которое было принято подъ вліяніемъ представителей польскихъ исправительныхъ заведеній. Они-то именно рѣшительно высказывались противъ учрежденія женскихъ отдѣленій при мужскихъ исправительныхъ пріютахъ. Такъ какъ число осуждаемыхъ дѣвочекъ, повторяемъ, незначительно, то необходимо избрать одно изъ двухъ рѣшеній: или учредить отдѣльные исправительные женскіе пріюты, по одному на цѣлый судебный округъ, или допустить совмѣщеніе, при чемъ получатся экономическія удобства, такъ какъ содержаніе пріютовъ съ бо́льшимъ числомъ воспитанниковъ обходится сравнительно дешевле.

Такое совмѣщеніе, то-есть устройство для дѣвочекъ небольшихъ отдѣльныхъ помѣщеній при зданіяхъ мужскихъ пріютовъ, могло-бы быть временнымъ, впредь до постройки отдѣльныхъ пріютовъ. Въ саратовскомъ галкинскомъ пріютѣ, существующемъ уже 22 года, имѣется помѣщеніе для дѣвочекъ, отдѣльно отъ мальчиковъ. Для первыхъ есть особыя надзирательницы и, по заявленію представителя этого заведенія, неудобства и особыхъ затрудненій при этомъ не замѣчалось. Указывалось и на существованіе совмѣстныхъ пріютовъ, съ двумя отдѣленіями, въ Берлинѣ, Бельгіи и Швейцаріи. Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ оставлять дѣло въ нынѣшнемъ положеніи, когда для дѣвочекъ есть только три пріюта.

Вслѣдъ за изданіемъ закона, которымъ было разрѣшено заключеніе всякихъ сдѣлокъ въ золотой валютѣ за открытіемъ выдачи и пріема золота въ государственномъ банкѣ, съ уплатой кредитными билетами по курсу, установляемому министерствомъ финансовъ и составляющему нынѣ 7 руб. 40 коп. кред. за 1 полуимперіалъ новаго чекана (5 р. зол.), послѣдовало распоряженіе о выдачѣ и пріемѣ всѣми правительственными кассами, за кредитные рубли и размѣнную, низкопробную монету, монеты серебряной полноцѣнной, безъ ограниченія суммы — рубль за рубль.

Такимъ образомъ удостовѣрено, какъ мы на то указывали во время толковъ о «девальваціи», возникшихъ за изданіемъ упомянутаго закона— что паденіе полноцѣнной серебряной монеты ниже цѣны низкопробной монеты и бумажныхъ денегъ было явленіемъ искусственнымъ, зависѣвшимъ только отъ непріема серебряныхъ рублей въ платежи. Но надо замѣтить, что полноцѣнное серебро, принимаемое и выдаваемое теперь правительственными кассами, по цѣнѣ 7 руб. 40 к. чистымъ серебромъ за 5 р. золотомъ, является у насъ именно только *наравнѣ* съ бумажными деньгами, то-есть въ качествѣ кредитнаго знака на полученіе золота, а не въ значеніи звонкой монеты, имѣющей свою внутреннюю цѣнность, такъ-какъ дѣйствительная цѣна серебра на всемірномъ рынкѣ значительно ниже. Разъ серебряные рубли принимаются въ уплату пода-

тей по нарицательной цѣнѣ, они являются равноправными съ кредитными рублями платежными, но всетаки условными знаками, а не звонкой монетой, которой цѣна равна товарной цѣнности ея металла, и не мѣрителемъ цѣнностей вообще.

Цѣлью открытія продажи и пріема, какъ прежде золота, такъ теперь и серебра въ правительственныхъ кассахъ было, очевидно, желаніе ввести вновь металлы въ обращеніе. За этимъ можно было предполагать намѣреніе—послѣ того, какъ внутренній рынокъ насытился-бы золотомъ—извлечь изъ обращенія кредитныя билеты, въ обмѣнъ на золото, *по курсу*, а на серебро — рубль за рубль. Это и была-бы девальвація. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ доселѣ свѣдѣній о томъ, сколько со времени открытія обмѣна по курсу вытребовано изъ государственнаго банка золота и сколько въ банкъ его поступило—не изъ казначейства, а отъ публики. Золота при покупкахъ въ магазинахъ и при «сдачѣ» ими съ крупныхъ кредитныхъ бумагъ доселѣ не видно. Относительно-же полноцѣннаго серебра извѣстно, что желавшимъ того чиновникамъ оно выдавалось при уплатѣ жалованья и что затѣмъ, при предъявленіи ими въ платежъ на пароходахъ и въ лавкахъ, оно часто не принималось. Это обстоятельство вызвало въ половинѣ сентября правительственное «сообщеніе» о томъ, что отказъ нѣкоторыхъ содержателей банкирскихъ заведеній и мѣняльныхъ лавокъ въ пріемѣ серебрянной полноцѣнной монеты наравнѣ съ кредитными билетами ни на чемъ не основанъ и «направленъ единственно къ незаконной наживѣ». Относительно банкировъ и мѣнялъ это, навѣрное, справедливо, но вѣдь всѣ вообще торговцы и самая публика пока всетаки не запасаются серебромъ для расчетовъ. Трудно вдругъ ввесть въ обращеніе то, что изъ него вышло уже давно, вслѣдствіе неимѣнія казною средствъ къ размѣну на металлъ — кредитныхъ рублей, хотя и «обезпеченныхъ всѣмъ достояніемъ государства».

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

А. Критика.

Н. Карѣевъ. Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія. С.-Петербургъ, 1895 г.

А. Трика. Отвѣтъ одного изъ учащейся молодежи на «письма» къ ней г. Карѣева о самообразованіи. С.-Петербургъ, 1895 г.

С. Обращеніе товарища къ студентамъ. С.-Петербургъ, 1895 г.

Въ теченіе короткаго времени проф. Карѣевъ выпустилъ двѣ брошюры—одну подъ названіемъ «Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи», другую—«Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія». О первой изъ нихъ мы уже писали на страницахъ «Сѣвернаго Вѣстника». Авторъ дѣлаетъ неудачныя попытки какого-то фамильярнаго объясненія съ молодымъ поколѣніемъ по разнымъ важнымъ вопросамъ образованія и самообразованія. Не ограничиваясь преподаваніемъ съ кафедры, г. Карѣевъ обращается къ печатному слову, чтобы расширить кругъ своего вліянія. Какъ-бы уловивъ смутный ропотъ молодыхъ голосовъ въ университетскихъ коридорахъ и аудиторіяхъ, неутомимый профессоръ, никогда и нигдѣ не выступавшій — вопреки своимъ скрытымъ схоластическимъ наклонностямъ—иначе, какъ подъ знаменемъ прогресса, рѣшилъ подвергнуть пересмотру нѣкоторые старые вопросы, набросать программу новой, болѣе широкой системы, которая примирила-бы различныя воюющія передовыя партіи и сочетала-бы требованія положительной науки съ идеалистическими запросами души. Къ сожалѣнію, прекрасная по мысли затѣя г. Карѣева приводится въ исполненіе такими несовершенными способами, что о настоящемъ ея успѣхѣ не только въ литературѣ, но даже и въ средѣ молодежи, которую легко подкупить талантливымъ или хотя-бы просто живымъ словомъ, не можетъ быть и рѣчи. При тяжеломъ и тягучемъ слогѣ, съ надоѣдливымъ перезвономъ архаическихъ мѣстоименій посреди новѣйшихъ научно-прогрессивныхъ терминовъ, при полномъ неумѣніи показывать свои мысли ясно, твердо, безъ помощи громоздкихъ

или туманныхъ книжныхъ сопоставленій, при явномъ отсутствіи литературнаго темперамента и агитаціоннаго пыла, разсужденія г. Карѣева могутъ внести въ современное броженіе идей только расхолаживающую струю педантическаго резонерства. Въ обѣихъ названныхъ нами книжкахъ мы не нашли ни одной страницы, отъ которой вѣяло-бы свѣжей мыслью. Старые и новые вопросы выступаютъ подъ торопливымъ, но не острымъ перомъ г. Карѣева, одинаково тускло, неинтересно, безформенно. Постоянно качаясь между противоположными теоріями, безпрерывно сгребая справа и слѣва горячія уголья различныхъ популярныхъ ученій, немедленно остывающіе въ холодной, прѣсной водѣ его собственныхъ доктoральныхъ изліяній, г. Карѣевъ только усложняетъ свою задачу. Въ бесѣдахъ съ молодежью, которая усомнилась въ старыхъ методахъ и умственныхъ путяхъ, которая заодно съ новѣйшей литературой всѣхъ европейскихъ народовъ ощутила потребность въ болѣе широкихъ и глубокихъ научныхъ обобщеніяхъ, необходимо занять опредѣленную позицію, не глядя по сторонамъ, не впадая ни въ какіе компромиссы ради союза съ тѣми или другими партіями. Надо было вынуть изъ души и со всею возможною наглядностью показать свои завѣтныя убѣжденія, которыя всегда имѣютъ цѣльный характеръ и не могутъ быть сборищемъ разнородныхъ мнѣній и понятій. Надо было, отложивъ въ сторону заманчивую привычку дѣлать ученыя компиляціи, выжимать соки изъ чужихъ, оригинальныхъ работъ, выступить агитаторомъ того или другого законченнаго ученія. Только такимъ способомъ можно было сдѣлаться двигающею силою среди борящихся теченій современной жизни и представить опору для тѣхъ, которые ищутъ логическихъ путей къ созданію цѣльнаго философскаго міровоззрѣнія. Только освѣтивъ собственной мыслью не книжные, а жизненные вопросы, минуя безплодныя пренія о словахъ и подойдя къ самому предмету умственныхъ сомнѣній нашей эпохи, къ тревожнымъ вопросамъ въ области личной и общественной морали, въ сферѣ религіозныхъ и эстетическихъ исканій, только обнаруживъ непосредственную связь своей души съ запросами чуткихъ, мыслящихъ людей, можно было въ самомъ дѣлѣ взять на себя роль руководителя молодыхъ поколѣній. Но продолжая въ открытыхъ письмахъ къ читающему юношеству мертвую рутину педагогическихъ назиданій и банальныхъ разсужденій съ чужого голоса, г. Карѣевъ, какъ намъ кажется, долженъ рано или поздно вызвать только реакцію среди своей теперешней аудиторіи. Мы не знаемъ, съ какимъ чувствомъ русское студенчество читаетъ эти растянутыя и туманныя «Письма» и «Бесѣды» заслуженнаго профессора. Намъ не приходилось говорить съ молодыми людьми объ этихъ книжкахъ. Но память еще недавнихъ личныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ университета, даетъ намъ увѣренность, что эти широковѣщательные манифесты проф. Карѣева по адресу юной Россіи не должны имѣть настоящаго успѣха. Пусть газеты, падкія на всякую рекламу, сообщаютъ что хотятъ, пусть самъ г. Карѣевъ рас-

писывается въ полученіи отрадныхъ доказательствъ сочувствія,—мы не допускаемъ, чтобы эти мертвыя книжки могли шевелить живыя чувства, мысли, настроенія въ подростающемъ поколѣніи. Тутъ не къ чему прислушиваться: холодныя фразы безъ оригинальнаго содержанія не могутъ приковать ничьего вниманія. Тутъ не надъ чѣмъ серьезно работать, потому что искуственно сбитые вмѣстѣ силлогизмы распадаются при первомъ прикосновеніи остраго анализа. Если книги г. Карѣева расходятся нѣсколькими изданіями, если онѣ читаются и вызываютъ печатныя возраженія, то это только потому, что наши университеты слишкомъ не избалованы талантами, а вопросы философскаго и соціальнаго характера съ каждымъ днемъ все настоятельнѣе требуютъ новой разработки.

Г. Карѣевъ хотѣлъ бы указать своимъ молодымъ читателямъ тѣ элементы, изъ которыхъ можетъ сложиться опредѣленное міровоззрѣніе. Но вѣрный своей ученой манерѣ компилировать изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, онъ нигдѣ не становится твердо на извѣстную почву. Излагая безъ малѣйшаго признака оригинальности свой взглядъ на матеріализмъ, г. Карѣевъ съ самаго начала впадаетъ въ нѣкоторую неясность. Онъ понимаетъ, что матеріализмъ не можетъ объяснить всѣхъ явленій человѣческой жизни. Но отрекаясь отъ матеріализма, онъ тутъ же замѣчаетъ, что и спиритуализмъ совершенно безсиленъ въ объясненіяхъ физической природы. Оба ученія имѣютъ метафизическій характеръ, не основанный «на критическомъ знаніи», и простираютъ свои претензіи дальше, чѣмъ они имѣютъ право. Вотъ главная мысль, проходящая черезъ всѣ разсужденія автора. Порывая связь съ матеріализмомъ, г. Карѣевъ, съ видомъ человѣка, прошедшаго школу критической философіи, колеблетъ довѣріе и къ тому ученію, которое является системой противоположныхъ взглядовъ. Однако, авторъ не выдерживаетъ своихъ разсужденій до конца. «При *полномъ нейтралитетѣ* между матеріализмомъ и спиритуализмомъ, какъ теоретическими попытками понять, въ чемъ заключается основа міра явленій, нельзя не сказать, что въ практическомъ отношеніи къ задачамъ этики, *конечно*, *всегда ближе* стоялъ спиритуализмъ, ибо основу этическихъ стремленій человѣка можно понятнымъ образомъ искать лишь въ духѣ, а не въ матеріи». Г. Карѣевъ, съ удивительною для ученаго человѣка наивностью, готовъ раздѣлить науку и жизнь на двѣ чуждыя другъ другу области и признать, что теоретически несостоятельныя идеи могутъ тѣмъ не менѣе въ практическомъ отношеніи оказаться важными орудіями личнаго совершенствованія и прогресса. Журнальное диллетантство, еще недавно выступавшее съ помпой научной передовитости, оказало вліяніе и на дѣятелей, близко стоящихъ, по своему положенію и даже призванію, къ источникамъ образованія и знанія. Не задумываясь надъ смысломъ своихъ словъ и бросая пустыя фразы во всѣ стороны, чтобы захватить ими и нашихъ и вашихъ, г. Карѣевъ не считаетъ необходимымъ объясниться съ читателемъ относительно главныхъ признаковъ спиритуализма. Научное раз-

сужденіе на эту тему показало бы всю шаткость его произвольныхъ утвержденій и, можетъ быть, открыло бы передъ молодыми умами нѣкоторую путаницу въ логическихъ доводахъ профессора. Г. Карѣевъ хочетъ быть въ полномъ согласіи и съ реалистическою наукою, отвергающей всякую метафизику, и съ идеалистическими стремленіями новѣйшаго времени. Вотъ почему онъ, съ запоздалымъ дерзновеніемъ, поднимаетъ надъ безбрежной стихіей своихъ водянистыхъ разсужденій трезубецъ Нептуна, угрожая имъ и безъ того слабѣющимъ защитникамъ матеріализма. Вотъ почему онъ въ то же время дѣлаетъ ненужныя и притомъ противорѣчивыя уступки спиритуализму на практическомъ поприщѣ. При нѣкоторой гибкости можно угодить и тому, и другому!

Покончивъ съ обоими видами метафизики, г. Карѣевъ выясняетъ свои отношенія къ наукѣ о природѣ и къ наукѣ о человѣческомъ обществѣ. По его мнѣнію, въ первой изъ нихъ должны господствовать объективизмъ и реализмъ, а во второй нѣкоторый идеализмъ и субъективизмъ. «Въ дѣлахъ человѣческихъ, пишетъ онъ, включая въ нихъ число и общественныя отношенія, мы желаемъ знать не только то, что есть, но и то, что должно быть, и вмѣстѣ съ тѣмъ желаемъ не только понимать, какъ происходитъ или происходило то, что есть и что было, но и оцѣнивать все это съ точки зрѣнія нашихъ представленій о томъ, что должно быть». Идеализмъ, «котораго реализмъ не имѣетъ надобности и права устранять»,—есть творчество практическихъ идеаловъ. Какъ направленіе мысли, онъ возможенъ и законенъ только при изученіи человѣческой жизни. На основаніи извѣстныхъ идей, мы субъективно оцѣниваемъ то, что совершается передъ нашими глазами. Такова законная роль идеализма и субъективизма въ гуманитарныхъ наукахъ—подъ двумя, однако, условіями: «во-первыхъ, чтобы при этомъ ни малѣйшимъ образомъ не нарушались требованія реализма и объективизма и [во-вторыхъ] чтобы подъ покровомъ идеализма и субъективизма не проникла въ науку метафизика». Такимъ образомъ г. Карѣевъ привлекаетъ въ свои широкія объятія всевозможные философскіе измы (субъективизмъ, идеализмъ, реализмъ, объективизмъ) и, повернувшись тыломъ къ неотступно преслѣдующей его метафизикѣ, несется съ ними по пути прогресса. Но, какъ и въ вопросѣ о матеріализмѣ и спиритуализмѣ, онъ и здѣсь отдѣляетъ жизнь отъ науки. Пусть въ практической области царятъ разныя идеалистическія влеченія, опирающіяся на спиритуализмъ, а въ наукѣ долженъ господствовать строго объективный методъ реализма. Съ такою постыдною для ученаго человѣка склонностью къ компромиссамъ разсуждаетъ г. Карѣевъ о вопросахъ величайшей важности. Съ непонятнымъ произволомъ онъ сокращаетъ самый объемъ идеалистическаго ученія, отнимая у него его главныя *теоретическія* основанія. Авторъ не понимаетъ, что его защита субъективизма при такомъ взглядѣ становится совершенно безпочвенной. Если практическіе идеалы коренятся въ ученіи, которое отвергается чистою наукою, то предъ судомъ неподкупной ло-

гики идеалы эти лишены всякаго серьезнаго значенія. Они не могутъ быть доказываемы. Ихъ нельзя проводить въ сознаніе людей общеобязательными, логическими путями. Ихъ вліяніе на историческій ходъ вещей не можетъ имѣть культурной силы. *Субъективная* оцѣнка современной дѣйствительности, какъ и всякой исторической дѣйствительности, не вооруженная научнымъ убѣжденіемъ, можетъ только случайно принять характеръ какого-нибудь общественнаго движенія, но никогда не выроститъ до степени могущественной, не изсякающей, упорно-разрушительной философской критики. Никакая этика, личная или общественная, не должна развиваться внѣ науки. Если идеалистическіе запросы человѣческой души и совѣсти не находятъ для себя опоры, оправданія въ такъ-называемой реалистической наукѣ, то это значитъ, что эта наука разрабатывается по фальшивому методу, лишена внутренняго свѣта, нуждается въ обновляющей реформѣ посредствомъ опредѣленной философской идеи. Критическая философія, съ которой г. Карѣевъ, повидимому, тоже хотѣлъ бы сохранить дружескія отношенія, и создала такой объединяющій взглядъ на міръ, при которомъ онъ весь оказывается подчиненнымъ общимъ высшимъ законамъ. Она охватываетъ въ одной системѣ, однимъ и тѣмъ же методомъ, изслѣдованіе физическихъ и нравственныхъ явленій, не только не разрушая широкія владѣнія естественныхъ наукъ, но даже укрѣпляя ихъ на твердомъ фундаментѣ опредѣленной критической теоріи познанія. Эта критическая философія и есть послѣднее слово человѣческой мудрости, слившей свои открытія и выводы съ міровою религіозно-этической системой. Какъ извѣстно, Кантъ сравнивалъ свою философскую реформу съ научной реформой Коперника. Измѣнивъ исходную точку всякаго изслѣдованія, онъ перенесъ всѣ вопросы эмпирическаго знанія, вопросы о природѣ, о причинности, изъ внѣшняго міра въ идеальную область сознанія съ его коренными законами. Другой чрезвычайно выдающійся мыслитель этого столѣтія, итальянскій философъ Джіоберти, выразился такимъ-же образомъ о философской реформѣ Христа. Въ своемъ трактатѣ «Философія откровенія» онъ говоритъ слѣдующее: «Христосъ совершилъ въ области духа то-же самое, что Коперникъ совершилъ въ астрономіи: онъ сдѣлалъ землю частью неба. Христіанское небо не находится болѣе въ противорѣчіи съ землей, потому что сама земля стала однимъ изъ его свѣтилъ» [1]).

Такъ разсуждаютъ люди истинной философіи. Ихъ теоретическія понятія, ни въ чемъ не измѣняя себѣ, обнимаютъ интересы науки и морали въ одномъ союзѣ, въ которомъ не можетъ быть мѣста никакому субъективному произволу. При всей своей обширной учености, г. Карѣевъ не обнаружилъ пониманія самого духа новой философіи, и важно выступая въ роли современнаго знаменосца прогресса, предалъ всю область прак-

---

[1]) Giuseppe Gioberti. Della filosofia della rivelazione, Volume unico. Torino. 1856 Стр. 44 и 78.

тической борьбы безпочвенному субъективизму. Критическій идеализмъ устраняетъ самую мысль о субъективизмѣ въ какихъ-бы то ни было вопросахъ. Дѣлая жизненные идеалы выводомъ изъ опредѣленныхъ теоретическихъ положеній, онъ стремится логическими средствами завербовать всѣхъ умѣющихъ мыслить людей и такимъ образомъ передѣлать историческую дѣйствительность въ духѣ свѣтлыхъ міровыхъ принциповъ.

Любопытно отмѣтить еще вотъ что. Не найдя философскихъ основаній для нравственности, г. Карѣевъ не постѣснился выкинуть за бортъ своего тяжело-нагруженнаго корабля всѣ вопросы эстетики, какъ ненужные для цѣльнаго пониманія человѣческой жизни въ природѣ. «Безъ логической теоріи мышленія и безъ этической теоріи поведенія немыслимо цѣльное и полное міросозерцаніе», говоритъ онъ, «но отсутствіе въ такомъ міросозерцаніи *эстетической теоріи* наслажденія красотой и *художественнаго творчества* не можетъ составлять особенно важнаго пробѣла, какъ и пробѣлъ въ общей исторіи, которая игнорировала-бы развитіе искусствъ, не могъ-бы имѣть такого значенія, какъ пробѣлъ относительно религіи, философіи, науки, *литературы*, нравовъ и т. п.». Такимъ варварскимъ жаргономъ, съ безвкуснымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ-же словъ и неуклюжими оборотами рѣчи, г. Карѣевъ—вслѣдъ за отживающими гонителями искусства—старается принизить значеніе эстетической теоріи въ развитіи общества. Цѣлый міръ идей—красота, поэтическое творчество въ разнообразныхъ его проявленіяхъ—оказался излишнимъ для образованія. Признавая необходимость изученія литературы для пониманія общеисторическихъ явленій, г. Карѣевъ, по какой-то непостижимой логикѣ, отрицаетъ при этомъ тѣ орудія, посредствомъ которыхъ можно придать этому изученію систематическій характеръ. Искусство, художественное творчество, литература представляютъ огромную область фактовъ, которую нельзя обнять и осмыслить иначе, какъ при помощи идей, разрабатываемыхъ въ эстетикѣ. Красота въ ея различныхъ видахъ и никогда не умиравшая въ человѣчествѣ любовь къ красотѣ всегда будутъ однимъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ философскаго изслѣдованія. Историческая наука не можетъ быть полною, если въ ней не подвергнуты глубокому изученію эстетическія стремленія и художественные идеалы обществъ. Въ искусствѣ получаютъ свое выраженіе высшія дарованія человѣка, и, не понимая творческаго процесса въ литературѣ, музыкѣ, скульптурѣ, живописи, архитектурѣ, нельзя проникнуть къ самымъ источникамъ культурнаго развитія человѣчества. Только на русской почвѣ возможно такое уродливое явленіе, какое представляетъ собою это разсужденіе ученаго профессора о ненужности эстетическихъ понятій для полнаго и цѣльнаго міросозерцанія. Замирающій отголосокъ прежняго умственнаго броженія, эти строки г. Карѣева особенно непонятны въ книжкѣ, разсчитанной на современную публику съ ея новыми, болѣе сложными запросами. Разойдясь съ матеріализмомъ, составлявшимъ еще недавно главный догматъ журнальнаго либерализма,

г. Карѣевъ хочетъ сохранить свою связь съ прежними авторитетами, поддерживая либеральное гоненіе на искусство. Субъективизмъ въ соціологіи и отрицаніе эстетики—вотъ единственный оплотъ ученой передовитости г. Карѣева.

Мы передали въ общихъ чертахъ содержаніе «Бесѣдъ о выработкѣ міросозерцанія». По воззрѣніямъ г. Карѣева, реалистическая наука, соединенная съ безпочвенными практическими идеалами, и образуетъ цѣльное пониманіе міра и жизни. Договорившись до такихъ странныхъ заключеній и нѣсколько разъ подчеркнувъ свою принадлежность къ особенной прогрессивной партіи русскихъ субъективистовъ, которые будто-бы одни только отстаиваютъ значеніе и права личности въ исторіи, г. Карѣевъ подводитъ итогъ всѣмъ своимъ размышленіямъ на нѣсколькихъ страницахъ, блѣдно и мертвенно повторяющихъ банальную мысль о необходимости выработать цѣльное міросозерцаніе. На прощаніе съ читателями, онъ рекомендуетъ имъ нѣсколько важныхъ трактатовъ, написанныхъ въ указанномъ имъ философскомъ направленіи. Въ этомъ короткомъ спискѣ рядомъ съ трудами такихъ иностранныхъ ученыхъ, какъ Милль, Спенсеръ и Эспинасъ, находятся сочиненія и русскихъ научныхъ свѣтилъ: два сочиненія проф. Н. И. Карѣева, три сочиненія Н. К. Михайловскаго, одно сочиненіе С. Н. Южакова и одно сочиненіе проф. Коркунова. Въ этихъ книгахъ современное молодое поколѣніе можетъ найти удовлетвореніе всѣмъ своимъ умственнымъ потребностямъ. Здѣсь скрытъ тотъ источникъ живой воды, въ которомъ оно получитъ свое крещеніе для вступленія на путь борьбы за идеалы личнаго и общественнаго совершенства.

Судя по тону всей книжки, можно думать, что г. Карѣевъ удовлетворенъ своей работой. Читающее студенчество получило указаніе, изъ какихъ элементовъ складывается опредѣленное міросозерцаніе, роль профессора закончена, прогрессивное теченіе жизни освѣщено съ высоты науки. По заведенному порядку, самыя бездарныя сочиненія или статьи, подписанныя извѣстными именами, должны быть встрѣчены сочувственными аплодисментами газетныхъ и журнальныхъ рецензентовъ, не измѣнившихъ прежнимъ традиціямъ. Никто не займется вопросомъ о философскомъ образованіи общества съ полной серьезностью... Но жизнь не останавливается въ своемъ движеніи и изъ подъ мертвенной поверхности рутины и буржуазнаго формализма пробиваются свѣжія струи. Молодые умы не дремлютъ. Не находя отвѣта на свои сомнѣнія въ писаніяхъ профессоровъ и журнальныхъ авторитетовъ, они сами, по своему, насколько хватаетъ силъ, съ горячностью безкорыстнаго увлеченія, пытаются по новому поставить и разрѣшить вѣчные вопросы о цѣляхъ жизни, о задачахъ личной и общественной дѣятельности. Есть нѣкоторые признаки пробужденія высшей любознательности въ русскомъ обществѣ, и вопросъ о томъ, быть-ли Россіи культурною или варварскою страною—становится теперь особенно настоятельнымъ. Можетъ быть, по-

рывомъ смѣлаго размышленія молодыя силы прорвутся сквозь гнетущую путаницу противорѣчивыхъ, безжизненныхъ формулъ, чтобы свободно развернуться въ той чистой атмосферѣ, гдѣ истина, красота и нравственный подвигъ слиты въ высшемъ философскомъ синтезѣ.

Въ этомъ смыслѣ характерны, между прочимъ, двѣ брошюры, появившіяся въ видѣ отвѣта на первый манифестъ г. Карѣева. Авторы, принадлежащіе къ студенческой молодежи, выражаютъ различные по существу взгляды на цѣли образованія и самообразованія, но оба согласны между собою въ томъ, что г. Карѣевъ не разрѣшаетъ поставленныхъ имъ вопросовъ. Трнка обвиняетъ г. Карѣева въ томъ, что онъ темно и поверхностно объясняется по столь важному предмету, что онъ разрабатываетъ мелочи, пропуская безъ анализа важнѣйшіе факты жизни, что онъ съ наставническою самоувѣренностью предлагаетъ никуда негодные рецепты. Г. Карѣевъ, пишетъ онъ, недостаточно понялъ отличительныя черты новѣйшаго поколѣнія, а потому его сочиненіе годится только для той молодежи, которая создана его фантазіей. Несмотря на юношескую сбивчивость изложенія, оппонентъ г. Карѣева все-таки даетъ чувствовать, что онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія опредѣленныхъ понятій. Правда, его разсужденія, постоянно перебивающіяся пылкими обращеніями къ товарищамъ, не отличаются особенной шириною, но тѣмъ не менѣе они имѣютъ несомнѣнное преимущество передъ путанными и двойственными сужденіями г. Карѣева. Авторъ выражаетъ потребность въ опредѣленномъ, ясномъ, выдержанномъ міровоззрѣніи, а стремленіе къ научной и философской опредѣленности, къ объединенію теоретическихъ и практическихъ интересовъ всегда ведетъ людей къ новымъ обобщеніямъ и новымъ культурнымъ завоеваніямъ.

Другой оппонентъ г. Карѣева, подписавшій свою книжку буквой С., не раздѣляетъ воззрѣній своего товарища и возражаетъ на «Письма къ учащейся молодежи» другими доводами. Склоняясь въ сторону новѣйшихъ, чисто нравственныхъ движеній, онъ призываетъ студенчество къ изученію главнаго источника христіанской религіи и этики. Онъ питаетъ свѣтлую надежду, что въ наступающемъ новомъ столѣтіи произойдетъ полное обновленіе русскихъ силъ, бродившихъ до сихъ поръ въ потемкахъ сбивчивыхъ знаній и одностороннихъ взглядовъ. Съ большимъ увлеченіемъ рекомендуетъ онъ, какъ вѣрное средство противъ умственной болѣзни вѣка, постоянное чтеніе Евангелія. При той-же неясности изложенія и отсутствіи глубокаго критическаго анализа, какъ у г. Трнка, г. С. несомнѣнно правъ, упрекая проф. Карѣева за отсутствіе твердыхъ принципіальныхъ разъясненій на поставленную имъ тему. Несмотря на явный компромиссъ со старыми и новыми теченіями, «Письма къ молодежи», какъ и только что разобранная нами книжка, не удовлетворили и не могутъ удовлетворить ни одну свѣжую, чуткую душу. Во всякую эпоху истинно-прогрессивными людьми являются только тѣ дѣятели, которые выступаютъ передъ обществомъ съ ясными принципами, съ рѣзко-

очерченной духовной физіономіей, съ смѣлой готовностью разойтись со всѣми существующими партіями—во имя того, что свѣтится и горитъ въ собственномъ сознаніи. Во всякомъ цѣльномъ міровоззрѣніи заложена сила, которая рано или поздно вырвется наружу и произведетъ широкое броженіе умственныхъ и соціальныхъ стремленій.

А. Волынскій.

Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ. СПБ. 1895. Стр. 238+VII. Цѣна 1 руб.

Только что вышедшая въ свѣтъ книга представляетъ собой такъ сказать прелюдію къ имѣющему появиться собранію сочиненій Я. К. Грота. Книга эта составлена и издана вдовою Я. К. Грота, Н. П. Гротъ, изъ подлинныхъ документовъ и статей самого Грота, почему всякое подозрѣніе въ пристрастіи составительницы должно отпасть, и вся книга является краснорѣчивымъ документомъ, характеризующимъ покойнаго Я. К. его собственнымъ перомъ — то въ видѣ автобіографическихъ замѣтокъ (стр. 1—52), то въ видѣ замѣтокъ изъ дневника (стр. 53—72), то въ видѣ стихотвореній преимущественно автобіографическаго содержанія (стр. 73—142), то въ видѣ цѣлаго ряда педагогическихъ замѣтокъ. Ко всему этому приложенъ еще полный библіографическій списокъ трудовъ Я. К. Грота. Словомъ, книга эта составлена очень тщательно, и тѣмъ, что въ ней главное мѣсто занимаютъ автобіографическія сочиненія самого Грота, а также библіографическій списокъ его трудовъ, она представляетъ весьма важный и цѣнный матеріалъ для біографіи покойнаго ученаго, если только таковая (какъ увидимъ ниже) является зачѣмъ-либо крайне нужною.

Списокъ даетъ 428 нумеровъ разныхъ названій, появившихся въ теченіе 63-хъ лѣтъ литературной и научной дѣятельности Я. К. Грота. Цифра внушительная, особенно если принять во вниманіе, что тутъ есть не мало такихъ трудовъ, надъ составленіемъ которыхъ Гротъ работалъ очень долго, напр.: сочиненія Державина, «Филологическія розысканія». «Русское правописаніе», первые выпуски «Словаря русскаго языка» и пр. Но этотъ списокъ не можетъ не свидѣтельствовать о томъ, что это былъ писатель, который работалъ въ разныхъ сферахъ литературы: стихотворенія оригинальныя и переводныя («Мазепа» Байрона, «Фритіофъ» Тегнера и др.), критическія статьи и мелкія замѣтки, корреспонденціи, литературныя экскурсіи, этнографическія замѣтки, историческія изслѣдованія, статьи объ искусствѣ, грамматика, лексикографія, политическія статьи, педагогическія замѣтки, методика преподаванія языка, некрологи и пр., и пр., и все это идетъ въ перемежку, несомнѣнно мѣшая одно другому въ смыслѣ цѣнности и отдѣлки. Объяснить это особенною живостью натуры покойнаго академика нѣтъ возможности, ибо среди всѣхъ его четырехсотъ произведеній нельзя натолкнуться ни на одно, которое отличалось-бы пылкостью выраженій, яркостью образовъ, смѣлостью по-

ложеній, увлекательностью изложенія и какими-либо признаками вдохновенія,—ничто не даетъ хотя малѣйшаго намека на живую, экспансивную, отзывчивую натуру автора. Это скорѣе натура созерцательная, легко поддающаяся чужимъ настроеніямъ, уступчивая даже въ серьезныхъ вопросахъ (вспомнимъ его уступки въ вопросахъ русскаго правописанія, надѣлавшія столько шуму и путаницы своею неустойчивостью), готовая на все махнуть рукой и предоставить волѣ Божіей. Это былъ крайне старательный труженикъ, что и видно какъ изъ огромнаго количества его литературныхъ работъ, которыя сдѣлали нѣкоторый вкладъ въ науку, такъ и изъ его автобіографіи, изъ которой ясно, что́ его влекло къ наукѣ, хотя у него и не хватало духа сразу отдѣлиться отъ административной службы и предаться научнымъ занятіямъ всецѣло и беззавѣтно, пока Академія Наукъ не приняла его въ свои члены. Мы думаемъ, что эта книга, съ автобіографіей Я. К. Грота, со всѣми его автобіографическими стихотвореніями, среди которыхъ немалое мѣсто занимаютъ посвященія разнымъ высочайшимъ особамъ, — такъ ясно и полно характеризуетъ личность и дѣятельность покойнаго Я. К. Грота, что напрасно издательница ея, г-жа Н. П. Гротъ, въ предисловіи къ ней, высказываетъ предположеніе, будто «полная біографія такого дѣятеля можетъ потребовать нѣсколькихъ лѣтъ добросовѣстной и усидчивой работы». Излишняя это была-бы работа: никакой біографъ не обрисовалъ-бы личность и дѣятельность Грота такъ ясно, вѣрно и полно, какъ уже сдѣлалъ это онъ самъ въ настоящей книгѣ.

Оттуда. Разсказы Сергѣя Норманскаго (Сигмы). Спб. 1895 г.

Авторъ этихъ коротенькихъ разсказовъ подвизается въ качествѣ постояннаго фельетониста на страницахъ «Новаго Времени». Дѣятельность его началась сравнительно недавно, но при блѣдности современныхъ газетныхъ работъ, его легкія, иногда бойкія, всегда нѣсколько нервозныя писанія стали обращать на себя вниманіе читающей газеты публики. Г. Сигма вноситъ своими замѣтками духъ развинченности и диллетантскаго кокетства въ разгоряченную полемическими страстями атмосферу большой и шумной газеты. Рядомъ со статьями постоянныхъ старыхъ сотрудниковъ «Новаго Времени» его фельетоны и репортерскіе отчеты, разсчитанные на полухудожественное впечатлѣніе, кажутся страннымъ, неожиданнымъ явленіемъ въ этомъ органѣ зыбкихъ патріотическихъ страстей, слѣпой національной травли и мстительныхъ критическихъ разгромовъ. Среди опытныхъ сильныхъ коршуновъ г. Сигма со своимъ невиннымъ порханіемъ отъ одного предмета къ другому является какимъ-то хилымъ птенцомъ, не обнаруживающимъ задатковъ возможнаго будущаго развитія. При старательно разыгрываемой великосвѣтскости, онъ представляется въ своихъ многочисленныхъ «литературныхъ произведеніяхъ» просто фатоватымъ и самодовольнымъ буржуа. Привычка

щеголять, какъ дешевыми брелоками, иностранными словами и изрѣченіями, склонность къ пошловатымъ намекамъ на интимныя связи съ высоко-стоящими людьми, готовность подъ видомъ летучей импрессіонистской критики оказывать дружескія услуги разнымъ литературнымъ дѣятелямъ, наконецъ, неудержимое стремленіе къ плоско-наивному хвастовству собственными успѣхами — вотъ отличительныя особенности писательской индивидуальности молодого фельетониста «Новаго Времени». За смертью такихъ талантливыхъ газетныхъ работниковъ, какими были Атава и буйно злобствовавшій Дьяковъ, г. Сигма можетъ, конечно, съ нѣкоторымъ успѣхомъ выступать передъ обширной публикой распространенной газеты. Ничего, что въ писаніяхъ его не видно ни характера, ни какихъ-нибудь твердыхъ убѣжденій или даже яркихъ пристрастій, которыя, во всякомъ случаѣ, составляли силу умершихъ фельетонистовъ. Пусть жиденькія разсужденія новаго сотрудника газеты тихоструйно переливаются по сосѣдству съ вульгарными, издѣвательскими, но порою мѣткими сатирами и пародіями г. Буренина. Утомленный однообразными впечатлѣніями сѣрой жизни, петербургскій чиновный читатель охотно отдыхаетъ на легонькой пустозвонной болтовнѣ, изъ которой можно выудить, для практическаго употребленія, то новѣйшій парадоксъ, то модное пикантное имя какого-нибудь европейскаго писателя, то бойкое иностранное словцо, которое пригодится на многообѣщающемъ визитѣ у вліятельной супруги столоначальника или у интересной опереточной примадонны. Вотъ для кого и для чего имѣютъ значеніе газетныя упражненія г. Сигмы. Въ этомъ читательскомъ кругу обращаются его литературныя изліянія, давая пищу пустымъ, невѣжественнымъ, фанфаронствующимъ умамъ.

Но г. Сигма не хочетъ, повидимому, ограничить свою дѣятельность газетными работами. Склонный къ поэтической риторикѣ, онъ пробуетъ свои способности и на поприщѣ беллетристическаго сочинительства. Почему, въ самомъ дѣлѣ, не поспорить въ этой области съ современными молодыми писателями, у которыхъ, при небольшомъ талантѣ, незамѣтно вытанцовывается кой-какой соблазнительный успѣхъ? И г. Сигма пишетъ небольшіе беллетристическіе очерки на экстравагантныя фантастическія темы, старательно убранные дешевыми цвѣтами новѣйшаго краснорѣчія. Онъ что-то знаетъ о Россети и о милыхъ дѣтскихъ ликахъ мадоннъ Боттичелли. Онъ что-то слышалъ про гипнотизмъ, про декадентскую магію, про философію индійскаго метемпсихоза, пускающую корни въ современной Европѣ. Слѣдуя за вѣкомъ, онъ постигъ тщету земныхъ дѣлъ и тревогъ. Пройдя обширный курсъ международной трактирной цивилизаціи, онъ готовъ даже воззвать къ великимъ принципамъ бытія и, предавъ проклятію «полу-культурныхъ людей, которые забыли дѣтскую вѣру въ *сущее*», поставить свой жертвенникъ на горѣ и очиститься для новой лучшей жизни. Такими средствами г. Сигма старается подкупить въ свою пользу не избалованнаго современнаго читателя. Но,

къ сожалѣнію, эти средства оказываются недостаточными. Въ книжкѣ его разсказовъ, при манерномъ, дѣланномъ и безсильномъ языкѣ, мы постоянно натыкаемся на грубыя нелѣпости въ смыслѣ литературнаго замысла и исполненія. Нигдѣ не видно простого, живого настроенія, знанія человѣческой души, умѣнья шевелить воображеніе дѣйствительно поэтическими словами. Вся книжка производитъ впечатлѣніе чего-то ненужнаго, надуманнаго, сочиненнаго подъ вліяніемъ современныхъ литературныхъ теченій. Подобно изображенному имъ въ одномъ разсказѣ герою, г. Сигма съ полнымъ правомъ могъ-бы сказать о себѣ: «я дилетантъ и могу производить только милыя посредственности. Работать мнѣ не надо, потому что есть кое-какія средства. Я учился безъ толку и много бродилъ по свѣту. Я не могу ненавидѣть порокъ ни въ себѣ, ни въ другихъ, потому что во мнѣ нѣтъ ненависти ни къ чему»... А при такихъ душевныхъ свойствахъ, при безтолковомъ образованіи, при нѣкоторой умственной распущенности и самодовольно подчеркнутой безпринципности, да еще при отсутствіи замѣтнаго художественнаго таланта, г. Сигма могъ-бы безъ всякаго ущерба для литературы совершенно отказаться отъ какихъ-бы то ни было беллетристическихъ притязаній. Тутъ ему дѣлать нечего. Серьезное искусство ему не по плечу. Его настоящая сфера—жиденькіе газетные фельетоны или любезныя реляціи о салонныхъ литературныхъ вечерахъ и раутахъ у восходящихъ звѣздъ театра.

А. Волынскій.

Б. Библіографія.

I. ЛИТЕРАТУРА. КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ДЛЯ НАРОДА.

Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ. Издается подъ редакціей *С. А. Венгерова*. Выпускъ V. Спб. 1895. Ц. 1 р. 50 к.

Г-нъ Венгеровъ продолжаетъ выпускъ отдѣльныхъ тетрадей „Русской поэзіи", могущей служить пособіемъ для каждаго, кто желаетъ нѣсколько подробнѣе, чѣмъ по учебнымъ курсамъ, ознакомиться съ русской литературой. Въ 1-мъ томѣ г. Венгеровъ соединилъ поэтовъ XVIII вѣка (26 крупныхъ) и не забылъ привести образцы произведеній мелкихъ поэтовъ, которые уже начаты въ лежащемъ предъ вами 5-мъ выпускѣ „Русской поэзіи" и будутъ закончены въ слѣдующемъ, заключительномъ для перваго тома. Кромѣ самыхъ произведеній и критико-біографическихъ статей, въ „Русской поэзіи" имѣются и библіографическія примѣчанія, составленныя съ терпѣніемъ и стараніемъ, присущими этому мало даровитому, но добросовѣстному собирателю литературныхъ документовъ.

Избранныя русскія сказки (по сборникамъ Аѳанасьева и др.) 3-е изданіе. Москва. 1895. Цѣна 2 р.

Снабженная довольно безтолковымъ предисловіемъ г. Маракуева, трактующаго о значеніи сказокъ, но не умѣющаго выяснить своей мысли, книжка эта содержитъ въ себѣ болѣе 50-ти сказокъ, изъ которыхъ часть позаимствована Богъ вѣсть изъ какихъ сборниковъ. Есть сказки грубыя и непедагогичныя, свидѣтельствующія о томъ, что издатель не сумѣлъ найти достойнаго лица, кому-бы поручить трудное и отвѣтственное дѣло редактированія такой серьезной по своему значенію книги. Напр., въ сказкѣ „Про дурня" малый съѣдаетъ живыхъ котятъ и съ удовольствіемъ пьетъ помои, да еще и похваливаетъ... Издана книга хорошо; но это только внѣшняя сторона, а для украшенія внутренней слѣдовало-бы выбрать другого, т. е. толковаго и образованнаго редактора.

Мой акваріумъ. Составилъ для дѣтей *Ю. Н. Вагнеръ*, приватъ-доцентъ с.-петербургскаго университета. Изданіе журнала „Игрушечка". Спб. 1895 г. Цѣна 1 руб. Стр. 148.

Прекрасная книга молодого ученаго представляется намъ вполнѣ воспитательною. Онъ и самъ напоминаетъ въ предисловіи къ ней, что воспитаніе животныхъ всегда оказываетъ на характеръ и на развитіе ребенка благотворное вліяніе, поддерживая въ дѣтяхъ живыхъ и любознательныхъ интересъ и любовь къ природѣ, а въ вялыхъ и апатичныхъ пробуждая таковой интересъ, оживляя ихъ и этимъ самымъ помогая ихъ развитію. Въ семи очеркахъ, написанныхъ прекраснымъ, простымъ, ясвымъ, живымъ, образцовымъ языкомъ, авторъ разсказываетъ про Сережу и Наташу, которые подъ руководствомъ своего дяди совершаютъ экскурсіи въ поискахъ за водяными животными и растеніями, устраиваютъ акваріумъ, слѣдятъ за жизнью всего этого маленькаго мірка, за разными превращеніями, видоизмѣненіями, ведутъ дневникъ, — словомъ, отдаются всецѣло этому заинтересовавшему ихъ и притомъ весьма содержательному, полезному дѣлу. Въ концѣ этой книги приложенъ обильный списокъ книгъ, могущихъ служить дополненіемъ ея и пособіемъ для каждаго, кто заинтересовался-бы соотвѣтствующими отдѣлами зоологіи и ботаники, — списокъ, блещущій именами Брема, Дарвина, Мензбира и др., а въ заключеніе г. Вагнеръ указываетъ на книжку г. Золотницкаго „Акваріумъ любителя", что, конечно, дѣлаетъ честь его безпристрастію.

Редакція „Игрушечки", повидимому, приложила всѣ старанія, чтобы и внѣшность этой книги соотвѣтствовала ея прекрасному содержанію: хорошая бумага, четкій шрифтъ, множество рисунковъ, удачно иллюстрирующихъ текстъ, и цѣна, сравнительно съ изящною внѣшностью книги, не высокая.

Зоологическій садъ. Очерки и нравы животныхъ въ картинахъ. Москва. 1895 г.

Ничего подобнаго предыдущей книгѣ. Москва-матушка, со своимъ лубкомъ, сказалась тутъ въ значительной мѣрѣ. До 30 таблицъ съ грубо-намалеванными звѣрями, а къ нимъ кой-какъ составленный отрывочный текстъ. Такихъ книгъ, разсчитанныхъ не столько на научное развитіе дѣтей, сколько на доставленіе имъ забавы въ видѣ перелистыванія книжки и разглядыванія картинокъ, — существуетъ у насъ нѣсколько и въ изданіи Вольфа, и Девріена, и Берндта, такъ что новая ничего путнаго къ прежнимъ собою не прибавитъ.

II. МЕДИЦИНА И ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Профессоръ *Генрихъ Гойеръ*. **Мозгъ и мысль.** Перев. съ польскаго, съ разрѣш. автора. Изд. журн. «Научное Обозрѣніе». Спб. 1895 г. 95 стр. Цѣна 1 р.

Профессоръ Гойеръ удачно разрѣшилъ трудную задачу—изложить въ небольшомъ популярномъ очеркѣ такой въ высшей степени сложный предметъ, какъ анатомія и физіологія центральной нервной системы.

Чтобы представить въ возможно простомъ видѣ строеніе головного мозга высшихъ животныхъ и человѣка, онъ пользуется данными изъ области эмбріологіи и сравнительной анатоміи; такимъ образомъ читатель, идя отъ простого къ болѣе сложному, постепенно уясняетъ себѣ сложнѣйшій механизмъ нервной системы человѣка, какъ развитіе весьма простой и удобопредставляемой формы. Тотъ-же методъ примѣненъ и къ описанію физіологическихъ процессовъ. По части спеціальной физіологіи нервной системы болѣе или менѣе обстоятельно разобраны явленія рефлекса и образованіе ощущеній. Подробнѣе изложены опыты и клиническія наблюденія, касающіяся участія различныхъ отдѣловъ мозга въ опредѣленныхъ психическихъ отправленіяхъ или такъ-называемой локализаціи психическихъ функцій. Что касается собственно психическихъ явленій, какъ процессовъ, то для объясненія ихъ нашъ авторъ не имѣетъ опредѣленной теоріи, если не считать теоріей неопредѣленнаго воззрѣнія на сущность нервнаго процесса, какъ на родъ движенія; его объясненія памяти, воображенія, возникновенія представленій и пр. основываются больше на сравненіяхъ, чѣмъ на прямыхъ научныхъ данныхъ, и, по нашему мнѣнію, въ этой области имъ сдѣлано и болѣе, и менѣе того, на что давало ему право современное состояніе физіологіи. Анатомическая часть труда пр. Гойера разработана весьма обстоятельно и систематично; она занимаетъ большую часть его книги и придаетъ ей главный интересъ. Единственное, что можно поставить въ вину автору—это излишнее довѣріе къ микроскопическимъ картинамъ, полученнымъ съ помощью метода Гольджи и къ теоріи неврозовъ—теоріи, весьма мало доказанной, по крайней мѣрѣ на нашъ взглядъ, и покамѣстъ совершенно безплодной. Правда, это увлеченіе составляетъ принадлежность и болѣе серьезныхъ работъ пр. Гойера—извѣстнаго спеціалиста по микроскопической анатоміи мозга, и какъ ученый, онъ, конечно, вправѣ довѣрять или не довѣрять чьимъ угодно наблюденіямъ и теоріямъ: но отъ популяризатора требуется побольше осторожности.

Во всякомъ случаѣ, трудъ проф. Гойера заслуживаетъ полнаго вниманія. Авторъ съ рѣдкимъ умѣньемъ изложилъ вполнѣ общедоступно предметъ весьма трудный и въ то-же время крайне важный и интересный по своему внутреннему значенію. Его изложеніе сжато и содержательно. Переводъ удовлетворителенъ. Русское изданіе снабжено многими рисунками, уясняющими текстъ; къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ нихъ ни на что не похожи, напр. разрѣзъ сѣтчатки глаза на стр. 62.

Алкогольная хилость и недолговѣчность современнаго человѣчества. Составилъ д-ръ *Р. К. Коппе.* Москва. 1894.

Выступая горячимъ и безусловнымъ противникомъ алкоголя во всѣхъ его видахъ, д-ръ Коппе разсматриваетъ причины алкоголизма и предлагаетъ не отнятіе алкоголя или запрещеніе его производства, а рядъ культурныхъ мѣръ, улучшающихъ современныя общественныя бѣдствія. «Въ предстоящей міровой борьбѣ за освобожденіе отъ угнетающаго человѣчество алкогольнаго ига—пишетъ онъ—дѣло идетъ, конечно, не только о борьбѣ съ физическими недугами, но и о борьбѣ противъ матеріальной нужды и бѣдствія широкихъ слоевъ работающаго населенія—о борьбѣ противъ умственнаго, духовнаго и нравственнаго неблагополучія, противъ религіознаго одичанія народовъ, противъ разврата, противъ преступности». Впечатлѣніе, оставляемое брошюрой, до нѣкоторой степени портится, благодаря тяжелому, бьющему на оригинальность, слогу. Такія выраженія, какъ „содѣлывать организмъ здоровымъ" (6), „окачествованіе" (23), „краткожизненность", „тѣлоразвитіе" (42), „сверхнормальная истощительная консумпція" (43) и т. п. попадаются на каждомъ шагу.

Объ алкоголизмѣ. Рѣчь д-ра *П. Н. Коновалова.* Красноярскъ. 1895.

Д-ръ Коноваловъ тоже принадлежитъ къ убѣжденнымъ противникамъ алкоголя. Появленію такой толковой и интересной брошюры на восточной окраинѣ Россіи, вдали отъ какихъ-бы то ни было «центровъ», нельзя искренно не порадоваться. Во всѣхъ закоулкахъ Россіи раздается живое, правдивое слово о вредѣ алкоголя. Быть можетъ, оно скоро войдетъ въ сознаніе общества, и страшный вредъ, который приноситъ народу алкоголизмъ, будетъ хоть до нѣкоторой степени парализованъ. Симпатичный примѣръ, поданный г. Коноваловымъ, конечно, заслуживаетъ полнаго сочувствія и подражанія.

Д-ръ *Ф. Л. Германъ.* **Какъ лѣчились московскіе цари** (Медико-историческій очеркъ). Кіевъ. 1895. Ц. 40 к.

Очеркъ д-ра Германа представляетъ рядъ интересныхъ свѣдѣній о положеніи врачей въ Московской Руси. Положеніе это было печальное, оскорбительное и даже прямо опасное, Цари не принимали изъ ихъ рукъ лѣкарствъ, боясь отравы, часто отдавали предпочтеніе лѣкарствамъ, которыя совѣтовали примѣнять не врачи, а бояре, и, наконецъ, въ случаѣ неудачнаго исхода болѣзни какой-нибудь особы, пользованной врачемъ, этотъ послѣдній подвергался смертной казни. Не мудрено поэтому, что иноземные врачи пріѣзжали въ Россію не очень охотно, несмотря на щедрое жалованье и соблазнительную роль «придворнаго врача», обязаннаго лѣчить только царя и близкихъ ему особъ...

Въ брошюрѣ приведены нѣсколько интересныхъ „протоколовъ" о лѣченіи той или другой болѣзни, свѣдѣнія о совѣща-

ніяхъ врачей въ трудныхъ случаяхъ, рецепты противъ разныхъ болѣзней

Д-ръ *К. Евграфовъ*. **О важнѣйшихъ причинахъ душевныхъ болѣзней.** Пенза. 1895.

Авторъ знакомитъ читателей съ вліяніемъ наслѣдственности и алкоголизма на происхожденіе душевныхъ болѣзней. О значеніи въ томъ-же отношеніи сифилиса не говорится ничего, зато сильно преувеличено вліяніе «борьбы за существованіе». Въ августовской книжкѣ «Сѣв. Вѣстн.», разбирая брошюру А. Я. Боткина, мы привели его мысль, что цивилизація не вліяетъ на число душевно-больныхъ. Д-ръ Евграфовъ держится другого мнѣнія, но его доводы мало убѣдительны. Истощеніе въ непосильной борьбѣ, огорченія—все это можетъ конечно служить *поводомъ* для развитія душевной болѣзни у лицъ, уже предрасположенныхъ къ ней, у лицъ съ расшатанной нервной системой. Намъ кажется, что авторъ самъ не твердо увѣренъ въ причинной зависимости душевныхъ болѣзней отъ жизненныхъ неудачъ: по крайней мѣрѣ, на стр. 7 онъ полемизируетъ противъ убѣжденія будто-бы «душевныя болѣзни обусловливаются какою-нибудь одной причиной, преимущественно какимъ-нибудь однократнымъ нравственнымъ потрясеніемъ» и т. д. Итакъ, самъ д-ръ Евграфовъ смотритъ на эти потрясенія, какъ на *поводы*... зачѣмъ же тогда ставить эти «поводы» на ряду съ наслѣдственностью и алкоголизмомъ и отчего не упомянуть о вліяніи сифилиса?

Въ общемъ брошюра читается съ интересомъ.

Къ исторіи эпидемій древняго міра. Диссертація *А. Н. Устинова*, прозектора Имп. моск. воспит. дома. Москва. 1894 г. 129 стр.

Диссертація г. Устинова съ равнымъ правомъ—или точнѣе съ равнымъ отсутствіемъ права — могла-бы носить какое угодно другое заглавіе: въ ней не наберется и десяти страницъ, имѣющихъ отношеніе къ исторіи эпидемій древняго міра. Самъ авторъ видитъ значеніе своего труда въ приложеніи точки зрѣнія Н. И. Пирогова къ объясненію общеизвѣстнаго факта—связи между войнами и эпидеміями. Но это, во-первыхъ, сдѣлано самимъ Н. И. Пироговымъ въ его классическихъ общеизвѣстныхъ и общедоступныхъ трудахъ, а во-вторыхъ—все сказанное по данному поводу г. Устиновымъ умѣстилось-бы въ коротенькой журнальной замѣткѣ. На самомъ дѣлѣ, значеніе труда г. Устинова совсѣмъ иное: просто ему нужно было написать диссертацію приличнаго объема, и онъ, не тратя много своихъ словъ, сшилъ ее буквально всю изъ длиннѣйшихъ выписокъ (изъ Пирогова и другихъ авторовъ), касающихся этіологіи заразныхъ болѣзней, исторіи бактеріологіи, исторіи антисептики, клинической, госпитальной и полевой практики и другихъ вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ обширной области медицины. Авторъ усвоилъ себѣ ясные, здравые взгляды на свой предметъ и обладаетъ значительной начитанностью; тѣмъ не менѣе его диссертація научнаго значенія не имѣетъ.

Д-ръ *Н. Л. Зеландъ*. **Здоровье и счастье** Москва. 1895 г. 542 стр. Цѣна 2 р.

Д-ръ Зеландъ — безусловный послѣдователь нравственно-діэтетическаго ученія, связаннаго съ именемъ гр. Л. Н. Толстого. Онъ видитъ залогъ счастья въ самосовершенствованіи, проповѣдуетъ воздержаніе во всѣхъ его видахъ, закаливаніе тѣла и души трудомъ и лишеніями, вегетаріанство и, наконецъ, посты. Большая часть заключеній д-ра Зеланда основана на его собственныхъ опытахъ и наблюденіяхъ, поставленныхъ вполнѣ научно, и хотя нельзя признать за его изслѣдованіями рѣшающаго значенія, тѣмъ не менѣе они придаютъ его книгѣ серьезный научный и практическій интересъ.

Д-ръ *А. Виларе*. **Энциклопедическій медицинскій словарь**. Перев. съ нѣм. подъ ред. проф. И. Р. Тарханова. Спб. 1892 - 1894. 3 тома.

Десятки извѣстныхъ иностранныхъ и русскихъ фамилій на заглавномъ листѣ словаря, рекламирующее предисловіе автора, изъ котораго видно, что словарь „уже съ первыхъ выпусковъ нашелъ у врачей превосходный пріемъ", наконецъ, солидный видъ словаря (въ немъ болѣе 5,000 столбцовъ) способны внушить довѣріе провинціальнымъ врачамъ, особенно сильно нуждающимся въ таковомъ справочномъ словарѣ. Болѣе близкое знакомство со словаремъ Виларе заставляетъ насъ, однако, признать его неудовлетворительнымъ для лицъ, обладающихъ *среднимъ* запасомъ свѣдѣній по различнымъ отдѣламъ медицины. Въ немъ можно найти лишь тѣ указанія, которыя каждый легко отыщетъ въ соотвѣтственномъ учебникѣ. Тѣ-же понятія, слова, выраженія, относительно которыхъ врачъ можетъ задуматься, въ какомъ учебникѣ искать ихъ, въ большинствѣ случаевъ не объяснены вовсе.

Самыя статьи подчасъ страдаютъ неполнотой и чрезмѣрной сжатостью (напр. статья голодъ: т. I, стр. 1286), зато подчасъ авторъ находитъ нужнымъ давать объясненія настолько обстоятельныя, какъ-будто словарь составленъ для маленькихъ дѣтей; вотъ напр. начало одной статьи „Кормилица. Лицо *женскаго* (замѣтьте, не мужского, а женскаго) пола, замѣняющее мать въ дѣлѣ (?) кормленія дѣтей" (II, 513). Многія объясненія не отличаются безпристрастіемъ и вносятъ въ энциклопедическій словарь нежелательный элементъ полемики даже противъ отжившихъ взглядовъ: такъ, говоря о краніологіи, авторъ цитируетъ слова Гиртля: "это—ученіе, изобрѣтенное

глупцами для глупцовъ!“ Эта характеристика помѣщена при имени давно умершаго ученаго, увлекшагося идеей о зависимости отдѣльныхъ умственныхъ отправленій отъ внѣшнихъ очертаній черепа (I, 1166). Вѣроятно для того, чтобы смягчить эту рѣзкость, авторъ принялъ подъ свое особое покровительство другое заблужденіе, именно повѣріе о существахъ, являющихся смущать по ночамъ покой особъ другого пола: читатель, просматривающій словарь, непремѣнно натолкнется на это пикантное „энциклопедическое“ свѣдѣніе, потому что на него есть ссылка въ 4 мѣстахъ: въ безсодержательной замѣткѣ *кошмаръ*, при довольно неумѣстномъ въ медицинскомъ словарѣ словѣ *лѣшій* (sic) и др. Если краніологія изобрѣтена „для глупцовъ“, то для кого авторъ привелъ это свѣдѣніе, тѣмъ болѣе излишнее, что вообще отдѣлъ исторіи медицины разработанъ въ словарѣ крайне слабо?

Не будемъ останавливаться на многихъ, совершенно странныхъ опредѣленіяхъ (напр. слово фекальный I, 1085), скажемъ еще только два слова о добавленіяхъ, которыя сдѣланы для русскаго изданія. Здѣсь тоже встрѣчаются большія упущенія. Вовсе нѣтъ напр. статей о земской медицинѣ, народныхъ средствахъ, знахарствѣ, даже въ замѣткѣ о тайныхъ средствахъ не сдѣлано добавленія о значеніи этихъ послѣднихъ для русскихъ деревень и даже городовъ. Зато читатели найдутъ въ словарѣ хвалебную статью о военно-медицинской академіи (III, 1797), и узнаютъ, что она „занимаетъ выдающееся положеніе въ ряду всѣхъ европейскихъ медицинскихъ школъ“ по богатству пособій, обилію и разнообразію клиникъ, а также по „многочисленности преподавательскаго персонала“. Въ этой наивной похвалѣ кроется, повидимому, горькая иронія: не можемъ мы выдаваться качествомъ, такъ будемъ выдаваться хоть количествомъ.

H. Faye. **Происхожденіе міра**, съ добавленіемъ: **Космогоническія теоріи** *К. Вольфа.* Изд. 2-е, В. М. Губинскаго. Спб. 1895.

По величію предмета, по высотѣ построеній, по изяществу изложенія трудъ Фая принадлежитъ къ рѣдкимъ, избраннымъ книгамъ, одинаково драгоцѣннымъ и для спеціалиста, и для средняго образованнаго читателя. Фай не популяризаторъ науки, а ученый; но идеи его общедоступны, потому что онъ ихъ ясно мыслитъ. Благодаря этой ясности мышленія, Фай нигдѣ не смѣшиваетъ области науки и философіи и, строя свои космогоническія гипотезы только на вычисленіяхъ и наблюденіяхъ, онъ въ то-же время сознается, что астрономія не удаляетъ насъ отъ вѣры въ таинственное начало міра, а приближаетъ къ этой вѣрѣ.

Русскій переводъ книги сдѣланъ добросовѣстно, хотя мѣстами нѣсколько тяжело. Редакція перевода, желая сдѣлать книгу доступной не только для образованныхъ читателей, но и для начинающихъ, снабдила ее примѣчаніями, въ которыхъ объясняетъ самыя элементарныя понятія объ эклиптикѣ, эксцентрикѣ и т. д. Конечно, за такія примѣчанія можно-бы поблагодарить редакцію, если-бы при ихъ помощи книга стала на самомъ дѣлѣ доступной для всѣхъ. Но мы сомнѣваемся, чтобы читатель, не знающій, что такое эклиптика, могъ съ пользой прочесть книгу, гдѣ въ текстѣ сохранены математическія формулы и гдѣ латинскія и греческія цитаты оставлены безъ перевода на русскій языкъ (французскія почему-то переведены). Еще большаго упрека заслуживаетъ редакція за то, что, пожелавъ остаться безыменной, она не ограничилась скромною ролью комментатора, а позволяетъ себѣ перебивать рѣчь автора вопросительными и восклицательными знаками и спорить съ нимъ въ примѣчаніяхъ. Такъ, Фай, на основаніи механическихъ и физическихъ законовъ, приходитъ къ заключенію, что жизнь на нашей планетѣ должна современемъ прекратиться, за истощеніемъ солнечной теплоты. Редакція считаетъ нужнымъ спорить противъ автора; она ободряетъ читателя надеждой на то, что солнечная система, въ своемъ поступательномъ движеніи, авось когда-нибудь приблизится къ другой звѣздѣ, которая ей замѣнитъ потухшее солнце. Чтобы читатель могъ утѣшиться этой мыслью, онъ долженъ, прежде всего, знать, кѣмъ она высказана, основана-ли она на точномъ знаніи или продиктована наивнымъ оптимизмомъ. Въ послѣднемъ случаѣ утѣшительнаго въ ней мало.

III. ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Людвигъ Гумпловичъ. **Соціологія и политика.** Перев. съ нѣмецкаго С. Н. Прокоповича. Москва.

Книга эта, претендующая на методологическое значеніе въ области соціологіи и антропологіи, представляетъ одну изъ множества неудовлетворительныхъ попытокъ примирить чисто соціальное объясненіе жизни человѣчества съ государственнымъ. Вслѣдствіе этой двойственности основного взгляда, авторъ нерѣдко впадаетъ въ болѣе или менѣе серьезныя противорѣчія. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ утверждаетъ, что соціологія не можетъ исходить изъ понятія человѣчества (46, 47) и въ другомъ—допускаетъ не только понятіе человѣка и человѣчества, но даже возможности для нихъ прогресса въ исторіи (65). Несерьезными и поверхностными слѣдуетъ признать возраженія автора противъ несомнѣнности въ будущемъ всеобщаго мира или всемірнаго государства, потому-что возраженія эти основаны на отрывочныхъ или разрозненныхъ и притомъ, судя по современному

состоянію человѣчества, ненормальныхъ явленіяхъ человѣческой общественности. Также мало убѣдительно приводимое имъ доказательство отличія общества отъ „простой суммы индивидовъ“, которое онъ усматриваетъ въ томъ, что „фактъ организаціи прибавляетъ нѣкоторое количество силы, необъяснимое изъ суммы индивидуальныхъ силъ“. Авторъ не указываетъ, откуда является этотъ „остатокъ“ или избытокъ общественной силы, тѣмъ болѣе, что въ другомъ мѣстѣ онъ пытается поколебать такъ-называемую „надорганическую теорію общественности“ (Де-Гревъ, Шеффле и Лиліенфельдъ), ибо основаніемъ этой послѣдней теоріи служитъ, по крайней мѣрѣ, тотъ фактъ, что общество состоитъ не только изъ самыхъ человѣческихъ организмовъ, но также изъ продуктовъ ихъ труда. Въ связи съ этимъ находится отрицаніе соціальнаго значенія личности, которая будто-бы до такой степени „поглощается стремленіями общества, что послѣднія становятся независимыми отъ стремленій отдѣльныхъ лицъ“ (79). Въ этомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, авторъ видимо смѣшиваетъ людей, выдающихся изъ толпы своими дарованіями или общественнымъ положеніемъ и сферою дѣятельности, съ людьми заурядными.

D-r. Leo Geller. **Происхожденіе, существо, развитіе и раздѣленіе права.** Пер. съ нѣм. А. Ясѣвскаго.

Оцѣнку значенія этой брошюрки, затрогивающей, несмотря на ничтожность своего объема, одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ общежитія, всего умѣстнѣе выразить отзывами самого автора о взглядахъ на тотъ-же самый вопросъ 2-хъ другихъ ученыхъ: Буркгарда и Карла Менгера. „Уже съ перваго взгляда эта игра мысли обнаруживаетъ свою несостоятельность“ и „Здѣсь мы имѣемъ передъ собою чисто спекулятивную теорію и притомъ возбуждающую сильное сомнѣніе даже въ логической ея правильности“. Право, по мнѣнію Геллера, ни что иное, какъ „политическій и гражданскій порядокъ, заключающійся съ одной стороны въ отношеніяхъ подчиненности гражданъ государственной власти, а съ другой—въ ихъ взаимномъ равенствѣ“. Такъ что для объясненія сущности права авторъ, вмѣсто одного основного принципа, предлагаетъ два разнородныя понятія, подчиненности и равенства, и остается совершенно непонятнымъ, къ какому общему научному положенію или закону можетъ быть приведено все разнообразіе правовыхъ идей и понятій.

Дмитрій Дриль. **Преступность и преступники** Юридическая библіотека. Изд. Я. Канторовича. № 5. Спб. 1895 г.

Въ первой половинѣ своей монографіи г. Дриль подробно и съ знаніемъ дѣла разсказываетъ исторію возникновенія современной антропологіи и излагаетъ дѣятельность четырехъ бывшихъ до сихъ поръ международныхъ уголовно-антропологическихъ конгрессовъ. На брюссельскомъ конгрессѣ, между прочимъ, и самъ авторъ прочелъ докладъ, имѣвшій, по его разсказу, значительный успѣхъ.

Во второй половинѣ книги г. Дриль показываетъ, что онъ не даромъ измѣнилъ классической уголовной наукѣ для антропологіи и самъ пытается двигать эту науку. Авторъ ставитъ себѣ вопросъ: какими органическими (а не психологическими, какъ думала старая наука) причинами обусловливается убійство? И авторъ неожиданно заявляетъ, что органическую почву, на которой развивается стремленіе къ убійству, слѣдуетъ искать ни въ чемъ иномъ, какъ въ половомъ чувствѣ: „половая нервная система есть тотъ первичный центръ, изъ котораго исходятъ раздраженія и въ которомъ берутъ начало общіе оттѣнки самочувствія, служащія основаніемъ кровожадныхъ настроеній и болѣе или менѣе напряженныхъ влеченій къ крови, мучительству и убійству“. Для доказательства такой оригинальной идеи авторъ прибѣгаетъ къ методу еще болѣе оригинальному. Весь свой клиническій и тюремный матеріалъ онъ располагаетъ въ нисходящемъ рядѣ, такъ что сперва описываются субъекты, у которыхъ связь между жестокими поступками и половыми извращеніями очевидна, затѣмъ слѣдуютъ случаи, гдѣ эта связь менѣе очевидна, и, наконецъ, такіе, гдѣ эта связь отсутствуетъ или, по выраженію автора, „замаскирована“.

Вѣрно-ли основное положеніе г. Дриля или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ избранный имъ методъ доказательствъ никуда не годится. Такимъ образомъ можно доказать что угодно, хотя-бы то, что органическая причина хромоты есть слѣпота. Для этого достаточно собрать побольше клиническаго матеріала и расположить его такъ, чтобы на первомъ планѣ фигурировали безногіе слѣпцы, а затѣмъ безногіе кривые и, наконецъ, безногіе прочіе, т. е. съ замаскированной слѣпотой.

Такими методами едва-ли можно двигать впередъ науку. Да и наука-ли это?

Карлъ Каутскій. **Очерки и этюды.** Спб. 1895.

Каутскій—несомнѣнно блестящій писатель, остроумный и, главное, безъ предразсудковъ. Явись онъ раньше, хотя-бы въ 60-е годы, когда всѣ „предразсудки“, вродѣ искусства, философіи и религіи, были сданы у насъ въ архивъ, переводъ этого сочиненій имѣлъ-бы у насъ огромный успѣхъ. Каутскій понялъ, что роль идей въ исторіи человѣчества самая ничтожная, что всѣ наши чувства и мысли объясняются причинами естественно-научными и, главное, экономическими! Человѣку кажется, что въ его душѣ живетъ таинственное нравственное чувство, симпатія, голосъ долга, но исторія гораздо проще. Чтобы понять наши

этическіе идеалы, нужно изучить общественные инстинкты дикарей, а для пониманія послѣднихъ достаточно взглянуть на жизнь павіановъ, бобровъ и ласточекъ. Тамъ-то и тогда-то ласточки спасли запутавшуюся въ сѣти подругу. Въ другомъ мѣстѣ павіанъ, съ опасностью для жизни, спасъ отъ охотничьихъ собакъ молодую обезьяну. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ зародышемъ нравственнаго чувства, а съ самою нравственностью, такъ долго казавшеюся метафизикамъ загадочною. Мы, люди, уже унаслѣдовали эту готовую нравственность, въ видѣ инстинкта, отъ дикарей и павіановъ. По этому методу, съ равнымъ успѣхомъ можно-бы доказать, что современному архитектору только кажется, что онъ изучилъ законы строительства и руководится исканіемъ какой-то загадочной красоты; на самомъ дѣлѣ, то и другое онъ получилъ въ видѣ готоваго инстинкта отъ пчелъ, бобровъ и пауковъ.

Чѣмъ дальше Каутскій подвигается въ изученіи исторіи людей, тѣмъ смѣлѣе и своеобразнѣе становятся его взгляды. Возрожденіе искусства въ средніе вѣка и движеніе гуманизма обязаны ни чему иному, какъ новымъ формамъ товарнаго производства, которыя не способствовали расцвѣту новыхъ идей, а сами-таки „создали новое содержаніе мышленія“. Экономическія условія (морской путь въ Индію и т. д.) такъ сложились, что для богатой Италіи, Франціи и Испаніи папское владычество являлось благомъ, а для бѣдной Германіи и Шотландіи—экономическимъ бичемъ. *Вотъ почему* въ первыхъ странахъ процвѣталъ гуманизмъ, а въ послѣднихъ—возникла реформація. Вотъ почему Дантъ былъ сторонникомъ власти императора. Положимъ, къ реформаціи пристала и богатая Англія; положимъ, Саванаролла проповѣдывалъ противъ злоупотребленій папской власти въ предѣлахъ богатой Италіи. — но эти явленія авторъ оставляетъ безъ вниманія. Не разъясняетъ онъ также, какъ именно новое товарное производство отразилось на картинахъ Рафаэля и да-Винчи. А это было-бы очень любопытно.

Можно жалѣть, что Каутскій не посвятилъ своихъ блестящихъ способностей всецѣло сравнительной этнографіи. Его страницы, написанныя о бытѣ дикарей, объ эксплоатаціи ихъ европейцами, дышатъ талантомъ и большой нравственной силой. Но, разсуждая гуманно о дикаряхъ, Каутскій, къ сожалѣнію, высказываетъ о гуманизмѣ довольно дикіе взгляды.

Переводъ сдѣланъ старательно и съ любовью къ дѣлу.

Краткій обзоръ русской исторіи. (Курсъ городскихъ училищъ). Составилъ *А. И. Сальниковъ.* Изданіе книгопродавца В. И. Губинскаго. Спб. 1895. Цѣна 25 к. Стр. 91.

Насколько многіе изъ учебниковъ, назначенные для начальныхъ школъ, можно упрекнуть въ излишней растянутости, настолько этотъ, предназначенный для училищъ болѣе высокаго типа, а именно для городскихъ, слѣдуетъ упрекнуть въ краткости. Напрасно г. Сальниковъ полагаетъ, что такимъ сухимъ конспектомъ можно „пробудить въ ученикахъ интересъ къ занятіямъ отечественной исторіей и содержаніемъ курса дѣйствовать на воображеніе, на облагороженіе нравственнаго чувства учениковъ, на пробужденіе и укрѣпленіе въ нихъ любви къ отечеству“. Большая ошибка! Это не болѣе, какъ голый перечень фактовъ, именъ и годовъ, и ничего, кромѣ обремененія памяти учащихся, такая книжка не можетъ повлечь собою. Гдѣ ужъ тутъ развитіе воображенія, когда географическій обзоръ Россіи занимаетъ всего 13 строкъ? гдѣ ужъ облагороженіе нравственнаго чувства учащихся, когда такія многознаменательныя въ воспитательномъ отношеніи историческія явленія, какъ освободительныя реформы Александра II, изложены на полстраничкѣ? Словомъ, ничего эта книжка не можетъ дать, кромѣ тяготы для памяти, какъ все, что воспринимается способомъ исключительнаго зубренія.

Рудольфъ Іерингъ. **Борьба за право.** Переводъ О. А. Верта съ 11-го посмертнаго нѣмецкаго изданія подъ редакціей М. И. Свѣшникова. Спб 1895.

Брошюра Іеринга пользуется рѣдкой и вполнѣ заслуженной популярностью. До сихъ поръ она почти каждый годъ выходила новымъ изданіемъ на нѣмецкомъ языкѣ и переведена на всѣ европейскіе языки и нарѣчія, не исключая даже сербскаго и румынскаго. На русскій языкъ она была переведена дважды и теперь является третій, но первый *полный* переводъ. Распространеніе брошюры Іеринга среди русской читающей публики имѣло-бы весьма важное воспитательное значеніе. Іерингъ въ этой брошюрѣ энергично возсталъ противъ той теоріи зарожденія и развитія права, которая была пущена въ оборотъ школой Савиньи—Пухты. Какъ извѣстно, эта школа отождествляла условія возникновенія и развитія права съ условіями образованія и развитія языка. Она признавала, что право возникаетъ и развивается незамѣтно, безболѣзненно и безъ всякой борьбы. Такая доктрина можетъ быть обсуждаема съ точки зрѣнія теоріи и практической политики и въ томъ и другомъ отношеніи она уже давно дискредитирована. «Фальшивое, но безопасное, какъ теорія, это ученіе,—говоритъ Іерингъ,—является однимъ изъ крайне опасныхъ заблужденій для политики потому, что оно своей обольстительностью обезсиливаетъ человѣка въ той области, гдѣ онъ долженъ дѣйствовать съ полнымъ и яснымъ сознаніемъ, напрягая всѣ свои силы». По этой теоріи остается сидѣть сложа руки и ждать у моря погоды, т. е. посте-

печнаго развитія права изъ самого себя, изъ первоисточника національнаго правосознанія. По мнѣнію Іеринга, развитіе права, наоборотъ, есть борьба за право, борьба интересовъ, отжившихъ свое право на признаніе, съ интересами, пріобрѣтающими право на признаніе и защиту. „Кто превращаетъ себя въ червяка, — говорилъ Кантъ,—тотъ не долженъ жаловаться, что его топчутъ ногами". Это правило должны помнить не только частныя лица, но и цѣлые народы, и оно на разныя манеры популярно выясняется въ брошюрѣ Іеринга. Опытъ съ распространеніемъ брошюры Іеринга покажетъ, насколько русскій «первоисточникъ права»—такъ-называемое національное правосознаніе обнаруживаетъ стремленіе къ нѣкоторому освѣженію. Считаемъ, однако, нужнымъ замѣтить, что переводъ брошюры Іеринга и предисловіе къ ней являются весьма энергичнымъ протестомъ противъ русскаго языка и изложенія мыслей на русскомъ языкѣ. Кто тутъ виноватъ: переводчикъ или редакторъ—судить не беремся.

Александровъ. **Феодальное земство.** Спб. 1895. Ц. 60 к.

Г. Александровъ написалъ „отвѣтъ" губернатору Зиновьеву на его „Опытъ изслѣдованія земскаго устройства Лифляндской губерніи". Г. Александровъ признаетъ, что г. Зиновьевъ въ своемъ „Опытѣ" продаетъ оптомъ и въ розницу русскіе интересы и интересы крестьянъ въ прибалтійскомъ краѣ. Въ этой тенденціи г. Александровъ видитъ главную причину того, что „Опытъ" г. Зиновьева наполненъ всякаго рода натяжками, историческими ошибками и предвзятыми сужденіями. Г. Зиновьевъ, прочитавъ „Феодальное земство" г. Александрова, могъ-бы упрекнуть его въ продажѣ настоящихъ русскихъ крестьянскихъ интересовъ уже въ самой Россіи и выписать всѣ допущенныя съ этой цѣлью историческія ошибки, натяжки и предвзятыя сужденія. Г. Александровъ, возмущающійся дворянскими проектами г. Зиновьева, составленными для прибалтійскаго края, находитъ совершенно нормальнымъ и справедливымъ господство дворянства въ мѣстномъ управленіи Россіи. „Преобладаніе въ мѣстномъ управленіи русскаго дворянства,—говоритъ г. Александровъ,—зиждется на особаго рода нравственныхъ правахъ, составляющихъ его неотъемлемое историческое стяжаніе. Основаніе силы русскаго дворянства—историческое преданіе, воспитавшее въ немъ привычку и духъ служенія всегда интересамъ русскимъ государственнымъ и народнымъ"!.. Нечего сказать, хорошъ фруктъ – этотъ г. Александровъ Нравственныя права, составляющія неотъемлемое историческое стяженіе русскаго мужика, г. Александровъ, вами отчуждаются слишкомъ самовольно!

Н. Логашевъ. **По вопросамъ, связаннымъ съ задачами и дѣятельностью министерства земледѣлія.** Спб. 1895 г. Ц. 75 к.

Читатели «Сѣв. Вѣстн.» изъ рецензіи на первую работу г. Логашева («Нѣсколько словъ о крупномъ землевладѣльческомъ хозяйствѣ») знаютъ, что онъ, будучи управляющимъ въ разныхъ экономіяхъ, пріобрѣлъ рѣдкую практическую подготовку для обсужденія разныхъ сельскохозяйственныхъ вопросовъ. Въ ряду нашихъ писателей зеклевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ онъ представляетъ счастливое исключеніе. Ставъ самъ землевладѣльцемъ, г. Логашевъ ссудъ не проситъ и рецептовъ не сочиняетъ для „наискорѣйшаго подпятія главной отрасли отечественной промышленности". Все это рецептурное и прожектерское направленіе русской текущей сельскохозяйственной литературы ему остается совершенно чуждымъ. Онъ занятъ мужикомъ и мужицкимъ хозяйствомъ, внѣ нуждъ котораго онъ не видитъ государственныхъ сельскохозяйственныхъ интересовъ. И тутъ онъ не напираетъ на улучшеніе породъ крестьянскего скота при отсутствіи условій для сохраненія какого-бы то ни было скота, не предается мечтамъ о благихъ послѣдствіяхъ улучшенной сохи и дешевой косы, а ближе подходитъ къ сути дѣла и корню бѣдствій. „Первое и безспорное условіе для прогресса народнаго хозяйства—говоритъ г. Логашевъ,—*это благопріятныя данныя для его развитія.* Безъ нихъ всегда будутъ на лицо болѣзненныя явленія, выражающіяся въ той или другой формѣ". Разъ благопріятныхъ данныхъ для развитія не имѣется, то и разнымъ мечтамъ предаваться не стоитъ. „Полный разцвѣтъ государственно-экономической жизни не можетъ наступить при самомъ широкомъ развитіи какой-нибудь одной промышленности или производства и *застоѣ въ другихъ сторонахъ народной жизни*". Жаль только, что г. Логашевъ иногда самъ затемняетъ эту простую идею. Онъ увлекается однимъ моднымъ рецептомъ, чудодѣйственно изгоняющимъ бѣдность и насаждающимъ богатство. По этому рецепту нужно изъ нищихъ крестьянъ составлять земледѣльческія артели. Побывъ нѣкоторое время артельными нищими, они какъ-то тѣмъ самымъ превращаются въ исправныхъ домохозяевъ и на горизонтѣ рисуется картина новыхъ податныхъ силъ. Хорошій идеалъ... Земледѣльческія артели, безспорно, симпатичная форма земледѣльческаго производства, но—выражаясь словами г. Логашева—«при застоѣ въ другихъ сторонахъ народной жизни», на симпатичныхъ формахъ производства далеко не уѣдешь.

Фридрихъ Энгельсъ **Происхожденіе семьи, частной собственности, государства.** Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія. Спб. Изд. 3-е. Ц. 1 р.

Эта брошюра Энгельса, видимо, пользуется весьма благосклоннымъ вниманіемъ

русской читающей публики, такъ какъ въ самый короткій срокъ выходитъ уже 3-мъ изданіемъ. Какъ извѣстно, три четверти брошюры Энгельса носятъ чисто компилятивный характеръ, а происхожденіе семьи, развитіе разныхъ брачныхъ формъ и т. д. изложено прямо по извѣстной капитальной работѣ Моргана «Первобытное общество». Самъ Энгельсъ никогда не думалъ скрывать компилятивный характеръ своей работы и прямо заявлялъ, что книга Моргана лежитъ въ основаніи его брошюры. Все это, конечно, не отнимаетъ тѣхъ достоинствъ брошюры Энгельса, благодаря которымъ она получила весьма широкое распространеніе. Популярное и ясное изложеніе, не лишенное оригинальныхъ сопоставленій, встрѣчается не у многихъ авторовъ.

Энгельсъ, воспользовавшись Морганомъ, думалъ въ своей брошюрѣ дать оправданіе такъ-называемой (несовсѣмъ правильно) теоріи экономическаго матеріализма. Нѣкоторые изъ выдающихся сторонниковъ этой теоріи не признаютъ за брошюрой Энгельса какого-нибудь серьезнаго значенія. Лоріа, напр., такъ прямо ее игнорируетъ во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ о семьѣ, собственности и государствѣ. Самъ Энгельсъ, повидимому, не всегда отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ намѣченной цѣли. Такъ, онъ говоритъ, что „государство не есть навязанная обществу извнѣ власть; оно есть также, какъ увѣряетъ Гегель, дѣйствительность нравственной идеи, изображеніе и дѣйствительность разума". Быть можетъ, Гегель и правъ съ своей точки зрѣнія, но Энгельсъ тутъ виноватъ предъ тѣмъ самымъ экономическимъ матеріализмомъ, для оправданія котораго онъ рѣшилъ написать свою брошюру.

IV. ПЕДАГОГИКА.

Элементарный учебникъ церковно-славянскаго языка для начальныхъ народныхъ училищъ. Составилъ *А. Гусевъ.* Изданіе 3-е, книгопродавца А. Д. Ступина. Москва. 1895.

Для своей необширной цѣли, т. е. для чтенія только въ начальной народной школѣ учебникъ г. Гусева составленъ через-чуръ обширно. Можно опасаться, что нѣкоторые недальновидные учителя (а такихъ немало въ нашихъ школахъ) зададутся намѣреніемъ прочитать съ учениками непремѣнно всю книжку г. Гусева (а въ ней 179 страницъ) и такимъ образомъ вытѣснятъ всякія другія занятія роднымъ языкомъ, учениковъ-же своихъ засушатъ славянщиной, которая, право-же, не такъ нужна школьникамъ, какъ знаніе живыхъ и жизненныхъ образцовъ изъ нашихъ лучшихъ писателей. Достоинство каждаго *элементарнаго* учебника должно непремѣнно заключаться, между прочимъ, въ его краткости, и напрасно г. Гусевъ, превративъ III-й отдѣлъ своей книги въ обширную церковно-славянскую хрестоматію, полагаетъ, будто на урокахъ грамматики дѣти станутъ проникаться „глубоко-религіознымъ чувствомъ". Оно можетъ возбуждаться живою бесѣдою преподавателя, но отнюдь не аористами и знаками препинанія... Во всемъ остальномъ книга г. Гусева очень хороша. Въ первыхъ двухъ отдѣлахъ матеріалъ расположенъ правильно, систематично и подкрѣпленъ обильными (а для недальновидныхъ учителей даже слишкомъ обильными) примѣрами. Но непонятно, почему г. Гусевъ, отвергая грамматическую номенклатуру и терминологію и во II-мъ отдѣлѣ вовсе не давая никакихъ терминовъ, въ I-мъ, напротивъ, предлагаетъ множество терминовъ и притомъ весьма неважныхъ, напр. всевозможныхъ надстрочныхъ знаковъ. Поясняя затѣмъ эти знаки и ихъ употребленіе, авторъ забылъ самое важное—указать на ихъ происхожденіе отъ греческаго письма, чѣмъ только и можно объяснить присутствіе въ церковно-славянскомъ письмѣ удареній и придыханій. Итакъ, сократить этотъ учебникъ елико возможно, по крайней мѣрѣ, впятеро—и сравнять нѣкоторые недосмотры,—вотъ что необходимо для слѣдующаго изданія, чтобы сдѣлать изъ книги нѣчто доступное *начальной школѣ.* Нельзя не обратить вниманія на внѣшній видъ изданія этой книжки, доведенный, благодаря прекраснымъ шрифтамъ московской синодальной типографіи, до изящества, чѣмъ не отличается ни одинъ изъ существующихъ нынѣ учебниковъ такого рода.

Начатки теоріи музыки. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Ал. С. Фаминцынъ.* Спб. 1895. Ц. 85 к.

Авторъ, пользующійся почтенной и заслуженной репутаціей въ нашемъ музыкальномъ мірѣ, составилъ свой учебникъ примѣнительно къ программѣ курса элементарной теоріи музыки, предположеннаго для среднихъ учебныхъ заведеній, вслѣдствіе чего въ него вошли нѣкоторые отдѣлы, обыкновенно не включаемые въ руководство элементарной теоріи, напр., ученіе объ аккордахъ, ихъ обращеніяхъ и примѣненіи, о модуляціяхъ, строяхъ и т. п. Изложеніе всюду ясное и точное, сообщаемыя свѣдѣнія систематизированы раціонально и послѣдовательно; обиліе примѣровъ, поясняющихъ правила, составляетъ также немаловажное достоинство учебника. Что касается монохорда, придуманнаго авторомъ для болѣе нагляднаго объясненія учащимся лѣстницы звуковъ, то врядъ-ли въ немъ была особая надобность, и авторъ самъ принужденъ указать, что лѣстница звуковъ въ точности воспроизводится клавишами фортепіано, а такъ какъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе нигдѣ не будетъ вестись безъ помощи фортепіано, то введеніе монохорда представ-

ляется излишнимъ. Самоучкамъ-же не помогутъ никакіе монохорды и учебники, такъ какъ изучать съ пользой теорію музыки хотя-бы и элементарную, можно лишь подъ практическимъ руководствомъ опытнаго преподавателя. Учебникъ г. Фаминцына, изданный весьма опрятно, одобренъ совѣтомъ петербургской консерваторія, ученымъ комитетомъ м-ва нар. просв., учебнымъ комитетомъ и училищнымъ совѣтомъ при св. синодѣ.

Проектъ руководства къ преподаванію музыки ученикамъ и ученицамъ, въ періодѣ времени курса среднихъ учебныхъ заведеній. *В. С. Щевича.* Иркутскъ. 1895.

Авторъ необыкновенно высокаго мнѣнія о музыкѣ! „Печать безжизненности,—говоритъ онъ,—тяжелымъ камнемъ лежитъ на наукѣ. Пустите къ центру наукъ музыку, и камень свалится“ (стр. 5). Въ то-же время, по его мнѣнію, главная цѣль музыки—„образованіе слуха на напѣвахъ“ (?), для чего онъ руководителями изъ русскихъ композиторовъ предлагаетъ... Варламова, Булахова, Гурилева, Дерфельдта (стр. 57). Онъ съ пламеннымъ паѳосомъ говоритъ о Пиѳагорѣ и, ничтоже сумняшеся, сочиняетъ, будто-бы тотъ „за 560 лѣтъ до Р. Х. произнесъ слово „гамма“, и вотъ текутъ тысячелѣтія и до сихъ поръ никто не посмѣлъ замѣнить это слово какимъ-либо другимъ“ (стр. 16). Г. Щевичъ знаетъ о Пиѳагорѣ, очевидно, лишь по наслышкѣ, а о греческой музыкѣ и представленія не имѣетъ. Невѣжество, во всякомъ случаѣ, болѣе простительное, чѣмъ то, которое заставляетъ его увѣрять, что „геніальные Моцартъ и Бетховенъ покончили (?) съ жизнью помѣшательствомъ“ (стр. 8). Предложивъ поставить въ классную комнату нѣсколько роялей, благодаря чему эта комната „получитъ значеніе коллективнаго преподаванія музыки“ (стр. 16), пожелавъ, затѣмъ, „коллективнаго исполненія упражненій учащимися вдругъ на нѣсколькихъ рояляхъ, въ четыре руки на каждомъ“ (о, Господи!), г. Щевичъ дѣлаетъ изумительное открытіе. Онъ находитъ, что нѣтъ конечнаго предѣла повышенія звуковъ: „эти повышенія звуковъ безконечны въ природѣ вселенной“. Этихъ немногихъ выписокъ, надѣемся, достаточно для того, чтобы обратить на „проектъ“ г. Щевича благосклонное вниманіе охотниковъ до занимательнаго чтенія.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Еще о князѣ В. Вяземскомъ.—Правдивое слово о князѣ В. В. Вяземскомъ.—Новѣйшіе московскіе скорпіоны.† Пастеръ.— † Памяти Н. В. Стасовой.

Еше о кн. Вяземскомъ *).

> «Не могутъ же стать вдругъ твоими друзьями
> Тѣ, кому все твое существо ненарокомъ
> Служитъ тайнымъ и вѣчнымъ упрекомъ!»
> *Гете.*

> «*Мнѣніе* подчинено закону движенія маятника. Только съ теченіемъ времени оно попадаетъ на точку покоя и становится незыблемо.
> *Шопенгауэръ.*

I.

Грустно браться за перо, чтобы отвѣчать г. Меньшикову на его «дознаніе»... Ка̀къ писать, ка́къ говорить, когда желаешь молчать, махнуть рукой на поднятыя пересуды, на некрасивую травлю того, память о комъ дорога, кто давно отошелъ уже въ вѣчность. Вотъ почему хотѣлось бы быть, по крайней мѣрѣ, хоть краткимъ, но, по самому существу дѣла, и это едва-ли удастся...

---

*) Изъ множества заявленій, полученныхъ нами по поводу статьи „Недѣли" о князѣ В. Вяземскомъ, мы выбрали для печати пока только небольшую замѣтку г. В. Корсакова и письмо А. П. Суворовой, проникнутое сердечною искренностью, своимъ горячимъ тономъ возбуждающее къ себѣ довѣріе и уваженіе. Но не предавая гласности прочихъ документовъ, мы считаемъ себя обязанными, однако, сообщить нашимъ читателямъ, что всѣ они имѣютъ приблизительно одно и то-же содержаніе. Въ каждомъ изъ заявленій категорически опровергается все, что въ статьѣ „Недѣли" о кн. В. В. Вяземскомъ увѣренно выставлялось, какъ неопровержимые факты, рисующіе жизнь кн. Вяземскаго въ новомъ и вѣрномъ свѣтѣ. О Вяземскомъ всѣ корреспонденты говорятъ въ тонѣ глубокаго уваженія, какъ о человѣкѣ, выдающемся во всѣхъ отношеніяхъ. Предлагая намъ перепечатать свою обширную статью, появившуюся въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", г. П. Обнинскій обѣщаетъ намъ рядъ самыхъ подробныхъ возраженій въ будущемъ, если, по ходу журнальной полемики, „священная" для него память покойнаго В. Вяземскаго будетъ кѣмъ-нибудь вновь оскорб-

Наступила какая-то вальпургіева ночь съ дикой, непристойной, пляской, затѣянной надъ бѣдной и одинокой могилой... На литературномъ базарѣ циркулируютъ о кн. Вяземскомъ два совершенно противоположныхъ *мнѣнія*: «вопіющая ложь», разсказанная г. г. Мантейфель, Обнинскимъ и мною, т. е. «ложь», заключающаяся въ истинно добромъ отзывѣ о князѣ, и меньшиковская «истина», смѣшивающая покойнаго князя съ грязью. Очевидно г. Меньшиковъ малюя князя, въ сущности намалевалъ злодѣя, и сходство это «до того точно, что становится подозрительнымъ»... Какъ бы то ни было, но мы имѣемъ теперь два портрета князя, совсѣмъ не похожіе другъ на друга. Чтобы разобраться въ этомъ противорѣчіи, необходимо установить *цѣнность* на свидѣтельскія показанія, добытыя авторомъ «дознанія».

II.

Если читатель, просматривая статью г. Меньшикова, задастъ себѣ трудъ сдѣлать подсчетъ отзывамъ о князѣ разныхъ лицъ, то окажется, что наибольшее число показаній, числомъ 11, даетъ «помѣщица г-жа N», 7 отзывовъ дѣлаетъ семья Ульяновыхъ и 7 показаній выпадаетъ на долю «бабки Анны». Что касается остальныхъ лицъ, то они даютъ отъ 1 до 3 отзывовъ о князѣ.

Такимъ образомъ *наибольшее* число показаній принадлежитъ г-жѣ N, Ульяновымъ и отцамъ-священникамъ. Ежели же обратить вниманіе на то, что во многихъ мѣстахъ своей статьи г. Меньшиковъ отмѣчаетъ глухо: «одна помѣщица», «разсказываютъ», «говорятъ» и пр., то по рѣчамъ всѣхъ этихъ анонимовъ мнѣ, какъ лицу знающему «и тѣ края и тѣхъ людей», не трудно было открыть, кто именно эти анонимы. И что же оказывается? Это все тѣ-же г-жа N и Ульяновы... Читаешь г. Мень-

---

лена столь незаслуженнымъ образомъ. Только за недостаткомъ мѣста мы не можемъ воспользоваться любезнымъ предложеніемъ почтеннаго публициста и, не давая перепечатки его горячо написанной статьи, упоминаемъ о ней здѣсь, какъ о документѣ, который вмѣстѣ съ письмами пр. К. Бестужева-Рюмина и А. Мантейфеля, не можетъ не имѣть значенія въ глазахъ безпристрастныхъ судей. Затѣмъ мы получили небольшое письмо отъ г-жи N., т.-е. А. П. Мантейфель, сообщающей, что она передавала автору „Дознанія" разные „смѣшные курьезы", нисколько не обидные по существу для памяти кн. В. Вяземскаго и, во всякомъ случаѣ, совсѣмъ не предназначенные и даже не пригодные для печати. Присланы въ редакцію „Сѣвернаго Вѣстника", кромѣ того, коллективное показаніе крестьянъ села Кудаева, гдѣ жилъ кн. Вяземскій. письмо переплетчика Кузнецова, показаніе крестьянина Ѳедора Гаврилова, письмо отъ учениковъ князя Вяземскаго, Николая Мантейфеля и Валерія Мантейфеля, опроверженіе частнаго землемѣра И. Я. Охочинскаго и нѣкоторыя другія письма. Думаемъ, что печатаніе всѣхъ этихъ документовъ, вызванныхъ *дознаніемъ* „Недѣли" только увеличило-бы черезчуръ разросшуюся житейскую путаницу. произведенную страннымъ, необдуманнымъ поступкомъ „Недѣли". Оригинальная и яркая личность князя В. Вяземскаго могла-бы, повидимому, дать прекрасный матеріалъ для *психологической* характеристики, но для такой характеристики, повидимому, еще не настало время. *Редакція.*

шикова и съ перваго раза удивляешься этой громадной толпѣ свидѣтелей противъ ненавистнаго имъ покойника, а посмотришь попристальнѣе и увидишь, что это все одни и тѣ-же лица... Выходитъ совершенно то же, что въ театрѣ, когда передъ зрителями парадируютъ несмѣтныя полчища воиновъ. Зайдите за сцену и вы увидите, что это не полчище, а ничтожная кучка людей торжественно марширующая кругомъ одной кулисы. Тѣмъ не менѣе эфектъ для театральной публики выходитъ полный, какъ въ данномъ случаѣ и для читателей меньшиковскаго «дознанія».

Вотъ напр., показаніе—по увѣренію г. Меньшикова—«одной помѣщицы»: «Знала какъ-же, 30 лѣтъ знала этого бродягу». Это показываетъ г-жа N. (Я сохраню этотъ анонимъ). Г-жа N мнѣ самому этимъ словомъ «бродяга» называла князя. Тогда же она мнѣ сказала: «написать все можно—бумага терпитъ», что тоже г. Меньшиковъ приписываетъ «одной помѣщицѣ», т. е. какъ будто еще новому свидѣтелю противъ князя. Разсказъ о сѣнѣ, которое было выброшено въ Нару—принадлежитъ Ульянову, хоть автора разсказа г. Меньшиковъ не называетъ. Вопросъ, предложенный «одною помѣщицей» Прокопію, о порчѣ дѣвокъ, поднятъ тою же г-жею N. Разсказъ «одной помѣщицы» о неспособности князя учить дѣтей, о грубомъ обращеніи съ ними—переданъ опять таки г-жею N и пр. пр. Нѣтъ даже никакой нужды страница за страницей слѣдить за показаніями всѣхъ меньшиковскихъ анонимовъ, которые и мнѣ кое-что говорили «съ пѣной у рта», когда прочитали написанный мною біографическій очеркъ. Больше всего, однако, я слышалъ тогда отрицательныхъ отзывовъ о князѣ отъ г-жи N. Отъ нея же я знаю, что думалъ и какъ отзывался о моей статьѣ Ульяновъ. Самъ же я съ Ульяновымъ *никогда* не имѣлъ охоты ни видѣться, ни говорить. Тогда же, при нашей встрѣчѣ въ январѣ 1894 г., г-жа N, между прочимъ, сказала: «повѣрьте, найдется человѣкъ, который напишетъ *намъ* опроверженіе на вашего князя». По странной случайности, этимъ человѣкомъ оказался г. Меньшиковъ. Понятно, я никакъ не ожидалъ, что за такую работу возьмется писатель изъ «Недѣли». Я полагалъ, что «въ распоряженіе» г-жи N и Ульянова будетъ присланъ кто-нибудь изъ сотрудниковъ такихъ изданій, какъ «Моск. Вѣд.», «Гражданинъ», «Русское Слово» и т. п., но вышло иначе. Прикрывая, можетъ быть, изъ вполнѣ естественныхъ побужденій анонимъ г-жи N, авторъ «дознанія» пользуется этимъ довольно удачно для увеличенія числа лицъ, говорящихъ противъ князя. Такъ г. Меньшиковъ пишетъ: «семья г. Мантейфель о князѣ отзывается крайне отрицательно» и ни полусловомъ не обмолвливается, что «помѣщица г-жа N связана съ семьею г. Мантейфеля. Ежели не считать А. П—ча, который дурно о князѣ отзываться не будетъ, то остаются: второй сынъ Валерій, ученикъ и любимецъ князя, никогда о немъ дурно не отзывающійся, малолѣтніе Владиміръ и Петръ и г-жа N. Читатели, не знающіе этихъ подробностей, полагаютъ, что дѣйствительно вся семья

г. Мантейфель неодобрительно отзывается о князѣ, а на повѣрку выходитъ, что неодобрительно отзывается только *одно лицо*, все та же г-жа N.

Подобнымъ-же пріемомъ пользуется г. Меньшиковъ для увеличенія числа голосовъ противъ князя и въ нашей семьѣ. Авторъ говоритъ, что «познакомился съ моимъ отцомъ, хорошо знавшимъ князя, съ моимъ братомъ и *другими*». И сейчасъ-же спѣшитъ прибавить: «всѣ говорятъ о князѣ неблагопріятно и проч.». Кто-же, однако, эти всѣ? Мой отецъ не только не говорилъ, что онъ *хорошо знаетъ* князя, но, напротивъ, сказалъ, что онъ лично не зналъ князя, а потому и отзываться о немъ хорошо или дурно не можетъ. То-же и братъ. Братъ вовсе не зналъ князя и никогда имъ не интересовался, а стало быть не имѣлъ никакого основанія отзываться дурно о князѣ, если не считать основаніемъ то, что онъ могъ слышать отъ г-жи N и Ульяновыхъ. Подъ «другими» надо разумѣть мою нервно-больную сестру, не проронившую ни единаго слова при посѣщеніи Капустина г. Меньшиковымъ и, наконецъ, жену брата, которая едва-ли не въ первый разъ услышала и имя-то Вяземскаго въ день пріѣзда къ намъ г. Меньшикова. Но все это нисколько не смущаетъ автора «дознанія» и, говоря о моихъ семейныхъ, онъ преспокойно заявляетъ: «всѣ говорятъ о князѣ неблагопріятно»...

III.

Почему-же главнымъ образомъ г-жа N и Ульяновы недовольны княземъ? Почему г-жа N купно съ Ульяновыми и отцами-священниками даютъ неодобрительный аттестатъ князю? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, надо знать—кто такая г-жа N и *что такое* Ульяновъ. А для этого неизбѣжно приходится набросать характеристики этихъ двухъ личностей. Г-нъ Меньшиковъ малевалъ портретъ князя главнымъ образомъ на основаніи свидѣтельствъ этихъ двухъ лицъ, а это ставитъ меня въ *необходимость* сорвать маски и съ самихъ свидѣтелей. Это стоитъ мнѣ невѣроятныхъ усилій надъ собой въ особенности по отношенію г-жи N... Ограничусь-же двумя тремя штрихами, сохраняя полное инкогнито этой особы. Г-жа N по самому своему происхожденію тяготѣетъ къ той кастѣ, о представителяхъ которой въ словарѣ Даля исписано нѣсколько страницъ in folio. Эта дама въ достаточной степени истерзана жизнью, съ надтреснутыми нервами. Она естественно находится почти всегда въ какомъ-то приподнятомъ состояніи. Другою я никогда ее не зналъ. Ея взгляды на жизнь и ея задачи никогда не выходили изъ границъ мелочной заботливости объ идеалахъ довольства и дворянскаго благополучія. При такихъ данныхъ уже одна исторія «обдѣлыванія» княземъ чехловъ, «надѣтыхъ къ празднику на мебель», никогда-бы не примирила г-жу N съ княземъ. А тутъ еще князь, не стѣсняясь присутствіемъ г-жи N, не жалѣлъ красокъ въ своихъ безпощадныхъ отзывахъ о нашихъ отцахъ-священникахъ... Какова-же послѣ этого цѣнность показаній г-жи N и возможно-ли имъ довѣрять? Пусть судятъ объ этомъ

сами читатели. Я не буду уже говорить о томъ, на сколько г-жа N была далека отъ пониманія князя. Эта почтенная дама напоминаетъ мнѣ другую не менѣе почтенную жену одного профессора, которая, вскорѣ послѣ смерти Ломоносова, услыхавши однажды въ обществѣ похвалы нашему ученому, вдругъ обратилась къ говорящимъ и спросила: «про какого это вы М. В-ча говорите, ужъ не про Ломоносова-ли?» и, получивши утвердительный отвѣтъ, авторитетно замѣтила: «э, полноте господа: я его очень хорошо знала; это былъ нашъ сосѣдъ. Самый пустой былъ человѣкъ! У него и посуды-то въ домѣ не было: бывало каждое утро къ намъ за кофейникомъ отъ него бѣгали». Только подобною-же мѣркою г-жа N могла измѣрять князя.

Еще меньшую цѣнность имѣютъ на мой взглядъ показанія Ульянова (объ ульяновскихъ «барышняхъ» я и говорить не буду—это «унисоны»), этого второго устоя, на которомъ зиждется добытая г. Меньшиковымъ «истина».

Каюсь, не безъ намѣренія, раньше, я употребилъ выраженіе: *что такое* Ульяновъ? Это вѣдь «не личность», а цѣлое *явленіе* русской пореформенной жизни. Явленіе, отлившееся уже въ совершенно законченный и опредѣленный типъ волостеля-дѣльца, «непремѣннаго» земца, друга и пріятеля каждаго мѣстнаго кабатчика, торговца, фабриканта. Дѣльца то через-чуръ осторожнаго, то безмѣрно храбраго въ своихъ безконечно варьирующихъ хищническихъ авантюрахъ, не чуждыхъ удивительной изобрѣтательности и безцеремонной наглости. Это не типъ грубаго озвѣрѣлаго кулака, нѣтъ, «бери чиномъ выше»! Характеристическая особенность этого рода дѣльцовъ—извѣстный лоскъ, внѣшняя благовоспитанность, если хотите, и необыкновенная почтительность къ власти. Путемъ темныхъ и сложныхъ манипуляцій они опутываютъ окружное населеніе, всюду имѣютъ своихъ сторонниковъ-горлановъ и такимъ образомъ дѣлаются безсмѣнными диктаторами своей волости. Это своего рода мужицкіе Бисмарки, находящіеся au courant всей уѣздной жизни... Крестьянство они считаютъ «быдломъ» и естественнымъ удѣломъ этого «быдла» признаютъ крѣпостное состояніе. На освобожденіе крестьянъ всегда готовы смотрѣть какъ на актъ «Высочайшаго увлеченія» и корректируютъ это увлеченіе необузданнымъ самовольствомъ, подъ охраною законовъ. Любимое ихъ выраженіе: «нонче слабъ народъ сталъ»! И, какъ панацею отъ этой «слабости», рекомендуютъ розги—«лѣсу мало на ваши спины»!.. Знакомый со всею округой, знающій каждаго въ лицо, видящій въ каждомъ карманѣ, всюду рыскающій, все высматривающій, вѣчно соображающій и промышляющій о своихъ личныхъ нуждахъ и пользахъ, облеченный самъ властью и пользующійся довѣріемъ властей выше его стоящихъ, такого рода дѣлецъ есть настоящій бичъ населенія. Оно его трепещетъ и боится пуще всякаго становаго, исправника, земскаго начальника, мимолетомъ наѣзжающихъ въ деревню. Въ глазахъ населенія онъ есть «альфа и омега», первая и послѣдняя инстанція, дальше которой

идти некуда для разрѣшенія всѣхъ тѣхъ безконечныхъ недоразумѣній, которыя такъ обильно и щедро плодитъ жизнь въ безпросвѣтно темной крестьянской средѣ...

Съ подобнаго-то рода дѣльцомъ-волостелемъ, въ свое время, повстрѣчался князь. Разумѣется, они мгновенно стали врагами...

IV.

Теперь этотъ дѣлецъ свидѣтельствуетъ противъ князя! Какую же вѣру можно дать такому свидѣтелю?! Князь насквозь видѣлъ Ульянова. Не стѣсняясь, въ теченіе многихъ лѣтъ, князь доказывалъ и разъяснялъ дѣльцу его зловредность для окружнаго населенія и тѣмъ ковалъ себѣ заклятаго врага. Бывшему военному писарю, солдату николаевскихъ временъ, трудно, конечно, было оппонировать князю. Но тѣмъ хуже... Этотъ писарь былъ все же умница. Онъ нюхомъ чувствовалъ, что усвой онъ хоть частицу понятій князя о томъ, что хорошо и что дурно и, какъ дымъ, разлетятся всѣ его писарскія вожделѣнія, и вотъ злоба и негодованіе противъ князя растутъ, какъ комъ снѣга, скатывающійся съ горы... Ульяновъ никогда не произносилъ имя князя безъ ругательствъ. Всѣ средства были хороши, чтобы унизить этого врага. Меня нисколько бы не удивило, если-бы даже Ульяновъ предъявилъ г. Меньшикову всѣхъ старухъ с. Кудаева и окрестныхъ деревень въ качествѣ бывшихъ жертвъ князя. Сдѣлать это ему не представляло ни малѣйшаго труда. При томъ положеніи, которое занимаетъ среди тамошняго населенія Ульяновъ, ему достаточно-бы было ничтожнаго давленія на старушичьи мозги, и цѣлый хоръ «свидѣтелей» и «свидѣтельницъ» былъ-бы къ его услугамъ.

Но въ той же семьѣ Ульянова, у того же семейнаго очага принципіальнаго ненавистника князя, росъ и возмужалъ родной сынъ Ульянова, Матвѣй Ильичъ, знавшій князя, любившій и понимавшій его. Онъ, очевидно, не раздѣлялъ воззрѣній своего отца...

Матвѣй Ильичъ замѣнилъ временной деревянный крестъ на могилѣ князя крестомъ чугуннымъ и у подножія его выбилъ слова Пушкина:

„Замѣчательные люди проходятъ у насъ безслѣдно—
мы лѣнивы и нелюбопытны".

Обстоятельство это только показываетъ, какъ безпристрастно велось меньшиковское «дознаніе...»

V.

Что сказать о свидѣтеляхъ изъ бывшихъ крестьянъ князя? Всѣ эти лица и до днесь въ сущности «крѣпостные», если уже не Вяземскаго, то Ульянова и г-жи X. Люди эти не воспользовались дарованной имъ свободой. Какъ прежде они ютились около «своихъ господъ», такъ теперь они превратились въ захребетниковъ тѣхъ, кто по своему обще-

ственному положенію могъ имъ замѣнить прежняго владѣльца. Люди, подобные Прокопію, Гаврилѣ, бабкѣ Аннѣ и пр., теперь Ульянову и г-жѣ N говорятъ: «вы наши отцы, мы ваши дѣти», какъ когда-то тоже самое говорили князьямъ Вяземскимъ. Мнѣ не было и 16 лѣтъ, когда я зналъ уже Гаврилу. Еще тогда его новый баринъ рекомендовалъ мнѣ его, какъ «лакея въ душѣ», а Гаврила, не смущаясь ѣдкостью такой рекомендаціи, ухмылялся и хихикалъ, видимо довольный барскою шуткой и милостивымъ вниманіемъ... Гаврила, Прокопій—это Молчалины барской дворни. Полагаю, что изъ угожденія выше ихъ стоящимъ, подобнаго рода люди могутъ давать показанія, какія понадобятся... Въ сноровкѣ и чутьѣ угодливости природа имъ не отказала, и все дѣло въ томъ, въ какомъ тонѣ заговоритъ съ ними «вопрошатель» и «дознаватель» и «кто онъ самъ будетъ». Я съ дѣтства не разрывалъ моей связи съ Серпуховскимъ уѣздомъ и за все это долгое время хотя-бы единый намекъ далъ мнѣ поводъ заподозрить князя хоть въ чемъ-нибудь изъ того, что понадобилось возвести на него г. Меньшикову. Напротивъ, каждый мой пріѣздъ въ тѣ края все больше и больше знакомилъ меня съ выдающеюся личностью князя и заставлялъ вдумываться въ эту богато одаренную натуру, въ это большое, истинно человѣческое сердце. Помимо мотивовъ: угодливости и властнаго давленія на мнѣнія свидѣтелей со стороны, не послѣднюю роль въ ихъ отзывахъ о князѣ играло, вѣроятно, и ихъ полнѣйшее непониманіе личности князя. Эти чудовищно безобразные отзывы бывшихъ дворовыхъ и крѣпостныхъ отчасти напоминаютъ мнѣ замѣчаніе о Даламберѣ его служанки.

Какія-же причины заставляютъ отцовъ-священниковъ неодобрительно отзываться о князѣ? Прежде всего они очень хорошо знали, что князь имъ сильно не симпатизируетъ. Во-вторыхъ, всѣ они съ большимъ решпектомъ относятся къ Ульянову. Нѣтъ сомнѣнія, что тамъ, какъ говорятъ у насъ, «въ волости», въ домѣ Ульянова, въ этомъ болотѣ, откуда выходили всѣ черти противъ князя, отцы выслушивали о немъ цѣлыя притчи, которыя извѣстнымъ образомъ настраивали ихъ воображеніе противъ князя... Наконецъ, кто-же изъ нихъ, теперешнихъ, могъ знать князя—вѣдь это все новые люди, сравнительно очень недавно пріѣхавшіе въ наши края. Г. Меньшиковъ ссылается главнымъ образомъ на благочиннаго отца Ев. Соколова, будто-бы записавшаго много разсказовъ о князѣ, «но когда умеръ князь, священнику стало жаль его, и онъ сжегъ записки о немъ: de mortuo aut bene, aut nihil». Отчего-же отцу благочинному *не было жаль* князя, когда о немъ онъ передавалъ всякій вздоръ г. Меньшикову? Не объясняется-ли это «жалѣю—не жалѣю» отца Соколова тѣмъ «страннымъ пристрастіемъ къ Каткову», которое отмѣчаетъ и самъ г. Меньшиковъ? Не потому-ли же «странному пристрастію» о. Соколовъ именуетъ князя нигилистомъ и революціонеромъ?

Показаніе Кузнецова съ классическою, можно сказать, ссылкою на Илью Агафонова, т. е. того-же Ульянова, весьма характерно. Оно ука-

зываетъ на предварительную «спѣвку» этихъ двухъ лицъ. Хотя у Кузнецова могли быть и старые счеты съ княземъ, не разъ защищавшимъ дѣтей Кузнецова отъ ихъ отца.

Н. В. Воронковъ говоритъ, что его показаніе г. Меньшиковъ исказилъ и какъ-бы умышленно не въ пользу князя. Судя по письму отъ 1 мая 1895 г., полученному мною отъ г. Мантейфеля, отзывъ о князѣ Кирьякова, приводимый въ «дознаніи», тоже искаженъ *).

---

*) Письмо г. Мантейфеля отъ 1-го мая 1895 г. „Сегодня 1-го мая, я вспомнилъ о моемъ вѣчно ушедшемъ другѣ князѣ В., и уйдя въ сосновый боръ (чтобы быть къ нему поближе), я сталъ читать ваши статьи, посвященныя его памяти и... многоуважаемый добрый мой Владиміръ Алексѣевичъ... читая эти теплыя, никогда не остывающія строки, я заливался горькими слезами... какими я ни разу не плакалъ еще со дня кончины князя, этого вѣчно юнаго, не умирающаго старца, друга моей жизни... Я и сейчасъ плачу, хотя и не охотникъ до этого. Вспомнились мнѣ мои юные, студенческіе годы, Грановскій, дѣтскія грезы о всеобщемъ счастьѣ и не разлучно съ ними всей душой моей завладѣлъ чудный образъ князя, который, несмотря на разность нашихъ лѣтъ, всегда умѣлъ дѣлить со мной и восторженныя мечты, и идеалы молодости... Вспомнилъ я, какъ онъ съ упоеніемъ читалъ въ вихровскомъ саду и на берегахъ Нары вдохновенные стихи Пушкина, Гейне, Лермонтова... Какъ я бѣгалъ къ нему въ боръ съ каждымъ удачнымъ переводомъ изъ Гейне и Байрона (Гяура) Онъ такъ все понималъ, такъ любилъ все мірозданіе, начиная отъ далекой звѣзды, отъ пышнаго Оріона и кончая незамѣтной бабочкой, букашкой, червякомъ, ползающимъ въ травѣ, къ которому онъ склонялся съ любовью... Вспомнилъ, какъ онъ посвящалъ меня во всѣ сокровенныя прелести природы и поэзіи... Какъ онъ слышалъ въ звукахъ Моцарта и Шопена тайный откликъ на все занимавшее его, видѣлъ связь, для насъ можетъ быть недоступную, въ мірѣ цвѣтовъ, дремучаго лѣса, въ движеніи планетъ съ созвучіями этихъ вдохновенныхъ піастровъ! Вспомнилось, какъ онъ толковалъ мнѣ о томъ, что музыка есть душа ваянія, оживляющаго недвижныя статуи, которыхъ онъ такъ страстно любилъ! Его даръ—мраморныя Венеру и Юнону—я и теперь храню, какъ святыню въ своей гостиной!

Благодарю васъ глубоко, искренно за эти прекрасныя минуты, за то, что вы какъ будто вернули мнѣ вашими строками моего друга и вырвали у меня хорошія, человѣческія слезы.

Вашъ очеркъ написанъ тепло, благородно, красиво, и главное—онъ воспроизводитъ внутренній, нравственный обликъ князя!

Цѣлую васъ за это, милый Владиміръ Алексѣевичъ. Заключительный аккордъ Обнинскаго трогательно вѣнчаетъ вашу статью-симфонію, вполнѣ достойную *такой* героической личности. Слава вамъ, что вы въ „царствѣ тьмы“ и изнуряющаго всѣхъ эгоизма—высоко подняли свѣточъ дивнаго мужа! Какъ кстати пришлось ваше слово нашему духовно-бѣдному поколѣнію. Словно ударъ колокола въ глухую ночь, напугавшій совъ, филиновъ и сычей.

Если будетъ досугъ и охота, черкните въ Серпуховъ. Весь май я буду странствовать по земскимъ школамъ для экзаменовъ.

Вашъ душевно

А. Мантейфель.

ой черствый хозяинъ Кирьяковъ прочелъ вашу статью, какъ близко знавшій князя въ Серпуховѣ, и въ восторгѣ; хотя и купчина, но искра Божія еще есть. Онъ мнѣ разсказалъ новыя поразительныя вещи о князѣ и его безграничной жалости къ людямъ. Князя онъ (купчина) боготворитъ. И камни даже возопіяли и подвиглись.

Обнинскій говоритъ, что вы мало развили важный пунктъ о неподготовленности русскаго общества для такихъ дѣятелей.

Въ своемъ «дознаніи» г. Меньшиковъ, между прочимъ, говоритъ: «Наконецъ, это бродяжничество князя-Рюриковича показалось зазорнымъ мѣстнымъ дворянамъ». Въ доказательство этого вздора г. Меньшиковъ увѣряетъ, что «предводитель дворянства (кому же не вступиться за дворянъ, какъ не предводителю!), Шнейдеръ, устроилъ князя старшимъ сторожемъ при земской больницѣ».

Нашихъ дворянъ никогда не шокировалъ князь, потому что никто изъ нихъ не зналъ за княземъ тѣхъ гадостей, что разсказываетъ о немъ г. Меньшиковъ. Большинство дворянъ, кто о немъ слышалъ, отзывалось о князѣ, какъ о чудакѣ и оригиналѣ и только. Г. Шнейдеръ никогда не былъ у насъ предводителемъ дворянства, которымъ и по днесь состоитъ г. Рюминъ. А. Ф. Шнейдеръ былъ предсѣдателемъ серпух. земской управы и просилъ только князя присмотрѣть за постройкой больницы, какъ человѣка знающаго и интересующагося. «Г. Шнейдеръ пишетъ авторъ дознанія», *будто-бы* выразился: «надо убрать эту тварь, чтобы по свѣту не бродила». Смѣемъ увѣрить г. Мельникова, что г. Шнейдеръ не выражается такимъ языкомъ.

У такой крупной и оригинальной личности, какимъ былъ князь— враги, конечно, были, но то, что этими врагами двигало, было все такъ лично, мелко и ничтожно... Князь и его жизнь были живымъ укоромъ людской пошлости: это была личность, напоминавшая о чемъ-то другомъ, возвышенномъ, вѣчно дисгармонирующимъ съ людскими эгоистическими вожделѣніями... Но эта же личность пугала людей своею необыкновенною прямотою и искренностью... И враги не жалѣли ничего, чтобы отдѣлаться отъ этого непріятнаго для нихъ человѣка. Имъ онъ обязанъ тѣмъ, что былъ выгнанъ изъ дома своего лучшаго друга...

VI.

Нарисовавъ отвратительный портретъ какого-то злодѣя и объяснивши въ то-же время читателямъ, что это и есть «настоящая» фотографія съ Вяземскаго, г. Меньшиковъ, очевидно, самъ ужаснулся тому, куда завело его усердіе, достойное лучшей участи. Подъ конецъ своей статьи онъ силится ослабить произведенное впечатлѣніе и пишетъ: «Я увѣренъ, что біографы Вяземскаго *безъ злаго умысла* *) исказили дѣйствительный образъ князя. Они старались написать біографію какъ можно лучше — но сами находились подъ господствующимъ теперь въ обществѣ представленіемъ о томъ, *что лучше*. Послѣдніе годы наиболѣе извѣстно ученіе Толстого—оригинальная, увлекательная система *настоящей* жизни; типъ современнаго героя и т. д. Біографы князя Вяземскаго—подъ гипнозомъ моды—безсознательно придали своему герою черты моднаго типа: не бу-

---

Обнинскій сказывалъ, что ваша статья о князѣ въ Казани поразила всю интеллигенцію и прокуроръ Симоновъ просто съ ума сходитъ о князѣ (что не видалъ его). Вы сдѣлали furor тамъ.

*) Курсивъ мой.

дучи писателями, не умѣя описывать точно, біографы подчинялись представленію о князѣ не какимъ онъ былъ, а какимъ долженъ-бы быть. Лѣтъ 20 тому назадъ, при другомъ общественномъ настроеніи, *тѣ же біографы* *) изобразили бы князя революціонеромъ, пошедшимъ въ народъ для пропаганды, деревенскимъ агитаторомъ и пр.».

Г. Меньшиковъ совершенно ошибается. Ни сознательной, ни безсознательной лжи біографы не говорили. Ежели въ моемъ очеркѣ, помѣщенномъ въ «Сѣв. Вѣст.» и есть какія либо неточности, то онѣ вовсе не такого характера, чтобы искажали личность князя—это во-первыхъ, а во-вторыхъ именно почти 20 лѣтъ тому назадъ мною былъ помѣщенъ въ 1877 г. въ «Недѣлѣ» очеркъ «Князь-крестьянинъ» по своей *сущности* совершенно тождественный тому, что я напечаталъ въ «Сѣв. Вѣстн.» въ концѣ прошлаго года. Въ «Князѣ-крестьянинѣ» Вяземскій вовсе не выставляется революціонеромъ и агитаторомъ, хотя 1877 годъ и былъ именно годомъ большаго революціоннаго броженія среди нѣкоторой части нашего общества. Читатели могли-бы увидѣть изъ этого очерка, что князь для меня былъ все тѣмъ-же въ 1877 году, какъ и въ 1894. Но этого мало. Увлеченный личностью князя, его совершенно мирной истинно культурной работой на благо людей, и видя броженіе, которое всѣмъ еще памятно, я остановился на мысли познакомить наше общество и главнымъ образомъ молодежь съ крупною личностью князя. Съ этою цѣлью и былъ напечатанъ «Князь-крестьянинъ». Мнѣ думалось тогда: хорошо-бы было, ежели-бы кто нибудь изъ нашихъ большихъ писателей обратилъ вниманіе на мой слабый очеркъ и, силою своего таланта, развилъ написанное мною о князѣ, раскрылъ-бы молодежи новые горизонты, рекомендуя не «дѣйствіе», а такъ-сказать самодѣйствіе... Я помню, какъ съ моимъ очеркомъ я собирался идти къ Ѳ. М. Достоевскому. Я хотѣлъ съ нимъ переговорить: хотѣлъ просить его взять на себя трудъ написать статью по поводу «Кн. Пряникова» съ указаніемъ для молодежи единственно истиннаго хотя и тернистаго пути къ благу, пути самосовершенствованія въ духѣ самоотверженной любви къ людямъ, на подкладкѣ непрерывной борьбы съ собственными страстями и пр. Я рисовалъ себѣ, какой шумъ произведетъ горячая статья Достоевскаго, которому молодежь уже поклонялась въ то время, жадно прислушивалась къ каждому его слову... Князь Вяземскій, въ моихъ глазахъ, былъ примѣромъ «новой вѣры», какъ я тогда называлъ то будущее движеніе, которое мнѣ хотѣлось видѣть въ нашемъ обществѣ... Я былъ молодъ. Всѣ эти мысли взбудоражили мою голову. Я промечталъ всю ночь, а на утро, проглядывая моего «Князя-крестьянина» я нашелъ его до того слабо написаннымъ, что стыдно было и думать идти съ нимъ къ Достоевскому... Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, но я не переставалъ интересоваться княземъ. Въ 1892 г. князь скончался и я задумалъ напи-

*) Курсивъ мой.

сать его біографическій очеркъ. Ежели я не былъ точенъ—ежели у меня вкрались хронологическія искаженія, о которыхъ, между прочимъ, мнѣ говорилъ и г. Мантейфель, но уже послѣ напечатанія очерка въ «Сѣв. Вѣстн.», то виною тому нѣкоторая спѣшность работы. Да и не въ хронологіи дѣло. Заявленіе г. Меньшикова, что «біографы князя» списали точка въ точку ученіе Толстого въ портретѣ кн. Вяземскаго—совершеннѣйшій вздоръ. Чѣмъ, скажите на милость, Вяземскій, о которомъ писалось въ «Сѣв. Вѣстн.» годъ тому назадъ, отличается—въ своихъ основныхъ чертахъ—отъ «Князя-крестьянина», напечатаннаго въ 1877 г., т. е. 17 лѣтъ тому назадъ, а тогда о нравственно-философскомъ ученіи Л. Н—ча мы еще ничего не знали. Заявленіе г. Меньшикова такая-же нелѣпость, какъ и увѣреніе г. Сементковскаго, что гр. Толстой «списалъ» свое ученіе съ Вяземскаго.

VII.

Статья эта была уже написана, когда я прочелъ «Литературное слѣдствіе» г. Меньшикова въ № 37 «Недѣли». Въ этомъ «слѣдствіи» г. Меньшиковъ дѣлаетъ два дѣла: ругается и невольно расписывается въ своей наивности. Онъ открываетъ, наконецъ, анонимъ г-жи N и совершенно правдиво, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, разсказываетъ, кто были дѣйствительными «слѣдователями» и «дознавателями». Это все-та же неизмѣнная г-жа N и Ульяновы, которые, какъ оказывается, и водили г. Меньшикова по всѣмъ мытарствамъ, чтобы получить «истину»... Какой же приговоръ могъ вынести такой синедріонъ кромѣ меньшиковскаго «дознанія»?! Синедріоны всегда выносятъ такія приговоры — это было извѣстно еще 2000 лѣтъ тому назадъ...

Шумъ поднятый въ литературѣ меньшиковскимъ «дознаніемъ», повидимому, пришелся по вкусу многимъ. Люди вообще склонны радоваться больше опорочиванію своихъ ближнихъ чѣмъ ихъ прославленію.

«Non hatred is by far the longest pleasure».

Старая, печальная истина! Кажется ясно, что человѣкъ, говорящій добро о другомъ, да еще мертвомъ, не можетъ руководиться низостью.

Предложеніе г. Меньшикова отправить въ Серпух. уѣздъ изъ любой редакціи довѣренное лицо для вторичнаго опроса свидѣтелей — замѣчательно наивно. Да развѣ кто не вѣритъ г. Меньшикову, что дама, дѣлецъ и К° говорили именно то, что они говорили? Посылайте хоть 20 разъ, кого хотите, эта «камарилья», сгруппированная около волостнаго старшины, будетъ «гвоздить» одно и то же... Этимъ путемъ не добьетесь непринужденныхъ показаній.

«Время» — вотъ «благородный справедливый человѣкъ». Подождемъ его приговора. Онъ же будетъ и судомъ общественной совѣсти. Это будетъ надежнѣе «дознанія», свидѣтели котораго «соборне» пропѣли такую своеобразную «вѣчную память» надъ могилою своего брата-человѣка..

В. Корсаковъ.

Правдивое слово о князѣ В. В. Вяземскомъ.

Я съ самаго дѣтства помню князя Василія Васильевича Вяземскаго, какъ друга нашей семьи. Молчать, послѣ возмутительной клеветы, взведенной на него «Дознаніемъ» г. Меньшикова, немыслимо. Василій Васильевичъ былъ извѣстенъ всему Серпуховскому уѣзду, какъ рѣдкой души человѣкъ. Состояніе свое онъ роздалъ бѣднымъ и погорѣльцамъ. Если случалось у кого изъ крестьянъ несчастье, каждый бѣжалъ за помощью къ князю. Многіе эксплоатировали его, но онъ, не смотря на то, съ горячимъ участіемъ откликался на каждый призывъ нуждавшагося въ его помощи. Все это онъ совершалъ просто, безъ малѣйшей рисовки. Эстетикъ и художникъ, Вяземскій былъ глубокоразвитымъ и образованнымъ человѣкомъ. Въ его лѣсномъ домикѣ была устроена большая мастерская, въ которой онъ плотничалъ безъ посторонней помощи. Весь свой заработокъ онъ отдавалъ бѣднымъ. Возможно-ли, чтобы въ той мѣстности, гдѣ память о князѣ, какъ о человѣкѣ гуманномъ и отзывчивомъ на все доброе, еще слишкомъ свѣжа, г. Меньшиковъ могъ собрать лишь одни возмущающія общественную совѣсть факты?

Состраданіе къ людямъ есть источникъ всякой нравственности. Это замѣтилъ еще Шопенгауэръ. Это состраданіе къ людскимъ немощамъ яркою чертою проходитъ въ жизни Василія Васильевича. Если-же были въ его молодости какія-либо слабости и уклоненія отъ добраго пути, то позднѣйшая его жизнь, полная стоическаго отреченія отъ личнаго блага, вполнѣ искупила всѣ заблужденія юности. Лишь очень рѣдкія, исключительныя души способны пожертвовать личнымъ счастьемъ для другихъ. Слова: звѣрь, истязатель и прочіе рѣзкіе эпитеты, брошенные г. Меньшиковымъ по адресу покойнаго князя, не даютъ читателю никакого понятія о настоящемъ, истинномъ Василіи Васильевичѣ Вяземскомъ. Тотъ не звѣрь и истязатель, у кого сердце согрѣто любовью къ ближнему, а князя согрѣвала именно такая любовь. Тотъ не звѣрь и не истязатель, кто благоговѣлъ передъ Христомъ, кто любилъ Христа изысканною любовью тонко чувствующей религіозной и эстетической натуры. Я упоминаю все это, какъ о фактахъ, сжившихся со мною съ самаго дѣтства и глубоко запавшихъ въ мою душу. Поэтому, понятно негодованіе родного брата моего, А. П. фонъ-Мантейфеля, въ родовомъ имѣніи котораго, Сельцѣ Вихровѣ, подъ Серпуховомъ, провелъ часть нынѣшняго лѣта г. Меньшиковъ. Ни братъ мой, ни его почтенные сосѣди, хорошо знавшіе покойнаго князя, ничего не подозрѣвали о «Дознаніи» г. Меньшикова.

Бывшій прокуроръ московскаго окружнаго суда, извѣстный публицистъ П. Н. Обнинскій хорошо зналъ кн. Василія Васильевича. Знала его отлично и семья Чебышевыхъ, изъ которыхъ знаменитый математикъ Пафнутій Львовичъ недавно скончался, но живъ его родной братъ,

бывшій военный профессоръ. Владиміръ Львовичъ Чебышевъ. Названныя лица, я искренно въ томъ убѣждена, подтвердятъ каждое слово моего настоящаго письма. Они изстари входили въ кругъ близкихъ знакомыхъ нашей семьи. Грустно издали смотрѣть на нравы, господствующіе въ нѣкоторой части печати. Грустно видѣть легкомысленное, корреспондентское издѣвательство надъ личностью, достойною, безъ всякаго сомнѣнія, самаго серьезнаго изученія. Грустно читать эти развязныя изобличенія съ оттѣнкомъ не литературнаго, а полицейскаго розыска — съ полною готовностью искажать, извращать несомнѣнные факты, Богъ вѣсть ради какихъ цѣлей.

А. П. Суворова.

Новѣйшіе московскіе скорпіоны.

Въ отдѣленіи разслѣдованія направленій русской мысли тонъ уже задаютъ въ настоящее время не «Московскія Вѣдомости» и ихъ былые соратники: онѣ сами служатъ лишь поддержкой нѣкоторыхъ органовъ московской печати иного, довольно замысловатаго типа—«Русскаго Обозрѣнія» и «Русскаго Слова». Эти новѣйшія изданія превосходятъ всѣ, знакомые намъ со временъ Булгарина, образцы помянутаго отдѣленія, не только по цинизму своей откровенности, но и по бездарности, даже просто по дѣтской безтолковости. Эти свои качества, убогая газетка и жалкій журналъ проявили теперь особенно въ «исторіяхъ» съ г-жей А. А. Штевенъ и съ профессоромъ А. С. Трачевскимъ. Изъ ихъ-же *донесеній* явно выходитъ, что оба педагога обычнымъ способомъ скромно дѣлали простое дѣло—обучали народъ: одна своими школами, другой своими лекціями и учебниками. Все это, такъ сказать, вполнѣ цензурно и во вторыхъ изданіяхъ. А теперь, благодаря свѣженькимъ московскимъ «органамъ», снабженнымъ великими глазами и малымъ чутьемъ правды, все это даетъ матеріалъ для страннаго «обвинительнаго акта» и называется «непозволительнымъ балагурствомъ». Такіе, слишкомъ извѣстные труженики, какъ профессоръ Трачевскій и г-жа Штевенъ, могутъ не тревожиться «указаніями» и «предостереженіями» г-дъ Александровыхъ-Шевелевыхъ. Но каждый представитель сколько-нибудь серьезной печати не можетъ не покрыться краской стыда при чтеніи столь явно-лживыхъ и столь грубо-безграмотныхъ извѣстій изъ спеціальнаго отдѣленія въ Москвѣ. Мы, съ своей стороны, считаемъ долгомъ возвысить голосъ негодованія противъ новаго небывалаго униженія печатнаго слова самозванцами *Русскаго Слова*. Совѣсть обязываетъ насъ выставить на позоръ предъ читателями «Сѣвернаго Вѣстника» этихъ писакъ, которые «обвиняютъ» людей за ихъ преклоненіе предъ «поборниками человѣческаго достоинства, гуманности и просвѣщенія» (слова г-жи Штевенъ), предъ «просвѣтительными мѣрами, въ широкомъ смыслѣ новыхъ человѣческихъ началъ въ жизни Россіи» (слова проф. Трачевскаго).

Пастеръ.

Въ 20-хъ годахъ въ маленькомъ домикѣ по улицѣ Кожевниковъ небольшого городка Доль поселился наполеоновскій солдатъ Пастеръ, увѣшанный медалями, но вынужденный добывать себѣ хлѣбъ тяжелымъ ремесломъ кожевника. Всѣ надежды, радости и гордости солдата-кожевника сосредоточивались на маленькомъ сынѣ Луи. Когда Луи было всего два года, солдатъ уже грезилъ о славѣ, о почестяхъ, которыя судьба готовитъ его сыну. Конечно, онъ славу и знатность мѣрилъ по своему, по крестьянски. Когда онъ перебрался въ Арбуа и Луи сталъ посѣщать мѣстный колледжъ, то часто говорилъ своему сыну: «когда ты будешь преподавателемъ въ колледжѣ Арбуа, я буду самымъ счастливымъ человѣкомъ на землѣ». Что-бы почувствовалъ старый солдатъ, если бы онъ увидѣлъ на томъ самомъ маленькомъ домикѣ улицы Кожевниковъ въ Долѣ, гдѣ родился Луи, памятную доску, на которой золотыми буквами написано: «Здѣсь родился Луи Пастеръ 27 сентября 1822 года». Вотъ какой славы достигъ его маленькій Луи!.. Нужно отдать честь старому солдату, что онъ не покладая рукъ работалъ и во всемъ себѣ отказывалъ лишь бы доставить сыну средства для полученія образованія. Этотъ періодъ жизни Пастера прекрасно описанъ его зятемъ Vallery-Radot въ извѣстной книгѣ «L'histoire d'un savant par un ignorant». Сынъ оправдалъ заботы отца и превзошелъ его надежды. Теперь нѣтъ даже такой глухой русской деревни, гдѣ бы не знали если не имени Пастера, то того, что онъ сдѣлалъ для человѣчества. Пастеръ, будучи химикомъ по спеціальности и никогда не покидая своей спеціальности, прослылъ величайшимъ врачемъ и благодѣтелемъ всего рода человѣческаго, по своимъ заслугамъ передъ медицинской наукой. 29 сентября н. с. не стало этого благороднаго человѣка, великаго ученаго и благодѣтеля рода человѣческаго. Французское правительство устроило ему торжественные національные похороны, въ которыхъ принимали участіе всѣ націи. На похоронахъ рѣчь была произнесена министромъ просвѣщенія Пуанкаре, вообще талантливымъ человѣкомъ, прекраснымъ ораторомъ; но на этотъ разъ его рѣчь вышла слишкомъ блѣдной, малосодержательной и неудачно характеризующей Пастера. Дюпюи, бывшій министромъ просвѣщенія, въ 1892 г., на празднованіи семидесятилѣтняго юбилея Пастера, охарактеризовалъ его болѣе удачно. Обращаясь къ Пастеру, Дюпюи сказалъ: «глубокая вѣра въ науку, вѣра апостола поддерживала васъ въ теченіе всей вашей жизни противъ тоски скептицизма и обезсиливающаго разочарованія; вы были вооружены критическимъ умомъ, необходимымъ для всякаго ученаго, но вы не были скептикомъ. Вы были всегда воплощеніемъ убѣжденія, скажу болѣе—вѣры, которая является матерью всѣхъ великихъ мыслей и безсмертныхъ произведеній». Пастеръ на юбилейномъ праздникѣ былъ такъ растроганъ, что не могъ

прочесть приготовленную рѣчь, которая и была прочитана его сыномъ. Въ этой рѣчи Пастеръ говорилъ, обращаясь къ учащейся молодежи: «молодые люди, молодые люди! посвящайте себя методамъ точнымъ и могущественнымъ. Вы всѣ, какова бы ни была ваше карьера, не поддавайтесь позорному и безплодному скептицизму, не разочаровывайтесь въ тѣ несчастныя минуты, которыя бываютъ удѣломъ каждой націи. Живите въ свѣтломъ мірѣ лабораторій и библіотекъ. Прежде всего ставьте себѣ такой вопросъ: что я сдѣлалъ для моего образованія? Потомъ, по мѣрѣ того какъ вы будете подвигаться впередъ, ставьте себѣ второй вопросъ: что я сдѣлалъ для моей страны? И такъ далѣе до того момента, когда вы, быть можетъ, будете имѣть счастливую возможность думать, что вы въ какомъ-либо отношеніи содѣйствовали прогрессу и благу человѣчества». Быть можетъ, эти слова благороднѣйшаго служителя идеи человѣчества будутъ приняты во вниманіе и нашей учащейся молодежью.

Памяти Н. В. Стасовой.

27 сентября скончалась на 74 году отъ рожденія одна изъ самыхъ выдающихся дѣятельницъ на пользу женскаго образованія, Надежда Васильевна Стасова. Несмотря на очень преклонный возрастъ Н. В. Стасовой, смерть ея была совершенной неожиданностью для близкихъ ей людей. Переживъ за послѣдніе годы цѣлый рядъ опасныхъ болѣзней и тяжелую глазную операцію—снятія катаракты, хилая, съ очень слабымъ зрѣніемъ, Стасова до послѣдней минуты жизни была полна энергіи и какой-то ненасытимой жажды дѣятельности. Она умерла внезапно, отправившись по дѣлу и потерявъ сознаніе на улицѣ.

Тридцать лѣтъ тому назадъ, въ эпоху великихъ реформъ и вызванныхъ ими прогрессивныхъ общественныхъ броженій, Н. В. Стасова находилась въ числѣ людей, искавшихъ практическаго осуществленія для идеи женской эмансипаціи. Женское образованіе, среднее и высшее, надлежащая подготовка для женщинъ воспитательницъ и учительницъ, самостоятельный свободный женскій трудъ въ разныхъ сферахъ жизни, въ разныхъ областяхъ общественной дѣятельности—всѣ эти требованія, столь естественныя, столь необходимыя въ интересахъ здоровой культуры, оформливались лишь постепенно, удовлетворялись неохотно. Въ дѣлѣ средняго образованія женщины, въ подготовкѣ женщины къ роли «доброй жены и матери» многое было сдѣлано со стороны государства, при сочувственной поддержкѣ всего общества. Но всѣ начинанія болѣе глубокаго, болѣе радикальнаго характера, связанныя съ передѣлкой основныхъ понятій «святой старины», шли отъ лучшихъ людей общества и, встрѣчая цѣлый рядъ грубыхъ и сильныхъ препятствій, выносились на ихъ плечахъ. Н. В. Стасова, гуманная и энергичная по природѣ, принадлежала къ тѣмъ людямъ, для которыхъ «борьба за право» является неизбѣжнымъ дѣломъ

всей жизни. Живое участіе въ тѣхъ кружкахъ и обществахъ, которыя работали надъ проведеніемъ въ жизнь эмансипаторскихъ идей, составляло для Н. В. Стасовой настоящее душевное удовлетвореніе. Вся ея скромная личная жизнь, согрѣтая только любовью жившихъ вмѣстѣ съ нею братьевъ, изъ которыхъ В. В. Стасовъ, извѣстный художественный критикъ, вызывалъ въ ней восторженное почитаніе, — была наполнена заботами и хлопотами на пользу молодыхъ поколѣній просвѣщеніе которыхъ ей приходилось отстаивать, вмѣстѣ съ другими передовыми людьми, какъ какое-то опасное новшество.

Не приводя въ этой краткой замѣткѣ (сдаваемой нами въ печать въ то время когда въ газетахъ не появилось еще даже объявленія о первыхъ панихидахъ у гроба Н. В. Стасовой), какихъ либо біографическихъ данныхъ, не разсматривая всѣхъ сторонъ ея дѣятельности, мы хотимъ только помянуть благодарнымъ словомъ то, что было сдѣлано Н. В. Стасовой въ качествѣ распорядительницы Высшихъ Женскихъ Курсовъ до временнаго закрытія этихъ Курсовъ въ 1889 г. Положеніе ея въ этой офиціальной роли было тяжелое и моментами даже щекотливое. Молодое учрежденіе, обставленное сравнительно хорошими профессорскими и преподавательскими силами, привлекавшее слушательницъ со всѣхъ концовъ Россіи, жило полною, кипучею, возбужденною жизнью. Толпы учащихся дѣвушекъ, часто не вполнѣ хорошо подготовленныхъ средними учебными заведеніями къ научнымъ занятіямъ, но чуткихъ ко всякимъ погрѣшностямъ руководителей и учителей, нервно отзывавшихся на всѣ общественныя настроенія и вѣянія, представляли взрывчатую стихію, съ которой не легко было совладать людямъ, отвѣтственнымъ за учрежденіе. Съ одной стороны приходилось всячески оберегать самое учрежденіе, еще не прочное, утвержденное только какъ бы въ видѣ пробы, съ другой стороны нельзя было не становиться на сторону молодыхъ, живыхъ, не склонныхъ къ компромиссу умовъ. Въ такомъ положеніи очень часто даже самые мягкіе по природѣ люди, думая быть добросовѣстными исполнителями «ввѣренныхъ имъ обязанностей», надѣваютъ на себя маску начальственной суровости и мало-по-малу входятъ въ роль почти полицейскихъ утѣснителей. Н. В. Стасова, стараясь дѣйствовать на студентокъ умиротворительно, непрестанно убѣждая ихъ отложить всѣ интересы, не связанные съ научными занятіями, до окончанія курса, чтобы не повредить учрежденію, никогда не хотѣла и не умѣла смотрѣть на какія бы то ни было умственныя волненія, какъ на нѣчто зловредное по существу и несовмѣстимое съ прохожденіемъ курса наукъ въ стѣнахъ заведенія. Она была снисходительна, сдержанна и мягка даже тогда, когда ей самой приходилось выслушивать несдержанныя рѣзкости отъ разгорячившихся дѣвушекъ. Чуждая какихъ бы то ни было сословныхъ и національныхъ предразсудковъ, она вѣрила, что просвѣщеніе сотретъ въ молодыхъ душахъ все то, что является продуктомъ общественной некультурности... Были люди, которые упрекали ее за то, что въ своихъ

сношеніяхъ съ молодежью она не была достаточно «тверда». Пусть люди съ иной закваской. съ иными понятіями дѣйствуютъ «тверже»!

Въ 1885 г. пріемъ слушательницъ на Высшіе Женскіе Курсы былъ прекращенъ, а въ 1889 г. зданіе курсовъ временно совсѣмъ опустѣло до возобновленія пріема на курсы. Н. В. Стасова должна была лишиться своей прежней должности, что было для нея тяжелымъ нравственнымъ ударомъ. Людямъ, знавшимъ ее, казалось, что она не переживетъ этой отставки, мѣнявшей весь складъ ея жизни. Но сочувствіе окружающихъ, живая благодарность бывшихъ слушательницъ, наконецъ энергія самой натуры, требовавшей какого бы то ни было дѣла и помогавшей ей находить или создавать его, все это дало ей возможность оправиться. Она стала чаще прежняго хворать, зрѣніе, вслѣдствіе катаракты глазъ, совсѣмъ испортилось. Но она не переставала читать, слѣдить за журналами, переписываться съ безчисленнымъ множествомъ лицъ. Болѣе 200 бывшихъ слушательницъ В. Ж. К. вели съ нею переписку до послѣдняго времени ея жизни и неизмѣнно получали въ отвѣтъ ея письма, эти неровныя строки крупнаго неразборчиваго почерка, писанныя почти ощупью. Участіе въ различныхъ обществахъ, ѣзда въ разные концы города, хлопоты объ утвержденіи однихъ общественныхъ учрежденій, изысканіе средствъ и собираніе пожертвованій для другихъ — все это наполняло ея время попрежнему, хотя въ ея занятіяхъ не было прежняго единства. Еще этимъ лѣтомъ, живя на дачѣ, версты на три отъ желѣзной дороги, она по нѣскольку разъ пріѣзжала въ городъ. «Завтра въ городѣ у меня тяжелый день, сказала она однажды лицу, пишущему этотъ краткій некрологъ. — Утромъ надо быть въ Измайловскомъ полку, въ обществѣ дешевыхъ квартиръ, потомъ въ «Ясляхъ»—на Выборгской, а послѣ обѣда — по Васильевскому Острову въ совѣтѣ общества для отысканія средствъ въ пользу высшихъ женскихъ курсовъ». Она хотѣла во всемъ участвовать и всюду поспѣвала. Въ послѣднее время она принимала живое участіе въ такъ-называемомъ «Женскомъ взаимно-благотворительномъ обществѣ». Для этого, только что утвержденнаго и открывшагося общества. потеря его предсѣдательницы будетъ очень чувствительной. Немногіе изъ его членовъ приступали къ этому начинанію, имѣющему цѣлью свободное общеніе интеллигентныхъ женщинъ на нейтральной почвѣ, съ такими серьезными надеждами, какъ покойная Н. В. Стасова. «Я думаю, говорила она всего мѣсяцъ тому назадъ, что общеніе женщинъ, при свободной баллотировкѣ лицъ, принимающихъ на себя тѣ или другія обязанности въ данномъ обществѣ, будетъ полезной школой для женщинъ. Слишкомъ многого еще имъ не достаетъ. Самообладанія слишкомъ мало, сдержанности, — столько суеты, пустыхъ мелочныхъ препирательствъ... И потомъ — еще не отъучились женщины быть рабами мужчинъ. Во всемъ держатся за нихъ. пугаются, подчиняются... Нехорошо это, очень нехорошо! Много еще работы надъ самою собою предстоитъ женщинѣ. прежде чѣмъ она

добьется своего освобожденія. И многихъ привычекъ имъ не хватаетъ. Можетъ быть наше общество поможетъ имъ оглянуться на себя и пріучить себя кое къ чему, необходимому для общественной дѣятельности». Эти слова энергичной и гуманной женщины, глубоко вѣрящей въ прогрессъ, стоятъ того, чтобы записать и запомнить ихъ.

Имя Н. В. Стасовой должно остаться на всегда въ исторіи женской эмансипаціи,—какъ имя самой безкорыстной и неутомимой дѣятельницы съ благородною и нѣжною душою, съ возвышенною любовью къ свѣту и правдѣ.

Л. Г.

28 сентября 1895 г.

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника» въ теченіе сентября мѣсяца.

Александровъ, А. И. Исторія развитія духовной жизни черной горы. Казань, 1895 г.

Арнольдъ, Ѳ. К. Русскій лѣсъ, т. 1, изд. 2-ое, т. 2 — 3. изд. А. Ф. Маркса. Спб. 91—93 г. Ц. 16 р.

Того-же. Исторія лѣсоводства въ Россіи, Франціи и Германіи, изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1895 г. Ц. 3 р.

Того-же. Курсъ лѣсоводства для лѣсныхъ школъ, изд. 2-ое, изд. А. Ф. Маркса. Спб 1895 г. Ц. 2 р.

Б. А. Выборгъ, Иматра. Спб. 1895 г.

Батюшковъ, Ѳ. Д. Корнелевъ „Садъ". Спб. 1895 г.

Бертенсонъ, Л. Санитарно-врачебное дѣло на горныхъ заводахъ и промыслахъ замосковныхъ и средневолжскаго округовъ, Спб. 1895 г.

Того же. Краткій очеркъ дѣятельности 8-го междунар. конгресса гигіены и демографіи въ Буда-Пештѣ. Спб. 1895 г.

Брюсовъ, Chefs D'oeuvre. Сборникъ стихотвореній. (Осень 1894 г.—Весна 1895 г.). Москва, 1895 г.

Г. Арсеній. Капризъ, повѣсть, изд. 2-ое, изд. Д. И. Ефимова. М. 1896 г. Ц. 1 р.

Гаркуръ, герцогъ. Египетъ и Египтяне, примѣч. и дополн. Н. А. Бобровникова. Казань, 1895 г. Ц. 1 р.

Гатцукъ, А. Календарь крестный на 1896 г. М. 1895 г. Ц. 15 к.

Генкель, Германнъ. Р. Саадія Гаонъ, знаменитый еврейскій ученый X в. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Того-же. Ueber die Möglichkeit eines semitischen Ursprungs des Dithyrambas, Спб. 1895 г.

Gray Charlotte. Значеніе женщины въ борьбѣ съ алкоголизмомъ, пер. Яровицкаго, подъ ред. А. Коровина. М. 1895 г. Ц. 20 к.

Гринченко, Б. Д. Писни та думы, у Чернигови, 1895 г. Ц. 50 к.

Того-же. Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговск. и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ. Вып. 1. Черниговъ. 1895 г.

Того-же. Земскія уѣздныя оцѣнки Черниговск. губ. въ 1893 г.. изд. редакціи Земскаго Сборника Чернвг. губ. Черниговъ. 1895 г. Ц. 50 к.

Гротъ, Н. Я. проф. Устои нравственной жизни и дѣятельности, рѣчь. М. 1895 г. Ц. 30 к.

Гротъ, Я. К. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Данте, Алигьери. Божественная комедія. Чистилище, пер. В. В. Чуйко, съ 72 рисунками франц. художниковъ, изд. В. В. Губинскаго, Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Того-же. Адъ. Ц. 1 р. 25 к.

Даршкевичъ, Л. О. проф. Объ интеллектуальной сферѣ женщины. Публичная рѣчь. М. 1895 г. Ц. 25 к.

Dujardin-Beaumefz, prof. Искусство прописывать рецепты, пер. д-ра В. К. Панченко, изд. Н. П. Петрова. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Зеландъ, Н. Л. д-ръ. Здоровье и счастье. М. 1895 г. Ц. 2 р.

Зелинскій, В. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произвед. И. С. Тургенева, вып. 1—2, изд. 2-ое, М. 1895 г. Ц. выпуска 2 р.

Изданія книжнаго склада П. К. Прянишникова: М. 1895 г.:

№ 31. Бабушка и Алена, разск. А. Купреяновой.

№ 35. Общій и простѣйшій рамочный улей, сост. И. П. Трубниковъ. Ц. 9 к.

№ 37. Добрые люди. разск. П. И. Добротворскаго, Народный календарь за 1896 г. Ц. 20 к.

Изданія „Посредника" М. 1895 г.:

Великодушный Голіафъ, разсказъ Ю. Безродной; **Смерть Шарика,** раз. съ франц. Ц. $1^1/_2$ к.

Кровь, изъ сказокъ Э. Зола, пер. А. Б. Бородиной. Ц. $1^1/_2$ к.

У колодца, разсказъ Лазо-Лазоревича. Ц. $1^1/_2$ к.

Сказка о Богданѣ Царевичѣ и о трехъ подаркахъ чуднаго старца, Ю. Чистяковой-Веръ. Ц. $1^1/_2$ к.

Чья вина? раз. С. Т. Семенова, Ц. $1^1/_2$ к.

Новый свѣтъ, сост. Е. Чижовъ. Ц. 6 к.

Невѣрная жена; Добрая душа; Свѣтлый день, три разсказа изъ французской жизни, для взрослыхъ. Ц. $1^1/_2$ к.

Изданія „Посредника" для интеллиг. читателей:

Къ чему жить, сборникъ произвед. иностранныхъ авторовъ Ц. 70 к.

Въ глухомъ мѣстечкѣ, раз. Н. Наумова и **Макарка,** эскизъ Р. Хинъ. Ц. 35 к.

Проповѣдникъ религіозной терпимости въ XVI в.. проф. И. Лучицкаго. Ц. 30 к.

Іерингъ, Рудольфъ. Борьба за право, пер. О. А. Верта, подъ ред. М. И. Свѣшникова. Спб. 1895 г. Ц. 60 к.

Каптеревъ, П. О. Душевныя свойства женщинъ. публич. лекціи. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.

Каутскій, Карлъ. Очерки и этюды. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кирхнеръ, Фридрихъ. Исторія философіи, пер. В. Д. Вольфсона, съ дополнит. статьей «Русская философія» В. Чуйко, изд. В. И. Губинскаго. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Ковалевскій, Максимъ. Происхожденіе современной демократіи, т. II, изд. К. Т. Солдатенкова, М. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Корелинъ М. С. и кн. С. Трубецкой. Въ память А. М. Иванцова-Платонова, М. 1895 г.

Красницкій, А. Въ туманѣ тысячелѣтія, историч. романъ, изд. книжн. склада журнала «Родина», Спб. 1895 г.

Крафтъ - Эбингъ. Прогрессивный общій параличъ, пер. д-ра Вольтера, изд. книж. маг. П. А. Брейтигама. Харьковъ. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Три кольца, Уральская лѣтопись, изд. О. Н. Поповой. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.

Того-же. Послѣдняя треба, изд. Ал. Ив. Тихомирова, М. 1895 г. Ц. 10 к.

Мартыновъ, Д. П. Какъ въ народн. училищахъ Олонецк. губ. дѣти учатся Богу молиться, читать, писать и считать. Петрозаводскъ, 1895 г. Ц. 10 к.

Маудсли, Генри. Сонъ и сновидѣнія, пер. подъ ред. Л. Е. Оболенскаго, изд. В. И. Губинскаго. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.

Мебіусъ, А. Ф. Астрономія, пер. Л. Г. Малисъ, Спб. 1895 г. Ц. 80 к.

Морозовъ, П. Финляндія въ торгово-промышленномъ отношеніи, изд. М-ва Финансовъ. Спб. 1895 г.

Настольный энциклопедическій словарь, изд. Тов. А. Гранатъ и К°, вып. 106—110, М. 1895 г. вып. 106 и 107. Ц. 30 к., вып. 8-го, 9-го, 10-го. Ц. 40 к.

Общедоступная библіотека, изд. Г. М. Пекоторесъ, серіи II—Человѣкъ.

№ 1. Человѣческія расы. Народы Африки, подъ ред. Г. М. Пекоторесъ. Одесса. 1895 г. Ц. 25 к.

Острогорскій, Викторъ. Изъ исторіи моего учительства, изд. О Н. Поповой. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Отчетъ по операціямъ Полтавскаго сельско-хоз. общ. и денежный отчетъ опытнаго поля за 1894 г. Полтава, 1895 г.

Палонеженцевъ Н. И. Народное образованіе въ г. Ялуторовскѣ, Тобольской губ., ч. 2. Тобольскъ, 1895 г.

Пергаментъ, О. Путевые очерки. Одесса. 1895 г. Ц. 60 к.

Переводчикова. А. В. Осенніе мотивы, стихотворенія. Саратовъ. 1895 г. Ц. 25 к.

Петровъ, Н. В. Какъ кормить и поить пчелъ, изд. К. И. Тихомирова. М. 1895 г. Ц. 35 к.

Того-же. Инвентарь американскаго пчеловодства, изд. К. И. Тихомирова. М. 1895 г. Ц. 40 к.

Покровскій, П. А. Сравнительное изученіе санитарной и медиц. наукъ въ вопросѣ о боевой силѣ арміи. Ковна. 1895 г.

Полезная библіотека, изд. П. П. Сойкина. Астрономъ-любитель, сост. З. Предтеченскій. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.

Ределинъ, Марія. Домъ и хозяйство, т. 2, изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1895 г. Ц. 4 р.

Рудневъ, Л. О духовныхъ завѣщаніяхъ по русскому гражданскому праву въ историч. развитіи. Кіевъ, 1895 г.

Руководство къ устройству безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ, изд. Харьковскаго календаря, Харьковъ. 1895 г. Ц. 20 к.

Русскіе символисты. Лѣто. 1895 г. Москва. 1895 г.

Русскій сельскій календарь, за 1896 г. подъ ред. И. Горбунова-Посадова. М. 1895 г. Ц. 20 к.

Сеиронъ, Анна. Шесть лѣтъ въ домѣ графа Л. Н. Толстого. пер. А. Сергіевскаго. Спб. 1895 г. Ц. 60 к.

Селли, Джемсъ. Геніальность и помѣшательство, пер. подъ ред. Л. Е. Оболенскаго. изд. В. И. Губинскаго. Спб. 1895 г. Ц. 15 к.

Сервантесъ, М. Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій, т. I—II. Съ портретомъ Сервантеса и 36-ю картинами Густава Доре. Ц. 3 р. М. 1895 г.

Смайльсъ, С. Характеръ, пер. С. Майковой, изд. 7-ое, изд. В. И. Губинскаго. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Того-же. Самообразованіе, съ дополнит. статьей «Русскіе дѣятели», пер. В. Вольфсона, изд. В. И. Губинскаго. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Того-же. Бережливость, пер. Е. Сысоевой, изд. 2-е, изд. В. И. Губинскаго. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Ступинъ, А. Д. Современный календарь на 1896 г. М. 1895 г. Ц. 15 к.

Тардъ, Г. Сущность искусства, подъ ред. и съ предисл. Л. Е. Оболенскаго, изд. В. И. Губинскаго. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.

Тиховъ, А. Очерки по греческой литературѣ, вып. 1-ый. Черниговъ. 1895 г. Ц. 45 к.

Трачевскій, А. проф. Русская исторія, ч. 2-я, изд. К. Л. Риккера. Спб. 1895 г. Ц. за двѣ части 8 р.

Фирсовъ, П. Опытъ элементарной алгебры въ связи съ логикой. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Флугъ, К. О возстановленіи металлич. обращенія. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Фулье, Альфредъ. Страданіе и удовольствіе и о выраженіи душевныхъ движеній, пер. подъ ред. Л. Е. Оболенскаго, изд. В. И. Губинскаго, Спб. 1895 г. Ц. 25 к.

Фэйе, Г. Происхожденіе міра, съ дополненіемъ космогонической гипотезы К. Вольфа, 2-ое изд., изд. В. И. Губинскаго. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.

Харузинъ, Н. Н. Очеркъ исторіи развитія жилища у финновъ. М. 1895 г.

Харьковскій сборникъ. Литературно-научное прилож къ «Харьк. календарю на 1895 г.», подъ ред. В. В. Иванова, изд. Харьк. губ. статистич. комитета, вып. 9-й. Харьковъ, 1895 г. Ц. 60 к.

Холодовъ, И. Я. Мысли и сопоставленія по поводу современнаго понятія о любви. М. 1896 г. Ц. 10 к.

Черновъ, А. М. Набросокъ соображеній изъ волостной юстиціи. Гжатскъ, 1895 г. Ц. 1 р.

Шевченко-Красногорскій, И. По Волгѣ и Каспію, путевые наброски. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.

Г. Шерръ. Всеобщая исторія литературы, вып. № 1, изд. Д. В. Байкова, перев. съ нѣмецк. подъ ред. П. И. Вейнберга.

Шмурло, Е. Востокъ и западъ въ русск. исторіи, публич. лекція, Юрьевъ, 1895 г.

Шопенгауэръ, Артуръ. Лучи свѣта его философіи, извлечено изъ полнаго собр. твореній Ш-ра Юліусомъ Фраценштедтомъ, съ прилож. статьи «О воспитаніи», пер Н Н. Маракуева, 2-е изд. В. И. Губинскаго, Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Ѳ. Шпернъ, О страхѣ смерти и принципѣ жизни. Спб. 1895 г. Ц. 20 к.

Штрюмпель, къ вопросу объ алькоголѣ съ врачеб. точки зрѣнія *Smith* какое положеніе должны мы, врачи, занимать въ вопросѣ объ алькоголѣ. М. 1895 г.

Энгельсъ, Фридрихъ. Происхожденіе семьи, частной собственности и государства, изд. 3-ье, Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Юдыцкій, І. Горючія ископаемыя, изд. 2-е, изд. Ф. В. Щепанскаго, Спб 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Юридическая Библіотека, изд. Я. Канторовича. Спб. 1895 г.

№ 5. Преступность и преступники Дмитрія Дриль. Ц. 1 р. 20 к.

№ 6. Шекспиръ съ точки зрѣнія права (Шейлокъ и Гомистъ) проф. І. Колера, (пер. съ нѣмецкаго). Ц. 1 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ИЗДАНІЯ

книжнаго магазина К. И. Тихомирова.

Москва, Кузнецкій мостъ.

Архангельскій, С О русскихъ гражданскихъ законахъ. Бесѣды сельскаго ходока съ крестьянами о гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ. 1895 г. Ц. 20 к.

Богдановъ Мод. Профессоръ. Разсказы о птицахъ. Для юношества. 1895 г. Ц. 75.

Учен. Ком. М. Н. Просв. одобрена для ученическихъ библ. сред. учебн. завед. Министерства

Блиновъ Н. Священ. Земская служба. Общедоступныя бесѣды гласнаго-крестьянина о земскихъ дѣлахъ. Изд. 2. Ц. 50 к.

Его-же. Сельская общественная служба, бесѣды старосты-крестьянина. Изд. 3-е. 1894 г. Ц. 50 к.

Книга эта удостоена золотой медали.—премія графа П. Д. Киселева при Мин. Госуд. Имущ.

Барышниковъ П. Жизнь С. Т. Аксакова Ц. 15 к.

Учебн. Ком. при Св. Синодѣ допуще. въ ученич. библ. духовн. семин. и женск. епарх. учил.

Его же. Жизнь А. В. Кольцова Ц. 25 к.

Главн. Упр. Военно учебн. завед. признана заслуживающей рекомендаціи для библ. старшихъ ротъ кадетскихъ корпусовъ.

Владиславлевъ В. Протоіерей. Изъ быта крестьянъ. Разсказъ для крестьянъ и для крестьянскихъ школъ. Изд. 4-ое. 1895 г. Ц. 50 к

Особ. Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрена для библ. народн. училищъ и для публичныхъ народн. чтеній и Учил. Совѣтомъ при Свят. Синодѣ допущена въ учит. библ. церковно приход. школъ.

Глаголевъ, А. Н. Элементарная геометрія и собраніе геометрическихъ задачъ. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. одобрена какъ руководство для гимназій и реальныхъ училищъ.

Гурфинкель, Л. М. Д-ръ. Дитя и уходъ за нимъ. Популярная гигіена для матерей. 1895 г. Ц. 1 р.

Грузинцевъ К. Жизнь и труды Н. М. Карамзина. Народное чтеніе съ портретомъ Карамзина. Ц. 15 к.

Одобрено Мин. Народ. Просв. для школьныхъ библ.

Дмитріевъ, К. Ошибки въ нашемъ хлѣбопашествѣ и чѣмъ ихъ поправить. Съ рисунк Изд. 2-е. 1895 г. Ц. 8 к.

Ельницкій, К.—Характеристики дѣвочекъ. Для посвятившихъ себя учительской или воспитательной дѣятельности и для подготовляющихся къ этой дѣятельности. Изд. 2-е. 1895 г. Ц. 75 к,

Рекомендовано Главн. Управл. военноучебн. завед. для фундам. библ. кадет. корпус. и военн. школъ. Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. и Учебн. Ком. Собствен. Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Ивановъ. Подарокъ. Книга для дѣтскаго чтенія. Ц. 1 р.

Кельнеръ, Л. Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи. Переводъ съ нѣмецкаго О. Масловой, подъ редакціей Н. Горбова. Съ портретомъ Кельнера, очеркомъ его жизни и примѣчаніями. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кеминъ Ѳ. Колдунъ. Разсказъ изъ народнаго быта. Быль 1894 г. Ц. 15 к.

Коропчевскій, Д. А. Разсказы про дикаго человѣка. Съ политепажами въ текстѣ. Для школьныхъ библіотекъ. Изд. 3-е. Ц. 2 р. 25 к. 1895 г.

Учен. Ком. Мин. Нар Просв. одобрено для ученич. библ. городск. училищъ и средн учебн. завед. мужск. и женск.

Кравчинскій Д. О хозяйствѣ въ лѣсахъ. Изд. 2-е 1895 г. Ц. 25 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. рекомендовано для ученич. библ. сред. мужск. учебн. завед. и для учител. библ. низш. учебн. завед.

Кругловъ А. И. Изъ золотого дѣтства. Повѣсть для дѣтей; въ 2-хъ частяхъ. Ц. въ папкѣ 1 руб.

Его-же. Иванъ Ивановичъ и К°. Повѣсть для дѣтей, съ рисун. Изд. 3-е. Ц. 80 к.

Линдеманъ, К. Э. Профессоръ. О завяланіи зеленей, вслѣдствіи пораженія ихъ насѣкомыми и мѣры истребленія послѣднихъ. Съ рисун. Изд. 2-е. 1895 г. Ц. 10 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ Отдѣл. по техн. и профессіон. образов. одобрена для библ. народн. училищъ.

Его-же. Саранча и мѣры ея истребленія. Съ рисун. Изд. 2-е. 1895 г. Ц. 12 к.

Отдѣл. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. по технич. и профессіон. образов. одобрена для библ. начальн. школъ.

Его-же. Насѣкомые плодовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустовъ и мѣры истребленія ихъ. Съ 23 рисун. Изд. 2-е. 1895 г. Ц. 15 к.

Отдѣл. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. по технич. и профессіональн. образов. одобрена для библ. нач. школъ.

Его-же. О филоксерѣ и другихъ главнѣйшихъ врагахъ винограда и о мѣрахъ истребленія ихъ. Съ 21 рис. 1895 г. Ц. 20 к.

Его-же. О насѣкомыхъ, вредящихъ лѣсамъ, и мѣры ихъ истребленія. Съ 39 рис. 1895 г. Ц. 40 к.

Его же. О насѣкомыхъ, вредящихъ домашнимъ животнымъ и пчеламъ, и мѣры ихъ истребленія. Съ 8 рис. 1895 г. Ц. 10 к.

Его-же. Гессенская муха. (Монографія). Съ 17 рис. 1895 г. Ц. 60 к.

Макарова С. Отголоски старины. Прекраса. Историческій разсказъ. Ц. 40 к.

Михайловъ, А. А. Учебникъ ариѳметики для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 4-е. 1895 г. Ц. 50 к.

Учебн. Ком. при Собств. Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи одобренъ въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ завед. вѣдомства.

Михѣевъ В. Присяжный засѣдатель. Разсказъ. Ц. 5 к.

Мурашкинцевъ, Н. А. Ветеринарія въ примѣненіи къ сельскому хозяйству. I. Общія понятія о заразныхъ болѣзняхъ животныхъ.—Чума рогатаго скота, съ рис. 1895 г. Ц. 6 к.

Назаровъ Г. Я. Кожевенное дѣло. Выдѣлка овчинъ. Съ 18 рис. 1895 г. Ц. 10 к.

Нелидова. Дѣвочка Лида. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Овчинниковъ М. В. Первые христіане на Руси. Ц. 10 к.

Петровъ Н. В. Какъ кормить и поить пчелъ. Съ 18 рис. 1895 г. Ц. 35 к.

Его-же. Инвентарь американскаго пчеловодства. Съ 91 рис. 1895 г. Ц. 40 к.

Потѣхинъ А. А. Крестьянскія дѣти. Повѣсть для дѣтей, съ картинками. Изд. 3-е. Ц. въ бумажкѣ 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к.

Преображенскій, П. В. Приватъ-доцентъ Моск. Универ. Краткая тригонометрія съ таблицами для вычисленія безъ логариѳмовъ и съ таблицами упрощеннаго умноженія и дѣленія. 1895 г. Ц. 40 к.

Его-же. Учебникъ физики. Выпускъ I, механическая часть физики. 1895 г. Ц. 60 к.

Ростовская М. Четыре времени года. Разсказъ изъ деревенскаго быта. Съ рисун. Ц. въ папкѣ 1 р.

Русскія народныя сказки, собранныя учителями Тульской губ., подъ редакціей Эрлейвейна. Ц., въ папкѣ 1 р.

Ростовцевъ, П. В. Промышленыя растенія:

I. Мята, анисъ и тминъ. 1895 г. Ц. 10 к.
II. Цикорій. 1895 г. Ц. 4 к.

Селивановскій И. Деревенскія невзгоды. Зяблый годъ. Наводненіе. Градобой. Червобой Пожаръ. 1895 г. Ц. 10 к.

Его-же. Сельскохозяйственные разсказы: Антонъ огуречникъ. Ловкій косарь. Догадливый пахарь. Зола хорошее удобреніе. 1895 г. Ц. 8 к.

Его-же. Куроводка Марья. Разсказъ о крестьянкѣ Марьѣ какъ она хорошихъ и носкихъ куръ развела. 1895 г. Ц. 5 к.

Его-же. Изъ деревни: Какъ я устроилъ несгараемый овинъ. Старый Луговикъ. 1895 г. Ц. 3 к.

Его-же. Ночь на Рождество. 1895 г. Ц. 50 к.

Снегиревъ Л. Ѳ. Жизнь и смерть Сократа, разсказанныя Ксенофонтомъ и Платономъ. Съ 3 рис. 1895 г. Ц. 60 к.

Семеновичъ Д. Рождественская елка въ живыхъ картинахъ, сценахъ, пѣсняхъ и играхъ. съ рисунками и нотами. Ц. въ папкѣ 50 к.

Терешкевичъ А. А. Дядя Чернышъ. Разсказъ для дѣтей. Ц. 60 к.

Хитровъ М. Евстаѳій. Плакида. Повѣсть изъ исторіи христіанской церкви конца I-го и начала II-го столѣтій. Съ рис. Ц. 50 к.

Его же. Герои вѣры. (Изъ временъ Аврелія). Ц. 15. к.

Его же. Ученье свѣтъ. Ц. 10 к.

Его же. Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ. Ц. 10.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрена, согласно заключенію Учебн. Ком. при Св. Синодѣ, для произношенія въ народныхъ аудиторіяхъ.

Шмидтъ О. И. Русалочки. Разсказъ для дѣтей. Изд. 2-е. Ц. 50 к.

Его же. Потерянный клубокъ. Разсказъ для дѣтей. Изд. 2-е. Ц. 40 к.

Книжный магазинъ К. И. Тихомирова исполняетъ заказы по высылкѣ всѣхъ имѣющихся въ продажѣ книгъ и учебныхъ пособій.

При книжномъ магазинѣ К. И. Тихомирова — отдѣленія конторъ журналовъ: „Сѣверный Вѣстникъ“, „Русская Школа“, „Церковно-Приходская Школа“ и „Деревня“. Подписка и объявленія принимаются по цѣнамъ редакцій.

Т. Гагенъ ф. Москва.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно. При заказахъ просимъ упомянуть настоящій журналъ.